THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

№ 665

МАЙ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

A P50
.M67
v. 12
no. 5

Дозволено цензурою 28-го апрѣля 1903 года. С.-Петербургъ.

Съ 1-го января 1903 года въ контору журнала „Міръ Божій“ (Разъѣзжая, 7)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО

въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительной статьей **Н. К. Михайловскаго.** Изданіе Ф. Ѳ. Павленкова 1897 и 1898 гг. Цѣна каждаго тома **1 р. 50 к. Уступка 50%.** Пересылка на счетъ покупателей—посылкой или бандеролью.

ТРЕТІЙ ТОМЪ ВЕСЬ РАЗОШЕЛСЯ.

Новыя книги изданія журнала „Міръ Божій“.

П. МИЛЮКОВЪ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ второй. Цѣна 1 руб.

М. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. (Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, историческая школа, катедеръ-соціалисты, австрійская школа, Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, Родбертусъ, Марксъ). Съ приложеніемъ 10-ти портретовъ наиболѣе выдающихся экономистовъ. Цѣна 2 рубля.

НОВАЯ КНИГА.

А. И. КУПРИНЪ. Разсказы. Томъ I. Изд. т-ва „Знаніе“. Цѣна **1** руб.

Складъ изданія: С.-Петербургъ. К-ра т-ва „Знанія“, Невскій пр., 92, и к-ра журнала „Міръ Божій“. Подписчики журнала „Міръ Божій“, выписывающіе черезъ контору редакціи, за пересылку не платятъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія сочиненія

А. АННЕНСКОЙ:

ЗИМНІЕ ВЕЧЕРА.

Разсказы для дѣтей. Изд. 5-ое. Ц. 2 р. 1902 г.

АННА.

Романъ для дѣтей. Изд. 4-ое. Ц. 50 к. 1903 г.

МОИ ДВѢ ПЛЕМЯННИЦЫ.

Разсказы для дѣтей. Изд. 2-ое. Ц. 50 к. 1901 г.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-ое. Ц. 50 к. 1902 г.

МАЛЕНЬКІЙ ОБОРВЫШЪ.

Передѣлка ром. Гринвуда. Изд. 4-ое. Цѣна 1 р. 1901 г.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ

и его путешествія. Съ портретомъ и рисунками. Ц. 1 р. 1900 г.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ.

Изд. 5-ое. Ц. 2 р. 1901 г.

СВѢТЪ И ТѢНИ.

Новый сборникъ разсказовъ. Ц. 1 р. 50 коп. 1903 г.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

Н. В. ГОГОЛЬ 1829—1842.

Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы.

Цѣна 2 руб.

Подписчики «Міра Божія» за пересылку не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки, **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится **4 рубля** и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ **8 книгъ**; затѣмъ уплачивается по **3 рубля** при выдачѣ **I** и **II** книгъ; по **2 рубля** при выдачѣ **III, IV, V, VI** и **VII** книгъ, а **VIII** книга будетъ выдана безплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ **25 руб.** и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по **3 руб. 50 к.**, 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по **4 рубля**, 3-я книга **2 р. 50 к.** и 8-я **4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича** въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ предлагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ такъ:

ВЪ ПЕРВУЮ КНИГУ войдутъ томы **I-й, II-й** и **III-й**, содержащіе въ себѣ: *I-й томъ:* Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Ру-

си.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Ѳеодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ. *II-й томъ:* Иванъ Свирговскій, украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго. -Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». *III-й томъ:* Куликовская битва.—Ливонская война.—Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. (Подготовка церковной уніи.—Бунтъ Косинскаго и Наливайки.—Унія).—Литовская народная поэзія.—Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

ВО ВТОРУЮ КНИГУ войдутъ томы **IV-й, V-й** и **VI-й,** составляющіе монографію «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія».

ВЪ ТРЕТЬЮ КНИГУ войдутъ томы **VII-й** и **VIII-й,** состовляющіе монографію «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки).

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ войдутъ томы **IX-й, X-й** и **XI-й,** составляющіе монографію «Богданъ Хмельницкій».

ВЪ ПЯТУЮ КНИГУ войдутъ томы **XII-й, XIII-й** и **XIV-й,** содержащіе въ себѣ: *XII-й томъ:* Начало единодержавія въ древней Руси.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Исторія раскола у раскольниковъ.—Воспоминаніе о молоканахъ. *XIII-й томъ:* Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ.—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія.—Личности смутнаго времени.—Кто виноватъ въ смутномъ времени?—Великорусская народная пѣсенная поэзія. *XIV-й томъ:* Аѳанасій Филипповичъ.—Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени.—Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты.—О казакахъ.—Царевичъ Алексѣй Петровичъ.—Павелъ Полуботокъ.—Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица.—Самодержавный отрокъ.

ВЪ ШЕСТУЮ КНИГУ войдутъ томы **XV-й** и **XVI-й,** содержащіе въ себѣ: *XV-й томъ:* «Руина». Историческая монографія. 1663—1687 гг. (Гетманство Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича). *XVI-й томъ:* Мазепа и мазепинцы.

ВЪ СЕДЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы **XVII-й** и **XVIII-й,** составляющіе монографію подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и

ВЪ ВОСЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы **XIX-й, XX-й** и **XXI-й,** содержащіе въ себѣ: *XIX-й томъ:* Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Старинные земскіе соборы. *XX-й томъ:* Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *XXI-й томъ:* Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ «ИДЕАЛИСТКИ». **Х. Г. Инсарова.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ. **А. Лукьянова.** 20
3. ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока. **Тана.** 21
4. ЭМИЛЬ ЗОЛА. **Евгенія Аничкова.** 49
5. СТИХОТВОРЕНІЯ. I и II. **П—вой.**—ЧАЙКИ. **Сергѣя Маковскаго.** 69
6. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. IV. Политическій строй кіевской Руси. **Н. Рожкова.** 72
7. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** Переводъ съ нѣмецкаго. (Продолженіе). **Л. Горбуновой.** 106
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. Ѳедорова.** 139
9. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ Часть I. **И. Потапенки.** 140
10. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. Разсказъ (Окончаніе) **Вацлава Сѣрошевскаго.** 177
11. ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ. Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.** Перев. съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе). 211
12. БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ. (Окончаніе). Д-ра **Льва Шейниса.** 243
13. ВЪ КОНСУЛЬТАЦІИ. (Очеркъ). **А. Яблоновскаго.** . . . 255
14. СТИХОТВОРЕНІЕ. НОКТЮРНЪ. (Изъ Ришпена). **Ев. Дегена.** 276

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Студенты въ Москвѣ» г. П. Иванова.—Интересныя данныя о матеріальномъ положеніи студенчества.—Долгъ общества по отношенію къ молодежи.—«Интеллигенція и народъ» г. Смирягина.—Пессимизмъ г. Смирягина и безсилье реакціонной мысли. – «Думы журналиста» г. Лемке.—Его проектъ договорныхъ отношеній редакціи и издателей. **А. Б.** 1

стр.
16. ОТМѢНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ. **Ник. Іорданскаго.** . . . 12
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Антиеврейскіе безпорядки въ Кишиневѣ.—Крючники и рабочіе на р. Волгѣ.—Чтенія для заключенныхъ.—Своеобразные просвѣтители.—Исторія одной газеты.—Владимірскіе офени.—За мѣсяцъ. 22
18. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русское Богатство»—мартъ; «Русская Мысль»—мартъ; «Русская Старина»—апрѣль). . . . 40
19. **За границей.** Негры въ Соединенныхъ Штатахъ.—Будущее американской расы.—Въ Англіи.—Коммиссія Мозелли.—Албанцы и ихъ литература.—Германскія женщины и выборы въ рейхстагъ.—Броженіе въ южно-американскихъ республикахъ.—Рѣдкое явленіе. 51
20. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Душа хирурга.—Реакція противъ имперіализма въ Англіи.—Взаимныя отношенія балканскихъ народностей. 63
21. ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ. (Письмо первое). **В. В. Корсакова.** 68
22. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. **В. Агафонова.** 73
23. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва. 87
24. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 118

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

25. ІЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Продолженіе). 121
26. ЗЕМНАЯ КОРА. Проф. **Карла Запперъ.** Съ многочислен. рис. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **В. К. Агафонова.** (Продолженіе). 121
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ „ИДЕАЛИСТКИ“.

I.

Рѣдко приходится встрѣчать людей, которые въ теченіе своей жизни такъ широко и разнообразно были знакомы съ знаменитыми людьми политическаго, философскаго, артистическаго и литературнаго міра, какъ Мальвида фонъ-Мейзенбугъ. Въ періодъ своей лондонской жизни она познакомилась съ Герценомъ, Мадзини, Сафи, она знала также Гарибальди, Орсини, Луи-Блана, Кошута, Ледрю Ролена и другихъ вожаковъ-эмигрантовъ европейской демократіи. Позже, переѣхавъ на континентъ, она сошлась близко съ Вагнеромъ и Ницше, также познакомилась съ Ренаномъ и Мишле. Вотъ почему мемуары Мейзенбугъ, гдѣ на ряду съ воспоминаніями автора, напечатано нѣсколько интересныхъ писемъ—главнымъ образомъ, письма Герцена и Мадзини, а также характерныя замѣтки по поводу тогдашняго европейскаго общества, представляютъ глубокій интересъ для всякаго читателя, интересующагося жизнью и психологіею великихъ людей. Легкость, изящество стиля, тонкая наблюдательность и чуткость, которыми проникнуты записки Мейзенбугъ, увеличиваютъ интересъ къ нимъ и говорятъ о ней, какъ о выдающейся художницѣ.

Мемуары Мейзенбугъ вышли на нѣмецкомъ языкѣ еще въ семидесятыхъ годахъ, но два года тому назадъ они были нѣсколько исправлены и переведены на французскій языкъ съ предисловіемъ Габріеля Моно—зять Герцена **).

Но прежде чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ г жи Мейзенбугъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ. Личность г-жи Мейзенбугъ представляетъ интересъ какъ сама по себѣ, такъ и съ точки зрѣнія исторіи развитія нѣмецкой женщины вообще. Юность ея переноситъ насъ ко времени сороковыхъ годовъ, когда либеральное движеніе проникло въ слой самой нѣмецкой аристократіи и повело за собою фатальный разладъ «отцовъ» и «дѣтей». Мальвида фонъ-Мей-

*) Она тоже авторъ одного романа «Phoedra», вышедшаго на нѣмецкомъ языкѣ въ 1885 г. и многихъ разсказовъ.

**) „Mémoires d'une idealiste par Malvida M.“.

зенбугъ покинула родной кровъ, чтобы завоевать себѣ независимое положеніе. Быть самостоятельной, самой отвѣчать за себя, казалось ей необходимымъ условіемъ для развитія личности. Но нужно было имѣть силу характера, духовную устойчивость и смѣлость, чтобы порвать съ обстановкою, въ которой воспиталась Мальвида Мейзенбугъ. Она была дочерью министра гессенъ-кассельскаго владѣтеля, выросла при дворѣ во всей роскоши великосвѣтскаго общества. Мейзенбугъ называетъ себя «идеалисткой», и, дѣйствительно, ея воспоминанія, являющіяся въ то же время и ея автобіографіею, рисуютъ ее намъ, какъ женщину съ широкими духовными запросами. Она является натурою по преимуществу спокойной, уравновѣшенной, но созерцательной. Она поглощена своею внутреннею жизнью, ищетъ постоянно «самый лучшій идеалъ», стремясь къ которому человѣческая личность можетъ достигнуть своего полнаго совершенства. Но прежде чѣмъ остановиться на этой цѣли, Мейзенбугъ пережила глубокую внутреннюю борьбу, какую переживаютъ сильныя, богато одаренныя натуры, склонныя къ самосозерцанію. «Двѣ писательницы,—говоритъ она,—оказали сильное вліяніе на мою молодость: Беттина фонъ Арнимъ и Рахель. Мнѣ нравился больше серьезный и философскій духъ Рахель Фарнгагенъ, чтеніе которой вызывало у меня глубокія душевныя волненія. Но поэтическое и очаровательное воображеніе Беттины переносило меня къ «грезамъ объ одной лѣтней ночи». Она будила мое воображеніе, которое я старалась подавить въ мучительной борьбѣ. Больше, чѣмъ когда-либо, я терзалась какимъ-то страннымъ дуализмомъ. Съ одной стороны я стремилась къ мистическому аскетизму, а съ другой я чувствовала, что моя счастливая натура, любящая жизнь, способна создать себѣ блестящее будущее. Въ этомъ настроеніи духа я написала своему старшему брату письмо, которое привело его въ восхищеніе. Нѣсколько дней спустя, аскетическія идеи и сомнѣнія опять взяли надо мною верхъ. Я ему написала второе письмо, въ которомъ горько обвиняла себя въ воображаемыхъ прегрѣшеніяхъ, умоляя его меня поддержать. Къ тому времени я прочла первый разъ гётевскіе «Wahrheit und Dichtung». Онъ описывалъ тамъ, подобную моей, внутреннюю борьбу и говорилъ, что вышелъ изъ нея, бросивъ окончательно внутреннее созерцаніе и сдѣлавъ поворотъ «изнутри кнаружи». То же самое говорилъ онъ и въ своихъ «Бесѣдахъ съ Экерманномъ». «Всякая душа, полная идеальными впечатлѣніями, возвращается отъ самое себя къ внѣшнему міру». Эти нѣсколько словъ и спасли меня... Я рѣшила испытать то же самое, отвернуться отъ бездны своей собственной души, уйти отъ пустого и безысходнаго самосозерцанія къ наблюденію внѣшняго міра, къ свѣту, который даетъ наука, и къ практической, полезной дѣятельности. Только позднѣе я поняла, какіе два поэта являются типичными представителями этихъ двухъ направленій: Байронъ съ своимъ Манфредомъ и Гете съ своимъ Фаустомъ».

Однако, отвернуться отъ бездны своей «собственной души» — никогда не удалось нашей писательницѣ. Она не могла побѣдить свою созерцательную натуру и жить жизнью современнаго аѳинянина Гете. Она постоянно будетъ возвращаться къ «рефлексіямъ», которыя отравляли только молодость великаго нѣмецкаго писателя; въ концѣ концовъ, Мейзенбугъ находитъ успокоеніе въ жизни исключительно внутренней и легко мирится со всѣми трагическими событіями какимъ-нибудь софизмомъ. «Мое здоровье всегда было очень хрупкимъ, пишетъ немного дальше Мейзенбугъ,—и я провела лучшую часть своей жизни, терзаемая неслыханными страданіями. Я свыклась съ мыслью о смерти и она меня больше не пугала. Къ этому времени я прочла, что Нинонъ д'Анкло, находясь передъ лицомъ смерти, когда ей было шестнадцать лѣтъ, говорила окружающимъ: «Зачѣмъ вы плачете? Послѣ себя я оставляю только смертныхъ». Эти слова мнѣ очень понравились и я ихъ часто вспоминала. Я стала очень мягкой и спокойной, въ моей душѣ былъ миръ, а мира, прежде всего, я и желала. Въ семьѣ мнѣ даже шутя дали прозвище «умиротворительницы», потому что моя роль заключалась въ улаживаніи маленькихъ семейныхъ раздоровъ и соединеніи тѣхъ, которые окружали меня любовью и мягкостью...» Но въ этой любящей и мягкой душѣ скрывалась сильная, желѣзная воля, благодаря которой Мейзенбугъ вышла побѣдительницей изъ всѣхъ трудностей жизни.

Если мы отъ характера Мейзенбугъ перейдемъ къ ея общимъ взглядамъ, то найдемъ большія колебанія въ связи съ тѣми вліяніями, которымъ подвергался авторъ. Во время своего пребыванія въ Германіи она находилась подъ вліяніемъ одного близкаго своего друга Теодора Альтгауза и дѣлается матеріалисткой. Чтеніе Фейербаха и вліяніе Герцена усиливаютъ эту тенденцію. Позже, подъ вліяніемъ Мадзини, она дѣлается спиритуалисткой, вліяніе Вагнера развиваетъ въ ней вкусъ къ философіи Шопенгауэра. Постоянное стремленіе подавить свою физическую личность духовной находитъ свое теоритическое оправданіе въ формулѣ Шопенгауэра: «отрицаніе воли жизни». Эта формула кажется ей настоящимъ откровеніямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она сохранила всѣ гуманитарныя и либеральныя идеи своей юности и свое глубокое убѣжденіе въ необходимости дать женщинѣ больше мѣста въ общественной жизни. Этой послѣдней идеѣ она служила не только своими сочиненіями, но и личнымъ примѣромъ.

II.

Мальвида Мейзенбугъ родилась въ Касселѣ въ 1817 г. Ея отецъ, какъ мы уже замѣтили, былъ первымъ министромъ и ближайшимъ другомъ гессенъ-кассельскаго курфюрста, одного изъ тѣхъ «микроскопическихъ» государей, владѣнія которыхъ охватываютъ всего нѣ-

сколько квадратныхъ миль». Жизнь семьи Мейзенбугъ протекала при дворѣ, а потому на ней должны были отразиться всѣ перемѣны, происходившія въ царствующемъ домѣ, и, между прочемъ, перемѣны связанныя съ событіями 1848 г. Впрочемъ, къ этому послѣднему перевороту Мальвида была уже подготовлена: она его встрѣтила съ большой радостью. Ея демократическое воспитаніе было сдѣлано подъ вліяніемъ демократа Теодора Альтгауза, сына кассельскаго пастора. Отношенія Мейзенбугъ съ Альтгаузомъ, сначала дружескія, приняли потомъ болѣе сердечный характеръ: это была ея первая и послѣдняя любовь. Она и вызвала первыя столкновенія молодой Мальвиды съ ея родителями, которые никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что «презрѣнный демократъ» можетъ сдѣлаться ихъ зятемъ. Борьба противъ этой «условной лжи» своего сословія ускорила у Мальвиды внутренній поворотъ, начавшійся въ ней подъ вліяніемъ Альтгауза. Позже самъ Альтгаузъ перемѣнилъ свои чувства къ Мальвидѣ, что было для нея самымъ сильнымъ ударомъ въ жизни. Но она мужественно старалась побороть въ себѣ чувство горечи и разочарованія и сохранила къ нему свои дружескія отношенія до конца его жизни *). Вмѣстѣ съ Альтгаузомъ она пережила всѣ надежды и разочарованія тогдашняго либеральнаго нѣмецкаго общества: блестящее начало франкфуртскаго парламента и послѣдующія затѣмъ пораженія демократическихъ элементовъ.

Еще наканунѣ революціонныхъ событій Мальвида потеряла своего отца, послѣ чего ея отношенія съ матерью и другими родными сдѣлались еще болѣе натянутыми. Въ Германіи наступила реакція, Мейзенбугъ думала послѣдовать примѣру многихъ нѣмецкихъ демократовъ, которые эмигрировали въ свободную Америку. Но просьбы матери остановили Мальвиду. Она поступила учительницей въ гамбургскую «свободную религіозную общину», одно изъ тѣхъ педагогическихъ заведеній, которыя были основаны молодыми нѣмецкими либералами, направившими всѣ свои надежды теперь на подготовку юношества. Община преуспѣвала. Ея пріютъ и ея фребелевскіе классы, только что появившіеся тогда, скоро наполнились дѣвочками и мальчиками. Въ педагогическомъ персоналѣ существовала самая тѣсная солидарность. Преподаваніе велось по новѣйшимъ способамъ. Но община скоро должна была закрыть свои двери, а ея члены разойтись по всѣмъ концамъ міра. Это произошло по требованіямъ прусскаго правительства, давленію котораго гамбургскій сенатъ не могъ или не хотѣлъ сопротивляться.

Изъ Гамбурга Мейзенбугъ уѣзжаетъ въ Берлинъ, но отсюда послѣ обыска и допроса, принуждена была вскорѣ бѣжать въ Лондонъ. Бла-

---

*) Альтгаузъ умеръ въ началѣ 1850 года отъ чахотки, развитіе которой ускорило тюремное заключеніе.

годаря своимъ связямъ, и въ особенности своему знакомству съ семействомъ нѣмецкаго эмигранта Кинкеля, Мейзенбугъ получила нѣсколько уроковъ и такимъ образомъ осуществилась ея мечта жить своимъ трудомъ. Здѣсь же у Кинкеля она встрѣтилась въ первый разъ съ Герценомъ, въ домъ котораго вошла позже, какъ воспитательница его дѣтей. Еще прежде чѣмъ она лично познакомилась съ Герценомъ, ей попалось въ руки въ Гамбургѣ его сочиненіе: «Съ того берега», которое произвело на нее очень сильное впечатлѣніе. Какъ у многихъ демократовъ, такъ и у Мейзенбугъ пораженіе 1848 года вызвало большое разочарованіе. Она потеряла вѣру въ способность Западной Европы осуществить идеалы, волновавшіе лѣвое крыло тогдашней европейской демократіи. Книга Герцена, проникнутая тѣмъ же чувствомъ, отвѣчала вполнѣ настроенію вышеупомянутой части европейскихъ демократовъ. Она давала что-то бо́льшее. Герценъ замѣнилъ старую иллюзію новой, намекая на особыя условія самобытнаго востока, который является какъ бы предопредѣленнымъ исполнить то, что оказалось не по силамъ Западной Европѣ. Но мы предоставляемъ здѣсь слово самой Мейзенбугъ: «Мнѣ часто приходило въ голову, что Европа по своему географическому очертанію можетъ способствовать лишь развитію индивидуализма; наоборотъ, Россія и Америка, благодаря своему особому географическому устройству, казалось мнѣ, пригодны для осуществленія идеала, которымъ я восхищалась. Такимъ образомъ, интересъ къ Россіи существовалъ уже у меня, когда я открыла книгу Герцена. Рабочій, одолжившій мнѣ ее, принадлежалъ къ соціальной фракціи и поэтому я ожидала найти въ ней изложеніе какой-нибудь новой соціальной системы. Однако, только что я начала читать, а ужъ съ первыхъ строкъ увидѣла, что здѣсь идетъ рѣчь не о какой-нибудь абстрактной теоріи, а о чемъ-то другомъ. Я почувствовала въ этихъ строкахъ бурный потокъ пережитыхъ впечатлѣній, глубокихъ страданій, я нашла тамъ горячую любовь къ человѣчеству, безжалостную логику, захватывающую сатиру и холодное презрѣніе, подъ которымъ скрывалась обманутая вѣра и отчаянный скептицизмъ. Все это возбуждало въ моей душѣ тысячи воспоминаній, объясняло, освѣщая ихъ свѣтомъ истины и анализа, все, что было пережито, начиная съ надеждъ, вызванныхъ событіями февраля и марта 1848 года и кончая вѣнскимъ разгромомъ и 2-мъ декабря, которыя сопровождались избіеніями и ссылками. Я была ошеломлена, читая, какъ на душѣ русскаго отразилось наше пораженіе, наши несбывшіеся идеалы, поруганныя мечты, отчаяніе наше и наша покорность... Все это было написано 27-го іюля 1848 года; Герценъ видѣлъ самъ іюльскую рѣзню и своимъ проникновеннымъ взоромъ могъ предвидѣть все то, что можно было ожидать отъ французской республики раньше ея побѣды надъ римской республикой (здѣсь идетъ рѣчь о французской экспедиціи, посланной помогать возстановленію папской власти,

покрывшей Францію несмываемымъ позоромъ). Герценъ показалъ, что подъ новымъ названіемъ скрывается все тотъ же старый порядокъ вещей. Наряду съ этими вулканическими вспышками пламенной души, Герценъ даетъ интересныя свѣдѣнія объ отдаленномъ восточномъ народѣ, который подъ историческими надстройками сохранилъ свою оригинальную культуру, глубоко отличающуюся отъ нашей и, укрѣпившись за неприступной крѣпостью своей поземельной общины, ожидаетъ лучшихъ условій для своего будущаго развитія».

Легко понять, съ какимъ волненіемъ Мейзенбугъ, отзывающаяся съ энтузіазмомъ о сочиненіи Герцена «Съ того берега», ждала встрѣчи съ нимъ. «Я была въ восторгѣ, когда, однажды, бывъ у Кинкеля, вдругъ услыхала: «Александръ Герценъ пріѣхалъ въ Лондонъ». У Кинкеля нѣсколько дней спустя она его и встрѣтила. «Я подходила къ его квартирѣ съ страстнымъ нетерпѣніемъ. Застала тамъ генерала Гауга, одного изъ друзей Герцена и сына послѣдняго. Наконецъ, вошелъ и самъ Герценъ. Мнѣ представился статный, крѣпко сложенный человѣкъ съ черными волосами и такой же бородой, съ расплывчатыми чертами лица, характерными для славянина и съ глазами необыкновеннаго блеска; никогда я не видѣла глазъ, такъ ярко выражавшихъ малѣйшіе оттѣнки въ душевномъ настроеніи человѣка. Послѣ обычнаго привѣтствія между нами завязался разговоръ, все болѣе и болѣе оживлявшійся. Я замѣтила въ немъ съ первыхъ же минутъ знакомства блестящій, острый умъ, который поражалъ меня, когда я читала его произведенія, но Герценъ еще ярче плѣнялъ меня силой своей логики въ разговорѣ».

Во второй разъ Мейзенбугъ встрѣтилась съ Герценомъ на одномъ рефератѣ Кинкеля, а въ третій разъ на Highat'скомъ кладбищѣ на похоронахъ ихъ общаго знакомаго г-на фонъ-Брюнингъ. «Онъ съ трудомъ удерживалъ свое волненіе и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: «Ровно годъ тому назадъ я такъ же стоялъ возлѣ одной могилы съ моими сиротами».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого Мейзенбугъ получаетъ письмо отъ Герцена, гдѣ онъ спрашиваетъ ея совѣта, какъ устроить ему его дѣвочекъ, которыя должны были пріѣхать изъ Парижа. Съ тѣхъ поръ между ними устанавливаются опредѣленно дружескія отношенія. Это былъ самый критическій періодъ въ жизни Герцена. Пребываніе во Франціи навело уныніе на Герцена, внесло въ его душу горечь и разочарованіе. Сердце его стремилось на востокъ, утѣшало себя надеждами, но надежды эти были все же скорѣй теоретическія. Все болѣе и болѣе отрицательно относился онъ къ организованнымъ политическимъ партіямъ и сталъ сознательно или безсознательно склоняться къ Прудону и Максу Штирнеру. Мейзенбугъ, при первой своей встрѣчѣ съ нимъ послѣ разговора, подняла тостъ, произнося слово,

употребленное впервые Прудономъ, какъ политическій пароль. Это понравилось Герцену и онъ выразилъ свое согласіе по обыкновенію, съостривъ: «не я первый произнесъ это слово!» Къ идейной неопредѣленности прибавлялся еще упадокъ вѣры въ самого себя. Годъ тому назадъ онъ перенесъ тяжелую утрату въ трагической смерти своей жены Натальи Герценъ. Надо было еще годъ, два, чтобы Герценъ могъ оправиться отъ этого удара. Главной его заботой теперь было воспитаніе его двухъ дѣвочекъ, это время относится къ 1852—1853 году. Ему хотѣлось взять ихъ къ себѣ въ Лондонъ и заняться ихъ воспитаніемъ. Но не считая себя хорошимъ педагогомъ, онъ не рѣшался взять на себя такую отвѣтственность и думалъ помѣстить ихъ въ пансіонъ. Однако и это ему не улыбалось. Его пугало «англійское лицемѣріе», господствовавшее какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ воспитательныхъ учрежденіяхъ; вотъ почему раньше чѣмъ рѣшиться, какъ поступить, онъ обратился съ вышеупомянутымъ письмомъ къ Мейзенбугъ, компетентность которой въ дѣлѣ воспитанія ему была извѣстна. Мейзенбугъ отвѣтила дружескимъ письмомъ, сильно тронувшимъ Герцена. Въ ея лицѣ онъ увидѣлъ не только политическаго единомышленника, но и человѣка, сочувствующаго ему, какъ личности. «Ваша дружба напоминаетъ мнѣ мою юность, пишетъ онъ, это дружба активная, дружба настоящая, единственная, которую я понимаю и которой способенъ отдаться. Пассивную дружбу, т.-е. дружбу разсудочную, сотрудничество, заговорщичество, франкъ-масонство, политическую солидарность можно встрѣтить повсюду вокругъ себя, но это все очень неопредѣленно и очень отвлеченно. Я вамъ благодаренъ отъ всей души, такъ какъ вы мнѣ напомнили о существованіи въ этомъ vacuum horrendum, которымъ насъ окружаетъ міръ, другую привязанность, болѣе личную, болѣе человѣческую. Вѣрьте мнѣ, несмотря на мою наружность, напоминающую Фальстафа,—нѣтъ чувства, какъ возвышенно оно ни было бы, которое не нашло бы отголоска въ моемъ сердцѣ». Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма Герценъ явился съ своей младшей дочерью къ Мейзенбугъ. Съ тѣхъ поръ она начала часто бывать у него. Онъ знакомилъ ее съ русской литературой, указывалъ ей на историческое значеніе Пушкина и на громадное различіе существующее между нимъ и Байрономъ, въ подражаніи которому обвиняли русскаго поэта. Онъ указывалъ на различіе между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ. Онѣгинъ выросъ на русской почвѣ, и чтобы ни говорили, а онъ не есть байроновскій Донъ-Жуанъ. Однимъ словомъ Герценъ передъ ней излагалъ свои взгляды, которые потомъ болѣе одробно онъ развилъ въ своемъ сочиненіи «Le developpement des idées en Russie». Подъ руководствомъ Герцена Мейзенбугъ читаетъ и Лермонтова, котораго она ставила выше Пушкина, находя въ его поэзіи много общаго съ поэзіей Леопарди: «Какъ у одного, такъ и у другого поэзія и вѣра

находятся въ постоянной борьбѣ съ скептицизмомъ». Здѣсь, въ домѣ Герцена Мейзенбугъ знакомится со многими эмигрантами и между прочимъ съ Мадзини и Сафи.

Такъ шло время всю весну и часть лѣта, когда Мейзенбугъ должна была уѣхать на берегъ моря. Герценъ обѣщалъ привезти къ ней своихъ дѣтей. Однако ожиданія Мейзенбугъ не оправдались. Время шло, а отъ Герцена не было никакого извѣстія. Тогда она ему пишетъ, спрашивая его въ полушутливой формѣ, какія развлеченія такъ долго задержали его въ Лондонѣ? «Только что получилъ ваше письмо,—и ты Брутъ?»—пишетъ Герценъ. «Мнѣ казалось, что вы знаете меня больше, чѣмъ кто-либо другой въ Лондонѣ, а между тѣмъ вы то же думаете, что кофейная Very, рестораны Piccadilly, Regent-Street, толпа, бесѣды, т.-е. то единственное, что я имѣю здѣсь, мнѣ такъ необходимо? Вамъ наша жизнь извѣстна; она сломана, сокрушена, она похожа на тѣ старые дворцы, оставшіеся отъ далекаго прошлаго, гдѣ обитаемъ только одинъ маленькій уголокъ. Какія удовольствія еще могутъ меня привязывать къ этой жизни? Одну только вещь люблю я фанатически въ мірѣ—это мою независимость, но развѣ вы стѣсняли бы меня тамъ, на берегу моря? Есть еще одна вещь—это дѣти, но они вѣдь тоже будутъ тамъ. Нѣтъ! Вы были неправы, судя такъ обо мнѣ.

«Я зналъ другую широкую жизнь, жизнь увлеченія и счастья: tempi passati! Единственная вещь, которая мнѣ остается, это страсть къ борьбѣ и я буду бороться. Борьба вотъ моя поэзія. Все же остальное мнѣ почти безразлично. И вы думаете, что для меня важно быть въ Лондонѣ или Broadstairs'ѣ, быть на Нюродѣ или же въ Ramsgate? Какъ-то въ разговорѣ я вамъ заявилъ, что вы единственный человѣкъ, съ которымъ я разговариваю съ открытой душой не только объ общихъ дѣлахъ (то, что я дѣлаю съ каждой уважаемой личностью), но и о частныхъ. Это удовольствіе широко замѣнило бы, кажется мнѣ, все остальное».

Послѣ этого письма опять наступаетъ молчаніе. Мейзенбугъ опять пишетъ, замѣчая Герцену на этотъ разъ, что она надѣется, что отчаяніе, которому онъ предается, не поведетъ его къ самоубійству. Черезъ нѣсколько дней Герценъ отвѣчаетъ ей. Письмо это имѣетъ еще болѣе важное автобіографическое значеніе, но оно также къ сожалѣнію не помѣчено числомъ. «Прежде всего, пишетъ онъ, я получилъ письма изъ Россіи, извѣщающія меня объ одномъ визитѣ, котораго я ожидалъ съ трепетомъ на сердцѣ; лишь вчера узналъ, что этотъ визитъ состоится только въ сентябрѣ. Съ другой стороны «Morning Adviser» напечаталъ статью, гдѣ называетъ Бакунина сыщикомъ, статья была подписана Г. М. Нужно было задать хорошую отповѣдь этому Г. М. и ждать его отвѣта. Однимъ словомъ я былъ занятъ, вовлеченъ во всякаго рода непріятную полемику, поэтому не

былъ расположенъ писать. Такъ проходили дни, а вы все не имѣли отъ меня никакихъ извѣстій.

«Самоубійство? Нѣтъ, человѣкъ не убиваетъ себя по разсудку; пуля не есть силлогизмъ; разъ только въ своей жизни я думалъ о самоубійствѣ и объ этомъ никто никогда не зналъ. Я стыдился признаться въ этомъ и поступать подобно тѣмъ несчастнымъ, которые эксплуатируютъ самоубійство. Кромѣ того, у меня больше нѣтъ достаточно сильныхъ страстей, которыя бросили бы меня въ эту крайность; я даже чувствую какое-то ироническое желаніе, какое-то любопытство слѣдить за ходомъ событій. Два года тому назадъ я писалъ, посвящая это, одному другу: «Для себя самого я больше ничего не ожидаю, ничто больше не въ состояніи вызвать ни великую радость, ни великое удивленіе. Я достигъ той степени равнодушія, покорности и скептицизма, при которыхъ переживаютъ всѣ удары судьбы, хотя я и жить не желаю долго, и умереть не желаю сейчасъ. Конецъ придетъ, какъ пришло и начало, случайно, безъ видимой, разумной причины. Я не желалъ бы ни ускорить его, ни избѣжать».

«Эти строки являются искреннимъ выраженіемъ моей мысли. Обдумайте ихъ. Вы могли бы упрекнуть меня въ усталости, если бы я жаловался, но я не жалуюсь никогда. Развѣ только, когда дружеская рука положитъ свой палецъ въ мою рану. Обыкновенно я говорю о переворотахъ, демократическихъ комитетахъ, о Миланѣ, объ Америкѣ и пр. Есть люди, какъ напримѣръ Д... и С... считающіе меня счастливымъ человѣкомъ на землѣ; другіе же, замѣчая во мнѣ нѣкоторую задумчивость, приписываютъ ее честолюбивымъ замысламъ. Такъ думаетъ большинство поляковъ.

«Бываютъ моменты, когда въ вашей душѣ разыгрывается буря, когда вы чувствуете необходимость въ сочувствіи близкой души, въ искреннемъ пожатіи руки, иногда въ душѣ такъ много накопляется: тогда я брожу по улицамъ города; я люблю Лондонъ ночью, тогда я хожу, хожу, не останавливаясь. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я дошелъ до самого моста Ватерло; я былъ одинъ, я сѣлъ, на душѣ было такъ тяжело. Подумаешь, младенецъ сорока лѣтъ!

«Но это состояніе скоро прошло. Вино для меня даръ неба. Одинъ стаканъ приводитъ меня въ себя... Но довольно, довольно объ этомъ. Все это такъ извѣстно. Въ любомъ романѣ вы найдете подобныя строки. Я не люблю лирическихъ изліяній».

Черезъ нѣсколько недѣль Мейзенбугъ возвратилась въ Лондонъ и возобновила свою прежнюю жизнь, проводя бо́льшую часть времени въ семействѣ Герцена. Каждый день она давала урокъ его младшей дочери и, наконецъ, совсѣмъ переселилась къ нимъ. Это случилось такъ. Какъ-то вечеромъ, она зашла къ Герцену, нашла его очень разстроеннымъ, онъ былъ грустенъ, чѣмъ-то озабоченъ. Когда Мейзенбугъ собралась уходить, онъ вышелъ проводить ее. Прощаясь съ

ней, онъ вдругъ заплакалъ. Объясняя причину своего волненія, онъ говорилъ о полномъ разстройствѣ домашней жизни, о своей абсолютной неспособности руководить воспитаніемъ дѣтей. «Я этого не заслужилъ! Я этого не заслужилъ!» — повторялъ Герценъ. «Его видъ меня крайне взволновалъ», — пишетъ М. «Всегда тяжело видѣть плачущаго мужчину, а въ особенности такого, какъ Герценъ, всегда сдержаннаго, всегда далекаго отъ какихъ бы то ни было сентиментальныхъ вспышекъ, всегда поглощеннаго общественными интересами и, казалось, чуждаго всему, что относилось къ кругу его домашней жизни. Я была глубоко тронута его довѣріемъ, и на вопросъ: «что вы мнѣ посовѣтуете?» отвѣтила ему: «я подумаю».

На другой же день она написала Герцену письмо съ предложеніемъ поселиться у него, чтобы руководить его дѣтьми, но съ условіемъ, чтобы они, Герценъ и Мейзенбугъ, оставались вполнѣ независимыми, иначе они возвратятся къ прежней жизни. Герценъ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ. Онъ самъ много разъ хотѣлъ предложить Мейзенбугъ то же самое, но не рѣшался, боясь ограничить ея или свою собственную независимость. «Я боюсь всѣхъ, каждаго человѣка боюсь, и даже васъ боюсь,—писалъ ей Герценъ.—Но испробуемте вашъ проектъ! Вы мнѣ окажете величайшую услугу, вы спасете моихъ дѣтей. Какъ вы уже не разъ слышали отъ меня и наблюдали сами, у меня нѣтъ педагогическаго таланта, но я готовъ вамъ помогать и дѣлать все, что вы найдете необходимымъ».

Вступленіе М. въ домъ Герцена ознаменовалось цѣлымъ рядомъ «маленькихъ реформъ». Подобно многимъ русскимъ, своей частной жизнью Герценъ напоминалъ Обломова. Крайне инертный, небрежный и лѣнивый въ хозяйственныхъ дѣлахъ, онъ былъ мужественъ, предпріимчивъ, оригиналенъ, полонъ энергіи, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ. «Я скоро замѣтила въ Герценѣ,— пишетъ М., одну черту, удивительную въ человѣкѣ неутомимомъ въ спорахъ, съ твердыми убѣжденіями и съ тѣмъ трудолюбіемъ, которое такъ часто встрѣчается въ сильныхъ творческихъ талантахъ. Этотъ человѣкъ въ дѣлахъ обыденной жизни пассовалъ передъ самой незначительной перемѣной въ своей домашней жизни. Онъ предпочиталъ переносить тысячи неудобствъ, только бы не тратить энергіи на свое устройство, и потому Герценъ, хотя и сильно любилъ свою независимость, часто являлся жертвой обстоятельствъ».

Мейзенбугъ взялась энергично за «введеніе порядковъ». Прежде всего былъ положенъ конецъ многочисленнымъ визитамъ эмигрантовъ и друзей, которые отнимали все время у Герцена. Для пріемовъ были назначены опредѣленные дни. Только для двухъ изъ друзей Герцена было сдѣлано исключеніе: для одного поляка и для одного русскаго, которые во всякое время дня и ночи свободно могли приходить. Это были—Станиславъ Ворцель, извѣстный польскій эмигрантъ, о которомъ

съ такимъ теплымъ чувствомъ говоритъ Герценъ въ «Былое и Думы», и Энгельсонъ — русскій эмигрантъ и другъ Петрашевскаго. Къ этому маленькому обществу, часто собиравшемуся въ салонѣ у Герцена, нужно прибавить двухъ французскихъ эмигрантовъ: Жозефа Доменже, домашняго учителя сына Герцена, и Бартелеми, стараго заговорщика, рабочаго изъ Марселя, который такъ трагически закончилъ свою бурную жизнь въ Лондонѣ при обстоятельствахъ, разсказанныхъ самимъ Герценомъ.

Изъ болѣе рѣдкихъ посѣтителей Герцена нужно отмѣтить Мадзини, его близкаго друга, знаменитаго поэта и члена тріумвирата римской республики 1848 г. — Сафи и, наконецъ, Луи-Блана. Часто темой споровъ Герцена съ Мадзини являлся матеріализмъ, горячо оспариваемый Мадзини; Сафи скорѣй былъ склоненъ къ положеніямъ Герцена, но въ большинствѣ случаевъ онъ лишь слѣдилъ, молча, за споромъ двухъ противниковъ. По своему характеру, Сафи вообще былъ молчаливъ и способенъ былъ по цѣлымъ часамъ въ обществѣ не сказать ни слова. Онъ забывалъ о присутствующихъ, переставалъ слушать и отдавался своимъ мечтамъ. Мейзенбугъ разсказываетъ о немъ характерный анекдотъ. Однажды у Герцена какой-то словоохотливый французъ разсказывалъ Сафи въ теченіе двухъ часовъ свои воспоминанія. Казалось, Сафи слушалъ его со вниманіемъ. Когда сѣли за столъ, Герценъ, подозрѣвая, что безконечный разсказъ француза наскучилъ Сафи, замѣтилъ ему, смѣясь: «Ну теперь, Сафи, вы должны знать подробно исторію XII-го парижскаго округа». — «Я ничего не слушалъ», отвѣтилъ тотъ вполнѣ спокойно.

Французы вообще отличаются словоохотливостью. Луи-Бланъ тоже не былъ лишенъ этой слабости. Особенно онъ любилъ разсказывать о популярности, которой пользовался среди парижскихъ рабочихъ. Однажды онъ разсказалъ, какъ, гуляя съ какимъ-то членомъ временнаго республиканскаго правительства 1848 г., къ которому, какъ извѣстно, принадлежалъ и Луи-Бланъ, послѣдній замѣтилъ, что недалеко отъ него шелъ все время какой-то рабочій въ блузѣ. Въ эту минуту къ Луи-Блану подошла нищая съ протянутой рукой. Онъ началъ искать деньги въ карманѣ и, не находя ихъ, хотѣлъ идти дальше. Но къ нему подошелъ вышеупомянутый рабочій и, сунувъ ему въ руку нѣсколько су, сказалъ: «Не нужно, чтобы говорили, что Луи-Бланъ отказался подать милостыню нищей». Потомъ только Луи-Бланъ узналъ, что за нимъ всегда слѣдитъ рабочій, посланный своими товарищами, чтобы придти ему на помощь въ каждую минуту. Это очень льстило его тщеславію, которымъ онъ обладалъ въ не малой дозѣ. Такъ онъ искренно обидѣлся, когда кто-то ему замѣтилъ въ домѣ Герцена, что маленькая дочь послѣдняго любитъ его не за его лицо, а за синій фракъ и блестящія пуговицы. Прибавимъ, что Луи-Бланъ нравился дѣтямъ и своимъ маленькимъ ростомъ.

Въ такихъ разговорахъ проходили обѣды и вечера. Утра же посвящались исключительно работѣ: Герценъ все утро до обѣда занимался, не выходя изъ своей комнаты. Мейзенбугъ и Доменже въ это же время занимались съ дѣтьми. Послѣобѣденное время Герценъ часто посвящалъ своему сыну, читая съ нимъ классиковъ и въ частности шиллеровскаго «Валенштейна» — пьесу, которую, по словамъ Мейзенбугъ, Герценъ любилъ больше всѣхъ современныхъ драматическихъ произведеній.

III.

Часто говорили они и о воспитаніи дѣтей. Разговоры, споры нерѣдко очень затягивались; и потомъ Герценъ, отправившись къ себѣ, писалъ все, что не успѣлъ высказать, дополнялъ сказанное. Впрочемъ, это было еще его юношеской привычкой. Одно такое письмо напечатано въ мемуарахъ Мейзенбугъ, но, къ сожалѣнію, какъ и другія его письма, оно не помѣчено числомъ; приблизительно, мы можемъ отнести его 1855 г. Автобіографическій интересъ этого письма заключается только въ слѣдующихъ строкахъ: «Я знаю, какимъ бременемъ легло на васъ взятое вами воспитаніе моихъ дѣтей. Я понимаю всю тяжесть его тѣмъ болѣе, что знаю ваши иллюзіи относительно меня. На словахъ и въ романахъ люди, которые остаются вѣрными своему несчастью, которые страдаютъ и къ которымъ судьба безпощадна, эти люди кажутся интересными, а въ дѣйствительности это не такъ; они просто люди больные, они капризны, а подчасъ и невыносимы. Протягивая мнѣ дружескую руку и беря на себя воспитаніе моихъ дѣтей, вы преслѣдовали двоякую цѣль. Вы хотѣли, какъ это вы часто говорили, вылечить меня самого; я васъ понимаю и горячо благодарю васъ за ваше поистинѣ дружеское ко мнѣ отношеніе. Но вамъ не удалось достигнуть своей цѣли, вы увидѣли, что насъ связываетъ только то, что одинаково дорого и свято намъ обоимъ, что насъ связываютъ еще личная взаимная, глубокая симпатія, но что во всемъ остальномъ мы стоимъ на противоположныхъ точкахъ. Я люблю моихъ дѣтей, берегу ихъ, это все, что остается мнѣ изъ поэзіи моей жизни. Дальше, я работаю, читаю «Таймсъ». люблю моихъ истинныхъ друзей, въ томъ числѣ и васъ, но все это не можетъ измѣнить меня, вылечить, возродить. Если бы вы ничего не требовали отъ жизни, тогда мы, въ лучшемъ случаѣ, походили бы на людей, спасшихся отъ кораблекрушенія, но потерявшихъ все. Но вы, вы имѣете право на счастье, неотъемлемое право, передъ вами есть будущее, у васъ есть желанія, которыя вы должны осуществить. И развѣ вы думаете, что я настолько эгоистъ, что въ глубинѣ души моей не страдаю при мысли о томъ, какой невыносимой должна казаться вамъ жизнь подъ этою проклятою кровлею». Отвѣтъ М. успокоилъ Герцена, и они продолжали ту же жизнь, но не долго.

Первая непріятность, нарушившая миръ маленькаго кружка, была исторія съ Энгельсономъ. По словамъ М. этотъ самъ по себѣ превосходный человѣкъ, былъ болѣзненно самолюбивъ, немного завистливъ и послѣднее время, задѣтый неуспѣхомъ помѣщенной имъ статьи въ первомъ номерѣ «Полярной Звѣзды», былъ страшно раздражителенъ. Однажды, разсказываетъ М., Энгельсонъ зашелъ къ Герцену и, не заставъ его дома, началъ рѣзко, раздраженно спорить съ М.; потомъ вдругъ вынулъ изъ кармана маленькій револьверъ, говоря: «Видите ли этотъ револьверъ, я его всегда ношу съ собою и не знаю, на что способенъ, когда дохожу до самозабвенія въ своей злости». М. просила Энгельсона не посѣщать ихъ больше, на что послѣдній, нѣсколько успокоившись, согласился.

Вскорѣ къ Герцену пріѣхалъ Огаревъ съ женою. Послѣдняя хотѣла сама руководить воспитаніемъ его дѣтей, что повело къ столкновеніямъ съ М., и М. принуждена была покинуть семейство Герцена. Еще раньше самъ Герценъ убѣдившись, что такая жизнь посулитъ только одни огорченія М., написалъ ей письмо. «Онъ хотѣлъ придать моему отъѣзду,—пишетъ она,—праздничный характеръ. Я сама понимала что оставаться мнѣ дальше было невозможно, устраивать же праздничный отъѣздъ я считала лишнимъ и невозможнымъ, потому что мнѣ тяжело было; не съ спокойнымъ сердцемъ уѣзжала я, а переполненнымъ страданіемъ». И она уѣхала, не дождавшись возвращенія Герцена, который въ это время не былъ дома. «Не уѣзжайте, это принесетъ несчастье всѣмъ», говорилъ его слуга итальянецъ, когда она, уже собравшись съ вещами, уходила изъ квартиры. Въ тотъ же вечеръ къ ней пришли Огаревъ съ сыномъ Герцена и съ письмомъ отъ послѣдняго. «Со слезами на глазахъ я читалъ ваше письмо,—писалъ Герценъ,—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: не такъ должны были мы разлучиться. Но если это облегчило ваше тяжелое настроеніе, пусть будетъ такъ, какъ вы хотѣли. Но я хочу, чтобы наша разлука не была размолвкой. Огаревъ и Александръ принесутъ вамъ больше, чѣмъ мое письмо: они должны засвидѣтельствовать вамъ мою глубоко-искреннюю дружбу. Да, въ извѣстномъ смыслѣ вы правы; хорошо разстаться такъ молчаливо, глазъ-на-глазъ съ дѣтьми, ради которыхъ вы переступили порогъ этого дома. Я принимаю ваши благословенія для дѣтей, а для себя я прошу вашу дружбу. Вашъ братъ и другъ А. Герценъ».

Но ни новыя занятія, ни кругъ друзей, какой былъ у М. въ Лондонѣ, не могли заставить ее забыть тихіе дни, проведенные возлѣ дѣтей Герцена. Она искренно привязалась къ нимъ и особенно къ младшей дѣвочкѣ Ольгѣ. Она готова была поступиться своею независимостью, только бы возвратиться въ этотъ домъ, который сдѣлался для нея роднымъ, дорогимъ. Въ такомъ духѣ она написала Герцену. Онъ отвѣтилъ ей. «Нѣтъ, я много думалъ, обдумывалъ ваше предположеніе и нахожу, что вы не совсѣмъ отчетливо представляете его себѣ, такая

жизнь будетъ невыносимою, она откроетъ ваши только что зажившія раны. Мы будемъ часто видѣться съ вами. Будемъ вмѣстѣ читать, разговаривать, переводить съ русскаго. Всегда вы найдете во мнѣ вашего брата. Прощайте. Ну, что вы скажете, господа клеветники? Дружба взяла верхъ». Дѣйствительно «дружба взяла верхъ». Г. вступаетъ въ переписку съ М. Онъ ей пишетъ, между прочимъ, что хотѣлъ поѣхать въ Парижъ, но французское посольство въ Лондонѣ отказалось визировать его паспортъ, «какъ опасной личности, путешествующей съ политическими цѣлями и подписывающей свои литературныя произведенія именемъ Искандеръ». Еще въ то время, какъ Мейзенбугъ жила въ домѣ Герцена, она начала переводить съ нѣмецкаго «Записки Дашковой о царствованіи Екатерины II». Теперь Герценъ послалъ написанное имъ введеніе къ запискамъ.

Переводъ этотъ былъ изданъ фирмой Гоффманъ-Кампе. По поводу введенія Герцена, Кампе написалъ М., что онъ «готовъ издавать все, что выходитъ изъ-подъ пера Герцена, который уже пріобрѣлъ себѣ права гражданства въ нѣмецкой литературѣ». Въ своихъ письмахъ къ М. Герценъ жалуется на старость и на переутомленіе, тѣмъ не менѣе онъ теперь работаетъ больше, чѣмъ когда-либо. Успѣхъ только что основаннаго «Колокола» наложилъ на него важныя обязанности. Но это все же не мѣшало ему слѣдить за европейской литературой и изрѣдка дѣлиться своими впечатлѣніями съ М. На просьбу послѣдней поскорѣе выслать ей только что вышедшую книгу Прудона «De la justice», Герценъ отвѣчаетъ: «Давно я не читалъ книги, которая такъ заставляла бы меня страдать, какъ эта книга Прудона. Римскій міръ умеръ, это будетъ ему надгробной плитой, но и самъ Прудонъ, подобно женѣ Лота, превращается въ каменную статую; послѣ того, какъ Прудонъ все понялъ, онъ кончаетъ тѣмъ, что приноситъ человѣка въ жертву семьѣ и этимъ надѣется водворить царство справедливости на землѣ! О третьей части, исключая только о прогрессѣ, можно сказать только одно: она печальна, печальна, печальна. Это дряхлый старикъ, пишущій свое завѣщаніе. Человѣкъ, который способенъ наполнить цѣлый томъ (т.-е. 200 страницъ) римско-католическими нелѣпостями противъ женщинъ, не можетъ называться свободнымъ человѣкомъ». Этотъ рѣзкій отзывъ объ узкихъ, мелко-буржуазныхъ взглядахъ Прудона на женщину очень характеренъ для Герцена. Несмотря на пережитыя Герценомъ всякаго рода умственныя и душевныя настроенія, въ немъ сохранился духъ бывшаго сенъ-симониста.

Хорошія отношенія, установившіяся у М. съ Герценомъ, опять были нарушены, благодаря несчастной привычкѣ Герцена шутить по поводу всего. Случилось это такъ. Мейзенбугъ уѣхала въ Гастингсъ съ намѣреніемъ долго пожить тамъ, но тоска полнаго одиночества заставила ее снова возвратиться въ Лондонъ. Всѣ друзья возрадовались ея возвращенію, одинъ Герценъ встрѣтилъ ее шуткой. Онъ ей

сказалъ, смѣясь, что она «не можетъ обойтись безъ общества». «Это замѣчаніе, исходящее отъ Герцена, который видѣлъ, какъ я въ теченіе трехъ лѣтъ добровольно отдавала всю свою жизнь его семейству, меня глубоко обидѣло. Я рѣшила окончательно порвать съ этимъ прошлымъ и даже не дала Герцену своего новаго адреса». Однако, Герценъ самъ узналъ ея адресъ и ко дню ея ангела прислалъ ей съ своимъ сыномъ любезное письмо и букетъ цвѣтовъ. Отношенія опять возобновляются; онъ снова пишетъ ей, между прочимъ описываетъ ей свои впечатлѣнія объ одной художественной выставкѣ въ Манчестерѣ, куда онъ ѣздилъ съ цѣлью изучить картины средневѣковой испанской школы.

Герценъ продолжалъ рекомендовать М. русскія книги для перевода. Такъ, онъ указалъ ей на «Дѣтство и отрочество» Толстого. Этотъ переводъ пользовался большимъ успѣхомъ и получилъ одобреніе со стороны англійскаго издателя. Изъ писемъ Герцена, имѣющихъ значеніе для характеристики политическихъ взглядовъ его, интересно письмо, гдѣ онъ говоритъ о войнѣ Австріи съ Франціей. Разочарованіе въ демократическихъ партіяхъ 1848 года, съ одной стороны, успѣхъ «Колокола» съ его умѣренной программой—съ другой, заставляли Герцена склоняться больше и больше къ тому, что позже было названо политическимъ опортунизмомъ. «Время революціонной демагогіи прошло,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ.—Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь все больше и больше, что эпоха большихъ политическихъ революцій закончена. Мы входимъ въ новую политическую эру, и всѣ эти господа (нѣмецкіе домократы), эти допотопные дѣятели принадлежатъ прошлому».

Когда начали ходить слухи о войнѣ между Австріей и Франціей, М. просила Герцена писать противъ войны, потому что война сама по себѣ есть зло, кромѣ того, она можетъ повести къ разгрому всей Германіи.

«Какъ и ты Брутъ!—отвѣчаетъ Герценъ.—Вы тоже боитесь, вы тоже не хотите дойти до конца вашей мысли. Бросьте дипломатію и всѣхъ людей стараго времени и станьте на болѣе широкую точку зрѣнія. Трагическія обстоятельства требуютъ другихъ мѣръ. Какъ я могу повѣрить, что дѣло идетъ о завоеваніи Германіи? Я написалъ бы статью, но едва ли она кого-нибудь успокоитъ. Думаете ли вы, что я могу измѣнить что-нибудь хоть на одну іоту? Думаете ли вы, что я, подобно Мадзини, буду изображать изъ себя какого-то святого и непримиримаго и буду мѣшать своей партіи? Я чуждъ этой политикѣ. Я никогда не совѣтовалъ воевать, но война приближается, и никто не думаетъ о Германіи. Но нужно, чтобы Австрія погибла, нужно, чтобы Франція развязала себѣ руки или же, въ противномъ случаѣ, она сдѣлается жертвой самаго ужаснаго деспотизма. Эта война противъ Австріи очень популярна въ Россіи»... Для болѣе яснаго пониманія этого письма, необходимо замѣтить, что въ нѣмецкихъ эмигрантскихъ листкахъ пе-

чатались статьи о Герценѣ, какъ о поклонникѣ идеи уничтоженія Австріи, замѣны ея новой славянской имперіей. Это, какъ извѣстно, было давнишней мечтой славянофиловъ, о которой они стали меньше говорить съ тѣхъ поръ, какъ въ существованіи Австріи они увидѣли оплотъ противъ разростанія германской имперіи.

Въ 1860 г. Мейзенбугъ поѣхала въ Парижъ. Здѣсь она получаетъ неожиданно отъ Герцена письмо съ предложеніемъ взять къ себѣ на воспитаніе его младшую дочь. Онъ отдавалъ свою дѣвочку ея абсолютному руководству. Она согласилась. Взявъ съ собой Ольгу, она поѣхала въ Италію. На этомъ и кончается та часть записокъ Мейзенбугъ, гдѣ она говоритъ о Герценѣ. Въ заключеніе замѣчу, что М. еще упоминаетъ объ одномъ визитѣ, который сдѣлалъ Герцену Тургеневъ въ 1860 г. въ Англіи, на берегу моря, но въ какомъ именно мѣстѣ не обозначено.

IV.

Среди представителей континентальной эмиграціи въ Лондонѣ больше всѣхъ другихъ пользовались извѣстностью Ледрю-Ролленъ, Кошутъ и Мадзини и рѣдко наѣзжавшій туда Гарибальди. Ихъ имена гремѣли не только на континентѣ, они были извѣстны послѣднему англійскому крестьянину. Въ первый годъ своего пребыванія въ Англіи, во время одной морской прогулки возлѣ Broodstars'a, лодочникъ обратился къ Мейзенбугъ съ вопросомъ, знаетъ ли она Ледрю Роллена? Она ему на это отвѣтила, что лично съ нимъ незнакома, но что это не трудно было бы ей сдѣлать, если бы она захотѣла. «Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ лодочникъ,—скажите ему, что если ему понадобится вѣрный морякъ, который могъ бы отвезти его въ своей лодкѣ на берегъ Франціи, чтобы освободить французскій народъ отъ Наполеона и привезти его обратно, пусть онъ подумаетъ обо мнѣ. Ему стоитъ лишь сдѣлать знакъ рукой и я готовъ».

Среди лондонской эмиграціи Ледрю - Ролентъ играетъ роль, такъ сказать, оффиціальнаго оратора. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ бралъ слово и говорилъ отъ имени всѣхъ эмигрантовъ. Впрочемъ, его мощный ораторскій талантъ естественно опредѣлилъ его на эту роль.

Несмотря на общность взглядовъ, каждая группа эмигрантовъ въ Лондонѣ носила свой партійный отпечатокъ. Въ особенности отличались отъ всѣхъ венгерцы своимъ почти раболѣпнымъ преклоненіямъ передъ Кошутомъ, который съ своей стороны велъ себя, какъ король in partibus infidelium. Вотъ, напр., какъ Мейзенбугъ описываетъ появленіе Кошута въ одномъ эмигрантскомъ салонѣ. «У г-жи Пульской я видѣла въ первый разъ Кошута, пріѣздъ котораго въ Англію былъ встрѣченъ восторженными манифестаціями. Среди венгерскихъ эмигрантовъ онъ былъ какимъ-то королемъ, его окружали настоящимъ придворнымъ церемоніаломъ.

«Въ первый разъ, когда я пришла на приглашеніе Пульской, я застала тамъ много посѣтителей и почти всѣ они были венгерцы. Вдругъ раздался голосъ лакея: «The governor!» и сейчасъ же все общество встало и выстроилось въ двѣ шеренги. Дверь отворилась, и Кошутъ торжественно вошелъ; его супруга шла рядомъ съ нимъ, его сыновья, тогда еще совсѣмъ дѣти, слѣдовали за ними. Рядомъ съ ними и позади шли провожатые съ видомъ адъютантовъ; Кошутъ былъ одѣтъ въ венгерскій національный костюмъ съ длинными рукавами, лицо у него было привлекательно: въ его глазахъ и сѣдѣющей бородѣ было что-то серьезное и благородное. Онъ поклонился направо и налѣво съ оттѣнкомъ важности и обратился со словами только къ нѣкоторымъ лицамъ».

Полную противоположность Кошуту представлялъ Гарибальди съ его добрымъ и мягкимъ выраженіемъ лица, съ его простыми, демократическими монерами. Мейзенбугъ его видѣла послѣ его возвращенія изъ Южной Америки, гдѣ онъ сражался за независимость тамошнихъ республикъ. Оттуда онъ проѣхалъ на одномъ генуезскомъ кораблѣ, находившемся подъ его собственной командой въ Лондонѣ. «Я знала Гарибальди,—пишетъ М.,—по разсказамъ Герцена, который часто видѣлся съ нимъ въ Италіи. Между прочимъ, Герценъ мнѣ часто разсказывалъ съ большимъ волненіемъ, какъ послѣ смерти его жены одна незнакомая дама явилась къ нему съ двумя дѣтьми съ просьбой разрѣшить ей, хотя она не одной религіи съ нимъ, молиться возлѣ умершей вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя точно также остались сиротами. Это были дѣти Гарибальди, а сопровождавшая ихъ женщина ихъ воспитательница. Лишь Гарибальди прибылъ въ Лондонъ, Герценъ поѣхалъ къ нему и привезъ его обѣдать къ намъ. Черты лица его потомъ сдѣлались всѣмъ извѣстны, даже и тѣмъ, кто не зналъ его лично, такъ что описывать ихъ подробно нѣтъ надобности. Онъ не былъ красивъ, но вся его наружность была полна простотой, мягкостью, добротой и достоинствомъ, которыя завоевывали ему всѣ симпатіи. Его присутствіе очаровывало всѣхъ. Въ немъ ничего не было таинственнаго, поражающаго, ни остроумія, ни бурной страсти, ни увлекающаго краснорѣчія, но онъ внушалъ чувство радостнаго спокойствія и убѣжденія; передъ вами былъ человѣкъ, никогда не знавшій сомнѣнія. Бесѣда его была умная, простая, пріятная, какъ и сама его личность; съ какимъ поэтическимъ вдохновеніемъ разсказывалъ онъ о своихъ приключеніяхъ въ Южной Америкѣ, о партизанской войнѣ, которую ему пришлось тамъ вести, о безконечныхъ ночахъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ товарищами подъ открытымъ небомъ». М. разсказываетъ еще о посѣщеніи, которое она сдѣлала по приглашенію Гарибальди, на его кораблѣ. На обѣдѣ, онъ поднялъ тостъ за «преданныхъ женщинъ, поддерживающихъ мужчинъ въ борьбѣ за республиканскую свободу». Однако, хотя Гарибальди по убѣжденіямъ былъ республиканецъ, онъ считалъ политиче-

ской необходимостью для всѣхъ итальянцевъ, желающихъ объединенія своей родины, поддерживать Савойскій домъ.

Иного взгляда держался Мадзини, «непримиримый», какъ его назвалъ уже Герценъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Это былъ типъ фанатика идеи, не знавшаго ничего другого, кромѣ своей цѣли. По своимъ философскимъ убѣжденіямъ, Мадзини, какъ извѣстно, былъ деистомъ. Въ своихъ письмахъ и въ своихъ бесѣдахъ онъ постоянно возвращался къ великой цѣли человѣческаго прогресса, начертаннаго Богомъ и заключающагося въ нравственномъ совершенствованіи человѣчества путемъ свободы. Онъ былъ человѣкомъ съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ одной своей лондонской знакомой онъ описываетъ, какъ, проѣзжая на лодкѣ по Фирвальштедтскому озеру, въ глубокой тиши чудной ночи, онъ былъ охваченъ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и непобѣдимой вѣры въ будущее своей родины. Въ заключеніе онъ прибавляетъ, что даже его знакомая, которую онъ зналъ, какъ невѣрующую, тронутая этой красотой природы, навѣрное, пала бы на колѣни передъ великимъ духомъ міра, присутствіе котораго онъ ощущалъ въ этотъ моментъ. Его мистицизмъ находитъ даже въ этимологіи словъ пророческія указанія. Такъ, читая обратно названіе столицы Италіи *Roma—Amor*, онъ видитъ въ этомъ предсказаніе о новомъ, третьемъ господствѣ Рима надъ всѣмъ міромъ. Но на этотъ разъ девизомъ Рима будетъ *любовь и братство*.

Постоянно поглощенный своей перепиской и своей литературной работой, Мадзини рѣдко выходилъ изъ дома. Но зато, гдѣ онъ бывалъ часто, онъ повсюду вызывалъ къ себѣ какое-то благоговѣйное почтеніе. Онъ былъ добръ и трогательно внимателенъ къ малѣйшимъ несчастьямъ своихъ друзей. Мейзенбугъ разсказываетъ, какъ Мадзини, замѣтивъ, что у нея слабѣетъ зрѣніе, хотѣлъ послать ей врача, но боялся, какъ бы этимъ не обидѣть ее.

Въ первый разъ Мейзенбугъ встрѣтила Мадзини у Герцена. «Я была поражена необыкновенной простотой и скромностью того, котораго Герценъ представилъ мнѣ, какъ Іосифа Мадзини—этого человѣка, идеями котораго вдохновлялся и руководился цѣлый народъ и громадное политическое вліяніе котораго заставляло трепетать могучихъ властителей. Мадзини былъ средняго роста, худощавъ и элегантенъ; въ его фигурѣ не было ничего внушительнаго, только голова его была очень выразительна; черты лица его были очерчены правильно и полны были благородства, открытый, умный лобъ, горящіе фантазіей, и въ то же время мягкіе, добрые глаза плѣняли всякаго, видѣвшаго его первый разъ; онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ проходятъ мимо». Но настоящее близкое знакомство съ Мадзини началось у Мейзенбугъ позже, когда она, покинувъ домъ Герцена, сошлась близко съ англійскимъ семействомъ Stansfield—единственное, которое посѣщалъ Мадзини. Тамъ она видѣлась съ нимъ очень часто. Когда она

уѣзжала изъ Лондона, онъ переписывался съ ней. Эти письма поражаютъ насъ своей простотой и дѣловитостью. Они далеко не походятъ на письма Герцена, полные блестящихъ афоризмовъ и остроумія. Политическій идеалъ Мадзини былъ «всемірная республика». Вотъ почему онъ не ограничивался своей чисто итальянской дѣятельностью, онъ старался проникнуть повсюду, дѣйствовать на всѣ народности.

Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, еще одна личность занимаетъ большое мѣсто въ запискахъ Мейзенбугъ: Рихардъ Вагнеръ. Она познакомилась съ нимъ въ Лондонѣ, даже пригласила его къ Герцену, но Вагнеръ извинился тѣмъ, что спѣшилъ уѣхать изъ мрачнаго Лондона, и не явился на приглашеніе. Много времени спустя, въ 1860 г. Мейзенбугъ встрѣтила Вагнера въ Парижѣ. Здѣсь ихъ знакомство приняло болѣе близкій характеръ и такимъ оставалось до самой смерти великаго композитора. Мейзенбугъ часто присутствовала въ Парижѣ на его утреннихъ занятіяхъ, читала вмѣстѣ съ нимъ Шопенгауэра, котораго такъ любилъ Вагнеръ. Въ Парижѣ Мейзенбугъ была свидѣтельницей неудачныхъ спектаклей «Тангейзера», которые проваливались благодаря группѣ антивагнеровцевъ, приходившихъ въ театръ въ громадномъ количествѣ и не дававшихъ артистамъ играть. Вагнеръ философски переносилъ эти неудачи. Послѣ третьяго провала Мейзенбугъ застала Вагнера дома за чаемъ и спокойнымъ разговоромъ съ женой. Онъ шутилъ, а можетъ быть старался шутить, чтобы замаскировать оскорбленное самолюбіе автора. «Mademoiselle, мнѣ передавали, что вы тоже освистали меня», говорилъ Вагнеръ при всеобщемъ смѣхѣ присутствующихъ одиннадцатилѣтней Ольгѣ Герценъ, которая клялась ему въ обратномъ. Мейзенбугъ разсказываетъ, между прочимъ, о глубоко несчастной семейной жизни Вагнера; объ этомъ часто упоминалось и въ его біографіи.

Х. Г. Инсаровъ.

ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ.

I.

Весна моя прошла... Послѣдній лучъ ея
Не скраситъ сумрачные годы!
Зачѣмъ, зачѣмъ потратилъ я
Въ безпечномъ вихрѣ бытія
Дары прекрасные природы!

Не думалъ я, когда гордился силой властной,
За счастья мигъ ее губя,
Что въ день холодный и ненастный
Не будетъ спутницы прекрасной,
Не будетъ, молодость, тебя!

II.

Въ день весенній первый громъ
Прозвучалъ вдали лазурной,
И поднялся вѣтеръ бурный,
Надвигая тьму кругомъ.

Молній блескъ и солнца лучъ...
Частый громъ со звонкимъ эхомъ
Мнѣ казался бодрымъ смѣхомъ
Надъ безсильемъ темныхъ тучъ!

А. Лукьяновъ.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

I.

Весенній торгъ на Чагарскомъ полѣ у рѣки Анапки былъ въ полномъ разгарѣ. Мѣсто это находилось внутри обширной ненаселенной полосы, отдѣлявшей южные приморскіе поселки отъ сѣверныхъ оленьихъ стойбищъ и протянувшейся во всю ширину страны отъ Большого Внѣшняго моря, которое называлось также Моржовымъ *), до бухты Бѣлыхъ Дельфиновъ на другомъ внутреннемъ морѣ, которое южные люди звали Бобровымъ **), по причинѣ множества морскихъ бобровъ, пристававшихъ къ его берегамъ. Вся эта область была богата рыбой и дичью, но никто не появлялся здѣсь, кромѣ вооруженныхъ шаекъ, отправлявшихся на грабежъ. Мелкая война велась здѣсь съ перемѣннымъ успѣхомъ; то южные воины перебьютъ пастуховъ и угонятъ съ сѣвера стадо вмѣстѣ съ подростками; то оленеводы сожгутъ одинокое прибрежное жилище, возьмутъ кожи и ремни и тоже перебьютъ взрослыхъ, а мальчиковъ и дѣвочекъ уведутъ въ плѣнъ.

Однако Чагарское поле никогда не знало войны. Если одинокій охотникъ, рискнувшій въ погонѣ за оленями забраться за предѣлы своей страны, подвергался преслѣдованію враждебныхъ воиновъ и обращался въ бѣгство, стоило ему только достигнуть этихъ завѣтныхъ береговъ, и онъ могъ считать себя въ полной безопасности, ибо берега Анапки были посвящены великому морскому раку Авви, который ежегодно поднимался вверхъ по рѣкѣ вмѣстѣ съ безчисленными стадами подвластныхъ ему рыбъ отыскивать крупные древесные стволы, пригодные для челновъ. Лѣсу на Анапкѣ мало, и Авви проводилъ въ водахъ ея цѣлое лѣто, бдительно наблюдая за всѣмъ, что происходило на берегу. Авви

*) Тихій океанъ.
**) Охотское море.

былъ богъ сердитый и могущественный. Нѣкогда при столкновеніи съ отцомъ сухой земли, вороном Кутхомъ, онъ затащилъ его въ глубину и отпустилъ на волю только въ обмѣнъ за молодую дочь Кутха, съ круглыми черно-жемчужными подвѣсками въ ушахъ и круглыми черными глазами. Съ тѣхъ поръ воронъ уступилъ также Авви нѣкоторыя урочища на берегахъ рыбныхъ рѣкъ, гдѣ раздражительный ракъ ревниво слѣдилъ за порядкомъ и не допускалъ со стороны дѣтей ворона никакого нарушенія его правъ. На своихъ земляхъ Авви строго запрещалъ убійства и даже драки какъ людямъ, такъ и звѣрямъ. Если въ пору любви два оленя съ вѣтвистыми рогами собирались рѣшать споръ о молодой и гладкошерстной важенкѣ *), они должны были для этого удалиться на другія свободныя мѣста; безначальныя стаи песцовъ, случайно отыскавъ на полѣ Чагаръ полусгнившій трупъ россомахи, убѣгали на половину дневного перехода подраться изъ-за добычи; потомъ возвращались обратно и скоро съ новымъ остервенѣніемъ бѣжали на поприще новой драки, и такъ далѣе безъ конца.

Люди, приходившіе на берега Анапки, не имѣли права дѣйствовать копьемъ или лукомъ, и не должны были проливать крови, ибо право убивать принадлежало здѣсь только богу. Стоило дерзкому пришельцу поставить силокъ даже для куропатки, какъ огромная бурая клешня готова была незримо протянуться къ его горлу и стиснуть его кашлемъ или грызущей болью, приносящей смерть. Зато, принеся небольшую жертву, люди и звѣри получали право брать свою часть изъ рыбныхъ стадъ, приведенныхъ Авви съ моря, ибо великій ракъ былъ щедръ и не жалѣлъ морскихъ даровъ для каждаго, кто признавалъ его власть. Въ половинѣ лѣта медвѣдь совершалъ жертву корнями сараны, лисица кровью молодого зайца и даже тонкій горностай приносилъ съ большимъ трудомъ тѣло полевой мыши съ вольной земли за предѣлами Чагарскаго поля. Только совершивъ жертву, они могли селиться на берегахъ рѣки и сторожить въ мелкой водѣ широкоспинную горбушу, которая, обезумѣвъ отъ страсти материнства, лѣзла стадами впередъ на вѣрную гибель. Люди могли являться къ Анапкѣ еще весною, когда передовые отряды дѣтей Авви, пестрые гольцы, выходили къ полыньямъ задолго до появленія властителя. Стоило только покропить снѣгъ жертвенной похлебкой, потомъ отыскать щель во льду и опустить туда костяную уду на крѣпкой крапивной ниткѣ, и обильное пропитаніе было обезпечено для людей и упряжныхъ собакъ.

---

* Важенка—оленья самка.

Обильная рыба и безопасность съ незапамятныхъ временъ стали привлекать сосѣднія племена для вольнаго весенняго торга на берегу Анапки. Обмѣнъ разными предметами былъ необходимостью и при всеобщей враждѣ и недовѣрчивости онъ не могъ производиться ни на какомъ другомъ мѣстѣ. Дерзкіе и жадные къ прибыли жители многолюднаго селенія Вайкенъ попробовали устроить торгъ у себя, но Авви, разгнѣвавшись, прислалъ на нихъ въ первую же весну дикихъ воиновъ съ далекой рѣки Якъ, которые унесли всѣ товары, приготовленные для торга, безъ всякой платы, и сожгли два небольшихъ выселка, недавно основанныхъ изъ Вайкена на ближайшихъ рѣкахъ. Ибо Авви явно покровительствовалъ Чагарскому торжку, получая отъ приходящихъ племенъ обильную плату за мѣсто, черной жертвенной похлебкой, жиромъ домашнихъ оленей и черепами пестрыхъ нерпъ. Поэтому, каждой весною, въ день равноденствія, сѣверные и южные люди, посовѣтовавшись съ шаманами, неторопливо отправились въ путь, съ такимъ разсчетомъ, чтобы одновременно прибыть на священное мѣсто. Оленеводы *) шли легкимъ обозомъ съ небольшимъ, но отборнымъ стадомъ и самой проворной изъ женщинъ стойбища. Поморяне **) ѣхали на тяжело нагруженныхъ нартахъ, запряженныхъ собаками, обученными такъ искуссно, что онѣ понимали каждое слово хозяина. Эти собаки раздѣляли ненависть своихъ хозяевъ къ оленьимъ стадамъ сѣверянъ и участвовали вмѣстѣ съ ними въ походахъ, и пастухи боялись ихъ свирѣпости больше, чѣмъ копій и стрѣлъ своихъ противниковъ. Они съ отвращеніемъ передавали другъ другу, что приморскія женщины выкармливаютъ щенятъ собственнымъ молокомъ и кладутъ ихъ съ собою спать, какъ маленькихъ дѣтей.

Одинъ за другимъ подходили оленьи караваны изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ великой внутренней страны; съ высокаго и плоскаго Палпала, гдѣ пять ущелій простерлись вѣнцомъ, какъ растопыренные пальцы рукъ; съ мелкихъ притоковъ быстроводнаго Омолона, гдѣ въ тальниковыхъ кустахъ водятся огромные и жирные лоси, и съ крутыхъ устьевъ многоводнаго Яка, гдѣ въ концѣ лѣта красная рыба мечется, какъ въ котлѣ, задѣвая за весло челнока, переплывающаго съ берега на берегъ. Пѣшіе охотники племени одулъ ***) приходили на гладкихъ лыжахъ, волоча за собой маленькія легко нагруженныя санки. Они были неутомимѣе всѣхъ людей на пѣшемъ бѣгу и приходили не столько изъ торговаго разсчета, сколько изъ любопытства, ибо люди одулъ не

*) Оленьи коряки.
**) Приморскіе коряки.
***) Юкагиры.

желаютъ пропускать ни одного случая къ развлеченію. Съ далекаго южнаго мыса являлись ительмены *), приземистые и широколицые, въ одеждахъ, пестро сшитыхъ изъ сѣрыхъ собачинъ, пятнистыхъ птичьихъ шкурокъ и черныхъ соболей. Они платили выкупъ въ каждомъ поселкѣ, лежавшемъ на пути; вмѣстѣ съ ними являлись звѣрообразные куру **), мохнатые какъ медвѣди, съ выпученными глазами, какъ у злого духа Ивметуна, дающаго падучую болѣзнь. Съ невѣдомаго сѣвера являлись мореходы юитъ ***) въ балахонахъ изъ моржовыхъ кишекъ, украшенныхъ птичьими хохолками. Отецъ Кутхъ вдавливаетъ имъ при рожденіи носы внутрь, а они пробиваютъ себѣ щеки и вставляютъ туда костяныя пуговки. Даже оленьи всадники, живущіе неизвѣстно гдѣ ****), подвижные, какъ птицы, являлись на своихъ легконогихъ скакунахъ и останавливались лагеремъ въ сторонѣ отъ всѣхъ.

Предметы, привезенные для обмѣна, были неистощимо разнообразны. Оленеводы приносили шкуры молодыхъ оленей и готовое платье. Никакіе мѣха южныхъ и западныхъ странъ не могли соперничать съ ними въ красотѣ и мягкости и даже мохнатый куру готовъ былъ вынуть изъ ушей хитро завитыя бѣложелѣзныя серьги въ обмѣнъ за гладкошерстую рубаху изъ глянцевитыхъ черныхъ шкурокъ, съ пестринкой у подола и тонкой лисьей оторочкой. Они ежедневно закалывали жирныхъ оленьихъ быковъ, ибо ручныя стада и домашнія собаки даже на Чагарскомъ полѣ оставались подвластными ножу владѣльца. Священному раку принадлежали только рога, часть крови и душа каждаго убитаго животнаго. Мясо оленей тоже превосходило вкусомъ всякую другую ѣду и разбиралось пришельцами нарасхватъ. Не мудрено, что жители берега, презиравшіе оленеводовъ за грубость и глупость, завидовали ихъ жизни среди безчисленныхъ стадъ и со вздохомъ вспоминали о пышной мѣховой одеждѣ и сладкой мясной пищѣ, доступной каждому бѣдному пастуху.

Береговые принесли шкуры нерпъ и большихъ тюленей; моржовые ремни, китовину; огромные мѣшки, налитые смѣшаннымъ китовымъ, моржовымъ и тюленьимъ саломъ, пригоднымъ для освѣщенія и ѣды. Ительмены, земля которыхъ богата различными камнями, привезли берестяныя коробки, наполненныя наконечниками стрѣлъ, бережно переложенными травой, связки большихъ копій и маленькіе топоры, искусно выбитые изъ кремня и другого

*) Камчадалы.
**) Курильцы.
***) Эскимосы.
****) Тундренные ламуты.

гладкаго камня, чернаго, какъ перетопленный жиръ, и блестящаго, какъ осенній ледъ *).

Дороже всѣхъ цѣнились маленькія, мелко иззубренныя стрѣлки изъ тускло-прозрачнаго камня, похожаго на нечистый ледъ; онѣ считались амулетами и обладателю давали защиту отъ внезапныхъ болѣзней; поражая звѣря, онѣ проникали глубже и причиняли болѣзненную рану, истощавшую силы, необходимыя для бѣгства. Многіе изъ ительменовъ приносили также связки сушеныхъ мухоморовъ, дающихъ человѣку внезапное веселье и способность сравниться съ духами. Мухоморы назначались преимущественно для оленеводовъ, которые были готовы заплатить по оленю за самую маленькую связку, лишь бы хоть однажды упоить свою душу силой грибного пьянства. Мохнатые куру приносили сладкіе съѣдобные клубни, ожерелья и блестящія иглы, которыя цѣнились по шкурѣ за иглу, такъ какъ были крѣпче костяныхъ и не стачивались отъ шитья. То и другое шло съ далекой земли на югѣ **), гдѣ, по разсказамъ, люди кишѣли, какъ мухи надъ рыбными вѣшалами, были искусны на выдумки и запрягали другъ друга въ сани, какъ оленей или собакъ. Люди одулъ приносили лосиную шерсть для вышивокъ, бѣлую съѣдобную землю и огромные луки, склеенные изъ двойныхъ деревянныхъ полосъ. Мореходы юитъ приносили китовый усъ для подбиванія полозьевъ и искусно сдѣланные наконечники гарпуновъ; маленькіе оленьи всадники, не допускавшіе приближенія чужихъ людей, выносили изъ своего лагеря ковши изъ бараньяго рога, арканы, искусно сплетеные изъ жилъ, острые кремни, дававшіе искру при взаимномъ ударѣ, и клали ихъ на снѣгу, безмолвно требуя равноцѣннаго дара.

Обширная долина на берегу Анапки между двумя грядами холмовъ, покрытыми съ южной стороны порослями ивняка, была вся занята лагерями гостей. Всѣ племена стояли порознь, и даже люди, пришедшіе изъ сосѣднихъ поселковъ, недовѣрчиво отодвигались другъ отъ друга, не взирая на безопасность мѣста. То было время, когда близкіе сосѣди враждовали другъ съ другомъ дольше и ожесточеннѣе всего.

Оленеводы соединились стойбищами по околоткамъ и, поставивъ походные шатры, отаборились въ большомъ кругу саней, соединенныхъ стоймя. Поморяне выгребли ямы въ снѣгу, обставили ихъ длинными ѣздовыми нартами и окружили снѣжнымъ окопомъ. Кромѣ того, они привязали снаружи самыхъ чуткихъ и злыхъ собакъ. Люди одулъ ушли въ глубину тальника и построили себѣ шалаши изъ вѣтвей на подвѣтряной сторонѣ холмовъ. Мореходы

*) Обсидіанъ.
**) Японія.

юитъ воздвигли цѣлую крѣпость изъ огромныхъ глыбъ снѣга, скрѣпленныхъ водою, какъ не сокрушимымъ цементомъ. Только боязливые оленьи всадники помѣстились въ чистомъ полѣ безъ всякаго стана. Ихъ вьючныя сумки были всегда завязаны, легкія палатки едва держались на жердяхъ, совершенно ручные олени, прибѣгавшіе на зовъ, какъ собаки, паслись вблизи. При первомъ признакѣ тревоги эти маленькіе людишки, похожіе на степныхъ тушканчиковъ, могли собрать свой летучій караванъ и умчаться прочь...

Всѣ народы сошлись почти одновременно, ибо отъ этого зависѣла безопасность взаимной встрѣчи и быстрота торга. Торгъ долженъ былъ начаться завтра, ибо первый день всегда былъ посвященъ жертвоприношеніямъ. Во всѣхъ разнообразныхъ лагеряхъ, отъ края до края долины, слышался громкій и дробный стукъ бубновъ, унылое пѣніе шамановъ или нечеловѣческіе вопли злыхъ духовъ, воплотившихся на время въ тѣлѣ своихъ служителей. Оленеводы убивали оленей и опрыскивали свѣжей кровью четыре стороны свѣта, выставляли на снѣгу маленькія жертвенныя фигурки изъ сала и тертыхъ листьевъ и дѣлали возліянія огню и водѣ густой и пахучей похлебкой, сваренной съ жиромъ и кореньями. Приморскіе жители убивали щенковъ и выставляли ихъ на длинныхъ и заостренныхъ шестахъ. Ительмены надѣлали идоловъ изъ дерева и приносили жертву имъ, хотя это могло возбудить ревность Авви. Трое людей куру, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними, строгали изъ дерева замысловатыя стружки, которыя они считали величайшей святыней; люди одулъ творили заклинанія надъ зловѣщими черными мѣшечками, гдѣ заключались высохшія части труповъ, принадлежавшихъ различнымъ предкамъ и раздѣленныхъ поровну между потомками. Мореходы юитъ хлопотали у молитвенныхъ картинъ, нарисованныхъ кровью на игрушечныхъ веслахъ, а оленьи всадники тихо и осторожно гремѣли челюстями дикихъ оленей и связками медвѣжьихъ зубовъ, которыя набрались въ ихъ мѣшкахъ послѣ прошлогодней охоты. Оленеводы предлагали свои дары богу молча и гордо. Они знали, что ихъ шкуры и мясо предметы общаго вожделѣнія, и не думали о цѣнахъ, но приморскіе жители ревностно молились о томъ, чтобы Авви умягчилъ сердце богатыхъ кочевниковъ и отуманилъ ихъ умъ и позволилъ имъ пріобрѣсти отъ нихъ столько рухляди и одежды, чтобы хватило на раздачу всѣмъ домочадцамъ и пріятелямъ въ родномъ селеніи. Боязливые оленьи всадники не знали, о чемъ молиться. Ихъ круглые быстрые глазки были жадны, какъ сорочьи, и привлекались больше всего къ новымъ преметамъ, самое употребленіе которыхъ оставалось для нихъ неизвѣстной загадкой.

Мышеѣды *), стоявшіе лагеремъ въ лѣвомъ углу обширнаго Чагарскаго поля, не молились и не приносили жертвъ. Они пришли съ безлюдной тундры, лежавшей къ югу отъ плоскихъ горъ Палпала и отличались пестротою одежды, ибо кафтаны изъ сурковыхъ шкуръ перемежались въ ихъ средѣ съ оленьими рубахами и жесткими балахонами изъ плохо выдѣланной тюленины. Одни изъ нихъ пріѣхали на санкахъ объ одномъ оленѣ, другіе на парѣ небольшихъ собакъ, мохнатыхъ и коротконогихъ и столь свирѣпыхъ, что онѣ часто бѣсились отъ ярости, третьи пришли пѣшкомъ на небольшихъ лыжахъ изъ ременной плетенки, съ копьемъ вмѣсто посоха и котомкою за плечами. Мышеѣды были бѣднѣе всѣхъ людей сѣвера, ибо ихъ земля не родила даже мху и Авви, ненавидѣвшій ихъ за безбожіе и сварливость, не позволялъ рыбамъ подниматься въ ихъ рѣки. Мышеѣдами ихъ звали за то, что они не гнушались никакой пищей и ребятишки ихъ забавлялись, выкапывая мышей изъ земли и проглатывая ихъ цѣликомъ, какъ голодныя собаки. Сами себя они называли просто «людьми» и даже «настоящими людьми». Сосѣднія племена презирали ихъ отъ всей души и навязывали родство съ ними другъ другу. Оленеводы считали ихъ отраслью рода юитъ. Мореходы называли ихъ, какъ и оленьихъ, тундренными бродягами; приморскіе собачники сложили насмѣшливую сказку, будто мышеѣды родились отъ помета собачьихъ нартъ, проѣзжавшихъ сквозь восточную тундру для торга. На самомъ дѣлѣ мышеѣды представляли смѣсь различныхъ племенъ и были потомками всевозможныхъ отверженцевъ, бѣжавшихъ изъ приморскихъ поселковъ и кочевыхъ стойбищъ послѣ какого-нибудь непоправимаго преступленія. Убійцы и осквернители домашняго огня, расточители стадъ, послѣдыши выморочныхъ семей и теперь постоянно уходили въ эти степи, необозримыя, какъ море, гдѣ мышеѣды обезпечивали имъ убѣжище и защиту отъ мести враговъ. И мышеѣды не боялись ни боговъ, ни людей; въ своихъ стойбищахъ они не приносили жертвъ даже въ то время, когда мстительный духъ заразы проходилъ надъ землею, разсыпая направо и налѣво свои незримыя стрѣлы. Они не боялись и не избѣгали смерти. Старики и больные приказывали родственникамъ немедленно убивать себя. Юноши и дѣвушки лишали себя жизни по минутному капризу, отъ злости, отъ огорченія въ любви, отъ обманутыхъ ожиданій. Мышеѣды относились къ богамъ до такой степени непочтительно, что сочиняли насмѣшливыя сказки о Кутхѣ и его семьѣ, полныя крѣпкаго и дерзкаго юмора и дававшія перевѣсъ надъ глупымъ вороном маленькимъ

*) Чукчи съ Телькенской тундры до сихъ поръ носятъ кличку мышеѣдовъ.

мышамъ, благодаря ихъ лукавому прозорству. Они разсказывали объ Авви, что онъ однажды показался на берегу въ видѣ большого моржа и сталъ хвастать силою, но «люди» предложили ему покататься на оленяхъ и поймавъ на арканъ двухъ большихъ дикихъ быковъ, припрягли ихъ къ моржу; быки утащили его въ горы, гдѣ онъ едва не погибъ съ голоду... Ихъ молодые парни обыкновенно соединялись въ шайки, которыя скитались на огромномъ пространствѣ, наводя ужасъ на сосѣдей, хотя при энергичномъ отпорѣ онѣ немедленно возвращались вспять. Одна изъ такихъ шаекъ забралась теперь на Чагарское поле, конечно, не для торгу, ибо у нихъ не было ничего пригоднаго для обмѣна. Запретъ Авви, однако, не имѣлъ въ ихъ глазахъ никакой цѣны, и врядъ ли даже эти необузданныя дѣти природы были въ состояніи понять сущность временнаго мира, установленнаго на полѣ Чагарскомъ.

Прежде всего они нуждались въ пищѣ, ибо у нихъ не было ни запасовъ, ни друзей между оленеводами. Пока другія племена занимались жертвоприношеніями, мышеѣды всей гурьбой отправились на рѣку и усѣвшись на самой большой полыньѣ, гдѣ ледъ далъ глубокія трещины, принялись удить рыбу.

По своему обыкновенію мышеѣды даже рыбною ловлею занимались съ шумомъ и насмѣшками.

— Ухъ, ухъ!—гикали они надъ прорубью, вытащивъ вертлярую рыбу на крючкѣ.

— Старшаго брата еще позови!

Другіе громко свистали и топали ногами, рискуя разогнать рыбу и заглядывая въ щель льда, насмѣшливо спрашивали: «Толстобрюхіе поморяне, гдѣ вы? Пловцы съ тупымъ носомъ, гдѣ вы?»— приравнивая жирныхъ гольцовъ къ жителямъ приморскихъ поселковъ на сѣверѣ и югѣ, въ особенности къ людямъ юитъ, у которыхъ были приплюснутые носы.

Уды ихъ состояли изъ тонкаго костяного колышка, къ срединѣ котораго была привязана леса; когда рыба проглатывала колышекъ вмѣстѣ съ приманкой, при первомъ напряженіи лесы, онъ поворачивался поперекъ, подобно тюленьему гарпуну, застрявшему въ ранѣ. Однако, чтобы рыба не соскальзывала съ крючка, ее нужно было подсѣкать съ такою силою, что леса, выскакивая изъ проруби, отлетала далеко назадъ вмѣстѣ съ добычею. Пользуясь этимъ, многіе мышеѣды не приносили даже удъ: они просто стояли сзади рыболововъ и слѣдили, не сорвется ли прочь какая-нибудь рыба, высоко взлетѣвшая на воздухѣ вмѣстѣ съ лесою. Такая рыба считалась ихъ законною добычею и они кидались на нее гурьбою къ великой потѣхѣ удильщиковъ, мстившихъ насмѣшками за свою потерю. Иногда два или три человѣка, впившись

въ скользкое рыбье тѣло когтями и зубами, разрывали его на части и пожирали сырьемъ, выкинувъ внутренности и съ хрустѣніемъ перегрызая тонкія рыбьи кости. Къ вечеру нѣсколько приморскихъ рыболововъ тоже пришли на рѣку, но лучшія мѣста были заняты мышеѣдами, а усѣвшись рядомъ съ ними, нужно было подчиниться ихъ безбожному обычаю, оскорблявшему пойманную добычу, или затѣять ссору. Поморяне предпочли уйти за цѣлый рѣчной плёсъ къ другой полыньѣ, гдѣ рыбы было меньше, но гдѣ они могли заниматься ловлею по своему, безъ всякой помѣхи.

II.

Торгъ начался на слѣдующее утро безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Старые знакомцы мѣнялись только другъ съ другомъ, не обращая вниманія на приставанія другихъ. Иные, надѣвъ на руку свитокъ плохого ремня, ходили изъ стойбища въ стойбище, не рѣшаясь разстаться съ своимъ товаромъ и не умѣя отыскать равноцѣннаго товара, но большая часть рѣшалась на обмѣнъ быстро, руководствуясь внезапно вспыхнувшимъ желаніемъ и не соразмѣряя взаимной стоимости товаровъ.

Жители селенія Палланъ вышли на торгъ всѣ вмѣстѣ, одѣтые въ панцыри изъ толстыхъ травяныхъ циновокъ и неся свои товары на концѣ копья. Такъ повелѣвалъ имъ обычай, желавшій сохранить въ мирномъ процессѣ обмѣна формы прежней неумолимой вражды.

Люди юитъ устроили торговую пляску совмѣстно съ двумя большими оленьими стойбищами; въ пляскѣ, кромѣ мужчинъ, участвовали и женщины. Она началась жертвоприношеніями и особыми обрядами, знаменующими временный бракъ, и должна была продолжаться до полнаго истощенія силъ всѣхъ участниковъ. Обмѣнъ товаровъ долженъ былъ состояться только на утро въ видѣ взаимныхъ даровъ, скрѣпляющихъ новыя узы брачнаго побратимства.

Торговля мухоморами велась подъ секретомъ, ибо всѣ гости ярмарки, возбужденные праздничными ощущеніями, до такой степени жаждали возможности упиться, что изъ взаимнаго соперничества у покупателей неминуемо долженъ былъ завязаться споръ. Только въ большомъ селеніи Вайкенъ, жители котораго славились торговою ловкостью и въ крайнемъ случаѣ надѣялись на свое многолюдство, продажа мухоморовъ производилась болѣе явно, и большая кожаная палатка, стоявшая среди лагеря, представляла родъ лавочки, гдѣ счастливые покупатели, не рискуя возвращаться домой съ драгоцѣнной покупкой, могли предаваться опьяненію въ атмосферѣ, наполненной острымъ запахомъ выдѣленій,

среди дикихъ криковъ сосѣдей, объятыхъ буйнымъ экстазомъ отъ могущественнаго снадобья. Жители селенія Вайкенъ не имѣли собственныхъ мухоморовъ, но они пріобрѣтали ихъ торговлей изъ южныхъ поселковъ и подбирали все лѣто и зиму грибъ къ грибу для годичной ярмарки. Ительмены, не знавшіе языка оленьихъ людей, большей частью отдавали имъ свои запасы на коммиссію, довольствуясь половиной платы. Другая половина оставалась счастливымъ торговцамъ, увеличивая благосостояніе ихъ селенія, которое было богаче всѣхъ на западномъ берегу.

Камакъ, богатый оленеводъ съ сѣвера, изъ племени сѣверныхъ таньговъ *), говорившихъ другимъ, болѣе грубымъ нарѣчіемъ, сидѣлъ въ глубинѣ палатки на большой сумѣ, наполненной рухлядью. Его безобразное лицо съ маленькими злыми глазами, большими оттопыренными ушами и бѣлымъ шрамомъ поперекъ щеки, дышало свирѣпостью и, дѣйствительно, заслуживало имя Камака, т.-е. дьявола, которое духи предковъ дали ему при рожденіи при посредствѣ установленныхъ гадательныхъ знаковъ. Онъ пришелъ на ярмарку въ первый разъ три года тому назадъ единственно ради мухоморовъ и сразу купилъ десятокъ крупныхъ грибовъ. Но на его природу мухоморы почему-то не дѣйствовали, и крупная доза, способная отравить быка, прошла совершенно безслѣдно. Упрямый таньгъ не хотѣлъ отстать и уже третій разъ приходилъ на ярмарку, отдавая всѣ свои шкуры за безплодную попытку опьяненія. Все свое время онъ проводилъ въ мухоморной палаткѣ, раздражая свои нервы зрѣлищемъ чужого возбужденія, готовый вытащить ножъ и воткнуть его въ грудь ближайшему сосѣду или, пожалуй, самому себѣ.

На другой сторонѣ палатки сидѣлъ Ваттувій, шаманъ изъ многочисленной семьи Кымчанто, что означаетъ «вышедшіе изъ солнечнаго луча», которая насчитывала въ своихъ нѣдрахъ тридцать взрослыхъ мужчинъ и больше сотни малолѣтнихъ дѣтей. Семья жила вмѣстѣ, но ея безчисленные олени были разбиты на четыре стада, которыя то сходились, то расходились, соотвѣтственно измѣненію временъ года. Ваттувій былъ младшимъ изъ шести сыновей престарѣлаго Ваата, еще жившаго въ большомъ шатрѣ на верховьяхъ рѣки Омкуелъ, и семья посвятила его служенію духамъ, чтобы упрочить свое благосостояніе покровительствомъ высшихъ силъ. Ваттувію могло быть около пятидесяти лѣтъ, но его небольшое сухощавое тѣло казалось какъ будто сплетеннымъ изъ крѣпкихъ оленьихъ жилъ и изобличало большую силу и необычайную ловкость, необходимую для подвиговъ волхованія, когда тяжелая палатка иногда поднимается надъ головой слушателей,

*) Чукчи.

какъ легкій берестяный буракъ, опрокинутый надъ муравейникомъ. Онъ присѣлъ на скрещенныхъ ногахъ, которыя упруго колебались, какъ перекрещенныя тетивы деревяннаго капкана. Его длинная черная грива была связана на затылкѣ пушистой полоской тюленьей шкуры, красиво окрашенной въ пунцовый цвѣтъ. Въ противоположность обычной модѣ мужчинъ, духи запретили ему стричь волосы и не позволили даже заплести ихъ въ косу, какъ это дѣлала большая часть шамановъ.

Сзади Ваттувія сидѣлъ его племянникъ, крѣпкій молодой атлетъ съ безусымъ лицомъ и большими карими глазами. Имя его было Ваттанъ, ибо всѣ потомки Ваата вставляли его имя въ свое, какъ основной корень. Отецъ послалъ его, чтобы блюсти за шаманомъ. который въ припадкѣ экстаза легко могъ причинить повреждеиіе себѣ или другимъ; посѣщавшіе его духи нерѣдко обнаруживали проказливость и склонность къ опаснымъ шуткамъ, которыя безъ своевременнаго вмѣшательства шаманскихъ прислужниковъ грозили окончиться очень дурно.

Ваттувій держалъ на ладони три большихъ гриба съ пестрой шляпкой и чернымъ сморщеннымъ стержнемъ. Это была обычная порція крѣпкаго мужчины, но прежде чѣмъ принять ее, онъ желалъ воспѣть дѣйствіе мухомора, какъ это подобаетъ вдохновенному провидцу. Въ его глазахъ уже сверкали искры опьяненія, ибо въ этой тяжелой и возбуждающей атмосферѣ онъ ощущалъ движеніе мухоморныхъ духовъ, которые живутъ подъ пнями въ безобразныхъ грибахъ, но обладаютъ невѣдомой властью надъ всѣмъ міромъ.

— А-а!—громко вздохнулъ Ваттувій, давая знакъ, что сейчасъ начнетъ пѣть. Хозяева и гости, которые еще не были отуманены пріемомъ гриба, тотчасъ же притихли. Посѣщеніе Ваттувія считалось честью и каждое желаніе его исполнялось во всѣхъ шатрахъ отъ подножій Палпала до верховьевъ рѣки Кончана *).

Только Камакъ, прищурившись, посмотрѣлъ на гостя и не шевельнулся съ мѣста. Его презрѣніе къ южнымъ оленьимъ людямъ простиралось также и на духовъ и онъ упрямо не вѣрилъ, чтобы вдохновеніе ихъ стоило какого-нибудь вниманія.

— А-а!—повторилъ Ваттувій высокимъ протяжнымъ звукомъ.

Лукавое племя мухомора прячется подъ кучей листьевъ, ахъ, ахъ, ахъ!
Ищетъ, кого отуманить;
Не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ, о, о, о!
Короткіе обрубки тѣлъ
Крадутъ силу у каждаго воина!..
Маленькіе красненькіе мухоморчики, ого! ого!

---

*) Рѣка Камчатка.

Проростаютъ сквозь землю,
Мягкимъ затылкомъ поднимаютъ обломки скалъ, ого!
Тяжелые пни поднимаютъ, сдвигая съ мѣста, ухъ!..
Маленькіе красные мухоморчики, ахъ! Ахъ!
Проростаютъ сквозь камень, охъ!
Сердце его разрываютъ въ дребезги,
Разсыпаютъ мелкими брызгами, ухъ! Ухъ! Ухъ!
Тайные духи мухомора,
Они знаютъ всѣ страны свѣта,
Они ходятъ по извилистымъ путямъ,
Словно слѣды мышей на снѣгу.
Они водятъ стараго пьяницу,
Чтобы показать ему все скрытое.
Онъ пролѣзаетъ въ дыру зенита,
Какъ нерпа, выходящая на ледъ,
Вмѣстѣ съ небесными людьми
Онъ играетъ въ мячъ
Живой моржовой головой,
Ревущей, глядящей, кусающей...
Онъ спускается сквозь пуповину земли,
Какъ нерпа, нырнувшая въ воду.
Онъ посѣщаетъ землю блаженныхъ собакъ,
Гдѣ оленьи стада, какъ морской песокъ,
Гдѣ жирные быки по каменной стрѣлѣ,
А важенки по скребку,
А телята совсѣмъ даромъ...
Онъ видитъ духовъ заразы
Съ глазами, висящими на ниткахъ,
Съ четырьмя желудками,
Съ острогой въ рукѣ...
Онъ видитъ большого голоднаго дьявола,
Его еще ни разу не кормили,
И никогда не будутъ кормить,
Остерегайтесь подходить къ нему близко!..

Ваттувій пѣлъ высокимъ протяжнымъ речитативомъ, останавливаясь по временамъ, чтобы перевести духъ. Образы такъ и лѣзли ему въ голову, отрывки прошлыхъ видѣній смѣшивались съ предвкушеніями мухоморнаго экстаза, и по временамъ онъ путался и не зналъ, что выбирать. Вдругъ хитрая улыбка мелькнула на его лицѣ. Онъ вспомнилъ безчисленныя проказы, которыя духи мухоморовъ продѣлываютъ надъ отуманенными людьми, подпавшими ихъ власти.

Насмѣшливое племя мухоморовъ,

Запѣлъ онъ опять тѣмъ же высокимъ и протяжнымъ голосомъ.

Они ходятъ по извилистымъ путямъ,
Они водятъ стараго пьяницу;

Водя, обманываютъ на каждомъ шагу.
На ровномъ мѣстѣ вырастаютъ горы,
На отвѣсномъ обрывѣ гладкая дорога,
Игла кажется копьемъ,
Костяной наперстокъ панцыремъ,
Малое большимъ,
Ясное темнымъ.
Насмѣшливое племя мухоморовъ,
Водя, пугаетъ на каждомъ шагу:
Полный мѣсяцъ корчитъ рожи,
Громкіе голоса требуютъ поклоновъ,
Гибкія лозы хлещутъ въ лицо,
Шиповникъ царапается, какъ женщина,
Колючія шишки попадаютъ въ обувь...
Ахъ, ахъ, ахъ!

Ваттувій опять сдѣлалъ передышку, на этотъ разъ короткую, ибо внезапно онъ почувствовалъ нетерпѣніе и потребность перейти отъ словъ къ дѣлу... Но такъ или иначе нужно было докончить пѣсню.

Могучее племя мухоморовъ,

—запѣлъ онъ ускоренымъ темпомъ,—

Кто съ нимъ водится, становится мудрымъ.
У него вырастаютъ широкія крылья,
Летая, повсюду обозрѣваетъ свѣтъ,
Все видитъ, все знаетъ,
Всѣмъ наслаждается, всему смѣется,
Проказливый дьяволъ, какъ они...

Слушателямъ стало страшно. Проказливые духи и ихъ служители пользовались очень дурною славой. Хозяинъ шатра Елхутъ, низкій и приземистый человѣкъ, съ раковинами въ ушахъ, кожаной повязкой на лбу и маленькими раскосыми глазками, осторожно переглянулся съ своимъ двоюроднымъ братомъ Юлтомъ, который стоялъ у входа и бдительно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Если слова Ваттувія обѣщали внезапное нападеніе со стороны людей или духовъ, нужно было держаться насторожѣ. Около десятка дѣтей и племянниковъ, все дюжіе парни, привычные къ дракамъ, сидѣли и стояли въ разныхъ мѣстахъ шатра, готовые по первому знаку Елхута схватиться за оружіе и броситься впередъ.

Подростокъ Чайвунъ, одинъ изъ пастуховъ Камака, который послѣ утренняго убоя долженъ былъ уйти вмѣстѣ со стадомъ на ближайшее пастбище, но отсталъ отъ товарищей и подъ конецъ увязался за хозяиномъ и забрался въ палатку мухоморовъ, потихоньку всталъ съ мѣста, вышелъ за дверь, потомъ выбрался изъ лагеря вайкенцевъ и поспѣшно пошелъ въ догонку за своимъ

стадомъ. Онъ боялся, чтобы проказливые духи не сыграли какой-нибудь злой шутки именно надъ нимъ, ибо они нападали охотнѣе всего на такихъ молодыхъ и беззащитныхъ парней. Они могли, напримѣръ, превратить его въ сурка за то, что онъ слишкомъ крѣпко спалъ въ снѣжныя ночи, вмѣстѣ съ своими оленями, или обкормить его волчеѣдиной, чтобы внутренняя сторона его кожи обмохнатѣла, или сдѣлать его ненавистнымъ для молодыхъ дѣвушекъ. Бѣдный пастухъ ускорилъ шаги и безъ оглядки убѣжалъ въ стадо.

Ваттувій торопливо разорвалъ грибы по волокнамъ и проглотилъ кусокъ за кускомъ, запивая водой, потомъ усѣлся на шкурѣ ожидать результата; уже черезъ пять минутъ лицо его стало корчиться, зрачки съузились и глаза стали судорожно и часто моргать. Онъ былъ наполовину пьянъ отъ ожиданія, ибо духи мухомора, уважая его искусство, являлись по его желанію безъ дальнихъ проволочекъ. Ваттанъ смирно сидѣлъ въ сторонѣ и наблюдалъ за дядей внимательно, но безъ особаго интереса. Ему случалось видѣть шамана въ такихъ странныхъ и разнообразныхъ припадкахъ вдохновенія, что у него исчезло не только удивленіе, но и страхъ передъ ними. Къ замысловатымъ подвигамъ Ваттувія онъ относился приблизительно, какъ къ хорошо знакомому и нѣсколько надоѣвшему представленію, и даже полуинстинктивно сомнѣвался въ ихъ реальности, хотя факты ежедневно доказывали ему его неправоту, ибо Ваттувій вылечивалъ даже оленей и собакъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней, предсказывалъ степень обилія дичи и размноженія домашнихъ оленей, давалъ женщинамъ лекарства отъ безплодія и дѣвушкамъ приворотные корешки для привлеченія молодыхъ парней.

Ваттувій посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ неподвижно растянулся на шкурѣ и закрылъ глаза, ибо дремота ускоряла и усиливала дѣйствіе гриба въ началѣ опьяненія. Въ разныхъ углахъ шатра было около десяти пьяныхъ; одни лежали на шкурахъ, какъ Ваттувій; другіе сидѣли, глядя вокругъ воспаленными глазами и произнося безсвязныя восклицанія.

Огромный старикъ, съ краснымъ лицомъ и волосами, подернутыми сѣдиной, топтался передъ очагомъ шатра, потряхивая головой и нелѣпо вывертывая бедра. Мухоморы заставили его вообразить себя молодой дѣвушкой и теперь ему казалось, что онъ пляшетъ обрядовый танецъ передъ толпой восхищенныхъ зрителей...

Ваттувій вдругъ поднялся на мѣстѣ и открылъ глаза.

— Пришли?—громко заговорилъ онъ.—Здравствуйте, здравствуйте! Ты иглокожій, ты сверло, ты ножовый черенъ!—перечислялъ онъ странныхъ духовъ мухомора, давая имъ имена соотвѣтственно ихъ внѣшнему сходству съ реальными предметами.

— Что надо?—спросилъ онъ, какъ будто отвѣчая на вопросъ.— Ножъ надо?

Онъ быстро поднесъ руку къ поясу, но ножны были пусты, ибо Ваттанъ давно вытащилъ и припряталъ у себя широкую полоску шифернаго камня, которая служила шаману для обычнаго употребленія. Не найдя ножа на обычномъ мѣстѣ, шаманъ передернулъ плечами, выпросталъ правую руку внутрь широкой мѣховой рубахи и тотчасъ же извлекъ ее вооруженною крѣпкимъ осколкомъ кости, сточеннымъ съ обѣихъ сторонъ и острымъ, какъ шило. Въ борьбѣ съ проказливымъ шаманомъ хуже всего было то, что онъ постоянно пряталъ на себѣ ножи въ разныхъ неизвѣстныхъ мѣстахъ.

«Подъ кожей!» равнодушно подумалъ Ваттанъ, двадцать разъ слышавшій отъ дяди такое хвастливое утвержденіе. Онъ разсматривалъ это такъ, какъ будто шаманамъ было свойственно имѣть подъ кожей особые карманы для мелкихъ вещей и это было самое естественное явленіе въ мірѣ...

— Какого?— опять спросилъ Ваттувій своего невидимаго собесѣдника.—Этого?— Онъ проворно подползъ къ своему ближайшему сосѣду, безчувственному, окончательно побѣжденному мухоморнымъ одурѣніемъ, повернулъ его спиною вверхъ и сталъ примѣривать самый предательскій ударъ. Ваттанъ быстро поймалъ и стиснулъ вооруженную руку шамана. Лицо Ваттувія сморщилось отъ боли, онъ всхлипнулъ, какъ ребенокъ, рука его безсильно разжалась и костяной ножъ упалъ на неподвижное тѣло спящаго. Ваттанъ хотѣлъ подобрать ножъ, но Ваттувій оказался проворнѣе, онъ подхватилъ ножъ лѣвой рукой и ударилъ на отмашь племянника, извиваясь, какъ раненая кошка, и усиливаясь вырвать свою онѣмѣвшую кисть изъ могучей руки молодого силача. Ваттанъ также быстро бросился впередъ, ножъ прокололъ мѣховую рубаху и, скользнувъ вдоль спины, оцарапалъ кожу. Ваттанъ поймалъ другую руку шамана и окончательно отнялъ ножъ, потомъ оттащилъ его на прежнее мѣсто.

— Гдѣ еще ножи? — сказалъ онъ ему рѣшительно, но безъ злости. Въ обычное трезвое время они жили съ Ваттувіемъ очень дружно, несмотря на разницу возрастовъ, ибо шаманъ относился съ уваженіемъ къ несокрушимой силѣ племянника и его равнодушному спокойствію передъ самыми необычайными выходками духовъ.

— Отдай ножи, — твердо повторилъ Ваттанъ. Онъ хорошо зналъ, что Ваттувій имѣетъ при себѣ еще оружіе.

Побѣжденный шаманъ опять втянулъ руку внутрь рубахи и вытащилъ кусокъ твердаго китоваго уса, сточеннаго съ боковъ двумя острыми лезвіями.

*

— Еще,—настаивалъ Ваттанъ,—еще есть.

Шаманъ досталъ еще ножъ изъ чернаго обсидіана, гораздо тверже и острѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе.

— Еще одинъ! — повторилъ Ваттанъ. Онъ зналъ наперечетъ все оружіе дяди и ему не хватало самаго опаснаго изъ ножей, священнаго шаманскаго кинжала, гладко выточеннаго изъ зеленаго нефрита съ ложбинкой на лезвіѣ, въ которой запеклась человѣческая кровь.

Этимъ кинжаломъ Ваттувій распарывалъ животъ своимъ паціентамъ, чтобы разсмотрѣть знаки вредныхъ чаръ на пораженныхъ внутренностяхъ; онъ имѣлъ собственную жизнь, могъ превращаться въ духа, обладалъ самостоятельной силой исцѣленія, но одной царапиной убивалъ врага.

— Отдай кинжалъ!—неотступно повторялъ Ваттанъ.

Ваттувій попрежнему передернулъ плечами и неожиданно, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, засунулъ руки подъ рубаху племянника и принялся щекотать его голую грудь. Лицо его освѣтилось ясной и лукавой усмѣшкой. Нападеніе было такъ проворно и неожиданно, что Ваттанъ, смертельно боявшійся щекотки, отшатнулся и разронялъ всѣ ножи. Быстрѣе молніи Ваттувій подхватилъ свое оружіе и, нырнувъ головой въ сброшенную рубаху, выскочилъ на середину шатра.

— Вотъ ловите!—кричалъ онъ съ бѣшеннымъ весельемъ; подбрасывая вверхъ одинъ за другимъ свои ножи, которые взлетали до дымового отверстія и какъ будто сами возвращались къ его незнающимъ промаха рукамъ. Зеленый кинжалъ, ярко выдѣлявшійся среди другихъ ножей величиной и видомъ, однажды даже вылетѣлъ наружу, благополучно проскользнувъ сквозь частый переплетъ сходящихся жердей шатра, и тотчасъ же вернулся назадъ къ своему владѣльцу, какъ соколъ, улетавшій въ вышину за пернатой добычей.

— Живой, живой! — боязливо шептали зрители, прижавшись къ стѣнамъ.

Даже вайкенцы были увлечены суевѣрнымъ страхомъ оленеводовъ и забыли о своемъ недовѣріи къ духамъ чужого племени. Только упрямый Камакъ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и съ ненавистью смотрѣлъ на упражненія шамана. Онъ смѣшивалъ въ своей враждѣ всѣхъ людей, жившихъ къ югу отъ его родной рѣки на полуночномъ морѣ, и называлъ ихъ потомками собакъ, хотя бы они были извѣчные оленеводы, какъ и его ближайшіе сосѣди. Но этому непостижимо ловкому человѣку, охваченному буйнымъ весельемъ, онъ завидовалъ съ яростью и чувствомъ безсильнаго недоумѣнія. Такъ могла бы завидовать неуклюжая

россомаха быстрому степному орлу, который такъ легко носится надъ ровной тундрой, отыскивая добычу, а осенью безпечно улетаетъ на теплый югъ, покидая пѣшихъ обитателей тундры на шестимѣсячный голодъ, стужу и мракъ.

— Ловите, ловите!—кричалъ Ваттувій, подбрасывая свои ножи все быстрѣе и быстрѣе.

Теперь казалось, что въ воздухѣ летаетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать ножей, а двѣ неутомимыхъ руки попрежнему успѣваютъ подхватывать ихъ быстрымъ ритмическимъ движеніемъ.

— Вотъ!—Ваттувій внезапно протянулъ обѣ руки надъ головою. Ножи куда-то исчезли.

— Теперь ищите!—задорно предложилъ Ваттувій, быстро снимая одежду.—Найдете, себѣ возьмете!

Послѣ нѣкотораго колебанія хозяинъ шатра Елхутъ принялся обыскивать одежды шамана. Онъ былъ самый богатый торговецъ на обоихъ моряхъ, но зеленый кинжалъ Ваттувія соблазнилъ его и онъ былъ не прочь пріобрѣсти его въ собственность.

Но въ одеждѣ не было ни одной лишней складки, чтобы спрятать такое множество ножей.

— Теперь на мнѣ ищите,—предложилъ шаманъ, насмѣшливо поглядывая на Елхута и поворачиваясь передъ нимъ, чтобы облегчить обзоръ. Но даже бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы опредѣлить съ увѣренностью, что на этой обнаженной фигурѣ нѣтъ ни одного лишняго предмета.

— Не нашли?.. Вотъ!..—Шаманъ проворно надѣлъ платье и вытянулъ руки вверхъ. Ножи опять выскочили изъ его рукъ, или изъ рукавовъ и помчались вверхъ одинъ за другимъ.

Камакъ продолжалъ сидѣть на мѣстѣ. Чтобы выразить свое презрѣніе къ упражненіямъ Ваттувія, онъ даже закрылъ глаза, какъ будто задремалъ. Ваттувій поглядѣлъ на него съ той же лукавой улыбкой и подбросилъ кинжалъ, въ нѣсколько наклонномъ направленіи; возвращаясь обратно, кинжалъ опустился прямо на голову Камака и крѣпко кокнулъ его по темени концомъ рукоятки, потомъ отскочилъ въ сторону и исчезъ въ широкомъ рукавѣ шамана. Камакъ съ крикомъ вскочилъ съ мѣста: быть можетъ, онъ, дѣйствительно, задремалъ отъ утомленія, ибо, приближаясь къ мѣсту ярмарки, онъ терялъ сонъ и аппетитъ въ вѣчной думѣ о мухоморахъ. Онъ выхватилъ длинное копье съ роговымъ наконечникомъ, заткнутое за переплетъ жердей, и изо всей силы ткнулъ имъ шамана въ грудь. Ваттувій быстро отскочилъ въ сторону, копье, не встрѣтивъ сопротивленія, прошло далеко впередъ, прямо подъ руку Ваттана, который не долго думая, поймалъ конецъ, съ силой дернулъ къ себѣ, чтобы вырвать изъ рукъ

Камака, и, даже не оборачиваясь, ударилъ противника въ грудь тупымъ концомъ древка, съ такой силой, что Камакъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и сбилъ съ ногъ Елхута, стоявшаго сзади.

Торговцы мгновенно разсвирѣпѣли.

— Драться, драться!—кричали они:—на святомъ мѣстѣ?

И расхватавъ копья изъ-за перекладинъ шатра, бросились на обоихъ зачинщиковъ, какъ злая и хорошо выдрессированная собачья свора.

Оленьимъ людямъ пришлось бы плохо, ибо Ваттанъ такъ и не успѣлъ повернуть копья и сжималъ его въ рукахъ, какъ палку. Но безумный Ваттувій нашелся.

— Авви! Авви! Хакъ! хакъ! хакъ!—неистово завопилъ онъ, производя языкомъ характерное щелканье, которое считается голосомъ святаго рака.

Его подвижное лицо измѣнилось и сдѣлалось тоньше и длиннѣе, глаза выпятились изъ орбитъ, длинныя руки вытянулись впередъ, какъ клешни, сдвигая и раздвигая пальцы. Онъ упалъ на землю и ползъ на противниковъ, поджимая нижнюю часть тѣла, какъ ползущій ракъ поджимаетъ шейку, потомъ принимался пятиться обратно, дѣйствительно, напоминая рака, наполовину принявшаго человѣческую форму, но сохранившаго еще всѣ прежнія привычки. Вайкенцы и даже самъ Камакъ невольно отступили. Авви былъ слишкомъ близко, чтобы затѣвать запрещенную имъ битву.

Ваттанъ схватилъ Ваттувія въ охапку и торопливо выскочилъ изъ шатра.

— Домой пойдемъ!—говорилъ онъ шаману, лежавшему на его рукахъ смирно, какъ ребенокъ.—Будетъ тебѣ дурить!

Ваттувій не отвѣчалъ и не шевелился. Первый періодъ мухоморнаго опьяненія пришелъ къ концу, и теперь голова его кружилась и оцѣпененіе быстро охватывало его мысли и чувства. Когда Ваттанъ достигъ своего шатра, стоявшаго ближе къ рѣкѣ, утомленный шаманъ уже спалъ мертвымъ сномъ, который долженъ былъ продлиться до слѣдующаго утра и привести за собою при пробужденіи слабость всего тѣла, неутолимую жажду и тошноту.

III.

Въ разныхъ концахъ обширнаго поля уже устраивались игрища. Въ лагерѣ таньговъ молодые люди, растянувъ большую моржовую шкуру, только что купленную у поморянина, затѣяли веселую игру, которая была изобрѣтеніемъ приморскаго племени юитъ, но съ недавняго времени стала распространяться по всѣмъ сѣвернымъ поселкамъ. Всѣ участники игрища съ шумомъ и смѣхомъ

обступили со всѣхъ сторонъ шкуру и крѣпко ухватившись руками за петли, прорѣзанныя въ ея утолщенныхъ краяхъ, натянули ее, какъ кожу барабана, и подняли въ воздухѣ. Двое молодыхъ людей, приземистый парень съ гладко остриженною головою и высокая дѣвушка съ черными косами, взлѣзли на шкуру и остановились другъ противъ друга въ выжидательной позѣ.

— Го, го, го!—загудѣла толпа мѣрнымъ и медленнымъ ритмомъ. Съ послѣднимъ звукомъ двадцать паръ рукъ дружно и крѣпко тряхнули шкуру. Натянутая моржовина щелкнула, какъ тетива, и чета импровизированныхъ акробатовъ взлетѣла вверхъ, разставивъ руки и ноги, чтобы сохранить равновѣсіе, и высоко поднявшись надъ толпою, упала обратно на шкуру. Не успѣли ихъ ноги коснуться упругой поверхности, какъ толпа тряхнула еще сильнѣе, и «прыгуны на шкурѣ» взлетѣли еще выше прежняго. Дѣвушка снова спустилась вертикально, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ молодая елка, колеблемая вѣтромъ. Странное трепетаніе ея широкихъ бедеръ, замѣтное даже подъ волнистою мѣховою одеждою, свидѣтельствовало о крайнемъ напряженіи мускуловъ, необходимомъ для этихъ головоломныхъ упражненій. Но товарищъ ея былъ менѣе счастливъ; неудачно толкнувшись ногою о зыбкую поверхность шкуры, онъ готовъ былъ упасть впередъ, когда толпа съ хохотомъ подбросила ихъ въ третій разъ. На этотъ разъ мальчикъ перевернулся въ воздухѣ и опустился уже головою внизъ, болтая руками и ногами въ тщетной надеждѣ ухватиться за что-нибудь.

Потѣха разгоралась. Парни и дѣвушки смѣняли другъ друга на предательской шкурѣ. Упавшій на ноги три раза считался побѣдителемъ, но парнямъ рѣдко удавалось счастливо исполнить трудную задачу. Дѣвушки, легкія и крѣпкія на ногахъ, были искуснѣе и нерѣдко совершали три и четыре очереди подрядъ къ великому стыду своихъ партнеровъ. Въ особенности дѣвушка съ длинными косами отличалась неутомимостью. Ея стройная фигура то и дѣло взлетала надъ толпою и косы, украшенныя по концамъ полосками пунцоваго мѣха, взвивались и опять падали на ея круглыя плечи.

У снѣжнаго стана, принадлежавшаго воинственному поселку Палланъ, нѣсколько воиновъ начали состязаніе на копьяхъ; они попрежнему были одѣты въ свои травяные панцыри, мѣшавшіе быстротѣ движеній, и тяжело наступали другъ на друга, нанося и отбивая удары и постепенно приходя въ изступленіе. Все это были сосѣди и родственники, но нельзя было сказать съ увѣренностью, не кончится ли ихъ воинственная игра серьезною схваткою, несмотря на святость мѣста.

Завидѣвъ любопытное зрѣлище, люди разныхъ племенъ стали

постепенно сходиться къ лагерю палланцевъ. Даже таньги бросили свою моржовую шкуру и всей гурьбой перешли къ палланцамъ. Воины продолжали нападать другъ на друга, роговые наконечники стучали о березовыя древки; уже не одинъ удачный выпадъ поразилъ толстую травяную плетенку, которая была такъ крѣпка, что безопасно выносила самые сильные удары. Зрители, впрочемъ, недолго простояли на мѣстѣ. Ихъ руки и ноги уже зудѣли отъ стремленія къ такимъ же атлетическимъ играмъ. То былъ вѣкъ постоянныхъ состязаній, которыя составляли главную утѣху жизни, предпочтительно даже предъ войною, ибо она преслѣдовала матеріальныя цѣли, питалась случайностями и даже не всегда давала возможность проявить всю красоту ловкости и граціозность силы. Юноши съ ранняго возраста принимались носить тяжести, бѣгать на далекое разстояніе съ тяжелымъ камнемъ на плечѣ, чтобы пріобрѣсти выносливость и крѣпость мышцъ, учились отражать удары копьемъ, увертываться отъ летящихъ дротиковъ и стрѣлъ, перескакивать черезъ преграды, обгонять другъ друга въ пѣшемъ бѣгу. Но самое любимое состязаніе была борьба, которая велась по различнымъ правиламъ, съ поясомъ и безъ пояса, и даже безъ мѣховой рубахи, съ условіемъ троекратной схватки или съ обязательствомъ нападать другъ на друга до истощенія силъ.

— Борьбу, борьбу!—уже кричали въ толпѣ на разныхъ языкахъ, но преимущественно на языкѣ южныхъ оленеводовъ, который былъ общимъ языкомъ ярмарки.

Палланцы перестали фехтовать и, спустившись въ глубину своего наполовину зарытаго въ снѣгу стана, тотчасъ же появились снова на поверхности, уже безъ панцырей и копій. Они притащили огромную свѣжеободранную шкуру стараго сіуча, которую разостлали на снѣгу, тщательно выровнявъ малѣйшія складки.

— Вы любите прыгать на шкурѣ!—дерзко сказалъ одинъ изъ палланскихъ воиновъ, намекая на таньговъ, но обращаясь ко всѣмъ оленеводамъ.—Вотъ, попрыгайте-ка!

Шкура была сырая, вся скользкая отъ остатковъ полузастывшаго сала, и неопытному человѣку даже стоять на ней было трудно.

Ваттанъ, стоявшій въ переднемъ ряду, почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ голову при дерзкомъ вызовѣ, и сдѣлалъ движеніе, чтобы вступить на шкуру, но его предупредилъ юноша небольшого роста, тонкій и стройный, одѣтый въ красивую сѣрую одежду изъ шкуры горнаго барана, подпоясанную широкимъ поясомъ съ рѣзною костяною пряжкою. Голова была прикрыта небольшою пестрою шапочкою съ прорѣзомъ на темени. Онъ принадлежалъ къ ительменамъ и вмѣстѣ съ ними пришелъ съ Южнаго мыса, но мать его была изъ рода куру, какъ о томъ свидѣтель-

ствовали вьющіеся волосы и задумчивое выраженіе большихъ карихъ глазъ. Хотя вызовъ палланцевъ относился только къ оленеводамъ, но онъ тоже стоялъ среди зрителей и чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Проскользнувъ мимо удивленнаго Ваттана, онъ однимъ прыжкомъ попалъ на середину шкуры и остановился передъ противникомъ.

Дюжій палланскій борецъ, съ краснымъ лицомъ и двумя длинными клоками волосъ на бритомъ темени, презрительно посмотрѣлъ на тщедушнаго противника.

— Вишь, какой!—сказалъ онъ безцеремонно.—Ну, куда тебя бросить?

И не дожидаясь обычныхъ переговоровъ, онъ схватилъ противника за поясъ, поднялъ его на воздухъ и съ силой бросилъ впередъ. Ительменъ отлетѣлъ за предѣлы разостланной шкуры, однако устоялъ на ногахъ. Еще черезъ мгновеніе онъ опять подскочилъ къ противнику, схватилъ его обѣими руками за кисть правой руки и крѣпко дернулъ къ себѣ. Къ общему удивленію, палланецъ пошатнулся и подался впередъ тѣломъ, уступая превосходству силъ противника. Его лѣвая рука угрожающе взмахнула въ воздухѣ, но молодой ительменъ отскочилъ назадъ и опять дернулъ. Палланецъ упалъ на колѣни, потомъ повалился лицомъ на шкуру. Ительменъ стащилъ его со шкуры, повлекъ по утоптанной для борьбы площадкѣ, дергая и встряхивая его тяжелое тѣло за ту же вытянутую впередъ руку. Все это произошло такъ неожиданно, что палланецъ даже не сопротивлялся, и только закусывалъ губу, чтобъ не застонать отъ боли. Онъ былъ совершенно безпомощенъ въ крѣпкихъ рукахъ своего противника.

Протащивъ палланца три раза вокругъ площадки, ительменъ поддернулъ его вверхъ, удачно подтолкнувъ носкомъ лѣвой ноги потомъ почти на лету изо всей силы пнулъ его правой ногой въ спину. Теперь Палланецъ, въ свою очередь, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и растянулся на снѣгу. Пролежавъ минуту, онъ медленно поднялся на ноги и, отвернувшись отъ зрителей, безмолвно сталъ спускаться въ станъ. Онъ не могъ даже схватиться за копье, ибо его правая рука висѣла, какъ обрубокъ дерева, и все тѣло было разбито.

Ительменъ, по праву побѣдителя, снова всталъ на срединѣ, вызывая соперниковъ.

— Таковы люди куру,—сказалъ онъ ломаннымъ оленнымъ нарѣчіемъ, обращаясь къ зрителямъ и комментируя вызывающія слова побѣжденнаго палланца. — Этими руками мы медвѣдей душимъ.

По обычаю южныхъ ительменовъ, онъ, прежде всего, хотѣлъ прославить племя матери, хотя она происходила съ далекаго острова за тремя проливами, гдѣ онъ никогда не былъ.

Палланцы разсвирѣпѣли, но толпа зрителей слишкомъ явно сочувствовала побѣдителю, чтобы они могли открыто взяться за оружіе. Вмѣсто того двое молодыхъ воиновъ спустились въ станъ и принесли оттуда охапку длинныхъ костяныхъ осколковъ, которые употреблялись тогда повсюду для выдѣлки стрѣлъ и копій. Ваттанъ, горѣвшій желаніемъ помѣряться силами съ молодымъ ительменомъ, уже вступилъ на шкуру, и оба они обнажили до пояса тѣло, избирая тотъ способъ борьбы, который требовалъ наибольшаго искусства. Бросая злобные взгляды на обоихъ противниковъ, палланцы принялись обтыкать края шкуры костяными осколками, прочно укрѣпляя ихъ въ снѣгу остріями вверхъ. Въ толпѣ послышались неодобрительные возгласы. Состязаніе внезапно пріобрѣтало смертельную опасность, ибо неудачливый борецъ, упавшій обнаженнымъ тѣломъ на острые осколки, рисковалъ получить тяжелыя раны, но палланцы въ качествѣ хозяевъ имѣли право предлагать какія угодно условія.

Борьба завязалась, но три очередныя схватки прошли безъ всякаго перевѣса въ чью-либо сторону. Ваттанъ дважды поднималъ и бросалъ наотмашь ительмена, но тотъ постоянно становился на ноги, какъ кошка. Съ другой стороны Ваттанъ оказался гораздо крѣпче его и никакія ухищренія душителя медвѣдей, никакія предательскія «подножки» не могли сдвинуть его съ мѣста. Отбросивъ отъ себя цѣпкаго потомка куру въ третій разъ, Ваттанъ вдругъ нагнулся и надѣлъ свою мѣховую рубаху.

— Будетъ съ тебя!—сказалъ онъ молодому ительмену.—Пойдемъ отсюда!

Душитель медвѣдей хотѣлъ возразить, ибо слова Ваттана какъ будто утверждали превосходство силы надъ ловкостью, но передумалъ и, быстро одѣвшись, послѣдовалъ за соперникомъ.

— Какъ тебя зовутъ?—съ любопытствомъ спрашивалъ Ваттанъ, удивленно разсматривая тонкое и крѣпкое тѣло ительменскаго борца.

— Колхочъ!—отвѣчалъ ительменъ, поправляя на головѣ свою вышитую шапочку.

— А гдѣ вы растете такіе?—безцеремонно приставалъ наивный пастухъ.

— Моя земля мысъ Кужи! *)—спокойно отвѣтилъ ительменъ.—Гдѣ два моря сходятся... такъ!—Онъ выставилъ впередъ сильно согнутый локоть.—Крутые утесы!.. Наши дома, какъ птичьи гнѣзда... тамъ! —И онъ показалъ рукою вверхъ.

— Никогда не видалъ такого цѣпкаго бычка,—сказалъ Ваттанъ.—Хочешь, побратаемся?

---

*) Мысъ Лопатка, южная оконечность Камчатки.

Ительменъ подумалъ немного, потомъ схватилъ лѣвую руку своего новаго друга, поднесъ ее ко рту и глубоко запустилъ зубы въ мякоть кисти и слизалъ выступившую кровь, потомъ подставилъ новому другу собственную лѣвую кисть.

Ваттанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этотъ волчій пріемъ, однако, подражая ительмену, тоже укусилъ его руку до крови.

— Но только этого мало,—сказалъ онъ, тщательно вытирая ротъ послѣ непріятнаго вкуса человѣческой крови.—Вотъ, погоди, оленя убьемъ, его кровью помажемся. А мясо себѣ возьмешь!..— прибавилъ онъ по щедрой привычкѣ оленевода.

Побратимство между людьми различныхъ родовъ издавна было въ ходу въ сѣверныхъ тундрахъ и лѣсахъ, смягчая междуплеменную ненависть, ибо такіе союзы считались священными и не уступали крѣпостью самому близкому родству.

Дѣвушки изъ поселка таньговъ всей гурьбой вернулись назадъ изъ палланскаго лагеря. Имъ хотѣлось устроить собственное состязаніе. Многіе молодые люди послѣдовали за ними, особенно изъ тѣхъ племенъ, которыя не имѣли на ярмаркѣ собственныхъ женщинъ. Дѣвушка съ длинными косами вынесла изъ своего шатра красивую женскую одежду и повѣсила ее на палкѣ, воткнутой въ снѣгъ. Предполагалось состязаніе въ пѣшемъ бѣгѣ, и, по обычаю, хозяйка выставила призъ для побѣдительницы.

Чрезъ минуту дѣвушки и женщины изъ близь лежащихъ оленныхъ лагерей, сбросивъ лишнюю одежду, уже неслись впередъ по дорогѣ, натоптанной караванами, помогая себѣ длинными посохами и стараясь обогнать другъ друга. Хозяйка безпечно бѣжала въ общей толпѣ, но послѣ обычнаго поворота, когда первая половина пути была окончена, она внезапно выдвинулась впередъ и также легко отдѣлилась отъ своихъ подругъ, какъ дикій олень отъ стаи мохнатыхъ собакъ, бѣгущихъ сзади. Достигнувъ межи, она, однако, не захотѣла снять приза и великодушно пробѣжала мимо, предоставивъ его слѣдущей подругѣ. Молодые люди съ восторгомъ смотрѣли на быстроногую побѣдительницу. Она была высока и стройна, съ крѣпкими плечами, выставлявшимися изъ подъ полураскрытаго ворота одежды; щеки ея раскраснѣлись отъ бѣга, густыя брови осѣняли большіе каріе глаза. Тонко очерченный носъ изгибался красивой дугой. Все лицо ея дышало возбужденіемъ и весельемъ.

— Кто эта дѣвушка?—спросилъ Ваттанъ у молодого таньга, стоявшаго рядомъ.

— Мами, дочь Камака!—отвѣчалъ таньгъ.—Камакъ самый богатый изъ таньговъ... Знаешь, должно быть!

Ваттанъ вспомнилъ сердитаго старика, въ мухоморной палаткѣ, и ему стало смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно. Кто

бы могъ подумать, что у стараго полуумнаго мухомороѣда могутъ быть такія дочери? Онъ махнулъ рукой и вдругъ, какъ прежде при борьбѣ, почувствовалъ неодолимое желаніе самому пуститься въ бѣгъ.

— Я тоже поставлю призъ!—сказалъ онъ, подходя къ начерченной на снѣгу межѣ.

Онъ бросилъ взглядъ въ сторону своего лагеря, но идти туда было далеко. Съ безпечнымъ жестомъ Ваттанъ снялъ бѣлый волчій шлыкъ, висѣвшій на его плечѣ, и повѣсилъ его на палку. Въ толпѣ раздался одобрительный шумъ. Шлыкъ былъ сдѣланъ изъ огромной волчьей головы, и къ ушамъ были привязаны дорогіе красные «корольки», купленные отъ заморскихъ куру, по оленьей шкурѣ за королекъ.

Молодые люди тотчасъ же стали подтягивать одежды, приготовляясь къ бѣгу. Мами, гордо улыбаясь, стала вмѣстѣ съ парнями. Грудь ея дышала совершенно спокойно, рука крѣпко сжимала гибкій посохъ съ роговымъ наконечникомъ, дающій опору во время быстраго бѣга.

— А-ха-ха!—весело разсмѣялся Ваттанъ.—Бѣжала зайчиха съ песцами, забыла, гдѣ ноздри, гдѣ хвостъ!.. Смотри, духъ захватитъ!..

— Посмотримъ,—сказала Мами;—тебѣ бы только не захватило!—прибавила она съ дерзкой улыбкой, окидывая его глазами.

— Ухъ, дѣвка!—даже зажмурился Ваттанъ.—Огонь!

Ительменъ тоже смотрѣлъ на быстроногую дочь таньговъ съ видимымъ восхищеніемъ.

— У насъ нѣту такихъ!—сказалъ онъ, подумавъ.—Дѣвушки сидятъ дома, парни по горамъ ищутъ ѣду... Откуда растутъ такія?—прибавилъ онъ, безсознательно повторяя недавній вопросъ Ваттана.

— Отъ стада!—съ гордостью отвѣчалъ Ваттанъ.—Съ малолѣтства за оленями бѣгаютъ, мальчики, дѣвочки, всѣ вмѣстѣ... Олени свои, домашніе, божій даръ... Тебѣ не понять этого!..—прибавилъ онъ съ вѣчнымъ презрѣніемъ зажиточнаго и увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ кочевника къ полуголодному и безпечному охотнику или рыболову.

— Ну, ну!—нетерпѣливо сказала Мами, переступая на мѣстѣ. Толпа молодыхъ людей, повинуясь ея стремленію, ринулась впередъ, поднимая облако мелкаго снѣга и постепенно выравниваясь на бѣгу. Въ виду интереса, который возбуждало состязаніе, предполагалось не жалѣть силъ и перебѣжать черезъ все поле, и только обогнувъ одинъ изъ холмовъ на его лѣвой окраинѣ, вернуться назадъ.

Облако снѣжной пыли быстро исчезло, но никто не уходилъ

домой; зрители стояли у дороги и усердно смотрѣли вдаль, боясь оторваться и упустить надлежащую минуту. Наконецъ маленькое бѣлое облако снова явилось на горизонтѣ.

— Бѣгутъ, бѣгутъ! — закричали съ разныхъ концовъ. — Трое бѣгутъ!

— Го, го, го!—почти тотчасъ же оглушительно заревѣла толпа. —Баба впереди, баба!

Трое передовыхъ быстро приближались. Легконогая Мами, дѣйствительно, неслась впереди, какъ молодая лань, преслѣдуемая волками. Длинныя черныя косы съ красными кистями на концахъ развѣвались за ея плечами, какъ двѣ стрѣлы, опушенныя красными перьями. Она не только бѣжала быстрѣе парней, но даже играла съ ними, то подпуская ихъ на нѣсколько шаговъ, то снова быстро увеличивая промежутокъ. Колхочъ и Ваттанъ бѣжали рядомъ; на рыхломъ снѣгу Чагарскаго поля легконогій ительменъ оставилъ сзади тяжеловѣснаго побратима, но по мѣрѣ приближенія къ стойбищу Ваттанъ наверсталъ потерянное и теперь они бѣжали нога въ ногу по широкимъ, твердо наѣзженнымъ колеямъ. Лицо Ваттана почернѣло отъ гнѣва и напряженія. Глаза его выкатились изъ орбитъ, дыханіе выходило со свистомъ изъ его груди, и можно было ожидать каждую минуту, что онъ грянется на землю бездыханнымъ отъ нечеловѣческаго усилія. Ительменъ былъ блѣденъ и крѣпко стиснулъ зубы; его мохнатые волосы смерзлись отъ обледенѣвшаго пота и походили на большую шапку; крупныя капли катились по щекамъ и стекали за воротъ исподней мѣховой рубахи.

Мами бѣжала совсѣмъ иначе, легко и стройно, почти безъ всякихъ усилій. Ея мускулы были сдѣланы какъ бы изъ совершенно другого матеріала. Добѣжавъ до межи, она подхватила мохнатую волчью шапку и тотчасъ же надѣла ее себѣ на голову.

— Дайте мнѣ копье! — шаловливо говорила она: — теперь я буду воиномъ.

Толпа неистовствовала отъ восторга. Десять копій со всѣхъ сторонъ протянулись къ дѣвушкѣ. Юная дочь таньговъ теперь казалась зрителямъ воплощеніемъ великой Эндіу, дочери стараго Кутха и прародительницы всего человѣческаго рода.

Ваттанъ тоже остановился у межи и пошатнулся, но удержался на ногахъ при помощи посоха.

— Еще разъ! — прохрипѣлъ онъ, тяжело дыша. — Еще попробуемъ.

— Съ вами?—сказала дѣвушка съ пренебреженіемъ.—Вы не годитесь.

Она обвела нетерпѣливымъ взглядомъ толпу своихъ недавнихъ соперниковъ, которые являлись черезъ каждые нѣсколько секундъ

въ одиночку и группами, и невольно остановилась на худощавой но удивительно стройной фигурѣ молодого одула, тоже подошедшаго полюбоваться на рѣдкое зрѣлище. Онъ былъ одѣтъ въ короткій замшевый кафтанъ, пышно расшитый лосиной шерстью и отороченный мѣхомъ выдры. Высокія штиблеты изъ гладкошерстной шкуры оленьяго теленка плотно облегали красиво выгнутыя ноги. Прямые волосы падали до плечей, столь же блестящими и пушистыми прядями, какъ шарфъ изъ хвостовъ черной лисицы, обвивавшей его шею.

— Развѣ съ тобой?—сказала дѣвушка полуутвердительно, съ видимымъ удивленіемъ разсматривая стройную осанку новаго гостя. Одулъ вопросительно взглянулъ на тощаго старика, стоявшаго рядомъ и одѣтаго въ такой же кафтанъ, но безъ вышивокъ и украшеній; но старикъ покачалъ головой и сказалъ какое-то слово на никому неизвѣстномъ языкѣ. Молодой человѣкъ слабо усмѣхнулся и тоже покачалъ головой.

— Стыдно молодымъ людямъ состязаться съ женщинами!— сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ. Однако, голосъ его прозвучалъ минутнымъ сожалѣніемъ и видно было, что предлагаемое состязаніе представлялось ему не лишеннымъ соблазна.

Въ эту минуту большой бѣлый заяцъ, согнанный съ логовища какимъ-то невѣдомымъ врагомъ, прокатился по дорогѣ и, увидѣвъ такую толпу людей, еще больше испугался и покатилъ въ сторону. Старикъ быстро указалъ на зайца и опять сказалъ что-то. Одулъ сорвался съ мѣста и какъ, стрѣла, понесся въ догонку. Заяцъ, легкій, какъ пухъ, мчался впередъ, не помня себя отъ страха и оставляя на снѣгу чуть замѣтные слѣды. Болѣе тяжелый преслѣдователь проваливался на рыхлыхъ мѣстахъ, но тѣмъ не менѣе разстояніе быстро сокращалось; черезъ четверть часа обезсилѣвшій звѣрекъ припалъ къ землѣ, закрывая глаза и ожидая смертельнаго удара. Одулъ спокойно взялъ его на руки и побѣжалъ назадъ. Толпа съ изумленіемъ смотрѣла на этотъ новый способъ охоты. Не даромъ о быстротѣ одуловъ ходило такъ много разсказовъ. Этотъ новый подвигъ молодого одула равнялся съ побѣдой Мами, и отнынѣ они должны были соединиться вмѣстѣ въ пѣсняхъ и легендахъ всѣхъ восьми племенъ, собравшихся на ярмарку.

Глаза Мами зажглись отъ возбужденія и радости.

— Какъ зовутъ тебя? — спросила она, порываясь навстрѣчу молодому чужеземцу, какъ будто хотѣла немедленно пуститься съ нимъ взапуски.

— Я—Гирканъ, сынъ Метучи,—сказалъ молодой Одулъ, весело играя глазами,—это тебѣ!—прибавилъ онъ, подавая молодой дѣвушкѣ совершенно присмирѣвшаго зайца.

Мами поспѣшно взяла зайца и положила его на снѣгъ дороги, но онъ не хотѣлъ вѣрить своей свободѣ и лежалъ, какъ мертвый, не двигаясь съ мѣста.

— Бѣжимъ!—настойчиво повторяла дѣвушка.—Кто быстрѣе, попробуемъ!

Одулъ опять отрицательно покачалъ головой. Дѣвушка нетерпѣливо стукнула объ землю концомъ копья, которое все еще держала въ рукахъ, но ничего не сказала больше. Заяцъ, испуганный внезапнымъ стукомъ, вскочилъ на ноги и опять покатилъ по дорогѣ, что есть мочи.

— Ухъ-ухъ!—невольно заухала толпа, привлеченная новымъ зрѣлищемъ.

— Ну-ка!—сказала вдругъ молодая дѣвушка, отворачиваясь отъ Одула и обращаясь къ своимъ недавнимъ соперникамъ.—Теперь вы поймайте!

— Дѣвушка!—грозно сказалъ Ваттанъ, дѣлая шагъ по направленію къ Мами.—Мой дѣдъ говоритъ: если женщина лучше мужчины, отдайте ее мужу или убейте ее!..

— Я не боюсь!—твердо возразила Мами, сжимая въ рукахъ копье.

Въ толпѣ зрителей прозвучалъ неодобрительный гулъ. Угрозы побѣжденнаго не вызвали ничьего сочувствія, хотя онъ защищалъ авторитетъ мужчинъ.

Ваттанъ повернулся къ толпѣ и хотѣлъ что-то сказать, но въ эту минуту между дальнихъ холмовъ, синѣвшихъ на заднемъ планѣ, показалась маленькая черная точка, быстро приближавшаяся къ стойбищу.

— Всадникъ, всадникъ! — съ любопытствомъ заговорили въ толпѣ.

Въ лагерѣ оленныхъ всадниковъ должно было происходить что-нибудь необыкновенное, если они рѣшились послать вѣстника къ чужому племени.

Высокій долгоногій быкъ мчался во весь опоръ, выкидывая изъ-подъ копытъ во всѣ стороны твердые снѣжные комья. Впереди, почти на самой шеѣ, сидѣла безъ сѣдла и посоха дѣвочка лѣтъ десяти, маленькая и косматая, похожая на комокъ сѣрой шерсти, присохшій къ лопаткамъ скакуна. Она дала полную волю умному оленю, который, почуявъ издали запахъ человѣческаго жилья, во весь опоръ летѣлъ къ стойбищу. Десять паръ рукъ сняли дѣвочку съ оленьей спины. Она закрыла глаза, точь-въ-точь какъ недавній заяцъ, и безсильно повисла въ этихъ страшныхъ чужеплеменныхъ объятіяхъ.

— Что случилось? — спрашивали со всѣхъ сторонъ, но она такъ же мало могла говорить, какъ раненая птица въ рукахъ охот-

ника. На плечѣ ея кафтана была прорѣха, сдѣланная ножомъ или копьемъ, и къ краямъ присохло нѣсколько капель крови, выступившихъ изъ свѣжей царапины.

— Побѣжимъ, посмотримъ! — рѣшительно сказала Мами, потрясая копьемъ.

Стойбище всадниковъ отстояло почти на половину дневного перехода, но съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла быстроту Гиркана, ноги ея не стояли на мѣстѣ и ей хотѣлось бѣжать и бѣжать безъ конца.

Десятка полтора молодыхъ людей съ посохами и копьями бросились бѣжать по направленію къ южнымъ холмамъ. Они бѣжали равномѣрнымъ шагомъ, сберегая силы и на самомъ ходу оправляясь отъ недавней усталости. Но Гирканъ и Мами бѣжали впереди, время отъ времени упираясь копьемъ въ землю, чтобы сдѣлать внезапный прыжокъ. Порою молодой одулъ, какъ бы играя, выбѣгалъ впередъ; дѣвушка торопилась догнать его, но онъ отбѣгалъ все дальше и дальше, поддразнивая ее своимъ превосходствомъ, какъ раньше она поддразнивала другихъ. Потомъ оба они останавливались и принимались ожидать товарищей, которые не рѣшались ускорять обычной перебѣжки и оставались далеко сзади. Послѣ двухъ или трехъ попытокъ состязанія, Мами убѣдилась, что Гирканъ, дѣйствительно, быстрѣе ея. Она немедленно отказалась отъ спора и, дождавшись общей группы, побѣжала вмѣстѣ съ другими. На лицѣ ея было выраженіе раздумья; она, видимо, колебалась и рѣшала въ умѣ какой-то важный вопросъ. Гирканъ хитро поглядывалъ то на нее, то на мрачное лицо огромнаго Ваттана, бѣжавшаго рядомъ, и слегка усмѣхался. Его безпечному уму были смѣшны эти странные люди, превращавшіе каждый предметъ, даже слово или взглядъ, въ предметъ заботы и томительнаго безпокойства.

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЭМИЛЬ ЗОЛА.

Личный вкладъ художника въ произведенія искусства всегда останется однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ художественнаго творчества. Оттого интересъ къ личности писателя — интересъ не только законный, но и неизбѣжный. Даже тогда, когда эту личность заслоняетъ цѣлый сонмъ созданныхъ имъ образовъ, невольно хочется какъ-нибудь доискаться до нея, возстановить ее, возсоздать. И въ этомъ отношеніи всегда помогаетъ наружность автора. Въ чертахъ каждаго крупнаго писателя всегда есть нѣчто родственное его твореніямъ.

Когда впервые появились въ продажѣ фотографическія карточки Зола, это было несомнѣннымъ разочарованіемъ. Ничего задушевнаго, захватывающаго, совсѣмъ своего нельзя было высмотрѣть въ его спокойномъ взорѣ. Его круглое лицо казалось какимъ-то слишкомъ обыденнымъ. Зола похожъ на купца, на доктора, на кого хотите, только не на писателя, говорили его противники. И приверженцы его таланта не находили, что возразить на это. Такое же впечатлѣніе, признаюсь, производила и на меня наружность Зола, пока я могъ судить о немъ только по портретамъ.

Позднѣе мнѣ случилось однако увидѣть и самого Зола, и при томъ въ моментъ для него знаменательный. Зола входилъ въ Palais de Justice въ качествѣ обвиняемаго въ клеветѣ на судей Дрейфуса. Это былъ первый день его процесса. Одновременно прошли черезъ ворота рѣшетки Рошфоръ, Жоресъ, Лабори и многіе другіе. Зола вышелъ изъ своей кареты совершенно спокойно. На немъ былъ безукоризненный цилиндръ и осеннее пальто въ родѣ тѣхъ, какія сотнями шьются въ Луврѣ и Бонъ-Марше. Ни дать ни взять добрый буржуа, входящій на скромную свадьбу своихъ знакомыхъ.

Парижская толпа была тогда сильно возбуждена. Одни кричали: «Да здравствуетъ Рошфоръ!» «Да погибнетъ Зола!» «Да погибнетъ измѣнникъ!». Другіе, и очень немногіе, отвѣчали: «Да здравствуетъ Зола!» «Да погибнетъ Рошфоръ!». При этихъ послѣднихъ крикахъ Рошфоръ, ускоривъ шаги, быстро прошелъ въ калитку и уже за рѣшеткой, вставъ въ театральную позу на широкой лѣстницѣ «Дворца

справедливости», сверкая глазами, закричалъ: «Тѣ, кто кричалъ: «да погибнетъ Рошфоръ!», продали себя жидамъ и измѣнникамъ!» Зола, повидимому, тоже хотѣлъ что-то сказать. Въ его глазахъ вспыхнула какая-то мысль, что-то промелькнуло, проснулось... но это была лишь одна минута. Черезъ мгновеніе взоръ его опять потухъ и спокойно, не торопясь, какъ-то почти неуклюже, онъ прошелъ въ калитку и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Но эта, оставшаяся невысказанной, мысль во взорѣ Зола, мнѣ кажется, передалась тогда многимъ присутствующимъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось, что въ это мгновеніе я схватилъ то задушевное и личное, чего не хватало мнѣ на фотографической карточкѣ. При всей почти мѣщанской обыденности его наружности мнѣ тогда померещилось въ Зола что такъ глубоко одинокое, свое. И тогда мнѣ невольно вспомнились слова объ одиночествѣ: «Одинокій человѣкъ,—писалъ Зола, — можетъ всегда находиться на людяхъ, жить ихъ обычною жизнью, принимать безъ малѣйшаго отпора общественные обычаи, походить во внѣшности на другихъ. Онъ все-таки останется одинокимъ, если онъ сохранилъ свою волю свободной отъ всякаго воздѣйствія, если онъ дѣлаетъ только то, что хочетъ, и поступаетъ только такъ, какъ хочетъ, неуязвимый подъ ударами клеветы, одинокій и стойкій».

Теперь завершился кругъ литературной и общественной жизни Зола. Шумно и торжественно проводилъ Парижъ его прахъ. Пресса опять осыпала его одновременно и клеветническими обвиненіями, и похвалами.

Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ очеркѣ попристальнѣе всмотрѣться въ самую глубь его художественной, теоретической и общественной мысли. Мнѣ хотѣлось бы вдуматься въ его яркую индивидуальность, постараться возсоздать то внутреннее единство его личности, которое обнимаетъ все разнообразіе его взглядовъ, вкусовъ, интересовъ и запросовъ.

I.

Десять лѣтъ жизненной борьбы и литературныхъ исканій, двадцать лѣтъ спокойной художественной работы по заранѣе намѣченному и твердо исполненному плану и потомъ послѣднія десять лѣтъ новыхъ, нѣсколько растерянныхъ исканій въ литературѣ и энергичной общественной дѣятельности, вотъ къ чему сводится жизнь Зола, полная борьбы и труда, превратностей и славы.

И во всѣ эти три періода его дѣятельности Зола различно смотрѣлъ на художественное творчество. Только въ одномъ онъ никогда не мѣнялся; во всѣ эти три періода «онъ такъ же пламенно вкладывалъ и душу, и тѣло въ свой слогъ и свое искусство», какъ онъ выразился

еще въ 1860 г., когда, двадцатилѣтнимъ юношей, безъ средствъ и даже безъ высшаго образованія, онъ попалъ на «жесткую и жгучую мостовую Парижа».

Въ 1867 г. послѣ шести лѣтъ службы въ издательской фирмѣ Hachette'a, Зола, наконецъ, рѣшился посвятить себя исключительно литературѣ. Выпущенные имъ нѣсколько раньше «Contes à Ninon» (1864) и «Confession de Claude» (1866) доставили ему уже нѣкоторую извѣстность, и Вильмессанъ поручилъ ему въ своемъ «Evènement» отдѣлъ литературной и художественной критики. Въ этой газетѣ появились надѣлавшія столько шуму статьи Зола о Манэ. Это былъ первый крупный успѣхъ. Статьи эти, вмѣстѣ съ отзывами о новыхъ книгахъ, тогда же были собраны въ сборникѣ «Mes haines». Интересы Зола въ то время были строго художественные. Онъ весь полонъ искусствомъ. Онъ требуетъ широкаго простора для генія, отстаиваетъ независимость художественнаго творчества. Даже сюжетъ ему совершенно безразличенъ. Все дѣло въ исполненіи. Зола поборникъ искусства для искусства. Его опредѣленіе искусства, какъ «уголокъ природы, разсмотрѣнный черезъ темпераментъ художника», прежде всего, направлено противъ всякой попытки навязать художественному творчеству какія-либо постороннія цѣли.

Но такъ продолжалось не долго. Когда послѣ скандальнаго успѣха Therèze Raquin, Зола принялся за «Ругонъ-Макаровъ», онъ сталъ смотрѣть уже иначе.

Въ нашъ научный вѣкъ, начинаетъ теперь думать Зола, и искусство должно быть научнымъ. Оно должно широко пользоваться пріобрѣтеніями положительнаго знанія. Пріемы художественной работы должны измѣниться подъ вліяніемъ научныхъ методовъ. И если Зола все еще продолжаетъ утверждать, что искусство есть «уголокъ природы, разсмотрѣнный черезъ темпераментъ художника», то подъ природой онъ разумѣетъ теперь уже не то, что раньше. Терминъ природа — значительно съузился. Изучая природу и, какъ естествоиспытатель, собирая и классифицируя факты о человѣкѣ, такъ называемые «человѣческіе документы», художникъ долженъ, по мнѣнію Зола, пользоваться изъ всего этого лишь тѣмъ, «чѣмъ овладѣла наука». Онъ долженъ брать только «факты доказанные». Безразличіе къ сюжету, которое рекомендовалъ прежде Зола, такимъ образомъ уже отброшено. Выборъ сюжета сталъ теперь въ высшей степени важнымъ. И рядомъ съ этимъ отброшенной оказалась теорія «искусства для искусства». Теперь Зола хотѣлось бы, чтобы искусство преслѣдовало вполнѣ опредѣленную цѣль. Искусство должно, не отставая отъ науки, стремиться показывать явленія жизни, объяснять, что должно произойти, если люди съ извѣстными особенностями попадутъ въ извѣстную среду; выражаясь словами Зола, романистъ изображаетъ «послѣдовательность событій, отвѣчающую детерминизму изслѣдованныхъ явленій». Отсюда романъ есть не что иное, какъ научный опытъ. Правда, теперь романистъ-экспериментаторъ двигается еще

только ощупью, потому что область науки, на которой онъ основывается, самая темная и самая сложная изъ всѣхъ областей человѣческаго знанія; покамѣстъ экспериментальный романъ, какъ, нехотя, сознался Зола, еще только гипотеза, но задача его въ будущемъ, когда наука овладѣетъ всѣми фактами человѣческаго существованія Тогда искусство уже сольется и совпадетъ съ наукой.

И если во дни своей молодости Зола придавалъ огромное значеніе личному вкладу въ художественное творчество, то теперь, въ увлеченіи своей новой теоріей искусства, Зола сталъ думать иначе. «Романистъ-экспериментаторъ,—говоритъ теперь Зола,—даетъ мѣсто своему личному чувству лишь въ такихъ явленіяхъ, детерминизмъ которыхъ еще не опредѣленъ, стараясь по возможности контролировать идею a priori путемъ наблюденія и опыта».

Такіе взгляды высказалъ Зола въ своихъ парижскихъ письмахъ, помѣщенныхъ черезъ посредство Тургенева въ «Вѣстникѣ Европы». Они изложены въ особыхъ теоретическихъ статьяхъ: «экспериментальный романъ», «натурализмъ въ театрѣ» и пр., и разсѣяны во множествѣ очерковъ о современныхъ романистахъ, драматургахъ и поэтахъ. Эти разсужденія Зола составили цѣлыхъ четыре тома, когда они появились во французскомъ подлинникѣ, таковы: «Le roman experimental» (1880), «Les romanciers naturalistes» (1881), «Les documents littéraires» (1881), «Le naturalisme au theâtre» (1881).

И критика обратила особое вниманіе именно на эти журнальныя статьи Зола. Авторъ «Ругонъ-Макаровъ» представлялся, прежде всего, теоретикомъ экспериментальнаго романа. Парадоксы и увлеченія Зола-критика, вродѣ ссылокъ на Клодъ Бернара, заявленій, что романъ есть тотъ же научный опытъ, что «одинъ общій законъ детерминизма управляетъ и камнями мостовой и человѣческими мозгами», что деньги создаютъ генія и проч., критика стала всячески теребить, обрушиваясь на нихъ со всею тяжеловѣсностью научнаго здраваго смысла и философской выучки. И поживиться было чѣмъ. Какъ мыслитель, Зола упрощаетъ всѣ вопросы бытія съ поразительной наивностью. Чего стоитъ одно смѣшеніе словъ: идеалъ, метафизика, непознаваемое, философія, которымъ Зола неизмѣнно придавалъ совершенно тотъ же самый смыслъ, противополагая имъ науку и понимая подъ ними всякое малѣйшее отклоненіи въ сторону отъ области положительнаго знанія. Естествоиспытательскій взглядъ на мірозданіе никогда не находилъ себѣ болѣе пламеннаго защитника, болѣе антифилософскаго поборника, чѣмъ Зола.

Хуже всего было то, что черезъ призму этого философскаго и эстетическаго упростительства, стала критика смотрѣть и на романы Зола. Указывая всю несостоятельность его разсужденій, критика опомчалась на автора «Ругонъ-Макаровъ» за то, что въ нихъ онъ не осуществилъ своей теоріи. Гюйо справедливо замѣтилъ, что Зола, увѣрявшій, будто его интересуетъ только физіологія человѣка, а отнюдь

не «метафизическая вертушка», въ сущности, какъ талантливый романистъ, всегда оставался психологомъ. Брандесъ обвинялъ Зола въ томъ, что, требуя отъ художника воспроизведенія одной только правды жизни и полнаго обузданія воображенія, Зола самъ своему собственному воображенію даетъ полный просторъ. И въ этомъ отношеніи критика была, разумѣется, права. Трудно найти болѣе наглядный способъ доказать теоретику искусства его заблужденія, какъ сославшись на него самого, какъ писателя. Однако, если теорія и практика не сходятся у художника, если крупный художникъ оказался плохимъ теоретикомъ, то не слѣдуетъ ли наоборотъ все вниманіе обратить на самыя его произведенія, а критическія статьи принимать во вниманіе лишь по поводу ихъ?

И если приглядѣться ближе, то теоретическія писанія Зола, дѣйствительно, окажутся лишь пространнымъ, но не имѣющимъ вовсе самостоятельнаго значенія историко-литературнымъ коментаріемъ къ «Ругонъ-Макарамъ». Зола излагаетъ здѣсь теорію задуманной имъ работы или, вѣрнѣе, то, что казалось ему теоріей этой работы. Даже въ Зола-критикѣ все время чувствуется авторъ «Ругонъ-Макаровъ». Онъ говорилъ въ своихъ «Парижскихъ письмахъ», какое мѣсто онъ занимаетъ среди другихъ французскихъ романистовъ, къ какой школѣ его надо отнести и чѣмъ отличается эта школа отъ другихъ современныхъ писателей, литературныхъ кружковъ, толковъ, вѣяній. Мало того, касаясь драмы и лирики, Зола и тутъ остается на той же точкѣ зрѣнія. Когда онъ пишетъ о современныхъ поэтахъ, его интересуетъ лишь вопросъ о томъ, существуетъ ли и въ поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ направленіе, родственное его собственному, и возможно ли оно въ стихотворной формѣ. Точно также и о драмѣ говорилъ Зола лишь, когда хотѣлъ понять причины своего неуспѣха, какъ драматурга, и выяснить себѣ, возможно ли реформировать драматическое искусство такъ, чтобы оно приблизилось къ его романамъ.

Читая журнальныя статьи Зола, никогда не надо упускать изъ вида что имѣешь дѣло съ художникомъ. Тогда статьи эти окажутся въ высшей степени интересными: онѣ помогутъ намъ вдуматься въ процессъ художественнаго творчества, скрывающійся за пестрой толпой героевъ Зола.

Въ медовый мѣсяцъ увлеченія «научнымъ міровоззрѣніемъ» и пламенной вѣры въ результаты естественно-научныхъ изысканій Зола, этотъ упоенный искусствомъ художникъ, какимъ мы его знаемъ по его первымъ статьямъ, начинаетъ зачитываться научной литературой. Воображеніе его возбуждено гипотезами, обобщеніями, результатами научныхъ наблюденій. Его увлекаетъ знаніе. Онъ самъ начинаетъ работать въ унисонъ съ учеными; онъ собираетъ отовсюду факты; классифицируетъ ихъ, обсуждаетъ, взвѣшиваетъ. Проблема наслѣдственности, модная въ шестидесятыхъ годахъ, вліяетъ особенно властно на его воображеніе. Зарождающіеся въ его творческой головѣ образы

естественно начинаютъ укладываться въ заинтересовавшіе его законы наслѣдственности, и Зола создаетъ цѣлую генеалогію. Рядомъ съ этимъ всѣ тѣ пороки, странности, проявленія различныхъ свойствъ человѣческой природы, съ которыми онъ знакомится въ научной литературѣ, оживаютъ въ немъ въ конкретныхъ, живыхъ образахъ; даже самую свою работу онъ начинаетъ представлять себѣ образно; онъ воображаетъ себя самого ученымъ и свои чисто артистическія исканія—наукой. И онъ начинаетъ любить все это увлеченіе положительнымъ знаніемъ, всю эту погоню за научной правдой. Привычная и близкая, легче дающаяся работа художника какъ будто отступаетъ передъ всѣмъ этимъ сонмомъ накопленнаго и преувеличеннаго воображеніемъ фактическаго матеріала. Ему уже кажется, что онъ самъ, какъ ученый, полюбилъ только одну отвлеченную истину и къ ней только и стремится. И тогда, чувствуя, что теперь, какъ и прежде, онъ въ сущности только «вкладываетъ душу и тѣло въ свой слогъ и въ свое искусство», Зола восклицаетъ: «Увы, не правду въ насъ любятъ, а остроту рѣчи, прихотливость рисунка и красокъ, какія мы ей придаемъ!..»

Когда въ концѣ своей долголѣтней работы надъ «Ругонъ-Макарами» Зола изобразилъ экстазъ доктора Паскаля передъ составленнымъ имъ генеалогическимъ деревомъ своей семьи, Зола, несомнѣнно, вложилъ въ эту картину автобіографическія черты. Документы Паскаля—это тѣ замѣтки, наброски, вырѣзки самого Зола, о которыхъ разсказалъ намъ Тулузъ. Самъ Зола, начертавшій родословное дерево Ругонъ-Макаровъ, еще въ дни своей молодости, конечно, нерѣдко черпалъ вдохновеніе, всматриваясь въ развѣтвленія его сучьевъ, одѣвающіе его листья съ именами его героевъ. Это дерево для него было тѣмъ пріемомъ сосредоточенія вниманія, той точкой опоры для самовнушенія, которые такъ сильно помогаютъ напрягаться воображенію. Оттого и докторъ Паскаль говоритъ не какъ ученый, а скорѣе какъ художникъ. Ему удѣлилъ Зола гораздо больше своего я, чѣмъ тому романисту Сандозу въ «Oeuvre'ѣ», котораго онъ заставилъ высказывать свои собственные взгляды на искусство.

Зола былъ не «упростителемъ» положительной философіи, какъ его назвалъ Гюйо,—онъ былъ ея поэтомъ. Онъ старался художественно претворить все то творческое и наиболѣе важное, что заключается въ стремленіяхъ позитивистовъ, онъ проникся цѣликомъ жаждой той истины, которую люди упорно и настойчиво пытаются вырвать у не подающейся человѣческому уму, ревниво оберегающей свои тайны природы. И онъ почерпнулъ у позитивистовъ ихъ смѣлость мысли, ихъ дерзаніе передъ обнаженностью природы. Оттого-то, именно, онъ и не побоялся, изображая человѣка, сдернуть ту стыдливую пелену, которой люди прикрываютъ тайныя похоти своего тѣла.

И если позитивисты въ своемъ увлеченіи бездушной матеріей все таки рвались къ человѣку, къ его нуждамъ, къ его горю и страданію, если передъ ними не переставала теплиться надежда, что, создавъ научную соціо-

логію, они послужатъ человѣчеству въ его соціальныхъ невзгодахъ, то такъ же точно и Зола въ самомъ центрѣ своихъ художественныхъ интересовъ лелѣялъ вопросы общественности. Это ясно видно въ его статьѣ объ экспериментальномъ романѣ, такъ наивно отразившей впечатлѣніе, которое произвела на воображеніе Зола книга Клодъ Бернара объ экспериментальной медицинѣ. Придетъ время, говоритъ здѣсь Зола, «и настанетъ вѣкъ, когда всемогущій человѣкъ подчинитъ себѣ природу и воспользуется ея законами, чтобъ на землѣ воцарились, насколько это возможно, свобода и справедливость».

Вотъ куда влекло Зола въ его научныхъ поискахъ! Осуществленіе свободы и справедливости, вотъ къ чему онъ стремился. Зола, конечно, былъ писатель общественный, и свои общественныя увлеченія онъ черпалъ у позитивистовъ.

Въ періодъ художественной зрѣлости отъ той теоріи искуства, которую онъ исповѣдывалъ въ молодости, не осталось и помину. Теперь онъ такъ же близко стоитъ къ воззрѣніямъ Прудона, какъ далеко онъ стоялъ отъ нихъ, когда писались статьи, вошедшія въ «Mes haines». Когда мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію уже не художественныхъ интересовъ, лежащихъ въ основѣ «Ругонъ-Макаровъ», а самаго ихъ замысла, мы увидимъ воочію, что общественное значеніе имѣютъ не отдѣльные романы Зола, а вся ихъ серія цѣликомъ, такъ, какъ она была задумана имъ въ самомъ началѣ.

II.

Понять сущность самаго замысла «Ругонъ-Макаровъ» лучше всего поможетъ то замѣчаніе, которымъ заканчивается коротенькое предисловіе къ «La Fortune des Rougons»: «Этотъ томъ былъ уже написанъ,— говоритъ здѣсь Зола,—когда паденіе Бонапарта, необходимое мнѣ, какъ художнику, и неизбѣжность котораго я неизмѣнно чувствовалъ въ концѣ драмы, не смѣя надѣяться на то, что оно послѣдуетъ такъ быстро, дало потрясающую и необходимую развязку всему моему произведенію. Теперь оно завершено; оно заключено въ замкнутомъ кругѣ событій: оно становится картиной мертваго царства, цѣлой странной эпохи безумія и позора».

Самъ Зола свидѣтельствуетъ здѣсь о томъ, что замыселъ задуманной имъ серіи романовъ былъ замыселъ трагическій. Эпопея Ругонъ-Макаровъ—эпопея трагическая. Она сконцентрирована вся на роковой и неизбѣжной катастрофѣ, къ которой направлено все дѣйствіе.

И «La Fortune des Rougons», «La Curée», «La conquête de Plassans», «Son excellence Eugène Rougon» составляютъ какъ бы первый актъ этой драмы, они какъ бы еще только вводятъ насъ въ великую трагедію французской исторіи середины прошлаго вѣка. Имперія тогда была только что провозглашена и Франція повѣрила знаменитому слову

Наполеона III-го: имперія — это миръ. Настроеніе, тогда царившее во Франціи, Зола самъ изобразилъ намъ въ «la Curée»: «Молчаніе царило и на трибунѣ и въ прессѣ. Еще разъ спасенное общество радовалось, отдыхало и какъ бы потягивалось въ истомѣ теперь, когда сильное правительство стояло на стражѣ его интересовъ, ограждало его отъ всякой заботы, даже отъ заботы подумать о себѣ и своихъ дѣлахъ... Политика ужасала, какъ опасное лекарство. Усталые умы обращались къ своимъ частнымъ дѣламъ и къ удовольствіямъ. Имущіе тащили свои богатства изъ-подъ спуда, неимущіе во всѣхъ углахъ искали скрытыхъ сокровищъ». Роскошныя празднества въ Тюльерійскомъ дворцѣ, апофеозъ разныхъ «бѣлокурыхъ Венеръ» въ театрахъ, внѣшній блескъ Всемірной Выставки отвѣтили этому настроенію. Парижъ покрылся новыми домами, построенными Аристидомъ Саккаромъ. Онъ сталъ нарядень и веселъ. Его женщины вновь стали законодательницами модъ всего міра. Символомъ главенства и превосходства Парижа былъ, основанный Октавомъ Муре магазинъ «Au bonheur des dames», этотъ «колосальный дворецъ искушеній, сіяющій люстрами, покрытый цѣлымъ потокомъ бархата, шелка и кружевъ».

Но катастрофа уже надвигалась, хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Съ имперіей не воцарился во Франціи миръ; настало лишь царство непростительнаго легкомыслія. Въ погонѣ за наслажденіями «спасенное событіями 1852 года общество» какъ бы потеряло голову, обезумѣло, «ослѣпленное вѣшнимъ мишурнымъ блескомъ праздничнаго Парижа». Оно закрывало глаза и замалчивало, изображенный въ «Pot Bouille», страшный гнилой развратъ, скрывающійся за сверкавшими краснымъ деревомъ входными дверями новыхъ домовъ. Его ничуть не пугало одичаніе ремесленнаго населенія предмѣстій, приговореннаго какъ въ Assomoir'ѣ рано или поздно заразиться всесильнымъ недугомъ алкоголизма.

Трагизмъ безразсуднаго легкомыслія, охватившаго цѣлый народъ, Зола выразилъ въ «Nana».

При появленіи этого романа, его скрытый общественный смыслъ почему-то вовсе не былъ понятъ. Критика вовсе не замѣтила, зачѣмъ надо было Зола изобразить эту наивную въ своей невѣроятной злобѣ прелестницу. Критика не хотѣла расширить образъ, раскрыть скрывающійся въ немъ символъ. Даже та сцена, гдѣ Нана топчетъ ногами расшитый золотомъ мундиръ имперскаго камергера графа Мюффа, не навела ее на пониманіе этого романа. Потрясающія картины, развертывающіяся здѣсь одна за другой, критика сочла за простое преувеличеніе, за болѣзненную игру воображенія. И потому-то крики уличной толпы «на Берлинъ, на Берлинъ!» показались какой-то лишней пристройкой къ этой эпопеѣ развратнаго женскаго тѣла. Но для Зола Нана не была простой куртизанкой. Онъ преувеличивалъ смертоносное вліяніе ея чаръ именно потому, что она олицетво-

ряла въ его глазахъ все преступное легкомысліе «праздничнаго Парижа». Это легкомысліе онъ хотѣлъ изобразить не поверхностнымъ, а развратнымъ, не беззаботнымъ, а разлагающимъ и преступнымъ. Вниманіе его сосредоточивалось не только на психологіи самой Нана. Что Нана?! Нана безсознательно злобна, наивно развратна. Дѣло вовсе не въ ней самой. Дѣло въ томъ настроеніи общества, которое сдѣлало возможнымъ ея тріумфъ надъ Парижемъ. Въ знаменитой сценѣ скачекъ властвуетъ не Нана, а самъ «праздничный Парижъ», въ силу своего легкомыслія поклонившійся, какъ богинѣ, подругѣ своихъ оргій, конечной цѣли всѣхъ своихъ пріобрѣтательскихъ вожделѣній. И Нана явилась не только божествомъ, но и мстителемъ. Въ ея лицѣ обездоленныя предмѣстья какъ бы мстятъ богатому и сановному Парижу. Нана, говоритъ докторъ Паскаль, — это «возмездіе, это женщина выросшая изъ соціальнаго смрада предмѣстій, это золотая муха, вылетѣвшая изъ зіяющихъ подонковъ общества, которую терпятъ и скрываютъ, но которая несетъ въ трепетѣ своихъ крыльевъ броженіе всеобщей гибели».

И если преступное легкомысліе «праздничнаго Парижа» обезпечило Нана успѣхъ и побѣду, то вполнѣ понятно, почему, пока «она сама разлагается и мретъ отъ черной оспы, схваченной у смертнаго одра своего сына, подъ ея окнами проходитъ пьяный и обезумѣвшій отъ своихъ военныхъ затѣй Парижъ, безсмысленно бросающійся въ сторону всеобщаго разгрома». Война съ Германіей была дѣломъ того же преступнаго легкомыслія, что и развратный культъ Нана и ей подобныхъ....

Въ «l'Argent» и, наконецъ, въ «Débacle» мы уже присутствуемъ при окончательной развязкѣ. Теперь мы видимъ воочію къ чему ведутъ честолюбивыя затѣи, вскормленныя желчной завистью перваго салона Ругоновъ, и развернувшіяся во всю ширь страсти къ наживѣ и наслажденію. Политическій салонъ Ругоновъ во времена благоденствія напрасно внушалъ надежду ярко зеленымъ цвѣтомъ своей роскошной отдѣлки. Афферизмъ велъ къ позору банкротства, легкомысленная политика приключеній закончилась погромомъ подъ Седаномъ....

Теперь, когда мы можемъ обозрѣть все гигантское произведеніе Зола цѣликомъ, только слѣпой можетъ не замѣтить его законченной цѣлостности. И единство его не въ законѣ наслѣдственности, вліяніе котораго чувствуется только въ подробностяхъ. Главный трудъ Зола вовсе не «естественная и соціальная исторія одной семьи во время имперіи», какъ онъ его назвалъ. Основной замыселъ «Ругонъ-Макаровъ» былъ замыселъ общественной трагедіи. И самый художественный темпераментъ Зола толкалъ его къ трагизму. Если тотъ уголокъ природы, который онъ хотѣлъ разсмотрѣть, былъ полонъ трепета человѣческихъ страстей среди перепетій французской общественности въ эпоху второй имперіи, то поэтъ этого уголка обладалъ темпераментомъ трагическимъ. Уже въ «Thérèze Raquin», съ ея страстной траге-

діей обмана, убійства и угрызеній совѣсти, сказалось это свойство таланта Зола. Характерно для Зола, что первый сборникъ своихъ статей онъ назвалъ: «Mes haines». И кого ненавидитъ Зола? Кромѣ заурядности, глупости, раболѣпства передъ чужимъ мнѣніемъ, кромѣ педантовъ и лицемѣровъ, онъ ненавидитъ еще «улыбающихся юношей, неспособныхъ подражать серьезности отцовъ». «Развѣ вы не видите—спрашиваетъ ихъ Зола,—что намъ вовсе не до смѣха. Посмотрите, вы сами плачете. Чего вамъ стараться хвататься за бока, чтобы находить смѣшнымъ то, что ужасно». Зола позволяетъ смѣяться лишь тѣмъ, «кому смѣхъ замѣняетъ слезы». Онъ вообще не любилъ шутокъ. «Парижское остроуміе» ему всегда было чуждо. Можетъ быть, здѣсь сказывается его славянское происхожденіе отъ далматинцевъ съ береговъ Адріатическаго моря.

Потребность трагизма сказывается на каждомъ шагу въ романахъ Зола. Очень часто Зола влечетъ къ трагической катастрофѣ даже тогда, когда по общему замыслу «Ругонъ-Макаровъ» въ ней не чувствуется ни малѣйшей надобности. Если необходима была гибель Сильвэна въ «la Fortune des Rougons» и Флорана въ «Ventre de Paris», паденіе Ренэ и Жервэзы, самоубійство Жоржа, преступленіе Филиппа и разореніе всѣхъ остальныхъ жертвъ Нана, если убійство семейства Магё и роковыя предпріятія Аристида Саккара, такъ ужасно отразившіяся на судьбѣ всѣхъ его легковѣрныхъ довѣрителей, составляютъ различные случаи общей катастрофы имперіи, основанной на потокахъ крови, на легкомысліи и корыстолюбіи, то зачѣмъ еще столько другихъ ненужныхъ ужасовъ. Зачѣмъ надо кончить такой ужасной смертью аббату Фюжа, умереть самой Нана отъ черной оспы, зачѣмъ надо было изображать человѣка-звѣря, зачѣмъ въ «la Terre» эти убійства, этотъ пожаръ? Все это только потому, что всякое явленіе Зола воспринимаетъ въ его трагическомъ освѣщеніи.

И талантъ Зола былъ именно талантъ трагическій. Совершенно не вѣрно было бы назвать его пессимистомъ, какъ это часто дѣлали критики. Правда, Зола, какъ его справедливо упрекаетъ въ этомъ Гюйо, «рисуетъ намъ слишкомъ часто скотовъ», увѣряетъ насъ, что «во всѣхъ людяхъ сидитъ звѣрь, какъ и во всѣхъ есть задатокъ болѣзни», но это лишь результатъ увлеченія любезной Зола физіологіей. Если присмотрѣться ближе къ его романамъ, то этотъ поэтъ жестокаго паденія человѣка окажется вовсе не такимъ отрицателемъ. Онъ создалъ и цѣлый рядъ симпатичныхъ образовъ.

Длинная вереница ихъ тянется черезъ всю серію «Ругонъ-Макаровъ». Вспомнимъ только тетку Ренэ, госпожу Обертэ, въ «La Curée», добродушнаго скептика и сибарита епископа въ «La Conquête des Rougons», Елену Муре и ея второго мужа Рамбо въ «une Page d'amour», старую г-жу Гюгонъ и ея сыновей въ Нана, Денизу въ «Bonheur des dames», Полину въ «Joie de vivre». Въ «Argent» инженеръ Амлэнъ и его сестра Каролина

стоятъ уже не одинокими представителями порядочныхъ людей. Положимъ, что все это скорѣе второстепенныя личности, какъ бы блѣднѣющія на фонѣ картины передъ болѣе яркими очертаніями главнѣйшихъ героевъ эпопеи. Но развѣ и легкомысленная Ренэ въ «la Curée», и работящая, преданная Жервэза въ «L'Assomoir», доведенныя обѣ до окончательнаго паденія въ той средѣ общественнаго распада, въ которую ихъ закинула судьба, не заставляютъ искренне пожалѣть о себѣ? Развѣ можно осудить ихъ? Даже человѣкъ-звѣрь, Жакъ Лантье и тотъ не вызываетъ скорѣе состраданія, чѣмъ негодованія? И рядомъ съ этимъ въ романахъ Зола передъ нами проходятъ еще такіе добрые представители здоровой трудовой силы человѣчества, какъ Этьенъ въ «Germinal'ѣ» и Жанъ Макаръ герой «la Terre» и «Débacle». Другъ Жана Макара Морисъ говоритъ ему: «Жанъ, ты человѣкъ простой и крѣпкій! Поди возьми заступъ и топоръ, переверни свое поле и перестрой свой домъ!» Этотъ смѣлый, работящій и прямой крестьянинъ вполнѣ достоинъ услышать эти символическія слова надежды на обновленіе Франціи. Въ немъ и въ ему подобныхъ надо видѣть лучшіе задатки болѣе свѣтлаго и счастливаго будущаго...

III.

Докторъ Тулузъ разсказалъ намъ, какъ методически, изо дня въ день, работая опредѣленное количество часовъ, и весь погруженный въ свое грандіозное литературное предпріятіе, писалъ Зола своихъ «Ругонъ-Макаровъ». Особенно съ выхода въ свѣтъ «Ventre de Paris», когда Гонкуры свели его съ издателемъ Шарпантье, вся жизнь Зола сосредоточилась на этомъ трудѣ. И такъ продолжалось до 1893 года. Двадцать лѣтъ жилъ Зола отшельникомъ. Только все возрастающее къ нему вниманіе публики, только весь этотъ шумъ и говоръ, который подымался все громче и громче вокругъ его извѣстности, по мѣрѣ того, какъ и издатель выпускалъ его романы все въ большемъ и большемъ количествѣ экземпляровъ, заставляли Зола выходить изъ замкнутости своего одиночества. Наиболѣе горячіе нападки вызвали «Assomoir», «Nana», «la Terre». Въ сущности это было повтореніемъ нелѣпаго процесса противъ «M-me Bauvary» Флобера, противъ его собственной «Therèze Raquin». Зола опять стали обвинять въ безнравственности, въ оскорбленіи изображаемыхъ имъ классовъ общества. Въ своихъ отвѣтахъ, вынужденныхъ и краткихъ, Зола лишь объяснялъ глубокое цѣломудріе замысла своихъ произведеній и только жаловался на то, что его не понимаютъ. Онъ всегда твердо вѣрилъ въ свою правоту и спокойно шелъ къ намѣченной цѣли.

И здѣсь сказалась въ Зола эта странная смѣсь замкнутости и одиночества съ умѣньемъ не только бороться противъ общественнаго мнѣнія, но и овладѣвать имъ.

Въ своихъ статьяхъ по теоріи искусства Зола настойчиво требо-

валъ отъ художника того, что онъ называетъ «чувствомъ дѣйствительности». Это любимое словцо Зола можно примѣнить и къ нему самому. Въ болѣе широкомъ смыслѣ оно прекрасно выражаетъ одну изъ основныхъ чертъ и его характера, и его ума. Зола былъ прежде всего человѣкомъ дѣйствительности. Онъ любилъ жизнь и вѣрилъ ей. Въ этомъ заключается его успѣхъ, и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля. Эта особенность Зола проходитъ красной нитью черезъ все его міровоззрѣніе. Развертывая передъ нами самыя потрясающія, самыя безысходныя картины современной жизни, онъ всегда видѣлъ въ ней залогъ лучшаго будущаго. Когда среди всеобщаго негодованія и насмѣшекъ въ своихъ статьяхъ о Манэ Зола спокойно говорилъ: «Я вѣрю въ свои мысли. Я знаю, что черезъ нѣсколько лѣтъ меня всякій сочтетъ правымъ», эта увѣренность не имѣла ничего общаго съ артистическимъ сектанствомъ Вилье де-Лиль-Адана, Верлэна или Маллармэ. Зола никогда не былъ Клодомъ Лантье изъ своего «Oeuvre'a» съ его развинченнымъ экстазомъ новаторства, съ его безсильнымъ сумасшествіемъ генія, «слабые пальцы котораго не могутъ создать достойнаго ему произведенія». Зола никогда не могъ бы оказаться въ такомъ положеніи, какъ Клодъ Лантье, когда его картину впервые приняли на выставку. Никогда не допустилъ бы онъ, чтобы другіе воспользовались его новаторскими затѣями, чтобы чужія картины, залитыя солнцемъ, какъ того требовала школа Плэнъ-Эра, наводнили салонъ, пока его ничтожное полотно, символъ его безсилія, терялось гдѣ-то въ уголкѣ. Въ этомъ отношеніи ему особенно близокъ другъ Клода, романистъ Сандозъ, «смотрѣвшій на бракъ буржуазно, какъ на условіе уравновѣшеннаго и систематическаго труда». Вѣдь и Зола, какъ Сандозъ, умѣлъ воспользоваться «этой дрянной прессой, которая анаѳемски сильна, хотя самое ремесло журналиста и отвратительно»; и онъ имѣлъ право сказать о своихъ противникахъ: «У меня кости крѣпкія, они поломаютъ объ меня свои кулаки!»

И мало этого, Зола былъ даже настоящимъ дѣльцомъ въ своихъ книжныхъ дѣлахъ. Онъ всегда умѣлъ являться на книжный рынокъ во всеоружіи своей дѣловитости.

И денежный успѣхъ казался ему законнымъ и важнымъ. Въ статьѣ «Деньги и литература» онъ писалъ, что истинную независимость пріобрѣтаетъ лишь писатель, съумѣвшій обратиться непосредственно къ публикѣ, вырвавшій у нея не только обезпеченность, но и достатокъ. Зола вѣрилъ, что «талантъ, сила всегда отвоюютъ себѣ и славу, и состояніе». Оттого онъ и не остановился передъ этимъ странно звучащимъ парадоксомъ, что «деньги обезпечиваютъ появленіе великихъ произведеній искусства». Въ подобныхъ фразахъ надо видѣть не мѣщанское уваженіе къ деньгамъ. Тутъ говоритъ именно пробившійся въ жизни писатель, умѣющій считаться съ современностью и принимающій ея условія просто и непосредственно.

Тѣ же причины объясняютъ намъ лучше всего и истинный смыслъ столь долгихъ и столь смѣхотворныхъ попытокъ Зола проникнуть въ академію. Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, что его плѣнялъ мундиръ академика съ зелеными пальмами. Къ нимъ Зола, вѣроятно, всю жизнь оставался довольно равнодушнымъ, но писатель, какъ стойкій и практическій боецъ на жалкой нивѣ настоящаго, долженъ былъ, по его мнѣнію, брать съ бою все, что только онъ можетъ отвоевать.

Подобныя же мысли руководили имъ и въ его заботахъ о литературной конвенціи съ Россіей. И тутъ—не простое корыстолюбіе. Если, протестовавшіе противъ Зола русскіе писатели ссылались главнымъ образомъ на читателя изъ нарождающейся народной или полународной интеллегенціи, отстаивая въ его интересахъ дешевизну переводныхъ книгъ, то Зола, разумѣется, не имѣя понятія объ этомъ типѣ читателя, старался лишь вырвать у книгопродавцевъ и издателей возможность спекулировать надъ чужой собственностью. Зола руководился здѣсь совершенно тѣми же соображеніями, какія заставили его, именно въ это время, будучи предсѣдателемъ общества литераторовъ, позаботиться объ интересахъ мелкой пишущей братіи.

То же самое чувство «дѣйствительности» опредѣляетъ, какъ я постараюсь показать, и общественные взгляды Зола.

Мы видѣли, что интересъ къ современной ему общественности ни разу не покинулъ его, что теоретикомъ чистаго искусства онъ былъ лишь очень недолго во дни своихъ первыхъ литературныхъ начинаній. Но именно самостоятельность Зола, его замкнутость и одинокость часто сбивали съ толку въ этомъ отношеніи и критику, и читателей. Только теперь, въ своихъ послѣднихъ романахъ и особенно въ «Travail», Зола высказался цѣликомъ. Онъ использовалъ теперь всѣ накопленные имъ «человѣческіе документы», какъ относительно настоящаго, такъ и по отношенію своихъ надеждъ на будущее; такимъ образомъ общественная физіономія Зола лишь недавно вполнѣ опредѣлилась...

Въ первые годы третьей республики онъ еще вѣрилъ въ возможность разрѣшенія соціальнаго вопроса на политической почвѣ. Отъ политическихъ реформъ онъ ждалъ обновленія Франціи. И вотъ на утрату этой вѣры и указываетъ Зола. Въ послѣднемъ романѣ «Ругонъ-Макаровъ» мы узнаемъ, что Аристидъ Саккаръ, ставъ республиканцемъ, опять проводитъ новыя, шальныя предпріятія. Въ «Paris» крупные дѣльцы такіе же распорядители дѣлами Франціи, какимъ былъ Гундерманъ въ «Argent». Третья республика ничего не измѣнила такимъ образомъ въ экономической жизни страны. И Зола сталъ презирать политику и политиканство. Идеальнымъ правителемъ для него сталъ тотъ префектъ въ «Travail», котораго главное достоинство заключается въ полномъ бездѣйствіи. Со времени «Germinal'a», соціальный вопросъ, который онъ тутъ впервые разносторонне изучилъ, окончательно замѣнилъ въ немъ его прежній интересъ политическій. Оттого, когда, окончивъ «Ругонъ-

Макаровъ», Зола вздумалъ отдаться общественной дѣятельности, начавъ съ предсѣдательства въ обществѣ литераторовъ, онъ уже прямо и искренно могъ заявить, что соціальный вопросъ онъ считаетъ въ наше время единственно важнымъ.

Но не созданіе болѣе совершеннаго соціальнаго строя лишь на обломкахъ настоящаго, какъ этого хочетъ Суваринъ въ «Germinal'ѣ» и Янсонъ въ «Paris», увлекало Зола. Система рѣзкаго обновленія человѣчества по эрфуртской программѣ, на которое такъ сильно надѣялся Аристидъ Бушъ, также вовсе не представлялась ему столь необходимой. Всякая мысль о разгромѣ настоящаго была совершенно чужда Зола. И можетъ быть тутъ-то и коренится причина того, почему всѣ эти Суварины, Янсены, Буши изображены иностранцами... Залогъ лучшаго будущаго Зола всегда видѣлъ въ настоящемъ. Оно никогда не казалось ему безысходнымъ. Если и ему впереди мерещился иной, лучшій строй жизни, то достиженіе его ему казалось результатомъ вѣрнаго и спокойнаго «шествія человѣчества къ прогрессу». Идея прогресса, хотя и медленнаго, но вѣрнаго, та идея прогресса, которая лежитъ въ основѣ соціологическихъ взглядовъ всѣхъ поголовно позитивистовъ и именно ими и развита съ особой силой, была дорогой идеей и для Зола. Зола, человѣкъ дѣйствительности, вѣрилъ твердо и неотступно въ способность дѣйствительности двигаться впередъ по пути къ добру, справедливости и свободы.

И вѣра въ прогрессъ зиждилась у Зола на непоколебимой увѣренности въ силу знанія и труда. Трудъ и знаніе, вотъ, что стоитъ въ самомъ центрѣ міровоззрѣнія Зола, и какъ артиста, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка.

Въ знаніи черпалъ Зола свое вдохновеніе; жажда знанія сливалась у него съ потребностью художественнаго творчества; вѣра во все возрастающую силу научнаго знанія обезпечивала ему стойкость и увѣренность въ правильности избраннаго имъ пути. «Наука главная революціонная сила», говоритъ поэтому Зола. Наука, по его мнѣнію, и реформируетъ міръ. Лучшій соціальный строй наступитъ тогда, когда инженеры, какъ Марсіаль Жорданъ въ «Travail», организуютъ по новому условія труда. И, какъ знать? Можетъ быть, даже тяготѣющія надъ человѣчествомъ пагубныя страсти, мутящія ровное теченіе потока жизни: сладострастіе, честолюбіе, пріобрѣтательскія похоти,—все это будетъ излѣчено той будущей всемогущей медициной, о которой мечталъ докторъ Паскаль. Только не надо бояться правды, не надо замалчивать ужасовъ жизни, не надо стыдиться ихъ. Знаніе побѣдитъ вѣковое зло, выведетъ, наконецъ, людей на путь добра и счастья.

И залогъ успѣха знанія въ трудѣ. Каковъ бы ни былъ трудъ, Зола уважаетъ его и вѣритъ въ успѣхъ. Зола любилъ трудъ ради него самого, какъ онъ любилъ и знаніе. Ловкость, смѣтливость, выносливость въ работѣ плѣняли его болѣе всего. Работающій инженеръ, док-

торъ, писатель, художникъ, если у него есть «чувство дѣйствительности», если его не губятъ зловѣщія страсти, всегда представлялся Зола удачникомъ въ жизни, достигающимъ, въ концѣ концовъ, и счастья, и успѣха. «Кто не работаетъ, тотъ погибаетъ», говоритъ Зола. Что гибель человѣка въ бездѣйствіи, въ лѣности, это мы знаемъ еще по всей серіи бездѣльниковъ отъ Антуана Макара, черезъ обоихъ мужей Жервэзы, Лантье и Купо, вплоть до легкомысленныхъ жертвъ Нана. Такая же участь грозитъ и неудачникамъ, непрактичнымъ фантазерамъ, вродѣ г-на де Горсана въ «Лурдѣ» или Клода Лантье. Неспособность къ труду, совмѣстно съ неприспособленностью въ немъ Зола считаетъ результатомъ вырожденія человѣчества; этимъ объясняетъ онъ негодность жалкихъ отпрысковъ Аристида Саккара, маленькаго Виктора изъ «Argent» и Шарля въ «Docteur Pascal». Позорное, хотя и геніальное безсиліе Клода, Зола считаетъ также патологическимъ явленіемъ, слѣдствіемъ застарѣлыхъ страстей и недуговъ человѣчества.

Оттого въ картинѣ болѣе счастливаго, будущаго, человѣчества, человѣчества «простыхъ и стойкихъ», на первомъ планѣ стоитъ, направленная знаніемъ, «работа всѣхъ и для всѣхъ». Знаніе всегда шло рука объ руку съ трудомъ, между ними, по мнѣнію Зола, было всегда внутреннее сочувствіе. И въ немъ-то и заключается надежда человѣчества. Въ этомъ чисто художественномъ и искреннемъ увлеченіи трудомъ, который стоитъ только урегулировать, Зола былъ горячимъ поклонникомъ Фурье. Начитавшійся Фурье Люкъ Фроманъ и осуществляетъ завѣтныя мечты Зола о лучшемъ строѣ будущаго. И фурьеризмъ съ его вѣрой въ силу знанія, съ его теоріей заманчиваго, дающаго наслажденіе труда такъ подходилъ къ самому складу ума Зола, къ его стойкому и твердому характеру.

Если «чувство дѣйствительности» сказалось у Зола въ его соціально-политическихъ взглядахъ, то оно же руководило имъ въ области нравственныхъ понятій. И тутъ Зола близокъ къ дѣйствительности. Мораль Зола—мораль простая, почти каждо-дневная. У него не было ни малѣйшаго стремленія искать новыхъ нравственныхъ категорій, производить переоцѣнку нравственныхъ цѣнностей. Жана Макара, которому, по мнѣнію Зола, предстоитъ «пересоздать Францію», онъ изображаетъ «простымъ и крѣпкимъ». «Простые и крѣпкіе люди—надежда человѣчества». И они существуютъ. Мы уже видѣли, что трагическій темпераментъ Зола, какъ художника, его артистическія увлеченія человѣкомъ-звѣремъ, его любовь къ изображенію извращеній и всевозможныхъ патологическихъ пороковъ человѣчества вовсе не мѣшали ему признавать задатки добра въ изображаемыхъ имъ людяхъ.

И современемъ эта вѣра въ положительныя стороны современнаго человѣчества даже усилилась у Зола. Особенно ярко обнаружилась она въ «Travail».

IV.

Зола, «упроститель», во имя точнаго знанія ненавидѣвшій то, что онъ называлъ «идеаломъ», «неизвѣстнымъ», «философіей», презиравшій «метафизическую вертушку» и интересовавшійся только физіологіей человѣка, въ своихъ «Ругонъ-Макарахъ» отвелъ самое незначительное мѣсто стремленіямъ человѣчества въ область сверхъестественнаго. Въ «la Conquête de Plassans» онъ, правда, изобразилъ намъ аббата Фюжа. Но аббатъ Фюжа это то же, что и старшій Ругонъ: онъ играетъ на старыхъ заблужденіяхъ человѣчества ради своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ ловкій дѣлецъ, вліяющій на женщинъ неотразимой энергіей своей личности, умѣющій заставить загорѣться въ нихъ мистической экзальтаціи. Искренній религіозный экстазъ въ наше время возможенъ, по мнѣнію Зола, только у такихъ неуравновѣшенныхъ натуръ, какъ аббатъ Муре; да и то, въ основѣ своей аскетизмъ вѣры оказывается и у него чѣмъ-то совершенно инымъ, коренившимся въ той же всесильной физіологіи. Въ «le Rêve» религіозная атмосфера «подъ тѣнью готическаго собора» служитъ къ тому, чтобы совсѣмъ вырвать героиню изъ современности и перенести ее въ сказочную обстановку еще живого прошедшаго.

Однако, когда, окончивъ свою трагическую эпопею второй имперіи, Зола сталъ присматриваться къ современности и даже мечтать объ общественной дѣятельности, его предсказаніе о конечной побѣдѣ научнаго міровоззрѣнія оказалось преждевременнымъ...

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ во Франціи годовъ были временемъ толковъ о «банкротствѣ науки» и о возрожденіи интуитивнаго метода мышленія, объ обновленіи философской мысли, о перетасовкѣ фактовъ въ этихъ двухъ областяхъ, еще такъ недавно казавшихся незыблемо разграниченными, областяхъ: научнаго детерминизма и сверхъестественнаго порядка явленій. Цѣлое новое, молодое литературное теченіе нарождалось на почвѣ этого умственнаго броженія. Стойкій въ своихъ воззрѣніяхъ, Зола, конечно, не придавалъ всему этому особаго значенія. Какъ большинство позитивистовъ, онъ продолжалъ спокойно ждать новой и уже окончательной побѣды естествоиспытательскаго упростительства въ познаніи міра. Но рядомъ съ подобными теченіями въ литературныхъ сферахъ, въ самой жизни, въ массахъ населенія чувствовалось, что побѣда «знанія» надъ «иллюзіями» далека отъ своего осуществленія. И въ третьей республикѣ вліяніе «чернаго міра» все еще оставалось непоколебленнымъ; еще больше, чѣмъ въ эпоху имперіи, отъ сельскихъ кюре продолжали зависѣть результаты на выборахъ въ цѣломъ множествѣ округовъ; главенствующая прогрессистская фракція республуканцевъ зачастую искала вновь поддержки у клерикаловъ; духовенство увѣряло даже, что ему съ Евангеліемъ въ рукахъ предстоитъ разрѣшить соціальный вопросъ, не сдѣлавшій почти

ни шагу впередъ къ своему разрѣшенію за всѣ двадцать лѣтъ республики. Эти факты уже не могли не возбудить воображенія Зола. Въ его «человѣческихъ документахъ» накопился теперь цѣлый архивъ объ охватившемъ всю Францію увлеченіи чудесами лурдской Богоматери. Перебирая эти документы, классифицируя и изучая ихъ, Зола увидѣлъ тогда передъ собою «несчастное больное человѣчество, жаждущее иллюзій, растерянное въ усталости конца вѣка, изнемогающее отъ слишкомъ быстро и жадно пріобрѣтенныхъ знаній», онъ понялъ, что человѣчество это воображаетъ, «будто врачи тѣла и души его покинули въ ту самую минуту, когда ему грозитъ опасность неизлечимой невзгоды; и оно возвращается назадъ, проситъ чудеснаго выздоровленія у мистическихъ Лурдовъ прошлаго, навѣки умершаго!»

И тогда въ творческомъ воображеніи Зола возникъ новый замыселъ трагической эпопеи...

Согласно установившейся привычкѣ работы, въ центрѣ дѣйствія вновь оказалась семья. Извѣстный ученый, членъ института, Мишель Фроманъ погибъ вслѣдствіи взрыва во время одного опаснаго опыта. Его жена, воспитанная въ религіозной средѣ, сочла это за наказаніе свыше своему мужу за его невѣріе. И она предназначила своего младшаго сына Пьера для духовной карьеры, въ надеждѣ, что онъ замолитъ грѣхи своего несчастнаго отца. Такъ впервые человѣческое горе вернуло къ церкви сына сводомыслящаго. И если наслѣдіе отца: его книги и память о немъ, въ концѣ концовъ, заставили Пьера Фромана сбросить съ себя рясу, то только пройдя длинный путь сомнѣній и надеждъ, онъ рѣшился, наконецъ, на этотъ поступокъ.

Начавъ серію «Les trois villes» съ романа «Lourde», Зола сразу ввелъ насъ въ самый центръ религіозной жизни Франціи. Тутъ психологія религіознаго чувства развертывается передъ нами въ своемъ самомъ глубокомъ и жизненномъ проявленіи. Тутъ мы воочію видимъ вѣру «несчастнаго человѣчества, взывающаго изъ самой бездны своихъ страданій». Всѣ эти неизлѣчимо больные, пріѣхавшіе со всѣхъ концовъ Франціи въ «бѣломъ поѣздѣ», окруженные сестрами милосердія, подъ звуки старыхъ псалмовъ представляли собой «цѣлый народъ въ предсмертныхъ судорогахъ борющійся со смертью и требующій отъ Бога, чтобы онъ обезпечилъ ему вѣчную жизнь». И религіозный экстазъ этихъ сотенъ и тысячъ молящихся передъ гротомъ Богоматери былъ экстазомъ искреннимъ, настоящимъ, тѣмъ вѣчнымъ экстазомъ страждущаго человѣчества, въ которомъ коренится вѣра въ лучшій невѣдомый міръ силы и славы. Съ изумительной силой художественнаго проникновенія овладѣлъ Зола сценами этого экстаза и таинственной психологіей чудесныхъ выздоровленій. Но только тутъ неожиданно, незамѣтно для самого Зола сказалась какая-то странная, тревожная растерянность мысли. Мыслитель не поспѣлъ за художникомъ. Самъ поэтъ положительнаго знанія оторопѣлъ передъ созданными его

воображеніемъ картинами. Пьеръ Фроманъ, оказавшійся уже не героемъ, а резонеромъ этой трагедіи послѣднихъ вздоховъ вѣры, не смогъ формулировать смысла ея перваго акта. Онъ, правда, совсѣмъ потерялъ здѣсь религіозное чувство. Религіозный экстазъ, вернувшій любимой имъ дѣвушкѣ здоровье, правда отнялъ у него въ то же время это дорогое ему существо. Мари де-Герсэнъ, надежда его отнынѣ свободной, несвязанной ничѣмъ молодой жизни, посвятила себя Богоматери. Но это не болѣе, какъ какая-то случайность, подробность, которой Зола напрасно навязываетъ символическій смыслъ. Въ «Лурдѣ» его новая драма не сдѣлала ни шагу впередъ. Мистическій «Лурдъ», противъ желанія самаго Зола, остался оплотомъ вѣры. Научное міровоззрѣніе оказалось передъ ней совершенно безсильнымъ. Въ послѣднихъ своихъ изслѣдованіяхъ и наукѣ пришлось допустить излѣчиваніе болѣзней въ состояніи экстаза, по крайней мѣрѣ тогда, когда заболѣваніе случилось на истерической почвѣ. Вѣра, такимъ образомъ, оказалась не только живой и сильной, но и творческой. Наукѣ осталось только склоняться передъ ней.

Растерянность Зола передъ таинственной психологіей религіознаго сознанія сказалась особенно въ тѣхъ растянутыхъ и вялыхъ разсужденіяхъ, которыми онъ силится объяснить утрату вѣры у Пьера Фромана. Неуклюже, какъ будто ища выхода, онъ толкаетъ Пьера на болѣе близкую себѣ почву соціальныхъ невзгодъ человѣчества. Пьеръ весь долженъ отдаться благотворительности, идти за соціалистами католиками, мечтать объ обновленіи католицизма. На этомъ и заканчивается «Лурдъ».

Поэтъ положительныхъ знаній вернулся, такимъ образомъ, назадъ въ свою сферу. Трагедія потухающей вѣры становится тогда трагедіей умирающаго католицизма. Передъ тѣмъ же суровымъ, неотвязчивымъ соціальнымъ вопросомъ, передъ которымъ навсегда замеръ, въ глазахъ Зола, политическій вопросъ, долженъ застыть, закостенѣть въ безсиліи и предсмертной агоніи и старый, неподвижный католическій міръ. Обстановкой дѣйствія, куда ведетъ насъ теперь Зола, становится сначала Римъ, дряхлѣющій и вѣчный Римъ, этотъ всемірный памятникъ католической старины и древняго главенства церкви, погруженный весь въ воспоминанія о прошломъ величіи, болѣющій неизлѣчимыми ранами прошедшаго, недоступный новымъ запросамъ человѣчества; но это не надолго,—развязка драмы вновь въ родномъ Парижѣ, среди настойчивой и кипучей борьбы, трепетно ищущемъ новыхъ путей, открытомъ всѣмъ вліяніямъ и всѣмъ тревогамъ современности. И пока въ этомъ гордомъ Римѣ католицизмъ умираетъ вѣрной смертью, не дрогнувъ, стараясь «стоять во весь ростъ», въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ задушивъ Бенедетту и Даріо, этихъ наслѣдниковъ красоты Италіи, запутавъ сѣтью своихъ вѣками сплетенныхъ интригъ надежды Пьера Фромана, отъ живой и дѣятельной сумятицы Парижа ожидается моментъ окончательнаго освобожденія. Въ Парижѣ католицизму

остается либо низко прислуживаться передъ чуждой ему властью правящихъ классовъ, либо въ лицѣ затертаго жизнью аббата Роза робко метаться среди бѣдняковъ предмѣстій...

Въ «Парижѣ» уже совсѣмъ сбилась и затерялась основная мысль серіи «Les trois villes».

Трагедія умирающаго католицизма перестаетъ теперь стоять въ центрѣ дѣйствія. Знакомыя, близкія и родныя черты Парижа, этого Парижа кипучей дѣятельности и рвущейся впередъ мысли, убійственной, но вѣчно обновляющейся и необходимой работы, Парижа искусства и науки, Парижа, жгучаго потока надеждъ и столькихъ разочарованій, заполонили теперь воображеніе Зола. Ужасная и улыбающаяся, позорная и плѣнительная жизнь Парижа охватила его какимъ-то вихремъ негодованія и восторга и дала ему новыя творческія силы, новое вдохновеніе. Давно, со времени «Nana», «Germinal'я», «Debacle'а» геній Зола не развертывался такимъ могучимъ взмахомъ образовъ, какъ въ этомъ романѣ. Третья республика во всемъ безобразіи ея безпринципной парламентарной стряпни, ея дѣланнаго ханженства, служенія наживѣ, ухищреннаго разврата и жестокаго приниженія работающихъ классовъ общества, эта третья республика вся цѣликомъ встаетъ здѣсь во всей полной наготѣ своихъ пороковъ и общественныхъ язвъ. Потрясающее противорѣчіе пресыщеннаго, теплаго, наряднаго Парижа и Парижа мрачнаго, голоднаго и сырого настойчиво возникаютъ въ сознаніи читателя съ самыхъ первыхъ главъ, съ самаго того момента, когда аббатъ Пьеръ долженъ такъ быстро спѣшить изъ убогой улицы Ивъ, на Монмартрѣ, въ богатый кварталъ парка Монсо въ царственный особнякъ Дювилльяровъ, гдѣ только что кончился шумный и нарядный завтракъ...

«Paris» уже выходилъ въ «Journal'ѣ», когда въ «человѣческихъ документахъ» Зола накопилось новое «дѣло», знаменитое и чреватое послѣдствіями дѣло Дрейфуса. Если «Paris» представлялъ трагедію третьей республики, какъ «Ругонъ-Макары» были трагедіей имперіи, то тутъ могъ бы быть прибавленъ еще одинъ актъ. Это былъ бы актъ такого же, охватившаго все французское общество, легкомыслія, какъ то, которое бросило Францію изъ объятій Нана подъ умѣлые, заранѣе разсчитанные выстрѣлы нѣмецкихъ пушекъ.

Подогрѣтый происками клерикаловъ націонализмъ и ненависть къ евреямъ охватили теперь Францію, и въ угарѣ напрасныхъ страховъ, мнимыхъ, не обоснованныхъ опасеній она бросилась вдругъ съ неимовѣрной жестокостью на капитана Дрейфуса, эту жертву зависти, сплетенъ и клеветы. Правительство исполняло тутъ, не предвидя послѣдствій, то, что потребовалъ отъ него его всесильный властелинъ, трусливая, мелко злая, пустая, необразованная французская буржуазія. Подъ ложнымъ опасеніемъ, что «отечество въ опасности», неповиннаго человѣка опозорили и заточили. И когда вся эта ложь стала выясняться, невинность Дрейфуса уже стала очевидной, изъ затаеннаго, безсозна-

тельнаго страха правды, буржуазія обрушилась и на тѣхъ, кто хотѣлъ пролить свѣтъ на это темное дѣло, и ихъ безсмысленно и ожесточенно стали звать жидами и предателями. Генералы, такъ безучастно давшіе оклеветать и замучить Дрейфуса, эти генералы, разбитые подъ Седаномъ, были возведены въ героевъ, въ славу Франціи. Мишурное знамя шовинизма, какъ гипнотическій кристаллъ, совсѣмъ затуманило всякую сознательность, всякій здравый смыслъ...

Какъ всегда, одиноко и со свойственными ему «чувствомъ дѣйствительности», съ твердой любовью къ истинѣ и вѣрой въ справедливость и добро смотрѣлъ Зола на всю эту разнузданную и раздирающую душу драму. И воображеніе его, какъ художника, какъ будто не посягнуло на ея нелѣпый и отвратительный ужасъ. Почти невольно, какъ журналистъ, втянутый притягательной силой «дѣла», онъ неожиданно выступилъ въ немъ уже какъ участникъ дѣйствія. «Письма къ Франціи» и потомъ «къ молодежи», которыя могли выйти въ свѣтъ лишь въ брошюрахъ, были тѣмъ подготовительнымъ шагомъ въ сторону общественной дѣятельности, о которомъ говорилъ Зола пять лѣтъ тому назадъ (1893), взявъ на себя предсѣдательство въ обществѣ литераторовъ...

Теперь, когда вся политическая и соціальная отрава бросилась въ голову Франціи, необходимо было парализовать зловредное вліяніе клерикаловъ и реакціонеровъ. Уже подозрѣнія, что бордеро было дѣломъ рукъ Эстергази, а не Дрейфуса, закралось въ сознаніе всѣхъ неотуманенныхъ и оставшихся хладнокровными французовъ. «Я обвиняю» Зола и слѣдовавшій за тѣмъ процессъ были несомнѣнно якоремъ спасенія. Зола выступилъ одиноко, но съ глубокой чуткостью къ общественнымъ интересамъ, съ свойственнымъ ему чувствомъ дѣйствительности.

И побѣда осталась за нимъ. Побѣда, правда, была не полная, правительство потушило «дѣло» амнистіей, и Дрейфусъ не получилъ нравственнаго удовлетворенія. Но самое его присутствіе на похоронахъ Зола и все это пламенное восхищеніе передъ авторомъ «Ругонъ-Макаровъ» было показателемъ цѣлаго переворота въ умственной и общественной жизни Франціи. «Сектанты и бандиты», какъ называлъ Зола противниковъ пересмотра дѣла Дрейфуса, утратили свое значеніе. Ихъ жалкіе успѣхи на выборахъ въ Парижѣ лишь оттѣняютъ ихъ безсиліе. Сплоченные силою вещей, бывшіе дрейфусары создали цѣлое обновляющее вѣяніе въ политической и литературной жизни Франціи. Политическій индиферентизмъ 80-хъ годовъ, которому отдалъ до нѣкоторой степени дань и самъ Зола, смѣнился бодрящимъ интересомъ къ общественности. Послѣдняя серія романовъ Зола, такъ неудачно названная «четырьмя евангеліями», отразила въ себѣ это полное новыхъ надеждъ настроеніе современной Франціи. Вмѣстѣ съ послѣдними романами Анатоля Франса, вмѣстѣ съ драмами Мирбо, Доннэ и Бріё, съ поэмой «Les

Aubes» Вергарена, оно направило французскую литературу по новому руслу. Даже изъ среды поэтовъ символистовъ, еще дальше ушедшихъ въ политическій индиферентизмъ, послышались толки о новой «гуманитарной» школѣ поэзіи. Когда такъ нелѣпо и странно умеръ отъ угара Зола, послѣдними романами этого поэта труда и положительнаго знанія были «Travail» и «Vérité».

Въ посмертной травлѣ Зола, его противники, Баресы и Леметры кричали, что между ними и Зола останется границей Рейнъ. Этотъ Рейнъ не граница между Германіей и Франціей, это рубежъ между старой, наболѣвшей вѣковыми невзгодами Франціей и Франціей новой, молодой, рвущейся впередъ къ справедливости и народному благу.

Евгеній Аничковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Пусть твой холоденъ взглядъ, пусть въ душѣ у тебя
Уголка для меня не найдется,—
О тебѣ я не меньше мечтаю, любя,
И въ мечтахъ мнѣ не меньше поется.

И любовь не умретъ, хоть не встрѣтитъ она
Ни отвѣтной любви, ни участья;
Вѣдь она такъ свѣтла, такъ чиста и нѣжна,
Что сама по себѣ уже счастье.

И не такъ же ли любятъ ночные цвѣты
Лучъ безстрастный луны серебристой?
Для него берегутъ красоту и мечты,
Для него и ихъ лепетъ душистый.

Не далекимъ ли звѣздамъ въ весеннюю ночь
Соловей распѣваетъ признанья?
Пусть не внемлютъ онѣ, но любовь превозмочь
Нѣтъ ни силъ у него, ни желанья.

Пусть безстрастнѣе ты бѣлыхъ лунныхъ лучей,
Недоступнѣй звѣзды отдаленной,—
Я пою для холодныхъ прекрасныхъ очей
И умру съ своей пѣсней влюбленной.

II.

Кажется, немного мнѣ дано судьбою:
Рѣдкія свиданья, краткій разговоръ,
Иногда случайно брошенный тобою
Легкою улыбкой освѣщенный взоръ.

Кажется, немного мнѣ дано на долю,
Но какая буря въ сердцѣ у меня!
Сколько смѣнъ внезапныхъ радости и боли,
Темноты бездонной, яркаго огня.

Кажется, немного ты даешь мнѣ свѣта,
Ласки и участья; но ихъ призракъ, тѣнь,
Но одно подобье теплаго привѣта
Мракъ ночной мѣняетъ въ лучезарный день.

Кажется, немного... Пусть! Но въ этомъ маломъ,
Въ этомъ скудномъ дарѣ—жизнь души моей
И ни силъ, ни воли у меня не стало
Жить безъ этихъ рѣдкихъ солнечныхъ лучей.

П—ва.

ЧАЙКИ.

Только небо, только море...
Вѣетъ влагой вѣтеръ свѣжій,
Еле внятны шумы волнъ;
Тонетъ взоръ въ нѣмомъ просторѣ;
Мимо сонныхъ побережій
Одинокъ скользитъ мой челнъ.
И въ безлюдіи великомъ
Надъ пустынными волнами
Чайки носятся однѣ,
Рѣютъ чайки съ грустнымъ крикомъ
И закатными лучами
Золотятся въ вышинѣ.
Чайки вольныя! скажите,
Изъ какой угрюмой дали
Вы примчались? много-ль дней.

Бѣлокрылыя, летите?
Много-ль, странствуя, видали
Незнакомыхъ кораблей?
У подножья скалъ гигантскихъ
Не всплываютъ ли, какъ прежде,
Въ пѣнѣ волнъ береговыхъ
Трупы викинговъ норманнскихъ
Въ окровавленной одеждѣ
И въ доспѣхахъ боевыхъ?
Вспоминая дни былые,
Не кочуютъ ли толпою
Въ дальнихъ сѣверныхъ моряхъ
Ихъ дружины удалыя
На украшенныхъ рѣзьбою
Темнопарусныхъ ладьяхъ,
И не слышется-ль порою
Въ дикомъ воѣ урагана,
Въ пѣсняхъ мирныхъ рыбарей
Голосъ ихъ, зовущій къ бою
Изъ гробницы океана
Спящихъ въ немъ богатырей?

Сергѣй Маковскій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическій строй кіевской Руси.

Государствомъ современная теорія государственнаго права называетъ *союзъ, основанный на власти, не вытекающей изъ кровнаго родства или родового старѣйшинства.* Власть или господство должно составлять такимъ образомъ необходимый признакъ всякаго государства, древняго и новаго—безразлично. Но всѣ другіе признаки, какими отличается современное правовое государство,—высшая политическая форма, которую выработалъ цивилизованный европейскій Западъ,—могутъ быть свойственны не всякому государственному союзу, а именно только этому правовому государству. Этими признаками являются: во-первыхъ, понятіе о томъ, что власть въ идеѣ своей принадлежитъ не отдѣльному лицу надъ такими же отдѣльными лицами, а всему обществу, какъ цѣлому; иными словами, *современное правовое государство есть союзъ общественнаго, а не личнаго господства;* во-вторыхъ, *цѣлью* правового государства признается *осуществленіе* не личныхъ интересовъ, а *общаго блага;* въ-третьихъ, наконецъ, *средствами управленія признаются учрежденія*, т.-е. организаціи, отличающіяся постоянствомъ состава, опредѣленностью вѣдомства и самостоятельностью въ кругѣ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію; при этомъ различаются учрежденія верховныя и подчиненныя. Верховныя учрежденія—это тѣ, которыя принимаютъ непосредственное участіе въ дѣятельности верховной власти, помогаютъ главѣ государства въ его непосредственныхъ трудахъ на пользу государства, творятъ нормы, создаютъ законъ, въ рамкахъ котораго течетъ государственная жизнь. Учрежденія, не принимающія участія въ непосредственной дѣятель-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

ности главы государства и потому не творящія законодательныхъ нормъ, а просто исполняющія повелѣнія закона, называются подчиненными учрежденіями. Подчиненныя учрежденія дѣлятся въ свою очередь на центральныя, которыя вѣдаютъ отдѣльныя отрасли управленія на всемъ пространствѣ страны и потому находятся обыкновенно въ столицѣ или центрѣ государства, и областныя или мѣстныя, вѣдающія извѣстную отрасль управленія въ опредѣленной лишь части государства или области.

Такъ какъ изучаемый нами періодъ исторической жизни русскаго народа является начальнымъ періодомъ русской исторіи, то прежде всего мы должны уяснить себѣ *образованіе русскаго государства*, т.-е. появленіе союза, основаннаго на власти, не вытекающей изъ кровнаго родства. Разрѣшивъ эту задачу, мы обязаны затѣмъ внимательно изслѣдовать, какъ понимались въ кіевской Руси субъектъ власти и цѣль государственнаго союза, и какъ организованы были въ то время средства управленія. Только послѣ этого процессъ политическаго развитія древнѣйшей Россіи выяснится для насъ съ достаточной полнотою и во всѣхъ необходимыхъ подробностяхъ. Только тогда мы въ состояніи связать генетическими нитями политическій процессъ съ другими сторонами исторической жизни. Такова программа изученія политическаго строя кіевской Руси.

Какой общественный союзъ предшествовалъ въ нашемъ отечествѣ образованію того варяжскаго княжества, которое появилось на Руси, какъ обыкновенно думаютъ, съ приходомъ Рюрика? Этотъ научный вопросъ принадлежитъ къ числу такихъ, которые поселяютъ между различными изслѣдователями русской исторіи разногласія, совершенно непримиримыя. Одни изслѣдователи утверждаютъ, что до варяжскаго княжества среди славянъ существовалъ исключительно родовой бытъ; по мнѣнію другихъ—въ то время господствовалъ бытъ семейно-общинный; третьи опредѣляютъ этотъ бытъ какъ задружно-общинный; по взгляду четвертыхъ, городская область, основанная на внѣшней торговлѣ, была древнѣйшей политической организаціей нашихъ отдаленныхъ предковъ; наконецъ, пятые утверждаютъ, что варяжскому княжеству предшествовало княжество племенное. Попытаемся разобраться въ этой разноголосицѣ.

Сторонники родовой теоріи утверждаютъ, что родовой бытъ былъ свойственъ славянамъ еще на Карпатахъ и въ періодъ, когда началось ихъ разселеніе оттуда, въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ, и въ доказательство этого ссылаются, во-первыхъ, на извѣстіе византійскаго писателя, императора Маврикія, сообщающаго, что у славянъ много царьковъ, во-вторыхъ, на извѣстную Краледворскую рукопись, на разсказъ о судѣ Любуши, гдѣ сходка состоитъ изъ однихъ родоначальниковъ, въ-третьихъ, на текстъ «Начальной лѣтописи»: «живяху кождо своимъ родомъ, на своихъ мѣстѣхъ владѣюще кождо родомъ

своимъ», въ-четвертыхъ, на то, что и позднѣе, при князьяхъ, вѣче состояло изъ однихъ «старцевъ градскихъ», т.-е. родовыхъ старѣйшинъ: въ-пятыхъ, на обычай кровной мести и неполученіе наслѣдства дочерьми при отсутствіи братьевъ, наконецъ, въ-шестыхъ, на такія данныя, какъ названіе новобрачныхъ княземъ и княгиней: они назывались такъ по той причинѣ, что, вступая въ бракъ, становились родоначальниками. Мы уже знаемъ, какъ надо понимать текстъ «Начальной лѣтописи» о родѣ и неполученіе наслѣдства дочерьми при отсутствіи сыновей: родъ—это задруга или вервь, а ограниченіе наслѣдственныхъ правъ дочерей объясняется идеей принадлежности имѣнія семьѣ, а не лицу. Задружнымъ же началомъ объясняется и кровная месть. Вообще надо замѣтить, что древнѣйшіе обширные родственные союзы славянъ удобнѣе называть задругами или вервями, а не родами, потому что въ точномъ научномъ смыслѣ родовымъ бытомъ надо считать такой, который основанъ на безусловной и неограниченной власти родоначальника надъ членами рода, власти, включавшей въ себѣ понятіе о правѣ родоначальника подвергнуть всѣхъ членовъ родового союза казни и продать ихъ въ рабство, причемъ по смерти отца старшій сынъ является полнымъ его преемникомъ и сохраняетъ manus и надъ матерью. Ничего подобнаго, какъ намъ уже извѣстно, у славянъ не было, и потому родовымъ бытъ древнѣйшихъ славянъ назвать нельзя. Мы сейчасъ видѣли, что и третье, и пятое доказательство сторонниковъ родовой теоріи не могутъ быть приняты: они говорятъ въ пользу семейно-задружнаго, а не родового быта. Такъ же мало въ пользу родовой тоорія говорятъ и другія изложенныя сейчасъ доказательства. Извѣстіе Маврикія становится понятнымъ лишь при сопоставленіи его съ его же собственнымъ замѣчаніемъ, что славяне не знаютъ правительства, и съ свидѣтельствомъ другого византійскаго писателя, жившаго нѣсколько ранѣе, Прокопія, по словамъ котораго славяне живутъ въ демократіи, не имѣютъ единоличной власти и совѣщаются вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Здѣсь ясно указано, что единовластія родоначальниковъ не было, что существовали вѣчевыя сходки, что общаго правительства не было. Такъ какъ мы знаемъ, съ другой стороны, что задруга были чисто демократическимъ союзомъ, не имѣвшимъ единаго главы, то остается предположить, что царьки Маврикія – племенные князья. Что касается Краледворской рукописи, то извѣстно, что достовѣрность ея подвергается весьма сильному сомнѣнію; но если бы она была и достовѣрна, то не указывала бы на составъ вѣча изъ однихъ родоначальниковъ: кромѣ «владыкъ» на «снемѣ» присутствуютъ, по словамъ «Суда Любуши», еще «кметы» и «лехи», т.-е. весь народъ. Уже это извѣстіе, равно какъ и свидѣтельство Прокопія о демократическомъ устройствѣ славянъ, противорѣчитъ представленію о составѣ вѣча изъ однихъ родовыхъ старѣйшинъ; въ свое время мы убѣдимся, что вѣче состояло изъ всѣхъ свободныхъ, а рѣшающій голосъ при-

надлежалъ главамъ семействъ, а не родовъ, да и «старцы градскіе», какъ увидимъ, вовсе были родовыми старѣйшинами. Наконецъ, новобрачные полагаютъ начало не новому роду, а новой семьѣ.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ доказательства, приводимыя сторонниками родовой теоріи, вовсе не подтверждаютъ этой теоріи, а даютъ совершенно иной матеріалъ. Матеріалъ этотъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что въ значительной степени подтверждаетъ двѣ другихъ теоріи—семейно-общинную и задружно-общинную, но подтверждаетъ, однако, именно лишь въ значительной степени, а не вполнѣ. Дѣло въ томъ, что обѣ эти теоріи предполагаютъ существованіе не только семьи и задруги, что—фактъ несомнѣнный, но и, кромѣ того, существованіе территоріальной общины, высшаго соединенія семей или задругъ подъ вліяніемъ необходимости въ защитѣ отъ внѣшнихъ опасностей. Обыкновенно прибавляютъ къ этому, что однимъ изъ основныхъ элементовъ такой территоріальной общины у восточныхъ славянъ была колонизація, ставившая пригороды, т.-е. позднѣйшія колоніи, и ихъ вѣча въ политическую зависимость отъ метрополіи, главнаго города и его вѣчевой сходки. Это замѣчаніе имѣетъ за себя, дѣйствительно, весьма прочное основаніе, такъ какъ опирается на извѣстный лѣтописный текстъ, гласящій: «новгородцы и смольняне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Но здѣсь возникаетъ вопросъ: не было-ли, кромѣ внѣшнихъ опасностей и колонизаціи, какихъ-либо другихъ элементовъ, создавшихъ городскія территоріальныя общины, какъ соединенія семей и вервей? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ разбору двухъ послѣднихъ названныхъ выше теорій,—теоріи городской торговой области и теоріи племенного княжества. Существуетъ, какъ намъ уже извѣстно, взглядъ, что основной отраслью народнаго производства въ кіевской Руси служила внѣшняя торговля; отсюда вытекаетъ и дальнѣйшій выводъ: торгово-промышленная территорія извѣстнаго города и послужила основой для образованія городской области. Это подтверждается слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, тѣмъ, что большинство древнѣйшихъ русскихъ городовъ расположилось по великому водному пути, служившему торговой дорогой: таковы Кіевъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ; если нѣкоторые, какъ Переяславль, Черниговъ, Ростовъ, и выдвинулись на востокъ, то лишь потому, что торговля направлялась на востокъ; во-вторыхъ, за большимъ городомъ обыкновенно идетъ его округъ: Олегъ взялъ Смоленскъ, въ силу этого смоленскіе кривичи признали его власть; онъ взялъ Кіевъ, и ему подчинились кіевскіе поляне; въ-третьихъ, позднѣе, при варяжскихъ князьяхъ, городскія области не имѣли чисто племенного состава, не состояли изъ одного только и притомъ цѣльнаго племени, а составились изъ частей разныхъ племенъ: такъ Новгородская область составилась изъ славянъ ильменскихъ съ вѣтвью кривичей,

центромъ которыхъ былъ городъ Изборскъ, въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина сѣверянъ съ частью радимичей и съ цѣлымъ племенемъ вятичей; Кіевская область состояла изъ всѣхъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и южной части дреговичей съ городомъ Туровомъ; сѣверная часть дреговичей съ городомъ Минскомъ была оторвана западной вѣтвью кривичей и вошла въ составъ Полоцкой области. Мы видѣли въ свое время, что основное положеніе этой стройной теоріи не выдерживаетъ критики: народное хозяйство кіевской Руси покоилось не на внѣшней торговлѣ, а на добывающей промышленности и скотоводствѣ, первенствующее значеніе которыхъ опредѣлялось вовсе не интересами внѣшней торговли, а рѣдкостью населенія при чрезвычайномъ обиліи даровъ природы. Уже отсюда слѣдуетъ, что городскую область, предшествовавшую варяжскому княжеству, нельзя выводить изъ внѣшней торговли. Но и ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ доказательствъ показываетъ несостоятельность разбираемой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ: то обстоятельство, что много городовъ было расположено по великому водному пути, вовсе не свидѣтельствуетъ, что эти города возникли подъ вліяніемъ торговли: не надо забывать прежде всего, что рѣки въ то время были единственными удобными путями сообщенія, по нимъ только и могла совершаться колонизація, такъ что древнѣйшія поселенія, выросшія потомъ въ города и ставшія метрополіями, и должны были, естественно, возникнуть по рѣчнымъ путямъ; притомъ города были и къ западу отъ великаго воднаго пути и притомъ не въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ къ востоку: укажу на Псковъ, Изборскъ, Туровъ, Коростѣнь, Пересѣченъ, города славянъ ильменскихъ, кривичей, дреговичей, древлянъ, и улучей и тиверцевъ; они не могли возникнуть подъ вліяніемъ торговыхъ потребностей; наконецъ, соглашаясь съ тѣмъ, что внѣшняя торговля могла содѣйствовать дальнѣйшему росту прирѣчныхъ городовъ и сосредоточенію въ нихъ торговаго населенія, никакъ нельзя признать, что торговля *создала* эти города уже потому, что нѣкоторые города возникли до начала развитой торговли, до VIII-го вѣка, да и преданіе объ основаніи Кіева, занесенное въ «Начальную лѣтопись» и носящее всѣ признаки достовѣрности въ своей бытовой обстановкѣ не отмѣтило вліянія внѣшней торговли, тогда, впрочемъ, еще не существовавшей, а указало, что Кіевъ возникъ на мѣстѣ первоначальныхъ поселеній трехъ братьевъ звѣролововъ. Такъ падаетъ первое доказательство. Второе—тѣсная связь города съ его областью — не является рѣшительнымъ фактомъ въ дѣлѣ опредѣленія вліянія внѣшней торговли: вѣдь эта связь могла быть слѣдствіемъ и не торговыхъ интересовъ, а, напримѣръ, племенного родства. Наконецъ, третье доказательство—сложный племенной составъ отдѣльныхъ княжествъ—фактъ позднѣйшаго времени, имѣющій тѣмъ меньше значенія, что при князьяхъ городскія области или княжества постоянно перекраивались; какъ мало значенія имѣютъ эти

позднѣйшія территоріальныя дѣленія,—это показываетъ уже наблюденіе, что Новгородъ считался позднѣе непремѣнной частью владѣній кіевскаго князя, а вѣдь нельзя же отсюда сдѣлать выводъ, что новгородская и кіевская земля составляли до прихода варяжскихъ князей одно политическое цѣлое. Также Туровъ имѣлъ особаго князя до Рюрика, а потомъ онъ вошелъ въ составъ Кіевской области, какъ и земля древлянъ, гдѣ были свои князья еще при Игорѣ.

Итакъ, нельзя признать внѣшнюю торговлю силой, создавшей древнѣйшія русскія городскія области. Быть можетъ, этой силой надо признать племенную кровную связь? Я думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Въ этомъ именно смыслѣ существованія племенныхъ княжествъ надо понимать извѣстія Прокопія и Маврикія. Арабскій писатель X-го вѣка, Аль-Масуди, прямо указываетъ на племенныхъ князей у славянъ. И наша «Начальная лѣтопись» помнитъ, что у каждаго восточно-славянскаго племени было свое княженіе. Она разсказываетъ и преданіе о происхожденіи племенного княженія у полянъ, и изъ этого разсказа нельзя не сдѣлать заключенія, что племенные князья были не выборные, а наслѣдственные, потому что у полянъ княженье сталъ держать родъ Кія. Наконецъ, и позднѣе, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ, сохранились свои князья: у древлянъ, напр., былъ при Игорѣ свой князь Малъ и, повидимому, до него княжили его предки, о которыхъ древляне выражаются такъ: «наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревскую землю». Упоминаемые въ договорѣ Олега съ греками «свѣтлые князья, подъ рукою Олега сущіе»—не кто иные, очевидно, какъ такіе же племенные князья, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе. Племенной князь подчинялся вѣчу, что видно какъ изъ приведеннаго уже мною текста о существованіи вѣча изначала у всѣхъ племенъ, такъ и изъ разсказа «Начальной лѣтописи» о томъ, какъ хозары потребовали съ полянъ дани, а тѣ, «здумавше» (очевидно, на вѣчѣ), дали имъ мечъ. Наконецъ, ополченіемъ племени завѣдывали выборные «старцы градскіе», тысяцкій и сотскіе. Племенной же князь былъ военачальникомъ, судьей и жрецомъ.

Итакъ, ходъ политическаго развитія восточныхъ славянъ со времени начала ихъ разселенія по равнинѣ до появленія варяжскихъ князей представляется въ слѣдующемъ видѣ: славяне разселялись отдѣльными рѣдкими поселками по берегамъ рѣкъ; изъ первоначальныхъ поселеній выдѣлялись позднѣйшія, и образовывались верви; количество вервей увеличивалось, главнымъ образомъ, путемъ естественнаго размноженія населенія, но также и посредствомъ посторонней примѣси изъ позднѣйшихъ приходцевъ; родственные между собою верви сомкнулись въ племена, во главѣ съ вѣчемъ, княземъ и выборными старшинами, находившимися въ древнѣйшемъ городѣ—метрополіи; племенное княжество появилось подъ вліяніемъ отчасти внѣш-

нихъ опасностей, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе потребности предотвратить внутренніе международные раздоры. Внѣшнимъ опасностямъ отдѣльныя племена, впрочемъ, не въ состояніи были противостоять: сѣверныя племена были покорены варягами, юныя—хозарами. Въ такомъ состояніи находилась русская земля въ началѣ IX-го вѣка. *Государства* даже самаго примитивнаго не существовало, потому что племя—союзъ кровный по существу своему, и власть въ племенномъ союзѣ имѣетъ кровную основу.

Какъ же образовалось русское государство? Преданіе объ этомъ, занесенное въ помѣщенную въ «Начальномъ лѣтописномъ сводѣ» «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ первѣе поча княжити, и какъ Русская земля стала есть», гласитъ слѣдующее: въ IX-мъ вѣкѣ сѣверные славяне и нѣкоторые финскія племена находились подъ властью варяговъ; но затѣмъ варяги были прогнаны; тогда начались усобицы между отдѣльными родами; подъ ихъ вліяніемъ, чувствуя потребность во внутреннемъ мирѣ, чудь, славяне ильменскіе, кривичи и Весь отправили пословъ къ варяжскому племени Русь и велѣли сказать: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами». Тогда пришли три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ ихъ родами. Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Это случилось въ 862 году. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ остался одинъ княземъ. Онъ побѣдилъ возставшихъ было противъ него подъ начальствомъ Вадима новгородцевъ и распространилъ свою власть на Полоцкъ и Ростовъ. Двое бояръ Рюрика, Аскольдъ и Диръ, пошли великимъ воднымъ путемъ на Константинополь, по дорогѣ овладѣли Кіевомъ, освободивъ полянъ отъ подчиненія хозарамъ, но подъ Константинополемъ въ 866 году потерпѣли неудачу и вернулись въ Кіевъ. По смерти Рюрика княземъ въ Новгородѣ сдѣлался его родственникъ Олегъ; онъ покорилъ смоленскихъ кривичей, любецкихъ сѣверянъ, велѣлъ убить Аскольда и Дира и завладѣлъ Кіевомъ и землей полянъ, подчинилъ себѣ древлянъ, черниговскихъ сѣверянъ, радимичей. Поселившись въ Кіевѣ, Олегъ назвалъ его матерью городовъ русскихъ. «И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася Русью». Таково преданіе. Три главныхъ вопроса должны мы теперь разрѣшить: во-первыхъ, что достовѣрнаго заключаетъ въ себѣ изложенное преданіе относительно самой фактической стороны дѣла? во-вторыхъ, кто были варяги и Русь? въ-третьихъ, каковы были причины образованія варяжскаго княжества? Недостовѣрной, прежде всего, надо признать всю хронологію, потому что «Повѣсть о началѣ Русской земли» разбита по годамъ искусственно: придаточное предложеніе иногда, напр., отдѣляется хронологическими датами отъ главнаго; притомъ же, напр., 866 годъ, какъ годъ нападенія Аскольда и Дира на Константинополь, недостовѣ-

ренъ: нападеніе, по греческимъ источникамъ, произошло въ 860 или 861 году, недостовѣренъ также и исходный пунктъ хронологическихъ вычисленій—852 годъ, который авторъ «Повѣсти» ошибочно считаетъ началомъ царствованія императора Михаила. Такимъ образомъ, нельзя признать достовѣрной и дату прибытія Рюрика съ братьями въ Новгородъ—862 годъ. Затѣмъ, самый разсказъ о *призваніи* князей отличается слишкомъ идиллическимъ характеромъ, чтобы можно было признать его безусловно на вѣру. Но все остальное: мотивы, вызвавшіе появленіе варяговъ, имена пришельцевъ, данныя о ихъ завоеваніяхъ, повидимому, сомнѣніе возбудить не могутъ: бытовыя явленія всегда вѣрно отражаются въ народныхъ преданіяхъ, кровавыя событія не легко забываются, а собственныя имена обыкновенно надолго удерживаются въ народной памяти. Такимъ образомъ, личности Рюрика, Синеуса и Трувора—историческія личности; еще менѣе подлежитъ сомнѣнію личность Олега, съ именемъ котораго дошелъ до насъ и договоръ съ греками. Достовѣрны и извѣстія о возстаніи новгородцевъ и ихъ подчиненіи Рюрикомъ, а также и о завоеваніяхъ Олега. Такъ рѣшается первый вопросъ. Второй вопросъ—о варягахъ и Руси—сыгралъ, какъ извѣстно, очень серьезную роль въ развитіи русской исторіографіи и имѣетъ обширную литературу. Онъ не настолько, однако же, важенъ самъ по себѣ, чтобы стоило въ настоящее время останавливаться на немъ подробно. Я ограничусь поэтому указаніемъ, что варяговъ и Русь надо считать норманнами, потому что норманны подъ именемъ веринговъ извѣстны въ скандинавскихъ сагахъ, у византійскихъ императоровъ IX, X и XI вѣковъ норманнская гвардія называлась βάραγγοι, по свидѣтельству Михаила Пселла и другихъ византійскихъ писателей, наконецъ, собственныя имена русскихъ князей, а также пословъ и гостей въ договорахъ Олега и Игоря, и русскія (не-славянскія) названія днѣпровскихъ пороговъ, сохраненныя намъ Константиномъ Багрянороднымъ, звучатъ по норманнски. Указанія на то, что Черное море называлось Русскимъ, что еще въ 842 году руссы нападали на Константинополь, что въ первой половинѣ IX-го вѣка въ греческихъ житіяхъ св. Стефана Сурожскаго и св. Георгія Амастридскаго сохранились извѣстія о грабежахъ русскихъ въ Крыму, нисколько не противорѣчатъ норманнской теоріи происхожденія Руси: норманны рано стали проникать на югъ Россіи по великому водному пути, раньше, чѣмъ отмѣтила это «Повѣсть временныхъ лѣтъ», хронологія которой, какъ мы знаемъ, недостовѣрна; завоевательное движеніе Олега было лишь послѣднимъ моментомъ длиннаго процесса, сущность котораго сводится къ неудержимому стремленію норманновъ купцовъ и вмѣстѣ разбойниковъ къ богатой Византіи. Что касается причинъ образованія варяжскихъ княжествъ, то онѣ хорошо отразились въ преданіи и сводятся, во-первыхъ, къ потребности въ установленіи внутренняго порядка путемъ устраненія раздоровъ между отдѣльными семьями и

вервями и, во-вторыхъ, къ необходимости защититься отъ иноземнаго владычества и вражескихъ нападеній: Рюрикъ съ братьями по приходѣ начали «города рубить и воевать всюду», а Олегъ, покоряя славянскія племена, освобождалъ ихъ отъ подчиненія хозарамъ.

Итакъ, русское государство въ видѣ варяжскаго княжества образовалось подъ вліяніемъ потребностей во внутренней безопасности и внѣшней защитѣ посредствомъ завоеванія варягами или норманнами различныхъ племенныхъ княжествъ восточныхъ славянъ въ IX-мъ вѣкѣ. Такъ какъ намъ извѣстно существованіе племенныхъ князей при Олегѣ и Игорѣ, извѣстно, что у дреговичей въ Туровѣ былъ свой князь Туръ, въ Полоцкѣ еще во второй половинѣ X-го вѣка княжилъ Рогволодъ, а у вятичей въ XII-го ст. былъ князь Ходота, то нельзя не признать, что, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ племенъ долго еще сохранялась племенная самостоятельность, и зависимость ихъ отъ кіевскаго варяжскаго князя сводилась главнымъ, образомъ, если не исключительно, къ уплатѣ дани и участію въ военномъ ополченіи. Внутренняя самостоятельность вятичей сохранялась всего дольше: съ Ходотой боролся еще Владиміръ Мономахъ. Другія племена покорены были окончательно и лишены племенного княженія раньше: Ольга, какъ извѣстно, уничтожила самостоятельность древлянъ, Владиміръ Святой лишилъ особыхъ князей полочанъ и радимичей. Новгородцы, кривичи и поляне давно уже не имѣли племенныхъ князей: первыя два племени по крайней мѣрѣ, съ Рюрика и Олега, а третье со временъ Аскольда и Дира. Въ Черниговѣ не было уже князя при Святославѣ, а упоминается въ лѣтописи воевода, т.-е. вѣроятно, выборный тысяцкій, Претичъ. Такъ постепенно пали племенныя княжества. Власть варяжскихъ князей вытекала уже не изъ кровнаго родства, а изъ завоеванія. Поэтому варяжское княжество и можетъ быть признано государствомъ.

Переходя теперь къ изслѣдованію вопроса о томъ, чѣмъ отличалось это древнѣйшее русское государство отъ современнаго правового государства, мы займемся сначала разсмотрѣніемъ организаціи средствъ управленія въ то время, потому что матеріалъ, сюда относящійся, отличается наибольшей конкретностью, и его изученіе поможетъ намъ разобраться въ болѣе общихъ и глубокихъ вопросахъ о цѣли государства въ кіевскій періодъ и о субъектѣ власти, о томъ, кому тогда въ сущности эта власть принадлежала.

Первой политической силой въ варяжскомъ княжествѣ, какъ и въ княжествахъ племенныхъ, было *вѣче*. Соціальный составъ вѣча намъ уже извѣстенъ изъ приведеннаго раньше текста лѣтописи о существованіи вѣча изначала и о томъ, что на вѣче собирались не только горожане, но и смерды или крестьяне, сельскіе жители, вообще всѣ свободные люди. Сюда же обыкновенно являлся въ потребныхъ случаяхъ и князь со своей дружиной. Въ одномъ мѣстѣ «Ипатьевской лѣтописи» сказано, что на вѣче собрались всѣ «отъ мала до велика», такъ что,

очевидно, возрастъ не былъ препятствіемъ для посѣщенія вѣчевой сходки. Но одно дѣло—присутствіе на вѣчѣ и другое—право рѣшающаго на немъ голоса: это послѣднее право принадлежало, повидимому, лишь главамъ семействъ, какъ показываетъ разсказъ о томъ, что когда Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Владиміра Мономаха, уговаривалъ кіевское вѣче идти походомъ на Мономахова сына, Юрія Долгорукаго, то кіевляне сказали: «на Владимирово племя не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ, *хотя и съ дѣтьми*»; отцы здѣсь отвѣчаютъ за дѣтей по той, очевидно, причинѣ, что рѣшающій голосъ былъ только у первыхъ. Таковы данныя о составѣ вѣча. Не трудно замѣтить, что надлежащей опредѣленности, необходимаго постоянства въ составѣ вѣчевой сходки не было: не опредѣлено было число лицъ, при которомъ вѣче признавалось законнымъ, почему всякая сходка, въ какомъ бы количествѣ ни собрались на нее свободные люди, считалась нормальной и правильной. Даже въ томъ случаѣ, когда собиралось нѣсколько сходокъ, ни одна изъ нихъ не имѣла никакихъ юридическихъ преимуществъ передъ другими, такъ что въ случаѣ разногласія оставалось одно средство—междуусобная борьба. Мало того: и тогда, когда собиралось лишь одно вѣче, борьба, вооруженное столкновеніе было необходимостью, потому что не существовало голосованія, не было мысли о необходимости признать авторитетъ большинства, всѣ вопросы должны были рѣшаться единогласно. Непостоянство состава вѣчевыхъ сходокъ и неорганизованность способовъ рѣшенія на нихъ разныхъ дѣлъ приводили къ крайнему разнообразію внѣшней обстановки вѣча: не существовало одного постояннаго мѣста для собранія свободныхъ людей. Такъ, въ Кіевѣ вѣче собиралось то на площади передъ соборомъ св. Софіи, то на Ярославовѣ дворѣ, то на Угорскомъ, то на торговищѣ, то, наконецъ, на площади у Туровой божницы. Въ Полоцкѣ вѣчевыя сходки бывали и около церкви Богородицы, и на площади Софійскаго собора.

Значительной неопредѣленностью отличалось, наконецъ, и вѣдомство вѣча. Чаще всего вѣче участвовало въ избраніи и изгнаніи князей. Извѣстія объ этомъ постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ X, XI и XII-го вѣковъ. Еще въ 970 г. новгородцы вытребовали себѣ князя Владиміра отъ уходившаго тогда во второй разъ въ Болгарію Святослава. Въ 1023 г. кіевляне не приняли къ себѣ въ князья сына Владиміра Святого, Мстислава, когда онъ побѣдилъ своего брата Ярослава. Въ 1068 году кіевское вѣче изгнало Изяслава Ярославича и возвело на столъ полоцкаго князя Всеслава. Въ 1095 году новгородцы прогнали князя Давида и призвали Мстислава, а муромцы въ то же время возвели у себя на столъ Изяслава. Съ 1135 года начинается постоянное избраніе и изгнаніе князей новгородскимъ вѣчемъ. Въ Кіевѣ въ XII-мъ вѣкѣ послѣдовательно были выбраны вѣчемъ въ 1113 году Владиміръ Мономахъ, въ 1132 году Ярополкъ, въ

1146 г. Изяславъ Мстиславичъ, въ 1154 г. Ростиславъ, въ 1157 г. Изяславъ Давидовичъ, въ 1168 году Мстиславъ Изяславичъ. То же самое наблюдается въ XII-мъ вѣкѣ въ Полоцкѣ, гдѣ въ 1127 г. вѣче выбрало въ князья Рогволода, въ 1132 г. Василька Святославича, въ 1151 г. Ростислава Глѣбовича, въ 1157 г. Рогволода Борисовича и т. д. Въ Друцкѣ вѣчемъ былъ выбранъ въ 1146 г. Глѣбъ Ростиславичъ; въ 1158 г. онъ былъ изгнанъ и замѣненъ Рогволодомъ Борисовичемъ. Весь этотъ рядъ фактовъ очень внушителенъ и, несомнѣнно, указываетъ на весьма важную роль вѣча въ замѣщеніи княжескихъ столовъ, но преувеличивать эту роль, во всякомъ случаѣ, не приходится: нельзя сказать, чтобы выборъ и изгнаніе князя принадлежали къ числу постоянныхъ и непререкаемыхъ функцій вѣча, невозможно возводить въ принципъ это фактическое участіе вѣча въ распредѣленіи князей по городамъ и областямъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что изъ 50-ти князей, занимавшихъ кіевскій столъ до нашествія татаръ, только 14 были призваны вѣчемъ. Но вѣче не только выбрало и изгоняло князей, оно дѣлало имъ нерѣдко указанія въ ихъ правительственной дѣятельности и заключало съ ними «ряды» или договоры по тѣмъ или другимъ вопросамъ, касавшимся княжескаго управленія: такъ, въ 968 году кіявляне, стѣсненные печенѣгами, отправили посольство къ Святославу, находившемуся въ Болгаріи, со словами: «ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ»; въ 1015 году Ярославъ собралъ новгородцевъ на вѣче, чтобы посовѣтоваться съ ними о томъ, что предпринять противъ Святополка; въ 1868 г. кіевское вѣче потребовало отъ князя Изяслава Ярославича, чтобы онъ шелъ на половцевъ, разорявшихъ русскую землю; въ 1097 г. вѣче во Владимірѣ Волынскомъ заставило Давида Игоревича выдать Ростиславичамъ—Володарю и Васильку—ихъ враговъ. Въ XII-мъ вѣкѣ кіевское вѣче заключаетъ «рядъ» съ Игоремъ Ольговичемъ о томъ, чтобы князь судилъ самъ, а не поручалъ суда притѣснявшимъ народъ тіунамъ; черниговское вѣче въ 1139 году заставило Всеволода Ольговича помириться съ побѣдившимъ его Ярополкомъ кіевскимъ. Но опять приходится отмѣтить, что вѣче не часто рѣшалось на указанія князьямъ, вмѣшивалось въ ихъ распоряженія въ исключительныхъ, экстренныхъ случаяхъ и еще рѣже заключало съ князьями формальные договоры: кіевское вѣче за все время до татарскаго нашествія только 4 раза заключило рядъ съ князьями. Бывали, далѣе, случаи, и опять-таки далеко не всегда и не повсемѣстно, когда вѣче объявляло войну и заключало миръ: въ 997 г. бѣлгородское вѣче вело мирные переговоры съ печенѣгами; въ 1096 г. муромцы и рязанцы заключили миръ съ Мстиславомъ Владиміровичемъ; въ 1186 г. встрѣчаемъ случай заключенія мира полоцкимъ вѣчемъ и т. д. Наконецъ, тогда, когда приходилось учреждать экстренные денежные сборы съ

свободныхъ людей, они рѣшались обыкновенно вѣчемъ: напр., въ 1018 году новгородское вѣче установило сборъ денегъ для помощи Ярославу противъ Святополка Окаяннаго. Однако, обычныя дани въ пользу князя устанавливались, какъ сейчасъ увидимъ, одностороннею волею послѣдняго, безъ прямого, по крайней мѣрѣ, участія вѣчевого собранія. Изъ всего сказаннаго о вѣдомствѣ вѣча видно, что оно, несомнѣнно, принимало участіе въ дѣлахъ верховнаго управленія, но участіе это не было постояннымъ, систематическимъ, организованнымъ, вѣдомство вѣча отличалось чрезвычайной неопредѣленностью и неустойчивостью: въ сущности, вѣче дѣйствовало лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда положеніе казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства; вотъ почему въ княженіе Владиміра Мономаха въ Кіевѣ почти не упоминается о дѣятельности вѣча: Мономахъ чутко прислушивался къ голосу общественнаго мнѣнія и всегда старался идти навстрѣчу потребностямъ и запросамъ народа.

Итакъ: вѣче не имѣло ни постояннаго состава, ни упорядоченнаго способа рѣшенія дѣлъ, ни разъ навсегда установленнаго мѣста собранія, ни, наконецъ, опредѣленнаго вѣдомства. Ясно, слѣдовательно, что *учрежденіемъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова вѣчевую сходку кіевской Руси назвать нельзя ни въ какомъ случаѣ: это былъ лишь первоначальный зародышъ учрежденія.

Второй политической силой въ древнѣйшей Россіи былъ *князь*. Изслѣдованіе порядка княжескаго владѣнія—первая задача при изученіи княжеской власти и ея политическаго значенія. Существуетъ двѣ главныхъ теоріи о порядкѣ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси, родовая, утверждающая, что князья распредѣлялись по городамъ по очереди старшинства и по смерти старшаго передвигались на лучшіе столы въ томъ же порядкѣ, и теорія добыванія столовъ князьями, сводящаяся, въ сущности, къ полному и безусловному отрицанію какихъ бы то ни было правилъ о распредѣленіи столовъ и ихъ наслѣдованіи; самое большее, что готовы признать послѣдователи этой теоріи,—это нѣкоторое вліяніе понятія объ «отчинѣ», т.-е. о наслѣдованіи волости сыномъ отъ отца, а также участіе вѣча въ замѣщеніи княжескихъ столовъ. Изученіе относящагося къ разбираемому вопросу матеріала показываетъ, что обѣ названныхъ теоріи даютъ частичное пониманіе цѣлаго, но выводы ихъ должны быть расположены въ иной перспективѣ. Прежде всего нельзя отрицать, что, какъ то утверждали сторонники родовой теоріи, идеаломъ княжескаго владѣнія было извѣстное соотвѣтствіе между степенью старшинства князей и степенью богатства волостей, ими занимаемыхъ, причемъ Кіевъ всегда долженъ былъ доставаться старшему изъ всѣхъ князей, а опредѣленіе лѣстницы остальныхъ волостей, по степени ихъ достоинства, установилось не сразу. Все это видно какъ изъ фактовъ замѣщенія княжескихъ столовъ при нормальныхъ условіяхъ, безъ борьбы

князей между собою и безъ участія вѣча, такъ изъ нѣкоторыхъ прямыхъ заявленій князей. Святославу въ 972 году наслѣдовали три сына: старшій, Ярополкъ, сѣлъ въ Кіевѣ, второй, Олегъ, въ землѣ древлянской, третьему, Владиміру, достался Новгородъ; когда въ 1015 году умеръ Владиміръ Святой, то старшій его сынъ Святополкъ занялъ кіевскій столъ, а другіе сыновья распредѣлились, насколько это намъ извѣстно, слѣдующимъ образомъ: въ Новгородѣ былъ Ярославъ, въ Ростовѣ—Борисъ, въ Муромѣ—Глѣбъ, въ древлянской землѣ—Святославъ, во Владимірѣ на Волыни—Всеволодъ, въ Тмуторокани—Мстиславъ. Когда дружина Владиміра предлагала Борису ростовскому занять силой Кіевъ, Борисъ отказался, сказавъ: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго»,—такъ прочно сидѣло въ немъ убѣжденіе, что Кіевъ долженъ былъ принадлежать старшему. Позднѣе, когда изъ всѣхъ сыновей Владиміра Святого остались живы только два—Ярославъ и Мстиславъ, послѣдній, исходя изъ того же убѣжденія, объявилъ Ярославу: «сѣди Кыевѣ, ты еси старѣйшій братъ». Сыновья Ярослава въ 1054 году размѣстились слѣдующимъ образомъ: старшій, Изяславъ, сталъ княжить въ Кіевѣ и Новгородѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Смоленскѣ и Игорь во Владимірѣ на Волыни. Дольше всѣхъ сыновей Ярослава жилъ Всеволодъ, который занялъ кіевскій столъ послѣ смерти старшихъ братьевъ, послѣдовательно княживъ сначала въ Переяславлѣ, потомъ въ Черниговѣ. Онъ умеръ кіевскимъ княземъ въ 1093 году. Тогда выступили на первый планъ внуки Ярослава, старшимъ изъ которыхъ былъ Святополкъ, сынъ старшаго Ярославича, Изяслава. Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, безпрекословно призналъ старшинство Святополка: «аще сяду на столъ отца своего,—говорилъ онъ,—то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ». Чувствуя себя и послѣ смерти Святополка младше Олега Святославича, Владиміръ Мономахъ долго не хотѣлъ и тогда занимать кіевскій столъ. Какъ глубоко было въ изучаемый періодъ убѣжденіе князей, что они имѣютъ право перехода на лучшіе столы по очереди старшинства, это видно особенно ясно изъ слѣдующаго факта, относящагося къ концу XII-го вѣка: когда кіевскій князь Ярославъ Изяславичъ (изъ потомства Мономаха) замѣтилъ Святославу Всеволодовичу черниговскому (происходившему отъ Олега Святославича): «къ чему тебѣ наша отчина? Тебѣ эта (т.-е. кіевская) сторона (Днѣпра) не надобна», то Святославъ отвѣтилъ: «я не угринъ и не ляхъ, мы единаго дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько и мнѣ».

Но идеалъ и дѣйствительность, право и фактъ и теперь далеко не всегда совпадаютъ. Еще въ меньшей степени такое совпаденіе существовало въ старину. Наряду съ главнымъ руководящимъ началомъ дѣйствовали другіе принципы, второстепенные, производившіе рядъ исключеній, доводившихъ чрезвычайно часто дѣйствительность до пол

наго извращенія, до діаметральной противоположности общепринятой нормѣ. Первымъ изъ такихъ второстепенныхъ началъ является *начало договора или ряда*, опредѣлявшее нерѣдко порядокъ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси наряду съ очередью старшинства: ряды князей между собою были однимъ изъ средствъ возстановленія попраннаго права старшинства и, сверхъ того, въ сомнительныхъ случаяхъ установляли распредѣленіе волостей. Такъ, напр., мы имѣемъ извѣстія о рядѣ Ярослава съ Мстиславомъ въ 1026 г., Изяслава съ Всеволодомъ въ 1077 г., Владиміра Мономаха съ Олегомъ Святославичемъ въ 1094 г.; въ 1097 г. состоялся княжескій съѣздъ и рядъ между князьями въ Любечѣ, а въ 1100 г. въ Витичевѣ; въ 1102 г. былъ рядъ у Святополка Изяславича съ Владиміромъ Мономахомъ: по условіямъ этого ряда, сынъ Святополка долженъ былъ сѣсть въ Новгородѣ, а сынъ Мономаха во Владимірѣ Волынскомъ. Другимъ принципомъ, приводившимъ къ исключеніямъ изъ общаго правила о порядкѣ наслѣдованія столовъ по старшинству, надо признать *начало добыванія столовъ*, несправедливо объявлявшееся нѣкоторыми изслѣдователями исключительно господствующимъ. Княжескія усобицы имѣли цѣлью или возстановленіе попраннаго права старшинства или удовлетвореніе личнаго честолюбія. Примѣровъ добыванія столовъ можно много найти въ нашихъ источникахъ. Извѣстны, напр., въ X-мъ в. усобицы сыновей Святослава, кончившіяся утвержденіемъ Владиміра въ Кіевѣ, борьба Святополка съ Ярославомъ въ 1016 г. и слѣдующихъ, борьба Мстислава съ Ярославомъ въ 1024 г., попытка Брячислава полоцкаго захватить Новгородъ въ 1021 г., захватъ Тмуторокани Ростиславомъ въ 1064 и 1065 годахъ, захватъ Новгорода Всеславомъ и Полоцка Изяславомъ въ 1069 г., изгнаніе Изяслава Святославомъ и Всеволодомъ въ 1073 г.;много вниманія удѣляетъ «Начальная лѣтопись» шумной и продолжительной борьбѣ Ольговичей и Давидовичей съ Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ въ концѣ XI-го вѣка. Въ XII-мъ вѣкѣ Всеволодъ Ольговичъ завоевалъ кіевскій столъ, а внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславичъ прямо говорилъ: «не мѣсто идетъ къ человѣку, а человѣкъ къ мѣсту», и велъ ожесточенную борьбу съ Юріемъ Долгорукимъ за Кіевъ. Нѣкоторые князья стремились добыть цѣлый рядъ волостей для своей семьи и старались утвердить ихъ за своимъ потомствомъ: такъ, Всеволодъ Ярославичъ въ послѣдней четверти XI-го вѣка соединилъ въ рукахъ членовъ своей семьи болѣе половины всѣхъ русскихъ волостей: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, ростовско-суздальскую землю, потомъ Новгородъ; въ началѣ XII-го вѣка Владиміръ Мономахъ собралъ въ своей семьѣ $^3/_4$ тогдашней Руси.

Эти послѣдніе факты приводятъ насъ къ констатированію третьяго исключенія изъ общаго правила о порядкѣ княжескаго владѣнія,—къ утвержденію между князьями *мысли объ отчинѣ*, т.-е. о наслѣдованіи

сыномъ владѣній отца, другими словами — о наслѣдованіи по нисходящей прямой, а не боковой ломаной линіи, какъ то слѣдовало по общему правилу объ очереди старшинства. Въ 1096 г. Олегъ Святославичъ объявилъ Изяславу Владиміровичу, захватившему Муромъ: «иди въ волость отца своего Ростову, а то (т.-е. Муромъ) волость отца моего»; и лѣтопись прибавляетъ: «Олегъ же надѣялся на правду, яко правъ бѣ въ семь». Въ Любечѣ въ 1097 году было рѣшено: «кождо да держитъ отчину свою». Полоцкъ въ XI-мъ вѣкѣ сдѣлался отчиной потомства Изяслава, сына Владиміра Святого и Рогнѣды. Въ одномъ изъ полоцкихъ пригородовъ Изяславлѣ въ томъ же столѣтіи столъ былъ занятъ княземъ Брячиславомъ, «того бо бяше отцина», замѣчаетъ лѣтопись. Въ XII-мъ вѣкѣ упоминавшійся уже нами внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ Волынь отчиной своего рода: послѣ него здѣсь княжилъ сынъ его Мстиславъ Изяславичъ, потомъ внукъ Романъ Мстиславичъ и т. д.

Четвертымъ второстепеннымъ условіемъ, вліявшимъ на распредѣленіе волостей между князьями, было *выдѣленіе князей-изгоевъ*. Изгои — это преждевременно осиротѣвшіе князья, отцы которыхъ умерли или при жизни ихъ дѣдовъ, или хотя и по смерти послѣднихъ, но раньше, чѣмъ достигли старшаго кіевскаго стола; такими изгоями въ XI-мъ вѣкѣ были, напр., полоцкіе Изяславичи: Брячиславъ, Всеславъ и ихъ потомство; еще при жизни Ярослава Мудраго умеръ его старшій сынъ Владиміръ; сынъ этого Владиміра Ростиславъ и дѣти Ростислава Рюрикъ, Володарь и Василько были также изгоями; изгоемъ считался и Давидъ Игоревичъ, сынъ Игоря Ярославича. Обыкновенно изгоевъ надѣляли какой-нибудь второстепенной волостью въ потомственное владѣніе, и у нихъ не было надежды передвинуться на лучшій столъ. Это сильно тяготило изгоевъ и нерѣдко заставляло наиболѣе энергичныхъ и честолюбивыхъ изъ нихъ рѣшаться на преступленія: такъ въ концѣ XI-го в. Давидъ Игоревичъ, княжившій въ одной половинѣ волынской земли, опасаясь воинственнаго Василька Ростиславича, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Володаремъ владѣлъ другой половиной той же земли, задумалъ и осуществилъ извѣстное ослѣпленіе Василька. И Давидъ и Василько съ Володаремъ были изгоями.

Наконецъ, пятое условіе намъ уже извѣстно изъ обзора дѣятельности вѣча: то было *вліяніе народа*, который на вѣчевой сходкѣ нерѣдко выбиралъ и изгонялъ князей. Факты, сюда относящіеся, были уже приведены въ свое время.

Произведенный нами обзоръ условій, опредѣлявшихъ порядокъ княжескаго владѣнія въ кіевской Руси, ясно показываетъ, на какихъ непрочныхъ, постоянно колебавшихся и взаимно другъ другу противорѣчившихъ основаніяхъ покоился въ то время этотъ порядокъ. Неопредѣленность и непостоянство являются отличительными чертами порядка княжескаго владѣнія.

Каковы же были взаимныя отношенія князей въ древнѣйшей Россіи? Быть можетъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, установились прочные и устойчивые юридическіе обычаи? Присматриваясь къ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, нельзя это признать. Отношенія младшихъ князей къ старшему въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ опредѣлялись весьма неясной формулой, обязывавшей младшихъ почитать старшаго, какъ отца: въ 1015 г. Борисъ говоритъ о старшемъ своемъ братѣ Святополкѣ Окаянномъ: «аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто»; Ярославъ въ 1054 г. завѣщаетъ дѣтямъ: «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему... сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть въ мене мѣсто». Родственныя отношенія младшихъ къ старшему не имѣютъ характера государственнаго подчиненія и потому строго отличаются князьями отъ отношеній подданническихъ: когда во второй половинѣ XII-го вѣка старшій изъ князей, Андрей Боголюбскій, потребовалъ отъ Ростиславичей смоленскихъ, посаженныхъ имъ въ кіевской землѣ, выдачи нѣкоторыхъ бояръ и, получивъ отказъ, пригрозилъ имъ изгнаніемъ изъ южной Руси, то тѣ отвѣчали: «мы тебя признали вмѣсто отца, а ты сталъ обходиться съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками (т.-е. подданными); такъ Богъ насъ разсудитъ». Приказывать старшій князь слѣдовательно, не имѣлъ права, и это ясно видно еще изъ слѣдующихъ словъ Ярослава своему старшему сыну Изяславу: «аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помогай, егоже обидять». Правда отдѣльные сильные князья подчиняютъ себѣ иногда всѣхъ другихъ князей; такъ, Владиміръ Мономахъ требовалъ отъ князей полнаго повиновенія: онъ потребовалъ, чтобы на его зовъ явился въ Кіевъ Ярославъ Святополчичъ, Глѣбу минскому отдалъ его княжество подъ условіемъ подчиненія—«наказа ему о всемъ»,—Святославичи черниговскіе участвовали, по его требованію, во всѣхъ походахъ; сынъ Мономаха Мстиславъ также призывалъ князей въ походы и наказывалъ за неповиновеніе. Но все это случаи проявленія фактической силы и не опираются ни на какое юридическое основаніе. Подчиненіе носитъ тутъ временный и случайный характеръ. Понятно, что при такихъ условіяхъ нѣкоторую объединяющую роль могли играть только княжескіе съѣзды: они устанавливали до нѣкоторой степени порядокъ княжескаго владѣнія, какъ съѣзды въ Любечѣ въ 1097 г. и Витичевѣ въ 1100 г., судили провинившихся князей, какъ то было въ 1100 г. въ Витичевѣ по поводу ослѣпленія Василька Давидомъ Игоревичемъ, рѣшали нѣкоторыя общерусскія дѣла, напримѣръ о походахъ на половцевъ, какъ на съѣздѣ у Долобскаго озера въ 1103 г. Но и съѣзды нельзя назвать постоянными и организованными учрежденіями: во-первыхъ, они были рѣдки, во-вторыхъ, нѣкоторые князья отказывались на нихъ являться, какъ, напримѣръ, Олегъ Святославичъ въ 1096 г.; въ-третьихъ, князья не всегда подчинялись рѣшенію съѣздовъ: такъ, Василько и Володарь

Ростиславичи не согласились съ рѣшеніемъ витичевскаго съѣзда, лишившаго ихъ Волыни. Такимъ образомъ, взаимныя отношенія князей въ кіевской Руси, подобно порядку княжескаго владѣнія, отличались неопредѣленностью и неустойчивостью.

Остается познакомиться съ вѣдомствомъ князей, чтобы закончить рѣчь о княжеской власти. *Законодательство*—въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ нужно понимать это слово въ столь древнюю эпоху, несомнѣнно, входило въ кругъ вѣдѣнія князя. Начальная лѣтопись говоритъ о томъ, что Владиміръ Святой много заботился «о уставѣ земленѣмъ». «Русская Правда» даетъ намъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ законодательной дѣятельности князей: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ «отложиша оубіеніе за голову, но кунами ся выкупати»; Владиміръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный процентъ при займѣ; «а се аже холопъ оударитъ свободна мужа.., то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны». Но само собою разумѣется, что эту законодательную дѣятельность князей трудно признать правильной, постоянной и организованной: она была вообще рѣдкимъ явленіемъ, сопровождалась участіемъ боярской думы и лишена была, въ сущности, творческаго характера, черпала свое содержаніе исключительно въ господствовавшемъ тогда юридическомъ обычаѣ. Однимъ изъ существенныхъ элементовъ, творившихъ право или, по крайней мѣрѣ, примѣнявшихъ и иногда нѣсколько измѣнявшихъ юридическій обычай, было судебное рѣшеніе. Это обстоятельство ставитъ въ связь *судебную власть* князя съ его законодательной дѣятельностью. На вершеніе суда княземъ указываетъ «Русская Правда», предполагающая жалобу закупа *князю* на обиду отъ господина и говорящая о тяжбѣ братьевъ *передъ княземъ* о наслѣдствѣ, о наказаніяхъ отъ князя за разныя преступленія, о приводѣ вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, на *княжъ* дворъ и т. д. Въ лѣтописяхъ также встрѣчаемъ неоднократныя указанія на княжескій судъ: въ 1024 г. Ярославъ судилъ и казнилъ волхвовъ въ Суздалѣ, въ 1071 г. бѣлозерскіе волхвы требовали, чтобы ихъ судилъ самъ князь Святославъ. Всеславъ полоцкій, по «Слову о полку Игоревѣ», «людемъ судяше». Наконецъ, и изъ «Поученія Владиміра Мономаха» видно, что судъ входилъ въ вѣдѣніе князей. Не надо только забывать, что, во-первыхъ, наряду съ княземъ и подчиненными ему органами тогда судъ вершили очень часто третейскіе судьи, по выбору сторонъ, такъ что всеобъемлющей, опредѣленной и постоянной судебную власть князя назвать нельзя; во-вторыхъ, князь цѣнилъ въ судѣ по преимуществу фискальную сторону его,—виры, продажи и судебныя пошлины; въ-третьихъ, наконецъ, какъ мы скоро убѣдимся, самая роль судьи въ процессѣ того времени была крайне ограничена. Собственно *административная дѣятельность* князей имѣла совершенно-ничтожное значеніе и сводилась къ назначенію должностныхъ лицъ разнаго рода, вѣдавшихъ

управленіе. Полиція безопасности, не говоря уже о полиціи благосостоянія, не существовала въ древнѣйшей Россіи. Сохранилось, правда, извѣстіе, что Владиміръ Святой поддерживалъ нищихъ и убогихъ, кормилъ ихъ, но это извѣстіе нельзя понимать въ смыслѣ организованной общественной благотворительности съ особыми учрежденіями, больницами и богадѣльнями; это была простая милостыня въ видѣ раздачи нищимъ пищи, одежды и денегъ. Но главной отраслью правительственной дѣятельности князя былъ *сборъ налоговъ*. Намъ уже извѣстно, что основнымъ налогомъ того времени была прямая подать или дань, извѣстія о которой въ лѣтописяхъ и актахъ идутъ сплошнымъ непрерывающимся рядомъ съ IX по XII столѣтіе. Дань сбиралась двумя способами: или князь самъ за ней ходилъ—это такъ называемое полюдье,—или ему ее привозили сами жители, что называлось повозомъ. О полюдьѣ говоритъ Константинъ Багрянородный, изъ лѣтописи извѣстно полюдье Игоря въ землѣ древлянъ въ 945 г. Подъ 984 г. упоминается о томъ, что радимичи везутъ повозъ. Другимъ важнымъ источникомъ княжескихъ доходовъ были, какъ намъ уже извѣстно, собиравшіеся князьями судебные штрафы, — виры и продажи. Нормы дани, какъ и виръ и продажъ, установились обычаемъ и къ концу періода достигли нѣкоторой прочности. Это, по крайней мѣрѣ, можно съ полной увѣренностью сказать о вирахъ и продажахъ: виры были трехъ родовъ—въ 80, 40 и 20 гривенъ, а продажи также имѣли три размѣра: въ 12 гривенъ, въ 3 гривны и въ 60 кунъ. Нѣкоторые источники, какъ, напр., грамота Ростислава смоленской епископіи 1150 года, указываютъ и на отвержденіе размѣровъ дани: напр., въ Торопцѣ дань бралась въ размѣрѣ 400 гривенъ. Большая опредѣленность финансовой дѣятельности князя и его доходовъ объясняется первостепеннымъ значеніемъ этой стороны дѣла въ глазахъ князей, преимущественнымъ вниманіемъ ихъ къ фискальнымъ интересамъ, совершенно естественнымъ при первобытномъ государственномъ строѣ. Наконецъ, *внѣшняя дѣятельность* князей кіевскаго періода слагается изъ завоеваній, стремленія защитить русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ и заботы о поддержаніи правильныхъ торговыхъ сношеній. Завоеванія не были значительны; особенно извѣстна борьба между Польшей и кіевскими князьями изъ-за Червонной Руси: въ 981 г. Владиміръ Святой завоевалъ ее у Польши, при Святополкѣ Окаянномъ она вернулась къ Польшѣ и снова была завоевана Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1038 году. Въ 1038 и 1040 годахъ упомянуты походы Ярослава на ятвяговъ. Въ 1030 г. онъ побѣдилъ Чудь и основалъ Юрьевъ. Изъ исторіи распредѣленія населенія по равнинѣ и колонизаціи намъ уже извѣстна непрерывная и очень упорная борьба Руси въ X, XI и XII вѣкахъ сначала съ печенѣгами, потомъ съ половцами, безъ набѣговъ которыхъ обходился рѣдкій годъ. Приходилось защищаться также отъ камскихъ болгаръ, напр., въ 1088 г., литовскихъ и финскихъ племенъ:

такъ, въ 1106 г. говорится о набѣгѣ литовскаго племени Зимиголы, въ 1054 г. Голяди, въ 1103 г. Мордвы. Наконецъ, походы Олега, Игоря и Владиміра Ярославича на Константинополь и сохранившіеся торговые договоры Олега, Игоря и Святослава съ греками, а также разсказъ Константина Багрянороднаго, свидѣтельствуютъ о заботахъ русскихъ князей, направленныхъ къ поддержанію правильныхъ торговыхъ сношеній съ заграничными рынками.

Окидывая общимъ взглядомъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ о княжеской власти, трудно признать и эту власть правильно организованной: и порядокъ княжескаго владѣнія, и взаимныя отношенія князей отличались неопредѣленностью и непрочностью, отсутствіемъ твердыхъ и нерушимыхъ основаній; дѣятельность князей была мало развита, несложна и проникнута была по преимуществу фискальными началами. Ясно такимъ образомъ, что хотя князья и проявляли болѣе энергичную и постоянную дѣятельность, чѣмъ вѣче, но учрежденіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова княжеская власть не была.

Еще менѣе можно назвать учрежденіемъ *боярскую думу*, совѣтъ изъ старшихъ дружинниковъ, состоявшій при князѣ. Изучая составъ боярской думы кіевскаго періода, необходимо различать два періода— до XI вѣка и съ начала этого вѣка. До XI вѣка совѣтники князя состояли изъ двухъ группъ, бояръ и старцевъ градскихъ: такъ, въ разсказѣ «Начальной лѣтописи» о крещеніи Владиміра подъ 987 годомъ два раза упоминается о совѣщаніи его съ боярами и старцами градскими. Бояре—это старшіе дружинники, старцы градскіе—это выбиравшіеся вѣчемъ начальники ополченія смердовъ, тысяцкіе и сотскіе. Но въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ тысяцкіе и сотскіе сливаются съ дружиной, не выбираются вѣчемъ, а назначаются распоряженіемъ князя: такъ, тысяцкіе причислены къ дружинѣ Владиміра Мономаха въ пространной «Русской Правдѣ», въ разсказѣ о битвѣ при рѣкѣ Супоѣ между кіевскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ и черниговскими Ольговичами въ 1136 г., кіевскій тысяцкій причисленъ къ княжескимъ боярамъ. Причина сліянія старцевъ градскихъ съ боярами заключается въ томъ, что немногочисленный высшій слой городского купечества, изъ котораго выходили эти «старцы», чувствовалъ себя ближе къ князю и его дружинѣ, чѣмъ къ смердамъ, потому что торговалъ и воевалъ, какъ и князь съ дружиной. Вотъ почему по источникамъ XI-го и XII-го вѣковъ дума состоитъ исключительно изъ однихъ бояръ: такъ, по свидѣтельству «Русской Правды» сыновья Ярослава отмѣнили кровную месть по совѣту «*мужей* ихъ», т.-е. бояръ; *бояре* Турякъ, Лазарь и Василь посовѣтовали Давиду Игоревичу ослѣпить Василька. Въ 1097 г. Святополкъ созвалъ бояръ, чтобы посовѣтоваться по поводу мнимыхъ замысловъ Василька. «Слово о полку Игоревѣ» говоритъ о «*боярахъ* думающихъ». Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что постояннаго состава дума не имѣла: съ кѣмъ посо-

вѣтоваться, это рѣшалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самъ князь. Вотъ почему число совѣтниковъ по отдѣльному вопросу обыкновенно было очень невелико: дума Давида Игоревича по вопросу объ ослѣпленіи Василька состояла всего изъ троихъ бояръ; четверо или пятеро бояръ участвовали въ рѣшеніи отмѣнить месть; Мономахъ установилъ законную высоту процента при займѣ по совѣту съ шестью боярами. По этнографическому своему составу дружина, въ томъ числѣ и старшая, отличалась разноплеменностью, что также препятствовало ей образовать изъ себя плотную корпорацію: въ составѣ ея были варяги, упоминающіеся у Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владиміра, Ярослава Добрыня былъ бояриномъ Владиміра, а между тѣмъ, онъ былъ славянинъ; въ 992 г. Янъ Усмошвецъ, несомнѣнный славянинъ, сдѣланъ былъ «великимъ мужемъ» за побѣду надъ печенѣжскимъ богатыремъ; въ 1015 г. въ дружинѣ Бориса упоминается Георгій *Угринъ*, т. е. венгръ по происхожденію; въ 1024 г. Мстиславъ, разбивъ Ярослава при Лиственѣ, сказалъ: «кто сему не радъ? се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла»; значитъ, дружина его состояла не изъ сѣверянъ и не изъ варяговъ, а, вѣроятно, изъ тмутороканцевъ и касоговъ (онъ раньше побѣдилъ касожскаго князя Редедю); въ «Русской Правдѣ» встрѣчается бояринъ по прозванію «Чюдинъ», несомнѣнно, финнъ по происхожденію. Та же неопредѣленность наблюдается и въ вѣдомствѣ боярской думы кіевскаго періода: князь совѣтовался не только съ тѣми, съ кѣмъ хотѣлъ, но также и по тѣмъ дѣламъ, по какимъ ему было угодно. Въ сущности не было сферы дѣятельности князя, въ которой не принимала бы того или иного участія дума; всего полнѣе и яснѣе вѣдомство боярской думы характеризовано въ извѣстныхъ словахъ Начальной лѣтописи о Владимірѣ Святомъ: «бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ нею думая о *строи земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ*». И въ самомъ дѣлѣ: условія войны и мира иногда опредѣлялись князьями по совѣту съ боярами; такъ Игорь совѣтовался съ дружиной о томъ, слѣдуетъ ли принять мирныя предложенія византійскаго императора Романа; въ 1093, 1095, 1096 и 1103 годахъ князья совѣщались съ боярами о военныхъ дѣлахъ; финансовыя дѣла также иногда обсуждались боярской думой: Игорь отправился за данью къ древлянамъ по совѣту дружины; съ участіемъ бояръ издаются законы сыновьями Ярослава и его внукомъ Владиміромъ Мономахомъ; Владиміръ Святой не обходится безъ совѣта думы въ дѣлѣ принятія христіанства. Но уже изъ того, что намъ извѣстно о дѣятельности вѣча и князя, видно, что любой изъ этихъ разнообразныхъ и очень важныхъ вопросовъ управленія могъ рѣшаться безъ всякаго участія княжескихъ совѣтниковъ—бояръ.

Итакъ и боярская дума нисколько не походила на сколько-нибудь организованное, правильное учрежденіе, потому что не отличалась ни постоянствомъ состава, ни опредѣленностью вѣдомства.

Вѣче и князь были несомнѣнными носителями верховной власти въ кіевской Руси; боярская дума содѣйствовала князю въ его правительственной дѣятельности. Такимъ образомъ, мы познакомились съ такими зарождавшимися уже въ то время учрежденіями, которыя, по современной терминологіи, должны бы были называться учрежденіями верховными или высшими. Насколько можно было примѣнить это названіе къ князю, вѣчу и боярской думѣ, т. е. насколько въ то время верховное управленіе отличалось и отдѣлялось отъ подчиненнаго,—это мы узнаемъ, познакомившись съ органами центральнаго и мѣстнаго или областного управленія въ кіевской Руси.

Центральное управленіе въ древнѣйшей Россіи отличалось полнымъ отсутствіемъ всякой правильной организаціи: не было въ сущности не только центральныхъ учрежденій, но и отдѣльныхъ лицъ, которыя постоянно вѣдали бы опредѣленную категорію дѣлъ на всемъ пространствѣ княжества. Составляя по нашимъ источникамъ списокъ разнаго рода должностныхъ лицъ, состоявшихъ непосредственно при князѣ, и обращая вниманіе на ихъ дѣятельность, легко убѣдиться, что все это были органы хозяйственнаго управленія, которымъ лишь временно могли даваться тѣ или другія отдѣльныя порученія по общему управленію. Едва ли не самымъ важнымъ должностнымъ лицомъ при князѣ былъ *дворскій*, завѣдывавшій княжескимъ дворцомъ и дворомъ, а также дворцовымъ хозяйствомъ. Но на ряду съ нимъ существовалъ уже—по крайней мѣрѣ въ XII-мъ вѣкѣ—рядъ лицъ, вѣдавшихъ какую-либо отдѣльную отрасль хозяйственнаго управленія: *казначей* завѣдывалъ княжеской казной, *печатникъ* былъ секретаремъ князя, *меченоша* хранилъ оружіе, *стольникъ* вѣдалъ съѣстные припасы и напитки, *покладникъ* или *спальникъ*—домашнюю обстановку княжескаго дворца, *подъѣздной княжъ*, упоминаемый въ «Русской Правдѣ», былъ, по всей вѣроятности, начальникомъ княжеской охоты. Кромѣ того, существовалъ еще цѣлый рядъ *тіуновъ* или прикащиковъ, принадлежавшихъ нерѣдко къ числу несвободныхъ слугъ, челяди или рабовъ. «Русская Правда» знаетъ нѣсколько разновидностей этихъ тіуновъ: кромѣ общаго термина «княжъ тивунъ», въ ней встрѣчается еще тіунъ огнищный, завѣдывавшій, очевидно, «огнищами», т.-е. княжескими холопами, которыхъ онъ судилъ и наказывалъ, тіунъ конюшій, которому были подчинены рядовые или простые конюхи, и который былъ, вѣроятно, тожественъ съ конюхомъ старымъ или конюшеннымъ старостой, сельскій тіунъ, соотвѣтствовавшій, несомнѣнно, сельскому старостѣ и управлявшій княжескими селами, и тіунъ ратайный или ратайный староста, вѣдавшій спеціально земледѣльческія работы. Не различая хозяйственнаго управленія отъ управленія общаго, князья нерѣдко поручали тіунамъ и судъ въ городахъ и даже въ столицѣ: извѣстенъ, напр., разсказъ «Начальной лѣтописи» о рядѣ кіевлянъ съ Игоремъ Ольговичемъ,

причемъ кіевляне требовали, чтобы князь не поручалъ суда въ Кіевѣ тіунамъ, притѣснявшимъ народъ.

Нѣсколько больше зародышей порядка, — разумѣется, весьма примитивнаго — наблюдается въ другой сферѣ администраціи, извѣстной теперь подъ именемъ управленія областнаго или мѣстнаго. Прежде всего необходимо выяснить вопросъ объ *областномъ дѣленіи*. Четыре термина указываютъ на областное дѣленіе въ изучаемый періодъ. Эти термины—«городъ», «торгъ», «міръ» и «земля». Впрочемъ, торгъ обыкновенно совпадалъ съ городомъ, что однако не было постоянно, такъ какъ были торги и внѣ городовъ. Торгъ былъ важнымъ мѣстомъ не только въ хозяйственной, но и въ гражданской жизни того времени: здѣсь, по «Русской Правдѣ», совершались разнаго рода сдѣлки: купля-продажа, заемъ, конкурсъ при несостоятельности и т. д.; здѣсь начинался «сводъ», здѣсь «закликали» или «заповѣдывали» о пропажѣ своей собственности. Это придавало торгу и извѣстное административное значеніе. Все, что сказано о торгѣ, относится и къ городу, такъ какъ въ городѣ обыкновенно, даже, вѣроятно, всегда, былъ торгъ. Но городъ былъ гораздо болѣе важнымъ административнымъ пунктомъ, чѣмъ торгъ. Города кіевскаго періода дѣлились на концы, о которыхъ упоминается въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ. Городъ былъ средоточіемъ извѣстной волости или волостей, «земель», какъ ихъ называетъ «Русская Правда». «Земля», надо думать, соотвѣтствовала «міру», упоминаемому въ краткой «Правдѣ», хотя очень возможно, что подъ «міромъ» разумѣлся и городъ.

Итакъ, основной административной единицей былъ городъ съ его волостью или «землей», къ нему тянувшей; кромѣ того, нѣкоторое административное значеніе имѣли внѣгородскіе торги или погосты. Разсмотримъ теперь, каковы были органы областной администраціи.

Важнѣйшимъ органомъ администраціи въ городѣ былъ *посадникъ*. Въ нашихъ источникахъ сохранилось множество извѣстій о посадникахъ въ различныхъ русскихъ городахъ IX—XII вѣковъ. Уже Рюрикъ посадилъ своихъ «мужей» въ Ростовѣ, Бѣлоозерѣ и Полоцкѣ, а Олегъ—въ Смоленскѣ и Любечѣ. Въ 977 г., послѣ бѣгства Владиміра изъ Новгорода, Ярополкъ поставилъ туда своихъ посадниковъ; въ 980 г. Владиміръ отправилъ Добрыню посадникомъ въ Новгородъ. Ярославъ въ лѣтописи подъ 1014 г. названъ посадникомъ въ Новгородѣ, что даетъ поводъ думать, что и другіе сыновья Владиміра получившіе при его жизни въ управленіе города, были посадниками отца. Въ 1018 и 1036 гг. и въ началѣ XII-го вѣка упоминаются посадники въ Новгородѣ, назначенные кіевскимъ княземъ. Въ 1071 г. встрѣчаемъ посадника Яна на Бѣлоозерѣ, въ 1079 г. посадника Ратибора въ Тмуторокани. Въ 1096 г. Олегъ Святославичъ посадилъ посадниковъ по городамъ въ ростовско-суздальскомъ краѣ, а въ 1097 г. Свя-

тополкъ сдѣлалъ посадникомъ во Владимірѣ Волынскомъ Василія. Въ XII-мъ в. въ волынскихъ пригородахъ также упоминаются посадники. Наконецъ, пространная «Русская Правда» говоритъ о должности посадника какъ обычной для каждаго города. Посадникъ былъ замѣстителемъ князя въ области; поэтому вѣдомство его вполнѣ совпадало съ вѣдомствомъ князя, такъ что говорить объ этомъ подробно послѣ всего намъ извѣстнаго о правительственной дѣятельности князя было бы излишне. «Русская Правда» нѣсколько разъ говоритъ о *вирникѣ*. Нѣкоторые изслѣдователи считали вирника за особаго финансоваго чиновника, за сборщика податей, но другіе отожествляли его съ посадникомъ. Это послѣднее мнѣніе надо принять, потому что, во-первыхъ, по «Лаврентьевской лѣтописи», въ 1176 году ростовская земля роздана была въ *посадничество* русскимъ (т.-е. кіевскимъ) дѣтскимъ, и «они многу тяготу людямъ твориша *продажами* и *вирами*»; во-вторыхъ, вѣдомство вирниковъ совпадало съ кругомъ дѣятельности посадниковъ: финансовое вѣдомство вирника не вызываетъ ничьихъ сомнѣній, въ краткой «Русской Правдѣ» прямо сказано, что вирники сбираютъ виру; но нельзя отрицать и его судебное значеніе: онъ не только сбиралъ виру и получалъ при этомъ «поклонъ» или «покони», т.-е. кормъ натурой и отчасти деньгами, но ему шла значительная часть самой виры: изъ двойной 80-ти-гривенной виры 16 гривенъ, а изъ простой 40-гривенной 8; не можетъ быть, чтобы столь значительныя суммы получались, какъ вознагражденіе за сборъ виры; судебная роль князя и его органовъ заключалась, какъ было уже сказано и какъ скоро будетъ доказано, только въ формальной оцѣнкѣ доказательствъ,—центръ тяжести для нихъ находился въ доходѣ отъ суда; финансовая или фискальная и юридическая стороны суда сливались въ одно нераздѣльное цѣлое, не могла, слѣдовательно, и финансовая власть по сбору судебныхъ пошлинъ быть отдѣленной отъ власти судебной. Но если вирникъ и посадникъ—одно и то же, то никакъ нельзя согласиться съ нѣкоторыми изслѣдователями, которые отожествляютъ съ посадниками тысяцкихъ, думаютъ, что тысяцкіе замѣняли въ нѣкоторыхъ городахъ посадниковъ. Тысяцкіе, упоминающіеся въ источникахъ въ Кіевѣ, Бѣлгородѣ, Вышгородѣ, Переяславлѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, «держали воеводство», какъ выражается «Начальная лѣтопись», т.-е. были начальниками городского ополченія и, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, существовали на ряду съ посадниками; тамъ, гдѣ жили князья, посадниковъ не было, но тысяцкіе были.

Посадники и въ XII-мъ вѣкѣ тысяцкіе, раньше выбиравшіеся, назначались княземъ большею частью изъ числа старшихъ дружинниковъ—бояръ. Но и члены младшей дружины—*отроки* или *дѣтскіе*—получали нерѣдко административныя порученія. Что отрокъ и дѣтскій одно и то же—въ этомъ убѣждаетъ насъ текстъ «Русской Правды».

Отрокъ, несомнѣнно, участвовалъ въ процессѣ при поклепѣ, т.-е. при обвиненіи по подозрѣнію, такъ какъ сказано: «а иже свержеть виру, то гривна кунъ сметная *отроку*; а кто и *клепалъ*, а тому дати другую гривну». Но, какъ скоро увидимъ, однимъ изъ обычныхъ доказательствъ въ процессѣ при поклепѣ былъ судъ Божій, испытаніе желѣзомъ, водою и рота̀ или присяга. Слѣдовательно, отрокъ долженъ былъ принимать участіе и въ этихъ испытаніяхъ. Между тѣмъ извѣстно, что при испытаніи желѣзомъ дѣйствовалъ дѣтскій: «а желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, и полгривны дѣтьскому». Изъ этого сопоставленія слѣдуетъ, что отрокъ и дѣтскій—одно и то же. Затѣмъ отрокъ былъ подчиненъ посаднику и употреблялся имъ для административно-полицейскихъ цѣлей: напримѣръ, онъ долженъ былъ помочь истцу схватить и связать его бѣглаго холопа; подобное же значеніе имѣлъ и дѣтскій: по той же «Русской Правдѣ», онъ игралъ дѣятельную роль при исполненіи приговоровъ по дѣламъ о спорѣ изъ за наслѣдства. Вотъ второе наблюденіе, подтверждающее тожество отрока и дѣтскаго. «Русская Правда» даетъ возможность довольно точно опредѣлить судебное значеніе отрока или дѣтскаго. Онъ прежде всего, несомнѣнно участвовалъ въ процессѣ по дѣламъ объ убійствѣ. Это несомнѣнно по слѣдующимъ признакамъ: отрокъ вмѣстѣ съ вирникомъ получалъ «поконы *вирные*» натурой или деньгами, а вира платилась, какъ извѣстно, при убійствѣ; затѣмъ, по словамъ «Правды», «иже свержеть *виру*, то гривна кунъ сметная *отроку*; о томъ же, наконецъ, свидѣтельствуетъ и полученіе дѣтскимъ полугривны при испытаніи желѣзомъ, потому что это испытаніе примѣнялось чаще всего въ процессѣ объ убійствѣ. Впрочемъ, и въ дѣлахъ о татьбѣ, т.-е. въ преступленіяхъ противъ правъ собственности, при искѣ на сумму выше полугривны золотомъ судебнымъ доказательствомъ, при наличности извѣстныхъ условій, служило также испытаніе желѣзомъ, откуда можно сдѣлать выводъ, что и въ разборѣ этихъ дѣлъ отрокъ участвовалъ. Далѣе: отрокъ получалъ «наклады» при продажѣ въ 12 гривенъ — деньгами и натурой, слѣдовательно, долженъ былъ присутствовать на судѣ при всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, по которымъ платилась такая продажа, а она платилась за оскорбленіе дѣйствіемъ и за нарушеніе правъ собственности. Къ этому надо еще прибавить административно-полицейскую дѣятельность отрока или дѣтскаго: участіе его въ поимкѣ бѣглаго холопа и въ дѣлежѣ наслѣдства между братьями, тягавшимися о немъ передъ княземъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что всѣ дѣла вершились на судѣ при участіи отрока. Весьма важенъ вопросъ о томъ, какое значеніе на судѣ имѣлъ отрокъ, былъ ли онъ помощникомъ вирника, простымъ исполнителемъ его приказаній, или самостоятельнымъ органомъ судебной власти? «Русская Правда» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ подчиненности отрока главному судьѣ: князь

посылаетъ дѣтскаго дѣлить наслѣдство между братьями, посадникъ отправляетъ отрока поймать и связать бѣглаго холопа, «поклоны» идутъ не одному отроку, а «вирнику съ отрокомъ». Слѣдовательно, чаще всего отрокъ былъ лицомъ второстепеннымъ на судѣ. Это не исключаетъ, впрочемъ, возможности его самостоятельнаго значенія въ отдѣльныхъ случаяхъ. Чтобы убѣдиться, что эта возможность иногда становилась дѣйствительностью, стóитъ только припомнить цитованное уже мѣсто «Лаврентьевской лѣтописи» подъ 1176 г., гдѣ говорится, что Ростиславичи роздали въ ростовской землѣ *посадничество* русскимъ (т.-е. южнорусскимъ, кіевскимъ) *дѣтскимъ*, которые и обременяли населеніе вирами и продажами: посадничество и право налагать виры и продажи ясно указываетъ на самостоятельное значеніе дѣтскихъ. Бывали, значитъ, случаи назначенія въ посадники членовъ не старшей, а младшей княжеской дружины.

Къ числу судебныхъ чиновниковъ принадлежалъ, далѣе, метельникъ или метальникъ. Нѣкоторые отожествляли метальника съ мятельникомъ—отъ слова «мятель»—верхнее платье—и считали его поэтому лицомъ, завѣдывавшимъ княжескимъ гардеробомъ, но эта мысль не можетъ быть принята, потому что, во-первыхъ, чтеніе «мятельникъ» не встрѣчается въ источникахъ, и, во-вторыхъ, въ «Русской Правдѣ» ясно выступаетъ на видъ судебное значеніе метальника. Это легко усмотрѣть изъ слѣдующей статьи: «а се оуроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ, а о(тъ) инѣхъ о(тъ) всѣхъ тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метельнику 6 вѣкошь». Изъ приведеннаго текста видно, что метельникъ участвовалъ при разборѣ дѣлъ объ убійствѣ, такъ какъ сказано «отъ виры», затѣмъ дѣлъ о бортной землѣ, т.-е., вѣроятно, объ уничтоженіи бортной межи, наконецъ, «иныхъ всѣхъ тяжъ». Итакъ, во всѣхъ судебныхъ процессахъ игралъ какую-то роль метельникъ. Повидимому, метельникъ не былъ самостоятельнымъ судьей, а состоялъ при вирникѣ. Мы видѣли уже, что для исполненія административно полицейскихъ порученій посылались отроки или дѣтскіе; поэтому нельзя признать метельника тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи были недѣльщики и пристава. Остается признать метельника секретаремъ, записывавшимъ суммы налагаемыхъ взысканій. По всей вѣроятности, писецъ, упоминаемый въ другомъ мѣстѣ «Русской Правды», былъ тотъ же метальникъ или метельникъ.

При испытаніи желѣзомъ 5 кунъ получалъ мечникъ. Слѣдовательно, и онъ также участвовалъ въ судопроизводствѣ по цѣлому ряду преступленій. Нѣкоторые предполагаютъ, что мечникъ на судѣ держалъ эмблему правосудія—мечъ; другіе сближаютъ мечника съ метальникомъ.

Въ краткой «Русской Правдѣ» упоминается ябетникъ, котораго обыкновенно сближаютъ со скандинавскимъ Aembet, означавшимъ вообще должностное лицо, чиновника.

Въ привилеѣ, т.-е. уставной грамотѣ, данной въ XV-мъ вѣкѣ смоленской землѣ, ябетникомъ названъ чиновникъ, занимавшійся отыскиваніемъ воровъ и покражи по слѣдамъ преступленія, помогавшій въ этомъ отношеніи потерпѣвшему.

Таковы были чиновники по преимуществу судебные, говорю—«по преимуществу», потому что въ кругъ ихъ вѣдѣнія, вообще мало опредѣленный, входилъ не только судъ, но и нѣкоторыя финансовыя функціи, какъ то показываетъ предшествующее изложеніе.

По преимуществу *финансовыми* должностными лицами были данники, мытники и осменики. Данники упоминаются, напр., въ лѣтописи подъ 1096 годомъ и, какъ показываетъ самое названіе, завѣдывали сборомъ дани. Мытника знаетъ «Русская Правда», а мытъ, какъ проѣзжую пошлину съ товаровъ, упоминаетъ Ростиславова грамота 1150 года. Мытникъ, очевидно, и завѣдывалъ сборомъ мыта и присутствовалъ при этомъ часто при сдѣлкѣ купли-продажи, какъ видно изъ «Русской Правды». Сборщиками торговыхъ пошлинъ были осменики, которые въ то же время, какъ показываютъ позднѣйшіе источники, вѣдали торговую полицію.

Намъ остается указать еще на мостника и городника, при которыхъ въ качествѣ помощниковъ также, по «Русской Правдѣ, были отроки. По прямому свидѣтельству того же источника, мостникъ строилъ и чинилъ мосты, а городникъ—городскія стѣны и укрѣпленія. Они получали кормъ и особое издѣльное вознагражденіе отъ населенія.

Разсматривая вѣдомство всѣхъ указанныхъ выше должностныхъ лицъ, мы наблюдали въ этомъ отношеніи большую неопредѣленность и неустойчивость, постоянныя колебанія и отступленія, смѣшеніе разныхъ функцій управленія. Но этимъ дѣло не ограничивалось: власть органовъ, замѣщавшихъ князя въ извѣстной области, посадниковъ, была совершенно безгранична до тѣхъ поръ, пока князь не являлся въ область: они судили по всѣмъ дѣламъ и присуждали ко всѣмъ принятымъ юридическимъ обычаемъ наказаніямъ; инстанцій не было, апелляція, хотя бы даже самая безпорядочная и неорганизованная, была большею частью невозможна: такъ, мы видимъ, что посадникъ Святослава Ярославича Янъ велѣлъ убить волхвовъ на Бѣлоозерѣ, наказалъ ихъ примѣненіемъ существовавшей еще тогда кровной мести, не обративъ никакого вниманія на ихъ желаніе быть судимыми самимъ княземъ. Но если безъ князя посадникъ былъ всесиленъ, то стоило князю пріѣхать въ область, и власть посадника немедленно исчезала: всѣ дѣла, даже самыя мелкія, рѣшалъ самъ князь. Слѣдовательно, не только областное управленіе не было организовано правильно, и не установилась административно-судебная іерархія, но органы управленія лишены были, въ сущности, всякой самостоятельности въ кругѣ дѣлъ, ими рѣшаемыхъ; въ рукахъ князя сходились всѣ нити власти, верховное и подчиненное управленіе совершенно не раздѣлялись. По-

нятно, что о существованіи правильныхъ, хотя бы въ незначительной степени, учрежденій говорить не приходится, средства управленія находились, очевидно, на первоначальной ступени своего развитія. Постоянныя, прочно установленныя нормы были чужды древнѣйшему русскому управленію.

Какова была дѣйствительная *цѣль* русскаго государственнаго союза въ его первоначальномъ видѣ, т.-е. съ IX-го до конца XII-го вѣка? Предшествующее изложеніе доставило уже намъ значительный матеріалъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса. Мы видѣли, что русское государство появилось и утвердилось вслѣдствіе того, что оно соотвѣтствовало двумъ настоятельнымъ потребностямъ общества, потребности во внѣшней защитѣ отъ инородцевъ и потребности въ устраненіи внутреннихъ раздоровъ. Военная дѣятельность князей и княжескій судъ и должны были удовлетворить этимъ настоятельнымъ потребностямъ. Безъ сомнѣнія, они и удовлетворяли имъ до извѣстной степени и, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ достигали цѣли общаго блага, потому что иначе самое существованіе государства было бы невозможно. Но степень удовлетворенія общественныхъ потребностей и мѣра достиженія идеала общаго блага были въ то время чрезвычайно невелики, такъ что очень часто непосредственной цѣлью правительственной дѣятельности оказывались личные, частные интересы, а не общее благо. Такъ, военная дѣятельность князей направлена была не только и даже не столько на отраженіе вражескихъ нападеній, сколько на усобицы, преслѣдовавшія очень узкія задачи, личное обогащеніе князей, увеличеніе ихъ владѣній, собираніе земли въ рукахъ князей одной какой-либо вѣтви Рюрикова дома. Даже внѣшнія предпріятія князей направлены были нерѣдко къ ихъ личной выгодѣ: такъ, Святославъ въ своемъ тяготѣніи къ Болгаріи, по собственнымъ его словамъ, руководился стремленіемъ къ личному обогащенію: онъ хотѣлъ овладѣть ею, потому что туда «вся благая сходятся»,—свозятся товары изъ Венгріи, Руси, Византіи. Въ администраціи и судѣ, какъ мы только что убѣдились, хозяйственный, фискальный интересъ преобладалъ надъ интересами благоустройства, порядка, справедливости и правосудія. Это видно изъ того, что въ административно-судебномъ строѣ древнѣйшей Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало органамъ хозяйственнаго управленія,—приказчикамъ или тіунамъ разнаго рода или такимъ лицамъ, которыя вѣдали разныя отрасли княжескаго дворцоваго хозяйства, какъ дворскій, казначей, стольникъ, подъѣздной и проч. Сборъ штрафовъ и судебныхъ пошлинъ—вотъ къ чему стремился, главнымъ образомъ, судья того времени. Интересы правосудія для него стояли при этомъ на второмъ планѣ. Это всего лучше видно изъ разсмотрѣнія характера судопроизводства и участія въ судѣ установленной власти. Мы должны обстоятельнѣе

познакомиться съ этой стороной дѣла, потому что она представляетъ собою яркую иллюстрацію къ тому общему положенію, что цѣли общаго блага отступали на второй планъ передъ частными интересами и узкими, формальными требованіями. Уголовный процессъ раздѣляется, какъ извѣстно, на двѣ части,—слѣдствіе и судъ. Первымъ необходимымъ условіемъ для начала слѣдствія во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, по «Русской Правдѣ», была *наличность истца:* безъ истца было невозможно начало слѣдствія; вотъ почему, если найдены были кости или трупъ неизвѣстнаго человѣка, то процессъ не возникалъ, разслѣдованія не производилось; государственная власть не принимала на себя иниціативы въ этомъ отношеніи; уже въ этомъ нельзя не видѣть слабости понятія объ общественныхъ задачахъ государственнаго союза. «Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои, *а головника не ищуть*»,— читаемъ въ пространной редакціи «Русской Правды»; эти слова, несомнѣнно, указываютъ, что при убійствѣ для начала слѣдствія не былъ необходимъ отвѣтчикъ. Такъ какъ ниже сказано: «*не будеть ли татя*, то по слѣду женуть», то, очевидно, и въ дѣлахъ о татьбѣ, т.-е. во всѣхъ преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ, слѣдствіе начиналось также безъ наличности отвѣтчика. Вторымъ необходимымъ условіемъ начала слѣдствія при убійствѣ и нарушеніи правъ имущественныхъ признавалась *наличность слѣдовъ преступленія*, въ частности при убійствѣ трупа. Но въ дѣлахъ о преступленіи противъ свободы, чести и здоровья непремѣннымъ вторымъ условіемъ для начала процесса была *наличность отвѣтчика*. Таковы были условія для начала слѣдствія: ихъ значительная сложность показываетъ, что государственная власть того времени мало заботилась объ общественной безопасности. Это дѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на самое производство слѣдствія, на его ходъ. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаются многочисленныя и несомнѣнныя указанія на производство слѣдствія самимъ истцомъ. Вотъ эти указанія: если кто-либо потерпѣлъ побои до синяковъ и крови, «то видока *ему* не искати»; всѣ статьи о «сводѣ» показываютъ, что «сводъ» производился самимъ истцомъ: онъ говорилъ: «поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ»; самъ истецъ также «закликалъ на торгу» о пропажѣ принадлежавшей ему вещи или холопа, самъ и «познавалъ» найденную у другого свою вещь: изъ его заявленія о потерѣ не вытекала необходимость дѣятельнаго и самостоятельнаго производства слѣдствія властями; далѣе мы имѣемъ свидѣтельство «Русской Правды» о томъ, что при бѣгствѣ холопа возможенъ былъ случай, «аже кто своего холопа *самъ досочиться*». Существующія власти только содѣйствовали истцу въ нѣкоторыхъ случаяхъ: такъ, напр., посадникъ долженъ былъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока.

Слѣдствіемъ установлялось обвиненіе, опредѣлялся всегда отвѣтчикъ.

Но строго различались основанія такого обвиненія, и сообразно этимъ основаніямъ измѣнялся и дальнѣйшій ходъ процесса: и взаимныя отношенія сторонъ, и способы доказательствъ. Все дѣло было въ томъ, «въ поклепѣ» или не въ поклепѣ было обвиненіе. Поклепомъ, какъ видно изъ «Русской Правды», называлась такая форма обвиненія, въ которой основаніемъ служило не отысканіе поличнаго и не свидѣтельство очевидцевъ преступленія изъ числа свободныхъ людей, а или показаніе холопа-очевидца, или свидѣтельство свободныхъ людей, знавшихъ лишь объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе. Короче: поклепъ—обвиненіе по подозрѣнію. Онъ примѣнялся въ дѣлахъ объ убійствѣ и въ преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ. Ходъ судоговоренія при поклепѣ былъ таковъ: во-первыхъ, допрашивались представленныя истцомъ лица, свидѣтельствовавшія объ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе, напр., о томъ, что обвиняемаго видѣли проходящимъ ночью около мѣста преступленія; во-вторыхъ, отвѣтчикъ представлялъ семь или, если отвѣтчикъ былъ иностранецъ, двухъ свидѣтелей своего добраго поведенія (послуховъ); если же таковыхъ онъ не могъ найти, то подвергался, смотря по степени важности преступленія, испытанію желѣзомъ или испытанію водой или «ротѣ» (присягѣ); въ-третьихъ, произносился приговоръ. При обвиненіи безъ поклепа, т.-е. когда были свидѣтели-очевидцы, судъ заключался лишь въ опросѣ свидѣтелей и постановленіи приговора. Таковъ былъ ходъ самаго суда. Но роль судьи была здѣсь лишь немногимъ активнѣе, чѣмъ во время слѣдствія. И на судѣ представитель государственной власти—князь или посадникъ—былъ пассивенъ, что усугублялось еще тѣмъ, что судебныя доказательства не подлежали спору, считались внушающими безусловное довѣріе, при соблюденіи извѣстныхъ условій. Такъ, напр., если отвѣтчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, и истецъ представилъ свидѣтелей-очевидцевъ (видоковъ), то отвѣтчикъ не имѣлъ права оспаривать ихъ показанія, и судья на ихъ основаніи обязанъ былъ произнести опредѣленный приговоръ; требовалось только, чтобы показанія очевидцевъ сходились между собою и съ показаніемъ истца дословно, «слово противу слова», по выраженію «Русской Правды». Только при поклепѣ, когда выступали не очевидцы преступленія, а свидѣтели объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе, ихъ показанія встрѣчали противорѣчія, но и здѣсь не оставалось простора для судейской иниціативы и для дѣятельнаго вмѣшательства судьи въ судоговореніе: выступали послухи—свидѣтели о добромъ поведеніи обвиняемаго, которымъ судья былъ долженъ безусловно вѣрить, если ихъ было законное число и они показывали единогласно, или примѣнялись ордаліи—испытаніе желѣзомъ, водой и присяга, результатъ примѣненія которыхъ безусловно опредѣлялъ содержаніе приговора. Обращаясь, наконецъ, къ послѣднему акту процесса—исполненію судебнаго рѣшенія,—

мы наблюдаемъ здѣсь тѣ же характеристическія черты: исполненіе приговора часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ самъ бьетъ его, раздѣвъ; несостоятельнаго должника кредиторъ самъ уводитъ къ себѣ домой въ холопство или на торгъ для продажи; спорную вещь собственникъ самъ беретъ у отвѣтчика; месть совершалась самимъ истцомъ, въ чемъ убѣждаютъ такія выраженія, какъ «мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну» и пр., «ожели себе не можеть мьстити», «чада смирять». Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе приговора было связано съ фискальными интересами съ доходами князя, посадника и другихъ органовъ судебной власти,— судья проявлялъ бо́льшую активность: такъ, не истецъ, а самъ князь подвергалъ преступника «потоку и разграбленію», т.-е. казни или изгнанію и конфискаціи имущества; князь и его органы взыскивали поступавшія въ княжескую казну виры и продажи. Сводя теперь въ одно цѣлое все только что сказанное о процессѣ въ кіевской Руси, можно сказать, что этотъ процессъ отличался рѣзко выраженнымъ формализмомъ, выражавшимся какъ въ формальномъ отношеніи къ судебнымъ доказательствамъ, въ безусловномъ къ нимъ довѣріи, если была выполнена извѣстная форма, такъ и въ произнесеніи тяжущимися шаблонныхъ формулъ: «поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ», «вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ», «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ», и, наконецъ въ строго формальныхъ дѣйствіяхъ сторонъ, какъ поиски слѣда преступленія со свидѣтелями, заповѣдь на торгу, клятва свидѣтелей сдѣлки и т. д. Характеръ процесса опредѣляется, какъ извѣстно, тѣмъ, преобладаетъ ли въ немъ чисто гражданское обвинительное начало, или уголовное— слѣдственное. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдственный процессъ по уголовнымъ дѣламъ уже начиналъ зарождаться въ древнѣйшей Россіи, потому что, какъ мы видѣли для начала слѣдствія по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ не требовалась наличность отвѣтчика, и соотвѣтственно этому въ этихъ дѣлахъ примѣнялась особая форма обвиненія—поклепъ,—и существовали особыя судебныя доказательства—послухи и ордаліи,— но обвинительное—гражданское начало имѣло опредѣляющее значеніе: слѣдствіе было въ рукахъ частныхъ лицъ, господствовалъ формализмъ, не было общественнаго обвинителя, представителя закона въ родѣ нашего прокурора. Все это какъ нельзя лучше показываетъ, насколько затемнена была въ то время конечная цѣль государственнаго союза—общее благо,—какъ сильно заслонялась она преобладавшими тогда частными и фискальными интересами. Впослѣдствіи, при обзорѣ нравственныхъ понятій древнѣйшаго русскаго общества, мы убѣдимся, что общественный элементъ былъ очень слабъ и въ понятіи преступленія, что́ также свидѣтельствуетъ, что государство почти не осуществляло въ дѣйствительности идеи общаго блага, столь ясно выраженной въ органи-

заціи современнаго западно-европейскаго правового государственнаго союза.

Наконецъ, *субъектомъ власти*, ея носителемъ не былъ въ сущности общественный союзъ, какъ цѣлое, и князь и даже вѣче не являлись выразителями этой коллективной воли; власть принадлежала отдѣльнымъ лицамъ надъ такими же отдѣльными лицами. Это видно, прежде всего, изъ того извѣстнаго уже намъ факта, что рѣшеніе вѣча признавалось дѣйствительнымъ лишь тогда, когда оно постановлялось единогласно; логическимъ выходомъ изъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ принципа личной власти служитъ междуусобіе между партіями, составлявшими вѣче, и физическое насиліе надъ несогласно мыслящими. Когда каждый членъ общества считаетъ себя въ правѣ не подчиняться закону, съ которымъ онъ не согласенъ, вопреки большинству, то этимъ своимъ сопротивленіемъ онъ какъ нельзя болѣе сильно подчеркиваетъ ту специфическую особенность государства, что оно покоится на началѣ личнаго господства. Понятно, при такихъ условіяхъ, что и князь имѣлъ полное право дѣйствовать самовольно, безъ вѣча и даже вопреки вѣчу, пока послѣднее не принуждало его идти за собой силой. При преобладаніи личнаго господства, естественны и нарушенія нормальнаго порядка княжескаго владѣнія, и взглядъ князей на землю какъ на свою семейную собственность, и зарожденіе мысли объ отчинѣ, которая особенно къ концу періода стала все болѣе прививаться къ дѣйствительной жизни.

Сравнивая теперь государство кіевскаго періода съ современнымъ правовымъ, благоустроеннымъ государствомъ, мы видимъ, что имъ обоимъ свойственъ только *одинъ общій признакъ*: и то и другое построено на принципѣ власти или господства. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они между собою противоположны: субъектомъ власти въ древнѣйшей Россіи является личность, въ современномъ государствѣ— общественный союзъ, какъ цѣлое, такъ что и монархъ, даже неограниченный,—не собственникъ государства, а представитель власти, принадлежащей цѣлому союзу, «первый слуга государства», по выраженію Фридриха II-го; цѣлью государственной дѣятельности тогда были частные интересы, теперь общее благо; наконецъ, средства управленія не были организованы, не существовало правильныхъ учрежденій, верховныхъ и подчиненныхъ, составляющихъ необходимую принадлежность современнаго благоустроеннаго государства. Изъ четырехъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ современное государство, три не были свойственны русскому государству кіевскаго періода.

Переходя къ изученію генетическихъ нитей, связывающихъ политическій процессъ съ другими процессами общественной жизни, необходимо, прежде всего, установить, какія явленія въ жизни государства въ древнѣйшей Россіи обязаны своимъ существованіемъ *непо-*

средственному вліянію другихъ, тоже политическихъ явленій. Предшествующее изложеніе даетъ для этого достаточный матеріалъ: мы видѣли, что когда появилась государственная власть, не основанная на кровномъ началѣ, то стали утверждаться и органы, отъ нея исходящіе, князь сталъ назначать лицъ, отъ него зависѣвшихъ и руководившихъ управленіемъ въ стольномъ его городѣ и въ областяхъ. До появленія такой государственной власти не было и не могло быть и подчиненныхъ органовъ администраціи, которые въ племенномъ княжествѣ замѣняются главами отдѣльныхъ семейныхъ союзовъ. Итакъ, ясно, что *отъ внутреннихъ условій политическаго развитія зависѣло появленіе подчиненныхъ административныхъ органовъ.* Но было бы несомнѣнной ошибкой выводить это явленіе изъ однихъ только чисто-политическихъ условій, потому что эти органы удовлетворяли не только потребностямъ княжеской власти самой по себѣ, но силою вещей призваны были, хотя и въ незначительной мѣрѣ, идти навстрѣчу интересамъ общаго блага, такъ что *въ появленіи подчиненныхъ административныхъ органовъ сказались также и непосредственныя соціальныя вліянія:* во-первыхъ, потребность всего общества, особенно многочисленныхъ смердовъ, въ устраненіи внутреннихъ раздоровъ, усилившихся вслѣдствіе роста населенія и возникновенія нѣкоторой земельной тѣсноты; во-вторыхъ, потребность высшаго соціальнаго слоя, дружинниковъ, въ наградѣ за военную службу и административныя обязанности, ими на себя принятыя.

Административные органы, исходившіе отъ княжеской власти, были самымъ верхнимъ, послѣднимъ слоемъ, самой новой политической формаціей. Идя глубже въ политическій строй того времени, мы встрѣчаемся съ явленіями, на которыхъ сказалось главнымъ образомъ соціальное, а не политическое уже, вліяніе: я разумѣю вѣче и боярскую думу. Почему вѣчу принадлежало важное значеніе въ политической жизни кіевской Руси? Потому что смерды, которые численно преобладали въ вѣчевыхъ собраніяхъ и органомъ, проводившимъ желанія которыхъ было вѣче, представляли собою очень вліятельный классъ населенія, большею частью экономически независимый отъ другихъ классовъ вслѣдствіе равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ. Боярская дума, въ свою очередь, была отраженіемъ того значительнаго соціальнаго вѣса, какимъ пользовались княжескіе дружинники, также въ значительной степени экономически независимые или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ зависимые отъ князя, потому что однимъ изъ источниковъ ихъ существованія была торговля. Итакъ, *въ вѣчѣ и боярской думѣ отразились по преимуществу соціальныя вліянія.* Однако, какъ показываютъ сейчасъ и ранѣе сдѣланныя замѣчанія, эти соціальныя вліянія слагались, въ свою очередь подъ воздѣйствіемъ хозяйственныхъ порядковъ. *Непосредственное воздѣйствіе хозяйственныхъ порядковъ становится замѣт-*

нымъ при изученіи образованія государства и появленія княжеской власти, потому что князь долженъ былъ обезпечить цѣлость территоріи для хозяйственной ея эксплуатаціи и обезопасить торговые пути, *но все-таки и здѣсь главными были соціальныя условія*, интересы смердовъ и купцовъ, не только хозяйственные, но и правовые: князь долженъ былъ явиться источникомъ того «порядка», котораго такъ жаждали наши отдаленные предки и котораго они добились въ столь ограниченной степени. Но какъ разъ это послѣднее обстоятельство, именно недостаточность установившагося порядка, составлявшая типическую черту древнѣйшаго русскаго государства и сводившаяся къ примитивности средствъ управленія, къ недостаточному выраженію идеи общаго блага и къ понятію объ отдѣльной личности какъ носителѣ власти, и оказывается необъяснимымъ, если имѣть въ виду только политическія и соціальныя вліянія. *Основной причины несовершенствъ въ государственномъ строѣ кіевскаго періода надо искать въ экономической организаціи*,—не въ какой-либо отдѣльной чертѣ послѣдней, а во всѣхъ почти ея сторонахъ. Прежде всего здѣсь важно преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства, затѣмъ господство вольнаго землепользованія и первобытныхъ, хищническихъ системъ хозяйства, сводящихся въ сущности къ полной безсистемности: отсутствіе порядка, стройности и связности въ экономической жизни вело къ неорганизованности и политическаго строя. Затѣмъ натуральное хозяйство, семейная форма предпріятій и отсутствіе органической хозяйственной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ создавали не химическое соединеніе, не тѣсную, внутренно-связную сплоченность отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, а механическую ихъ смѣсь, выдвигали на первый планъ семью и связанную съ ней отдѣльную личность, а не общество какъ цѣлое. Поэтому и политическій строй отличался безсвязностью, слабостью начала общаго блага и отсутствіемъ общественнаго господства при преобладаніи господства личнаго. Внѣ этихъ экономическихъ условій, дѣйствовавшихъ притомъ непосредственно, нельзя объяснить исторію русскаго государства въ кіевскій періодъ.

Предшествовавшія объясненія исчерпали все содержаніе политической исторіи кіевской Руси, такъ что на долю вліянія внѣшней природы, а также количества и распредѣленія населенія не осталось ничего. Относительно вліянія внѣшней природы можно только замѣтить тоже, что́ было сказано о немъ раньше: естественныя условія—равнинность страны, равномѣрность климата, обиліе орошенія и рѣчныхъ путей сообщенія—содѣйствовали объединенію Руси подъ властью Олега и его ближайшихъ преемниковъ, но они и здѣсь не были настоящими творческими силами, потому что хозяйственныя обстоятельства, въ частности господство натуральнаго хозяйства, оказались сильнѣе ихъ, сдѣ-

лавъ единство страны скоропреходящимъ, случайнымъ и эфемернымъ явленіемъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о другой сторонѣ дѣла, о вліяніи политическаго процесса на всѣ остальныя. Ясно, что уже самое несовершенство установившагося въ кіевской Руси государственнаго порядка не могло создать благопріятную почву для такого вліянія: политическія условія не вносили ни въ хозяйство страны, ни въ устройство ея общества ничего новаго, не говоря уже о томъ, что они возникли гораздо позднѣе, чѣмъ сложился экономическій и даже соціальный типъ кіевской Руси: нельзя же признать причиной извѣстнаго явленія обстоятельство, возникшее позднѣе этого самаго явленія. Въ одномъ лишь отношеніи политическій процессъ оказалъ вліяніе, впрочемъ, второстепенное, поздно обнаружившееся и легшее послѣднимъ пластомъ на рядъ другихъ, болѣе важныхъ вліяній, экономическихъ и соціальныхъ: княжескія усобицы и нападенія печенѣговъ и половцевъ, дурно отзывавшіяся на массѣ населенія, разорявшія эту массу, оказали свою долю вліянія на усиленіе колонизаціоннаго движенія къ концу періода.

Н. Рожковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(*Продолженіе*) *).

31.

Арнольдъ много читалъ и преимущественно книги по вопросамъ юридическимъ.

Въ чтеніе ихъ онъ вкладывалъ всю свою проницательность, исканіе и жажду истины, а также прирожденную способность претворять все ясно и просто выраженное въ образы, какъ бы иллюстрируя примѣрами лишь слегка намѣченное, и логически разбираясь въ немъ. Но для этой работы передъ нимъ лежалъ не одинъ прямой путь, а множество разныхъ перекрестковъ и часто онъ замѣчалъ, что сбился съ прямой дороги и запутался въ непроходимыхъ дебряхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда находилъ, что опасно продолжать путь или остановиться, и слѣдуетъ возвратиться по своимъ собственнымъ слѣдамъ и начать его сызнова. Но подобная работа вызывала нѣкоторую усталость и потому времени отъ времени онъ брался за что-нибудь другое, чтобы въ иномъ направленіи и по иному пути, но также не пользуясь никакими посторонними указаніями, вновь очутиться въ совершенно чуждой ему области. На него имѣло извѣстное вліяніе то, что онъ слышалъ или что ему хвалили. Назовутъ ему какое-нибудь сочиненіе и онъ поспѣшно хватается за него, какъ бы боясь упустить что-то, что легко можетъ ускользнуть. Постепенно ему становилось все труднѣе приводить прочитанное въ извѣстную систему какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Онъ не могъ рѣшить, дѣйствительно ли пустое—пусто, а непонятное—не понятно лишь ему одному. Нерѣдко онъ опускался въ самую глубь черныхъ водъ учености, чтобы потомъ съ пренебреженіемъ убѣдиться, какъ легко уничтожить мнимую глубину. Но онъ тщетно старался провести какія бы то ни было границы. Какъ въ темную ночь даль иногда кажется безконечной и вмѣстѣ съ

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

тѣмъ какъ бы оканчивается непроницаемой стѣной, такъ и ему казалось по отношенію къ чтенію. Онъ хватался то за то, то за другое; трудности казались ему легкими, легкое непреодолимымъ. Но всякую помощь онъ пока укорно отклонялъ отъ себя, потому что чувствовалъ, что никакая посторонняя рука не можетъ ему замѣнить собственнаго инстинкта до тѣхъ поръ, пока онъ, хотя бы послѣ долгой борьбы, не выберется на прямую дорогу и не присоединится къ идущимъ по ней. Выбившись изъ силъ отъ нетерпѣливыхъ поисковъ истины, онъ искалъ прибѣжища въ поэзіи. Но тамъ ему часто приходилось наталкиваться на образы и картины, которые онъ потомъ всячески старался забыть; неопредѣленность же, царившая въ ней, словно облачная завѣса, окутывала все кругомъ и этимъ приводила его въ недоумѣніе, дѣлая подозрительнымъ и до крайности обостряя вниманіе. Все красочно-обманчивое, безпокойно-пылающее возбуждало его недовѣріе, даже тамъ, гдѣ было создано рукой великаго мастера.

Ко всему, что имѣло какое бы то ни было отношеніе къ искусству, онъ не относился серьезно уже потому, что не былъ способенъ оцѣнить умѣнье воплощать идею и наивно требовалъ отъ созданныхъ умомъ образовъ непосредственной пользы.

Онъ ухватился за газеты, чтобы хотя этимъ путемъ приблизиться къ дѣйствительности. И вотъ людская глупость, преступность, съумашествіе и отчаяніе предстали передъ нимъ съ холодной непосредственностью и сухостью. Но стоило очистить факты отъ лишней болтовни, высвободить ихъ отъ невѣрнаго освѣщенія и тогда отъ политики оставались одна голая ложь, борьба и обманъ, а между тѣмъ выкрикивались слова—Богъ, отечество, церковь, свобода, распредѣленіе богатствъ.

Нѣкоторое время Арнольдъ не могъ разобраться въ фразахъ и блуждалъ среди нихъ точно плѣнникъ. Онъ жаждалъ ухватиться за нѣчто незыблемое, что было бы и ему доступно, и такимъ образомъ натолкнулся на цифры и основанную на нихъ науку. Казалось, въ умѣ у него стало проясняться. Врата, черезъ которыя врывался свѣтъ распахнулись передъ нимъ точно отъ заклинанія. И какъ тетива лука всякій разъ послѣ того, какъ ее спустятъ, приходитъ опять въ свое нормальное положеніе, такъ и его умъ, вслѣдствіе такой работы, не переутомлялся и не ослабѣвалъ, а, наоборотъ, становился болѣе пригоднымъ къ труду, болѣе эластичнымъ. Но Арнольдъ перецѣнивалъ блеснувшій свѣтъ, перецѣнивалъ и ясность, съ которой человѣкъ, освѣщающій своимъ внутреннимъ огнемъ лишь наружный видъ вещей, видитъ ихъ.

Въ тотъ день, когда у Потчиссера вечеромъ былъ назначенъ обѣдъ, лилъ дождь. Арнольдъ какъ разъ отдыхалъ послѣ занятій и углубился въ размышленія, когда человѣкъ Христіанъ подалъ ему визитную карточку Максима Шпехта.

Арнольдъ былъ удивленъ моднымъ костюмомъ и оживленной

улыбкой своего бывшаго знакомаго изъ Подолина. Шпехтъ описалъ ему свою настоящую жизнь и, внутренне неувѣренный въ себѣ, всячески старался указать на какую-нибудь духовную связь между своимъ прошедшимъ и настоящимъ. Но когда человѣкъ держитъ въ рукахъ черезчуръ полный бокалъ, ему трудно скрыть, что напитокъ, брызжущій черезъ край, смочилъ и его руку.

Арнольдъ былъ задумчивъ. Онъ напрасно задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ собственно явился къ нему Шпехтъ, и находилъ неумнымъ и легкомысленнымъ такимъ образомъ врываться къ человѣку, чтобы красть у него драгоцѣнное время.

— Повидимому, вы много читаете, — замѣтилъ Шпехтъ, бросая взглядъ на множество книгъ, валявшихся на столѣ.—Между прочимъ я могу вамъ рекомендовать одинъ романъ, который я только что прочелъ. Если хотите, я одолжу вамъ его... Шпехтъ говорилъ наставительно, и съ дѣланною серьезностью.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Я не читаю романовъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на удивленно-вопросительную гримасу Шпехта и съ усмѣшкой прибавилъ: Въ романахъ люди слишкомъ часто блѣднѣютъ...

Шпехтъ захихикалъ.

— Превосходно,—замѣтилъ онъ. Онъ сидѣлъ какъ разъ противъ Арнольда, лицо его напоминало лицо человѣка, мучающагося сознаніемъ, что онъ что-то забылъ и не могущаго отдѣлаться отъ этого тягостнаго чувства. Казалось, что все въ немъ—руки, ноги, платье—обременено какой-то заботой. При прощаньи губы его подергивались отъ подавленной просьбы. Арнольдъ видѣлъ въ окно, какъ онъ садился въ элегантный экипажъ, поджидавшій его у подъѣзда.

«Вотъ какъ,—подумалъ онъ,—вѣрно его дѣла идутъ не дурно».

Вошелъ Христіанъ и доложилъ, что дядя велѣлъ узнать, поѣдетъ ли Арнольдъ на вечеръ къ Потчиссеру. Арнольдъ отвѣтилъ утвердительно. На этотъ вечеръ онъ смотрѣлъ не какъ на предстоящее удовольствіе, но совершенно серьезно считалъ его посѣщеніе частицею своей задачи и предпринятой работы.

Получивъ отвѣтъ Арнольда, Барромео отправился въ комнату жены.

Тихо, точно ступая на цыпочкахъ, вошелъ онъ къ ней. Анна, сидя у окна, читала. Сухощавая, блѣдная, веснущатая барышня причесывала ей голову. Барромео удивился и собрался удалиться.

— Ты желаешь что-нибудь сказать мнѣ, Фридрихъ?—вѣжливо и кротко спросила его Анна. Осторожно, Лина, вы мнѣ больно дѣлаете,—обратилась она къ дѣвушкѣ и нетерпѣливо постучала ногой объ полъ.

— Я хотѣлъ только предупредить тебя, Анна, что никакъ не могу быть у Потчиссера,—отвѣтилъ мужъ.

— Дѣловыя обязательства мѣшаютъ?—насмѣшливо сказала Анна,

однако безъ малѣйшей досады.—Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только ѣхать безъ тебя,—холодно добавила она.

Барромео пожалъ плечами и напряженно сталъ слѣдить за жужжащей мухой.

Онъ стоялъ у двери, словно дожидаясь приказаній.

— Надѣюсь, что въ такомъ случаѣ твой племянникъ проводитъ меня,—продолжала Анна, хмуря лобъ.

Барромео вторично пожалъ плечами.

— Вообще, вѣдь, онъ подаетъ блестящія надежды на то, чтобы сдѣлаться вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ,—продолжала она язвить.—Откровенно признаюсь тебѣ, что, судя по твоимъ разсказамъ, я ожидала видѣть нѣчто другое; думала, что встрѣчу человѣка, готоваго завоевать само небо, а увидала тихаго, наивнаго, некрасиваго и недурного юношу; ты немного оплошалъ, Фридрихъ, что весьма удивительно при твоемъ всегдашнемъ скептицизмѣ.

Парикмахерша кончила прическу и откланялась. Докторъ Барромео началъ медленно прохаживаться взадъ и впередъ, поглаживая свою бороду. Наконецъ, онъ съ глубокомъ вздохомъ произнесъ:—До какой степени мелокъ долженъ быть умственный уровень женщинъ; иначе правдивость и непосредственность пробудила бы въ нихъ хоть какой-нибудь отголосокъ.

Анна Барромео нахмурилась.

— Отголосокъ?—рѣзко отвѣтила она.—Безъ причины нѣтъ и слѣдствія. Ты разсказалъ мнѣ предлинную исторію и я надѣялась увидѣть чудо дѣятельной силы, увидѣть... фанатика справедливости, что ли; человѣка, слова котораго жгутъ, какъ угли... Ну, а въ немъ ни единый человѣкъ не замѣтитъ ничего подобнаго.

Докторъ замолчалъ. Заложивъ руки за спину, онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ. По временамъ что-то пробѣгало по его безжизненному лицу, причемъ робкій, терпѣливый, какъ бы взвѣшивающій взглядъ становился глубже и печальнѣе.

—Я не бралъ на себя никакихъ обязательствъ относительно того, до какой степени тебя займетъ Арнольдъ,—наконецъ сказалъ онъ.—Если ты не видишь въ немъ болѣе того, что онъ выказываетъ, то съ тобой можетъ случиться то же, что съ богачомъ и Іисусомъ Христомъ въ Священномъ Писаніи. Никогда мы не бываемъ столь жалки, какъ въ случаяхъ, когда думаемъ, что смотримъ на что-нибудь сверху внизъ, а оно стоитъ высоко надъ нами.

Анна Барромео опустила голову. Она была достаточно умна, чтобы не сознавать, что ею взятъ фальшивый тонъ. И въ тонѣ ея отвѣта на этотъ разъ сквозило больше участія.

—Хорошо; положимъ, онъ именно таковъ, какимъ ты его видишь. Почему же въ такомъ случаѣ онъ кажется глупымъ и удивленнымъ простякомъ? Если такой человѣкъ, какимъ ты его считаешь, попадаетъ

въ нашъ кругъ, онъ долженъ производить дѣйствіе динамита. Между тѣмъ, получается впечатлѣніе, что онъ ко всему относится хладнокровно—улыбается, смотритъ и молчитъ. Даже научился раскланиваться по нашему... Почему я отъ него не слыхала ни одного слова, которое могло бы хоть что-нибудь объяснить мнѣ? Почему онъ ничего не дѣлаетъ такого, что бы мнѣ импонировало, если онъ такъ преисполненъ тѣмъ, чему я должна вѣрить, но не вѣрю, потому что не имѣю доказательствъ на это? За это ты не можешь вѣдь претендовать на меня.

Почему же онъ въ такомъ случаѣ ничего не предпринимаетъ? Чего онъ хочетъ? Чего ждетъ?—Анна Барромео подняла лицо. Щеки ея были блѣдны, выраженіе глазъ—грозно-насмѣшливое и возбужденное. Она отрицала только ради того, чтобы отрицать. Казалось, что она стремится убить въ себѣ болѣе горячаго приверженца Арнольда, нежели тотъ, что воочію находился передъ нею.

— Оставимъ это,—съ досадой произнесъ Барромео, махнувъ рукой.

Анна облокотилась на руку.

— У тебя явилась скверная замашка въ обращеніи со мною,—пробормотала она,—когда нечего болѣе возражать, лучше всего прекратить разговоръ.

Фридрихъ Барромео остановился передъ нею. Въ то время какъ онъ глядѣлъ на нее сверху внизъ, что-то дрогнуло въ его лицѣ, но онъ тотчасъ же подавилъ въ своемъ сердцѣ болѣе теплыя слова, точно стеръ мѣловую надпись на грифельной доскѣ.

— Ты права,—началъ онъ дѣловымъ тономъ,—но развѣ я обратилъ бы тебя, указавъ, въ чемъ собственно заключается твоя ошибка? Только то признается истиной, что человѣкъ самъ пережилъ. Болѣе мелкій человѣкъ, нежели Арнольдъ, поступилъ бы именно такъ, какъ ты требуешь. Онъ бы началъ бросаться изъ стороны въ сторону, метать искры, учинять разныя безплодныя попытки, позировать. А у него такъ много спокойнаго самообладанія, что онъ выжидаетъ, на что ему укажетъ сама природа.

Замѣтивъ легкомысленную усмѣшку Анны, онъ замолчалъ, со страннымъ выраженіемъ поправилъ воротникъ рубашки и вышелъ изъ комнаты.

Анна взяла со столика романъ Толстого, но скоро наступило время одѣваться. Она позвонила горничной, и занималась съ нею около часу. Одѣвшись, она сошла въ столовую. Арнольдъ въ это время также спустился внизъ.

Экипажъ ждалъ ихъ.

Потчиссеръ занималъ домъ на Рингѣ.

Выложенныя мраморомъ сѣни вели въ пріемные покои. Проходя по высокимъ, просторнымъ комнатамъ, Арнольдъ, мысли котораго были всегда направлены на критику окружающаго, вдругъ какъ-то

успокоился. Анну Барромео тотчасъ окружили мужчины; подошелъ поздороваться и Потчиссеръ.

Въ такіе дни онъ держался натянуто, сдержанно, какъ бы неувѣренно, точно совѣсть у него была не совсѣмъ спокойна.

Увидавъ Натали Арнольдъ подошелъ къ ней.

На ней было свѣтлозеленое муаровое платье, на шеѣ жемчугъ, въ волосахъ бриллiанты. Можно было придти въ восторгъ отъ ея невинной и удивленной, выражающей какъ бы зависть къ самой себѣ, улыбки. Идя рядомъ съ Арнольдомъ, она отвѣчала на поклоны то лукаво-застѣнчиво, то по дѣтски-торжествующе, или съ молчаливымъ, но краснорѣчивымъ вопросомъ во взорѣ. Всѣхъ здѣсь она знала и могла разсказать жизнь каждаго.

Вотъ эта молоденькая женщина уже 6 лѣтъ замужемъ и до сихъ поръ не имѣетъ дѣтей. А почему? Потому что считала неприличнымъ въ первый годъ замужества имѣть ребенка и... отказалась отъ него. На второй годъ онъ уже не появлялся, на третій и четвертый—тоже нѣтъ. Собрали торжественный семейный совѣтъ; но теперь уже, повидимому, само потомство считаетъ для себя неприличнымъ явиться на свѣтъ Божій. А вонъ тамъ около канделябра стоитъ худая женщина — быть такой худышкой вовсе не интересно. Ея мужъ бросился въ окно, потому что его близкій другъ нашелъ эту худобу аппетитной. Неправда ли, какъ свѣтъ испорченъ? А вотъ этотъ толстѣйшій господинъ съ рыжей бородой совершилъ огромныя растраты, и только любовная связь съ графиней Полайской, избавила его отъ тюрьмы.

«Ни одна изъ этихъ женщинъ не вѣрна своему мужу» прошептала Натали и на ея лицѣ выразилось удовольствіе. «Онѣ таскаютъ лакомство съ каждаго стола и вездѣ одинаково насыщаются.»

— Я могу разсказать вамъ тысячу разныхъ исторій. Здѣсь очень красиво, не правда ли? — Такъ болтала Натали, причемъ выказала массу знанія и поразительное отсутствіе сознательности. Имъ попалась навстрѣчу Петра, и Натали вторично своимъ дѣтски-ликующимъ голоскомъ заявила, что веселится, какъ богъ! Петра по своему обыкновенію молча склонила голову.

Въ этомъ движеніи, какъ и во многомъ другомъ, весьма ясно обнаруживались ея разсудительность и чуткость. А когда Арнольдъ съ Натали исчезли у нея изъ виду, она вздохнула полу-пророчески, полу-разочарованно.

Она, не могла разобраться въ себѣ самой. Въ свѣтѣ она чувствовала себя чужой всѣмъ, но не могла никого отталкивать наслаждалась имъ вмѣстѣ со всѣми, увѣряя себя по своей слабости, что только и ждетъ когда же въ будущемъ будетъ имѣть возможность отказаться отъ него, когда дойдетъ до нея очередь упиваться чѣмъ нибудь болѣе высокимъ и ей придется для этого только раскрыть губы.

Арнольдъ оставался въ числѣ лицъ, окружавшихъ Натали. Имъ

овладѣла странная веселость, вызванная отчасти рѣшимостью видѣть во всемъ только хорошую сторону. Онъ поймалъ обращенный на себя взглядъ Анны Барромео и замѣтилъ, что она выдѣляется не только красотой, но также и чѣмъ-то, что таится въ ней и что она выказываетъ не каждому. Въ то же время онъ шутилъ съ Натали, смѣялся, чувствовалъ себя выше всякихъ сомнѣній и старался найти указаніе въ окружающей беззаботности и все-таки у него не проходило странное чувство, что вотъ онъ сидитъ съ этими людьми за однимъ столомъ и ихъ связываетъ съ нимъ желаніе вмѣстѣ поѣсть. Безконечное число подаваемыхъ блюдъ его поражало и онъ снова и снова всматривался въ людей, казалось, скованныхъ другъ съ другомъ цѣпью, которую никакія силы не въ состояніи порвать и звонъ которой они старались заглушить громкой болтовней.

32.

Наталй за обѣдомъ сидѣла рядомъ съ Арнольдомъ. Ея полуобнаженная грудь и обнаженныя плечи отвлекали его взоръ отъ выраженія ея лица, лукаваго и покорнаго въ одно и то же время.

Часто она на секунду закрывала глаза и покачивала головой какъ бы въ тактъ невидимой музыкѣ.

— Петра имѣетъ склонность часто вѣшать голову,—сказала она ревностно и живо, разрѣзая кусочекъ фазана на своей тарелкѣ.—Хотите я скажу вамъ секретъ?—но тутъ же обратилась къ своему сосѣду слѣва, чтобы отвѣтить на его вопросъ.

Арнольдъ увидалъ между двумя букетами цвѣтовъ очень красивое женское лицо и съ застывшей улыбкой уставился на эти цвѣты, причемъ ему казалось, что сердце его какъ бы колышется въ пару... въ немъ проснулось глухое желаніе обладать.—Что вы хотите довѣрить мнѣ?—спросилъ онъ Наталй съ тою безпричинной веселостью, которая овладѣла имъ и связала, какъ оковами. Наталй снова повернулась къ нему.—Ахъ, да!—тихо проговорила она, восторженно вскидывая голову.—Петра помолвлена съ Эммерихомъ Хиртлемъ. Но объ этомъ вы должны молчать, у нихъ не все еще слажено. Во всякомъ случаѣ, сердце Петры тутъ не при чемъ. Знаете ли, что я думаю?—продолжала она, измѣнивъ тонъ и откидывая голову.—Я думаю, что не легко найти двухъ людей, въ которыхъ до такой степени было бы налицо все необходимое для того, чтобы стать друзьями, какъ въ насъ съ вами.

Арнольдъ въ это время осторожно и неловко накладывалъ себѣ мороженое, которымъ обносили; покончивъ съ этимъ, онъ посмотрѣлъ на Наталй и безъ малѣйшаго смущенія дотронулся до ея обнаженнаго локтя. Отвѣтъ его ему самому очень понравился своею простотой.—Развѣ нѣтъ ничего, что было бы еще лучше дружбы? Но въ то же

мгновеніе онъ почувствовалъ, точно его кто-то ударилъ кулакомъ въ грудь, и отшатнулся отъ самого себя. Чувственность не влекла его къ Наталй, между ними не было ничего общаго, онъ не чувствовалъ себя близкимъ ей, и все-таки произнесъ эти слова! И вновь увидалъ онъ между цвѣтами чудное лицо и имъ овладѣло безпокойство. Наталй разсмѣялась; она отнеслась къ его словамъ, какъ къ пустой шуткѣ и ни обратила на нихъ вниманія Но Арнольдъ всѣми силами старался отдѣлаться отъ собственныхъ словъ, какъ отъ глупо взятаго на себя обязательства; ему было стыдно и у него явилось желаніе подняться и отдать себя на судъ общественный. Смущенно сталъ онъ провѣрять самаго себя и ему показалось безуміемъ сидѣть здѣсь въ духотѣ, среди людскихъ испареній, втиснутымъ въ рядъ безсмысленно разряженныхъ людей и все это для того только, чтобы вмѣстѣ съ ними ѣсть и слушать ихъ пустую болтовню. Какъ вѣтеръ, несясь вдоль аллеи, нагибаетъ то одно, то другое дерево и этимъ выдѣляетъ его изъ общей массы, такъ и тутъ то одно лицо, болѣе ярко освѣщенное, нежели остальныя, бросалось Арнольду въ глаза, то другое; одно добродушно-остроумное, другое трусливое и боязливое, третье насмѣшливое и мрачно-жадное... И Арнольдъ думалъ: «Честнымъ, прямымъ и сильнымъ поступкомъ было бы встать и уйти отсюда. Тамъ, гдѣ нечего дѣлать, тамъ не къ чему и бывать». Но почему же онъ только думалъ, что это было бы честно, смѣло и прямо? Почему оставался на мѣстѣ и продолжалъ кушать дорогой испанскій виноградъ? И въ то же время онъ вовсе не сознавалъ, что этимъ измѣняетъ себѣ. Онъ думалъ: если бы онъ серьезно былъ убѣжденъ въ превосходствѣ такого поступка, такъ не сталъ бы колебаться, и вновь пробудившееся довѣріе къ себѣ подѣйствовало на него примиряюще.

— Вы замечтались?—спросила Наталй.

Арнольдъ засмѣялся. — Вы правы — отвѣтилъ онъ. Множество обнаженныхъ шей, плечъ, бюстовъ—все это смѣшивалось въ одно цѣлое и ему казалось что надъ столомъ носился запахъ теплой кожи и крови.

— Сегодня я въ такомъ радостномъ настроеніи,—воскликнула, слегка потягиваясь Наталй,—что готова расцѣловать весь свѣтъ,—и при этомъ ея глаза искрились и вспыхивали. Арнольдъ глубокимъ и пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, точно желая запомнить малѣйшее ея движеніе.

— Вы точно ребенокъ со старческимъ лицомъ,—сказалъ онъ.—Въ одной рукѣ держите игрушки, въ другой... Не знаю, но...

— Но?—Наталй вся насторожилась. Каждое мнѣніе о себѣ, даже самое нелестное, приводило ее въ состояніе радостнаго волненія.—Ну, а въ другой?

— Что-то ядовитое.—Арнольду показалось, что здѣсь за столомъ онъ пережилъ цѣлые годы. До него донесся голосъ Бернея.—Дайте

намъ незастроенную землю, воздухъ, лѣсъ, поля и мы дадимъ вамъ благородныхъ людей.

Всѣ поднялись изъ-за стола. Не ново: мечты Руссо,—сказалъ какой-то господинъ съ длинными, бѣлыми волосами. Въ воздухѣ носился дымъ отъ сигаръ, запахъ кофе и ликеровъ. Берней подошелъ къ почтенному господину; у него была привычка насквозь пронизывать взоромъ человѣка, съ которымъ говорилъ.—Руссо?! Чистѣйшее недоразумѣніе!—воскликнулъ онъ.—Мы хотимъ обновить рассу, у насъ не какіе-то несбыточные идеалы будущаго, мы хотимъ вырастить настоящихъ мужчинъ. Постоянно приходится выслушивать болтовню о женскомъ вопросѣ; настало, наконецъ, время потолковать о мужскомъ.

Воцарилось досадное молчаніе, потомъ разговоръ снова возобновился. Арнольдъ равнодушно повернулся къ этой группѣ спиной. Его способность мыслить искала себѣ цѣли, отголоска, чего-нибудь, что заставило бы ее воспрянуть. Это сурово пришпорило бы ее. И снова ему почудилось, что позади и около его подкарауливаетъ какая-то опасность, и ему надо постараться избѣжать ее. Нигдѣ и ни въ чемъ, кромѣ какъ въ самомъ себѣ, не находилъ онъ вѣрнаго прибѣжища. Все постороннее, до чего дотрагивалась его рука, превращалось во враждебную силу, все нечистое, что встрѣчалъ его взоръ, становилось для него привидѣніемъ...

Левинъ Остербургъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы нарушить одиночество Арнольда. Онъ слышалъ, какъ Наталй говорила о немъ, какъ о какомъ-то самородкѣ. Это мутило его и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало посмотрѣть, что это такое за самородокъ, ибо на все, что нельзя было бы подвести подъ его понятіе о свѣтѣ о жизни, онъ коварно, исподтишка тявкалъ, какъ собака. Теперь же онъ принялся выспрашивать Арнольда объ акціяхъ, леченіи холодной водой, болѣзняхъ печени и, въ концѣ концовъ, началъ разсказывать исторіи собственной фабрикаціи. И чѣмъ терпѣливѣе слушалъ его Арнольдъ, тѣмъ эти исторіи становились фантастичнѣе и тѣмъ выше поднимался онъ въ глазахъ Левина.

Потчиссеръ усадилъ мужчинъ за карточные столы. Игроковъ можно было сравнить съ маленькими отрядами людей, вооружившихся съ ногъ до головы противъ одного общаго врага—скуки. Въ концертномъ залѣ попросили одну изъ дамъ сыграть что-нибудь. При первыхъ же аккордахъ музыки, многіе изъ начавшихъ уже «развлекаться» вернулись. Поспѣшнѣе всѣхъ прилетѣла Наталй. Арнольдъ предложилъ ей мѣсто, а самъ сталъ за ея стуломъ. Сначала онъ смотрѣлъ лишь на пальцы музыкантши, но потомъ со все возраставшимъ удивленіемъ сталъ оглядываться по сторонамъ и разсматривать слушателей. Чѣмъ-то тусклымъ, какъ бы стертымъ вѣяло какъ отъ самой исполнительницы, такъ и отъ ея игры. Она какъ бы передавала душу всѣхъ этихъ людей, душу безвольную. Казалось, денежныя дѣла, помыслы о день-

гахъ, также какъ и безплодныя волненія изъ-за ревниваго стремленія во что бы то ни стало быть вмѣстѣ,—все позабыто.

Женщины съ раздувающимися ноздрями впивали въ себя звуки. На многихъ лицахъ наряду съ искреннимъ удивленіемъ проступала радость, что можно восторгаться или притворяться восторженнымъ. Глаза Петры приняли выраженіе какого-то безумія; съ глубокимъ изумленіемъ замѣтилъ Арнольдъ происходящую въ Наталй перемѣну: грудь и плечи ея дрожали, по спинѣ и шеѣ точно пробѣгалъ пламень, голова какъ-то странно склонилась. Арнольдъ отошелъ въ сторону, чтобы видѣть. Лицо выражало сладкую растерянность, а на губахъ играла истерическая улыбка, въ глазахъ появилась удушливая мечтательность и влажный, нездоровый блескъ. Арнольдъ почувствовалъ себя страшно далекимъ отъ Наталй, она отталкивала его и возбуждала отвращеніе.

Всѣ оставались еще на мѣстахъ, а кругъ слушателей всѣ увеличивался прибывающими изъ другихъ комнатъ; піанистка послѣ громкихъ апплодисментовъ, начала новую пьесу; Арнольдъ тихонько вышелъ изъ комнаты и прошелъ въ сѣни съ мраморнымъ мозаичнымъ поломъ, тамъ въ укромномъ уголкѣ онъ увидѣлъ молодого человѣка и молодую дѣвушку, погруженныхъ въ мирную бесѣду. Онъ пошелъ дальше. На стѣнахъ висѣли картины, въ углахъ стояли драгоцѣнныя вазы. Изъ большого зала онъ прошелъ въ слѣдующій, поменьше, круглый. Тутъ какъ единственное украшеніе стояла статуя Антонія изъ Сполато. Отправляясь бродить по дому, Арнольдъ хотѣлъ только вздохнуть свободно и подумать. Но теперь, при видѣ мраморной фигуры, онъ въ изумленіи замеръ на мѣстѣ. Въ первую минуту ему казалось, что передъ нимъ въ волшебной наготѣ предстало какое-то существо изъ волшебнаго міра, воплотившееся, какъ въ сказкахъ, съ помощью волшебства же... Но когда онъ убѣдился, что передъ нимъ торжественно и неподвижно стоитъ только камень, то чувство холодной отчужденности въ немъ стало мало-по-малу исчезать и его замѣнила печаль о прошломъ и эта печаль съ каждой секундой дальнѣйшаго созерцанія становилась сильнѣе и наконецъ, перешла въ неясную, но гнетущую тоску по немъ. И все же, даже въ эту минуту, онъ относился къ себѣ сознательно и понималъ, что между его умомъ и чувствомъ существуетъ полная связь. Невольно онъ повторилъ лѣвой рукой спокойно-героическое движеніе статуи и ея божественно-холодный безстрастный наклонъ головы. Выраженіе полныхъ чувственныхъ губъ какъ бы смягчалось и просвѣтлялось взглядомъ глазъ, которые съ кротостью взирали на все что еще творилось и судили лишь уже совершившееся.

Арнольдъ вернулся къ обществу. Анна Барромео собиралась ѣхать домой и разыскивала его. Молча сидѣлъ онъ рядомъ съ ней въ каретѣ. Она наклонилась впередъ и закрыла глаза руками. Въ ней боролись разныя смутныя ощущенія—съ одинаковымъ неудовольствіемъ

думала она о предстоящей ночи какъ и вообще о возвращеніи домой. Арнольдъ въ темнотѣ обернулся къ ней. Какъ могло бы быть все просто и ясно подумалъ онъ, и почему она не такова?—И въ эту минуту онъ понялъ, что и ему въ будущемъ предстоитъ многое пережить и испытать разныхъ осложненій и это вызвало въ немъ чувство неудовольствія.

33.

Максимъ Шпехтъ покинулъ свою партію и вышелъ изъ редакціи газеты, которая первая доставила ему возможность новой дѣятельности, онъ сдѣлался редакторомъ листка, субсидируемаго правительствомъ. Зарабатывалъ онъ около двухсотъ гульденовъ въ мѣсяцъ, а проживалъ около пятисотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребности еженедѣльно возрастали и надежды выпутаться изъ сѣти долговъ, въ которой онъ бился, оставалось все меньше; онъ очутился въ затруднительномъ и весьма сомнительномъ положеніи — сдѣлался рабомъ, котораго бьютъ и притомъ рабомъ тѣхъ же людей, среди которыхъ надѣялся разыгрывать господина. Почва уходила у него изъ-подъ ногъ. Для того, чтобы быть въ состояніи продолжать такое, въ сущности жалкое существованіе, надо было, чтобы всякаго рода приключенія не давали ему времени опомниться.

Тутъ-то онъ вспомнилъ Арнольда. При разсчетѣ на успѣхъ онъ возлагалъ въ одинаковой мѣрѣ надежды какъ на его гуманность, такъ и на простоту, правда и то и другое качество того Арнольда, на котораго смотрѣлъ теперь сквозь уменьшительное стекло своей настоящей жизни; онъ неизмѣнно пускалъ его въ ходъ при своихъ сужденіяхъ о событіяхъ и людяхъ своего прошедшаго. Первое посѣщеніе должно было служить лишь знакомъ вниманія—просить онъ еще не рѣшился тогда. Когда онъ вторично явился, то размышленія и перенесенныя за тѣ дни, что прошли со времени перваго визита, страданія укрѣпили его рѣшимость и онъ настойчиво и развязно потребовалъ отъ Арнольда восемьсотъ гульденовъ взаймы. Арнольдъ съ молчаливымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и налилъ себѣ изъ графина воды, но не сталъ ее пить. Внутренній голосъ предупреждалъ его быть настороже. Шпехтъ блуждающими глазами наблюдалъ за нимъ. — Это будетъ дружеская услуга—произнесъ онъ съ улыбкой.

Арнольдъ кивнулъ головой.—У меня нѣтъ такой суммы на дому—отвѣтилъ онъ.—Завтра я вамъ пришлю, а если вамъ понадобится больше, скажите, это ничего не значитъ». Онъ смотрѣлъ на лицо Шпехта и оно казалось ему чужимъ и новымъ, совершенно инымъ нежели прежде. Щеки и подбородокъ распухли, самъ онъ тоже раздался въ ширину, раздобрѣлъ, хотя модное платье скрадывало всѣ невыгодныя линіи. Сравнивая учителя изъ Подолина съ развязнымъ,

преисполненнымъ всяческихъ аппетитовъ, развинченнымъ, холоднымъ и въ то же время какъ бы опьяненнымъ человѣкомъ, онъ старался найти причины такой неблагопріятной перемѣны. Какія-то душевныя силы были нарушены въ Шпехтѣ, какая-то буря оглушила его; онъ походилъ на человѣка, который помимо своей воли принимаетъ участіе въ пляскѣ и непремѣнно долженъ его принимать, и который, несмотря на всѣ видимые признаки того, что ему жарко, увлеченъ и задыхается,—на самомъ дѣлѣ не знаетъ даже что съ нимъ происходитъ. Это-то и старался распознать Арнольдъ и не упускалъ изъ виду ни единаго движенія бывшаго учителя, не пропускалъ мимо ушей ни единаго его слова. Когда Шпехтъ пригласилъ его съ собою въ театръ въ его распоряженіи имѣлось два отличныхъ редакціонныхъ мѣста,—Арнольдъ принялъ предложеніе. Точно два друга вышли они изъ дому и, еще не доходя до цѣли у Арнольда уже появилось ощущеніе, что вотъ они связаны другъ съ другомъ и въ то же время не подходятъ другъ къ другу, то ощущеніе, что отнимаетъ у человѣка, начиная съ ритма шаговъ до мыслей включительно, отпечатокъ, накладываемый на нихъ одиночествомъ.

Шла новая пьеса, которая повсюду имѣла громадный успѣхъ. Шпехтъ держалъ себя въ театрѣ съ видомъ превосходства. По окончаніи двухъ первыхъ актовъ раздались бурные апплодисменты. Занавѣсъ опустился и въ залѣ стало свѣтло.

— Блестящая вещь,—сказалъ Шпехтъ вполнѣ довольный и знаками поздоровался съ нѣсколькими лицами. Потомъ онъ предложилъ Арнольду пройтись и они стали взадъ и впередъ прогуливаться по устланному ковромъ корридору.

— Какъ вамъ понравилось? — спросилъ Шпехтъ покровительственно.

— Я нахожу пьесу совершенно безсмысленной, — отвѣтилъ Арнольдъ.

— Да въ умѣ ли вы? — съ крайнимъ изумленіемъ воскликнулъ Шпехтъ.

— Зачѣмъ ему понадобилось влюбляться? И зачѣмъ онъ влюбился, разъ отъ этого ему предстояло погибнуть?—не смущаясь, продолжалъ Арнольдъ.—И все это ложь, ни одинъ мужчина не погибнетъ вслѣдствіе подобной причины, все это выдумки.

— Но развѣ вы не понимаете,—снисходительно, но не безъ ироніи, возразилъ ему Шпехтъ,—что авторъ пытается доказать, что всякая любовь, даже самая идеальная, губитъ мужчину, разъ только душа у него больна или испорчена. Въ подобныхъ случаяхъ для него любовь даже къ самой совершенной женщинѣ все равно, что ядъ.

— Само собою разумѣется, я это отлично понимаю. Но, вѣдь, у такого болвана нечему было и портиться. И потомъ: развѣ потерю состоянія можно назвать гибелью?

Лицо Шпехта все болѣе вытягивалось. Казалось онъ хотѣлъ сказать: такъ вотъ ты теперь каковъ. Оба они собрались вернуться на свои мѣста, какъ вдругъ въ дверяхъ одной ложи показалась Беата и Ханка и всѣ четверо очутились другъ противъ друга. Съ лица Беаты лишь на одну секунду сбѣжала краска и она растерялась; но потомъ сейчасъ же, какъ и Ханка, протянула руку молодымъ людямъ.

Шпехтъ не спускалъ съ нея глазъ. На ней было платье точно изъ рыбьей чешуи, все переливающееся огоньками; плечи, руки и грудь были обнажены; прохаживавшіеся отъ скуки въ корридорѣ мужчины окидывали ее дерзкимъ, испытующимъ взглядомъ, а она, повидимому, была этимъ довольна, такъ какъ ея глаза, безпокойно вспыхивая, перебѣгали отъ одной стѣны къ другой, съ одного лица на другое.

— Мнѣ надоѣла эта дрянная пьеса,—сказалъ Ханка, настроенный юмористически. Онъ, по желанію жены, сбрилъ усы и теперь походилъ не то на Наполеона, не то на іезуитскаго патера.

— Намъ надо поспѣшить,—торопила его Беата съ вздрагивающей ноткой въ голосѣ.—Знаешь что, Александръ,—воскликнула она, внезапно увлеченная одной изъ своихъ многочисленныхъ и неожиданныхъ выдумокъ,—дадимъ передъ нашимъ отъѣздомъ вечеръ въ память Подолина. Шпехтъ и господинъ Анзорге должны пообѣдать у насъ...

— Отлично; но и помимо того, зайдите какъ-нибудь поболтать часокъ-другой,—сказалъ Ханка Арнольду, задерживая его руку въ своей.

Арнольдъ кивнулъ. Онъ вдругъ почувствовалъ странное влеченіе къ Ханка, точно въ его власти было отвратить отъ него что-то дурное. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что не такъ-то скоро придется поболтать съ нимъ часокъ-другой по выраженію Ханка. Въ эту минуту онъ рѣшилъ держаться въ сторонѣ отъ всего, что могло бы помѣшать ему ясно и неуклонно слѣдовать по своему пути. Ему оставалось только узнать, въ чемъ собственно помѣха, и избѣгать ея.

Неосвѣщенный залъ, точно пещера, поглощалъ людей. Шпехтъ тупо посмотрѣлъ на дверь, въ которой исчезла Беата.

— Замѣтили вы ея плечи?—пробормоталъ онъ, обращаясь къ Арнольду.—Прямо сказочныя. Онъ былъ похожъ на горячечнаго.

Изъ фойе показался еще одинъ запоздавшій зритель, Хиртль. Шпехтъ представился ему и они сговорились послѣ спектакля втроемъ поужинать у него. Сначала Арнольдъ отказывался было, но Хиртль почти боязливо напомнилъ, что онъ до сихъ поръ еще не исполнилъ своего обѣщанія навѣстить его.

34.

Хиртль узналъ отъ Анны Барромео объ истинной причинѣ пріѣзда Арнольда въ городъ, правда, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, при-

правленной всяческаго рода пряностями, какими только можетъ снабдить свѣтъ подобныя событія. Съ тѣхъ поръ Хиртль не только чувствовалъ почтеніе къ Арнольду — онъ любовался имъ и уважалъ его, какъ любуются и уважаютъ полководца, выигрывающаго сраженіе, читатели военныхъ разсказовъ.

Но онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы и другимъ превозносить его до небесъ и передавать все что самъ зналъ о немъ, изукрасивъ факты различными благородными деталями, плодомъ собственной фантазіи. Признавая лучшія качества своихъ друзей, Хиртль какъ бы украшалъ себя ими въ то-же время, за нихъ питалъ страстную любовь къ друзьямъ, то-есть ко всѣмъ людямъ, водившимъ съ нимъ компанію. Когда человѣкъ Хиртля отворилъ входную дверь, къ нимъ навстрѣчу выскочила маленькая желтенькая собачонка. Юстинъ, такъ звали лакея обладалъ наружностью чистокровнаго дворянина. Онъ сталъ безшумно приводить въ порядокъ обѣденный столъ. Убранство комнатъ состояло изъ дивановъ и мягкихъ креселъ всевозможнаго вида и величины. На стеклянныхъ столикахъ стояли въ красныхъ, зеленыхъ, голубыхъ и желтыхъ флаконахъ разныя эссенціи и духи; на письменномъ столѣ въ изысканномъ порядкѣ были разложены и разставлены печати, часы, бумажникъ, кольца, цѣпочки, коробочки, а изъ всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ оглядѣли фотографическія карточки мужчинъ и дамъ съ самыми сердечными надписями. Противъ книжнаго шкафа стоялъ маленькій старинный комнатный органъ. «Цѣнная вещица»,—сказалъ Хиртль, наморщивая лобъ съ видомъ знатока. Его блѣдныя черты выражали боязнь, чтобы, чего добраго гости не ушли отъ него слишкомъ рано—вѣдь онъ, Богъ знаетъ, до чего, боялся полнаго одиночества ночныхъ часовъ.

Этотъ страхъ дѣлалъ его остроумнымъ, онъ же вызывалъ въ его обращеніи что-то обольстительное, тонкое, достойное любви и что проступало тѣмъ яснѣе, чѣмъ становилось позднѣе. Какъ бы ища помощи, онъ цѣплялся за каждую улыбку своихъ посѣтителей. Шпехтъ подсѣлъ къ органу и надавилъ мѣха. Онъ еще не успѣлъ забыть нѣкоторыхъ пріемовъ игры со времени своего учительства и теперь взялъ нѣсколько аккордовъ, напоминающихъ хоралъ. Арнольдъ, который временами, точно его что подталкивало, ощущалъ потребность разобраться въ себѣ самомъ и провѣрить себя, обдумывалъ планы своихъ будущихъ работъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ что-то таинственное, никогда еще имъ не испытанное, пронизывавшее его до кончиковъ пальцевъ.

Это чувство было похоже на то, если бы грудь его наполнили горячими парами. Какая-то тоска по чему-то, гнетущая, неопредѣленный натискъ неизрасходованныхъ силъ, какъ бы переходившихъ изъ кристаллизированнаго состояніе въ рѣдкое и заполнявшихъ все помѣщеніе.

По дорогѣ домой Шпехтъ, принадлежащій къ числу людей, что передъ отправленіемъ ко сну обнаруживаютъ свои самыя благородныя качества, выкладывалъ Арнольду разные свои взгляды. По его мнѣнію слѣдовало работать, исходя изъ центра, вотъ въ чемъ вся суть.

О какомъ центрѣ идетъ рѣчь, онъ умалчивалъ.

Арнольдъ спалъ долго и глубоко и утромъ лишь съ трудомъ могъ обуздать свои безпорядочно блуждающія мысли. Барромео за столомъ спросилъ его какія онъ получаетъ извѣстія изъ Подолина и какіе тамъ виды на урожай. Повидимому, вопросъ давно уже былъ заготовленъ, такъ давно, что успѣлъ залежаться и отзывался какимъ-то гниньемъ. Вечеромъ къ дому подъѣхалъ экипажъ и наверхъ явился посланный Хиртля проситъ Арнольда не отказать ему въ удовольствіи прокатиться съ нимъ. Арнольдъ приказалъ отвѣтить, что у него на это нѣтъ ни времени, ни охоты. Послѣ этого наверхъ явился уже самъ Хиртль полу-сконфуженный, полу-обиженный.

— Къ чему собственно послужить вамъ ваше уединеніе? спросилъ онъ. Одинъ солнечный лучъ дастъ куда больше, чѣмъ цѣлая библіотека. Это была мысль доктора Бернея, но Хиртль присвоилъ себѣ изреченіе этого остряка, передѣлалъ его и теперь и повторялъ на всѣ лады.

Арнольдъ уступилъ его настояніямъ; не потому, что хотѣлъ измѣнить самому себѣ, а потому, что вновь почувствовалъ въ себѣ то сильное, безграничное и неопредѣленное броженіе, которое онъ хотѣлъ заглушить пребываніемъ въ обществѣ.

— Одиночество куда какъ тяжело,—сказалъ Хиртль, когда Арнольдъ усѣлся съ нимъ рядомъ въ каретѣ.—Лучше находиться въ обществѣ даже какого-нибудь разбойника, нежели оставаться одному. Онъ и не подумалъ о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести подобное признаніе на честнаго человѣка.

— Почему вы не работаете? сурово спросилъ Арнольдъ. Хиртль пожалъ плечами.

— Я ничего не умѣю дѣлать. Отвѣтилъ онъ. Я былъ купцомъ, но съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы заняться штопкой чулокъ. Все равно занялъ бы только мѣсто другого, болѣе способнаго на дѣло, да и зачѣмъ? Отецъ оставилъ мнѣ достаточно, чтобы я могъ нѣсколько лѣтъ, до конца моей жизни, провести спокойно. Но на Арнольда мрачныя пречувствія Хиртля, выставлявшаго напоказъ словно дорогое платье, свою увѣренность въ близкой смерти, не произвели никакого дѣйствія. День былъ воскресный; вечеръ довольно душный. Хиртль злился, что не заказалъ открытой коляски.

Улицы были переполнены народомъ, возвращавшимся съ увеселительныхъ прогулокъ.

Ихъ карета, непонятно почему, неслась съ безумной скоростью

среди разступающейся толпы. Какъ скверно пахнетъ въ городѣ лѣтомъ подумалъ Арнольдъ.

Все внутри его поднималось и разросталось, будто стремясь безцѣльно наполнить пустоту мірового пространства.

Онъ видѣлъ какъ мимо нихъ мелькало множество лицъ и напрасно старался удержать въ памяти черты хотя одного изъ нихъ, которое могло бы сдѣлаться для него дорогимъ и незамѣнимымъ.

Словно частые удары молота, раздавался стукъ лошадиныхъ подковъ, но внезапно его заглушилъ отчаянно громкій крикъ кучера «берегись!» Хиртль испуганно вдрогнулъ и въ то же мгновеніе раздался ужасный крикъ. Лошади споткнулись, подковы застучали по мостовой неправильно, затѣмъ экипажъ два раза наклонился на бокъ, сначала переднимъ колесомъ, затѣмъ заднимъ и остановился. Хиртль выпрыгнулъ изъ кареты съ одной стороны, Арнольдъ съ другой.

Въ одно мгновеніе густая толпа окружила лежавшаго на мостовой человѣка; глаза у него были закрыты, а изо рта, носа и ушей текла кровь. Толпа роптала, взволнованно шепталась и съ угрозой поглядывала на Хиртля и Арнольда. Полицейскій протискался впередъ. Хиртль стоялъ растерянный и испуганный, а Арнольдъ, не въ характерѣ котораго было оставаться бездѣятельнымъ зрителемъ, хлопоталъ около раненаго. Онъ предложилъ уступить ему экипажъ, распорядился, чтобы принесли воду, разорвалъ свой платокъ на полосы и перевязалъ ими раны на шеѣ и рукѣ, изъ которыхъ текла кровь. Стоя на колѣняхъ рядомъ съ раненымъ, онъ нечаянно поднялъ голову и увидѣлъ около себя молодую дѣвушку въ темномъ платьѣ и большой шляпѣ. Ея лицо оставалось неподвижнымъ, словно изъ бронзы. Арнольдъ пересталъ работать и, какъ бы, ожидая отъ нея приказаній, старался встрѣтиться съ нею взглядомъ. У раздавленнаго вся сѣдая борода слиплась отъ крови; когда его подняли и хотѣли положить въ карету Хиртля, дѣвушка сказала.—Не туда, подождите карету скорой помощи. И въ движеніяхъ ея, и въ голосѣ сквозило презрѣніе. Одинъ изъ полицейскихъ, записавъ имя кучера и Хиртля, обратился затѣмъ къ ней.—Имя этого человѣка Тецнеръ,—сказала она тихимъ, но необыкновенно твердымъ голосомъ.—Живетъ онъ въ улицѣ Ваза, № 18. Меня зовутъ Верена Гофманъ, живу я на улицѣ Ваза, № 20. Подъѣхала карета скорой помощи. Любопытные посторонились. Оказалось, что потерпѣвшій, по крайней мѣрѣ наружно, пострадалъ лишь слегка. Ему сдѣлали перевязку, положили на носилки и увезли. Нѣсколько молодыхъ людей окружили экипажъ Хиртля и ругали кучера; а одинъ изъ нихъ даже плюнулъ въ окно кареты.—Подумайте только,—сказалъ Хиртль, довѣрчиво кладя руку на плечо Арнольда,—вѣдь лошади, несмотря на быструю ѣзду, осторожно перешагнули черезъ человѣка. Повидимому, только колеса прошли по его рукѣ и плечу. Арнольдъ высвободилъ свою руку.

— Мнѣ пора домой,—отрывисто сказалъ онъ.—Прощайте! — и исчезъ сумракѣ вечера. Хиртль устало и съ досадой посмотрѣлъ передъ собой; при свѣтѣ фонаря онъ разглядѣлъ на своемъ лаковомъ ботинкѣ свѣтящуюся каплю крови. Вздрогнувъ отъ отвращенія, онъ вынулъ бѣлый батистовый платокъ, старательно стеръ имъ кровь и затѣмъ боязливо бросилъ въ водосточную трубу. Безъ спутника катанье потеряло для него всякую привлекательность; онъ отдалъ кучеру приказаніе ѣхать домой. Печально развалившись въ каретѣ, онъ отъ нечего дѣлать въ умѣ слегка перебиралъ разныя несправедливости соціальнаго строя, которыя такъ ярко выражаются въ томъ, что меньшинство ѣздитъ въ каретахъ, тогда какъ большинство вынуждено передвигаться на собственныхъ ногахъ. Изъ этого вытекаетъ и другое зло, а именно—нѣкоторые изъ пѣшеходовъ попадаютъ подъ колеса каретъ.

Отъ этихъ размышленій на него напало мрачно-философское настроеніе и, вернувшись къ себѣ, онъ зажегъ въ спальнѣ всѣ двѣнадцать электрическихъ лампочекъ, бросился въ одно изъ мягкихъ креселъ и со страхомъ сталъ глядѣть въ глаза одиночеству. Попробовалъ, было, читать, но буквы прыгали передъ глазами. Все написанное поэтомъ глупо и жестоко резюмировалось въ одномъ—мы не можемъ помочь тебѣ. Онъ хватался то за медицинскія, то за философскія сочиненія, то за учебники и даже за старыя газеты; подъ конецъ открылъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, вытащилъ изъ изъ него черную тетрадь и сталъ въ ней писать. Это было нѣчто въ родѣ дневника, выполнявшаго неважную роль зеркала; само собою онъ былъ не болѣе, какъ вѣрнымъ эхомъ его пустыхъ, жалкихъ, тщеславныхъ и обидчивыхъ чувствъ, которыя, словно насѣкомыя, расползлись по всѣмъ направленіямъ въ головѣ этого человѣка. Но передъ своими друзьями Хиртль постоянно хвастался этой тетрадью и пряталъ ее ото всѣхъ. Хранилась она у него подъ тройнымъ замкомъ и чтобы добраться до нея, надо было, въ концѣ концовъ, нажать секретную пружину.

Лицо Хиртля какъ бы завяло и выражало страшную усталость. Онъ раздѣлся, но долго еще метался подъ голубымъ атласнымъ одѣяломъ и лишь тогда, когда на полъ палъ дневной свѣтъ, погрузился въ сонъ.

35.

Верена.

По непонятной причинѣ Арнольдъ вдругъ началъ ото всѣхъ сторониться: отклонялъ всякія приглашенія и самъ никого не принималъ. Болѣе того, онъ даже пересталъ обѣдать у Барромео, а покупалъ ветчины и колбасы и закусывалъ у себя, или же отправлялся въ

какой-нибудь ближайшій дешевенькій трактирчикъ. Но, несмотря на это, онъ не могъ избѣжать встрѣчъ съ тысячами людей, мимо которыхъ проходилъ точно въ шапкѣ невидимкѣ, и хотя оставался одинокъ, но вокругъ него такъ и мелькали разныя лица и картины, которыя безпрерывно занимали его умъ и развлекали въ часъ работы.

— Куда приведутъ мои труды?—думалъ онъ иногда, охваченный сомнѣніями, словно черными птицами мелькавшими на горизонтѣ.—Куда? къ какому берегу пристану я—пловецъ?» И онъ продолжалъ работать, ни откуда не видя поддержки дружескимъ теплымъ словомъ.

Въ то-же время въ ушахъ безпрерывно раздавался голосъ, какъ бы сулившій такую поддержку, и его отголосокъ не смолкалъ. Среди милліона глазъ только одни глаза и преслѣдовали его. Не имѣя обыкновенія долго мучаться и пребывать въ нерѣшительности, онъ однажды уже поздно вечеромъ вдругъ принялъ рѣшеніе. Къ тому же, между прочимъ, ему хотѣлось узнать и о человѣкѣ, котораго они переѣхали.

— Здѣсь живетъ госпожа Гофманъ?—спросилъ онъ въ улицѣ Ваза мечтательно зѣвающаго въ сѣняхъ швейцара. Тотъ назвалъ номеръ комнаты въ третьемъ этажѣ. Арнольдъ поднялся по лѣстницѣ и въ пустынномъ корридорѣ сталъ искать глазами дощечки съ именемъ. Тутъ на него напало чисто дѣтское сомнѣніе и заставило его колебаться—онъ не могъ себѣ представить, что та дѣвушка, видѣнная имъ всего одинъ разъ, можетъ гдѣ-то жить и, какъ всякая другая, нанимать комнату. Между тѣмъ, дверь, передъ которой онъ стоялъ, распахнулась и на порогѣ показался человѣкъ, въ которомъ Арнольдъ тотчасъ же узналъ переѣханнаго ими старика; на головѣ у него и на лѣвой рукѣ была положена повязка. Увидѣвъ передъ собою чужого, старикъ остолбенѣлъ, а затѣмъ быстро обернулся назадъ и крикнулъ: «Верена, берегись, шпіоны!» Потомъ сталъ смотрѣть на Арнольда, придавъ лицу лакейское выраженіе вздернувъ кверху плечи, какъ бы въ знакъ глубочайшей преданности, и, наконецъ, съ ироническимъ подобострастіемъ произнесъ:

— Войдите, господинъ графъ. Вино заморожено и гренки поджарены.

Потомъ онъ въ припыжку направился къ лѣстницѣ мимо Арнольда, которому показалось, что передъ нимъ сумасшедшій! Въ это время черезъ корридоръ, плохо освѣщавшійся изъ комнаты, въ переднюю вошла Верена Гофманъ и остановилась въ дверяхъ. Ея блѣдное лицо было слегка наклонено внизъ; крайне удивленная, она необыкновенно медленно подняла вѣки.

— Вы ко мнѣ?—и на утвердительный знакъ Арнольда сдѣлала движеніе, какъ бы приглашая его войти. Онъ очутился въ довольно большой комнатѣ, освѣщенной стоячей лампой. Прежде всего ему бросились въ глаза книги; онѣ были вездѣ: на стѣнахъ столѣ, постелѣ, стульяхъ, даже на полу. Въ одномъ углу стоялъ человѣческій скелетъ, въ другомъ была устроена маленькая плита, на которой кипѣла вода.

Рядомъ было какое-то сооруженіе въ родѣ стола, а на немъ вогнутое зеркало, микроскопъ, реторта, бутылки, два кочна капусты и каравай хлѣба. Арнольдъ съ удивленіемъ разглядывалъ убранство комнаты и, въ концѣ концовъ,—улыбнулся. Молодая дѣвушка не то съ любопытствомъ, не то съ досадой, въ свою очередь, разсматривала чужое лицо, казавшееся ей пошловатымъ и тупымъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросила она отчетливымъ, яснымъ голосомъ съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

— Я хотѣлъ узнать, какъ здоровье пожилого господина, котораго мы переѣхали. Я, если вы помните, тогда находился въ томъ же экипажѣ. Но, повидимому, все обошлось благополучно.

— Очень любезно съ вашей стороны, отвѣтила дѣвушка, наклоняя голову, какъ будто чувствовала себя утомленной;—хотя выбранный вами часъ для наведенія справки немного необыченъ. Господинъ Тецнеръ здоровъ.

Арнольдъ молча смотрѣлъ на бѣлыя мягкія руки говорившей. Какъ ни странно, но онѣ выглядывая изъ рукавовъ синяго ситцеваго платья, напоминали ему грозди бѣлыхъ колокольчиковъ. Шея дѣвушки, не стѣсненная воротникомъ платья, была также бѣла и кругла какъ и руки, можетъ быть даже черезчуръ бѣла и черезчуръ кругла.

— Говоря по правдѣ, сказалъ Арнольдъ, котораго начало тяготить все возрастающее удивленіе молодой дѣвушки, — я пришелъ не только ради господина Тецнера, но и ради васъ самихъ.

Верена Гофманъ широко раскрыла глаза. Странный гость все еще спокойно стоялъ передъ ней; она сѣла въ бамбуковое кресло и жестомъ пригласила его занять мѣсто противъ себя.

Ея увѣренность возбудила въ Арнольдѣ легкое чувство упрямства и онъ остался стоять; тогда молодая дѣвушка улыбнулась, отчего ея лицо чудесно измѣнилось, въ немъ исчезло выраженіе недовѣрчиваго выжиданія и обманчиваго спокойствія.

— Я не вполнѣ понимаю—сказала она съ любезной ироніей и нѣсколько холоднымъ пронзительнымъ блескомъ глазъ, — вы, повидимому совершенно не желаете подчиняться общепринятымъ обычаямъ. Должны же вы допустить, что посѣщеніе неизвѣстнаго человѣка въ часы, когда обыкновенно ложатся спать, не можетъ сразу осчастливить меня—и она продолжала иронически улыбаться, отчего ротъ ея казался необыкновенно большимъ, губы тонкими, а лицо на много старѣе.

— Мое имя Анзорге,—быстро отвѣтилъ Арнольдъ и послѣ этого безъ всякаго стѣсненія усѣлся на стулѣ, точно данная справка должна была вполнѣ удовлетворить ее.

— Зачѣмъ господинъ Тецнеръ назвалъ меня въ сѣняхъ графомъ? Развѣ вы ждете къ себѣ какого-нибудь графа?

Арнольдъ засмѣялся и съ любопытствомъ перегнулся впередъ. Лицо

Верены снова приняло выраженіе скрытности и спокойствія. «Это такъ, равнодушно кинула она;—у Тецнера бываютъ дни—когда онъ всѣхъ людей называетъ графами. Это съ нимъ бываетъ.—Она медленно проводила ладонью руки по ручкѣ кресла и смотрѣла на полъ. Это то равномѣрное спокойствіе, придававшее ей сходство съ глубокимъ, уединеннымъ озеромъ,—вотъ что главнымъ образомъ интересовало и даже привлекало Арнольда.

Варена Гофманъ подняла голову.

— А теперь, господинъ Анзорге,—сказала она съ легкимъ нетерпѣніемъ,—могу я узнать?..—и она запнулась.

Арнольдъ разсматривалъ въ это время скелетъ въ углу комнаты, но тутъ быстро заглянулъ ей въ глаза. Она съ своей стороны внимательно разсматривала его, точно изучая какой-нибудь предметъ.

— Я такъ и зналъ,—откровенно признался Арнольдъ,—что вы меня спросите объ этомъ, а мнѣ нечего будетъ вамъ отвѣтить. Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе: представьте себѣ, что мы съ вами уже давно знакомы и что сегодня вы меня поджидали къ себѣ въ гости... онъ поколебался, подыскивая выраженіе,—вѣдь можно же вообразить себѣ, что я путешествовалъ или что вы съ дѣтства переплыли черезъ океанъ... Конечно, въ такомъ случаѣ намъ слѣдовало бы другъ другу ясно и подробно все разсказать о себѣ; иначе какъ могли бы люди сходиться,—онъ искалъ подходящаго заключительнаго слова, но вмѣсто этого недовольно мотнулъ головой и смолкъ.

Молодая дѣвушка механически перелистывала лежащую на столѣ книгу. Въ томъ какъ она безъ малѣйшаго признака любопытства обдумывала сказанное, какъ оно подѣйствовало на нее и какъ она позволяла ему дѣйствовать на себя, видна была рѣдкая философская выдержка. Страстность и одновременно глубокое недовѣріе ко всему, что можетъ волновать, очевидно, держали ея душу въ надлежащемъ равновѣсіи.

— Если бы я вамъ отвѣтила такъ, какъ вы этого желаете, сказала она, не поднимая головы отъ раскрытой книги, то вы впослѣдствіи напрасно старались бы вновь увидать во мнѣ то, что видите теперь. Я не знаю что васъ, собственно, толкнуло ко мнѣ; можетъ быть уличный интересъ... Видите ли, у меня очень мало времени и я хочу чтобы у меня его было мало... я могу удѣлить въ своей жизни лишь мѣсто тому, что приноситъ мнѣ пользу.

Лицо Арнольда вспыхнуло.

— Въ такомъ случаѣ жалкая же ваша жизнь,—быстро отвѣтилъ онъ.

Верена Гофманъ пожала плечами и неопредѣленнымъ жестомъ указала на разбросанныя повсюду книги. Казалось, она не была расположена пускаться въ дальнѣйшія объясненія. Медленной, раскачивающейся походкой она задумчиво стала ходить взадъ и впередъ позади

стола, разсѣянно дотрогиваясь рукой до разныхъ предметовъ и по временамъ съ удивленіемъ косясь на посѣтителя, вовсе не собиравшагося уходить.

Потомъ вдругъ, принявъ рѣшеніе, она быстро подошла къ нему, оперлась руками на столъ позади себя и сказала:

— Зовутъ меня Верена Гофманъ; мнѣ двадцать пять лѣтъ; родилась я въ Петербургѣ, живу здѣсь пятый годъ и шестой семестръ изучаю медицину.

Арнольдъ слушалъ внимательно.

— Медицину,—повторилъ онъ,—да, это нѣчто опредѣленное. На ней можно остановиться.—И онъ сдѣлалъ движеніе рукой, точно забиралъ всю ее въ руки. Тутъ много найдется работы, продолжалъ онъ, окидывая взглядомъ стѣны комнаты, тутъ есть и начало и конецъ и эта работа ведетъ къ цѣли, а такъ оно и должно быть.

Верена, увидѣвъ, что ея насмѣшка, сверхъ всякаго ожиданія, не произвела никакого дѣйствія, стала себя держать иначе, даже выраженіе лица измѣнилось.

— Этого одного недостаточно,—съ чувствомъ отвѣтила она,—одной работой, достиженіемъ цѣли удовлетвориться нельзя. Что такое работа безъ гармоніи, и цѣль безъ личности? За работой единичнаго человѣка должно чувствоваться прошлое цѣлыхъ поколѣній и онъ долженъ носить въ себѣ это сознаніе, какъ дворянинъ—свое дворянское достоинство. А если этого нѣтъ,—и ея голосъ понизился и сталъ сдавленнымъ,—то нужно, чтобы онъ могъ захватить себѣ все будущее, какъ это бываетъ во снѣ.

Нѣсколько смущенная, она отвернулась и на секунду закрыла глаза.

— Что вы такое говорите?—сказалъ Арнольдъ съ безпомощнымъ видомъ, точно напрасно дѣлая усиліе уловить смыслъ ея словъ. Верена снова подошла къ нему и ею вновь овладѣло прежнее замѣшательство, только на этотъ разъ съ большей необъяснимой силой.

Вдругъ его приходъ показался ей чѣмъ-то таинственнымъ и значительнымъ; вдругъ ее заинтересовала его манера медленно растягивать слова и во время разговора наклонять голову впередъ.

Раздался шумъ шаркающихъ по каменной лѣстницѣ шаговъ, сначала гдѣ-то вдали, потомъ какое-то царапанье у самыхъ дверей, точно кто высаживался около нея, и все это перемѣшанное со вздохами, сморканіемъ, наконецъ, снаружи постучали и Верена Гофманъ отправилась отпирать.

Вошелъ Тецнеръ; на немъ были синіе очки, шляпа съ отвислыми полями, каучуковый плащъ и необыкновенно громадные сапоги. Подъ мышкой онъ несъ большущій фоліантъ. Лицо у него было какое-то ноздреватое и одутловатое; губы до того распухли, что прямо-таки вытягивались изъ бороды, казавшейся при скудномъ освѣщеніи кана-

реечнаго цвѣта. Благодаря тому, что глаза были скрыты очками, все лицо имѣло какое-то странное, точно слѣпое выраженіе. Верена тихо произнесла нѣсколько словъ по-русски. Тецнеръ посмотрѣлъ на Арнольда, причемъ всѣмъ тѣломъ повернулся въ его сторону; затѣмъ сбросилъ шляпу, на головѣ у него, точно ночной колпакъ, показалась бѣлая повязка.

Арнольдъ вопросительно по очереди глядѣлъ то на того, то на другого.

Верена подала ему руку съ серьезно-ласковой улыбкой и сказала:

— Надѣюсь видѣть васъ еще разъ у себя, — въ глазахъ у нея появилось что-то товарищеское, все существо дышало спокойствіемъ.

36.

Арнольдъ, ощупывая впотьмахъ перила, медленно спустился въ сѣни. Крохотное пламя масляной лампочки, висѣвшей надъ дверью въ швейцарскую, заставляло сливаться стѣны съ окружающимъ мракомъ, вслѣдствіе чего помѣщеніе казалось безконечнымъ. Арнольдъ вернулся обратно; потомъ сталъ то подниматься, то спускаться по лѣстницѣ, не думая о томъ, что такимъ образомъ можетъ разбудить портье. Когда онъ приближался къ лампочкѣ, ему представлялось, что передъ нимъ печь, въ которой старательно поддерживается огонь—до такой степени то, что ему казалось онъ видитъ передъ собой, не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ предметамъ.

Раздался звонокъ и затѣмъ изъ швейцарской показался какъ-то чудно́ укутанный и совершенно сонный швецаръ, прошлепалъ въ туфляхъ къ входной двери, отперъ ее, чтобы впустить кого-то снаружи и выпустить Арнольда. Очутившись на улицѣ, послѣдній черезъ нѣсколько минутъ остановился; ему казалось, что онъ не слышитъ собственныхъ шаговъ, будто ступаетъ по песку или мокрой землѣ, а между тѣмъ, онъ шагалъ по мостовой, залитой теплымъ лѣтнимъ луннымъ свѣтомъ. Безъ всякаго перехода онъ вдругъ вспомнилъ статую у Потчиссера. Ему казалось, что она подобно сіянію спускается съ неба и въ ту же минуту становится для него вѣстникомъ и путеводителемъ въ высь. Онъ сразу ощутилъ ея гармонію и сталъ стремиться къ гармоніи въ себѣ самомъ. Точно какія-то облака разсѣялись въ его мозгу. Теперь онъ уже съ совершенно инымъ чувствомъ стремился къ дѣятельности, границы которой до сихъ поръ такъ страстно хотѣлъ опредѣлить.

Онъ относился теперь гораздо спокойнѣе ко всему, что еще наканунѣ утомляло его блуждающіе взоры, будто передъ нимъ все вертѣлось въ искусномъ танцѣ. Онъ понялъ, что его сбивало съ толку количество впечатлѣній; что разнообразіе дѣлало его разсѣяннымъ, и рѣшился всѣ силы обратить на что-нибудь одно, направить въ одномъ направленіи и твердо устранять съ пути всякую помѣху. Такимъ спо-

собомъ онъ думалъ загладить свою вину передъ самимъ собой и думалъ, что это побужденіе ему внушено лбомъ Верены Гофманъ, окутаннымъ тайной. Такимъ образомъ онъ очутился у того же исходнаго пункта, отъ котораго обыкновенно отправляются молодые люди; нисколько не задумываясь, добровольно, но безъ всякаго увлеченія, такъ какъ уже пережили утро жизни, удобно отправляются они по избранному пути. Карманы ихъ пусты ибо, кромѣ разбитыхъ надеждъ, у нихъ ничего не имѣется; да и ихъ они подобно тому, какъ дѣти вышвыриваютъ на улицу обломки своихъ куколъ, съ отвращеніемъ и злобой разбрасываютъ во всѣ стороны. Арнольдъ добылъ себѣ подробную программу знаній, требующихся для сдачи экзамена. Выяснить размѣры требованій было не такъ-то легко. Въ университетѣ его посылали отъ одного къ другому. Наконецъ, онъ взялъ экипажъ и поѣхалъ на домъ къ одному изъ профессоровъ юридическаго факультета, на котораго ему указали. Тотъ оказался холоднымъ и надутымъ. Но увѣренныя и опредѣленныя манеры и вопросы Арнольда его смутили. Онъ давалъ требуемыя свѣдѣнія, точно ученикъ, котораго спугнули отъ сна.

Арнольдъ записывалъ; въ концѣ концовъ его веселость и любезность повергли ученаго въ удивленіе и подкупили въ пользу посѣтителя. Онъ подумалъ, чтос лѣдуетъ остеречь черезчуръ ревностно начинающаго.

— Отъ такого заработка никто не богатѣетъ, слишкомъ великъ наплывъ желающихъ, а грудь alma mater истощена.

Арнольдъ не понялъ.

— Я не голоденъ,—коротко отвѣтилъ онъ и собрался уходить, но у дверей еще разъ обернулся.—Я забылъ поблагодарить васъ, господинъ профессоръ,—сказалъ онъ, вскидывая голову и открыто заглядывая ему въ лицо,—но я думаю, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который не находилъ бы своей профессіи невыносимой, если занимается ею только ради пропитанія. Мое мнѣніе таково: кто не ощущаетъ внутри себя цѣли для занятій, въ томъ держитъ перевѣсъ исключительно желудокъ.

Старикъ величественно выпрямился, но Арнольдъ съ упрекомъ тряхнулъ головой и вышелъ. Послѣ этого онъ сталъ искать себѣ студента, съ которымъ могъ бы заниматься греческимъ и латынью.

Отъ того и другого языка у него въ головѣ уцѣлѣли лишь первоначальныя правила. По совѣту профессора, онъ оставилъ свой адресъ у педеля университета.

На слѣдующее же утро по лѣстницѣ дома Барромео безпрерывно то поднимались, то спускались молодые люди съ мрачными и страдальческими лицами.

Большею частью они выказывали притворную скромность, униженную покорность, плохо согласовавшіяся съ представленіями Арнольда. Но что на него произвело еще болѣе удручающее впечатлѣніе и окон-

чательно обезкуражило, такъ это огромное число не имѣющихъ средствъ къ существованію студентовъ. Въ корридорѣ, гдѣ нерѣдко по десяти или по пятнадцати человѣкъ заразъ дожидались своей очереди войти, лакею съ трудомъ удавалось обуздать ихъ зависть и назойливость. Каждый хотѣлъ войти первымъ; и не своею личностью или поведеніемъ надѣялись они вытѣснить другъ друга, а низкой платой за услуги. Съ каждымъ новымъ пришельцемъ Арнольдъ становился все нерѣшительнѣе. Онъ не хотѣлъ смотрѣть сверху внизъ на того, кто будетъ давать ему знанія, а по меньшей мѣрѣ хотѣлъ чувствовать себя на равной съ нимъ ногѣ. И какъ бы симпатичнымъ ни казалось ему какое-нибудь лицо, но тѣнь страданій на немъ отталкивала его. Безъ кровинки, безсильныя, всплывали передъ нимъ эти лица, не говорили, а что-то лепетали и вновь, блѣдныя, какъ троглодиты, исчезали.

Часто Арнольдъ разспрашивалъ ихъ о роднѣ, обстоятельствахъ жизни, намѣреніяхъ и, въ концѣ концовъ, безошибочно находилъ въ нихъ значительный плюсъ горя, непригодности и спутанности понятій. Онъ хотѣлъ отыскать вѣрный симптомъ этого явленія, чтобы избѣжать случайности, но каждый изъ пришельцевъ считалъ свое дѣло законченнымъ, какъ только убѣждался, что, благодаря легкомысленнымъ, на его взглядъ, разспросамъ, его ожиданія не могутъ оправдаться.

— Я не затѣмъ пришелъ, чтобы заниматься соціальной политикой,—насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—на это мнѣ не остается времени, въ то время какъ другіе торжествуютъ за столомъ.

Арнольдъ замолчалъ, обдумалъ его отвѣтъ, затѣмъ сказалъ, что онъ-то ищетъ человѣка, который съумѣлъ бы отвѣтить ему на его вопросы и которому это казалось бы столь же необходимымъ и существеннымъ, какъ ему задавать ихъ. Если бы у него въ то время уже были способности наблюдать за самимъ собою, то онъ удивился бы собственнымъ словамъ. Какъ брошенный въ воду человѣкъ, долгое время дѣлаетъ ненужныя и фальшивыя движенія, а потомъ внезапно самъ находитъ средство спасенія и начинаетъ плыть, такъ и Арнольдъ теперь ясно и опредѣленно формулировалъ мысль, вызванную въ немъ данной минутой и обстоятельствами.

Студентъ удалился, разразившись отрывистымъ смѣшкомъ, а Арнольдъ, не желавшій никого вводить въ заблужденіе пустыми обѣщаніями, болѣе уже не сталъ разговаривать съ остальными. Предаваться нездоровому состраданію, или предоставить благодѣтельной судьбѣ разрѣшить удручающія условія, какъ нѣчто непредотвратимое, или же въ безполезной горячности совершить необдуманные поступки было одинаково противъ его натуры.

Ему стало яснымъ, что правильная дѣятельность, направленная къ извѣстной цѣли, имѣетъ бо́льшее значеніе, нежели преждевременный поступокъ.

Онъ рѣшился обратиться къ Веренѣ, которая, быть можетъ, въ состояніи отрекомендовать ему нужнаго человѣка.

Для работы у него теперь былъ полный просторъ: госпожа Барромео уѣхала въ деревню, дядя отправился въ Венгрію, гдѣ у него былъ процессъ, а лѣто и солнце не отвлекали его. И день, и ночь его окна стояли настежъ и онъ довольствовался клочкомъ неба надъ крышами домовъ и короткими криками птицъ, раздававшимися съ улицы.

Верена Гофманъ сейчасъ же отвѣтила, что знаетъ подходящаго человѣка и скоро пришлетъ его. Она имѣла случай въ полицейскомъ правленіи встрѣтиться съ господиномъ Хиртль, добавляла она въ письмѣ. «Послѣ того, какъ кучера осудили за черезчуръ быструю ѣзду и господинъ Хиртль внесъ за него штрафъ, онъ разсказалъ мнѣ, когда рѣчь зашла объ васъ, много интереснаго на вашъ счетъ. Повидимому, онъ очень любитъ хвастаться своими друзьями; но я все-таки желала бы какъ можно скорѣе вновь видѣть васъ у себя. Болѣе всего меня заставляетъ задуматься одно обстоятельство. Если бы все сказанное имъ оказалось простой болтовней, то меня удивила бы способность человѣка изобрѣсть подобную тему, для короткаго разговора».

Почеркъ письма былъ тонокъ и закругленъ, точь-въ-точь, какъ шея и руки самой Верены.

«Что это значитъ?—думалъ Арнольдъ.—Что она хочетъ знать? И что такое извѣстно обо мнѣ Хиртлю?

Онъ только что успѣлъ дочитать письмо, какъ вслѣдъ за Христіаномъ, явившимся съ докладомъ, въ комнату вошелъ довольно взволнованный Шпехтъ; не снимая шляпы, онъ бросился въ кресло, охватилъ колѣни руками, въ которыхъ держалъ тросточку и, широко раскрывая маленькія, безпокойныя глазки, сказалъ:

— Слава Богу, что вы дома. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы не засталъ васъ. Вы должны выручить меня, дружище! Вчера я на честное слово проигралъ Хиртлю четыреста гульденовъ. Мы играли въ макао: я, Хиртль, Левинъ Остербургъ и еще одинъ господинъ. Игра была довольно крупная. Къ сегодняшнему вечеру я долженъ — вы понимаете, Арнольдъ, моя честь...—онъ запнулся, такъ какъ удивленное и недовольное лицо Арнольда не подавало ему радужныхъ надеждъ.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, милѣйшій Шпехтъ, не могу.

Максимъ Шпехтъ медленно снялъ съ головы шляпу, вытащилъ изъ кармана шелковый платокъ и обтеръ имъ влажный, круглый, слегка раскраснѣвшійся лобъ.

— Вы хотите быть жестокимъ, любезнѣйшій,—прошепталъ онъ съ дѣланной улыбкой, пытаясь казаться любезнымъ и убѣдительнымъ,— но, бросая друзей на произволъ судьбы, человѣкъ самъ себя наказываетъ. Вы достаточно богаты, чтобы пропустить сквозь пальцы по-

добную сумму, а я,—онъ хотѣлъ посмотрѣть на часы, но быстро отдернулъ руку обратно,—если я не заплачу до вечера, то мнѣ останется купить себѣ револьверъ.

При этомъ онъ просунулъ указательный палецъ за воротникъ и обвелъ имъ вокругъ шеи.

— Что за чепуху вы городите,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Въ сказанномъ вами такъ мало смысла, что я даже не желаю давать себѣ труда возражать вамъ. Играя въ карты, нельзя же проигрывать больше, чѣмъ имѣешь. Это было бы нечестно и, слѣдовательно, не могло бы считаться долгомъ чести. Я вовсе не желаю, милѣйшій Шпехтъ, чтобы вы на своихъ сапогахъ растаскивали мои деньги по улицамъ. Я думаю, что деньги надо употреблять на благородныя цѣли и этимъ облагородить ихъ.

— Да полно вамъ, дорогой мой, разыгрывать реформатора, пользуясь моимъ маленькимъ затрудненіемъ,—жалобился Шпехтъ, дѣлая усталое движеніе головой, въ то время когда въ его глазкахъ засвѣтилась ненависть и отчаяніе.—Вѣдь какъ-ни-какъ, а я долженъ отвѣчать за случившееся. Теоріи пригодны для будущаго. Я не прошу васъ сдѣлать мнѣ подарокъ, подождите только, когда настанетъ и на моей улицѣ праздникъ: я пустилъ корни, теперь дайте время распустить листья и принести плоды.

Арнольду стало стыдно за Шпехта, такъ какъ самъ онъ не могъ иначе, какъ съ презрѣніемъ, относиться къ подобнымъ рѣчамъ.

Вокругъ рта Шпехта играла слащаво-насмѣшливая улыбка, очевидно вызванная желаніемъ не показаться слишкомъ ничтожнымъ и слишкомъ пристыженнымъ.

— Хорошо,—наконецъ, произнесъ Арнольдъ съ ласковымъ, но задумчивымъ взглядомъ. — Я не имѣю права учить васъ и такъ какъ вы разсчитывали на меня, то, пожалуй, долженъ признать вашъ счетъ. Хорошо, я вамъ дамъ эти деньги.

Лицо Шпехта стало багровое, потомъ сразу поблѣднѣло.—Можетъ быть вы не совсѣмъ справедливы ко мнѣ?—спросилъ онъ, съ явнымъ вздохомъ облегченія.—Развѣ у насъ не нашлось бы достаточно причинъ и способности соединиться, вмѣсто того, чтобы все время точить зубы другъ на друга.

Онъ толковалъ точно съ завязанными глазами, а Арнольдъ слушалъ его точно съ заткнутыми ушами. Вставая и прощаясь, Шпехтъ сказалъ:—Мы оба приглашены на послѣзавтра вечеромъ къ Ханка. Они уѣзжаютъ на этой недѣлѣ. Надѣюсь тамъ увидимся.

Арнольдъ снова принялся за работу, заглушая въ себѣ всякое раздумыванье насчетъ Шпехта. Скоро наступилъ вечеръ и вмѣсто того, чтобы выйти, онъ принялся медленными шагами ходить взадъ и впередъ по своимъ тремъ комнатамъ и проходилъ такимъ образомъ больше часа. На душѣ у него было ясно; онъ созидалъ свою жизнь,

управляя возникающими желаніями и стараясь познать дремлющія въ глубинѣ души. Онъ какъ будто изучалъ почву своей натуры, какъ архитекторъ изучаетъ почву, на которой собирается воздвигнуть тяжелое зданіе.

Спать онъ легъ рано и всталъ на разсвѣтѣ. Слѣдующій день также прошелъ въ работѣ. Его охватила удивительная неутомимость, потому что тотъ, кто ежедневно вырабатываетъ въ себѣ все большую ясность представленія о всемъ необходимомъ, долженъ ежедневно располагать свѣжими силами.

Вечеромъ потребность подышать чистымъ воздухомъ выгнала его наружу. Только что онъ завернулъ за ближайшій уголъ, какъ увидѣлъ передъ собою большое скопленіе экипажей, сбившихся въ одну кучу, такъ какъ всю дорогу загораживали поломанныя полки для перевозки тяжестей. Его глаза—онъ самъ не зналъ, какъ это случилось—упали на Беату Ханка. Вечерняя заря освѣщала ея смѣющееся личико.

Шаловливой рукой отдернула она стору кареты въ которой сидѣла и съ любопытствомъ старалась разглядѣть что мѣшаетъ ѣхать дальше; увидѣвъ рядомъ съ ней не Ханка, а Максима Шпехта, Арнольдъ сильно удивился. У него не хватило времени разглядѣть ихъ подробнѣе, такъ какъ стора быстро спустилась.

37.

На ходу Арнольдъ вдругъ вспомнилъ слова Натали. Какъ-то она предупредила его, чтобы онъ не вздумалъ дать понять Ханка какого онъ мнѣнія о Беатѣ.

«Вѣдь онъ воспиталъ ее для себя», прибавила она тогда съ своей нѣсколько легкомысленной усмѣшкой. Не знай онъ, при какихъ обстоятельствахъ разошелся Шпехтъ съ Беатой, его ничуть не удивило бы встрѣтить ихъ вдвоемъ и при такой обстановкѣ. Но теперь что-то темное нахлынуло въ его душу, такъ что онъ даже пріостановился, чтобы собраться съ мыслями и придти къ какому-нибудь рѣшенію. Онъ воочію представилъ себѣ прямолинейность и даже нѣкоторую сухость Ханка и характеръ Беаты, приноравливающійся, какъ бы скользящій... Первымъ движеніемъ было недовѣріе къ самому себѣ, такъ какъ онъ почувствовалъ что его какъ-то странно влечетъ къ исторіи, въ которой, онъ это чуялъ, крылось что-то таинственное, какой-то обманъ. Пока ему еще не было ясно какое онъ лично займетъ въ ней мѣсто; при мысли, что ему придется смотрѣть и на Ханка, какъ на человѣка, въ жизни котораго нѣтъ правды, онъ испытывалъ горестный гнѣвъ и чувствовалъ, что какъ бы самъ ни отнесся къ происходящему передъ его глазами, но ничто уже болѣе не въ состояніи

усыпить его безпокойство. Страхъ ошибиться заставилъ его считать собственныя подозрѣнія ужасными и, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, не откладывая, сейчасъ же сходить къ Натали.

Какой-то инстинктъ подталкивалъ его довѣриться чувству женщины; къ тому же подумалъ онъ, вѣдь эта женщина считала, что Ханка, само собою разумѣется, совершилъ ужасную ошибку. Съ каждымъ шагомъ дотолѣ столь чужтый ему образъ Александра Ханка вырисовывался передъ нимъ все яснѣе и яснѣе и, въ концѣ концовъ, сталъ казаться истиннымъ другомъ. Натали Арнольдъ засталъ за укладкой сундуковъ и ящиковъ. Несмотря на то, что было около восьми вечера, она, повидимому, ничуть не удивилась его приходу, такъ какъ у нихъ бывали гости во всякое время дня. — Завтра мы уѣзжаемъ въ деревню,—сказала она, и съ комическимъ отчаяніемъ стала оглядываться по сторонамъ, чтобы найти свободный стулъ; повсюду были разложены платья и бѣлье. — Немного поздно, но все-таки я ужасно рада лѣсамъ, лугамъ и чистому воздуху. Петра сегодня у мамà. Мамà больна, но, думаю все-таки поѣдетъ. Не навѣстите ли вы насъ въ горахъ? Это было бы очень - хорошо. Ну вотъ, садитесь на этотъ сундучокъ для шляпъ. Дѣти уже спятъ. Представьте себѣ что сегодня сказала Леночка Левину.

— Папа, сказала она, я не понимаю какъ ты можешь скучать съ мамой.—Какъ вамъ это нравится? Вѣдь чудесно, не такъ ли? Если бы только отцы были такъ же умны, какъ дѣти, то не имѣли бы ихъ.

Арнольдъ сѣлъ и началъ напрямки:

— Мнѣ хочется спросить васъ, на какомъ основаніи вы думаете, что въ отношеніяхъ Беаты къ Ханка не все чисто?

Натали до нельзя удивленная, съ минуту молча сморѣла ему въ глаза, потомъ всплеснула руками и опустилась противъ него на скатанный коверъ.—Я?—воскликнула она, не то пораженная, не то разсмѣшенная.—Когда же я говорила что-нибудь подобное? И за этимъ-то вы и явились ко мнѣ? Да вы съ ума сошли?

—Вы говорили это,—совершенно спокойно подтвердилъ Арнольдъ,—но, слушайте, отвѣчайте мнѣ правду. Ваша улыбка показываетъ, что и теперь вы того же взгляда. Думаете вы, что такой человѣкъ, какъ Ханка, долженъ узнать всю правду, хотя бы уже потому, что она извѣстна другимъ?

На лбу Натали появилась задумчивая складка; опустивъ глаза, она вертѣла вокругъ пальца кольцо.

— Я васъ не понимаю,—сказала она, наконецъ.—А что же вамъ то извѣстно?—ужъ болѣе оживленно продолжала она,—разскажите-ка.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Я знаю, что этимъ путемъ ничего не выиграю,—сказалъ онъ просто,—но вамъ не мѣшало бы понять, что слѣдуетъ иногда кое-что

и разрушить, чтобы дать возможность уцѣлѣть остальному; я говорю о Ханка.

— Что за чепуха!—воскликнула Наталй нетерпѣливо постукивая кончикомъ ботинки по полу.—Не тревожьте того, что спокойно. Но не угодно ли вамъ, наконецъ, объяснить мнѣ, въ чемъ собственно дѣло? Что же вы знаете? Отъ этого все зависитъ.—Такъ какъ ея любопытство все необузданнѣе прорывалось наружу, то она сама устыдилась и разсмѣялась. Арнольду стало ясно, что онъ ошибся и попросилъ хлѣба у голодной.

Въ эту минуту явился Левинъ Остербургъ, разгоряченный и важный, точно осѣненный блескомъ таинственныхъ приключеній. Пожавъ руку Арнольда, онъ тотчасъ же заговорилъ, точно визитъ послѣдняго былъ между ними заранѣе условленъ.

— Вы должны жениться, господинъ Анзорге, у меня есть для васъ чудная дѣвушка! Не шутя, честное слово! Не богата и не бѣдна, но, какъ говорится, вполнѣ интелегентная. Между нами, чудная личность. Принципы, идеалы, все, какъ теперь принято.—Онъ стоялъ, широко растопыривъ ноги, съ напускною искренностью и якобы пониманіемъ, чмокалъ губами и обмахивался носовымъ платкомъ. Наталй съ испугомъ и удивленіемъ смотрѣла на него.—Единственнымъ препятствіемъ могло бы быть,—продолжалъ Левинъ,—что она жидовка. Но вѣдь вы, такъ сказать, человѣкъ просвѣщенный.—Онъ неестественно широко выпятилъ глаза и сталъ гнѣвно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, размахивая руками.—И какое намъ дѣло до всей этой исторіи, которая якобы разыгралась двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ? Всѣ мы люди, всѣ братья. Честное слово, это мое убѣжденіе, господинъ Анзорге.—Послѣднія слова онъ почти выкрикнулъ въ окно.

— Что ты пьянъ, что ли?—спросила его Наталй съ ледянымъ спокойствіемъ. Левинъ сразу оборвался.

— Ахъ-ха-ха,—вздохнулъ онъ,—прежде я былъ остроуменъ, а вотъ теперь два года какъ сдѣлался глупцомъ.

Арнольдъ простился. Въ этомъ домѣ его всегда охватывала атмосфера поразительной безсмысленности, какая-то паутина безцѣльныхъ и необычныхъ рѣчей, безпричиннаго смѣха и горя, важности и безпочвенности, серьезности и пустоты.

На слѣдующій день къ нему явился молодой человѣкъ, котораго обѣщала прислать Верена. По наружности это былъ мальчикъ; нѣжный, съ розовымъ дѣтскимъ личикомъ и серьезными, умными глазами. Въ манерѣ говоритъ сквозило что-то трезво-почтительное; обращеніе было сдержанно и тактично; но Арнольдъ сейчасъ же подумалъ, что онъ-то и есть нужный ему помощникъ. Прежде всего онъ, хотя и смутно, почувствовавъ въ маленькомъ бѣлокуромъ господинѣ извѣстнаго рода порядочность и деликатность, честность и ясность души.

Такимъ образомъ, онъ съ удовольствіемъ предвкушалъ для себя наступленіе рабочей поры, и когда отъ Ханка принесли письмо, въ которомъ напоминалось, что они ждутъ его сегодня вечеромъ, онъ рѣшилъ не ходить туда. «Зачѣмъ стремиться къ тому, что не ясно?—думалъ онъ; въ тинистой водѣ не водится рыба». Но послѣ обѣда, сѣвъ за письмо, чтобы увѣдомить ихъ о своемъ отказѣ, онъ вдругъ перерѣшилъ иначе. Крупнымъ почеркомъ вывелъ онъ обращеніе и первыя слова, но затѣмъ положилъ перо обратно на столъ. Передъ нимъ внезапно предстало лицо Александра Ханка,—серьезное и вопрошающее лицо друга. День былъ жаркій; духота, пыль и городская жара дѣйствовали на Арнольда разслабляюще. Члены казались какъ бы тяжелѣе, суставы неподвижнѣе; солнце не свѣтило, а точно тлѣло въ гнѣздѣ изъ испареній. На улицѣ было еще хуже, чѣмъ въ комнатахъ, и онъ уже хотѣлъ вернуться, но остановился и, точно принимая участіе въ человѣческомъ потокѣ, что съ такимъ трудомъ двигался впередъ, сталъ раздумывать. Потомъ вдругъ повернулъ по направленію улицы Ваза. Слова Верены: «Я надѣюсь еще разъ увидать васъ», прозвучали въ его ушахъ.

Нѣсколько разъ дернулъ онъ звонокъ, но внутри никто не шевельнулся. Разочарованный онъ уже повернулся, было уходить, но увидѣлъ Верену Гофманъ, поднимающуюся по лѣстницѣ. Замѣтя его съ послѣдняго поворота, она на минуту пріостановилась и улыбнулась. На ней было бѣлое полотняное платье съ черной лентой вокругъ шеи и таліи.—На площадкѣ было такъ прохладно, что хотѣлось остаться, но это было бы черезчуръ негостепріимно.

Она протянула ему руку; на ея крѣпкое пожатіе онъ отвѣтилъ такъ же сильно; потомъ отперевъ дверь, она вошла первая и безъ особаго смущенія накинула на неоправленную еще постель шерстяное одѣяло; затѣмъ поставила на столикъ у окна мелкій сахаръ и содовую воду и пригласила его сѣсть.

Изъ окна открывался далекій видъ на сосѣдніе дворы, и Верена, указывая на нихъ, замѣтила:

— 250 оконъ.

Арнольдъ кивнулъ.—На сколько же человѣкъ приходится по окну?—замѣтилъ онъ съ улыбкой, точно для рѣшенія этого вопроса требовались какія-то очень сложныя исчисленія. Верена сказала, что рада его приходу. Господинъ Хиртль воспользовался случаемъ, что переѣхалъ Тецнера, чтобы познакомиться съ нею. Онъ-то и разсказывалъ ей объ Арнольдѣ. А въ чемъ же на самомъ дѣлѣ суть этой исторіи съ жидовкой? Что слѣдуетъ думать объ ней? Она не вѣритъ, чтобы нашлось много мужчинъ, способныхъ на мужественные поступки.

— Да что же собственно извѣстно обо мнѣ Хиртлю?—съ досадой сказалъ Арнольдъ.—Да и зачѣмъ вообще толковать объ этомъ. Эта исторія еще не окончена и потому надо подождать конца.—Его го-

лосъ звучалъ властно и въ немъ слышалось что-то, что мѣшало Веренѣ отвѣтить ему насмѣшкой. Она слушала его не возражая.

— Жарко,—сказала она, наконецъ, и со вздохомъ откинулась назадъ.—Хорошо! можно жить, не перекидывая мостовъ. Мы можемъ разговаривать другъ съ другомъ, словно перекликаясь съ одного берега на другой. Только это нѣсколько утомительно. Арнольдъ не нашелся, что отвѣтить. Онъ былъ еще слишкомъ неискусенъ въ подаваніи репликъ и при своемъ неумѣніи выражаться не умѣлъ подыскивать словъ, въ которыхъ впослѣдствіе не приходилось бы раскаиваться. Ему показалось, что онъ обидѣлъ Верену

— Какъ вы живете?—робко спросилъ онъ.—Вы часто бываете грустны, но сегодня оживлены, точно ласточка.

Молодая дѣвушка молча смотрѣла въ окно. Потомъ она тяжеловато поднялась съ мѣста, причемъ на лицо у нея легла тѣнь.

— У меня нѣтъ тайнъ,—сказала она значительно и, ея слова звучали, точно были обращены къ кому-то въ воздушномъ пространствѣ. Будемъ примѣнять мѣрку полезности другъ къ другу, я упоминала объ этомъ въ прошлый разъ. Кто первый обнаружитъ себя, тотъ первый и потерпитъ пораженіе. Я никогда не требовала отъ другихъ откровенности, также какъ не могу требовать отъ цвѣтка, чтобы онъ благоухалъ. Вамъ слѣдовало бы избѣгать меня. Я не приношу пользы развитію другихъ людей. Арнольдъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Ея походка казалась ему пріятной; его привлекало то, что во время разговора ничто не измѣнялось въ ея лицѣ; даже губы, и тѣ еле шевелились. Вслѣдствіе этого, его вниманіе еще усиливалось, а пѣвучій, усталый и какъ бы струящійся голосъ вибрировалъ въ душномъ комнатномъ воздухѣ, точно серебряныя нити. Но при всемъ томъ ему послышался въ ея рѣчахъ что-то высокомѣрное и затаенное. Было мгновеніе когда у него явилось желаніе крикнуть ей: «Чего ты боишься?» Чѣмъ болѣе онъ прислушивался къ ея голосу, тѣмъ явственнѣе чувствовалъ, что у Верены въ прошедшемъ есть что-то очень тяжелое и что именно онъ призванъ оказать ей помощь, сослужить службу, тѣмъ болѣе ощущалъ ненужность самому открываться ей и лишь чувствовалъ что долженъ помочь. Ему хотѣлось сказать: «Вотъ я; говори же и довѣрься». Но онъ не произносилъ этихъ словъ и былъ удивленъ, что всякая довѣрчивость, повидимому, безслѣдно исчезла въ ней и это дѣлало его упорнымъ и угрюмымъ. Верена спросила, приходилъ ли молодой человѣкъ, котораго она послала, и стала восхвалять его достоинства. Она сидѣла противъ Арнольда съ легкой насмѣшливой улыбкой на губахъ; допивъ стаканъ, она усталымъ жестомъ стала поправлять прическу. Арнольдъ удивился. Инстинктивно онъ понималъ, что она ищетъ его и что ему слѣдуетъ подойти къ ней со словами участія,

но разсудокъ мѣшалъ чувству. Чудное волненіе въ груди, точно облако, заволакивало смутныя намѣренія и онъ ни на минуту не ошибался въ значеніи глубокаго покоя, внезапно овладѣвшаго имъ.

Верена Гофманъ наблюдала за его смущеніемъ. Ея привычка все взвѣшивать разсудкомъ и ничему, кромѣ него, не придавать цѣну часто заставляла ее смотрѣть на собственныя ощущенія грустными или недовѣрчивыми глазами; поэтому часто она еще и тогда разсуждала, когда душа уже предавалась глубокимъ грезамъ. Не поднимая взгляда со стола, она сказала тихимъ, осторожнымъ, но опредѣленнымъ тономъ, причемъ ея голова склонилась къ плечу: «Я должна и желаю оставаться одной. Это даже менѣе моя личная потребность, нежели внѣшняя необходимость. Правда, я васъ просила вторично посѣтить меня, но когда я это дѣлала, вы сами меня ничуть не интересовали. Отчасти во мнѣ говорила симпатія, а отчасти самолюбіе—вѣдь у человѣка всегда бываетъ желаніе не являться въ глазахъ симпатичныхъ людей въ искаженномъ видѣ.—Она встала, посмотрѣла на часы и наморщивъ лобъ, сказала: я должна пойти къ Тецнеру.

— А господинъ Тецнеръ? Въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ? спросилъ Арнольдъ; все сказанное Вереной проплыло мимо него, словно неуловимое облачко. Верена была поражена вопросомъ и пожала плечами.

— Тецнеръ? Это человѣкъ... очень богатый человѣкъ изъ Россіи... у котораго есть свои пунктики. Я его очень давно знаю.

Арнольдъ сидѣлъ, наклонивъ гогову впередъ, и въ такомъ видѣ походилъ на лошадь, прислушивающуюся къ постороннему шуму.

Вдругъ онъ откинулъ голову и, устремивъ на Верену прямой открытый взглядъ сказалъ: «Ваши отвѣты не совсѣмъ честны. Это потому, что вы только играете вещами, которыя желаете скрыть, а не скрываете ихъ на самомъ дѣлѣ. Верена Гофманъ остановилась. Она слегка прислонила голову къ плечу скелета и вынувъ носовой платокъ, подержала его нѣкоторое время у рта, и глубоко вздохнула. Но потомъ ея лицо вспыхнуло, точно изнутри у нея прорвался пламень; носъ, подбородокъ, губы, плечи, все вздрагивало, точно въ истерикѣ. Затѣмъ она болѣе глубокимъ голосомъ нежели раньше, сказала: «Да вѣдь въ этомъ-то вся и бѣда. Только что два человѣка познакомятся, какъ одинъ изъ нихъ требуетъ у другого правъ и отчета. Оставьте меня въ покоѣ. Предоставьте мнѣ забавляться, если я забавляюсь. Развѣ мы должны сейчасъ же расплачиваться за то, что возбуждаетъ въ комъ-нибудь симпатію? Всецѣло отдаваться чему-нибудь вредно, дружба вредна».

Арнольдъ положилъ свои громадныя руки на столъ и сталъ медленно складывать кончики пальцевъ. Дѣлая это, онъ какъ бы желалъ что-то сказать, но губы не повиновались. Между тѣмъ, Верена, по-

видимому, уже раскаивалась въ необдуманныхъ словахъ. Она нѣсколько растерянно оглянулась, вторично посмотрѣла на часы, не торопясь, надѣла большую круглую шляпу и съ разсѣянной, но любезной улыбкой обратилась къ Арнольду:

— Къ сожалѣнію, я должна васъ оставить; но моя дверь остается открытой для васъ до слѣдующаго посѣщенія.

Онъ быстро взглянулъ ей въ лицо, казавшееся, благодаря улыбкѣ гораздо старше, кивнулъ головой и послѣдовалъ за ней. Не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, они дошли до улицы, гдѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Арнольдъ уже собирался откланяться, какъ вдругъ въ окнѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ, показалась голова Тецнера.

— Я жду тебя Верена сказалъ онъ ласково и кротко.— Веди съ собою твоего знакомаго. Молодой другъ, у меня вы найдете самыя рѣдкія водки на всемъ земномъ шарѣ, да и многое другое, что можно только встрѣтить на столѣ великаго бухарскаго хана. Войдите, войдите, сегодня мы еще молоды, а завтра уже будемъ мертвы.

Арнольдъ кивнулъ головой состроилъ гримасу и засмѣялся.

— Объ моемъ угощеніи ужъ позаботились въ другомъ мѣстѣ,— со смѣхомъ возразилъ онъ,—но вы, можетъ быть, что-нибудь прибережете для меня на другой разъ.

— Браво,—воскликнулъ Тецнеръ, хлопая въ ладоши. Верена бросила глубокій сочувственный взглядъ на Арнольда, веселость котораго ей очень понравилась. Прощаясь, она почти порывисто пожала ему руку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ глухую ночь, тропой знакомой,
Сошелъ я на берегъ морской.
Меня давили стѣны дома
И ихъ удушливый покой;
И на челнокъ, вчера прибитый
Къ землѣ стихіею шальной,
Я сѣлъ, какъ онъ, полуразбитый.
Какъ онъ, обманутый волной.
Здѣсь ночь была еще печальнѣй,
Еще тоскливѣй тишина.
Тѣнь заколоченной купальни
Качала мертвенно волна,
И черной траурной каймою
Песка касалася, шурша.
Я зарыдалъ, объятый тьмою,
И въ мірѣ ни одна душа
Меня не слышала.

А. Ѳедоровъ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

I.

Обширная казенная квартира статскаго совѣтника Модеста Петровича Балясова была, какъ всегда, скудно освѣщена. Въ то время, какъ многочисленныя окна другихъ квартиръ казеннаго дома, начиная съ обѣденнаго часа и раньше, горѣли яркими огнями, освѣщая прилегающую къ нимъ часть набережной канала и бросая полосы свѣта на поверхность самого канала, изъ выходившихъ на улицу тринадцати оконъ квартиры Балясова въ третьемъ этажѣ, обыкновенно было освѣщено два или три, причемъ свѣтъ часто передвигался отъ одного къ другому, но непремѣнно—когда зажигался въ однихъ окнахъ, то гаснулъ въ прежнихъ.

Такова была система освѣщенія у Балясова и ее твердо усвоили и хозяева и прислуга. Электрическая энергія доставалась имъ, обитателямъ казеннаго дома, дешевле, чѣмъ населенію всѣхъ другихъ домовъ. Но жили въ этой квартирѣ люди экономные. Весь вечеръ, по мѣрѣ того, какъ хозяева заходили то въ одну комнату, то въ другую, или прислуга приносила самоваръ, накрывала столъ, приготовляла постели, постоянно раздавалось въ разныхъ комнатахъ щелканіе мѣдной кнопки выключателя. Это вошло уже въ привычку и ни для кого уже не составляло заботы.

Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда послѣ долгихъ колебаній и обсужденій совершился переходъ отъ керосина къ электричеству, это доставляло много огорченія самому Модесту Петровичу. То и дѣло онъ выбѣгалъ изъ своего кабинета и, уличивъ горничную или сына или дочь въ недостаточномъ вниманіи, собственноручно гасилъ электрическую лампочку, и всякій разъ при этомъ громко, для свѣдѣнія всѣхъ живущихъ въ квартирѣ, читалъ маленькую лекцію о томъ, что электрическое освѣщеніе

выгодно только тогда, когда съ нимъ умѣютъ обращаться, въ противномъ же случаѣ оно раззорительно.

Была суббота, часовъ семь вечера. Четверть часа тому назадъ электрическія лампы въ квартирѣ Балясова освѣщали столовую и тогда окна всѣхъ остальныхъ комнатъ были темны. Въ это время Балясовы обѣдали. Потомъ свѣтъ въ столовой вдругъ погасъ, три окна, выходившія на улицу, потемнѣли, но зато тотчасъ же появился свѣтъ въ разныхъ концахъ квартиры, — въ двухъ окнахъ съ правой стороны и въ одномъ окнѣ съ лѣвой и эти окна были раздѣлены между собой десяткомъ темныхъ оконъ.

Комната о двухъ окнахъ была гостинная. Въ ней сидѣли теперь двѣ дамы. При первомъ взглядѣ на нихъ, легко было опредѣлить, что это были мать и дочь.

Мать звали Ириной Васильевной. Средняго роста, очень худощавая, съ лицомъ блѣднымъ, необыкновеннаго очертанія, она съ перваго взгляда поражала и приковывала къ себѣ вниманіе новаго человѣка. Благодаря чрезмѣрной худобѣ скулы на этомъ лицѣ слишкомъ выдавались, еще ярче подчеркивали ихъ глубоко впалые щеки. Рѣзко очерченный подбородокъ придавалъ этому лицу выраженіе непреклонной твердости. Большіе темные глаза смотрѣли строго, но только до тѣхъ поръ, пока ея тонкія, красиво вырѣзанныя губы были сомкнуты.

Но когда она начинала говорить, часто обнажая свои крупные, ровные, дивно сохранившіеся зубы, въ глазахъ ея вдругъ появлялась какая-то необыкновенная мягкость и все лицо ея, несмотря на угловатость и рѣзкость очертаній, пріобрѣтало какую-то безконечную привлекательность. Тогда и рѣзкія очертанія какъ бы сглаживались и являлась мысль, что это лицо въ иныя минуты можетъ быть очень красивымъ.

Большой выпуклый лобъ онъ держала открытымъ, причесывая свои густые темные волосы гладко назадъ. Голосъ у нея былъ густой, грубоватый, и когда она говорила, всегда казалось, что ей стоило усилій сдержать его, что, если бы она дала ему волю, то изъ ея груди полились бы могучія волны звуковъ.

Она сидѣла на коротенькой кушеткѣ съ низкой мягкой спинкой, слегка опрокинувшись на нее. Красноватый свѣтъ лампы, одѣтой въ шелковый тюльпанъ, со стѣны падалъ на ея голову, но оставлялъ въ тѣни ея лицо.

Дочь немного походила на нее. Только въ очертаніяхъ лица можно было замѣтить общность, но эта общность скрадывалась молодостью, смягчавшею всѣ рѣзкости. Дѣвушку, которой съ виду можно было дать лѣтъ восемнадцать, звали Людмилой. Легкій золотистый оттѣнокъ свѣтло-русыхъ волосъ давалъ нѣжный тонъ ея лицу и даже ея одеждѣ. Въ то время, какъ отъ матери

вѣяло строгостью, ея внѣшность давала впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, яснаго, но въ то же время холоднаго. Въ особенности холодны были ея глаза,—большіе, синіе. Но и они, какъ глаза Ирины Васильевны, обладали способностью мѣнять свое выраженіе, какъ только она начинала говорить; въ этомъ было ихъ сходство.

Людмила сидѣла на кругломъ табуретѣ около піанино, нѣсколько бокомъ къ нему. Ея правая рука опиралась на пюпитръ, а лѣвой она брала отдѣльные аккорды на басовыхъ нотахъ, безъ всякой связи, повидимому, совсѣмъ не думая о нихъ.

Ирина Васильевна долго молчала, полулежа съ раскрытыми глазами, точно слушала ея аккорды. Но въ дѣйствительности она даже не слышала ихъ и, можетъ быть, забыла о томъ, что Людмила здѣсь, хотя думала о ней.

— И такъ, ты ѣдешь сегодня на этотъ вечеръ, — сказала Ирина Васильевна, ничуть не перемѣнивъ позы, даже не пошевельнувшись.

Людмила перестала брать аккорды и вся повернулась къ матери.

— Я хотѣла бы. Да вѣдь и платье готово. Его сейчасъ принесутъ.

— Это доводъ, разумѣется,—промолвила Ирина Васильевна, и ея тонкія губы чуть-чуть усмѣхнулись.

— Можно и безъ доводовъ поѣхать,—сказала Людмила.

— Ничего не надо дѣлать безъ доводовъ, мой другъ, т.-е. безъ хорошо обдуманнаго основанія. Гдѣ-то я читала, что жизненный путь весь усѣянъ осколками разбитыхъ жизней, вотъ такъ, какъ иной осторожный хозяинъ втыкаетъ на поверхности стѣны отъ воровъ осколки разбитаго стекла... И тотъ, кто идетъ по этому пути безъ хорошо обдуманныхъ основаній, похожъ на идущаго босыми ногами по осколкамъ. Основанія, это—ковры, которые мы постилаемъ себѣ подъ ноги, чтобы не порѣзаться осколками.

— Основаніе есть. Я этого никогда не видала. Это для меня новый міръ.

— А ты достаточно подготовила себя къ тому, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ не растеряться? Вѣдь когда ѣдутъ въ новую страну, то изучаютъ путеводитель, чтобы знать, куда идти, что смотрѣть и чтобы не переплатить..

— О,—воскликнула Людмила,—кажется, я достаточно хорошо ко всему подготовлена! Ты, мама, хорошо позаботилась объ этомъ.

При этихъ словахъ дочери, Ирина Васильевна приподнялась и внимательно взглянула на нее. Ей показалось, что въ тонѣ, какимъ сказала ихъ Людмила, былъ странный новый оттѣнокъ. Впрочемъ, не совсѣмъ новый,—онъ скорѣе былъ рѣдкій, такъ что она забывала о немъ.

— Что ты такъ смотришь? — спросила Людмила. — Развѣ я сказала что-нибудь странное?

— Ты ни въ чемъ не хотѣла упрекнуть меня?—вмѣсто отвѣта спросила Ирина Васильевна.

— Право же, нѣтъ. Развѣ есть въ чемъ?..

— Не знаю... Не знаю! — задумчиво откликнулась Ирина Васильевна и поднялась.

Она ходила по комнатѣ, но при этомъ у нея не было какого нибудь значительнаго вида, заставлявшаго подозрѣвать волненіе. Лицо ея было спокойно или скорѣе безстрастно.

— Видишь ли,—заговорила она:—этотъ новый для тебя міръ мнѣ очень хорошо извѣстенъ. По всей вѣроятности, онъ остался такимъ, какъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ, насколько я могу судить по тѣмъ отдѣльнымъ экземплярамъ, которые бываютъ у... Модеста Петровича... Да и съ чего ему мѣняться? У насъ все развивается такъ медленно и такъ... по внѣшности... Ну, да... У нихъ, должно быть, другія ходячія идеи, другія слова, но навѣрное, все такая же склонность играть тѣми и другими... Я хорошо знаю этотъ міръ, Люда, и совѣтую тебѣ заранѣе посмотрѣть на него недовѣрчиво...

— Развѣ мы съ тобой на что-нибудь смотримъ довѣрчиво?— промолвила Людмила.

Опять Ирина Васильевна внимательно посмотрѣла на дочь, потому что опять въ ея простомъ и ясномъ голосѣ ей послышался глубоко скрытый оттѣнокъ упрека. Но Людмила смотрѣла на нее прямо, какъ человѣкъ, которому нечего прятаться. И опять приходилось ей изобличить себя въ напрасной подозрительности.

— А развѣ кто-нибудь стоитъ этого?—промолвила она.

Дочь ничего не отвѣтила, повернулась къ піанино и быстро и громко сыграла нѣсколько тактовъ шопеновскаго вальса. Она играла гладко и увѣренно, но, очевидно, не была виртуозомъ.

Вошла горничная и сообщила о томъ, что портниха принесла платье. Людмила оборвала свою музыку и быстро поднялась.

— Ты взглянешь? — спросила она мать на ходу, направляясь вслѣдъ за уходившей горничной.

— Вѣдь ты не будешь примѣрять...

— Ну, все-таки...

— Хорошо, хорошо. Пришли сюда счетъ...

Людмила ушла, а Ирина Васильевна, какъ раньше, продолжала ходить по комнатѣ, но въ ея движеніяхъ теперь явилось безпокойство, а въ лицѣ выраженіе чего-то похожаго на брезгливость. Всякій разъ, сдѣлавъ одинъ туръ по комнатѣ и вернувшись къ дверямъ, она на нѣсколько секундъ останавливалась и смотрѣла въ темноту столовой, какъ бы ожидая оттуда чего-то.

И вотъ послышались шаги горничной, затѣмъ мелькнула ея толстая расплывшаяся фигура въ снопѣ лучей, проникавшихъ чрезъ растворенную дверь изъ гостинной въ столовую.

— Вотъ счетъ, барыня, пожалуйте...

Ирина Васильевна молча взяла незапечатанный конвертъ, подошла къ лампочкѣ и развернула счетъ. Тамъ стояла цифра 49. Она хорошо знала цѣны петербургскихъ портнихъ и ей было извѣстно, что эта цифра, по сравненію съ тѣми, какія фигурируютъ въ ихъ счетахъ—жалкая. Что можно было сдѣлать на эту ничтожную сумму? Въ этомъ сорока девятирублевомъ платьѣ Людмила должна «показать себя» на одномъ изъ многолюднѣйшихъ вечеровъ столицы.

И благодаря искусству не столько портнихи, сколько самой Ирины Васильевны, какъ-то умѣвшей для своей дочери создавать нѣчто художественное изъ самого дешеваго матеріала, Людмила въ самомъ дѣлѣ «покажетъ себя». Она будетъ замѣчена, ея туалетъ, несмотря на его простоту, найдутъ изящнымъ, а ее самое интересной.

Въ этомъ не сомнѣвалась Ирина Васильевна. Но чего ей это стоило!.. Чего ей стоило научиться создавать для своей дочери и отчасти для себя самой туалеты изъ дешевой, почти грошевой, матеріи, чего ей стоило убѣдить портниху въ томъ, что именно для нихъ она должна шить дешевле, чѣмъ для другихъ, измѣняя для этого даже своимъ портняжнымъ принципамъ!

Но все равно, такъ или иначе, а по счету надо было платить. У Ирины Васильевны для этого не было денегъ. Модестъ Петровичъ твердо установилъ порядокъ, по которому о всякомъ расходѣ сообщалось ему, онъ самъ вынималъ бумажникъ и, убѣдившись въ томъ, что расходъ неизбѣженъ, скрѣпя сердце, платилъ.

Вотъ когда выраженіе брезгливости въ лицѣ Ирины Васильевны сдѣлалось опредѣленнымъ и явственнымъ. Пройдясь еще раза три по комнатѣ, она машинальнымъ движеніемъ руки повернула кнопку выключателя и лампочка въ гостиной погасла. Такъ же механически прикасалась она къ кнопкамъ въ другихъ комнатахъ и освѣщала свой путь, а затѣмъ тотчасъ гасила свѣтъ. Она прошла такимъ образомъ нѣсколько комнатъ и остановилась у притворенной двери кабинета своего мужа. Сквозь щель въ самомъ низу и вдоль проникалъ свѣтъ. Она постучала.

— Можно?

— Пожалуйста,—отвѣтилъ изъ кабинета сиплый, какъ будто простуженный слабый тенорокъ, и послышалось скрипѣніе дивана.

Ирина Васильевна явственно представила себѣ, что Модестъ Петровичъ послѣ обѣда лежитъ на диванѣ. Теперь онъ поднялся

и сидитъ, ожидая ее и, можетъ быть, досадуя на то, что ему помѣшали отдыхать. Она отворила дверь и вошла.

Въ комнатѣ было тусклое освѣщеніе. На письменномъ столѣ горѣла лампочка, придѣланная къ резервуару обыкновенной рабочей лампы, которая прежде освѣщалась керосиномъ. Продолговатый металическій абажуръ былъ низко спущенъ и закрывалъ всю лампочку, такъ что ее не было видно. Только столъ былъ ярко освѣщенъ, все остальное было въ глубокой тѣни.

Модестъ Петровичъ довольно высокій, изрядно растолстѣвшій человѣкъ, шлепая туфлями, подошелъ къ столу и приподнялъ абажуръ, и разомъ освѣтились и онъ самъ, и все, что было въ кабинетѣ.

Его совершенно выбритое лицо, съ жирными отдувшимися щеками, съ толстыми чувственными губами, казалось нездоровымъ. Была въ немъ какая-то рыхлость. Подъ глазами выпуклыя припухлости, излишній жиръ ниже подбородка, пухлыя возвышенія на груди, какъ у женщины, чрезвычайно рѣдкіе волосы на головѣ, съ просвѣчивавшей розовой кожей, а главное какой-то странный сѣрый цвѣтъ лица и воспаленные бѣлки глазъ, все это говорило о нездоровомъ организмѣ. Бритое лицо скрывало его возрастъ, а слишкомъ свѣтлый цвѣтъ волосъ мѣшалъ разглядѣть многочисленныя сѣдины, но все же никто при взглядѣ на него не сказалъ бы, что онъ молодъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка ожирѣвшаго и какъ бы нѣсколько опустившагося. Въ выраженіи лица его не было ничего злого, скорѣе въ немъ преобладала слащавость, которая слышалась и въ его слабомъ теноровомъ голосѣ.

Домашній туалетъ его былъ страненъ. Онъ всегда потрясалъ Ирину Васильевну, но ей уже давно надоѣло протестовать. Притомъ же Модестъ Петровичъ, дѣлавшій ей уступки въ пустякахъ, ради сохраненія домашней тишины, почему то упорно защищалъ это свое право: онъ былъ въ короткомъ сильно заношенномъ пиджакѣ, изъ подъ котораго выглядывала ситцевая рубаха съ растегнутымъ воротомъ. Правда, онъ теперь приподнялъ этотъ воротъ, но сейчасъ же забылъ объ этомъ и часть его жирной волосатой груди была открыта. Въ его одеждѣ, прическѣ, въ лицѣ, которое онъ брилъ не каждый день, было что-то неопрятное и Ирина Васильевна какъ только увидѣла его, сдѣлала брезгливую мину и говорила съ нимъ, слегка отвернувъ отъ него лицо.

— Ну, что тамъ такое?—своимъ сиплымъ теноркомъ спросилъ Модестъ Петровичъ.

— Надо оплатить вотъ этотъ счетъ,—отвѣтила Ирина Васильевна.

— Какой счетъ? я ничего не заказывалъ.

— Это я заказывала. Платье для Людмилы...

— Почему вдругъ платье? Почему ни съ того, ни съ сего заказываются платья?

— Модестъ Петровичъ, объ этомъ мы уже одинъ разъ достаточно говорили. Вы знаете, что я безъ вашего согласія ничего не заказываю... Вотъ счетъ.

Она положила на столъ счетъ. Модестъ Петровичъ не взялъ его въ руки, какъ бы боясь, что этимъ можетъ санкціонировать его, а какъ-то издали острымъ взглядомъ окинулъ его. Глаза у него были не сильные, буквы на такомъ разстояніи онъ, пожалуй, не прочиталъ бы, но къ цифрамъ у него было какое-то чутье, въ особенности, когда эти цифры обозначали деньги.

— Гм... Одно платье сорокъ девять рублей... Это чортъ знаетъ что такое. На эти деньги можно цѣлый мѣсяцъ кормить двадцать человѣкъ. Безобразіе носить такія платья...

У Ирины Васильевны нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, и она невольно двинула плечами.

— Портниха ждетъ уплаты, – сказала она, какъ бы не слыша доводовъ.

— Зачѣмъ это платье? Развѣ у нея нѣтъ платьевъ? Вѣдь она же ходитъ въ платьяхъ... Ей осенью сдѣлали новое, заплатили тридцать пять рублей...

— Она сегодня ѣдетъ съ братомъ на университетскій вечеръ. Нельзя ѣхать туда въ коричневомъ платьѣ.

— Вотъ пустое... почему нельзя?.. Тамъ бываютъ бѣдныя курсистки, которыя не могутъ платить по сорокъ девять рублей за платье. Почему нельзя въ коричневомъ? По моему, даже неловко разодѣваться на вечеръ, гдѣ бываетъ небогатая учащаяся молодежь... Курсистки живутъ на десять рублей въ мѣсяцъ, а вы сорокъ девять рублей тратите на платье.

— Послушайте, Модестъ Петровичъ...—видимо сдерживая себя, сказала Ирина Васильевна.—Какое вы имѣете отношеніе къ курсисткамъ, которыя живутъ на десять рублей въ мѣсяцъ? Вѣдь все равно, если вы не заплатите портнихѣ, то эти деньги не отдадите бѣднымъ курсисткамъ, а положите ихъ въ банкъ... Но главное не это, а то, что я заказала платье съ вашего согласія и предупредила васъ, что его принесутъ сегодня. Я оставляю вамъ счетъ...

И она повернулась и вышла, услышавъ за собою возгласъ: «Безобразіе! Это прямо развратъ...»

Ирина Васильевна пошла въ гостинную, здѣсь уже была Людмила, коробка съ платьемъ и портниха.

— Чудесно вышло, чудесно! Такъ идетъ барышнѣ!—говорила портниха.—Это просто удача!

— Немного дорого, — замѣтила Ирина Васильевна, впрочемъ безъ всякаго убѣжденія.

Портниха начала многословно увѣрять, что страшно дешево и стала перечислять всѣ мелочи и цѣны на нихъ. Выходило, что она сдѣлала платье себѣ въ убытокъ.

— Хорошо, хорошо,—разсѣянно сказала Ирина Васильевна,— я только не знаю, приготовилъ ли мужъ деньги...

Портниха заявила, что ей сегодня очень нужны деньги, изъ-за этого она торопилась и отложила всѣ другія работы. И въ то время, какъ она въ этомъ увѣряла, изъ столовой послышались звуки шлепающихъ туфлей и на порогѣ появился Модестъ Петровичъ со счетомъ въ рукахъ. Ирина Васильевна взглянула на него и вдругъ лицо ея сдѣлалось строгимъ.

— Модестъ Петровичъ, прошу васъ, — внушительно промолвила она и Балясовъ, очевидно уже знавшій значеніе этого взгляда и этого обращенія, быстро поднялъ руку къ вороту рубахи и началъ торопливо застегивать его.

Ирина Васильевна тотчасъ же вышла въ сосѣднюю комнату, Людмила послѣдовала за ней. Это была небольшая комната, въ родѣ второй гостинной, дальше была спальня Ирины Васильевны, потомъ Людмилы. Но онѣ не пошли въ свои комнаты, а остались здѣсь и до нихъ не вполнѣ ясно долетали слова изъ разговора Модеста Петровича съ портнихой.

Это былъ странный разговоръ. Статскій совѣтникъ Балясовъ, какъ казалось, съ полнымъ знаніемъ дѣла разбиралъ всѣ мелочи счета портнихи.

— Мнѣ нисколько не жаль заплатить вамъ,—говорилъ онъ,— но я люблю платить только за то, за что слѣдуетъ. У васъ тутъ матерія стоитъ по рублю шестьдесятъ копѣекъ. Положимъ, это возможная цѣна, но вамъ, какъ портнихѣ, навѣрно сдѣлали уступку. Обыкновенно дѣлаютъ десять процентовъ скидки.

— Позвольте вамъ сказать,—скромно возражала портниха:— уступку, дѣйствительно, дѣлаютъ, но это ужъ, извините мой выигрышъ.

— Почему же выигрышъ? Вы должны брать только за вашъ трудъ. Вотъ вы поставили за фасонъ двѣнадцать рублей, довольно десять, я и заплачу вамъ десять, это вашъ заработокъ, это вашъ выигрышъ, если вамъ угодно, а другого выигрыша никакого не должно быть... Затѣмъ вотъ ленты. У васъ поставлено по сорокъ пять копѣекъ за аршинъ, но я знаю, что такія ленты стоятъ по тридцать пять копѣекъ.

Портниха возражала, онъ настаивалъ. Бесѣда ихъ была очень оживленная и кончилась тѣмъ, что вмѣсто сорока девяти рублей, онъ заплатилъ ей всего сорокъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. И она согласилась и подписала счетъ.

— Знаете, мадамъ Балясова, — говорила потомъ портниха

Иринѣ Васильевнѣ,—вашъ мужъ... съ нимъ очень трудно... ахъ, какъ трудно!.. Вотъ за сорокъ одинъ рубль согласилась... Это прямо въ убытокъ. Это же всякій понимаетъ, что прямо въ убытокъ.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказала Ирина Васильевна и прибавила ей тихо, какъ бы желая, чтобы не услышала Людмила:— остальное я вамъ пришлю...

— Слушай, мама, — сказала ей потомъ Людмила, и глаза ея при этомъ горѣли какимъ-то недобрымъ огнемъ, — если ему это такъ непріятно, я могу отказаться...

— Отъ чего?

— Отъ вечера и отъ платья.

— Платье уже сдѣлано, отъ него нельзя отказаться... А вообще ни отъ чего не слѣдуетъ отказываться, мой другъ, напротивъ, надо всегда добиваться во что бы то ни стало.

Въ восемь часовъ пришелъ Миша, совсѣмъ юный, только въ этомъ году испеченный студентъ, въ новомъ мундирѣ, которымъ онъ видимо гордился. Онъ забѣжалъ на минуту и поднялъ цѣлую исторію по поводу того, что Людмила не готова. Онъ былъ распорядителемъ и долженъ былъ сейчасъ же ѣхать за какой-то пѣвицей.

— Вотъ я и пріѣхалъ въ каретѣ и разсчитывалъ тебя по дорогѣ отвезти. Это ничего не стоило бы... А потомъ это будетъ уже неловко.

Въ этомъ замѣчаніи слышался какъ бы отголосокъ балясовской разсчетливости. Такимъ образомъ всегда выгадывалъ самъ Модестъ Петровичъ. Вѣчно его кто-нибудь подвозилъ, когда было по дорогѣ. Если товарищъ посылалъ поздравительную телеграмму имениннику или какому-нибудь юбиляру, онъ присоединялъ свое имя и платилъ за это пятачокъ.

Михаилъ, который и лицомъ былъ очень похожъ на отца, впиталъ въ себя эти свойства съ самыхъ малыхъ лѣтъ и сегодня совершенно серьезно разсчиталъ, что такимъ образомъ на каретѣ можно сдѣлать экономію.

— Когда же ты будешь готова? — спросилъ онъ рѣшительно.

— Часовъ въ десять, — отвѣтила Людмила.

— Ну, хорошо. Я сейчасъ съѣзжу за пѣвицей, потомъ мнѣ надо привести еще скрипачку, а затѣмъ я все-таки воспользуюсь каретой и заѣду за тобой.

И онъ умчался исполнять свои распорядительскія обязанности, которыя, видимо, его увлекали.

II.

Когда Людмила, при помощи горничной Саши, одѣвалась въ своей комнатѣ, послѣдней въ длинной анфиладѣ комнатъ казенной квартиры, вошла Ирина Васильевна.

— Знаешь, что я придумала,—промолвила она:—я съ тобой поѣду на этотъ вечеръ...

— Да?—съ легкимъ оттѣнкомъ удивленія спросила Людмила.— Такъ внезапно? Ты вѣдь не собиралась?

— Мнѣ вдругъ захотѣлось чего-нибудь шумнаго!—отвѣтила Ирина Васильевна.

Людмила промолчала. Она почти навѣрно знала, какія соображенія заставили ея мать принести эту жертву. Она давно уже не любила выѣзжать и ей не только никогда не хотѣлось «чего-нибудь шумнаго», но, напротивъ, нервы ея всегда болѣли отъ большого общества. И вотъ о чемъ, должно быть, она думала, когда послѣ обѣда полулежала на кушеткѣ и потомъ ходила по комнатѣ.

Ирина Васильевна вошла и осмотрѣла Людмилу. Платье блѣднорозоваго цвѣта, очень простое, сидѣло на ней прекрасно. Тонкія кружевца оттѣняли слегка открытыя плечи и шею. Все было дешевое, но какъ-то удачно сопоставленное, давало впечатлѣніе платья, стоющаго гораздо дороже.

— Въ самомъ дѣлѣ, это очень удачно!—сказала Ирина Васильевна.—Я вотъ одѣнусь и сдѣлаю тебѣ прическу.

Въ торжественныхъ случаяхъ она всегда сама дѣлала Людмилѣ прическу. Какъ-то, однажды, былъ призванъ для этого парикмахеръ, но такъ какъ ему пришлось заплатить пять рублей, то Балясовъ пришелъ въ ужасъ, назвалъ это развратомъ, объяснилъ, что на такія деньги въ деревнѣ цѣлая семья кормится въ теченіе мѣсяца, и отказался на будущее время платить. Это заставило Ирину Васильевну получше изучить парикмахерское искусство.

Ирина Васильевна одѣлась чрезвычайно быстро и минутъ черезъ десять уже явилась къ дочери. Для себя она не признавала никакихъ цвѣтовъ, кромѣ сѣраго въ разныхъ оттѣнкахъ, то розовомъ, то впадавшемъ слегка въ зелень, то въ сталь. Гардеробъ ея былъ до послѣдней возможности ограниченъ. За туалеты для Людмилы она, хотя и съ брезгливостью, но все же сражалась съ мужемъ, для себя же она никогда не просила и даже самъ Модестъ Петровичъ разъ въ годъ, въ началѣ зимняго сезона, считалъ своимъ долгомъ выдавать ей на это.

И теперь на ней было ея обычное сѣрое платье. Отличіемъ

отъ будничныхъ дней былъ только приставной воротникъ изъ дорогихъ кружевъ, въ пріобрѣтеніи которыхъ не участвовалъ Модестъ Петровичъ. Этотъ воротникъ достался ей отъ матери и бережно хранился.

Прическу она тоже измѣнила, слегка взбивъ свои черные волосы и допустивъ, чтобы они свѣшивались на лобъ и къ вискамъ.

Четверть часа ушло на прическу.

— Ты будешь сегодня очень хорошенькая, — сказала Ирина Васильевна, сдѣлавъ дочери окончательный осмотръ.

Въ это время въ передней раздался звонокъ, а черезъ минуту прибѣжала горничная и почему-то съ испуганнымъ лицомъ объявила, что пріѣхалъ Поршневъ. Испуганное выраженіе лица горничной, вѣроятно, было вызвано соображеніемъ, что Поршневъ помѣшаетъ барынямъ во́-время попасть на вечеръ.

— Мнѣ не зачѣмъ выходить къ нему,—сказала Людмила.

— Почему же? Ты вѣдь одѣта.

— Мнѣ не хочется.

Ирина Васильевна нахмурилась.

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, — промолвила она. — Онъ пойметъ, что, разъ мы собираемся на вечеръ, то не можемъ принимать его, но все же выйти нужно.

— Если ты хочешь... — отвѣтила Людмила и отвернула лицо отъ матери, видимо стараясь скрыть свое недовольство.

И опять Ирина Васильевна стала думать объ этой новой черточкѣ въ ея отношеніяхъ съ дочерью. Она не могла сказать съ достовѣрностью, когда это началось, но уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она явственно чувствуетъ это. Оно проявляется то въ видѣ неяснаго упрека, то въ видѣ неохотнаго исполненія того, что было обычно и къ чему давно слѣдовало привыкнуть.

Поршневъ былъ давній знакомый Балясовыхъ. Лѣтъ семь тому назадъ онъ появился въ ихъ домѣ просто въ качествѣ дѣлового человѣка, чего-то искавшаго въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ служилъ Модестъ Петровичъ.

Такихъ гостей много перебывало въ ихъ домѣ. Ирина Васильевна называла ихъ «метеорами». Между ними были болѣе блестящіе метеоры и совсѣмъ тусклые. Они ухаживали за Модестомъ Петровичемъ, привозили конфекты и даже игрушки дѣтямъ, а когда Людмила выросла, цвѣты, доставляли билеты на ложи въ театръ. Все это завершалось долгимъ и очень таинственнымъ разговоромъ съ Модестомъ Петровичемъ съ глазу на глазъ, при тщательно притворенныхъ дверяхъ въ его кабинетѣ.

Затѣмъ, очевидно, онъ оказывалъ въ своемъ вѣдомствѣ надлежащее «содѣйствіе», метеоръ получалъ удовлетвореніе и исчезалъ съ горизонта.

Въ качествѣ такого метеора явился и Поршневъ, но даже получивъ удовлетвореніе, не исчезъ, а сдѣлался ихъ постояннымъ знакомымъ, а въ послѣдніе годы, когда Людмила сдѣлалась взрослою дѣвушкою, знакомство это осложнилось кой-чѣмъ новымъ и важнымъ и Поршневъ сталъ бывать у нихъ чаще, чѣмъ просто добрый знакомый.

Поршневъ принадлежалъ къ людямъ, каждый шагъ которыхъ въ дѣловой области отмѣчается удачею. Когда-то онъ былъ товарищемъ Балясова по институту, гдѣ они вмѣстѣ обучались сельскохозяйственнымъ знаніямъ, но, едва начавъ курсъ, бросилъ и исчезъ. Такъ онъ и остался безъ диплома и по паспорту значился всего лишь «потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ». Средствъ личныхъ у него тогда не было никакихъ. И тѣмъ не менѣе онъ выплылъ на поверхность и теперь никто уже не сомнѣвался въ томъ, что это большой, очень большой корабль.

Когда онъ семь лѣтъ тому назадъ явился къ Балясову въ качествѣ искателя «содѣйствія» по какимъ-то лѣснымъ предпріятіямъ, у него было сотни двѣ тысячъ, а теперь, послѣ того, какъ онъ получилъ содѣйствіе, за нимъ считали около милліона. И содѣйствіе-то это было такого рода, что Модестъ Петровичъ имѣлъ полное основаніе считать себя одною изъ главныхъ пружинъ, такъ сильно выдвинувшихъ Поршнева.

Но насколько удачливъ былъ Поршневъ въ дѣлахъ, настолько же не везло ему въ домашней жизни. Женился онъ лѣтъ десять тому назадъ и всѣ эти десять лѣтъ были сплошнымъ рядомъ исторій, отъ которыхъ, какъ онъ самъ говорилъ, облысѣлъ его черепъ. Самъ онъ про жену свою разсказывалъ чудовищныя вещи, но другіе источники рисовали дѣло иначе. По нимъ причиною несогласія были нѣкоторые странные вкусы самого Поршнева. Впрочемъ, это лучше, чѣмъ кто другой, зналъ Балясовъ Модестъ Петровичъ, который отъ времени до времени проводилъ съ нимъ какіе-то таинственные вечера въ никому неизвѣстныхъ мѣстахъ.

Для Ирины Васильевны и Людмилы эта сторона личности Поршнева была темна, однако-жъ, не настолько, чтобъ онъ хоть на минуту внушалъ имъ уваженіе. И тѣмъ не менѣе частые визиты его встрѣчались любезно, и на этотъ разъ Ирина Васильевна, выйдя къ нему, сочла своимъ долгомъ начать съ извиненія, что онѣ уѣзжаютъ.

Наружность у Поршнева была могучая: высокій ростъ, богатырская спина, цвѣтущее лицо, хотя нѣсколько ожирѣвшее и носившее на себѣ слѣды частыхъ кутежей. Натура у него была крѣпкая: несмотря на то, что онъ былъ года на три старше Балясова, Модестъ Петровичъ рядомъ съ нимъ казался старикомъ.

— Куда же это вы?—спросилъ Поршневъ, чрезвычайно разочарованный сообщеніемъ Ирины Васильевны.

— Сегодня университетскій вечеръ. Людмила не бывала на такихъ вечерахъ, ей хочется посмотрѣть.

— Скучно, скучно, увѣряю васъ—скучно, Людмила Модестовна,—сказалъ Поршневъ.—Давка, пыль и безалаберщина.,.

— Я хочу видѣть пыль и безалаберщину. Я люблю видѣть все,—отвѣтила Людмила.

— Но въ такомъ случаѣ, почему бы вамъ не взять съ собою меня?—предложилъ Поршневъ.

— Но это будетъ то же, что здѣсь. Изъ-за вашей спины я ничего не увижу,—отвѣтила Людмила.

— А... въ такомъ случаѣ мнѣ остается стушеваться.

Но онъ не стушевался: вышелъ Модестъ Петровичъ, однако, не въ томъ видѣ, какъ онъ выходилъ къ портнихѣ, а одѣвшійся вполнѣ прилично, и увелъ его къ себѣ. Пріѣхалъ Михаилъ и увезъ дамъ на вечеръ въ распорядительской каретѣ.

Залъ дворянскаго собранія былъ уже биткомъ набитъ. Они пріѣхали часовъ въ одиннадцать, когда еще тянулся концертъ. Среди духоты, въ воздухѣ, наполненномъ парами отъ дыханія тысячи грудей, раздавался женскій голосъ. Какая-то извѣстность читала стихи. Въ это время Балясовы вошли въ залъ и съ трудомъ, при помощи распорядительскихъ усилій Михаила, протискиваясь сквозь толпу, заняли мѣста, которыя Михаилъ предупредительно оставилъ для нихъ.

Людмила, дѣйствительно, ни разу не была еще на такомъ вечерѣ. Несмотря на свои девятнадцать лѣтъ, несмотря на то, что со школьной скамьей она разсталась три года назадъ, и на то, что въ четырнадцать лѣтъ по своему сложенію имѣла видъ уже взрослой дѣвушки, несмотря на то, что Ирина Васильевна, согласно съ своими принципами воспитанія, старалась показывать ей жизнь во всевозможныхъ видахъ, никогда не являлось у ней мысли повезти дочь на такой вечеръ.

Въ домѣ Балясовыхъ бывали студенты—теперь товарищи Михаила, а раньше просто знакомые, и каждый годъ они предлагали свезти Людмилу на одинъ изъ студенческихъ вечеровъ, но Ирина Васильевна отклоняла и какъ-то безапелляціонно. Когда ей приводили доказательства въ пользу, она не возражала, какъ будто признавая ихъ, и тѣмъ не менѣе стояла на своемъ.

Когда объ этомъ поднимала вопросъ сама Людмила, она говорила, что это еще успѣется, что такихъ вечеровъ бываетъ каждый годъ множество и что всѣ они походятъ другъ на друга, какъ близнецы. Возраженія ея были несущественны и скорѣе казалось, что у нея противъ этихъ вечеровъ есть что-то такое, чего она не высказываетъ.

Но въ этомъ году Михаилъ сдѣлался студентомъ и это, въ

сущности, не важное обстоятельство какъ будто разрушило до сихъ поръ непобѣдимое препятствіе. Она и теперь до послѣдняго момента скептически относилась къ поѣздкѣ Людмилы на вечеръ, тѣмъ не менѣе не препятствовала, а въ послѣднюю минуту даже рѣшила ѣхать сама.

Попавъ на свои мѣста, гдѣ-то въ десятомъ ряду, онѣ совершенно затерялись въ публикѣ. Вниманіе всѣхъ было сосредоточено на эстрадѣ, куда были устремлены всѣ глаза и уши. Тамъ читали, пѣли, играли на скрипкѣ, на рояли, гудѣлъ хоръ, а залъ отъ времени до времени оглашался апплодисментами.

Во всемъ этомъ для Людмилы не было ничего новаго. Она перебывала съ матерью на всевозможныхъ концертахъ, посѣщала театры, жизнь ея далеко не была затворническою. Ей, пожалуй, не приходилось видѣть такъ густо набитаго народомъ зала, такой большой толпы, испытывать такую духоту и такія неудобства.

Но тѣмъ не менѣе, какъ только она сѣла на свое мѣсто и обвела взоромъ всю картину, у нея явилось странное, еще не испытанное ощущеніе чего-то новаго. Во всемъ этомъ было нѣчто, чего не находила она въ другихъ зрѣлищахъ. Было какое-то особенное настроеніе, котораго она не умѣла назвать.

Всюду она чувствовала себя простымъ зрителемъ, который присутствовалъ при чемъ-то постороннемъ, устроенномъ для его развлеченія. И рѣшительно ко всѣмъ такимъ развлеченіямъ она научилась относиться критически, какъ строгій судья.

А тутъ ее обхватила какая-то общность со всѣмъ заломъ, точно она вмѣстѣ со всѣми другими принимаетъ участіе въ совершающемся. И это было такъ ново и непонятно, что она въ первое время смутно воспринимала все, что дѣлалось на эстрадѣ. Да и не это интересовало ее. Какая-то сплоченность чувствовалась въ этой толпѣ. Сидѣвшіе въ креслахъ партера, выглядывавшіе изъ-за колоннъ съ боковыхъ мѣстъ, стоявшіе при входѣ, наполнявшіе всѣ проходы и корридоры, всѣ, казалось, одинаково чувствовали и мыслили. Таково было ощущеніе.

Но она скоро освоилась и это прошло. Уже къ концу концерта она научилась и смотрѣть и слушать и теперь у нея было одно любопытство.

Послѣ концерта публика встала и потянулась въ фойе и буфетъ, а въ залѣ убирали кресла и очищали воздухъ. Михаилъ былъ страшно занятъ своимъ распорядительствомъ и только одинъ разъ подбѣжалъ къ нимъ, а потомъ его нельзя было разыскать. Они не встрѣтили ни души знакомыхъ.

— Видишь, я говорила, что будетъ скучно!—сказала Ирина Васильевна.

— Но, мама, надо испытать и скучное,—возразила Людмила,—

притомъ же въ этомъ скучномъ есть что-то своеобразное. Ты не находишь?

— Да, можетъ быть!.. Но я его не люблю...

— Что?

— Да вотъ именно это—своеобразное.

— За что ты не любишь?

— За многое... О, за очень многое...

И лицо Ирины Васильевны сдѣлалось печальнымъ. Въ глазахъ появилось то выраженіе, какое бывало у нея всегда, когда рѣчь касалась прошедшихъ лѣтъ.

Тамъ, въ глубинѣ прошлаго, было что-то, сыгравшее въ ея жизни важную роль, и оно осталось главнымъ навсегда.

Бываютъ въ жизни людей такія событія, которыя давно уже прошли, закончились и навѣрно никогда не вернутся, а между тѣмъ они кладутъ свою окраску на всю остальную жизнь, хотя бы эта жизнь сложилась, какъ кажется, не по нимъ и даже противъ нихъ. Такія событія были въ жизни Ирины Васильевны.

Людмила знала объ этомъ кой-что, но слишкомъ мало и ничего навѣрное. Она узнавала изъ намековъ, изъ случайно долетавшихъ до ея уха полуфразъ и это только тревожило ее, но ничего не разъясняло. Она могла узнать это только отъ матери. И если бы она прямо спросила ее, то Ирина Васильевна прямо и отвѣтила бы. Между ними ни въ чемъ не было тайны. Но именно то, что этотъ вопросъ разбередилъ бы какія-то раны и то, что она сама никогда не пыталась коснуться его, удерживало Людмилу.

Она твердо знала только одно: что Модестъ Петровичъ не отецъ ей, что былъ, а можетъ быть и есть на свѣтѣ кто-то, кто былъ ея отцомъ. Но себя она не помнитъ иначе, какъ въ семьѣ, которая состояла изъ мужа, Модеста Петровича Балясова, и жены, Ирины Васильевны. Никто посторонній не врывался въ эту семью и не требовалъ своихъ правъ.

Но какъ это было, когда и при какихъ условіяхъ, этого Людмила не знала. По временамъ, когда Модестъ Петровичъ слишкомъ уже проявлялъ свою личность, она въ глубинѣ души ощущала радость при мысли, что онъ ей не отецъ; и радость эта поддерживалась тѣмъ презрѣніемъ къ нему, которое она видѣла въ глазахъ матери, но больше этого она ничего не знала о своемъ происхожденіи.

Толпа давно уже влекла ихъ за собою и они прошли нѣсколько комнатъ. Потомъ ихъ точно волною выбросило въ обширный залъ, гдѣ было нѣсколько свободнѣе.

Здѣсь, вдоль стѣнъ, тянулись буфеты съ закусками и чайною посудою. За столиками пили чай, ѣли бутерброды и пирожки. За буфетами суетились студенты въ разныхъ мундирахъ и молодыя

дѣвушки съ распорядительскими бантиками на груди. Они нарѣзали хлѣбъ, колбасу, сыръ, наливали чай и даже подавали все это къ столикамъ и все это дѣлалось необыкновенно весело, съ громкимъ смѣхомъ, не какъ работа, а какъ развлеченіе или какъ игра.

— Вотъ имъ весело!—сказала Людмила.

— Да, пока...—какъ-то загадочно произнесла Ирина Васильевна.

Онѣ дошли уже до конца зала и повернули обратно, когда имъ пересѣкли дорогу два студента и остановились передъ ними. Одинъ изъ нихъ былъ ихъ знакомый. Онъ пріѣхалъ изъ уѣзднаго города, гдѣ родился Модестъ Петровичъ Балясовъ и сначала сезона посѣщалъ ихъ домъ.

Небольшого роста, смуглый, худощавый, болѣзненный, онъ держался всегда тихо, скромно, молчаливо. У него были симпатичныя грустныя глаза, благодаря которымъ онъ производилъ пріятное впечатлѣніе и привлекалъ къ себѣ. Но что онъ былъ за человѣкъ, что у него было въ душѣ, какія мысли наполняли его голову, никто не зналъ. Фамилія его была Чекаловъ. Здѣсь они встрѣтились съ нимъ случайно и онъ тотчасъ узналъ ихъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—Я не зналъ, что вы здѣсь...

— А, Чекаловъ,—промолвила Ирина Васильевна.—Вы не распорядитель?

— Нѣтъ, куда мнѣ...

— Значитъ свободны и можете немножко заняться нами?..

— Съ удовольствіемъ; если хотите чаю, я вамъ достану... Вотъ кстати и столикъ.

И говоря это, онъ какъ будто забылъ о томъ, что держитъ подъ руку товарища, который стоялъ передъ ними и, повидимому, чувствовалъ себя неловко.

Между тѣмъ, самъ этотъ товарищъ по внѣшности представлялъ не совсѣмъ обычную фигуру и Балясовы сразу обратили на него вниманіе.

Высокій, сухощавый, съ рѣзкими чертами лица, онъ далеко не казался такимъ молодымъ, какъ Чекаловъ, да и по сравненію съ другими товарищами онъ смотрѣлъ старше. И не столько возрастъ отличалъ его, сколько выраженіе лица человѣка, кой-что испытавшаго и о многомъ думавшаго.

Но это не было старчество, въ лицѣ этомъ не было слѣдовъ преждевременной зрѣлости, излишествъ, словомъ, лицо его не походило на истасканныя лица молодыхъ кутилъ. Совершенно бритое, оно съ перваго взгляда походило на лицо актера на первыя роли и ростъ его и вся осанка его годились для этого. Недлинные свѣтлые волосы на его головѣ торчали густымъ ежемъ и открывали довольно большой выпуклый и какой-то упорный лобъ. Сѣрые глаза его смотрѣли сквозь бѣлыя стекла золотыхъ очковъ.

Но мундиръ свидѣтельствовалъ, что онъ былъ студентъ, въ этомъ не возникало сомнѣнія.

— Представь меня,—сказалъ онъ, наконецъ, Чекалову, когда тотъ, забывъ о немъ, притащилъ его вмѣстѣ съ дамами къ круглому столику...

— Ахъ, да... Позвольте вамъ представить, Ирина Васильевна... Мой товарищъ, Крученинов.

И такъ какъ Чекаловъ сейчасъ же побѣжалъ къ буфету хлопотать о чаѣ, то дамы остались съ новымъ знакомымъ.

Чекалову, очевидно, не легко доставался чай, онъ добывалъ его минутъ десять; въ это время дамы успѣли поверхностно ознакомиться съ его товарищемъ. Крученинов отыскалъ имъ стулья, которыя здѣсь брались съ бою, и усадилъ ихъ, а самъ стоялъ передъ ними и этимъ давалъ имъ возможность вполнѣ разсмотрѣть его.

— Вы товарищъ съ Чекаловымъ по факультету?—спросила его Ирина Васильевна.

— Да, и по курсу,

— Но вы кажетесь гораздо старше его.

— Это такъ и есть. Я думаю, лѣтъ на восемь, а то и на всѣ десять.

— Отчего же такая разница? Вы такъ поздно кончили гимназію?

— Ахъ, нѣтъ. Я кончилъ ее очень рано, семнадцати лѣтъ. Но я, вѣдь, уже третій факультетъ продѣлываю.

— А, значитъ вы очень ученый?

— Нѣтъ, не очень, да я и не хочу быть ученымъ.

— Но для чего-нибудь же вы это дѣлаете... Чего-нибудь вы ищете?..

— Конечно, хотя уже почти убѣдился, что не найду..

— И все-таки продолжаете?

— Теперь ужъ у меня вошло въ привычку быть студентомъ, ходить въ университетъ, имѣть товарищей... И я боюсь, что на мою жизнь—я вѣдь очень здоровъ—не хватитъ факультетовъ.

— Вы думаете такъ долго учиться?

— Да знаете, когда не можешь рѣшить самыхъ простыхъ жизненныхъ вопросовъ, то какъ-то приличнѣе быть ученикомъ... Такое чувство: я ничего не разрѣшилъ, но, вѣдь, я только учусь... когда выучусь, разрѣшу...

Въ это время Чекаловъ добылъ и принесъ имъ чай, и разговоръ измѣнилъ направленіе.

Людмила, не принимавшая участія въ разговорѣ, но внимательно и не безъ нѣкотораго волненія прислушивавшаяся, а главное присматривавшаяся къ лицу Крученинова, нашла его инте-

реснымъ. Въ немъ было что-то въ высшей степени увѣренное и спокойное. Отвѣчая на вопросы, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза и лицо его было серьезно даже тогда, когда онъ говорилъ пустяки. Если же онъ шутилъ, то смѣялся громко и открыто и что-то необыкновенно веселое и радостное было въ этомъ смѣхѣ. Въ этомъ человѣкѣ была цѣльность и, какъ подумала Людмила, какая-то «отточенность».

Въ залѣ уже заиграла музыка, часть публики направилась туда и въ буфетѣ осталось немного народу. Прибѣжалъ Михаилъ и пригласилъ ихъ въ залъ. Онъ былъ знакомъ съ Крученниновымъ, но немного —

— Вы танцуете?—спросилъ Крученниновъ Людмилу, которая до сихъ поръ не показала ему своего голоса.

— Немного,—отвѣтила она.

— Я тоже немного,—можетъ быть, это кстати?..

— Хорошо, такъ потанцуемъ немного!—съ улыбкой произнесла Людмила.

И когда они вошли въ залъ, Крученниновъ тотчасъ же предложилъ ей руку; они вдвоемъ спустились внизъ, а Ирина Васильевна съ Чекаловымъ остались за колоннами.

III.

Музыка играла вальсъ. Они сдѣлали нѣсколько туровъ, но Людмила сейчасъ же почувствовала, что Крученниновъ плохо владѣетъ темпомъ, и дѣйствительно среди множества вертѣвшихся паръ ихъ скоро сбили и они должны были остановиться и искать выхода. Крученниновъ взялъ ее за руку и вывелъ въ ту сторону, гдѣ была эстрада.

— Это очень трудно,—сказалъ онъ:—простое дѣло—самое трудное дѣло... неправда ли?

— Не знаю,—отвѣтила Людмила.—Я еще въ своей жизни не сдѣлала ни одного дѣла ни простого, ни сложнаго.

— Вы хотите туда, къ вашей мамѣ?—спросилъ онъ, остановившись на полъ-пути. И этотъ простой вопросъ затруднилъ ее.

Странное чувство: она была очень привязана къ своей матери. Между ними съ давнихъ поръ установилась рѣдкаго качества близость. Ни одного шага не дѣлала она, не посовѣтовавшись съ матерью, всегда онѣ были вмѣстѣ и всѣ интересы ихъ были общіе и никогда Людмилѣ не приходило въ голову, что это можетъ тяготить ее.

И вотъ вдругъ у нея явилось совершенно неизвѣстное ей чувство, какъ будто ей было бы пріятно побыть нѣкоторое время, хоть нѣсколько минутъ, внѣ взоровъ Ирины Васильевны. Этотъ

человѣкъ, который велъ ее подъ руку, былъ совсѣмъ чужой для нея и новый и тѣмъ не менѣе она ради этого одного не прочь была побыть съ нимъ.

— Пройдемтесь немного,—сказала она.—Мама навѣрное занята разговоромъ съ Чекаловымъ.

— Ну, Чекалова еще надо разговорить. Для этого требуется много усилій.

— А въ самомъ дѣлѣ, онъ всегда молчитъ.

— Нѣтъ, не всегда. Онъ даже краснорѣчивъ. Но для этого требуется, чтобы онъ былъ въ обществѣ людей, которыхъ онъ совсѣмъ не стѣсняется.

— Кажется, онъ у насъ не стѣсняется. Онъ давно знакомъ съ отцомъ.

— Да... Потому-то онъ и стѣсняется... Впрочемъ,—прибавилъ Крученинов, какъ бы извиняясь, можетъ быть, я не долженъ бы говорить объ этомъ...

— Я, право, не знаю, должны или нѣтъ: я думаю, что для этого нѣтъ правилъ,—промолвила Людмила

— Правилъ нѣтъ, но могутъ быть соображенія...

— Такъ соображайте,—полушутя замѣтила она.

— Трудно соображать, когда не знаешь еще, до какой степени человѣкъ, съ которымъ ты говоришь, освѣдомленъ относительно...

Онъ остановился, а Людмила повернула къ нему лицо и съ выжиданіемъ смотрѣла на него.

— Что же вы не кончаете?

— Относительно своего собственнаго положенія,—докончилъ Крученинов.

— А вы о немъ много освѣдомлены?—спросила она съ тѣмъ выраженіемъ скептицизма и недовѣрія, которое отъ долговременнаго постояннаго общенія прямо перешло къ ней отъ Ирины Васильевны.

— Да, очень много,—отвѣтилъ Крученинов.

— Такъ что, когда вы встрѣтили насъ сегодня, мы для васъ не были новостью?

— Не были. И я прибавлю, что мнѣ давно хотѣлось встрѣтиться съ вами.

— Почему же?

— Такъ. Мнѣ надо многое провѣрить... Видите ли, меня интересуютъ люди... Я вотъ на третьемъ факультетѣ учусь, множество наукъ перепробовалъ и во многія изъ нихъ углублялся, а все же, въ концѣ концовъ прихожу къ заключенію, что единственная дѣйствительно интересная—наука человѣкъ... А ваша семья, вы меня извините, если я это скажу, мнѣ кажется, что ваша семья представляетъ собой необычную комбинацію...

— Вы знаете ее со словъ Чекалова?

— Отчасти. Но у меня есть и другой источникъ...

— Вы говорите такъ, какъ будто задались цѣлью заинтриговать меня...

— А почему вы думаете, что я не задался этой цѣлью? Да, именно задался.

— Въ такомъ случаѣ почему же вы не познакомились съ нами раньше? Вы могли это сдѣлать черезъ Чекалова. Мой отецъ охотно принимаетъ у себя студентовъ.

— Да, я это знаю... но къ нему неохотно идутъ... Впрочемъ. нѣтъ, не то: къ нему идутъ, но у него неохотно остаются... А вотъ ваша мама. Кажется, въ самомъ дѣлѣ Чекаловъ разговорился. Посмотрите, какъ онъ жестикулируетъ.

Они, дѣйствительно, очутились близко около Ирины Васильевны и Чекалова. Тѣ ихъ не видѣли.

Людмила взглянула на нихъ и просто не узнала Чекалова, до такой степени увлеченіе разговоромъ измѣнило его лицо. Невзрачный, блѣдный, несуразный, онъ теперь казался какимъ-то обновленнымъ. Глаза его блестѣли, на щекахъ появился румянецъ, самъ онъ выпрямился и сталъ отъ этого выше. Они подошли и остановились.

— Это не такъ... нѣтъ, нѣтъ, это не такъ,— съ горячностью говорилъ Чекаловъ. — Можетъ быть, потомъ многіе или даже всѣ—ну, пусть всѣ—потомъ изгадятся и сдѣлаются негодяями, а теперь они искренни... Теперь мы всѣ искренни и всѣ увѣрены, что такими и останемся... Можетъ быть, не останемся—говорятъ, что жизнь изгаживаетъ людей,—но мы этого не знаемъ...

Ирина Васильевна слушала его съ снисходительной, но въ то же время недовѣрчивой усмѣшкой, а Людмила спрашивала себя: «почему Чекаловъ вдругъ заговорилъ? у насъ онъ всегда упорно молчитъ». И она подошла близко къ нимъ.

— Оказывается, что Чекаловъ умѣетъ говорить,—съ улыбкой сказала Ирина Васильевна, — только мы съ нимъ расходимся въ мнѣніяхъ...

— Если бы я думалъ такъ, какъ вы, то я долженъ былъ бы сейчасъ пойти и броситься въ Неву, — съ прежней горячностью заявилъ Чекаловъ.—И не я одинъ, а половина присутствующихъ здѣсь.

— Ты, надѣюсь, сдѣлалъ для меня исключеніе, — замѣтилъ Крученниновъ.—Я не знаю такого случая, когда я долженъ былъ бы броситься въ Неву... По моему, человѣкъ долженъ жить во что бы то ни стало.

— Почему вы такъ думаете?—спросила Ирина Васильевна:— значитъ вы не допускаете такихъ положеній, когда жить нельзя?..

— Допускаю только одно:—когда жить нельзя, то наступаетъ естественная смерть...

— А иначе нѣтъ?

— Иначе нѣтъ, не допускаю. Я пробылъ четыре года на естественномъ факультетѣ, я тщательно изучилъ человѣческій организмъ. И я нахожу, что природа затратила неимовѣрныя усилія и ухищренія, чтобы сдѣлать этотъ организмъ такимъ сложнымъ и такимъ совершеннымъ. Она работала надъ этимъ десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ лѣтъ, медленно, постепенно, терпѣливо. Такъ неужели справедливо, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, взять да однимъ движеніемъ и разрушить этотъ организмъ?

— Такъ по вашему, человѣкъ не имѣетъ права распорядиться своей жизнью?

— Ни въ какомъ случаѣ. Хозяинъ жизни не онъ, а природа. Она неустанно работаетъ и мы живемъ, когда она пасуетъ, жизнь кончается. Когда же мы насильственно прерываемъ жизнь, мы обкрадываемъ природу... Такъ я думаю, но не выдаю это за непреложную истину потому, что истины никто не нашелъ, ее еще только ищутъ...

Людмила смутно слышала то, что говорилъ Крученинов... задумчиво смотрѣла на танцующихъ и едва ли видѣла ихъ. Голова ея была полна вопросовъ, которые какъ-то сами собой родились послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса.

Странныя недосказанныя рѣчи Крученинова тамъ, когда они были по ту сторону залы, точно спугнули въ ее головѣ рой мыслей, спавшихъ до сихъ поръ такъ крѣпко, что она даже не знала объ ихъ существованіи. Уже одно то, что онъ прямо говорилъ о ея отцѣ, встрѣтившись съ нею въ первый разъ, показывало, что ему, можетъ быть, о ея происхожденіи извѣстно больше, чѣмъ ей самой. Иначе не сталъ бы онъ говорить такимъ образомъ съ нею о Модестѣ Петровичѣ.

Потомъ эти намеки на то, что къ Балясовымъ будто бы неохотно идутъ студенты. У нихъ дѣйствительно бываютъ все разные. Придетъ разъ-другой и перестанетъ ходить. Даже товарищи Михаила постоянно какъ бы чередовались.

Но самое главное, это — упоминаніе о какомъ-то источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свѣдѣнія объ ихъ семьѣ, которая «представляетъ собой необычную комбинацію»...

Людмила не могла опредѣлить, почему этотъ источникъ такъ заинтриговалъ ее, но ей въ этомъ чувствовалось, что-то такое, что близко ея касалось.

И ей захотѣлось опять, хоть на нѣсколько минутъ отдалиться съ Крученниновымъ отъ Ирины Васильевны. Она и не думала до-

пытываться у него о значеніи тѣхъ намековъ, которые взбудоражили ея душу. Она только хотѣла хоть немного познакомиться съ его личностью.

— Мы почти совсѣмъ не танцовали, мама,—сказала она Иринѣ Васильевнѣ.

— Я видѣла. Я думаю, это и невозможно,—такая толкотня..

— При настойчивомъ желаніи все возможно,—сказала Людмила:—вѣдь танцуютъ же...

— А тебѣ хочется?

— Я не прочь...

— Вы позволите мнѣ устроить мѣсто для кадрили? — преду предительно спросилъ Крученинов.

— Если мама ничего не имѣетъ противъ.

— Ровно ничего. Меня только удивляетъ твое желаніе топтаться на мѣстѣ.

Крученинов послѣдняго замѣчанія не слышалъ. Онъ тотчасъ же пошелъ устраивать кадриль, которая была на очереди.

— Крученинов вашъ другъ?—спросила Людмила у Чекалова.

— Я считалъ бы себя счастливымъ, если бы имѣлъ такого друга,—отвѣтилъ Чекаловъ.—Онъ очень хорошо относится ко мнѣ, но онъ гораздо выше меня.

— Что же онъ такъ уменъ или ученъ? — съ своей скептической улыбкой спросила Ирина Васильевна.

— Онъ довольно уменъ, ученость же его, кажется, небольшая... Человѣкъ, интересующійся всѣмъ, не можетъ быть ученымъ. Но онъ—мыслящій—это большая рѣдкость. А кстати,—прибавилъ Чекаловъ,—вы знаете, почему онъ такъ убѣжденно говоритъ противъ самоубійства? это—цѣлая исторія. Когда онъ былъ еще на второмъ курсѣ филологическаго факультета — это его первый факультетъ — съ нимъ произошло что-то, хорошо я не знаю, какая-то непріятность, не то оскорбленіе, но положеніе было такое, что онъ готовъ былъ застрѣлиться. И онъ сказалъ себѣ тогда: жизнь слишкомъ серьезная вещь, я не знаю, имѣю ли я право пресѣчь ее. Надо сперва рѣшить этотъ вопросъ. И онъ кончилъ филологическій и поступилъ на естественный, теперь вотъ на юридическомъ, и все старался разрѣшить этотъ вопросъ и вотъ, кажется, разрѣшилъ уже, потому что говоритъ съ убѣжденіемъ.

— Должно, быть у него есть средства, если онъ можетъ такъ долго учиться,—спросила Ирина Васильевна.

— Очень небольшія, рублей шестьсотъ или семьсотъ въ годъ, но онъ живетъ по-спартански...

Въ это время вернулся Крученинов и сейчасъ же предложилъ руку Людмилѣ.

— Пойдемте, сейчасъ начнется кадриль.

Людмила кивнула головой матери и ушла съ нимъ. Кадриль ее не интересовала. Она не любила танцевъ, которые казались ей глупымъ занятіемъ, и нисколько не развлекали ее. Но она боялась упустить случай больше поговорить съ заинтриговавшимъ ее человѣкомъ.

И когда танцующіе стали только на свои мѣста и кадриль еще не началась, она уже обратилась къ своему кавалеру съ вопросомъ.

— И такъ, почему же вы думаете, что у насъ остаются неохотно?

— Я этого не сказалъ,—отвѣтилъ Крученинов.—Я не сказалъ *у васъ*, а у вашего отца.

Этотъ отвѣтъ заставилъ Людмилу еще внимательнѣе отнестись къ нему. Значитъ, онъ знаетъ самое главное въ ихъ семьѣ, глубоко раздѣлявшее ихъ семью на двѣ части, съ одной стороны отецъ и съ другой—она съ матерью.

— Почему же неохотно остаются у отца?—спросила Людмила и въ голосѣ ея слышна была настойчивость.

— О, это слишкомъ длинная исторія, которую за танцами не разскажешь... она началась въ семидесятыхъ годахъ и не кончилась еще въ наше время...

— Не кончилась?

— Разумѣется, нѣтъ, потому что какъ разъ въ это время вы начинаете вашу жизнь, которая тѣсно связана съ ихъ жизнью.

Грянула музыка, раздалась команда дирижера и они начали кадриль.

Людмила танцовала механически... Щеки ея раскраснѣлись, въ глазахъ выражались безпокойство и досада и отъ внутренняго волненія она кусала губы.

Она досадовала и на эту музыку и на эту толпу, которой зачѣмъ-то надо вертѣться и кружиться на мѣстѣ, на своего новаго знакомаго, который своими рѣчами такъ затягивалъ ее въ какое-то неизвѣстное и опасное мѣсто и—чего еще никогда съ нею не бывало—на мать, которая издали слѣдила за ними, не спуская съ нихъ глазъ.

— Такъ вы ничего мнѣ и не скажете?—блеснувъ своими холодными красивыми глазами, промолвила Людмила, когда они кончили первую фигуру кадрили, пока ее продѣлывали другія пары.

— Развѣ можно при такихъ условіяхъ?—спросилъ Крученинов.

— Можно, можно...—съ какой-то повелительной настойчивостью сказала Людмила и онъ, очевидно не ожидавшій такого сильнаго

тона отъ нея, которая до сихъ поръ казалась ему пассивной, — съ величайшимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, нельзя, — также твердо отвѣтилъ онъ. — Это заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ то, какое мы можемъ оказать ему здѣсь. Вы на меня досадуете, я это вижу, я кажусь вамъ похожимъ на интригана, который старается заинтересовать... Но я совсѣмъ не то, чѣмъ кажусь... Нашъ разговоръ не случаенъ.. Я искалъ встрѣчи съ вами и это нужно для васъ...

— Зачѣмъ же вы хотите, чтобъ я замучилась?

— Но я надѣюсь, что вы найдете возможность продолжить нашъ разговоръ при лучшихъ условіяхъ.

— Если вы знаете такъ много о нашей семьѣ, то должны знать, что это почти невозможно... Мать не отпускаетъ меня отъ себя, а я слишкомъ, слишкомъ дорожу ея спокойствіемъ, чтобы пойти на перекоръ...

— Это надо сдѣлать, потому что иначе ваша жизнь будетъ одностороння и несправедлива... Вы къ этому идете. Посмотрите, ваша мама съ Чекаловымъ подошла къ намъ, она стоитъ за вашей спиной.

Людмила обернулась и лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Ириной Васильевной, которая пытливо смотрѣла на нее.

— У тебя странное выраженіе глазъ, — сказала Ирина Васильевна. — Неужели танцы такъ тебя волнуютъ? Ты никогда не любила ихъ.

— А сегодня они меня... интересуютъ — сказала Людмила и начала вторую фигуру.

Разговоръ ея съ Крученинoвымъ не могъ продолжаться. Ирина Васильевна уже не отходила отъ нихъ, пока не кончилась кадриль.

Былъ уже второй часъ ночи. Толпа въ залѣ еще больше потустѣла. Многіе, не попавшіе на концертъ, пришли теперь спеціально, чтобы танцовать. Людмила раскраснѣлась отъ движенія и духоты.

— Можетъ быть, намъ пора домой?—спросила Ирина Васильевна, когда музыка перестала играть и всѣ отдыхали отъ танцевъ.

Людмила вздрогнула. Привыкнувъ слѣдить за собой и владѣть собой, она сейчасъ же поймала себя на этомъ: она испугалась предложенія матери.

— Еще такъ рано,—возразила она.—Теперь только начинается оживленіе... Неужели ты устала?

— Ну, да если бы я устала, это было бы не важно,—съ улыбкой замѣтила Ирина Васильевна,—если тебѣ не скучно, то и не будемъ торопиться.

— А-а! вотъ гдѣ вы!—вдругъ раздался вблизи отъ нихъ гром-

кій, густой, нѣсколько хриплый голосъ. Ирина Васильевна и Людмила разомъ обернулись.

Къ нимъ двигалась, борясь съ противоположнымъ теченіемъ, громоздкая фигура Поршнева. Людмила нахмурила брови и лицо ея сдѣлалось сумрачнымъ. Ирина Васильевна тоже не выразила замѣтнаго удовольствія, но все же на лицѣ ея появилась любезная улыбка. Поршневъ протянулъ ей руку, а затѣмъ и Людмилѣ.

— Вы, кажется, не разсчитывали быть здѣсь,—сказала ему Людмила и ей трудно было скрыть свое разочарованіе, хотя она, желая угодить матери, и старалась объ этомъ.

— Я сюрпризомъ.. Я, знаете, сидѣлъ съ Модестомъ, сидѣлъ, и вдругъ мнѣ пришло въ голову: да кто же тамъ позаботится объ ужинѣ для нихъ?

— Мы не собираемся ужинать,—попрежнему недружелюбно сказала Людмила

— Это правда, видимо смягчая ея тонъ,—промолвила Ирина Васильевна,—мы не собирались, но такъ какъ, повидимому, намъ предстоитъ здѣсь оставаться долго, то это, вѣроятно, не помѣшаетъ...

— Ну, вотъ видите, до чего я проникнутъ вами—я чувствую даже вашъ аппетитъ...

— Какая красивая венгерка!..—съ не особенно естественнымъ восхищеніемъ воскликнула Людмила:—мнѣ вдругъ захотѣлось танцовать венгерку.

— Въ какомъ ты сегодня плясовомъ настроеніи!—почти съ упрекомъ произнесла Ирина Васильевна.

— Это со мной бываетъ такъ рѣдко, мама.

— Такъ пойдемте?..—спросилъ Крученниновъ и предложилъ ей руку, которую она тотчасъ же взяла.

— Постойте, я васъ не познакомила,—остановила Ирина Васильевна: Поршневъ Владиміръ Ивановичъ, Крученниновъ.

— Мы немного... знаемъ другъ друга,—неувѣренно сказалъ Поршневъ и почему-то покраснѣлъ.

— Да... немного...—отозвался Крученниновъ и сейчасъ же сдѣлалъ движеніе, чтобы идти къ танцующимъ, а Людмила быстро пошла за нимъ.

— Вы знаете Поршнева?—съ глубокимъ изумленіемъ спросила она.—Я не хочу танцовать... Сдѣлаемте нѣсколько па и пройдемъ въ сторону...

— Съ этого и начнемъ,—промолвилъ Крученниновъ и они начали танцовать. Обойдя одинъ кругъ, они замѣшались въ толпѣ и вышли за колоннами. Тутъ они направились въ обходъ, выбравъ такую сторону, чтобы не встрѣтиться съ Ириной Васильевной.

«Какъ странно,—подумала про себя Людмила,—я сегодня бѣгаю отъ мамы, этого со мной еще никогда не бывало».

— Такъ вы знаете Поршнева! — повторила свой вопросъ Людмила.

— Да,—процитировалъ Крученинов, «мы немного знаемъ другъ друга». Не знаю какъ онъ меня, а я его знаю только съ дурной стороны.

— Вы странный человѣкъ. Вы знаете все, что до меня касается.

— И я вижу, что это доставляетъ вамъ большое огорченіе...

— Разумѣется,—взволнованнымъ голосомъ говорила Людмила, потому что вы обо всемъ начинаете и ничего не договариваете.

— Не могу же я говорить здѣсь... Не могу я открыть всему міру ваши тайны... Да и ваша мама—она видитъ насъ, кажется, сквозь стѣны... Слушайте, Людмила Модестовна... Я, дѣйствительно, случайно близко знаю то, что васъ очень касается... Я знаю, напримѣръ, что этотъ забрызганный грязью человѣкъ, съ которымъ меня только что познакомили, ищетъ васъ... Онъ настойчиво добивается васъ и у него есть шансы...

— У него нѣтъ шансовъ, если рѣчь идетъ обо мнѣ.

— Но, вѣдь, вы... Развѣ вы существуете, какъ личность, какъ воля? Вы тѣнь вашей матери, которая вынула изъ васъ вашу душу и на ея мѣсто вложила свою... Достаточно, чтобы онъ имѣлъ шансы у нея.

— Значитъ, вы думаете, что моя мать способна...

— Я ничего дурного не говорю про вашу мать... Я знаю ее гораздо больше, чѣмъ вы: я знаю ее со всѣмъ ея прошлымъ...

— Вы знаете это?

— Да, достовѣрно.

— Откуда?

— Изъ одного очень достовѣрнаго источника.

— Знаете ли что?—все съ болѣе усиливающимся волненіемъ говорила Людмила.—Знаете ли что вы сдѣлали со мной? Кажется, вы вынули изъ меня ту душу, которую вложила въ меня моя мать, и положили на ея мѣстѣ какую-то новую... Слушайте. если я найду способъ... Вы понимаете?

— Я понимаю,—то я буду къ вашимъ услугамъ во всякое время.

— Какъ я найду васъ?

— Чекаловъ укажетъ.

— Я не хочу Чекалова... Никакихъ посредниковъ.

— Тогда въ университетъ. Если я скажу вамъ квартиру, вы забудете. Просто университетъ Александру Крученинову. Замѣтьте Александру, потому что есть другіе... Пойдемте къ вашимъ!

И больше они ни слова ни сказали.

Крученинов быстро повелъ ее въ ту сторону, гдѣ они оставили Ирину Васильевну съ Чекаловымъ и Поршневымъ.

— Наплясалась?—спросила Ирина Васильевна, а сама при этомъ пристально смотрѣла въ глаза дочери и въ душѣ ея тѣ смутныя опасенія, которыя она испытывала впродолженіи всего вечера, вырастали въ настоящій страхъ. Никогда у Людмилы не было такихъ глазъ, такого блеска въ нихъ, такого пожара.

— Да,—отвѣтила Людмила,—и, знаешь, у меня вдругъ голова разболѣлась... Я прошу тебя, поѣдемъ домой.

— Вдругъ?

— Да, вдругъ...

— Это будетъ безбожно,—воскликнулъ Поршневъ,—я пріѣхалъ сюда, чтобы провести вечеръ съ вами, а вы..

— Вечеръ уже прошелъ... Теперь ночь,—замѣтила Людмила, сверкнувъ на него глазами.

— Да, конечно. Намъ пора ѣхать!—очень серьезно сказала Ирина Васильевна. Она просто боялась теперь Людмилы. Трудно было предсказать, какъ она способна обойтись съ Поршневымъ.

— Досадно, досадно... Просто обидно,—говорилъ Поршневъ.— Въ такомъ случаѣ позвольте хоть довезти васъ.

— Пожалуйста,—поспѣшно согласилась Ирина Васильевна, очевидно желавшая предупредить отвѣтъ Людмилы. Отъ нея она сегодня уже не ожидала ничего хорошаго.

— До свиданія,—сказала Ирина Васильевна, обращаясь къ Крученинову,—можетъ быть, какъ-нибудь побываете у насъ?

Крученинов поклонился ей и ничего не отвѣтилъ. Людмила молча подала ему руку и только глазами дала ему почувствовать, что твердо рѣшила исполнить свое намѣреніе. Чекаловъ проводилъ ихъ внизъ и вмѣстѣ съ Поршневымъ помогъ имъ одѣться. Къ подъѣзду подкатила карета Поршнева. Онѣ сѣли, Поршневъ противъ нихъ, и поѣхали.

— Эхъ, право, закатиться бы куда-нибудь въ ресторанъ, да устрицами освѣжиться... Жаль вотъ только, что у Людмилы Модестовны голова болитъ,—сказалъ Поршневъ.

— Да, у меня голова болитъ,—подтвердила Людмила.

— Отъ устрицъ пройдетъ, ей-ей пройдетъ...

— Нѣтъ, поздно, Владиміръ Ивановичъ,—сказала Ирина Васильевна.—Это въ другой разъ, а теперь мы просто благодаримъ васъ... Такъ вы встрѣчались съ Крученинымъ?

— Да, случалось...

— Онъ, кажется, очень интересный человѣкъ...

— Чѣмъ это?

— Такъ, повидимому... У него своеобразные взгляды.

— Не знаю-съ.

— Онъ прошелъ два факультета и теперь на третьемъ.

— Самый лучшій способъ ничего не дѣлать.

— Да, но это невыгодно... Другіе въ это время дѣлаютъ карьеру... все-таки это своеобразно...

— Своеобразность еще не большое достоинство...

— Словомъ, онъ вамъ не нравится,—вдругъ неожиданно замѣтила Людмила.

— Почему же? Онъ мнѣ ни нравится, ни не нравится .. Я къ нему равнодушенъ, я его слишкомъ мало знаю. Такъ, встрѣчались... Мало ли кого встрѣчаешь въ обществѣ!

Они пріѣхали. Поршневъ выскочилъ первый и помогъ дамамъ выйти. Они позвонили, швейцаръ отперъ дверь и онѣ, простившись съ Поршневымъ, скрылись въ подъѣздѣ.

Людмила молча поднималась по лѣстницѣ и чувствовала, что въ душѣ ея совершается что-то страшное. У нея было такое ощущеніе, какъ будто въ этотъ вечеръ она надѣлала цѣлый рядъ преступленій и, что хуже всего, всѣ эти преступленія были направлены противъ матери.

Мучительность этого чувства осложнялась еще другими. Она такъ сжилась съ матерью, что, не слыша ея голоса, не видя ея лица, какимъ-то непонятнымъ чутьемъ узнавала, что она переживаетъ. И въ эти минуты для нея было ясно, что Ирина Васильевна переживаетъ страшное смущеніе и безпокойство.

А Ирина Васильевна тоже молчала и въ этомъ ихъ молчаніи, когда онѣ послѣ столь шумнаго вечера, не дѣлились впечатлѣніями, было что-то зловѣщее.

Онѣ поднялись, горничная впустила ихъ въ квартиру. Началось обычное щелканіе электрическихъ кнопокъ, когда онѣ проходили черезъ гостиную, столовую и другую гостиную.

— Какъ я устала,—промолвила Людмила, когда онѣ были въ спальнѣ Ирины Васильевны.

— Ложись спать,—какъ-то сумрачно отвѣтила Ирина Васильевна и прибавила:—осторожно снимай платье.

Дверь между ихъ комнатами оставалась отворенною, когда онѣ раздѣвались и мылись. Когда Людмила была уже въ бѣльѣ, она подошла къ двери.

— Спокойной ночи, мама.

Ирина Васильевна какимъ-то значительнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее.

— Ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?—спросила она.

— Не знаю, мама... Сейчасъ... ничего... Я устала,—прибавила она и зѣвнула.

— Ну, спокойной ночи.

Ирина Васильевна приблизилась къ ней и поцѣловала ее. Людмила осторожно притворила дверь и легла въ постель.

Но тысячи новыхъ, совсѣмъ новыхъ мыслей, какія никогда еще не бывали въ ея головѣ, долго мѣшали ей спать и только къ утру, въ конецъ утомивъ и измучивъ ея голову, они дали ей покой.

IV.

Людмилу волновали смутныя мысли, всѣ выражавшіяся въ вопросахъ и недоумѣніи, а въ то же время въ сосѣдней комнатѣ, въ душѣ Ирины Васильевны происходила другая работа, столь же мучительная, но выражавшаяся въ болѣе опредѣленныхъ формахъ.

Никогда еще такъ ярко не выражалось въ Людмилѣ то, чего больше всего на свѣтѣ боялась Ирина Васильевна. Если до сихъ поръ она изрѣдка замѣчала проявленіе укора или пассивнаго протеста, то она могла говорить себѣ: ничего, пустое, это въ ней еще не окрѣпло, это не серьезно.

Но теперь она съ ужасомъ увидѣла, что въ душѣ ея дочери долгое время происходитъ незримая для нея работа, что она, Ирина Васильевна, несмотря на всю свою внимательность и всю свою зоркость, проглядѣла важный моментъ, когда это началось, не замѣтила, какъ это продолжалось и развилось до степени опасной.

И теперь ее повергала въ ужасъ мысль: какъ? неужели ли же неусыпная работа столькихъ лѣтъ, работа убѣжденная и страстная, ни къ чему не привела? Не можетъ быть. Что же такое человѣческая душа, какъ не результатъ тысячей впечатлѣній и вліяній, наростающихъ съ перваго момента сознанія каждый часъ, каждое мгновеніе, покрывающихъ одно другое, борющихся между собою? А развѣ всѣ впечатлѣнія, какія воспринимала Людмила съ самыхъ малыхъ лѣтъ, она, Ирина Васильевна, не подчинила своему контролю и развѣ она допускала до ея души какое-нибудь другое вліяніе, кромѣ своего? Нѣтъ, во всемъ, во всей жизни Людмилы была только она—Ирина Васильевна. Людмила ея созданіе, не только потому, что родилась отъ нея, а и потому, что она не спала надъ нею, бодрствовала со дня ея рожденія.

Двадцать лѣтъ назадъ...

Двадцать лѣтъ назадъ она была обманута въ первый разъ. Да, именно въ этомъ году исполнилось двадцать лѣтъ этому обману. Она могла бы праздновать его юбилей.

Была ли она обманута вторично: этого она до сихъ поръ навѣрно не знаетъ. Нѣтъ, кажется, она уже не была обманута. Модестъ Петровичъ, тогда еще двадцатипятилѣтній студентъ, правда, ходилъ въ высокихъ сапогахъ, носилъ ситцевую рубаху на вы-

пускъ, толстую палку и длинные волосы. На сходкахъ его тогда еще звучный и пріятный теноръ раздавался громче всѣхъ другихъ голосовъ и о народномъ благѣ онъ говорилъ такъ краснорѣчиво и такъ убѣжденно, какъ никто.

Но въ частной жизни его былъ уже достаточно намѣченъ будущій дѣлатель карьеры, осторожный взяточникъ, не брезгующій никакими средствами для того, чтобы накопить какъ можно больше тысячъ.

И тогда у него была привычка, когда нужно было выручить товарища или поддержать какое-нибудь «общее дѣло», устраивать подписку, дѣлать складчину и, не приложивъ изъ своего кармана ни одного гроша, имѣть такой видъ, будто все сдѣлано имъ. И тогда онъ ловко присосѣживался къ закусывающимъ и выпивающимъ товарищамъ и уходилъ раньше, чѣмъ надо было платить. И тогда онъ изъ скупости покупалъ пиджаки на толкучкѣ и любилъ упрекать тѣхъ, кто дѣлалъ платье у портныхъ, утверждая, что нельзя тратить десятки рублей на свою одежду, «когда народъ ходитъ въ лаптяхъ».

Всѣ эти пріемы остались у него и теперь, только теперь ихъ не заглушалъ шумъ звонкихъ фразъ, поэтому они только жалки; а тогда при ихъ помощи онъ безъ всякаго труда попадалъ въ герои.

Нѣтъ, въ немъ она не заблуждалась. Конечно, ея предусмотрительность не заходила такъ далеко, чтобы она могла предвидѣть полностью тотъ типъ, какой изъ него выработался. Но въ этомъ ужъ нѣтъ ничего новаго. Это просто логическое развитіе тѣхъ задатковъ, какіе въ немъ сидѣли.

Нѣтъ, онъ не обманулъ ее и, значитъ, она была обманута только одинъ разъ. Но и одного раза было достаточно для того, чтобы все ея міросозерцаніе перевернулось вверхъ дномъ.

То было время прекрасныхъ словъ, удивительно звучныхъ и чарующихъ своимъ благородствомъ; то было время, когда при словѣ «народъ» загорались глаза и люди, казалось, готовы были отдать жизнь... Но отдали ее очень немногіе, остальные въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, которые протекли съ тѣхъ поръ, устроились, кто гдѣ нашелъ для себя удобнымъ.

Ирина Васильевна Арнольдова—это было крупное имя въ кружкахъ того времени. Много было въ тѣхъ кружкахъ красивыхъ женщинъ, отвергавшихъ туалеты, сознательно отказывавшихся отъ изящныхъ манеръ, одѣвавшихся въ некрасивыя кофты, отрѣзывавшихъ и съ презрѣніемъ отбрасывавшихъ свои роскошные волосы и все-таки остававшихся красивыми, любившихъ, а потому и плодившихъ дѣтей.

Но такого другого лица не было. Если бы Арнольдова не была

умна, если бы она по своему образованію не стояла выше многихъ, то одно это лицо дало бы ей то исключительное мѣсто, какое ей принадлежало.

Это была какая-то величественная, властная красота, одухотворенная желѣзнымъ характеромъ, придававшимъ ея чуднымъ большимъ глазамъ неотразимую силу. Въ нее были влюблены и руководители и послушные ученики, пастыри и стадо. Изъ-за нея люди ссорились, расходились на всю жизнь, а слабые даже мѣняли направленіе.

У нея не было опредѣленнаго положенія, но то обстоятельство, что у нея не было близкой родни, отъ которой она зависѣла бы, и были, правда ничтожныя, но вполнѣ свободныя средства—давало ей самостоятельность.

У нея не было никакой профессіи, она даже не была ни на какихъ курсахъ. Но она получила въ дѣтствѣ хорошее образованіе и много читала. Она была образованнѣе многихъ мужчинъ, игравшихъ значительныя роли.

Было у нея еще одно преимущество передъ многими. Исповѣдуя свободу безъ всякихъ ограниченій и во всемъ, а въ томъ числѣ, разумѣется, и свободу любви, она была недоступна и сама этою свободою не пользовалась. Что было этому причиной? Холодность ли ея, или глубокая чистота и, какъ ея послѣдствіе, брезгливость, но въ двадцать три года она оставалась неприкосновенною, тогда какъ многія изъ ея современницъ сдѣлались жертвами этой идеи. Правда, потомъ онѣ благополучно оформили свое положеніе и теперь, то-есть въ то время, когда объ этомъ думала Ирина Васильевна, были почтенными женами и матерями.

Но зато и цѣнила она себя высоко. Простые смертные могли, конечно, вздыхать по ней, сколько угодно, но отдать себя она могла только герою.

Среди простыхъ смертныхъ Модестъ Петровичъ Балясовъ игралъ далеко не второстепенную роль. Изъ рядовъ выдвигало его уже одно происхожденіе. Онъ вышелъ, правда, изъ глубокопровинціальной купеческой семьи, которая занималась торговлею ситцами, но никто достовѣрно не зналъ его генеалогіи, а такъ какъ самъ онъ объявилъ себя вышедшимъ изъ народа, то эта репутація за нимъ и утвердилась.

Пріѣзжавшіе иногда къ нему сродники ходили въ высокихъ сапогахъ, въ картузахъ и поддевкахъ, говорили языкомъ мѣщанъ, а такъ какъ въ Петербургѣ о народѣ имѣли представленіе смутное, то они даже какъ бы служили подтвержденіемъ того, что Балясовъ происходилъ изъ народа. А это цѣнилось, тѣмъ больше, что Балясовъ по своимъ способностямъ выдавался среди товарищей.

Онъ никогда форменно не учился, а просто своимъ личнымъ

усиліемъ поборолъ всѣ науки и выдержалъ надлежащій экзаменъ помимо школы. Это былъ настоящій подвигъ, въ особенности для человѣка, происходившаго изъ народа.

А затѣмъ и вообще онъ чрезвычайно легко все схватывалъ. Въ особенности онъ могъ гордиться своею памятью, которая ему и помогла такъ успѣшно овладѣть науками. Онъ безъ труда выучивалъ наизусть цѣлыя страницы изъ умныхъ книгъ и говорилъ ихъ съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, что слушатели не подозрѣвали, что это принадлежитъ не ему.

Передъ Ириной Васильевной Арнольдовой онъ преклонялся. Ея красота ослѣпляла его, а ея воспитанность ему, вышедшему изъ мѣщанскаго слоя, казалась чѣмъ-то недосягаемымъ. И онъ, несмотря на свою осторожность и привычку строго обдумывать и взвѣшинать каждый свой шагъ, однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ сдѣлалъ ей предложеніе быть его женою и притомъ не въ какомъ-нибудь гражданскомъ смыслѣ, а въ самомъ форменномъ, то-есть обвѣнчаться.

Если бы Арнольдова могла смотрѣть на это предложеніе, какъ на партію, то она нашла бы его выгоднымъ. Чрезвычайно способный студентъ, прекрасно учившійся, считавшійся въ числѣ первыхъ, дѣловитый, предусмотрительный, онъ и теперь подавалъ надежду, что въ свое время сдѣлаетъ карьеру.

А кромѣ того, предлагая себя въ мужья и желая, очевидно, увеличить свои шансы, онъ выдалъ ей тайну, которую тщательно скрывалъ отъ всѣхъ товарищей: что у его отца, торгующаго ситцами, есть капиталъ до ста тысячъ, что онъ единственный наслѣдникъ, если не считать сестру, которая получитъ «законную часть» и слѣдовательно немного уменьшитъ эту сумму.

Но Арнольдова даже не могла серьезно посмотрѣть на это предложеніе. Оно казалось ей дерзостью.

— Послушайте,—сказала она ему,—чтобы дѣлать такое предложеніе, надо имѣть какія-нибудь основанія, а у васъ, кажется нѣтъ никакихъ. По крайней мѣрѣ, я не давала вамъ ихъ.

— Я люблю васъ безумно,—отвѣчалъ Балясовъ.

— Но я не люблю васъ вовсе.

— Я сдѣлаю такъ, что вы меня полюбите.

— Я знаю, что вы человѣкъ способный,—иронически замѣтила Арнольдова,—но едва ли ваши способности годятся для этого, притомъ же ваше предложеніе даетъ мнѣ право говорить откровенно, я вѣдь хорошо знаю, что вы совсѣмъ не то, за что васъ принимаютъ.

— Какъ не то?

— Я не стану объяснять вамъ *какъ*, потому что вы въ душѣ согласны со мною. Нѣтъ, я не хочу быть вашею женою.

И Балясовъ ушелъ отъ нея оскорбленный, но его сумасшедшее чувство отъ этого не только не прошло, а сдѣлалось еще болѣе безумнымъ.

Въ это время произошло одно событіе, сыгравшее рѣшительную роль въ жизни Арнольдовой, да и Модеста Петровича тоже.

Появилось новое лицо. Откуда? Никто не зналъ тогда. Знали, что онъ прежде былъ въ провинціальномъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ. Его фамилія была Рокотовъ.

Онъ появился и сразу занялъ первенствующее положеніе. И произошло это какъ-то само собою. Люди, которые считали себя главами различныхъ кружковъ и толковъ, которыхъ было множество, точно почувствовавъ его превосходство, пришли къ нему и добровольно передали ему въ руки свой авторитетъ.

По внѣшности Рокотовъ не походилъ на героя. Въ этомъ отношеніи даже Балясовъ могъ бы поспорить съ нимъ. Онъ былъ средняго роста, худощавый, наружность его была какъ бы запущена.

Длинные волосы онъ носилъ потому, что забывалъ остричь ихъ, борода его и баки разрослись неимовѣрно потому, что онъ никогда о нихъ не думалъ. Одѣвался онъ во что попало, но никогда не подчеркивалъ себя одеждой. Онъ не носилъ ни высокихъ сапогъ, ни косоворотки, ни толстой палки, которыми щеголялъ Балясовъ. Въ толпѣ его можно было признать за небогатаго чиновника, а вѣрнѣе—можно было совсѣмъ не замѣтить.

Волосы на головѣ и борода были у него необыкновеннаго свѣтло-золотистаго цвѣта и этотъ цвѣтъ смягчалъ постоянную нарочитую суровость его взгляда. Если бы онъ захотѣлъ заняться своей внѣшностью, то ему ничего не стоило бы сдѣлать себя красивымъ. Въ лицѣ его было много данныхъ для этого. Особенно привлекательны были его синіе глаза, въ которыхъ, несмотря на его стараніе придать имъ суровость, гдѣ-то въ глубинѣ ихъ постоянно свѣтилась какая-то грустная доброта.

По наружности онъ далеко не былъ юнымъ, да и то, что ему приписывали въ прошломъ, требовало отъ него извѣстнаго времени. Говорили, что онъ принадлежалъ къ типу «вѣчныхъ студентовъ», что онъ уже лѣтъ двѣнадцать путешествуетъ по университетамъ, постоянно мѣняя факультеты, которые, въ сущности его мало интересовали. Съ виду ему было больше тридцати лѣтъ.

Что же это была за сила, сразу давшая ему такое преимущество и поставившая его во главѣ? На сходкахъ онъ появлялся рѣдко и почти не говорилъ, а если ужъ ему необходимо было говорить, то это выходило плохо. Даромъ краснорѣчія онъ не обладалъ: онъ какъ-то вырубливалъ какія-то короткія фразы, предо-

ставляя слушателямъ самимъ связывать ихъ и дѣлать выводы. Очевидно, не въ этомъ была его сила.

Важно было то, что съ того времени, какъ онъ появился, мало-по-малу начали сглаживаться и совсѣмъ исчезать тѣ маленькія различія, которыя дѣлили все молодое общество на кружки, нерѣдко враждовавшіе между собою изъ-за пустыхъ несогласій. Они были раздроблены, въ каждомъ уголкѣ были свои герои, свои задачи, а цѣлое и главное какъ-то расплывалось и переставало чувствоваться.

Ему только одному извѣстнымъ способомъ онъ умѣлъ сглаживать эти разногласія и объединять людей. Его организаторскія способности были замѣчательныя и въ этомъ была его сила. Онъ зналъ что-то общее, что-то главное, въ которомъ всѣ признали свое, и въ какіе-нибудь полъ-года, онъ объединилъ все, что такъ нуждалось въ этомъ.

По всей вѣроятности онъ обладалъ и другой силой — силой покорять гордыхъ, потому что очень скоро всѣ узнали, что Арнольдова, какъ говорили, «сдалась ему». Ее, дѣйствительно, всѣ видѣли съ нимъ. Она дѣлила съ нимъ то исключительное положеніе, какимъ пользовался онъ самъ, онъ признавалъ ее своей подругой.

Сама Ирина Васильевна этого не отрицала и это было такъ. Какъ это случилось? Полюбила ли она его за ту силу, при посредствѣ которой онъ такъ искусно покорялъ и объединялъ людей? или просто своимъ холоднымъ умомъ она нашла, наконецъ, человѣка, достойнаго взять ея ласки? А можетъ быть ее гордость нашла удовлетвореніе въ томъ исключительномъ положеніи, которое занималъ онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и она, какъ его подруга. Но вѣрно то, что она отдалась ему безъ боя.

Это супружество длилось нѣсколько мѣсяцевъ и Арнольдова наслаждалась не столько любовью, сколько общимъ признаніемъ и преклоненіемъ; и вдругъ произошло нѣчто, чего никто не ожидалъ.

Для всѣхъ это имѣло такой видъ, что Рокотовъ просто сошелъ со сцены. Люди, стоявшіе къ нему близко, знали, что онъ, преслѣдуя разъ навсегда выработанный планъ и находя, что здѣсь его работа кончена, перешелъ въ другое мѣсто, чтобы тамъ дѣлать то же самое.

Но съ Арнольдовой онъ разстался не такъ просто. Между ними происходили сильныя сцены, въ которыхъ она отъ него чего-то настойчиво требовала, а онъ отказывался дать.

Какія именно сцены происходили между ними, никто не зналъ, но всѣмъ было извѣстно, что Арнольдова черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была сдѣлаться матерью и что Рокотова это ни-

сколько не смягчило и онъ все-таки ушелъ «осуществлять свой планъ».

Такъ какъ никто не зналъ достовѣрно ничего, касающагося интимной стороны дѣла, то толки были самые различные. Одни называли его негодяемъ, другіе утверждали, что дѣло прежде всего, а любовь, ребенокъ и тому подобныя личныя мелочи для истинно убѣжденнаго дѣятеля не должны имѣть значенія.

Но дѣйствительность была такова, что Рокотовъ ушелъ и исчезъ, точно канулъ въ воду, а Арнольдова осталась и, такъ какъ все ея вліяніе въ послѣдній годъ было основано на ея близости съ Рокотовымъ, то съ его исчезновеніемъ и оно какъ-то вдругъ упало.

И осталась она послѣ него уже не той гордой красавицей, какою была прежде. Теперь она была оскорблена и озлоблена. Она сказала себѣ: «Если тотъ, кого я считала самымъ лучшимъ и кого избрала, оказался негодяемъ, то остальные тѣмъ больше».

И всѣ ея убѣжденія, которыя казались непоколебимыми вдругъ перемѣнились, точно вывернулись наизнанку. Въ это время Балясовъ кончилъ курсъ и готовился дѣлать свою карьеру. Онъ пришелъ къ ней чуть ли не черезъ недѣлю послѣ того, какъ Рокотовъ исчезъ, и сказалъ:

— Ну, а можетъ быть теперь вы меня не прогоните?..

Его сумасшедшая любовь подсказала ему, что нѣтъ лучшаго момента, чтобы овладѣть гордой женщиной, какъ тотъ, когда она оскорблена.

— А вы знаете, что я скоро должна сдѣлаться матерью? — спросила Арнольдова.

— Я это знаю,—отвѣтилъ Балясовъ,—это знаютъ всѣ.

И Арнольдова согласилась выйти за него. Ни на одну минуту она не почувствовала къ нему нѣжности, а тѣмъ менѣе благодарности за великодушіе. У нея теперь были новые взгляды и она поступала сообразно съ ними и только.

Дальше жизнь сложилась уже довольно обыкновенно. Она обвѣнчалась съ Балясовымъ въ присутствіи очень малаго кружка знакомыхъ. И эти знакомые были всѣ точно отобраны—все люди, собиравшіеся дѣлать карьеру. Такъ поступало большинство: пока они числились студентами, они казались отчаянными головами, готовыми чуть не на смерть за благо родины; но какъ только получали дипломы, тотчасъ весь пылъ у нихъ самъ собою остывалъ. Казалось, что пыла этого природой имъ было отпущено ровно столько, сколько требовалось на школьные годы. Они дѣлались спокойными, благоразумными, тихонько пристраивались и терпѣливо дѣлали каждый свою карьеру, сообразно своимъ способностямъ и связямъ.

У Ирины Васильевны Балясовой родилась дочь, которая хотя не была дочерью Бѣлясова, тѣмъ не менѣе получила его имя. Затѣмъ черезъ годъ родился сынъ Михаилъ, который уже былъ вполнѣ достояніемъ Модеста Петровича.

Первые годы своей супружеской жизни Модестъ Петровичъ доставлялъ своей женѣ нѣкоторую иллюзію счастья. Его любовь сохранялась довольно долго. Уже прошло лѣтъ семь съ тѣхъ поръ, какъ онъ служилъ въ избранномъ имъ вѣдомствѣ, а онъ все еще падалъ передъ нею на колѣни и млѣлъ.

Но Ирина Васильевна была неизмѣнно холодна съ нимъ и борьба съ этой холодностью, наконецъ, утомила его. Онъ тоже вдругъ охладѣлъ и сразу его нѣжная почтительность и мягкость превратились въ грубость.

Въ это время у него уже стали проявляться многія черты, которыя во времена студенчества были въ зачаткѣ, а теперь вызрѣли. На службѣ своей онъ съумѣлъ устроиться удивительцо ловко, сразу попалъ въ точку, то-есть избравъ такое мѣсто, отъ котораго зависѣло «устройство дѣлъ».

А съ теченіемъ лѣтъ онъ все больше и больше укрѣплялся и достигъ того, что всѣ «дѣла» и не какія-нибудь, а стотысячныя и даже милліонныя, были въ непосредственнй зависимости отъ него, всѣ проходили чрезъ его руки и получали отъ него направленіе, и такъ какъ онъ смотрѣлъ на вещи «здраво и правильно», то, благодаря этому, у него въ банкѣ завелся сначала небольшой капиталъ, который вырасталъ гигантскими скачками и нынѣ составлялъ довольно крупную сумму.

Параллельно съ этимъ развивалась, уже не сдерживаемая страстной любовью, его прирожденная мѣщанская скупость, да вдобавокъ къ этому, обнаружились такія склонности по отношенію къ женщинамъ, отъ которыхъ жена его содрогалась.

Онъ сталъ ей нестерпимъ, но она выносила и терпѣла все, она ко всему приспособляла себя, потому что у нея былъ планъ и была дочь.

Ея собственная жизнь не удалась и она затаила въ глубинѣ души непримиримую вражду къ людямъ, перенеся свою ненависть съ одного, оскорбившаго ее, на всѣхъ.

«Всѣ негодяи, всѣ до одного. Доброта, любовь, подвигъ, все это красивыя слова, при посредствѣ которыхъ люди обдѣлываютъ свои дѣла. Честнымъ бываетъ только тотъ, кому это выгодно»

И воспитывая свою дочь сообразно этимъ злобнымъ взглядамъ, она какъ бы мстила за свою неудавшуюся жизнь, мстила всему человѣчеству, какъ будто бы оно принимало участіе въ оскорбленіи, которое ей нанесли.

Воспитаніе Людмилы, это была какая-то страстная работа, на-

чавшаяся съ перваго момента сознанія у дѣвочки и проникавшая каждое мгновеніе ея жизни. Оно наполняло душу Ирины Васильевны и помогало ей выносить рядомъ съ собою статскаго совѣтника Балясова, иногда даже не замѣчать его со всѣми его мерзостями. Это было настоящее творчество, проникавшее все ея существо и наполнявшее ея жизнь.

И вотъ въ то самое время, когда она имѣла право думать, что ея творческая работа привела къ блестящему результату, что душа Людмилы—ея созданіе, цѣльное и законченное, которое она можетъ смѣло пустить въ жизнь,—въ этой душѣ начинается какое-то броженіе, проявляются зловѣщіе признаки недовольства и протеста.

Откуда же это? Не могло же это придти извнѣ, вѣдь она была неусыпнымъ стражемъ этой души. Если же надо признать, что въ душѣ человѣческой заложены какія-то зерна будущихъ душевныхъ качествъ, то благодаря ея многолѣтней заботѣ, эти зерна давно уже должны были заглохнуть и погибнуть.

Но нѣтъ, произошло что-то незримое, что-то ускользнувшее отъ ея недремлющаго ока и это «что-то», заподозрѣнное ею уже давно, сегодня проявилось съ неожиданной силой...

Что же случилось? Кто врагъ и гдѣ искать его?

Вотъ вопросы, которые мучили Ирину Васильевну и мѣшали ей спать въ эту ночь.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Разсказъ.

(*Окончаніе* *).

V.

Широкая даль рѣки рябилась отъ волнъ.

Разорванныя сѣрыя тучи плыли по небу и нѣтъ-нѣтъ затѣняли солнце. Тогда вѣтеръ крѣпчалъ, волны вспѣнивались, заворачивали гребни и съ гуломъ накатывали ихъ на сосѣдніе вскипающіе валы. Темная. волнующаяся рѣка вдругъ бѣлѣла отъ безчисленныхъ «зайцевъ», шумъ и толчея водоворотовъ усиливались.

Лодка съ трудомъ справлялась съ прибоемъ, колыхалась, кренилась; брызги летѣли черезъ край, а гребни болѣе смѣлыхъ волнъ даже пробовали вползти на носъ и корму судна. Тогда среди купцовъ подымался переполохъ.

— Демьянъ, будь ты трижды проклятъ!.. Что же ты, утопить насъ хочешь?! Вчера, въ хорошую погоду, ты спорилъ и пьянствовалъ, а теперь... что же это?.. Да насъ вправду захлестнетъ! Эй, ребята, налегай! Что вы, какъ мертвые, перебираете веслами, точно супъ хлебаете... Эй, живо... Не зѣвай!

Впрочемъ, напуганные шкваломъ рабочіе и сами старались, налегали во всю мочь на весла, такъ что веслища гнулись дугой, а уключины скрипѣли, какъ немазанныя якутскія телѣги.

— Только бы скорѣе, только бы скорѣе... на ту сторону, за материкъ... Тамъ тише, подъ горой непогода не хватаетъ!.. Ударь! ударь!.. чего смотришь?!.—ободрялъ и поторапливалъ людей Гуранъ, крѣпко нажимая на руль и не спуская глазъ съ бѣгущихъ наискось волнъ.

Анна, забившись въ уголъ своего помѣщенія, къ счастью, не видѣла многаго; тѣмъ не менѣе скрипъ лодки, ея покачиваніе, восклицанія людей, ревъ волнъ, гудѣніе вѣтра, шипѣніе вскипав-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, мартъ, 1903 г.

шей у бортовъ пѣны страшно тревожили ее. Къ тому же Саша плакалъ, а Карскій занятъ былъ выкачиваніемъ воды со дна лодки. Бѣдной женщинѣ остался исключительно въ утѣшеніе торчавшій впереди ея на кормовой палубѣ Гуранъ. Она не спускала глазъ съ темнаго, сосредоточеннаго лица мужика, ища въ немъ отвѣта и ободренія. Кормчій увидѣлъ ея вопрошающій взглядъ, горделиво улыбнулся и замѣтилъ вскользь:

— Не бойтесь, барыня! Сейчасъ конецъ!.. Нахлестались вчера пропойцы, вотъ и не выгребаютъ теперь... Эй, эй!.. Правый наляжь!..

Было поздно. Большой валъ поднялъ высоко носъ судна, затѣмъ шлепнулъ его въ бокъ такъ крѣпко, что сбилъ съ уключины весла и, пока ихъ наладили, повернулъ лодку бокомъ къ волнамъ. Съ торжествующимъ рычаніемъ понесли онѣ ее, креня все больше и больше. Край ея уже касался воды. Купцы перестали кричать и ругаться. Среди мгновенно воцарившагося молчанія слышны были явственно слова громко читаемой ими молитвы... Карскій вытащилъ изъ-подъ навѣса жену съ ребенкомъ и посадилъ ихъ на открытую палубу. Гуранъ налегалъ изо всѣхъ силъ на непослушный руль.

— Ударь!.. ударь правымъ!..—оралъ онъ неистово.

Въ носовой части люди свалились въ кучу и перемѣшались невообразимо. Наконецъ, надъ движущимися безпорядочно головами, плечами и ногами всплыла крѣпкая фигура Обуха съ весломъ въ рукахъ. Онъ сѣлъ на тѣла людей, весло заложилъ на уключину и крѣпко загребъ. Судно вздрогнуло и, какъ бы удивленное, нехотя стало поворачиваться противъ бушующихъ злобно волнъ.

Все это длилось нѣсколько мгновеній, тѣмъ не менѣе воды набралось въ лодку столько, что она сильно отяжелѣла и опасно осѣла внизъ.

— Ничего не подѣлаешь, надо приставать... Не выгребемъ къ тому берегу!—рѣшилъ Гуранъ.

— Ну что-жъ, причаливай!..—кричали ему съ носа Козьма и Демьянъ.

Впрочемъ, волны сами распорядились, и раньше чѣмъ Гуранъ могъ избрать направленіе, онѣ выбросили лодку на болотистую, размокшую мель. Лишь только дно стукнуло о твердую землю, младшій изъ купцовъ, Терешкинъ, выскочилъ совершенно голый наружу и съ безумными восклицаніями понесся по болоту. Скоро, однако, онъ провалился въ зыбучій песокъ и взвылъ къ бурлакамъ о спасеніи. Тѣ бросили ему немедленно веревку и вытащили съ укорами и насмѣшками.

Пошелъ дождь, густой, мелкій и холодный. Вѣтеръ сталъ ровнѣе, но ничуть не ослабъ. Волны мѣрно толкали лодку въ корму,

подымали ее вверхъ, покачивали, затѣмъ шлепали о песокъ, точно пробовали крѣпость ея дна. Пришлось судно втащить еще дальше на мель и укрѣпить причалами.

Люди, продрогшіе и усталые, проспали ненастье, укрывшись толстымъ брезентомъ. Вой вѣтра и всплески волнъ баюкали ихъ всю ночь.

На завтра разбудило ихъ ощущеніе докучливаго зноя. Солнце стояло высоко и жарило немилосердно. Въ его лучахъ золотисто-голубая гладкая рѣка сіяла, какъ зеркало. Нигдѣ ни слѣда непогоды: ни тумана, ни тучки на небосклонѣ. Тутъ же за илистой мелью, за узкимъ протокомъ, подымался громадный рыжый утесъ, морщинистый и корявый, съ лѣсистыми лощинами, еще влажными отъ вчерашняго дождя.

Бурлаки съ большимъ трудомъ столкнули на воду лодку и переправились на ту сторону. Тамъ, пока Козьма и Гуранъ ладили бичеву, лямочники развели огонь и принялись сушить свои убогія лохмотья и обутки. Спиридонъ поставилъ обѣдъ. Купцы прогуливались важно на солнышкѣ подъ утесомъ.

— Страсть какъ испужался я, когда вчера купецъ-то изъ себя воздухъ выпустилъ...—жаловался съ серьезнымъ видомъ Индюкъ.— Пришелъ въ себя только, когда Обухъ изволили сѣсть мнѣ на голову...

— Ха! ха! Что же ты укусилъ его?

— Зубы у меня съ золотой подчинкой, жалко ихъ... Зато я нѣмца въ желудокъ дернулъ... Онъ—чинушъ, живоглотъ—кишки у него крѣпкіе!..

Нѣмецъ улыбался, польщенный общимъ вниманіемъ.

— Не почувствовалъ...

— Еще бы! Да вы черти всѣ вчера заживо померли отъ страха!..—мрачно замѣтилъ майданщикъ.

— Ты-то живъ былъ, а?—протянулъ Индюкъ.—Признаться, я всегда предпочиталъ водку водѣ.

— Ловко!.. Хорошо, что въ Ленѣ не спиртъ текетъ, а то давно бы ты утопился!..—разсмѣялся Обухъ.

— Всѣмъ бы теперь его по сотой пригодилось!.. Эхъ-ма!

Дёма, Дёма, будь ты душка,
Поднеси ты намъ косушку!..

запѣлъ Индюкъ, забавно кивая на Демьяна. Тотъ, улыбающійся и довольный, подошелъ къ костру.

— Что, ребята, экая теплынь—золото! Тихо, берегъ ровный мягкій... махнемъ сегодня!.. Что?

— А не осталось тамъ чего-нибудь со вчерашняго дня? Страсть голова трещитъ съ похмелья... Не потянемъ въ такомъ состояніи...

*

— Ну, нѣтъ!.. Будя! Трое сутокъ вы пировали на мои деньги... Пора и честь знать!..

— А что? Говорилъ я вамъ: фараонъ! Выведетъ васъ въ пустыню и погубитъ... Дай, Демьянъ, дай, не кобенься... Еще впереди Олёкма... Будешь слезы проливать... Дай лучше теперь по косушкѣ... Не дразни!..

— Безстыжіе! Двадцать верстъ прошли—уже водки просятъ, —обратился Демьянъ къ Карскому, который тоже подошелъ къ костру.

— Чего стыдишь!.. Не дай, а не стыди!—пробурчалъ майданьщикъ.

— Давай, братъ, давай!.. Разъ есть, нечего юлить... знаешь старинное правило: пока одного не кончишь, не начинай другого!.. Мы вотъ кончимъ, тогда и пойдемъ...

— Такой онъ водяной путь!—продолжалъ жаловаться Демьянъ.—Вчерась мы черезъ ихъ чуть не утонули, а сегодня, гдѣ ночевать будемъ, неизвѣстно! Вы спрашивали, во сколько дней попадемъ на Витимъ—вотъ вамъ и дни... Они хуже непогоды... что съ ими подѣлаешь!..

— Не скули!... Нечего брехать! Людей у тебя довольно... Молодецъ въ молодца!.. Подхватимъ, въ одинъ духъ допремъ... Въ накладѣ не будемъ, а водки-то дай... шутка-ли похмелье... Развѣ самъ не знаешь... Извергъ ты!.. Вотъ что!

— Ловко дернемъ, Демьянъ Петровичъ, только бичева захлещетъ!..—ластились къ нему рабочіе.

— Ну, ладно!—согласился нехотя хозяинъ.

Карскій ушелъ къ женѣ, съ испугомъ посматривающей на шумящихъ опять подъ утесомъ людей.

— Знаешь, это грозитъ превратиться въ пытку!—сказала она мужу.

— Кажется, сегодня конецъ. Выпьютъ остатокъ. Больше достать негдѣ. Берегъ пустынный. Всѣ поселенія на той сторонѣ,— отвѣтилъ Карскій, указывая на противоположный берегъ, гдѣ за уступами блѣдно-зеленыхъ луговъ и зубчатаго лѣса клубились кое-гдѣ облака сизаго дыма и сверкали искорки не то стеколъ, не то церковныхъ крестовъ. Городъ исчезъ за крутымъ поворотомъ.

Послѣ обѣда лямочники сверхъ ожиданія принялись за работу. Наладили лямки изъ бересты, разбились на двѣ смѣны по пяти человѣкъ и, уцѣпившись рядышкомъ за конецъ бичевы, пошли. Гуранъ ловко отвелъ лодку подальше отъ берега на глубь, и она двинулась съ шумомъ противъ теченія.

— Ишь тянутъ — наѣлись!—проговорилъ самодовольно Демьянъ.—Теперь они уже пойдутъ! . Вы не опасайтесь, баринъ!.. Пріѣ-

демъ, дастъ Богъ, во-время!.. Тутъ ничто больше не помѣшаетъ... развѣ медвѣдь выскочитъ...—ободрялъ Карскаго Гуранъ.

— Этого недоставало!.. — простонала Анна, хватая на руки игравшаго на палубѣ Сашу.

— Пошто пугаетесь!.. Сюда-то онъ не придетъ.—Самъ въ страхѣ удирать будетъ. Помню, разъ выскочилъ нечаянно изъ-за камня, воду пилъ... попалъ подъ бичеву, да назадъ къ водѣ, а тамъ—судно... Тогда опять—въ лѣсъ, тамъ опять—веревка. Бился, бился... да какъ броситься вдоль берега точно пуля... Онъ бѣжитъ, реветъ, и лямочники бѣгутъ, кричатъ... Мы такъ пробѣжали съ полъ-версты шибче парохода, пока люди не отстегнулись и не удрали въ камни... А звѣрь дальше берегомъ бёгъ пуще прежняго... И такая случилась отъ этого оказія, что лодка чуть не разбилась; ее снесло на перекатъ теченіемъ...

Карскій не могъ удержаться отъ смѣха, слушая своеобразныя утѣшенія стараго кормщика, но Анна обиженно унесла сына подъ навѣсъ, и хотя тотъ кричалъ и шипѣлъ, подражаю теченію воды, и рвался на палубу, она оставалась большую часть времени вмѣстѣ съ нимъ въ своей будкѣ. Оттуда она подозрительно взглядывала на живописные утесы, подымающіе высоко къ небу поросшія лѣсами вершины, на темныя пади, кудрявыя отъ хвой и березняка. Обыкновенно по дну такихъ падей струились ручьи, и намытыя ими косы желтаго песка отдѣляли темный лѣсъ и темный утесъ отъ темнаго ихъ отраженія въ зеркалѣ движущейся воды.

VI.

Берегъ, дѣйствительно, былъ хорошъ, ровенъ и чистъ; лямочники двигались быстро и весело. Одной смѣной предводительствовалъ Обухъ, за нимъ слѣдовалъ Индюкъ, два верховыхъ мужика, молчаливыхъ, но «жортыхъ» и «тяглыхъ» рабочихъ, а въ концѣ трепался «замухрышка» Нѣмецъ. Почему его называли Нѣмцемъ, такъ и осталось для Карскаго загадкой. Во главѣ второй смѣны шелъ Майданьщикъ, за нимъ Ахметка, дальше два жигана и въ концѣ опять старикашка, утверждавшій, что нѣкогда служилъ на Кавказѣ и поэтому прозванный Служивымъ.

— Такъ точно-съ! И судимъ тамъ былъ военно-полевымъ судомъ, но лишенъ своего состоянія не былъ...—отвѣчалъ онъ на разспросы.

— Извѣстно, куроцапъ, курицу укралъ! Сознайся: всыпали тебѣ за это?..—поддразнивалъ его Индюкъ.

Служивый улыбался и рукою почесывалъ незамѣтно спину. Онъ больше всего дружилъ съ Нѣмцемъ, и оба они все свободное

время проводили вмѣстѣ, когда кого-нибудь изъ нихъ сажали на носу караулить отъ зажоръ бичеву. Одинъ шилъ что-нибудь и разсказывалъ, а другой внималъ, сидя на корточкахъ у огня, гдѣ единовластно царилъ Спиридонъ. Тотъ, видимо, покровительствовалъ друзьямъ и при случаѣ тайно надѣлялъ ихъ лучшими кусками. Зато старики слушали его разсказы и не возражали. Крайне неряшливый, оборванный и безобразный поваръ до страсти любилъ романическія исторіи. При всѣхъ онъ помалкивалъ, опасаясь насмѣшекъ, но друзьямъ онъ открывалъ свое наболѣвшее сердце.

— Горячая была женщина... Любила меня безумно... Обниметъ, точно углями обсыплетъ, а я... ничего!.. Равнодушенъ былъ я!.. Денегъ мнѣ она, ѣды, всего много... а я ничего!.. Погуляю, городъ, окрестности осмотрю и прощаюсь: оставайся, голубушка моя, долженъ я тебя спокинуть, своей доли искать! Она въ плачъ, въ безчувствіи обморока... а я ничего... Истуканъ я былъ, прямо безчувственный извергъ!.. Ихъ слезы для меня—все равно роса... Одна непремѣнно требовала: женись да женись!.. Купеческая дочь была, состояніе тысячное, домъ въ лучшей улицѣ, два магазина, приказчики, лошади и все другое... Не могу, говорю, принужденъ доли своей искать... Отправился я это въ Саратовъ...

— Знаю. Бывалъ и я въ Саратовѣ съ енераломъ!..—вдругъ вставилъ служивый.

Спиридонъ неодобрительно взглянулъ на него, но Служивый уже увлекся.

— Пріѣхали мы это—разсказывалъ, въ свою очередь, онъ,—остановились въ гостиницѣ. Сейчасъ самоваръ, булокъ, ветчины... Съѣли мы, выпили, отправились въ театръ. Енералъ въ середину, а я въ корридорѣ стою... По представленіи домой, опять самоваръ, булки... чай пьемъ... Въ полдень обѣдаемъ. И такъ каждый день... А затѣмъ дальше, въ слѣдующій городъ... Опять въ гостиницѣ, опять самоваръ, булки, ветчина... Круглый годъ такъ мы по Россіи ѣздили, ревизію дѣлали... даже въ Парижъ попали...

— Да, да! Все было, все!—улыбался сочувственно Нѣмецъ.

— Да вы, черти, что свое мелете... Вѣдь я то еще не кончилъ...—вмѣшивался гнѣвно Спиридонъ.—Изъ Саратова, значитъ, въ Царицынъ. Иду себѣ по улицѣ съ котелочкомъ за спиной, вдругъ горничная: «моя барыня говоритъ, что живетъ напротивъ...»

— Ссо-ри-вай! Черти!.. Ослѣпли, что ли, тетерева зобатые!.. Не видите, что творится!..—ругался Гуранъ.

Разсказъ обрывался, разсказчики торопливо утремлялись на руфъ и, вооруженные багромъ, старались освободить ущемленную плавникомъ или камнями бичеву.

— Вздуть бы васъ, проклятые брехуны! Чего надѣлали,— сердился Гуранъ.—Какъ дернуло-то!..

Разговоры на носу прекращались на нѣкоторое время, и слышенъ былъ исключительно шумъ разступающихся передъ лодкой быстринъ, шлепанье ногъ идущихъ по берегу лямочниковъ да восклицанія играющихъ въ карты купцовъ. Иногда Гуранъ унималъ Анну, встревожившуюся чѣмъ-либо чрезмѣрно.

— Совсѣмъ вы глупо разсуждаете. Никогда это не бываетъ, чтобы бичева на ровномъ плёсу лопнула... Да и ничуть не опасно это... Лодка къ берегу и стой... Одна задержка и только!.. Вотъ другое дѣло, когда мы въ «сколы» придемъ, «быки» огибать станемъ, на баграхъ да на шестахъ... Тамъ, дѣйствительно, случается, что бичева о грани протрется... Тамъ, вѣрно, берегтись надо, а что тутъ—такъ никакой страхъ не у мѣста... Кто же загодя-то боится?..

Карскій, заслышавъ издали, что Гуранъ разговариваетъ, бросалъ книгу, слѣзалъ съ крыши навѣса, гдѣ онъ чаще всего отдыхалъ у мачты и спѣшилъ на корму; тамъ ловкими разспросами старался придать бесѣдѣ менѣе животрепещущій интересъ.

Погода благопріятствовала путешественникамъ. Подвигались они безостановочно, пользуясь и ночами достаточно еще свѣтлыми въ этихъ широтахъ.

Переходили они изъ плёса въ плёсъ, огибая крутые мысы и пологія желтыя стрѣлки, минуя одинъ за другимъ зеленыя острова и изумрудныя луга... Блѣдныя дали бѣжали къ нимъ навстрѣчу, окрашиваясь все ярче, а позади блѣднѣли оставленныя ими мѣста. Иногда вѣтерокъ набрасывалъ на рѣку серебристую сѣть мелкой ряби, или ярко золотило ее полуденное солнце, или луна бросала на ея струи столбъ дрожащаго свѣта. Развалины подмытыхъ скалъ высились мѣстами длинной стѣной у самой воды, и судно двигалось осторожно у ихъ подножья, разрѣзая носомъ хрустальныя, затѣненныя ими быстрины. Теченіе бурлило у водорѣза, лодка мѣрно дрожала, мачта качалась, натягивая пологую дугу бичевы, нависшія съ крыши края парусины трепыхались точно кончики крыльевъ плывущей птицы; галька хрустѣла подъ ногами лямочниковъ, а Карская въ своей будкѣ мѣрно убаюкивала, сына:

Бай-и-бай, котята
Спятъ, спятъ, не плачутъ...
Утромъ встанутъ, все скачутъ!..

А на носу горѣлъ красный огонекъ, и Спиридонъ разсказывалъ новому слушателю:

— Любила меня... такъ меня любила... А я ей говорю: «прощай, ненаглядная, обожаю тебя, но необходимо принужденъ уда-

литься...» Что же ты: спишь?—возмущался онъ поведеніемъ неблагодарнаго гостя.

— Нѣтъ!.. Такъ только я закрылъ глаза, ради пущаго воображенія...

Только Козьмы нигдѣ не было видно. Какъ проводилъ время странный старикъ, для Карскаго долго оставалось загадкой. Зато Демьяна видно было весь день; чаще всего онъ игралъ съ купцами въ карты, рѣже смѣнялъ Гурана или тащилъ бичеву.

Такимъ образомъ они добрались до Олекминска.

Замѣтивъ издали городъ, бѣлѣвшій въ утренней зарѣ, путники перегребли на ту сторону и вскорѣ остановились у пристани. Предполагалась дневка. Демьянъ отправился въ лавки закупать новые запасы муки, сухарей, солонины... Откуда-то явился Козьма и помѣстился на крышѣ лодки. Купцы одѣлись и отправились къ знакомымъ. Лямочники разбрелись по кабакамъ. Карскій вмѣстѣ съ женой и сыномъ пошелъ разыскивать товарищей.

Прохожіе указали имъ на маленькій домикъ, жильцы котораго, очевидно, еще спали. Ставни и двери были наглухо заперты. Но когда прибывшіе постучались и сказали, кто они, имъ немедленно открыли и встрѣтили ихъ въ высшей степени радушно.

Для остающихся здѣсь они были воплощеніемъ надежды и торжества. Женщинъ среди колонистовъ не было, и Аннѣ некому было повѣрить свои тревоги и волненія. Зато Карскій наспорился и наслушался вволю. Даже вечеромъ, отправляясь къ лодкѣ, онъ еще доказывалъ:

— Нельзя безнаказанно останавливаться слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ. Самыя лучшія формулы не больше, какъ человѣческія же измышленія. Надо стремиться все выше и выше. Доктрины—это только лѣса для такого подъема. Жизнь много шире ихъ. Она состоитъ изъ многихъ теченій, и горизонтъ ея необозримъ. У насъ есть только два указателя для того, чтобы не затеряться въ ея безпредѣльности. Они, по моему мнѣнію, не въ нашемъ мозгу, а въ нашемъ сердцѣ: это справедливость и доброжелательство...

— Я не знаю, какъ примѣнить ихъ безъ разсужденія, а гдѣ начинается разсужденіе, тамъ начинается доктрина. Не знаю, почему вы такъ боитесь ихъ!.. Есть всякія доктрины: большія и малыя, узкія и широкія, любовныя и жестокія. Почему мнѣ отказываться отъ нихъ!..—сурово настаивалъ провожавшій ихъ маленькій человѣчекъ въ большой шляпѣ.

— Все доктрина, даже таблица умноженія доктрина!—рѣшилъ басомъ другой.

— Совсѣмъ нѣтъ!—зашищался Карскій.

— Да оставьте!—просила Анна.—Вѣдь вы объ этомъ уже говорили!..

— А вотъ и наша лодка!

На крышѣ сидѣлъ Козьма и уныло глядѣлъ въ сторону города.

— Гдѣ же люди?

Старикъ развелъ руками.

— Грѣхи!..—вздохнулъ онъ.—Но вы не уходите, могутъ сейчасъ придти, тогда немедля двинемъ.

Опять разыгралась та же, что въ Якутскѣ, исторія, и только благодаря энергіи полиціи лодка двинулась дальше съ уменьшеннымъ количествомъ экипажа. Индюка мертвецки пьянаго казаки насильно притащили и втолкнули въ лодку.

— Этого, сокровища, не оставятъ... Никто такого самоцвѣта не хочетъ!.. Другое дѣло вотъ эти челдоны, трижды лопни ихъ глаза! И доказывалъ я уряднику, что они уговоръ сдѣлали, и паспорты показывалъ. Подавай письменное условіе!.. Какое такое письменное условіе... Они, ваше благородіе, и писать-то не умѣютъ... Не внимаетъ онъ, а почему не внимаетъ, извѣстно: купецъ, что ихъ сманилъ, трешницу, а то и больше сунулъ ему за обшлагъ... Вотъ те и письменное условіе... Я ихъ, желтобрюхихъ, поилъ, кормилъ, вывезъ, а они хуже варнаковъ со мной поступили!..—жаловался Демьянъ на сбѣжавшихъ у него сородичей, двухъ обстоятельныхъ сибирскихъ мужичковъ.

— Опять внизъ отправились! Они такъ третій уже разъ!.. Рублей по пятидесяти домой привезутъ, ловкачи!..—таинственно сообщалъ Карскому Спиридонъ.

— Скверно. Мужики они были надежные, крѣпкіе, ровные... А теперь какъ разъ скверный путь пойдетъ, скóлы да «быки», да шивера!.. Охъ, грѣхи, грѣхи!..—вздыхалъ Козьма.

— Эхъ! Пройдемъ какъ-нибудь! Только бы худыхъ людей объѣхать!..—утѣшалъ Гуранъ.

— А на ту сторону гдѣ переправимся?

— Надо бы, а то по утру остальные сбѣгутъ... А только крѣпко пьяные люди, не выгребутъ... Развѣ, что вы, баринъ, намъ помогли бы, да купцовъ попросимъ...

— Тоже толку въ нихъ мало. Налакались... Не будите ихъ лучше.. Испужаются, станутъ орать, людей смущать... Хватитъ насъ! я, Козьма, господинъ пассажиръ, Ахметка, Служивый. Какъ-нибудь справимся!..—доказывалъ Демьянъ.

Съ большимъ трудомъ удалось имъ перегрести черезъ быстро въ этомъ мѣстѣ несущуюся рѣку. Луна серебрила бурныя струи. Утесъ, чернѣвшій по ту сторону, казался какой-то сказочной горой съ древними развалинами на вершинѣ. Судно, причалившее

къ берегу у ея подошвы, совершенно исчезло въ смолено-черной тѣни утеса, а судовой огонек превратился въ крошечную красную звѣздочку на громадномъ граурномъ пятнѣ береговъ.

VII

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Сѣрая его ткань, перемѣшанная съ мглою, совершенно закрыла окрестности. Неясныя пятна горъ по сторонамъ и смутно движущійся вверху навѣсъ облаковъ образовали длинный корридоръ, по которому съ злобнымъ рычаніемъ неслась изсѣченная и вспѣненная непогодою рѣка. Усталые, промокшіе лямочники еле перебирали ногами, и отяжелѣвшая отъ влаги лодка двигалась крайне тихо и вяло.

— Который-то день уже насъ стегаетъ?!

— Какъ зарядитъ, будетъ мочить до самаго Витима!

— И на кой чортъ мы такъ стараемся? Кого хотимъ удивить... кого утѣшить?—ворчалъ Индюкъ.—Скажемъ просто: не хотимъ и баста. А то возьмемъ, братцы, съ баржи куль муки, кой-что солонины и... барда! Дѣло говорю. Безъ лодки мы тутъ меньше чѣмъ въ пять сутокъ будемъ на Мачѣ... Право!

Предложеніе, однако, не вызвало сочувствія. Одни жиганы заговорили въ перебивку.

— Вѣрно. Мы знаемъ, мы здѣсь бывали... Всѣ тропы, всѣ ходы и выходы спиртоноскія *) знаемъ... Не разъ со спиртомъ изъ Олекмы хаживали... Правду говоритъ Индюкъ... Тутъ тайгою много ближе... Дня три будетъ... не больше!

— Что же ты, Обухъ, скажешь—а?

Обухъ выпрямился и лямку на груди передвинулъ.

— Ишь, солонины имъ чужой захотѣлось! Налегай, налегай... Нечего зубы скалить!.. Самъ буду что ли везти?!

Онъ нагнулся впередъ и упершись въ размокшую землю сильно потянулъ бичеву.

Разговору мѣшалъ вѣтеръ, дождь и спирающія дыханіе лямки. Тѣмъ не менѣе Индюкъ немного спустя опять заговорилъ:

— Меньше насъ стало, а дѣлать то же самое дѣлаемъ... Вода быстрѣе, а людей меньше.... Вы думаете вамъ этотъ супостатъ добавитъ? Какъ же?.. Держи карманъ... Онъ почтитъ вашу добродѣтель... Онъ васъ умаслитъ!.. Ждите! Подавись онъ, дьяволъ, тѣми шкурами, что ихъ ему тащимъ!.. Не пойду я сегодня дальше и конецъ! . Дождь такой!.. Ему, идолу, хорошо подъ палаткой... Давайте, братцы, остановимся!.. Скажемъ, что не пойдемъ... Что же

*) Контрабандисты доставляющіе на пріиски запрещенный тамъ спиртъ; они же по большей части являются скупщиками краденаго золота.

за спѣхъ?.. Векселя къ сроку что ли намъ въ банкъ платить?!.. Ну, нѣтъ, шалишь... Вотъ подъ этимъ утесомъ расположимся, тутъ, кстати, и яма подъ горою... Огонь разведемъ, обсушимся... Эй! Стопъ машина!

Лямочники остановились. Гуранъ торопливо заворочалъ рулемъ.

— Эй, чего стали?

— Небось, сядемъ! Думаешь, какъ ты, подати выстаивать будемъ?..—отрѣзалъ Индюкъ, приближаясь для объясненія.

— Помилуйте, вѣдь нѣтъ еще полудня... Вѣдь такой формой мы и къ зимѣ до Мачи не доберемся...—усовѣщивалъ рабочихъ Демьянъ.

— Именно, съ пользой лѣто проведемъ, за дачу не заплотимъ...— огрызался Индюкъ, собирая бичеву.

— Ѣды не хватитъ. Вѣдь я взялъ ея въ самый обрѣзъ, чтобъ вамъ легче было.

— Да ты, пёсъ, что же кожъ-то своихъ не убавилъ? Голодомъ намъ грозишь... Выискался статуй стоеросовый!..

Подъ утесомъ у огня вспыхнула жестокая перебранка. Ругань и самыя причудливыя проклятья, перемѣшанныя съ плескомъ волнъ, завываніемъ вѣтра, шлепаньемъ дождя, падали на колышущуюся на причалахъ лодку, точно шумъ вновь разгулявшейся непогоды.

— Что это? Степа, слышишь?

— Слышу...

— Что-то случилось.. Не нападеніе ли? Не ходи... умоляю тебя!

— Да ладно! Не пойду.. —кисло отвѣтилъ Карскій.

Онъ все-таки вышелъ наружу на кормовую палубу и сталъ прислушиваться. Гуранъ, Кузьма, купцы шли кучей къ мелькающимъ у огня людямъ. Смѣна лямочниковъ отдыхающая въ лодкѣ тоже зашевелилась; нѣкоторые высунули головы изъ-подъ брезента.

— Вставайте, дурни, нашихъ бьютъ!—будилъ ихъ Спиридонъ.

Перебранка подъ утесомъ то усиливалась, то затихала. Вначалѣ не производила она на Карскаго особаго впечатлѣнія, онъ слышалъ ихъ во время пути не мало и привыкъ къ нимъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ разбиралъ суть вопроса, волненіе охватывало его.

— Анна, я пойду. Тамъ, дѣйствительно, что-то нехорошее творится!

— Подожди, и я съ тобой... Сейчасъ только возьму Сашу...— зашептала блѣдная женщина.

Степанъ слышалъ, какъ задрожали и защелкали у нея зубы.

— Нѣтъ, вдвоемъ хуже!.. Сейчасъ вернусь!..

Не ожидая отвѣта, онъ прыгнулъ на берегъ и побѣжалъ къ костру.

Къ его удивленію, буря уже затихла. Лямочники дружески пе-

реговаривались съ хозяевами и купцами. Спиридонъ вмѣстѣ съ Нѣмцемъ отправились за посудою на лодку. Жиганы, Служивый и Ахметъ собирали на костеръ топливо... Карскій замѣтилъ боченочекъ въ рукахъ у Демьяна, понялъ въ чемъ дѣло и убрался во свояси; на пути онъ встрѣтился съ женою и повелъ ее обратно.

— Пойдемъ, недоразумѣніе и въ этотъ разъ улажено, но... чѣмъ это кончится—не знаю! Ты прости мнѣ, что я опрометчиво подвергъ тебя столькимъ непріятностямъ!..

— Степа, что ты?.. Я вѣдь сама настаивала на отправкѣ... Ты забылъ?

— Да, но я согласился. Есть что-то унизительное въ этомъ зрѣлищѣ... Право, меня это просто гложетъ... Эти жалкіе люди, плохо одѣтые, плохо оплачиваемые, эксплуатируются безсовѣстно; когда же въ нихъ просыпается сознаніе своего положенія, ихъ гнусно спаиваютъ водкой!.. А мы смотримъ и молчимъ. Когда они нагнувшись весь день бредутъ въ непогоду, оборванные и босые, когда вѣтеръ теребитъ ихъ жалкія лохмотья, а наболѣвшія ноги оставляютъ кровавые слѣды на камняхъ... Мнѣ такъ стыдно, что я не глядѣлъ бы я ни на красивыя воды, ни на кого изъ... этихъ сытыхъ... Меня коробятъ даже тѣ ничтожныя удобства, которыя есть у насъ... Крѣпкій, хорошо одѣтый, я сижу въ своей будкѣ въ сухости, въ теплѣ, и попиваю чаекъ съ сухарями... Ѣдемъ мы на спинахъ этихъ людей!.. Я знаю, что это происходитъ вездѣ постоянно, но впервые я это увидѣлъ воочію... Вѣдь среди нихъ есть и старики, и больные... Подчасъ у меня является желаніе присоединиться къ нимъ, помочь имъ, но удерживаетъ меня не то ложный стыдъ, не то глупый предразсудокъ...

— Вовсе не предразсудокъ, но я думаю, что мы ничѣмъ не обязаны ни Демьяну, ни купцамъ, ни ихъ поклажѣ, которую собственно слѣдовало бы сбросить прежде всего...

Карскій задумался.

— Этого я сдѣлать не могу. Впрочемъ, если бы даже всю кладь мы сбросили, то все-таки мы бы ничего не дѣлали, а они бы насъ дальше везли...

— Пусть тогда всѣ тащатъ. Чѣмъ ты хуже этихъ лавочниковъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что выходитъ какъ будто я такой же!.. Нѣтъ, Анна, это не возраженіе. Здѣсь все дѣло въ нашихъ ощущеніяхъ: удовлетворяетъ-ли насъ сознаніе, что съ уплатою денегъ мы сбросили съ себя отвѣтственность или нѣтъ?.. Въ правѣ ли мы требовать за плату, какъ бы она высока ни была, чтобы другіе худѣли, болѣли, страдали... Бичева очень тяжелый трудъ... Далеко ли мы ушли отъ Олёкмы, а посмотри, какъ страшно рабочіе отощали... глаза ихъ ввалились... лица осунулись... Нѣтъ, меня никогда не оставятъ ихъ измученные взгляды...

Анна прижалась къ мужу и обняла его за шею.

— Стёпа, Стёпа ты правду сказалъ когда-то, что мы изъ тѣхъ, которымъ хорошо только на самомъ днѣ...

— Зачѣмъ же?!. Это черезчуръ далеко. Просто плюну я завтра на всякія... разсужденія и... впрегусь въ лямку!—весело отвѣтилъ Карскій.

Когда назавтра Карскій, дѣйствительно, надѣлъ лямку и потянулъ бичеву, всѣ его спутники очень удивились и собрались на носу лодки поглядѣть, какъ везетъ «баринъ»...

— Погрѣться захотѣлъ. Дѣйствительно, холодно... Эй давай и мнѣ лямку!—крикнулъ толстый Терешкинъ.

Но прошелъ онъ не больше полуверсты и вернулся на лодку, вспотѣвшій, усталый и мокрый, требуя забавно громко ѣсть, чаю мяса и водки. Карскій продолжалъ идти.

— Сильный человѣкъ!—хвалилъ его Гуранъ.

Вчерашній ливень превратился въ мелкій, надоѣдливый дождичекъ, въ сѣрую слякоть, разпыляемую въ воздухѣ бурными порывами вѣтра. Темная рѣка тяжело колыхалась.

— Сильный вы человѣкъ!—похвалилъ Демьянъ Карскаго, когда тотъ вернулся на лодку со смѣной лямочниковъ.

По усталому лицу Карскаго скользнуло раздраженіе, онъ готовился рѣзко отвѣтить, но почувствовалъ на себѣ любопытные взгляды недавнихъ своихъ товарищей, Индука, Обуха и другихъ, и удержался.

— Пріятнаго аппетита!—протяжно пожелалъ ему бродяга.— Ау, Спиридонъ, тащи намъ нашу вонючку!

Появленіе Карскаго у бичевы и на слѣдующій день вызвало среди окружающихъ уже болѣе продолжительные толки. Довольнымъ казался только одинъ Гуранъ.

— Бѣдовый лямочникъ!.. Природный бурлакъ... Идетъ, какъ часы, и не дёрнетъ!—расхваливалъ онъ Аннѣ Степана.

Благосклонность къ Карскому проявилъ также и Козьма; онъ, сверхъ обычая, явился днемъ въ бутку Карской и предложилъ ей кусокъ говяжаго жиру.

— Если что... если у мужа ноги напухнутъ... хорошо передъ сномъ вымочить въ теплой водѣ да вотъ жиромъ смазать... Подъ лямкой плечо или грудь сопрѣетъ, ссадина сдѣлается, тоже хорошо смазатъ... Берите, знаю, что у васъ не припасено... Не разсчитывали вѣдь...

Демьянъ вначалѣ не высказывался и двусмысленно покачивалъ головою.

— Мы считаемъ, что онъ это по собственной дѣлаетъ охотѣ.. вродѣ забавы... Скучно, книжки надоѣли, вотъ и ищетъ развле-

ченія... Никому не вредно это, но и не нужно!.. Мы полностью людямъ заплатили до самой Мачи... А если кто развлекается, то мы тоже мѣшать не могимъ... На то онъ пассажиръ!..

— Ну ужъ это какое развлеченіе, это прямо безпорядокъ!.. Отъ этого другимъ въ башки дурныя мысли могутъ придти... Очень просто!—ворчалъ солидный Брылкинъ, враждебно посматривая на бредущихъ по берегу бурлаковъ.

— Что же я могу доспѣть?—оправдываяся Демьянъ.

— А ты бы его лямку спряталъ,—неожиданно вставилъ молчаливый Губинъ.

— Пошто? Этого опять я не могу... Изъ-за этого могли бы люди взбунтоваться!

— Вотъ и видишь: начинается!

— Что начинается?—испугался Демьянъ.

— Да то, что виданное ли дѣло, чтобы образованный господинъ въ лямкѣ ходилъ... За это тебя не похвалятъ... Зачѣмъ мало людей взялъ, скажутъ...

Демьянъ окончательно растерялся.

— Да онъ насъ не послушаетъ... Развѣ вы, Василій Митричъ, соблаговолите сказать ему слово... Да къ тому же и денегъ-то ему я никакихъ платить не намѣренъ...

— А вдругъ онъ потребуетъ!—шутилъ Брылкинъ.—Ну, чтожъ это бы еще ничего!.. Недостаетъ человѣка, онъ и нанялся... Тогда бы онъ былъ такой же мужикъ, какъ другіе... тогда бы все, какъ слѣдуетъ... А то теперь, поди, какъ понимать это? Новые порядки вводить, что ли? Спрошу я его... Почему не спросить. Можетъ онъ не понимаетъ?—громко разсуждалъ купецъ.

Дѣйствительно, когда Карскій, возвращаясь съ работы, проходилъ по узенькой доскѣ мимо купеческаго помѣщенія, Брылкинъ учтиво пригласилъ его зайти на минуту. На крошечномъ столикѣ стоялъ чай, водка, закуски. Степанъ грузно сѣлъ на указанное мѣсто.

— Что? Устали?.. Милости просимъ закусить съ нами.. Водочки рюмочку... Очищенная, безъ запаху...

— Не пью.

— Ну, такъ чаю...

— Жена ждетъ съ обѣдомъ!

— Да-а-а!—протянулъ обиженно старшій купецъ.—Значитъ, полный отказъ! А скажите, молодой человѣкъ, нельзя ли узнать, по какой причинѣ вы, вольный и непринужденный, взяли на себя вдругъ такую обузу заодно съ мужиками?

Карскій взглянулъ пристально на купца и промолчалъ.

Было въ тонѣ и обращеніи купцовъ, съ самаго начала его съ ними знакомства, что-то для него крайне непріятное, ехидное и

враждебное. Но, подумавъ, онъ побѣдилъ отвращеніе и отвѣтилъ возможно сердечно:

— Просто хотѣлъ помочь лямочникамъ, господа!

— Мы это видимъ. — Но развѣ это ваше дѣло?.. Это дѣло Демьяна. И мы, и вы ему заплатили, и мы въ правѣ требовать... А если онъ людей обижаетъ, если ихъ мало или работаютъ они непосильно, такъ на него въ городѣ пожаловаться можно. На то есть власти, государевы чиновники, суды... Къ нимъ и обратиться слѣдуетъ, молодой человѣкъ ..

Карскій насторожился. Разговоръ принималъ хорошо ему знакомый характеръ.

— Развѣ вамъ это мѣшаетъ?—спросилъ онъ уступчиво.

— Конечно, мѣшаетъ. Эта шушера готова вообразить, что всѣ мы ей обязаны помогать... Что—разъ тяжело—всѣ мы должны вылѣзать. Да такимъ образомъ легко случится, что сами сядутъ, а насъ заставятъ везти... Если вы ихъ жалѣете, то дайте имъ рубль или четверть водки поставьте, а то такъ не гоже! Вы ихъ не знаете!.. Вы думаете съ ими обращаться, какъ съ благородными, а они совсѣмъ бросовый народъ... отребье, варнаки, пьяницы!.. Для кого вы стараетесь-то? Развѣ они восчувствуютъ!.. Ихъ во какъ нужно держать!..—добавилъ купецъ, сжимая кулакъ.

— Позабавились вы и будетъ! Ужъ вы сдѣлайте для насъ это, просимъ васъ, уважьте насъ... — сказалъ молчаливый Губкинъ. Карскій всталъ.

— Нѣтъ, не могу. Я думаю, что я такъ обязанъ поступать!

— Ахъ, какой вы противный... Все вы напротивъ судите... Люди такъ, а вы наоборотъ... Нельзя же все по своему дѣлать... Если всѣ станутъ по своему поступать, такъ что же это выйдетъ!.. Конечно, заставить васъ мы не можемъ, но и мы тогда свободны... Какъ аукнется, такъ и откликнется, вы это знайте!..— напутствовали Степана купцы.

Обѣдая, онъ слышалъ за перегородкой, какъ они разговаривали нарочно приподнятыми голосами.

— Сейчасъ въ первой волости прротоколъ... Такъ и такъ: примѣромъ своимъ вводитъ народъ въ смущеніе... Дѣлаетъ не подобающее своему званію... и прямо бунтъ производитъ! Власти съ такими не шутятъ... Живо руки къ лопаткамъ!.. Да и въ сундукахъ, что везетъ, кто его знаетъ! Пожалуй, тоже незаконныя бумаги...

Анна въ ужасѣ ломала руки.

— Не обращай на нихъ вниманія. Навѣрное краденное золото везутъ, и опасаться полиціи у нихъ много больше причинъ, чѣмъ у насъ... Иначе поѣхали бы по почтѣ или пароходомъ...— успокаивалъ жену Карскій.

— Все-таки я бы предпочитала безъ этого! Чего стоитъ одинъ видъ свѣтлыхъ пуговицъ...

— Ни въ какомъ случаѣ уступить не могу!.. Ты сама потеряла бы ко мнѣ всякое уваженіе!—защищался Карскій.

Съ этого момента отношенія къ нему привиллегированной части путешественниковъ сильно ухудшились... Купцы не скрывали вражды къ нему, и часто онъ слышалъ за спиною будто въ пространство брошенныя прозвища:

— Фармазонъ!.. Сицилистъ!

Козьма не являлся больше. Осторожный Гуранъ помалкивалъ. Демьянъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчи и воротилъ отъ него лицо. Спиридонъ сталъ имъ присылать обѣды все хуже и хуже. Карскій довольно строго потребовалъ себѣ пищу по уговору, а на недостатокъ вѣжливости не обращалъ вниманія. Послѣднее было для него не трудно, такъ какъ онъ теперь все время или спалъ, или шелъ по берегу въ лямкѣ. Но онъ не могъ не замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ Анна, даже несмотря на холодную, вѣтряную погоду, выскакиваетъ по временамъ на палубу къ Гурану и просиживаетъ тамъ долгіе часы. Въ то же время обыкновенно изъ купеческаго помѣщенія доносились пѣсни, смѣхъ, восклицанія, вызывающія улыбку на лицахъ сосѣдей-лямочниковъ...

Наконецъ, разъ все это взорвало Степана, онъ отстегнулъ лямку и приказалъ Гурану взять себя на лодку. Тотъ не соглашался причаливать и Демьянъ тоже кричалъ, что времени терять нельзя. Карскій уже хотѣлъ вплавь направиться къ лодкѣ, когда одинъ изъ купцовъ выглянулъ и весело приказалъ пристать:

— Бери, бери... Причаливай!.. Не опасайся... Чего смотрѣть?

— Ты и не повѣришь, что они здѣсь выдѣлываютъ!.. Это какіе-то изверги?.. Какія словца, пѣсни, какіе грязные разсказы!.. Просто усидѣть у насъ въ будкѣ невозможно!.. Они вѣдь знаютъ, что все слышно! .—жаловалась возбужденно Анна.

Карскій взглянулъ укоризненно на Гурана.

— Ссоривай!.. Эй!.. Наметывай. . Дружно ребята, дружно!— кричалъ тотъ умышленно приподнятымъ голосомъ, избѣгая его взгляда...

— Тише!.. услышитъ!..—говорилъ за перегородкой сердитый голосъ.

— Какой—тише! Пусть слышитъ!.. Я заплатилъ за мѣсто и въ правѣ дѣлать, что вздумаю... Онъ тащитъ бичеву, а я пою... Развѣ я ему мѣшаю?.. А придетъ онъ сюда, ну, такъ что-жъ... подеремся... не впервой... Лишь бы не на смерть...—возражалъ другой голосъ, въ которомъ Карскій узналъ Терешкина.

Вслѣдъ затѣмъ купецъ запѣлъ:

Утромъ кофій съ сухарями,
Вечоръ рожа съ фонарями...

. . . . . .

Дальше слѣдовала такая гнусность, что даже Гуранъ покраснѣлъ. Карскій быстро направился по узкому проходу и, ухватившись за дугу входа, нагнулся внизъ.

— Прошу перестать! Сейчасъ прошу перестать!..

— Что-о! Кто ты такой, что смѣешь приказывать?.. Великая душа на маленькихъ ножкахъ...—бормоталъ Терешкинъ.

— Уходите... уходите... мимо! Оставьте насъ въ покоѣ!—вмѣшался Брылкинъ.

— Требую, чтобы вы прекратили безобразіе...

— Вы согласились до отъѣзда, что все снесете!

— Да что тутъ съ нимъ толковать! Свидѣтелей нѣтъ!.. Пусть жалуется!..

— Хозяинъ! — вскричалъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ Карскій.

— Что—хозяинъ! Мы и хозяину зубы посчитать можемъ!..

Демьянъ и не думалъ являться. Карскій чувствовалъ свое безсиліе и бѣсился все больше.

— Въ воду брошу!—проговорилъ онъ, наконецъ, глухо.

— Руки коротки... Слышите, братцы, убійствомъ угрожаетъ!

— Связать его! — распоряжался Терешкинъ, приближаясь къ Карскому съ гаруснымъ шарфомъ въ рукѣ.

Карскій протянулъ руку къ толстяку, но купцы удержали товарища. Въ то же время Карскій почувствовалъ сзади легкое прикосновеніе и обернулся.

— Оставь, Степа, этихъ злыхъ людей! Пусть поютъ!.. Имъ же стыдно!—проговорила блѣдная, какъ полотно, Карская.

Степанъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ, но тутъ же замѣтилъ странный, полный боли взглядъ жены, ея необычную блѣдность, струи быстро несущейся пучины близко, тутъ же подъ ея ногами, и мгновенно устыдился.

— Жаль, что ты вмѣшалась! Слѣдовало мерзавца бросить!

— Что же бы вышло хорошаго?

— Они Богъ знаетъ до чего они въ состояніи довести!—говорилъ сердито Карскій, усаживая жену подъ навѣсъ.

— Не опасайтесь... Больше пѣть не будутъ!.. Знаю я ихъ, московскихъ калачей!.. Какіе они купцы, просто лабазники, сами себя величаютъ!—утѣшалъ его въ сторонкѣ Гуранъ.

— Сегодня они пьяны. Сегодня вы должны имъ простить. А вытрезвятся—не посмѣютъ... Вѣдь это видно, что вы и въ рожу смазать можете...

— Христіанинъ!.. Сердобольный господинъ... А сейчасъ: въ воду

А въ участокъ не угодно ли?.. Враги религіи и отечества...—кудахталъ за полотномъ пьяный Терешкинъ, пересыпая все многоэтажной руганью.

— Вы сойдите на берегъ, сойдите на берегъ, господинъ,—настаивалъ Гуранъ.

Карскій послушался. Нѣкоторое время гремѣли еще дикія восклицанія, нарушая чистоту прелестнаго, пригожаго дня, но постепенно все затихло.

Лямочники молча встрѣтили Карскаго и выжидательно посматривали на него, пока онъ надѣвалъ лямку. Ему казалось, что во взглядахъ и обращеніи кроется недовольство имъ и легкая насмѣшка.

VIII.

Предсказанія Гурана оправдались. Купцы больше не пѣли и не сквернословили. Они между собою даже прекращали разговоры, когда приближался Карскій, и только провожали его враждебнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ. Зато за глаза и въ сторонѣ отъ Анны они давали волю своей злобѣ.

— Ишь, Бога захотѣли быть умнѣе!.. Міръ вздумали поправлять... Недоросли!—философствовалъ на носу Брылкинъ.

— Эй, пошли, корявые!..—кричалъ и свистѣлъ Терешкинъ въ сторону лямочниковъ.

— Слышите, какъ свистятъ на васъ... — обратился къ Карскому Индюкъ.

— А почемъ знаете? Можетъ быть, на васъ!

— Ну, нѣтъ! Не свистѣли на насъ раньше, зачѣмъ имъ теперь свистѣть?

— Мы бы ихъ свиснули!.. Какъ же!..—вмѣшались жиганы.

Карскій вспыхнулъ.

— Худо держите лямку. Выше поднять надо. Духъ вамъ сопретъ...—проговорилъ Обухъ. Онъ полуобернулся на ходу, и они съ Карскимъ дружески встрѣтились глазами.

Къ счастью, разговоры у лямочниковъ бывали непродолжительны. Шли они по большей части молча, съ глазами, уставленными безсмысленно въ пространство или въ сермяжныя спины идущихъ впереди товарищей. Великолѣпные виды, казалось, не существовали для нихъ. Глаза ихъ не замѣчали синевы водъ, густой окраски скалъ, свѣжей зелени лѣсовъ, то позлащенныхъ солнцемъ, то меркнущихъ внезапно отъ тучъ. Они только съ досадой встрѣчали начало всякаго плеса, со скукой брели вдоль него и съ нетерпѣніемъ высматривали конечный мысъ, за которымъ начинался новый, также утомительный, плесъ. Желтые, какъ золото, или сѣрые, какъ платина, пески, занимали ихъ исключительно своей сы-

пучестью, зыбкостью и глубиною. Они не видѣли ни живописныхъ, каменныхъ обваловъ, ни красивой разноцвѣтной гальки. Они не любили говорить и думать, потому что тогда къ трудамъ тѣла приходилось добавлять трудъ духа.

Карскій за это время многому научился. Онъ близко познакомился съ психологіей упряжнаго животнаго. Вначалѣ онъ еще по привычкѣ кое-что замѣчалъ, останавливалъ подольше взглядъ на попадающихся по пути красотахъ; пробовалъ убить время размышленіями о важныхъ общественныхъ и умозрительныхъ вопросахъ; но все это быстро прекратилось. Онъ разъ-два споткнулся, сбился въ шагу, дернулъ товарищей и его дернули, и онъ оставилъ наблюденія и разсужденія, сталъ, какъ всѣ, глядѣть на дорогу, высматривая только издали препятствія и соображая, сколько времени придется идти къ тому мысу, за которымъ судно войдетъ въ болѣе тихія струи.

Возвращался онъ къ себѣ сонный, разбитый, одеревенѣлый, равнодушный... Иногда бралъ на колѣни сына и огрубѣлыми пальцами ласкалъ его золотыя кудри, но отвыкшій отъ него мальчикъ дичился и убѣгалъ къ матери.

— Онъ тебя, Степа, теперь такъ рѣдко видитъ!..—оправдывала ребенка Анна. Иногда Карскій приходилъ со смѣны до того усталымъ, что даже отвѣчать не могъ. Тогда Анна смотрѣла въ его отупѣлое лицо выжидательно глазами, полными слезъ и преданности. Разъ, обмывая напухшія его ноги, она крѣпко прижала къ нимъ свои губы. Степанъ смутился и быстро поджалъ подъ себя ступню...

— Это опять что такое?

— Ты... святой!

— Совсѣмъ я не святой... Даже чувствую себя хуже, чѣмъ былъ: что-то во мнѣ тупѣетъ... Уже... не сочувствую никому!.. Я раньше разсужденіемъ отрицалъ этотъ путь, теперь же убѣдился на опытѣ, что онъ, дѣйствительно, самый утопическій въ дѣлѣ исправленія человѣческихъ отношеніи... Лучшіе люди исчезнутъ безслѣдно въ пучинѣ физическихъ страданій, не достигнувъ даже личнаго успокоенія... Ты думаешь, я спокоенъ? Ничуть! Меня гложетъ вопросъ, почему все это совершается такъ нелѣпо?.. Къ тому же я только теперь ясно вижу ту громадную перемѣну, какая должна совершиться въ нравахъ, чувствахъ, понятіяхъ, инстинктахъ, чтобы хоть приблизительно восторжествовали идеалы братства и справедливости... Прямо руки опускаются... но кто-нибудь долженъ же начать...

— Да, если есть силы и здоровье!..—тихо прошептала Анна. Она опустила внизъ свои тонкія руки, и склонила голову безсильно на грудь.

*

— Не въ томъ дѣло, ненаглядная!—горячо заговорилъ Степанъ.—Я знаю, но больно сознавать себя бременемъ и помѣхою!

Карскій съ тревогою замѣтилъ, какъ быстро худѣла она отъ всѣхъ этихъ волненій, неудобствъ.

— Не грусти, твой Степа за тебя отработаетъ!.. Къ тому же этотъ путь, къ счастію, не единственный... Жизнь движется впередъ широкимъ потокомъ и струи ея многосложны...—утѣшалъ онъ ее мягко, и она уснула, прижавшись къ нему, убаюканная его разсказами о томъ, какъ они со временемъ устроятся на югѣ, на землѣ...

Такихъ вечеровъ у нихъ было все меньше. Путь становился труднѣе. Обыкновенно Карскій, поѣвъ, валился сейчасъ же, какъ снопъ на постель.

Долина рѣки дѣлалась все уже. Берега сдвигались и закрывали горизонтъ. Исчезли ясные, просторные, безконечные плесы, исчезли острова. Жилистое теченіе собралось въ трубу и лилось неудержимо по каменному ложу каменнаго корридора, образуя буруны, бугры и воронки на болѣе крупныхъ неровностяхъ дна, съ шумомъ перекатываясь на мелкихъ шиверахъ, клокоча и лязгая у подножья подмытыхъ изъѣденныхъ теченіемъ «быковъ».

Судно перебиралось осторожно изъ поворота въ поворотъ точно входило на гору по большимъ и скользкимъ хрустальнымъ ступенямъ. Лямочники все ощутительнѣе чувствовали его тяжесть, и бичева натягивалась все крѣпче. На бичевикѣ преобладала теперь галька и острая скальная осыпь. Мѣстами тропинка представляла узкій, подмытый рѣкою уступчикъ высокаго обрыва, мѣстами это былъ мелкій, покрытый водою шиверъ. Съ одной стороны подымался отвѣсно утесъ, съ другой пѣнились бѣшенныя волны. Бичева напрягалась тогда, какъ струна, сильно накреняя мачту. Лямочники тихо брели въ водѣ, погружаясь иногда выше колѣнъ, а иногда и выше пояса. Гуранъ глазъ не спускалъ съ воды и даже худѣлъ отъ безпокойства.

— Главное, мало людей!..—жаловался онъ.

— Гдѣ же ихъ взять то!.. Гдѣ ихъ доспѣть!? Я ли не убивался?..—огрызался Демьянъ.

Теперь уже ежедневно останавливались они ночевать въ виду общаго обезсилѣнія людей и въ виду наступленія темныхъ ночей. Селеній и жителей нигдѣ ни слѣда.

Разъ всего попался имъ навстрѣчу одинокій путникъ. Онъ плылъ внизъ по теченію на маленькомъ плоту, въ треухѣ и косматой дохѣ, похожій издали на подхваченную разливомъ копну сѣна. Подъ рукой впереди него стояла на ножкахъ сибирская винтовка, а около нея горѣлъ на маленькомъ глиняномъ шесткѣ крошечный огонечекъ, и кипѣлъ крошечный чайникъ.

— Эй, братъ, откуда?—спросилъ его Гуранъ.

— Съ воздуха!..

— А куда?

— Отсюда не видать!..—отвѣтилъ дерзко охотникъ, провожая лодку глазами.

— Ишь, фигура!.. Плыветъ на плоту, но поплыветъ и безъ его!.. Спиртоносъ!..—объяснилъ Аннѣ Гуранъ.

Въ другой разъ лодка наткнулась на трехъ такихъ молодцовъ, отдыхавшихъ подъ скалой у костра. Тутъ же лежалъ вверхъ дномъ небольшой верховой батъ. Одинъ изъ бродягъ подошелъ къ лямочникамъ и заговорилъ съ ними, но Гуранъ рѣзко закричалъ на нихъ, чтобы шли, и замедлившіе было шагъ люди опять дернули. Только идущій во главѣ Майданщикъ вынулъ кисетъ и бросилъ незнакомцу. Въ тоже время у берега явился въ душегубкѣ Козьма и долго плылъ слѣдомъ за лодкой, какъ бы оберегая ее. Бродяга махнулъ рукой и вернулся къ своимъ.

На ночевкѣ лямочники, какъ всегда, развели раньше всего на берегу костеръ, чтобы на просторѣ въ ожиданіи ужина, пообсушить и починить платье да обувь, покалякать и разсправить уставшіе члены. Ужинъ готовилъ Спиридонъ теперь всегда на лодкѣ, и спали всѣ на лодкѣ, но отдыхать рабочіе предпочитали на берегу, гдѣ ничье присутствіе не стѣсняло ихъ. Карскій немедленно послѣ остановки уходилъ къ женѣ.

— Видѣли, какъ испугались? Даже старый боберъ вылѣзъ изъ своей норы. Говорю вамъ, они съ золотомъ ѣдутъ...—соображалъ многозначительно Индюкъ.

— Чего имъ пугаться? Троихъ-то бѣдняковъ, которые безъ хлѣба, соли и табаку вторыя уже сутки сидятъ...—объяснилъ Майданщикъ.

— Да развѣ три человѣка мало? Да съ троими молодцами ворохъ дѣловъ передѣлать можно!.. — горячился Индюкъ.—Отсюда недалече, всего одинъ переходъ, цѣлую баржу двое бродягъ половили. Сумерки стояли. Плыветъ баржа, какъ наша, а они въ душегубкѣ мимо. Подошли къ рулевому. «Дай хлѣба», говорятъ Онъ имъ и подалъ, а бродяга-то хвать его за руку, да на корму... Тутъ его ножомъ и въ воду... Судно къ берегу повернуло, а тамъ уже пять человѣкъ дожидается... Тѣ лямочники, что по берегу шли, не дураки парни, побросали все и убѣжали, а смѣну, что въ лодкѣ отдыхала, да хозяевъ порѣзали молодцы въ мигъ да въ Лену... Только хозяйскую жену въ живыхъ оставили... всю ночь съ ней тѣшились, а поутру разорвали пополамъ и тоже въ воду... Проплыли съ теченіемъ кой-куда, да въ соотвѣтственномъ мѣстѣ товаръ, водку, хлѣбъ и все прочее, какъ слѣдуетъ, на берегъ сгрузили, баржу зажгли и пустили... Пошла голубушка концы

хоронить!.. Все имъ сошло съ рукъ... Никого въ тотъ разъ не поймали. Кто въ тайгѣ умнаго человѣка поймаетъ? Скалы, лѣсъ, вода. Тутъ всякъ, точно иголка въ стогу сѣна... Ищи ее! Тутъ жить можно!.. Тутъ такихъ дураковъ мало, чтобы они дьявола потѣшали, ноги на каменьяхъ калѣчили, требуху купеческую на себѣ тащили...

Индюкъ шапку передвинулъ на другое ухо и взглянулъ презрительно на слушателей. Тѣ, видимо, были заинтересованы. У жигановъ даже глаза загорѣлись, Нѣмецъ широко раскрылъ свой вороній ротъ, даже Служивый покручивалъ свой щетинистый усъ.

— Со-всимъ нэ пы-малъ? — переспросилъ съ недовѣріемъ Ахметъ.

— Да говорю тебѣ, стоеросовый, не поймали... Нѣкоторые по сей день здравствуютъ. Разбогатѣли съ той удачи. Одинъ въ Киринскѣ фальшивую монетню открылъ. Теперь у него два дома... въ почетѣ живетъ. А нѣкоторые, правда, погибли, но не по этому случаю. Мало ли случаевъ нашему брату погибнуть? Мало ли нашихъ челдоны треклятые въ Лену ежегодно спускаютъ? Льется кровь рассейская... Каждая пядь земли здѣсь этой кровью облита... А то случается сами себя тоже здорово перекрошатъ, когда двѣ партіи спиртоносовъ сойдутся, золото другъ у дружки отнимать станутъ. Въ тѣхъ-то мѣстахъ, гдѣ теперь идемъ, по осени подъ каждой, почитай, колодой трупъ человѣческій валяется... Извѣстно: золотоносная земля.

Индюкъ, видимо, воспламенился и посыпались разсказы одинъ другого ужаснѣе, кровавѣе, невѣроятнѣе. Выраженія: пнулъ, рубанулъ, треснулъ, уважилъ, долбнулъ—такъ и мелькали. Разсказчикъ помогалъ себѣ жестами или разыгрывалъ цѣлыя пантомины, показывая, какъ корчились, закатывали глаза, хрипѣли умирающіе... Затѣмъ описывалъ тѣ неисчислимыя богатства и удовольствія, которыя доставались удальцамъ...

Глаза бурлацкой мелюзги горѣли хищнымъ огнемъ, но Майданщикъ курилъ спокойно свою трубочку, а Обухъ потягивался и зѣвалъ.

— Что же это ужинать не зовутъ? Какъ ты думаешь, Индюкъ, почему это *онъ* по собственной волѣ лямку съ нами тащитъ?..— спросилъ неожиданно силачъ.

— Кто его знаетъ! Съ жиру бѣсится!.. зажирѣлъ!.. А то, можетъ, насъ подстерегаетъ!..—гнѣвно отвѣтилъ бродяга.

— Ой ты!.. Враль вралевичъ!.. Такой ты, слышу я, фартовый... Посмотрѣть на тебя, такъ ты ровно въ золотѣ ходишь!..—усмѣхнулся Майданщикъ.

— Все отъ ней, отъ сердечной... Отъ водочки-мамочки, батюшка ты мой!.. Все что ни добуду, къ тебѣ несу!..—отгрызался

уже опять весело Индюкъ.—А ты, Обухъ, знай, что у этихъ барынь особый скусъ!

— Эй, вы тамъ! Балагуры!.. Ужинать и спать!—загремѣлъ съ судна голосъ Демьяна и гулкимъ эхомъ покатился по черной рѣкѣ.

Брошенный огонь одиноко догоралъ, отбрасывая далеко на воду алый трепетный сполохъ. Въ его вспышкахъ являлись изъ мрака съ одной стороны стоящая неподвижно среди бѣгущихъ струй лодка, съ другой—громадный корявый утесъ. Огонь потухалъ, уменьшался, какъ бы всасывая разлитую здѣсь недавно людскими разсказами кровь. Взамѣнъ изъ-за края скалы всплывала луна и серебрила своимъ ровнымъ, чистымъ свѣтомъ спящіе лѣса, горы, пески и камни и вѣчно бодрствующую, вѣчно бѣгущую къ океану рѣку.

IX.

Лодка еле-еле двигалась. Зеленоватыя струи рѣки мѣстами прямо становились на дыбы, высоко вползали на грудь судна и, разбитые его водорѣзомъ, бѣжали съ шипѣніемъ мимо, вымѣщать злобу на спокойный берегъ и мутить дальнія тихія воды.

— Дружно, ребята, дружно! Нахрапомъ!..—ободрялъ усталыхъ лямочниковъ Гуранъ.—Никакъ имъ пособить не могу. У берега озеро, но мелко, а глыбже—огневая быстерть!..—извинялся онъ передъ Анной, которая съ видимымъ страданіемъ посматривала на согбенную фигуру мужа среди тихо шагающихъ рабочихъ. Даже Демьямъ и Козьма впряглись въ бичеву, и даже Терешкинъ въ болѣе трудныхъ мѣстахъ присоединялся къ лямочникамъ. Къ помощи Карскаго всѣ до того привыкли, что, когда онъ однажды проспалъ, Демьянъ разбудилъ его безъ дальнихъ околичностей.

— Вы намъ простите, но безъ васъ у насъ совсѣмъ другое силъ расположеніе...—вѣжливо объяснилъ онъ свою неучтивость.

Карскій, разумѣется, сейчасъ же одѣлся и вышелъ.

Крупные утесы все чаще и чаще подходили къ самой рѣкѣ. Одинъ они уже были принуждены «обойти», такъ какъ онъ совсѣмъ былъ лишенъ карниза. Козьма собралъ бичеву и перевезъ ее осторожно среди бурлящихъ и клокочущихъ волнъ. Затѣмъ перевезъ по одному людей. Лодка все это время стояла у скалъ на баграхъ, лихорадочно содрогаясь отъ ударовъ теченія.

Немного повыше этой скалы путешественники замѣтили трупъ утопленника, плывущій лицомъ внизъ, съ руками и ногами повисшими у вздутаго, одѣтаго въ красную рубаху, корпуса, какъ сѣрыя тряпки.

— Гости плывутъ!.. Мача близко...—замѣтилъ Гуранъ, указывая Аннѣ на тѣло.

Та глазъ не могла отвести отъ мертвеца, пока его отталкивали багромъ отъ лодки.

На слѣдующій день наткнулись на другого, тотъ былъ совсѣмъ нагой, исключая ступней, одѣтыхъ въ старыя размокшія бродни. Онъ уткнулся головой въ мель, волны опрокинули его на бокъ и обнаружили на груди жестокую рану. Онъ строго глядѣлъ на проѣзжихъ пустыми глазницами, откуда чайки давно выклевали глаза.

Къ несчастью, и этого увидѣла Анна.

— Далеко ли Мача?—частенько спрашивала съ тѣхъ поръ Анна рвущимся отъ волненія голосомъ.

— Верстъ шестьдесятъ осталось, не больше... Вы не пугайтесь, теперь мы все равно, что на мѣстѣ... Теперь ужъ сумнѣнія нѣтъ, что дойдемъ... А на утопленниковъ вы не смотрите. Ихъ тутъ много... Обыкновенно—пріиски... Золото! — вздохнулъ Гуранъ.

Но Карская уже не могла побѣдить охватившаго ее ужаса и дикой потребности видѣть *ихъ* всѣхъ... Она не сводила глазъ съ хрустальныхъ, зеленоватыхъ волнъ, отыскивая на нихъ темныя, подозрительныя пятна.

Только присутствіе мужа успокоивало ее, но мужъ все спалъ, спалъ крѣпко, мертвецкимъ, усталымъ сномъ. Такъ поступали всѣ лямочники, въ настоящее время даже весь экипажъ лодки, такъ какъ всѣ принимали посильное участіе въ тяжеломъ трудѣ

Близость цѣли и безысходность положенія возбуждала всѣхъ:

— Скоро и ѣды не будетъ!—объявилъ Демьянъ.

Всѣ торопились; даже Индюкъ повторялъ частенько:

— Вправду, поскорѣй бы!.. Покончить бы съ этой ледащей дурой!.. А и то правда: не знаю, зачѣмъ васъ не покину... Вѣдь сегодня еще я былъ бы въ кабакѣ!.. Совсѣмъ человѣкъ отъ сообщенія съ вами ума рѣшился!.. И нѣтъ во мнѣ ни къ чему теперь настоящей охоты...

— Ну, этотъ рубль, что отъ Демьяна получишь, тоже небось въ разсужденіе принимаешь...—иронически замѣтилъ Майданщикъ.

— Вѣрно, другъ мой! Но что рубль?.. Отъ рубля на Мачѣ деньгамъ счетъ начинается! На долго ли это хватитъ? Эхъ вы—нелюди!.. Были бы вы съ умомъ, у всѣхъ бы рубли очутились... Еще время—баржу бы мы на сколы пустили... Купцы, навѣрное, везутъ золото!..

— Да ты золото-то видѣлъ? Брехать легко... А такое дѣло изъ-за двухъ-трехъ рублей устроить тоже не шибко умно... У всякаго проектъ!.. Твой нелѣпый, ты и помалкивай,—напустился на него Майданщикъ.

— А у тебя развѣ лучше?..

— Можетъ, и есть!

— Такъ скажи!..

Старый разбйникъ сощурилъ хитро глазъ.

— Прытокъ-ты! Рано умрешь...

— Миновала меня, значитъ, смерть моя!.. Старые вы хрычи! —смѣялся Индюкъ...

Онъ оставилъ уговаривать гловарей артели и обратился къ мелкотѣ. Все шептался съ тѣмъ и другимъ и въ настроеніи лямочниковъ совершался какой-то переломъ, который даже Карскій замѣтилъ. Они не такъ уже старательно тащили лямку.

Однажды среди глубокаго сна Карскій почувствовалъ, что кто-то его крѣпко и тревожно дергаетъ за плечо. Съ легкимъ стономъ онъ проснулся, но сразу не могъ разобрать, что съ нимъ. Онъ думалъ, что это утро́, что пора вставать на работу и жалѣлъ о страшно быстро умчавшейся ночи. Между тѣмъ, кругомъ было темно и какъ-то... непонятно. Его продолжали дергать за плечо и нашептывать:

— Стёпа, Стёпа... вставай... Они сговариваются... они сейчасъ придутъ... вотъ ножъ... Они идутъ... Всѣ погибнемъ... Не хочу я... въ этой страшной землѣ... на родину... Плывутъ.. плывутъ... подбираются.

Карскій узналъ голосъ жены и вскочилъ съ испугомъ. Онъ прислушался мгновеніе. Дѣйствительно снаружи летѣли какіе-то вздохи, лепетанія, шорохъ...

— Это вода, Анна, не пугайся... Я сейчасъ зажгу свѣчу.

— Ни за что! Они легче замѣтятъ насъ... Ты не знаешь, я тебѣ не говорила, не хотѣла пугать тебя... Они такъ странно смотрятъ на меня... Плывутъ, плывутъ лицомъ внизъ... съ руками обвисшими, какъ плети. Слушай, слушай... опять... Ты ничего не слышалъ?..

Она хватала его крѣпко за руку, но онъ рѣшительно вырвалъ ее и зажегъ свѣчу. Когда онъ увидѣлъ жену въ одномъ бѣльѣ съ черными волосами, разсыпавшимися кругомъ возбужденнаго лица, съ безумно горящими широко раскрытыми глазами, съ ножомъ въ рукѣ, онъ ужаснулся...

Онъ осторожно попробовалъ отнять у нея, прежде, всего злосчастный клинокъ...

— Милая, милая... Иди сюда... Не пугайся... Это я... И ничто не угрожаетъ намъ.

Свѣтъ, повидимому, успокоилъ больную...

— Боюсь... боюсь... Степа!.. Сама не знаю, что со мной творится..—жаловалась она много спокойнѣе.

— Не бойся... Всѣ спятъ, а завтра мы будемъ въ Мачѣ... Не вскипятить ли тебѣ чаю?

— Хорошо бы, но ты не уходи... Я съ тобою... я тебя ни за что не оставлю... Возьмемъ и Сашу... Ты спишь, а я все бодрствую... Столько ночей... Иногда прямо являлись они... Протягивали кровавыя руки... Что сдѣлалъ вамъ ребенокъ?.. Пощадите... Онъ не выдастъ васъ... Не кладите грубыхъ пальцевъ на его головку... косточки у него нѣжныя...—опять начинала бредить она.

— Анна, Анна... Онъ спитъ спокойно, смотри, и нѣтъ никого...— шепталъ Карскій, обнимая бьющуюся жену. Она притихла въ его крѣпкихъ объятіяхъ.

— Эти ночи... ужасныя ночи... они прошли... хорошо, что ихъ больше не будетъ... Мнѣ кажется минутами, что я проваливаюсь въ какую-то темную бездну... я повисла на самомъ краю... и меня что-то зоветъ изъ глубины, чтобы я бросилась туда... Нѣтъ, нѣтъ я хочу разъ, еще разъ взглянуть сознательно на родину!

— Да пустое. Все кончится хорошо... Послѣдній вѣдь день... Ночь просидимъ вмѣстѣ, а днемъ... вѣдь ничего не можетъ случиться...

— Безъ тебя я и днемъ боюсь...

— Хорошо. Мы посмотримъ завтра. А теперь ты одѣнься. Мы пойдемъ чай пить. Сашу оставимъ. Пусть спитъ... Никто сюда не придетъ, повѣрь мнѣ... Я буду зорко слѣдить за всѣмъ... Скоро свѣтаетъ!.. Одѣвайся!..

Анна колебалась.

— Хорошо!—согласилась она, наконецъ, поборовъ страхъ остаткомъ разсудка.

Они вышли на кормовую палубу.

Густая, молочная мгла плотно окутывала судно. Берега исчезли въ ней. Даже мачта и носъ лодки чуть значились среди пронизаннаго луннымъ свѣтомъ тумана. Внизу шумѣли глухо невидимыя струи. Изрѣдка на мигъ, сквозь незамѣтные ходы во мглѣ, лучъ мѣсяца проникалъ къ водѣ и зажигалъ серебристыя искры, молни и зыбучіе столбы на ея черныхъ волнахъ. Тогда казалось, что лодка несется въ облакахъ по лентѣ свѣта въ невѣдомое царство На носу тлѣлъ огонекъ.

— Знаешь, ты подожди здѣсь, а я сбѣгаю и поставлю чайникъ.. Въ мигъ вернусь...

— Нѣтъ, нѣтъ... я съ тобой!..

Она не отпускала его руки, и они съ трудомъ перебирались по скрипучимъ узкимъ доскамъ вдоль лодки надъ шумящей водой. Вездѣ за полотномъ навѣса слышно было мѣрное дыханіе спящихъ людей. Только въ одномъ мѣстѣ край парусины приподнялся, и оттуда глянули сверкающіе глаза, но Анна не замѣтила ихъ. Она окончательно успокоилась, перестала дрожать и

разъ еще только вздрогнула, когда изъ-за костра выглянулъ къ нимъ неожиданно мистическій туманный ликъ.

Это былъ Козьма. Увидѣвъ ихъ, онъ ничуть не удивился, какъ будто ждалъ ихъ и былъ имъ даже радъ.

- Садитесь вотъ сюда! Здѣсь чище... Веселѣе будетъ... Вы тоже не спите, видѣлъ я — все жгете свѣтъ... И я не сплю... Думливъ я... все думаю, какъ... что... вотъ отъ этого и безпокоюсь... Другимъ все нипочемъ, а я не могу... Слава Богу, завтра конецъ! Только бы погода не пришла, а то вѣтеръ гудитъ въ каменьяхъ... Слышите?!

Глухіе, жалобные звуки пролетѣли вверху, точно стаи вспугнутыхъ птицъ. Туманъ колыхался. Анна повеселѣла.

Такъ они просидѣли до разсвѣта, распивая чай и разговаривая мирно о разныхъ предметахъ. Старикъ разговорился и, по просьбѣ Карскаго разсказывалъ о деревенской жизни въ родномъ селѣ, о промыслахъ, рыбной ловлѣ, хлѣбопашествѣ и прочихъ «верховыхъ дѣлахъ».

На разсвѣтѣ Карскіе вернулись къ себѣ. Анна уснула немедленно; Степанъ тоже соснулъ еще часокъ до работы.

X.

День всталъ сѣрый и вѣтряный. Въ узкой долинѣ рѣки, особенно на открытыхъ по вѣтру поворотахъ, бушевала почти буря. Лямочники съ трудомъ одолѣвали теченіе воды и воздуха. Согнувшись въ три погибели, они шли упорно, съ зажмуренными глазами, похожіе на воловъ, бодающихъ врага. Гуранъ не скрывалъ своихъ опасеній.

— Ничего не видно... Рябитъ, а что рябитъ — неизвѣстно... Гдѣ мель, а гдѣ вѣтеръ, Богъ его знаетъ!? Я бы совѣтовалъ подождать...

Ни лямочники, ни пассажиры слышать объ этомъ не хотѣли.

— Вамъ хорошо!.. Хотите спите, хотите работаете... Чаи по ночамъ распиваете!.. Полунощники!..—разсуждалъ громко Индюкъ, бросая злобный взглядъ на запоздавшаго Карскаго.

— Не желаемъ, не разсчетъ намъ!..—поддержали возбужденно бродягу жиганы.

— Лучше ты, Гуранъ, бичевы наддай, а мы пойдемъ... Всѣмъ надоѣло!.. Ужъ я-те говорю, такъ будетъ лучше! — совѣтовалъ дружески въ сторонѣ Майданщикъ.

По лицу Гурана мелькнуло что-то и онъ больше не настаивалъ. Онъ повелъ лодку дальше отъ берега быстринами, по безопаснымъ глубокимъ водамъ; но лямочникамъ отъ этого прибавилось много труда. Въ этотъ день всѣ путешественники были въ

движеніи. Демьянъ тащилъ лямку наравнѣ съ другими и помогали имъ даже оба купца. Только солидный Брылкинъ блюлъ свое достоинство. Впрочемъ, старость извиняла его.

Тѣмъ не менѣе, едва подъ вечеръ они дотащились къ послѣднему опасному утесу, отдѣляющему ихъ отъ Мачи. Крутой «быкъ» врѣзывался въ самый материкъ, и вода прямо клокотала впереди него отъ вѣтра и буруновъ. Большіе подводные камни изрѣдка высовывали изъ волнъ свои черные, склизкіе лбы.

— Ночуемъ, братцы, ночуемъ... Завтра, дастъ Богъ, стихнетъ!

— Какъ же!.. Кой дуракъ станетъ сидѣть въ такомъ сквознякѣ!.. Кабакъ, чай рукой подать... Полъ-часа ходьбы... Ты мнѣ сейчасъ тогда долженъ мое жалованье выплатить, а тогда сиди, если хошь!—бунтовался Индюкъ...

— Свѣтло еще!.. Вѣдь Мачу то видно!..—кричали другіе! Демьянъ нерѣшительно посматривалъ на Гурана, но и тотъ былъ за движеніе.

— Убѣгутъ люди. Послѣ и за пять рублей не наймешь ихъ. Сколько сутокъ придется тогда торчать здѣсь!?. Ѣдемъ! Лишь бы не мѣшкать, пока свѣтло!..

— Утопишь ты насъ!.. Безпремѣнно утопишь!..—вздыхалъ Демьянъ.

Первую скалу «обошли» они благополучно; но за ней была вторая болѣе опасная. Между утесами берегъ образовалъ небольшую вогнутость, полную скальныхъ обваловъ, поросшихъ мхомъ, кедровикомъ и кустовидной лиственницей. Вода въ бухточкѣ стояла спокойная и вѣтеръ сюда не проникалъ, но лодку отъ тихой заводи отдѣлялъ рядъ острыхъ камней и ее пришлось держать баграми и на причалахъ среди самаго кипучаго водоворота, пока заносили бичеву за слѣдующій утесъ. Причалы напрягались и дрожали какъ струны, дрожало судно, дрожали камни и скалы отъ бѣшеныхъ ударовъ прибоя. Промокшіе и иззябшіе бурлаки развели на берегу огонь, сушились и грѣлись, въ то время какъ часть ихъ, карабкаясь по выступамъ скалъ помогала товарищамъ заносить канатъ. Два раза душегубка подплывала къ утесу и два раза волны и порывы вѣтра отбрасывали ее назадъ. Управляли въ ней два лучшіе гребца Обухъ и Индюкъ, такъ какъ Козьма остался на суднѣ помогать Гурану въ случаѣ срыва судна.

— Не сдюжаютъ! Эй, ворочайтесь... Пусть Обухъ сюда идетъ... Я свезу канатъ!..—кричалъ старикъ, стараясь покрыть голосомъ рокотъ волнъ.

Душегубка опять приближалась къ утесу. Она скользила среди пѣнистыхъ воловъ, съ бугра на бугоръ. Обухъ прилежно гребъ, нагнувшись впередъ, Индюкъ посылалъ товарищамъ воздушные

поцѣлуи. Вдругъ челнокъ исчезъ; еще разъ взмахнуло весло, простерлись вверхъ чьи-то руки и омутъ сомкнулся надъ ними...

Бурлаки ахнули. Всѣ они замерли неподвижно въ тѣхъ положеніяхъ, въ какихъ ихъ застигло событіе. Они зашевелились только, когда Козьма закричалъ на суднѣ:

— Лови!.. Лови!.. Веревку!.. Сюда... Обухъ!..

Они взглянули на рѣку и увидѣли быстро плывущій вверхъ дномъ челнокъ, а ближе къ судну бьющагося въ заворотахъ буруновъ человѣка. Причалы дрогнули въ рукахъ лямочниковъ и возможно, что они отпустили бы и судно на волю, еслибъ Гуранъ не привелъ ихъ въ себя крѣпкимъ ругательствомъ.

— Эй, вы тамъ, ротозѣи!.. И насъ утопить хотите... Тащи крѣпче веревки!

Обуха удалось поймать, но Индюкъ поплылъ внизъ за другими, повернувшись лицомъ ко дну...

Демьянъ немедленно отправился «козей тропой» черезъ «камень» въ Мачу, за лодкой и людьми.

Лямочники просидѣли до утра у огня, посмѣнно придерживая въ рукахъ причалы; они не рѣшались ихъ закрѣпить за камни или кусты; веревки были черезчуръ коротки, и отъ постоянныхъ подергиваній волной канаты легко могли протереться о твердые края утесовъ.

Карскій былъ вмѣстѣ съ другими на берегу. Онъ теперь сожалѣлъ, что не высадилъ раньше на землю жену и ребенка.

Анна, очевидно догадываясь о его безпокойствѣ, придавала ему бодрости, являлась частенько на палубѣ то одна то съ Сашей на рукахъ и дѣлала ему успокоительные знаки. Пламя раздуваемаго вѣтромъ костра освѣщало кругомъ утесы, рѣку и колышущееся на ней судно...

На разсвѣтѣ, какъ предсказывалъ Гуранъ, вѣтеръ затихъ. Изъ-за чернаго «быка» въ перламутровомъ воздушномъ просвѣтѣ показалась лодка съ урядникомъ на носу.

Бичеву прибывшіе перенесли безъ труда за утесъ, и судно выплыло, наконецъ, изъ плѣненія.

Путники послѣ трехнедѣльнаго странствованія опять увидѣли человѣческое жилище. На крутомъ берегу бѣлѣлъ посадъ и сверкалъ стеклами многочисленныхъ оконъ, столбы сѣраго дыма густо струились изъ трубъ, розовѣя въ лучахъ утренней зари.

Еслибъ не тѣнь Индюка, котораго путники еще не успѣли забыть, они навѣрное громкимъ ликованіемъ или дружной пѣсней встрѣтили бы предѣлъ своихъ приключеніи. Лямочники быстро двигались по удобному, утоптанному бичевику.

Карскаго не было среди нихъ, онъ былъ имъ уже не нуженъ и теперь помогалъ женѣ укладывать вещи.

— Наконецъ то, наконецъ. .—повторяли супруги тоже слово, какимъ они встрѣтили недавно извѣстіе о своемъ освобожденіи.

Имъ впрочемъ не везло: они и на Мачѣ не застали парохода.

— Можетъ быть, придетъ сегодня... можетъ, завтра... а можетъ, и совсѣмъ не придетъ!.. Все зависитъ отъ состоянія воды въ верховьяхъ...—объяснили имъ въ будкѣ на пароходной пристани.

— Мы, очевидно, попали въ неудачливую струю! Въ Якутскѣ тоже опоздали къ пароходу,—замѣтилъ печально Карскій.

Господинъ въ будкѣ пожалъ плечами. Онъ отказался принять ихъ багажъ, и Карскіе принуждены были нанять извощика, чтобы перебраться съ поклажей въ гостиницу.

— Въ хорошую гостиницу... Я васъ свезу... Дешевая и удобная...—увѣрялъ ихъ извозчикъ.

«Гостиница» оказалась просторной сибирской избой, половина которой свѣшивалась надъ краемъ рѣчного обрыва и была подперта снизу столбами врытыми въ откосъ. Карскій невольно вспомнилъ якутскіе разсказы о легендарныхъ витимскихъ ловушкахъ, откуда спящіе гости проваливались, будто бы, вмѣстѣ съ постелью прямо въ Лену. Онъ преодолѣлъ, однако, непріятное ощущеніе и вошелъ на крыльцо. Большая передняя, замѣняющая вмѣстѣ съ тѣмъ и корридоръ, полна была спящаго на землѣ и скамьяхъ народа. На зовъ явилась изъ боковушки среднихъ лѣтъ женщина въ темномъ платьѣ и въ темномъ платочкѣ на головѣ.

При видѣ гостей ея желтое обрюзглое лицо приняло слащавое выраженіе, и черные глазки быстро задвигались.

— Комнату... Есть, есть!.. Милости просимъ!..

Она показала имъ довольно приличную, выбѣленную известью комнатку за относительно умѣренную цѣну.

— Останетесь довольны! У насъ тутъ тишина, спокойствіе... Останавливаются все больше знакомые! Молочка для ребенка сейчасъ доставлю. А на долго ли?—пѣла хозяйка.

— До парохода.

— Понимаю, понимаю. Онъ, можетъ случиться, и не придетъ! Тогда и зимовать у меня можно—со столомъ, на всемъ готовомъ. И занятіе здѣсь не трудно найти письменнымъ людямъ.

Извозчикъ, который безъ спросу снесъ во время разговора вещи, потребовалъ рубль. Карскій удивился и замѣтилъ, что переѣздъ былъ очень малъ.

— Мы тутъ вольные. Тутъ тайга. Тутъ цѣна безъ торга. Таксы нѣту!—доказывалъ бойко извозчикъ.

Карскій вздохнулъ и уплатилъ цѣну; онъ утѣшалъ себя надеждой на скорый отъѣздъ. Въ случаѣ чего, онъ рѣшилъ продать всѣ лишнія вещи и уѣхать по почтѣ. Онъ немедленно собрался

въ слободку справиться основательнѣе о пароходѣ, сдѣлать нужныя покупки и запастись... револьверомъ.

— По пути поищи на всякій случай болѣе приличной гостинницы!—просила жена.

Слободка спала. Ставни лавокъ были наглухо заперты. Карскій началъ экскурсію съ поисковъ гостинницы. Ему пришлось много пройти по грязной «главной» улицѣ, пока онъ увидѣлъ, наконецъ, на заборѣ надпись «Номера». По узенькимъ ступенькамъ онъ взобрался на крошечное крылечко и оттуда въ тѣсный, полутемный корридорчикъ. По обѣимъ его сторонамъ помѣщался рядъ закрытыхъ дверей. За нѣкоторыми изъ нихъ слышны были смѣхъ и разговоры, но никто не являлся, несмотря на усиленное покашливаніе Карскаго и постукиваніе ногами. Наконецъ, въ противоположномъ концѣ корридора появился рыжій, бородатый еврей въ туфляхъ, въ клѣтчатыхъ панталонахъ и соотвѣтственной курткѣ.

— Чего нужно?

— Номеръ.

Еврей въ отвѣтъ толкнулъ одну дверь и вѣжливо, за локоть, ввелъ туда гостя. Напрасно Карскій сопротивлялся, замѣтивъ по серединѣ женщину въ «почти воздушномъ» одѣяніи.

— Виноватъ!..—бормоталъ онъ.

— Ничего, ничего... Валяйте!

Карскій продолжалъ отступленіе, пока не очутился опять въ корридорѣ; тогда еврей толкнулъ слѣдующую дверь. Тамъ тоже была женщина—къ счастью, она еще спала на кровати. Карскій отвернулся. А еврей, между тѣмъ, уже открылъ третьи двери, гдѣ весело смѣялись двое.

— Я сдамъ вамъ сейчасъ квартиру въ полномъ порядкѣ, съ мебелью и всѣми удобствами...—шутилъ, одѣваясь, мужчина.

— Который, значитъ, вамъ нравится номеръ?..—спрашивалъ насмѣшливо еврей.

— Мнѣ не... надо!..—проговорилъ смущенно Карскій.

— Тогда зачѣмъ вы заходили?.. Вернитесь!.. Есть еще номера... подходящіе номера!..—кричалъ вслѣдъ уходящему хозяинъ, а мужчины и женщины вторили ему смѣхомъ.

Въ другой гостинницѣ Карскій нашелъ опять исключительно мужчинъ. Тогда онъ оставилъ дальнѣйшіе розыски.

— Какъ-нибудь пробьемся!.. Вѣдь недолго — день, два не больше...—разсуждалъ онъ, направляясь къ пристани, гдѣ было замѣтно больше движенія, чѣмъ на улицахъ слободки. Съ синѣющаго на той сторонѣ устья Витима, впадающаго въ Лену напротивъ слободки, плыли судна парусныя и на веслахъ, баломутя рѣку. Отрѣзокъ косматаго, хвойнаго лѣса заполнялъ полукругъ горной пади, мягко запирающей горизонтъ туманнымъ перехва-

томъ. Солнце какъ разъ сіяло надъ ней, осыпая небо, лѣсъ и рѣку золотой пылью.

— Все это очень красиво, но... пароходъ куда лучше!..—размышлялъ Карскій, спускаясь по откосу.

У пароходной будки господинъ, судя по его шведской курткѣ и клеенчатомъ картузѣ, близко знакомый съ судоходствомъ, опять увѣрилъ Карскаго, что парохода не будетъ.

— Какъ же здѣсь написано, что долженъ былъ придти недѣлю тому назадъ... Разъ не былъ, значитъ...—доказывалъ упорно Карскій, указывая на росписаніе, приклеенное подъ навѣсомъ.

— Вовсе не значитъ! Я вамъ говорю: не будетъ и баста! Да что вы, милостивый государь, такой допросъ учиняете?.. Вы судебный слѣдователь, что ли!.. Сказано разъ: не будетъ — и дѣлу конецъ!

Незнакомецъ отвернулся и ушелъ, воинственно насвистывая.

Другіе еще менѣе могли объяснить Карскому.

— Помилуйте, развѣ можно разсчитывать на пароходы?.. Есть ли они или ихъ нѣтъ? Когда они уходятъ или приходятъ? Были ли они или ихъ не было?.. Все это тайна! Никакого открытія навигаціи у насъ не происходитъ... Лучше всего по старинѣ... обратитесь къ лодочникамъ...

— Ну, нѣтъ!.. Довольно съ меня!

— Тогда... по почтѣ!

На обратномъ пути Карскій соображалъ, сколько приблизительно онъ можетъ выручить за свои вещи. Ничего цѣннаго и легко сбываемаго, ни золотыхъ вещей, ни драгоцѣнностей, у него не было. Могъ онъ продать только свои книги, свое зимнее пальто да женино черное шелковое платье—воспоминаніе лучшихъ дней. Охотниковъ на эти предметы наврядъ ли онъ найдетъ скоро. Придется вѣрно прожить нѣсколько дней!

Въ виду этого онъ купилъ чаю, сахару и съѣстнаго больше, чѣмъ поручила ему жена и выбралъ себѣ револьверъ.

Когда онъ попробовалъ зарядить его, приказчикъ внимательно наблюдавшій за нимъ, быстро спряталъ коробку съ патронами подъ прилавокъ.

— Нельзя. Вы сначала револьверъ положите въ карманъ да застегнитесь, тогда получите патроны...

— Почему же?

— Да такъ!.. Былъ тутъ такой... Одного приказчика ранилъ, другого убилъ... За револьверъ не заплатилъ, да еще кассу пробовалъ ограбить...

— Извините, я и не думалъ...

— Мы и не обижаемся. А только запрещено нонѣ патроны совмѣстно съ револьверомъ продавать...

Немного смущенный возвращался Карскій поспѣшно въ «гостинницу», то и дѣло проваливаясь въ болотныя ямы, прикрытыя ловко раздвигающимися досками панелей.

Въ «тихомъ» домикѣ надъ обрывомъ уже зароилось. Передняя была биткомъ набита размашистыми фигурами плохо одѣтыхъ, но, видимо прекрасно чувствующихъ себя здѣсь молодцовъ. Карскому показалось, что среди нихъ мелькнуло мрачное лицо Майданщика. Какой-то плечистый бородачъ, подпоясанный ремешкомъ, въ мѣховомъ треухѣ на головѣ осматривалъ, посвистывая, ящики Карскаго.

— Ваши?—спросилъ кратко, когда тотъ остановился на мгновеніе около нихъ.

— Мои. А что?

— Хорошо окованы!—процѣдилъ незнакомецъ и «стрѣльнулъ» слюною въ сторону.

За стѣною кто-то жалобно стоналъ.

Жену Карскій нашелъ въ крайнемъ возбужденіи. Она сидѣла на стулѣ за ширмою, устроенною изъ стола, кровати и матрацовъ. Глаза ея чуть не выскакивали изъ орбитъ и зубы щелкали...

— Хорошо, что ты пришелъ, я уже собиралась бѣжать. Револьверъ купилъ?

— Купилъ, купилъ... Что же случилось!?..

— Ужасы, говорю тебѣ! Это притонъ. Если мы невредимы уйдемъ отсюда, то это будетъ величайшее счастье! Мужъ хозяйки въ тюрьмѣ... по ошибкѣ. Этотъ больной, что стонетъ—это подстрѣленный спиртоносъ. Сама хозяйка разсказала мнѣ это, предостерегая отъ людскихъ оговоровъ. . А тутъ: слышишь?!

Она указала на сосѣднюю комнату. Карскій прислушался и, дѣйствительно, вскорѣ за тонкою перегородкою защелкалъ мѣрно оборачиваемый на оси барабанъ револьвера. Очевидно, кто-то тамъ развлекался такимъ невиннымъ и занятнымъ образомъ.

— Саша!.. Саша! иди сюда!..—торопливо звала Анна сына, который воспользовавшись невниманіемъ родителей вышелъ изъ-за матрацовой баррикады.

— Я ухожу, я сейчасъ ухожу... Хорошо, что ты пришелъ; еще немного и я стала бы выть, царапаться и кусаться... Иначе съ этими людьми нельзя... Бросимъ имъ деньги, вещи... все... Пусть только исчезнутъ, пусть исчезнутъ!..

Карскій вынулъ и зарядилъ револьверъ. Сосѣдъ, услышавъ щелканье барабана, прекратилъ свои упражненія, подошелъ къ дверямъ и сталъ сквозь щель наблюдать за сосѣдями. Столпившіеся въ передней люди разступились, удивленные вызывающимъ видомъ уходящихъ.

— На пристань!.. Заночуемъ въ будкѣ... Буду слезно молить.

буду просить и пустятъ насъ... Тамъ все-таки ближе... сроднѣе...— страстно говорила Карская.

Но судьба вдругъ улыбнулась имъ. Когда они очутились на краю обрыва, откуда по откосу спускалась къ рѣкѣ дорога, они замѣтили на голубомъ зеркалѣ воды быстро несущійся къ берегу пароходъ.

Карскій проводилъ жену съ ребенкомъ къ будкѣ, затѣмъ нанялъ извозчика и вернулся за вещами. Чемоданы онъ торжественно, но безпрепятственно вынесъ изъ «притона», зато скромная хозяйка солоно посчитала за молоко, самоваръ, яйца и вообще все спрошенное «безъ уговору».

Нѣсколько часовъ спустя Карскіе сидѣли въ крошечной каютѣ парохода и весело пили чай.

Въ истомленныхъ чертахъ Анны опять затеплилась присущая ей доброта, взглядъ Степана утратилъ недавнюю рѣзкость, Саша свободно изучалъ запретные углы. Вечеромъ, когда пароходъ, взбивая волны лопастями и выбрасывая въ мѣрномъ дыханіи столбы искристаго дыма, понесся навстрѣчу темнѣющей рѣкѣ, Карскій, нагнувшись надъ машиннымъ люкомъ, созерцалъ съ восхищеніемъ, почти съ нѣжностью давно невиданныя стальныя колеса, шатуны и поршни, сверкавшіе въ электрическомъ свѣтѣ, и думалъ объ удивительномъ созданіи человѣка, о собирательной душѣ давно погибшихъ поколѣній, воплощенной въ металлическомъ существѣ, которое, въ свою очередь, позволяетъ своимъ творцамъ укладываться въ иномъ, болѣе высокомъ, и человѣчномъ порядкѣ...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ**.

Перев. съ англійскаго **З. Журавской**.

Продолженіе *).

ЧАСТЬ XI.

Глава XXI.

— Зачѣмъ люди живутъ въ Англіи, когда могутъ жить въ раю?— сказала герцогиня, томно прислоняясь къ борту лодки и обмакивая пальцы въ воды озера Комо.

Въ этотъ ароматный апрѣльскій день имъ съ Жюли казалось, что онѣ плывутъ по волшебной странѣ. Когда весна спускается на берега озера Комо, она приноситъ съ собой въ этотъ очаровательный уголокъ всю красоту и прелесть, всѣ радости, на какія только способны земля и небо. И по берегамъ другихъ озеръ — Маджіоре, Лугано, Гарда—высятся синія горы и виноградники нѣжатся на солнцѣ, сверкая своей изумрудной зеленью. Но только на берегахъ Комо всѣ эти красоты природы сливаются въ одну цѣлую, величавую, гармоническую картину. Нигдѣ горы не склоняются другъ къ другу такъ царственно красиво, какъ на сѣверномъ берегу озера Комо; нигдѣ онѣ не раздвинулись вправо и влѣво такими стройными рядами, точно грандіозныя колонны величественнаго свода, поддерживающія завѣсу ослѣпительно яркихъ облаковъ, въ солнечные дни висящую надъ равниной Брешьи, дивную завѣсу, отдѣляющую жителей горъ отъ обитателей мраморныхъ городовъ Брешьи, Вероны и Падуи, лежащихъ на пути въ Венецію.

И въ этой дивной рамкѣ, между сверкающими льдами, которые и въ апрѣлѣ вѣнчаютъ вершины горъ, и недвижными отраженіями ихъ въ глубокихъ водахъ озера, нѣтъ такого уголка луга, виноградника, лѣсистаго склона, гдѣ бы не трудилась весна, убирая дернъ генціанами, глуша его нарциссами, раскидывая надъ нимъ первую золотую сѣтку листьевъ каштана; гдѣ бы не радовала вашъ взоръ изумрудная

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

травка; гдѣ бы оливы и персики и дикія вишни въ цвѣту не рисовали на небесной лазури измѣнчивыхъ и дивныхъ узоровъ, приводящихъ въ неизъяснимый восторгъ вашу душу. Ужъ розы начинали виться вверхъ по стѣнамъ, и плющъ обвивалъ кипарисы, и всѣ сады были усыпаны роскошными букетами камелій и азалій; а поросшіе травой берега заливчиковъ, уходившихъ глубоко въ горы, все еще были покрыты нѣжными и строгими въ своей бѣлизнѣ буквицами, и здѣсь особенно свѣжо и ярко чувствовалось торжество весны, только что побѣдившей зиму.

И въ сердцѣ и въ чувствахъ Жюли Ле-Бретонъ, въ то время какъ она, сидя рядомъ съ герцогиней, разсѣянно слушала болтовню старика лодочника, положившаго весла и занимавшаго разсказами дамъ, сила возрожденія, родственная веснѣ, тоже дѣлала свое цѣлительное и животворное дѣло. Она все еще имѣла видъ человѣка, оправляющагося отъ тяжкой болѣзни, но въ ея лицѣ и взглядѣ было что-то и другое, болѣе глубокое, болѣе трогательное. Такъ смотритъ тотъ, кто, ложась и вставая, носилъ въ своей душѣ всю ту же безъисходную боль, кто стоялъ лицомъ къ лицу со страстью, безуміемъ и самоосужденіемъ; кто поневолѣ жадно искалъ отвѣта на тѣ вопросы, которыхъ большинство изъ насъ никогда и не задаютъ себѣ: «Куда ведетъ меня моя жизнь? какую цѣнность она имѣетъ для кого бы то ни было?» Такой взглядъ и голосъ глубоко трогаютъ насъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, въ чьей душѣ есть имъ откликъ. Сэръ Уильфридъ Бери, напримѣръ, образецъ спокойнаго и разсудительнаго человѣка, не способенъ былъ тронуться такимъ взглядомъ. Для него, при всемъ его тонкомъ умѣ, Жюли представляла собою лишь type passionnel, инстинктивно отталкивавшій его. Точно также и герцогъ Кроуборо. Такіе люди относятся къ женщинамъ въ родѣ Жюли ле-Бретонъ или насмѣшливо, или враждебно, ибо отъ женщинъ своего круга они требуютъ прежде всего нѣкоторой наивности и легкомыслія, облегчающихъ жизнь мужчины.

Но для такихъ натуръ, какъ Эвелина Кроуборо, Мередитъ, Джэкобъ Делафильдъ, типы въ родѣ Жюли имѣютъ неотразимую притягательную силу. Ибо всѣ они дѣти чувства, и это роднитъ ихъ, какъ бы различны ни были они по уму и взглядамъ на жизнь. Ихъ привлекаетъ и пылкій темпераментъ, и чувствительность, и то, что на техническомъ языкѣ католицизма, именуется «даромъ слезъ». Какъ бы тамъ ни было, жалость и любовь къ бѣдной Жюли, хоть и безумной, хоть и виновной,— глубоко залегли въ сердечкѣ Эвелины; онѣ привели ее на берегъ Комо; онѣ помогали ей бороться, съ одной стороны, съ мужемъ, писавшимъ ей сердитыя письма, съ другой — съ трогавшей ее и въ то же время приводившей ее въ недоумѣніе постоянной грустью подруги.

«Я часто слыхалъ,—писалъ ей огорченный герцогъ,—объ опустошеніяхъ, которыя вноситъ въ семейную жизнь нелѣпая и неразумная женская дружба. Но я никогда не думалъ, что ты, Эвелина, заставишь

меня испытать это на себѣ. Не стану повторять доводовъ, которые я сто разъ уже приводилъ напрасно. Но еще разъ прошу и умоляю тебя—найди какую-нибудь добрую и надежную особу, которой ты могла бы поручить миссъ Ле-Бретонъ, а сама возвращайся домой, ко мнѣ и дѣтямъ, и къ тысячѣ и одной обязанностямъ, которыми ты пренебрегла.

«Весенній мѣсяцъ въ Шотландіи, который я обыкновенно провожу такъ пріятно, уже погибъ; а теперь, очевидно, будетъ испорченъ и сезонъ. Ты, конечно, знаешь, что въ нашемъ Строфшайрскомъ помѣстьѣ предстоятъ важные выборы, и премьеръ не далѣе, какъ вчера, выразилъ надежду, что ты это помнишь и дѣйствуешь. Черезъ недѣлю въ Лондонъ пріѣдетъ великій герцогъ С. Мнѣ очень хотѣлось бы оказать ему какую-нибудь любезность. Но что же я могу сдѣлать безъ тебя? И какъ, скажи на милость, объяснить ему твое отсутствіе?

«Еще разъ, Эвелина, прошу и требую, чтобы ты вернулась домой!»

Герцогиня отвѣтила съ тою же почтой:

«Ахъ, Берти, голубчикъ мой, какой ты тупоголовый! Вѣдь я тебѣ все это уже объясняла до потери сознанія. Я рада все-таки, что ты не говоришь: приказываю; тогда мнѣ пришлось бы трудненько.

«Что касается выборовъ, конечно, будь я дома, это казалось бы мнѣ очень забавнымъ. Но здѣсь я сильно сомнѣваюсь, нужно ли намъ дѣлать то, на что намекаешь ты и лордъ М. Герцогу не слѣдъ вмѣшиваться въ выборы. Во всякомъ случаѣ мнѣ полезно поразмыслить объ этомъ немножно, хотя я вполнѣ допускаю, что изъ-за этого вашъ кандидатъ можетъ и провалиться.

«Великій герцогъ препротивный и, не будь онъ великимъ герцогомъ, ты первый бы его срѣзалъ. Въ прошломъ году мнѣ все время за обѣдомъ приходилось осаживать его. Это было очень унизительно и совсѣмъ не забавно. Можешь устроить для него обѣдъ и позвать однихъ мужчинъ. Лучшаго онъ и не стоитъ.

«О здоровьи малютокъ м-рсъ Робсонъ телеграфируетъ мнѣ каждое утро; до сихъ поръ ни у одного изъ нихъ, кажется, и пальчикъ не заболѣлъ со времени моего отъѣзда; и я увѣрена, что матери вообще совершенно имъ не нужны. Но все же я много думаю о нихъ, особенно по ночамъ. Вчера ночью я пробовала думать о томъ, какъ ихъ надо воспитывать—еслибъ я только не была такой соней! А все-таки дома мнѣ никогда въ жизни не приходило въ голову подумать объ этомъ. Такъ что все къ лучшему.

«Право же, я скоро вернусь къ тебѣ, бѣдный ты мой, брошенный миленькій Берти! Но у Жюли нѣтъ, кромѣ меня, никого на свѣтѣ, и я чувствую себя ньюфаундлендомъ, вытащившимъ изъ воды утопающаго. Вода была глубока; жизнь только начинаетъ возвращаться къ спасенному, и отъ собаки пользы мало. Но она все-таки сидитъ, для компаніи, пока не придетъ докторъ. Вотъ такъ и я.

«Я знаю, что ты не одобряешь тѣхъ мыслей, какія теперь сидятъ у меня въ головѣ. Но это оттого, что ты не понимаешь. Почему бы тебѣ самому не пріѣхать сюда? Ты присмотрѣлся бы къ Жюли и полюбилъ бы ее не меньше, чѣмъ я ее люблю; все устроилось бы очень просто, и я ни капельки бы не ревновала!

«Д-ръ Мередитъ пріѣдетъ, по всей вѣроятности, сегодня вечеромъ, а Джэкобъ завтра, проѣздомъ въ Венецію, гдѣ теперь Чедлей со своимъ бѣднымъ мальчикомъ».

Надъ озеромъ дулъ breva, сѣверный вѣтеръ, приносящій хорошую погоду, свѣжій, но мягкій. Южное солнце лило свои уже жгучіе лучи на Белладжіо, на длинную террассу виллы Мельци, на бѣлый туманъ вишневаго цвѣта, легкимъ облакомъ лежавшій на зеленыхъ склонахъ горъ надъ Санъ-Джіованни.

Герцогиня и лодочникъ неожиданно перешли съ обычныхъ разговоровъ, при помощи которыхъ герцогиня старалась усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ,—о веснѣ, объ отелѣ Бельвю, о садахъ виллы Карлотта, къ совсѣмъ иному. Эвелина случайно спросила лодочника, участвовалъ ли онъ въ битвахъ 59 года, и старикъ вмигъ, на ея глазахъ, точно переродился. Весла праздно лежали на водѣ; зато рѣчь его лилась рѣкою, а все лицо словно просвѣтлѣло, озаренное страстью. Наварра и ея король, разбитый въ бою; десять лѣтъ злобнаго выжиданія и спорная побѣда при Маджентѣ; борьба съ пятью заразъ, вырвавшая у Австріи холмы Санъ-Мартино; униженія и ярость герцога Виллафранка, все это было близко сердцу этого изможденнаго сѣдобородаго старика. Истый латинянинъ, онъ говорилъ образно и краснорѣчиво, какъ не съумѣлъ бы говорить ветеранъ сѣвера; онъ сразу выросъ, сталъ на одной высотѣ съ великими событіями, въ которыхъ онъ принималъ участіе; въ немъ чувствовался потомокъ расы, которую, словно камень отъ утесовъ, служившихъ первобытными устоями міра, вѣками перекатывали и полировали волны исторіи.

Отъ кампаніи 1859 года онъ перешелъ къ 1848 г. къ миланскимъ днямъ, незабвеннымъ пяти днямъ, когда населеніе выставило армію, и то, что началось почти шуткою, кончилось упоительнымъ бредомъ нежданной побѣды. Рѣчь его стала горяча, отрывиста, сбивчива, какъ всякая лѣтопись уличной борьбы. Затѣмъ, лицо его вдругъ поблѣднѣло, черты обострились, онъ перенесъ своихъ слушательницъ къ мрачнымъ годамъ, когда Австрія мстила за себя, а Италія молча страдала подъ ея игомъ. Вытянувъ тощую руку, старикъ одинъ за другимъ указывалъ на берегахъ озера города, то залитые блескомъ заката, то окутанные тѣнью сѣвернаго склона—Граведону, Варсину, Ардженьо; эти города слали своихъ сыновъ подъ австрійскіе пули и штыки, ради избавленія Италіи.

Онъ называлъ святыя имена—Стацконелли, Риччини, Крешьери,

Ронкетти, Череза, Превитали, все почти молодежь, разстрѣлянныхъ за ношеніе ружья или кинжала, за помощь, оказанную товарищу при бѣгствѣ изъ австрійскихъ казармъ, за оскорбительное поведеніе въ отношеніи австрійскаго офицера или солдата.

Объ одной изъ такихъ казней, которой онъ былъ очевидцемъ, разстрѣляніи молодого человѣка двадцати шести лѣтъ, его друга и родственника, старикъ разсказалъ такъ, что герцогиня вся побѣлѣла, и крупныя слезы выступили у нея на глазахъ. Замѣтивъ произведенное имъ впечатлѣніе, старикъ испугался.

— Ахъ, эччеленца, вѣдь это было необходимо! Итальянцы должны были показать, что они не боятся смерти, чтобы Господь позволилъ имъ жить. Ecco, eccelenza!

И онъ дрожащими руками вытащилъ изъ нагруднаго кармана старый измятый конвертъ, перевязанный веревочкою. Развязалъ и досталъ оттуда листокъ бумаги, потемнѣвшій отъ времени и видимо побывавшій во многихъ рукахъ. То былъ грубо отпечатанный отчетъ о послѣднихъ завѣтахъ и страданіяхъ мантуанскихъ мучениковъ, заговорщиковъ 1852 года, изъ темницъ и могилъ которыхъ выбились и, обновленныя, расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ силы, возродившія Италію и освободившія ее нѣсколько лѣтъ спустя, изгнавъ австрійцевъ съ Бурбонами вмѣстѣ.

— Смотрите, эччеленца!--Онъ заботливо расправилъ складки на истертомъ листкѣ и вложилъ его въ руку герцогини.—Будьте добры посмотрѣть, гдѣ тутъ отмѣтка чернилами. Тамъ вы найдете послѣднія слова донъ Энрико Таццоли, своднаго брата моего отца. Онъ былъ священникъ, эччеленца. Ахъ, тогда не то, что теперь. Тогда священники стояли за Италію. Въ одной Мантуѣ повѣсили троихъ. А дона Энрико сначала разстригли, потомъ повѣсили. И вотъ тутъ записаны его послѣднія слова Скарселлики, который пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ. Veda, eccelenza! Я-то знаю ихъ наизусть, еще съ дѣтства.

Старикъ снова взялся за весла и медленно гребъ, шопотомъ повторяя про себя отдѣльныя фразы и отрывки изъ того, что читала герцогиня.

«Обиліе жертвъ не лишало насъ мужества въ прошломъ, не лишитъ и въ будущемъ, пока намъ не блеснетъ заря побѣды. Народное дѣло все равно, что вѣры— оно крѣпко только мучениками... Вы, остающіеся въ живыхъ, побѣдите, и въ вашей побѣдѣ будемъ жить мы, мертвые!..

«Не крушитесь о насъ: кровь предтечъ — сѣмя, которое мудрый сѣятель бросаетъ въ плодородную землю... Поучите нашу молодежь поклоняться великой идеѣ и страдать за нее. Трудитесь неустанно ради лучшаго будущаго и не горюйте о насъ!.. Вы увидите Италію единой и могучей. Все предвѣщаетъ это. Работайте. Нѣтъ такого препятствія, котораго нельзя было бы побѣдить; такого сопротивленія, съ которымъ нельзя было бы справиться. Остается только рѣшить:

какъ и *когда*. Вы, болѣе счастливые, чѣмъ мы, найдете ключъ къ этой загадкѣ, когда свершите все положенное, и время приспѣетъ... Надѣйтесь! Мои родные, братья мои, надѣйтесь неизмѣнно и не теряйте времени на слезы».

Герцогиня читала вслухъ по-итальянски, а Жюли, наклонившись къ ея плечу, слѣдила за словами.

— Удивительно!—тихо выговорила Жюли, опускаясь на скамью.— Въ двадцать семь лѣтъ съ веревкой на шеѣ—утѣшаться мыслью объ «Италіи». Что ему «Италія», что онъ ей? Рай въ будущемъ, даже не сейчасъ... Кто теперь способенъ на это?

Въ ея лицѣ и позѣ ужъ не было вялости, тоски. Герцогиня вернула старику его сокровище и съ радостью посмотрѣла на Жюли. Ни разу еще, со времени болѣзни пріятельницы, она не видѣла ее такой оживленной.

И, дѣйствительно, вызовъ всему міру, звучавшій въ этихъ словахъ казненнаго итальянца, пробудилъ въ угнетенной душѣ Жюли новыя силы. Онъ дышалъ такой же бодрящей, живительной властью, какъ снѣга на вершинахъ далекихъ Альпъ, окружавшихъ озеро, какъ свѣжій вѣтеръ, дувшій съ горъ, какъ «блескъ и тѣнь, и дивный миръ», которымъ здѣсь вѣяло отовсюду.

И умъ кричалъ ей, но словно сквозь рыданія: «что значатъ, что значатъ личная борьба и горе? Ихъ можно пережить. Сердце можно заставить замолкнуть — укрѣпить нервы — вернуть силу. Воля, идея останутся; останется вѣчное зрѣлище міра — вѣчная жажда человѣка видѣть, знать, чувствовать, проявлять себя,—не одной страстью, такъ другой,—не въ любви, такъ въ патріотизмѣ, искусствѣ, мысли».

Лодка причалила немного пониже виллы, гдѣ поселились герцогиня и Жюли. Герцогиня поднялась по лѣстницѣ. Сверху ей кивали золотистыя головки фуксій, обвивавшихъ мраморную баллюстраду, но лицо ея было озабочено. Ей предстояло написать обычное ежедневное письмо мужу, далекому и недовольному.

Жюли простилась съ ней поцѣлуемъ и стояла, глядя вслѣдъ маленькой фигуркѣ, пока она не скрылась изъ виду. За это время она очень привязалась къ герцогинѣ. Какое-то новое чувство смиренія и признательности наполнило ея сердце. Она не должна позволять Эвелинѣ такъ жертвовать собою. Когда герцогиня настаивала на томъ, что больную необходимо увезти за границу, Жюли была слишкомъ слаба, чтобы противорѣчить. Но теперь надо поскорѣе возвратить герцогу его сокровище.

Сама Жюли вышла на свою обычную прогулку, на которой она каждый день пробовала свои постепенно прибывавшія силы. Она поднялась по извилистой дорогѣ въ Кріанте, прошла черезъ хорошенькую деревушку подъ Каденаббіей; потомъ свернула налѣво и поднялась по

тропинкѣ, ведущей въ лѣса, нависшіе надъ знаменитыми садами виллы Карлотта.

Что за дорога! Налѣво, казалось подъ самыми ея ногами, вся земля и небо — широко раскинувшееся озеро, алыя горы небо, пылавшее блескомъ заката.

Золотисто-алый отблескъ его ложился на тихія воды; чуть видныя отсюда лодки ползли, какъ мошки отъ берега къ берегу; на полдорогѣ между Белладжіо и Каденаббіей виднѣлось бѣлое пятнышко — пароходъ, оставлявшій позади себя серебряную борозду. Направо—зеленый склонъ и на немъ каждый листикъ, цвѣтокъ, каждый стебель травы, словно преображенные яркимъ свѣтомъ, лившимся съ запада. На самой вершинѣ холма нѣсколько разбросанныхъ оливъ, персиковыхъ деревьевъ и дикихъ вишень выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба, и тонкіе стволы ихъ, и жемчужно-бѣлый цвѣтъ, и легкіе перистые листочки, отливавшіе золотомъ въ блескѣ заката, казались чѣмъ-то волшебнымъ, воздушнымъ, фантастическимъ, словно хоръ ангеловъ Ботичелли на вершинѣ горы.

Вотъ и скамья въ зеленой лощинкѣ, гдѣ Жюли обыкновенно присаживалась отдохнуть! Что за видъ! Прямо передъ глазами скала, одѣтая еще безлистными каштановыми деревьями и словно ложившаяся на озеро. Безчисленное множество стволовъ и вѣтвей, темно-коричневаго или сѣро-стальнаго цвѣта рѣзко вырисовывались въ серебряномъ воздухѣ; на самой вершинѣ скалы горделиво высилось надъ другими великолѣпное раскидистое дерево, все черное, словно гербъ или знамя лѣса. Межъ стволами деревъ сверкали далекіе снѣга на горахъ и алѣвшія въ лугахъ заката вершины утесовъ; а ближе — иной снѣгъ, покрывавшій вишневыя и персиковыя деревья, нарушалъ еще зимнюю величавость пейзажа. И всюду въ воздухѣ падали съ неба, разливались по холмамъ, сверкали на озерѣ чистѣйшіе оттѣнки розоваго и самаго темнаго синяго цвѣта; озеро и горы, и облака казалось таяли одно въ другомъ, словно небо и земля сговорились лишь оттѣнить и подчеркнуть красоту народившейся новой весны, молоденькихъ листочковъ и цвѣтовъ, сіявшихъ огненными точками на глубокомъ фонѣ дали.

По зеленому выступу, окаймлявшему лощинку, гдѣ пріютилась скамья, дѣти тащили на веревкѣ козу. Напротивъ стоялъ домикъ contadino, сложенный изъ сѣраго камня. Передъ домикомъ вертѣлось колесо водяной мельницы и бѣжалъ говорливый ручей, сбѣгавшій съ горъ. Все было такъ спокойно, краски и звуки такъ мягки Голоса дѣтей сливались съ журчаньемъ ручья; въ лѣсу подъ горой пѣлъ соловей. Иныхъ звуковъ не было слышно. Съ тихой затаенной радостью весна вступала въ свои права. Ахъ вотъ! — Angelus! Волна звуковъ разлилась надъ озеромъ, передаваясь изъ деревни въ деревню... Слезы стояли въ глазахъ Жюли. Эта красота давила, угнетала ее. У нея не

было живого мѣста въ душѣ, и этотъ призывъ природы былъ ей еще не по силамъ... Всего нѣсколько короткихъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Уоркворть выпалъ изъ ея жизни, какъ Делафильдъ спасъ ее отъ гибели, какъ умеръ лордъ Лэкинтонъ.

Отъ Уоркворта пришло одно только письмо — дикое, безсвязное, писанное ночью въ номеркѣ убогой гостиницы близъ Gare des Sceaux. Онъ получилъ ея телеграмму, и для него, какъ для нея все было кончено. Но письмо было не однимъ только крикомъ обманутой страсти. Въ немъ звучала новая нотка душевной тоски, такая же неожиданная для нея и поразительная въ его устахъ, какъ и самый крикъ страсти. Выражаясь языкомъ религіи, это было письмо человѣка, «сознавшаго свою грѣховность».

«Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ подали вашу телеграмму? Я шагалъ взадъ и впередъ по платформѣ, съ которой отходятъ поѣзда, сходя съ ума отъ волненія и тревоги, не понимая, что могло съ вами случиться, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ начальникъ станціи. «Monsieur attend une dépêche»? Пришлось продѣлать еще какія-то глупыя формальности, наконецъ, я получилъ ее. Мнѣ казалось, что я уже заранѣе зналъ, что въ ней было написано.

«Такъ васъ встрѣтилъ Делафильдъ? Делафильдъ заставилъ васъ вернуться назадъ?

«Я видѣлъ его вчера на улицѣ передъ отелемъ и мы обмѣнялись нѣсколькими словами. Мнѣ всегда не нравилось его длинное, блѣдное лицо, его надменный властный тонъ, по крайней мѣрѣ, съ простыми смертными въ родѣ меня, не имѣющими счастья принадлежать къ аристократіи. Вчера я болѣе обыкновеннаго спѣшилъ отдѣлаться отъ него.

«Такъ онъ догадался?...

«Это не могло быть случайностью. Не знаю, какъ, но онъ догадался. И васъ вырвали у меня. Боже мой. Если бы я только могъ добраться до него и швырнуть ему въ лицо его презрѣніе! А между тѣмъ...

«Я всю ночь шагалъ изъ угла въ уголъ по своему номеру. Какъ я томился по васъ! Такого остраго страданія я, кажется, никогда еще не испытывалъ. Ибо я не изъ тѣхъ людей, которые любятъ терзаться. Я всегда старался по возможности избѣгать этого. Но на этотъ разъ меня схватило крѣпко. И это еще не все. Есть другое ..

«Какія мы странныя половинчатыя существа! Знаете ли вы, Жюли, что къ разсвѣту я на колѣняхъ благодарилъ Бога за то, что Онъ разлучилъ насъ. что вы на пути домой, невредимая, недоступная для меня? Что это было, сумасшествіе, или?.. Я не могу этого объяснить. Знаю только, что я то ненавидѣлъ Дельфильда, какъ смертельнаго врага—все равно, зналъ онъ, что дѣлалъ, или не зналъ, то благословлялъ его! Я теперь понимаю, что люди называютъ обращеніемъ. Въ эти страшные часы, пережитые мной, во мнѣ словно проснулось такое,

чего я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ. Я изъ вѣрующей семьи, получилъ религіозное воспитаніе. Должно быть, человѣкъ, въ концѣ концовъ, не въ состояніи освободиться отъ крови и взглядовъ, которые ему оставили въ наслѣдство его предки. Мой бѣдный старикъ отецъ— я сознаю, что былъ дурнымъ сыномъ и ускорилъ его смерть—былъ чѣмъ-то въ родѣ пуританскаго святого съ очень суровыми воззрѣніями. Всю эту ночь, мнѣ казалось, я говорю съ нимъ и меня давило его осужденіе. Я, какъ живое, видѣлъ передъ собой его старческое лицо, когда онъ излагалъ мнѣ мысли, которыя я осмѣлился допустить въ себѣ, и указывалъ мнѣ на рискъ, который я готовъ былъ взять на себя по отношенію къ женщинѣ, которую я люблю, которой я обязанъ вѣчной благодарностью.

«Жюли, какъ странно глубоко захватило меня мое назначеніе! Вчера вечеромъ я видѣлъ много народу въ посольствѣ—все славные люди и всѣ наперерывъ ухаживали за мной. Никогда прежде такіе люди не обращали на меня особеннаго вниманія. Очевидно, эта миссія или выдвинетъ, или погубитъ меня. Для меня это ясно. Меня можетъ постигнуть неудача. Я могу умереть. Но если я успѣю выполнить свою задачу, Англія будетъ кой-чѣмъ мнѣ обязана, и люди, стоящіе на вервершинѣ... Боже мой, какъ я могу писать объ этомъ вамъ?! Я вернулся въ гостинницу и половину ночи думалъ о томъ, какая разница между тѣмъ человѣкомъ, какимъ меня представляютъ себѣ эти почтенные люди, и тѣмъ мерзавцемъ, какимъ я самъ сознаю себя. Какъ! Взять все изъ рукъ женщины и затѣмъ обратиться противъ нея же, тащить ее въ грязь, предлагать ей то, за что ты самъ застрѣлилъ бы другого мужчину, если бы онъ предложилъ это твоей сестрѣ! Воръ и подлецъ!

«Жюли, милая, любимая, забудьте все это! Ради Бога, не будемъ больше касаться этого. Пока я живъ, ваше имя, память о васъ будутъ жить въ моемъ сердцѣ. Мы, по всей вѣроятности, не увидимся въ теченіе многихъ лѣтъ. Вы выйдете замужъ и будете счастливы. Сейчасъ, я знаю, вы страдаете. Я словно вижу васъ въ поѣздѣ,—на пароходѣ—ваше блѣдное личико, освѣтившее для меня новую жизнь, ваши милыя, худенькія ручки, такъ легко умѣщавшіяся въ одной моей! Вы въ горѣ, моя родная, вы выбиты изъ колеи. И все таки вы отдаете въ мое распоряженіе свой чуткій, ясный умъ и все свое сердце. Съ этимъ не страшно и адскихъ мукъ! И снова, и снова, я говорю себѣ: если бы только она была здѣсь! Если бы она пришла сюда, ко мнѣ, обвила бы руками мою шею, я, навѣрное, нашелъ бы въ себѣ мужество—самое обыкновенное мужское мужество—вырвать изъ этой путаницы и себя, и ее. Эйлинъ возвратила бы мнѣ свободу и простила бы мнѣ.

«Нѣтъ, нѣтъ—все кончено! Пора! За дѣло! Вы устроили это для меня. Я не заставлю васъ пожалѣть объ этомъ.

«Прощай, Жюли, моя любовь, прощай навсегда!»

Это было странное письмо, безсвязное, нелогичное, писанное урывками: въ немъ сквозили и нравственные завѣты, унаслѣдованные отъ цѣлаго ряда богобоязненныхъ предковъ и заглохшіе было подъ дальнѣйшими эгоистическими наслоеніями, но теперь ожившіе и очищенные подъ вліяніемъ отчасти истинной страсти, отчасти взятой на себя тяжкой отвѣтственности. Въ этомъ письмѣ сказались и низкія, и высокія свойства души писавшаго, но оно было истинно человѣческимъ документомъ, вырваннымъ изъ самой глубины жизни, и на женщину, къ которой оно было адресовано, оно, въ общемъ, повліяло успокоительно.

Онъ любилъ ее! Хотя бы только въ моментъ разставанія,—онъ любилъ ее! Подъ конецъ въ немъ было чувство, искренность, мука душевная, а за это все можно простить.

Да Жюли и простила давно все то, что, по ея мнѣнію, нужно было прощать. Развѣ онъ виноватъ, что, когда они встрѣтились, онъ былъ уже связанъ съ Эйлинъ Моффатъ соображеніями общественнаго и практическаго свойства, которыя она, Жюли, вполнѣ признавала и понимала? Развѣ онъ виноватъ что отношенія между ними сложились въ дружбу, которая, въ свою очередь, могла перейти въ любовь только посредствомъ страсти? Нѣтъ! То, что онъ предложилъ ей вначалѣ, онъ имѣлъ полное право чувствовать и предлагать. Это она со своей знойной затаенной страстью, выросшей изъ трагическаго невѣдѣнія, повліяла на его чувство...

Такъ она защищала его и вмѣстѣ оправдывала себя. Что касается до предложенія поѣхать въ Парижъ, онъ былъ въ правѣ отнестись къ ней, какъ къ женщинѣ, способной рѣшить сама за себя, какъ далеко можетъ завести ее любовь. Онъ былъ въ правѣ думать, что ея прошлое, ея воспитаніе и условія ея жизни были не таковы, какъ у обыкновенной барышни, выросшей подъ крылышкомъ родителей, и что ея любовь естественно можетъ быть болѣе смѣлой и страстной, чѣмъ у другихъ. Онъ слишкомъ пылко, слишкомъ строго осудилъ себя, но тѣмъ нѣжнѣе помнило его ея сердце. Ибо это значило, что онъ мучился изъ-за нея, что его мысли рвались къ ней въ порывѣ раскаянія. И снова она чувствовала себя любимой и прощала всей душой.

И все-таки онъ выпалъ изъ ея жизни, и она невольно, безсознательно тянулась къ другимъ сферамъ и фазамъ бытія, и за время ея болѣзни и выздоровленія ея собственная страсть къ нему какъ-то притупилась и приняла другой характеръ.

Стыдилась ли она безумнаго порыва, который привелъ ее въ Парижъ? Трудно сказать. Ее часто охватывала дрожь сознанія, что она была на краю бездны, и она дивилась тому, что она все еще въ нормальныхъ, узаконенныхъ условіяхъ жизни, что Эвелина попрежнему можетъ быть ея другомъ, что Тереза попрежнему обожаетъ ее, какъ святую. Сказать правду, ее больше унижала въ собственныхъ глазахъ

минута самозабвенія, предшествовавшая ея уговору съ Уорквортомъ. Въ ней было много умственной надменности; до знакомства съ Уорквортомъ она всегда говорила и думала, что любовь ничуть не выше другихъ страстей, и презирала тѣхъ, кто удѣлялъ ей слишкомъ много мѣста въ своей жизни. И вотъ она сама поддалась этой страсти, какъ глупая дѣвчонка, для которой только любовная исторія и можетъ всколыхнуть ту лужицу, гдѣ ей суждено провести всю свою жизнь!

Она должна взять себя въ руки и начать жизнь сызнова. Сидя на дерновой скамьѣ въ этотъ тихій итальянскій вечеръ, она думала о старомъ лодочникѣ и объ иныхъ страстяхъ, къ которымъ обратилъ ея мысли этотъ нежданный взрывъ патріотизма. Общество, литература, друзья, честолюбивыя стремленія—все это еще принадлежитъ ей; ко всему этому она можетъ вернуться. Пріѣдетъ докторъ Мередитъ—его общество, бесѣда съ нимъ будетъ новымъ оселкомъ для ея ума и вкуса. Довольно безплоднаго копанья въ собственной душѣ и безполезныхъ сожалѣній! Она съ горечью вспомнила минуту слабости въ первый періодъ ея выздоровленія, когда она, изнемогая отъ душевнаго одиночества, прокралась однажды вечеромъ въ церковь и облегчила свою душу исповѣдью. Какъ она сказала герцогинѣ, католицизмъ, привитый въ юности монахинями въ Брюгге, до сихъ поръ по временамъ накладывалъ на нее свою тяжелую властную руку. Теперь, когда силы возвращались къ ней, она была склонна видѣть въ немъ присущій ея натурѣ элементъ слабости и въ будущемъ рѣшила окончательно стряхнуть съ себя это безполезное суевѣріе.

Но Мередитъ былъ не единственнымъ гостемъ, котораго ждали на виллѣ. Жюли давно уже школила себя, готовясь къ встрѣчѣ съ Джэкобомъ Делафильдомъ.

Странно, какъ самая мысль о Делафильдѣ волновала ее, задѣвала всѣ струны ея существа. Слабый лучъ радости, запавшій въ ея душу, когда она думала о литературѣ и общественной жизни, сразу погасъ. Она впала въ задумчивость, въ мрачную тревогу тѣхъ, кто чувствуетъ, что во мракѣ притаилась какая-то преслѣдующая его сила, и томится ожиданіемъ и не знаетъ, гдѣ и какъ отразить ее.

Эта смутная борьба въ ея душѣ, въ сущности, была коллизіей между языческимъ и христіанскимъ взглядами на жизнь.

Въ своей самостоятельности, гордости, въ своемъ желаніи поставить надо всѣмъ высшимъ судьею разумъ Жюли по своимъ теоретическимъ взглядамъ была стоикомъ и язычницей. Делафильдъ же всѣмъ своимъ существомъ былъ воплощеніемъ долга и этому долгу Жюли въ критическую минуту своей жизни была вынуждена подчиняться. Эта мысль язвила и унижала ее. А фактовъ измѣнить было нельзя и она не знала, какъ ей уйти отъ этой странной безмолвной, но ощутительной власти, пріобрѣтенной надъ нею человѣкомъ, который любилъ ее и спасъ противъ ея воли.

Въ періодъ ея выздоровленія въ Кроуборо-гоузѣ, куда перевезла ее герцогиня, Делафильдъ часто навѣщалъ ее. Его невозможно было не принимать, не разсказавъ герцогинѣ всей исторіи поѣздки въ Парижъ. А разсказать тоже было невозможно. Если Эвелина втайнѣ и пугалась своихъ догадокъ, отъ самой Жюли она не узнала ничего. И Делафильдъ приходилъ и уходилъ, передавалъ послѣднія слова лорда Лэкинтона, разсказывалъ о его похоронахъ, велъ дѣловые переговоры между Жюли и братьями Чантрей. Жюли даже не просила его объ этихъ услугахъ. Онѣ были возложены на него, какъ бы съ общаго согласія, и она чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы протестовать

Вначалѣ, когда онъ входилъ въ комнату или подходилъ къ ней, она едва сдерживалась, такъ нестерпимо душила ее обида и злоба. Но мало-по-малу, благодаря его любезности, такту и выдержкѣ, между ними установились, если и не прежняя дружба, то все же отношенія, носившія внѣшній характеръ интимности. Ни однимъ словомъ, ни однимъ, хотя бы туманнымъ, намекомъ онъ не напомнилъ ей о случившемся. Слушая разговоры Делафильда съ герцогиней, она не могла себѣ представить, что бы это былъ тотъ же самый человѣкъ, котораго она видѣла преображеннымъ на палубѣ корабля, который говорилъ ей прерывающимся голосомъ: «Я благодарю Бога, что нашелъ въ себѣ мужество это сдѣлать».

Спускались сумерки. Почему это всякій разъ, какъ она позволяла мыслямъ о Делафильдѣ завладѣть своимъ умомъ, самое воспоминаніе объ Уорквортѣ на время сглаживалось? Въ душѣ ея поднимался гнѣвный протестъ, безмолвный, но неудержимый. Ея пылкая, но съ критической складкой натура инстинктивно возмущалась противъ подобныхъ людей, словно окруженныхъ атмосферой высотъ, людей, на которыхъ смотришь и чувствуешь, что у нихъ каждая мысль, слово, поступокъ подчинены религіозной идеѣ. Чѣмъ они, въ сущности, лучше другихъ? Какое право они имѣютъ насиловать чужую волю?

И все же, въ то время, какъ лучи заката догарали на вершинахъ горъ за Белладжіо, пока послѣдній отблескъ не погасъ въ спокойной и уже звѣздной глубинѣ, Жюли, словно противъ воли скованная какими-то чарами, думала не объ Уорквортѣ, не о своихъ честолюбивыхъ мечтахъ, но о словахъ и поступкахъ, о мнѣніяхъ и взглядахъ человѣка въ глазахъ котораго она прочла однажды его сокровенные помыслы и осужденіе, и безкорыстную тревогу, и боль за нее.

Д-ръ Мередитъ пріѣхалъ въ условленный часъ. Герцогиня и Жюли катали въ лодкѣ по озеру этого переутомленнаго лондонца, наслаждавшагося праздностью и чистымъ воздухомъ, а онъ, возсѣдая между двухъ дамъ, занималъ ихъ разговоромъ о политикѣ, книгахъ и людяхъ служившимъ для Жюли именно тѣмъ умственнымъ стимуломъ, котораго втайнѣ жаждала герцогиня.

На щекахъ Жюли сталъ появляться слабый румянецъ. Она теперь могла разговаривать, написала кой кому изъ друзей, становилась по крайней мѣрѣ временами, прежней Жюли, чуткой, любящей, обаятельной.

Что касается Мередита, онъ мало зналъ, но подозрѣвалъ многое.

Въ болѣзни и выздоровленіи Жюли были особенности, заставлявшія его, какъ врача, предполагать нравственную причину; а разъ имѣлась нравственная причина, она, несомнѣнно, должна была находиться въ связи съ ея отношеніями къ Уоркворту.

Никто изъ нихъ не произносилъ имени молодого офицера. Разъ-два у Мередита являлось искушеніе заговорить о немъ—ему было обидно, что Жюли не платитъ искренностью за его беззавѣтное чувство, но ея блѣдность и усталый видъ обезоруживали его.

— Она поправляется,—сказалъ онъ однажды герцогинѣ.—Умъ ея снова энергично работаетъ. Но почему у нея по временамъ такой несчастный видъ, словно для нея все кончено и нѣтъ будущаго?

Герцогиня задумалась и вздохнула.

— Вѣдь она была влюблена въ него,—это не такъ скоро проходитъ.

— И чѣмъ онъ ее такъ плѣнилъ!—нетерпѣливо пожалъ плечами докторъ.—Конечно, о его помолвкѣ съ Моффатъ ей извѣстно не было?

— Вначалѣ—да. А когда она узнала, бѣдняжка, было уже слишкомъ поздно.

— Слишкомъ поздно для чего?

— Видите ли, когда полюбишь, не такъ легко стряхнуть это съ себя, потому только, что человѣкъ обманулъ васъ!

— Но такъ должно быть! Мужчины не стоятъ всей той любви, которую расточаютъ имъ женщины.

— О, это правда!—воскликнула герцогиня.—Страшная правда! Но что пользы въ проповѣдяхъ? Все равно мы до скончанія вѣка будемъ поступать такъ же.

— Хоть бы вы не выбирали дураковъ и обманщиковъ!

— Вотъ это резонно. Ахъ, еслибъ у насъ въ Англіи была принята французская система! Еслибъ можно было сказать Жюли. Вотъ твой будущій мужъ! Все устроено, все готово вплоть до бѣлья и серебра,—ты должна обвѣнчаться съ нимъ!—Какъ бы счастливы были мы всѣ.

Д-ръ Мередитъ воззрился на неё.

— У васъ есть на примѣтѣ такой женихъ?

Герцогиня колебалась.

— Не пойдемъ ли мы немного пройтись по лѣсу? предложила она наконецъ, подбирая свои бѣлыя юбки.

Мередитъ послушно подалъ ей руку. Они гуляли съ полчаса, и когда вернулись на лицѣ журналиста, раскраснѣвшемся и озабоченномъ не такъ то легко было прочесть его мысли.

И настроеніе его были не изъ лучшихъ. Ему понадобилось вскарабкаться на самую вершину Монте-Крочіоне, чтобы вернуться болѣе или менѣе успокоеннымъ и согласнымъ принять участіе въ игрѣ, затѣянной герцогиней. Ибо если есть мужчины эгоисты и волокиты—умныя женщины должны были бы разгадывать ихъ съ перваго взгляда, но онѣ никогда не разгадываютъ,—есть другіе, съ запасомъ слишкомъ хорошихъ чувствъ для этого грѣшнаго міра, слишкомъ добрые, слишкомъ благородные...

Въ такомъ-то саркастическомъ и жестокосердомъ настроеніи д-ръ Мередитъ ждалъ прибытія Джэкоба Делафильда.

Но когда Делафильдъ пріѣхалъ, тайная вражда къ нему Мередита очень скоро разсѣялась. Молодой человѣкъ вовсе не имѣлъ вызывающаго вида счастливца.

На первый взглядъ это былъ тотъ же безпечный веселый Джэкобъ, всегда готовый идти гулять или кататься на лодкѣ, всегда въ дружбѣ съ итальянскими лодочниками и слугами. Но вскорѣ изъ-подъ этого проглянуло другое—затаенное горе, которое этотъ сильный человѣкъ пряталъ въ своей груди.

— А вѣдь его молодость прошла,—неожиданно замѣтилъ однажды вечеромъ Мередитъ герцогинѣ, указывая на Делафильда, одиноко шагавшаго съ трубкой въ зубахъ по нижней терассѣ сада.

Лицо герцогини приняло тоскливое выраженіе.

— Это словно пробилось наружу,—медленно выговорила она.—Я думаю, это всегда въ немъ было, только не показывалось.

— Что «это»? Назовите.

— Не могу!—Она слегка вздрогнула; Мередитъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее.

— Что-нибудь сверхчеловѣческое—неземное?

Она кивнула головой и тотчасъ же, словно раскаявшись, стала увѣрять, что онъ милѣйшій и лучшій изъ людей.

— Конечно,—подтвердилъ Мередитъ.—Въ немъ только сказался мистикъ. Онъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ есть шестое чувство.

— Я знаю только, что у него есть какая-то странная власть надъ людьми,—сказала Эвелина, снова вздрогнувъ.—Будь Берти таковъ, я была бы несчастнѣйшей женщиной въ мірѣ. Но, благодаря Бога, въ немъ этого нѣтъ и слѣда.

— Въ сущности, это власть священника надъ душами, сказалъ Мередитъ.—Вы женщины черезчуръ воспріимчивы къ такимъ вещамъ и девять разъ изъ десяти во вредъ себѣ.

Герцогиня помолчала минутку, потомъ нагнулась къ своему собесѣднику и, приложивъ пальчикъ къ губамъ, многозначительно указала взглядомъ на нижнюю терассу. Тамъ была теперь уже не одна фигура, а двѣ—Жюли и Делафильдъ ходили рядомъ.

— Но это десятый!—шепнула герцогиня.

Мередитъ усмѣхнулся, бросилъ ей шутливое «Chi sa?» и перемѣнилъ разговоръ.

Делафильдъ, прекрасный гребецъ, скоро сдѣлался предводителемъ маленькой компаніи во всѣхъ ея прогулкахъ по озеру, онъ бралъ себѣ въ подручные двухъ дюжихъ молодцовъ изъ Тремеццо, и четырехвесельная лодка иной разъ съ утра до ночи не отдыхала. Погода стояла чудная; было тепло, какъ лѣтомъ. Дикія вишни стряхнули на траву покрывавшій ихъ снѣгъ; зато теперь грушевыя деревья стояли въ подвѣнечномъ уборѣ, и на голубомъ фонѣ неба розовѣли распускавшіеся цвѣты яблони. Ночи стояли тихія, лунныя; зори были полны таинственной, невѣроятной красоты; горы и лѣсъ, и озеро казались только одеждой, прозрачной, неуловимой одеждой какого-то духа, сотканнаго изъ огня и свѣта, живущаго и въ нѣдрахъ горъ, и въ кристально-чистомъ воздухѣ, и на лонѣ залитыхъ солнцемъ водъ, невидимаго, но дышащаго повсюду.

Но постепенно радость этихъ прогулокъ была отравлена: всѣ томились напряженнымъ ожиданіемъ. Природа осыпала ихъ лучшими своими дарами, но ея щедрость не производила должнаго впечатлѣнія. Сквозь разговоры и смѣхъ, въ прогулкахъ и по озеру, и по холмамъ, рѣдко, но ощутительно сквозили иногда скрытые страхъ и борьба, боль, сожалѣніе и отчаянное упорство.

Жюли опять и похудѣла, и поблѣднѣла. Делафильдъ тоже сталъ какъ-то молчаливъ и разсѣянъ. Онъ былъ любезенъ и милъ, какъ всегда, но теперь уже всѣ замѣчали, что его веселость искусственная, и въ голосѣ его иногда слышались нотки горечи, рѣзко противорѣчившія всему остальному и долго не забывавшіяся.

Мередитъ и герцогиня съ удивленіемъ, затаивъ дыханіе, слѣдили за этой борьбой двухъ индивидуальностей, двухъ сильныхъ воль. Они не знали, что эта борьба уже не первая, но инстинктивно, по какому-то безмолвному уговору, держались въ сторонѣ, оставляя Жюли и Делафильда вдвоемъ. Они смутно понимали, что онъ настаиваетъ, а она противится, и что вся его жизнь постепенно свелась къ сознанію двухъ фактовъ—ея близости и ея сопротивленія.

«On ne s'appuie que sur ce qui résiste». Эти слова оправдывались на нихъ обоихъ. Въ сущности, каждаго привлекала въ другомъ цѣльность натуры, и ни одинъ не могъ ни на минуту забыть о другомъ. Въ воздухѣ накоплялось электричество, и каждая мелочь получала особое символическое значеніе.

Жюли нерѣдко по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ Мередитомъ, стараясь забыться, но для бѣднаго доктора въ этомъ было мало отрады. Одного взгляда или слова Делафильда было достаточно, чтобы она опять очутилась въ плѣну; съ гордымъ и недовольнымъ лицомъ она

все-таки шла за нимъ, и герцогиня съ Мередитомъ снова становились только зрителями

Герцогиня пожимала плечами и смѣялась, но нерѣдко со слезами на глазахъ. Она чувствовала въ воздухѣ дыханіе страсти, но страсти, невѣдомой ея кроткой натурѣ.

Хоть бы поскорѣе кончилось такъ или иначе это странное положеніе вещей, и она могла бы обвить руками шею своего герцога и выпросить у него прощенія за то, что она такъ надолго покинула его. Она съ грустью и раскаяніемъ говорила себѣ, что дѣтишки, пожалуй, и вправду забудутъ ее.

И все же она стойко оставалась на своемъ посту, а время шло, недѣля за недѣлей. И драматизмъ положенія, несравненно болѣе драматичнаго, чѣмъ то предполагали она или докторъ Мередитъ, все время держалъ зрителей въ напряженномъ состояніи. Однажды вечеромъ Жюли и Джэкобъ оставили лодку въ Тремеццо, чтобы вернуться домой пѣшкомъ по прелестной тропинкѣ, обѣгающей озеро между Тремеццо и Каденаббіей. Закатъ почти догорѣлъ, но воздухъ былъ все еще полонъ его жемчужныхъ и розовыхъ отблесковъ и насыщенъ ароматомъ цвѣтущаго лавра. Каждая вершина горы, каждая бѣленькая деревушка, прилегшая ли у края воды, или же прильнувшая своей стройной колокольней къ утесу, каждый домъ, дерево, человѣческая фигура, казалось, были еще пропитаны свѣтомъ, казались дивными чертами какого-то только что явленнаго и уже исчезающаго міра. Отголоски вечерняго звона струились надъ озеромъ; съ большой лодки, полной крестьянъ, неслось пѣніе, гимнъ какому-то святому или Мадоннѣ; грубая, но вѣрная гармонія разносилась далеко окрестъ.

— Это паломники; они ѣздили на поклоненіе святому въ Ленно,— сказала Жюли, указывая на лодку. И, чтобы лучше слушать пѣніе, присѣла на скамеечку на низкомъ валу надъ озеромъ.

Отвѣта не было, и, оглянувшись, она съ удивленіемъ замѣтила, что возлѣ нея только одинъ Делафильдъ; герцогиня же и докторъ давно обогнули уголъ виллы Карлотта и скрылись изъ виду.

Делафильдъ пристально смотрѣлъ на нее. Онъ былъ очень блѣденъ, и у Жюли вдругъ упало сердце.

— Я, кажется, не въ силахъ терпѣть это дольше, — сказалъ онъ, подойдя къ ней совсѣмъ близко.

— Что терпѣть?

— Чтобы у васъ былъ такой видъ, какъ сейчасъ.

Жюли не отвѣтила. Ея печальные глаза съ горечью вглядывались въ расплывающуюся синюю даль.

Делафильдъ сѣлъ на валу у ея ногъ. Поблизости не было ни души. Всѣ туристы въ этотъ часъ сидѣли за табль-д'отомъ въ Каденаббіи; вдали порой мелькали лодки, но на сушѣ вокругъ все было тихо.

Делафильдъ неожиданно взялъ ея руку и, крѣпко сжавъ ее, тихо выговорилъ:

— Неужели вы никогда не простите мнѣ?

— Я думаю, что мнѣ слѣдуетъ благословлять васъ.

Ему показалось, что лицо ея выразило мучительное страданіе сердца, глубоко, быть можетъ, неизлѣчимо раненаго. Волна чувства нахлынула на него, но онъ сдержалъ себя.

Онъ наклонился къ ней и тихо, нѣжно шепнулъ:

— Жюли! Вы помните, что вы обѣщали лорду Лэкинтону, когда онъ умиралъ?

— О!—вскрикнула Жюли и вскочила на ноги, растерянная, неспособная слова произнести отъ волненія. Глаза ея выражали и гордость и страхъ. Онъ подождалъ, глядя на нее съ блѣдной рѣшимостью.

— Вы не знали, что я видѣлся съ нимъ?

— Какъ могла я знать!

Она гнѣвно отвернулась, задыхаясь отъ рыданій.

— Я такъ и думалъ,—тихо выговорилъ Делафильдъ.— Вы надѣялись, что вамъ не напомнятъ о вашемъ обѣщаніи!

Она не отвѣтила и опять безсильно опустилась на скамью, держась худенькой рукой за выступъ стѣны, обративъ свое блѣдное, облитое слезами лицо къ озеру и вечернему небу. Въ ея позѣ была безсознательная жалоба, нѣмая, тоскливая жалоба природѣ на жестокость людей. Это не ускользнуло отъ Делафильда. Въ душѣ его шла быстрая и пламенная борьба. Одинъ голосъ говорилъ: «Зачѣмъ ты преслѣдуешь ее? Уважай ея слабость, ея горе!». А другой возражалъ: «Именно потому, что она слаба, она должна уступить, должна позволить руководить собой и обожать себя»!

Онъ опять придвинулся къ ней. Со стороны можно было подумать, что они оба смотрятъ на далекую лодку и слушаютъ пѣніе паломниковъ.

— Вы думаете, я не понимаю, почему вы дали такое обѣщаніе,— началъ онъ мягко, и его сдержанность, спокойный тонъ его голоса имѣли въ себѣ какія-то неотразимые чары для женщины, сидѣвшей съ нимъ рядомъ.—У васъ вырвали это обѣщаніе; вы по добротѣ не хотѣли огорчить умирающаго. Вы думали, что я никогда не узнаю, или же никогда не предъявлю своихъ правъ. А я эгоистъ, я пользуюсь своимъ преимуществомъ, я предъявляю эти права! Я видѣлъ лорда Лэкинтона за нѣсколько часовъ до его смерти. Онъ разъ пять повторилъ мнѣ: «Она не должна быть одна». И уже въ послѣднюю минуту: «Спросите ее еще разъ—она подумаетъ—она обѣщала».

Жюли пылко повернулась къ нему.

— Ни одинъ изъ насъ не связанъ этимъ обѣщаніемъ—ни одинъ!

Делафильдъ улыбнулся.

*

— Вы хотите сказать, что я повторяю свое предложеніе потому, что онъ просилъ меня?

Наступила пауза. Жюли поневолѣ принуждена была взглянуть на него. Она подняла глаза и тотчасъ, вспыхнувъ, опустила ихъ.

— Нѣтъ,—выговорилъ онъ, тяжело переводя духъ;—вы этого не хотите сказать и не думаете. Но вы—да, вы связаны. Жюли! Я еще разъ склоняюсь передъ вами съ мольбой—вы должны подумать!

— Какъ могу быть я вашей женой?—возразила она прерывающимся голосомъ.—Вы знаете все, что произошло. Это было бы чудовищно!

— Ничуть,—былъ спокойный отвѣтъ.—Это было бы естественно и хорошо. Жюли! Какъ странно, что я долженъ такъ говорить съ вами! Вѣдь вы гораздо умнѣе меня и—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—гораздо сильнѣе. Но въ другихъ—вы мнѣ позволите это сказать—я могъ бы помочь вамъ, оберечь васъ. Вѣдь больше мнѣ ничего и не надо.

— Какъ могу быть я вашей женой!—повторила она страстно, ломая руки.

— Будьте, чѣмъ хотите—только будьте со мной—моимъ другомъ, товарищемъ, хозяйкой въ моемъ домѣ—больше я ничего не прошу—ничего!—Голосъ его оборвался и наступила пауза. Затѣмъ онъ продолжалъ.

— Но въ глазахъ свѣта сдѣлайте меня вашимъ слугой и мужемъ.

— Я не могу осудить васъ на такую участь,—промолвила она.—Вы знаете, кому принадлежитъ мое сердце.

Делафильдъ не смутился.

— Я знаю, кому принадлежитъ ваше сердце. Со временемъ вы перестанете думать объ этомъ человѣкѣ, онъ не стоитъ того. Я беру на себя весь рискъ—весь!

— Ну, по крайней мѣрѣ, я съ вами не лицемѣрю, — выговорила она съ горечью дрожащими губами.—Вы знаете, что я такое!

— Да, знаю, и я у вашихъ ногъ.

Слезы хлынули изъ глазъ Жюли. Она отвернулась и прижалась лицомъ къ стѣнѣ. Делефильдъ не пытался лаской утѣшить ее. Онъ спокойнымъ голосомъ рисовалъ ей жизнь, которая ее ожидаетъ, и товарищескій союзъ, который онъ предлагаетъ ей. Ни слова о своихъ, такъ называемыхъ, видахъ на будущее. Она знала, что ему трудно заставить себя говорить объ этомъ. Въ его словахъ звучала скорѣе аскетическая, мистическая нотка, всегда и раньше плѣнявшая эту женщину, въ которой честолюбіе странно уживалось рядомъ съ возвышенной поэтической фантазіей.

И все же она была честолюбива и мысленно заполняла то, чего не договаривалъ онъ.

«Ему все-таки придется принять это отвѣтственное положеніе, хочетъ онъ того, или нѣтъ,—говорила она себѣ,—и если дѣйствительно ему нужна моя помощь»...

И вдругъ ей стало стыдно своихъ колебаній.

«Нѣтъ, какъ ни смотри, все это такъ чудовищно, нелѣпо»...

— Вы сами не понимаете, о чемъ просите,—вскричала она въ отчаяніи.—Я не то, что вы называете порядочной женщиной—вы сами это слишкомъ хорошо знаете! Я не мѣрю жизнь на вашъ аршинъ. Я способна на такую поѣздку, какой вы помѣшали, и я совсѣмъ не каюсь въ ней, ничуть! Я способна солгать—вы не можете. У меня бываютъ иногда самыя гнусныя и низкія мысли—у васъ нѣтъ. Леди Генри считала меня интриганкой—я и есть интриганка. У меня это въ крови. Я даже не знаю, способна ли я, въ концѣ концовъ, понять васъ и вашу жизнь. А если нѣтъ—я сдѣлаю васъ несчастнымъ.

Она подняла на него глаза. Все ея гибкое тѣло выпрямилось въ благородномъ вызовѣ.

Делафильдъ нагнулся къ ней и насильно взялъ обѣ ея руки въ свои.

— Если бы даже все это было правдой, я въ тысячу разъ охотнѣе согласился бы рискнуть этимъ, чѣмъ снова уйти изъ вашей жизни—стать вамъ чужимъ. Жюли, вы доказали, что вы способны на безумство изъ-за любви—вы должны знать, что такое любовь. Посмотрите же мнѣ въ лицо—вотъ такъ, прямо въ глаза! Сдайтесь! Это воля покойнаго и Божья воля!

И когда, повинуясь его властному и тихому голосу, Жюли посмотрѣла ему въ лицо, она почувствовала, какъ ее обволакиваетъ волна мистической и страстной нѣжности, парализующей ея сопротивленіе. Какая-то нечеловѣческая сила покорила ея волю. По щекамъ ея катились слезы, и ея послѣдній протестъ, ея возмущеніе растаяли въ этихъ слезахъ.

Глава XXII.

Въ послѣднихъ числахъ мая Жюли Ле-Бретонъ обвѣнчалась съ Джэкобомъ Делафильдомъ въ англійской церкви во Флоренціи, въ присутствіи герцогини и герцога—угрюмаго и недовольнаго свидѣтеля брака, который онъ считалъ результатомъ коварныхъ навѣтовъ своей жены. Прямо отъ дверей церкви молодые уѣхали въ Камальдомъ и Валломброзо, а черезъ двѣ недѣли оттуда въ Швейцарію. Жюли была поклонница Буссо и Обермана, читала письма Байрона; ей хотѣлось собственными глазами увидѣть св. Дэконгольфа, Вевэ и Шильонъ.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ концѣ мая они очутились въ Монтрё. Въ городкѣ было уже жарко и людно, но они отыскали старинную гостинницу въ Шарнэ, откуда изъ сада видно было все озеро, и поселились тамъ недѣльки на двѣ, пока Делафильда не вызовутъ въ Англію по дѣламъ. Герцогъ Чёдлей чрезвычайно сердечно отнесся къ извѣстію о бракѣ Делафильда, его поздравительное письмо и тронуло Жюли, и въ то же время польстило ея самолюбію.

«Вы выходите замужъ за чудеснѣйшаго человѣка,—писалъ этотъ печальный отецъ умирающаго сына.—Мой мальчикъ и я обязаны ему больше, чѣмъ это можно выразить словами. Могу только сказать вамъ что для тѣхъ, кто ему дорогъ, онъ ничего не жалѣетъ—ни труда, ни жертвъ. Онъ не умѣетъ любить вполовину; его привязанности захватываютъ его всего. Онъ слишкомъ долго посвящалъ себя такимъ больнымъ и жалкимъ созданіямъ, какъ мы съ сыномъ. Пора и ему взять отъ жизни немного счастья. Вы дадите ему это счастье, и мы съ Мервиномъ глубоко вамъ благодарны. Если радости и здоровью не суждено быть нашимъ удѣломъ, я не такъ еще озлобленъ, чтобы не желать ихъ другимъ. Благослови васъ Боже! Джэкобъ скажетъ вамъ, что мой домъ не изъ веселыхъ. Но если вы съ нимъ будете иногда навѣщать его, въ немъ станетъ свѣтлѣе».

Жюли отвѣтила очень милымъ письмомъ, спрашивая себя, что можетъ быть извѣстно о ней герцогу. Она знала что Джэкобъ посвятилъ кузена въ ея исторію и сообщилъ ему, что лордъ Лэкинтонъ призналъ ее своей внучкой. Но она знала также, что, узнавъ о ея замужествѣ, леди Генри врядъ ли въ состояніи будетъ удержать языкъ за зубами.

Дѣйствительно, до печальнаго герцога дошло не мало интересныхъ росказней о невѣстѣ его кузена. Леди Генри сдѣлала все, что она считала долгомъ сдѣлать, и прислала герцогу кучу мелко исписанныхъ листковъ почтовой бумаги, наполненныхъ совершенно ненужными, по мнѣнію герцога, свѣдѣніями.

Онъ смялъ ихъ всѣ съ нетерпѣніемъ человѣка, для котораго ничто на землѣ не имѣетъ смысла и цѣнности, кромѣ двухъ-трехъ привязанностей, и написалъ ей въ отвѣтъ:

«Что хорошо для Джэкоба, то хорошо и для меня, и если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, Арабелла, я вамъ посовѣтую не ссориться съ Джэкобомъ изъ-за такой серьезной вещи, какъ его бракъ. Во всей этой исторіи, которую вы мнѣ разсказали, я, право, не могу разобраться, кто правъ, кто виноватъ; но чѣмъ порвать съ Джэкобомъ я лучше приму *кого угодно* въ качествѣ его невѣсты. Въ данномъ же случаѣ, насколько я понимаю, эта леди очень умна, воспитана, хорошей семьи съ обѣихъ сторонъ. Милая моя Арабелла, неужели у васъ не было горя въ жизни, что вы такъ легко расходитесь съ людьми? Если такъ, я вамъ завидую, но не имѣю ни мужества, ни желанія подражать вамъ».

Жюли, разумѣется, не знала объ этомъ обмѣнѣ мыслей, хотя изъ писемъ герцога къ Джэкобу догадывалась, что нѣчто подобное произошло. Но ей было ясно, что она будетъ избавлена отъ всякихъ непріятностей и затрудненій, нерѣдко сопутствующихъ вступленію такой особы, какъ она, въ кругъ богатой и вліятельной семьи, какъ Делафильды. Съ леди Генри, правда, еще предстояла борьба. Но мать

Делафильда, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сына, съ другой—главы рода, приняла невѣстку со свойственнымъ ей добродушіемъ и привѣтливостью; а его сестра, прелестная бѣлокурая Сусанна, и слишкомъ многимъ была обязана брату, и слишкомъ любила его, чтобы не быть милой съ его женой.

Нѣтъ, со стороны свѣта все шло гладко и ладилось отлично. Герцогъ, несмотря на возраженія Джэкоба, прибавилъ ему жалованья; Жюли, въ свою очередь, уже пользовалась доходомъ съ капитала, оставленнаго ей лордомъ Лэкинтономъ. Ей стоило теперь только показаться въ лондонскомъ свѣтѣ, чтобы съ избыткомъ вернуть свое былое вліяніе. Всѣ козыри перешли въ ея руки, и если теперь леди Генри вздумаетъ продолжать борьбу, тѣмъ хуже для нея.

Все это было или должно было быть пріятно женщинѣ, умѣвшей цѣнить земныя блага и преимущества. Но и это не могло разсѣять угнетеннаго состоянія, которое не покидало Жюли въ первыя недѣли ея замужества.

Что касается Делафильда, онъ приступилъ къ этому рискованнѣйшему опыту своей жизни—браку, являвшемуся на дѣлѣ лишь узаконенной дружеской близостью съ женщиной, которую онъ обожалъ, какъ человѣкъ, готовый добросовѣстно расплатиться за то, что онъ сдѣлалъ. Эта изящная стройная женщина, съ ея рѣдкимъ умомъ и общественными талантами была теперь его собственностью, подругой его жизни и хозяйкой въ его домѣ. Но, хоть онъ и зналъ, что имѣетъ надъ нею большую власть, она не любила его, и сліянія, какое бываетъ при настоящемъ бракѣ, не произошло и не могло произойти. Что-жъ, пусть и такъ! Онъ старался установить между ними такія отношенія, которыя бы оправдывали учиненное имъ насиліе надъ законами естества и духа. Его деликатность и чуткость, въ связи съ интенсивностью его страсти дѣлали для него каждую мелочь въ ихъ общемъ днѣ символомъ и святыней. Что сердце ея рвалось къ Уоркворту, что надъ нею мрачной тѣнью нависла горечь и тоска обманутой, неудовлетворенной любви, все это онъ не только зналъ, но и постоянно напоминалъ себѣ объ этомъ, клиномъ вбивалъ это въ свое сознаніе, какъ аскетъ вбиваетъ себѣ въ тѣло острые гвозди. Его задачей было утѣшить ее, заставить ее забыть, вернуть ей душевный покой и беззаботность.

Для этого онъ обратился прежде всего къ ея уму. Онъ горячо поощрялъ ее въ ея работѣ для Мередита. Съ первыхъ же дней ихъ супружества онъ сталъ ея слушателемъ, ученикомъ и критикомъ. Лично интересуясь больше соціальными, экономическими и религіозными вопросами, онъ смиренно признавалъ себя профаномъ въ изящной литературѣ. Ему хотѣлось обогатить ежедневную жизнь Жюли новыми стремленіями и новыми радостями, которыя разсѣяли бы мрачныя думы періода ея болѣзни и выздоровленія, и дать ей почувствовать, что у

нея подъ рукою, въ лицѣ спутника ея жизни, человѣкъ, который искренно раздѣляетъ всѣ ея усилія, искренно гордится каждымъ ея успѣхомъ.

Увы! разсчетъ былъ слишкомъ простъ и слишкомъ очевиденъ. Делафильдъ недостаточно принялъ во вниманіе сложность натуры Жюли, ея души, опустошенной и потрясенной страстью. Жюли и сама не прочь была бы вернуться къ духовной, умственной дѣятельности, но эту дѣятельность ей предлагали какъ бы взамѣнъ утраченныхъ опасныхъ наслажденій любви и это будило въ ней первое упорство. Она слишкомъ часто чувствовала себя предметомъ наблюденія, раздумья, религіозныхъ и мистическихъ волненій.

Притомъ же она теперь все чаще и чаще подмѣчала странности и эксцентричности въ человѣкѣ, сдѣлавшемся ея мужемъ. И острый здравый смыслъ, такъ странно уживавшійся въ ней рядомъ съ способностью къ беззавѣтной страсти, все чаще подсказывалъ въ ней, что современемъ, когда все уляжется и войдетъ въ норму, она всею душою примѣнится къ свѣту, онъ же, наоборотъ, будетъ отходить отъ него все дальше. И если такъ, пропасть между ними, вмѣсто того, чтобы заполниться, все будетъ расти.

Однажды, въ дождливый іюньскій день, Жюли осталась дома одна; Делафильдъ уѣхалъ въ Монтре по дѣламъ. Она взяла книгу и спустилась по отлогой тропинкѣ, которая ведетъ отъ Шарнэ къ старинной окруженной полями деревнѣ Брентѣ.

Дождь только что пересталъ. День былъ холодный, снѣгъ сползалъ съ горъ, и даже сосны на Кубли были опушены имъ. На западѣ низко ползли по небу тяжелыя тучи; озеро расплылось въ холодномъ туманѣ, сливавшемся съ бахромою тучъ. Но на востокѣ, надъ долиною Роны, небо уже прояснилось, и когда Жюли, присѣвъ отдохнуть на полдорогѣ, повернулась въ ту сторону, передъ нею открылись во всемъ своемъ величіи Альпы—Rochers de Naye, Velan, Dent du Midi. На острыхъ вершинахъ его утесовъ играли солнечные лучи, и весь онъ, бѣлый, массивный, съ изрѣзанными боками, торжествующе высился надъ бѣлымъ моремъ тумана, окутывавшаго міръ внизу.

Но свѣжій вѣтеръ, bise, не улегся, и Жюли, вздрогнувъ, плотнѣе закуталась въ плащъ. Сердце ея тосковало по Комо и югу, можетъ быть и по маленькой герцогинѣ, которая такъ по-женски нѣжно баловала ее.

Весна—вторая весна окружала ее, но этой холодной сѣверной веснѣ были чужды чары Италіи. Нарциссы на лугахъ, покрывавшихъ крутые склоны, совсѣмъ прибило къ землѣ дождемъ; красно-коричневые каштаны блестѣли подъ влажными лучами солнца; опадающій цвѣтъ яблонь дышалъ такою грустною красою; только густая роскошная трава, вся пестрѣвшая цвѣтами, жила полною жизнью и говорила о близости лѣта.

Жюли вдругъ схватила книгу, лежавшую возлѣ нея на скамьѣ и торопливо раскрыла ее. То была одна изъ книгъ Сенъ-Симона, принадлежавшая ея матери и уже однажды сыгравшая роль въ ея жизни.

Она искала знаменитаго опредѣленія характера дофина, этого образцоваго принца, смерть котораго, по мнѣнію и Сенъ-Симона, и Фенелона, и самой Франціи, была крушеніемъ великихъ надеждъ.

«Принцъ, ласковый, кроткій, гуманный, терпѣливый, скромный, удивительно совѣстливый и, насколько это позволяло его положеніе— иногда даже болѣе того, смиренный и строгій къ самому себѣ».

Ну, развѣ не вылитый портретъ?

«Affable, doux, humain, patient, modeste-humbe et busteré pour soi— больше, чѣмъ отъ него требовалось, быть можетъ, больше, чѣмъ слѣдовало».

Она читала дальше, о принцессѣ, которая, по своей человѣческой слабости, боялась столь совершеннаго супруга и пыталась соблазнить его и низвести его съ высоты; о Людовикѣ XIV, его дѣдѣ, и на старости лѣтъ оставшемся суетнымъ и конфузившемся этого святого юноши съ высокою душою; о дворѣ, съ неудовольствіемъ думавшемъ о томъ времени, когда ему придется быть подъ ферулою человѣка, презиравшаго и осуждавшаго шалости его, и страсти, и, наконецъ, дошла до финала, гдѣ Сенъ-Симонъ въ экстазѣ, со страхомъ и обожаніемъ прощается навѣки съ характеромъ и сердцемъ, которыхъ Франція не была достойна.

Она читала строку за строкою, все время виновато сознавая, что она придаетъ двойной смыслъ прочитанному.

Затѣмъ она закрыла книгу и задумалась о своемъ мужѣ.

Есть французское слово «recueilli» *), которое часто можно услышать въ католическихъ монастыряхъ. Жюли въ ранней юности часто слыхала его, но никогда оно не ласкало ея слуха. Оно говорило о цѣпяхъ, самоограниченіи, о добровольномъ умерщвленіи своихъ желаній, совершенно не свойственномъ и непріятномъ ея натурѣ. Но всякій, знающій Делафильда, не могъ не примѣнить этого слова къ нему. Человѣкъ, замкнутый въ себѣ, живущій, такъ сказать, передъ лицомъ Вышняго, строго слѣдящій за каждымъ своимъ словомъ и мыслью, мистикъ страстный искатель духовнаго идеала, другъ милосердія, чистоты, простоты жизни.

Жюли уныло склонила голову на руки. Что, въ сущности, можетъ быть нужно отъ нея такому человѣку? Что она можетъ дать ему, какъ можетъ сдѣлаться необходимой для него? А женщина даже въ дружбѣ должна чувствовать себя необходимой, чтобы быть счастливой.

Уже и теперь ихъ отношенія, при которыхъ она все брала и ни-

---

*) Recueilli—сосредоточенный, замкнутый въ себѣ, предавшійся духовному созерцанію.

чего не давала взамѣнъ, вызывали въ ней тайное раздраженіе и непріязнь,—что же будетъ дальше?

— Онъ никогда не видѣлъ меня настоящей, такою, какъ я есть,— думала она, тревожно оглядываясь на прошлое ихъ знакомство.—Я и не такъ слаба, какъ онъ думаетъ, и не такъ умна! И какъ это странно,—онъ все время въ такомъ напряженномъ состояніи!...

Она припоминала разные факты и черточки изъ его жизни, то нелѣпыя, то милыя, то такія суровыя, что отъ нихъ на нее вѣяло холодомъ. Она вспомнила, какъ ей трудно было убѣдить Делафильда разрѣшить себѣ хотя бы самый необходимый комфортъ и удобства; невольная улыбка, не безъ оттѣнка нѣжности, мелькнула на ея лицѣ, когда она вспомнила разсказъ Делафильда о его жизни въ Камальдомѣ и о презрѣніи, которое онъ внушалъ молодому франту-лакею скромностью своего гардероба и вообще своихъ требованій.—У меня даже не нашлось ничего такого, что я могъ бы подарить ему,—усмѣхаясь разсказывалъ Делафильдъ.—Это было мнѣ наказаніемъ.

Но, хоть онъ и смѣялся надъ своими привычками, отстать отъ нихъ всетаки не хотѣлъ и Жюли уже настолько вошла въ роль жены, что теперь строила планы, какъ убѣдить его замѣнить новыми дорожный portemanteau и шляпу, принявшія положительно неприличный видъ.

А *ей* все время давалось все самое лучшее—горничная, роскошное купэ, изысканная пища. Раза два у нихъ были препирательства по этому поводу. Но на всѣ ея выговоры, онъ отвѣчалъ: «Дорогая, оправьтесь сначала, наберитесь силъ, и тогда дѣлайте, что хотите».

Но всего ярче проявилась наклонность Делафильда къ аскетизму и мистикѣ въ Ла-Вернѣ, на горѣ, осѣненной памятью св. Франциска. На этихъ высотахъ онъ словно преобразился, какъ человѣкъ, долго томившійся духовной жаждой и, наконецъ, нашедшій источникъ жизни. Жюли въ душѣ даже стало страшно. Ей, какъ и Эвелинѣ, казалось, что въ немъ вдругъ что-то пробилось наружу—изъ души на свѣтъ. Оглядываясь назадъ, она видѣла, что *это* всегда въ немъ было, но въ молодомъ и дѣловитомъ управляющемъ имѣніями герцога, въ кузенѣ герцогини, въ племянникѣ леди Генри это проходило для большинства незамѣченнымъ. Но какъ это выросло и развилось теперь! И куда это приведетъ ихъ обоихъ? Когда Жюли начинала думать объ этомъ, она ловила себя на тоскѣ по Мэйферу, обѣду «запросто» и свѣтской болтовнѣ.

— Какая жалость, что вы не родились католикомъ! Вы, пожалуй, сдѣлались бы монахомъ,—сказала она ему однажды вечеромъ на Ла-Вернѣ, когда онъ читалъ ей выдержки изъ «Fioretti» съ собственными комментаріями на поляхъ.

Но онъ, улыбаясь, покачалъ головой.

— Видите ли, у меня нѣтъ вѣры—или почти нѣтъ.

Отвѣтъ поразилъ ее. И ей показалось, что въ глубинѣ его синихъ глазъ притаился рой мыслей, которымъ онъ не даетъ воли въ ея присутствіи, но которыя, тѣмъ не менѣе, являются неотступными спутницами его души. На минуту она представилась себѣ Эльзой, а мужъ ея современнымъ Лоэнгриномъ въ духовномъ смыслѣ, пришедшемъ, невѣдомо откуда, искателемъ какой-то таинственной и непонятной ей правды.

— Что вы будете дѣлать,—спросила она его однажды,—когда вамъ достанется герцогскій титулъ?

Лицо Делафильда мгновенно омрачилось. Еслибъ онъ могъ разсердиться на нее, онъ бы разсердился.

— Объ этомъ я по возможности избѣгаю думать и говорить,— отвѣтилъ онъ рѣзко и, поднявшись съ мѣста, замѣтилъ, что солнце быстро спускается къ равнинѣ Козентино и что они далеко отъ гостинницы.

— Нелѣпо и не по-людски,—шепталъ ей критическій внутренній голосъ, когда она шла вслѣдъ за нимъ.

И много такихъ воспоминаній мелькало въ умѣ Жюли въ то время, какъ она сидѣла на скамейкѣ, мечтательно глядя вдаль. Въ силу естественной реакціи, мысли ея постепенно перешли въ грёзы совершенно иного рода, о реальномъ мірѣ борьбы подъ звуки трубъ и барабановъ.

Далеко, далеко въ африканской пустынѣ она шла вслѣдъ за небольшимъ отрядомъ Уоркворта.

О, этотъ ослѣпительный свѣтъ, желтый горячій песокъ, длинная вереница негровъ носильщиковъ, нагруженныхъ тюками, горсть англійскихъ офицеровъ, и впереди всѣхъ статный юноша, безконечный безводный путь, пальмы, мангу, мимозы—вся картина, какъ живая, стояла передъ глазами ея души. Она вмѣстѣ съ путниками страдала отъ зноя, жажды, физической и умственной усталости, вмѣстѣ съ ними испытывала на себѣ таинственное обаяніе этой не нанесенной на карту, не покоренной страны.

Думалъ ли онъ о ней, иногда—ночью, при свѣтѣ звѣздъ или въ яркомъ блескѣ полудня? Да, да, онъ думалъ о ней! Мысли каждаго изъ нихъ до конца жизни будутъ стремиться къ другому.

Въ глазахъ Делафильда—она знала—его любовь къ ней была только оскорбленіемъ.

Зато *онъ*, по крайней мѣрѣ, нуждался въ ней; его желанія были простыя, земныя, онъ добивался денегъ, положенія, успѣха — только того, что женщина могла ему дать или добыть для него. И, наконецъ, онъ требовалъ любви — жадно, неудержимо, очертя голову, какъ всѣ люди, потому что не могъ совладать съ собой, хоть это и дѣлало его измѣнникомъ слову и своей невѣстѣ. А затѣмъ, искалъ прощенія! И

память обо всемъ этомъ глубоко залегла въ ея измученномъ, трепетно бившемся сердцѣ.

Она вдругъ опомнилась и отогнала свои мысли, браня себя, какъ это съ ней бывало по сто разъ на день.

Нѣтъ, нѣтъ, *нѣтъ*! Все это прошло, и они съ Джэкобомъ съумѣютъ сдѣлать свою совмѣстную жизнь прекрасной. Почему же нѣтъ?

Но горячія слезы все время жгли ей глаза въ то время, какъ пальцы ея лѣниво перевертывали страницы книги; и эти слезы застилали ей луга и цвѣты и фигуру молоденькой дѣвушки, медленно поднимавшейся по длинной отлогой тропинкѣ, которая ведетъ отъ деревни къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Жюли.

Фигура приближалась. Жюли отерла слезы, туманившія ей глаза, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за дѣвушкой.

Она была маленькая и худенькая; изъ-подъ широкихъ полей ея шляпки виднѣлись бѣлокурые волосы, гладкими, блестящими волнами ложившіеся на шею и виски. Подойдя къ Жюли, она разсѣянно подняла на нее глаза, и Жюли увидѣла лицо, полное нѣжной и своеобразной красоты, на которой, однако, лежалъ отпечатокъ хрупкости, даже болѣзненности. Казалось, это лицо поблѣднѣло въ тропическомъ климатѣ и только теперь на немъ выступила легкая краска подъ вліяніемъ свѣжаго альпійскаго воздуха. Но глаза были полны жизни и сразу говорили о выдающейся личности. Въ этихъ серьезныхъ внимательныхъ, слегка тревожныхъ глазахъ было столько нервной энергіи, что это казалось даже страннымъ рядомъ съ явной физической слабостью ихъ обладательницы. Впрочемъ, этотъ контрастъ сказывался и въ другомъ. Напр., при видѣ сидящей на скамьѣ Жюли, легкая морщинка между бровями дѣвушки обозначилась явственнѣе, она окинула незнакомку острымъ, внимательнымъ взглядомъ, въ которомъ сказалась чуткая и тревожная наблюдательность.

Когда дѣвушка подошла ближе, Жюли приподнялась со скамьи. Щеки ея вспыхнули, губы раскрылись; она какъ будто хотѣла заговорить. Дѣвушка не безъ удивленія посмотрѣла на нее и прошла мимо.

Она несла подъ мышкой книгу, въ которой было заложено нѣсколько только что распечатанныхъ писемъ. Когда она прошла мимо скамьи, изъ книги выпалъ конвертъ и остался лежать незамѣченнымъ на дорогѣ.

Жюли тяжело перевела духъ. Она подняла конвертъ и прочла на немъ то самое имя, какое ожидала увидѣть.

Съ минуту она колебалась, потомъ догнала обладательницу письма.

— Вы уронили это, проходя мимо.

Дѣвушка быстро обернулась.

— Благодарю васъ очень. Вы такъ любезны...—она запнулась, удивленная тѣмъ, что Жюли такъ пристально смотритъ на нее.

— Вы—миссъ Моффатъ?

— Да Это мое имя. Но, извините, боюсь, что я васъ не помню.— Ея застѣнчивость была необычайно мила.

— Я м-рсъ Делафильдъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Да? Я... Извините пожалуйста.

Она вся вспыхнула и растерянно смотрѣла на заговорившую съ ней даму, а Жюли тѣмъ временемъ торопливо спрашивала себя: «Что она знаетъ? что она слышала?»—но вслухъ она только выговорила: Я думала, что вы слыхали обо мнѣ. Лордъ Юрдэль говорилъ мнѣ, что онъ писалъ, по желанію отца, леди Бланшъ. Ваша мать и моя были сестры.

Дѣвушка застѣнчиво отвела взглядъ.

— Да, мама говорила мнѣ.

Наступило минутное молчаніе. Страхъ и тревога, овладѣвшіе было Жюли, разсѣялись. Въ обращеніи дѣвушки не было ни ревности, ни ненависти, только дѣвичья робость и сдержанность.

— Могу я пройтись съ вами немного?

— Пожалуйста! Вы остановились въ Монтре?

— Нѣтъ, мы въ Шарнэ,—а вы?

— Мы пріѣхали всего два дня тому назадъ и поселились въ маленькомъ пансіонѣ въ Брентѣ. Мнѣ хотѣлось подышать воздухомъ полей, вѣдь теперь уже нарциссы цвѣтутъ. Если бы погода была теплая мы остались бы здѣсь, но мама боится холода—изъ за меня. Я была больна.

— Я слышала объ этомъ, — сказала Жюли своимъ серьезнымъ и ласковымъ голосомъ, невольно внушавшимъ симпатію.—Потому-то ваша матушка и не могла пріѣхать...

Глаза Эйлинъ наполнились слезами.

— Да, бѣдная мама! Я уговаривала ее ѣхать—она такъ любила дѣдушку, а у насъ была хорошая сидѣлка, но она ни за что не хотѣла меня оставить. Она...

— Она всегда тревожится за васъ?

— Да. Мое здоровье въ послѣднее время не очень-то хорошо и съ тѣхъ поръ, какъ умеръ папа...

— У нея нѣтъ никого, кромѣ васъ?

Они прошли нѣсколько шаговъ, молча. Затѣмъ дѣвушка подняла на нее глаза.

— Вы видѣли дѣдушку въ послѣднія минуты? Разскажите мнѣ объ этомъ. Мои дяди пишутъ такъ мало.

Жюли съ трудомъ исполнила ея желаніе. Она не сообразила, какъ трудно ей будетъ говорить о лордѣ Лэкинтонѣ. Но, тѣмъ не менѣе, она описала, какъ умѣла, рыцарскую смерть старика. Эйлинъ Моффатъ слу-

шала ее внимательно, съ своей обычной застѣнчивостью, полной чувства, которая, казалось, была въ ней характерной чертой.

Когда онѣ дошли до вершины холма, откуда дорога сворачиваетъ въ Шарнэ, Жюли замѣтила, что спутница ея утомлена.

— Вы недавно хворали,—сказала она,—вамъ нельзя такъ много ходить. Могу я отвести васъ домой? Вы не думаете что вашей матери непріятно будетъ меня видѣть?

Дѣвушка не сразу отвѣтила.

— А, вотъ и она!

Навстрѣчу имъ быстро шла пожилая дама, небольшого роста, сѣдая; широкополая шляпа частью скрывала ея черты.

Жюли вся затрепетала. Это была сестра, о которой мать ея вспоминала, умирая. Ей казалось, что частица души ея матери, что-то такое, что можетъ бросить свѣтъ на жизнь и душу ея матери, приближается къ ней по этой швейцарской тропинкѣ.

Но пожилая дама, подойдя, съ удивленіемъ и нѣкоторымъ высокомѣріемъ посмотрѣла на незнакомку, шедшую рядомъ съ ея дочерью.

— Эйлинъ! Зачѣмъ ты зашла такъ далеко? Ты обѣщала мнѣ вернуться черезъ четверть часа.

— Я не устала, мама. Мамочка, это—м-рсъ Делафильдъ. Ты помнишь—дядя Юрдэль писалъ...

Лэди Бланшъ Моффатъ застыла на мѣстѣ. Въ сердце Жюли снова закрался страхъ, и на этотъ разъ онъ не разсѣялся. Послѣ явнаго колебанія, сѣдая дама холодно протянула руку.

— Какъ вы поживаете? Братья писали мнѣ о вашемъ замужествѣ, но они говорили, что вы въ Италіи.

— Мы только что оттуда.

— А вашъ мужъ?

— Онъ уѣхалъ въ Монтрё, но теперь скоро вернется. Мы всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей гостинницы. Не хотите ли зайти отдохнуть? У миссъ Моффатъ очень усталый видъ.

Наступила пауза. Леди Бланшъ смотрѣла на дочь. Жюли видѣла, какъ дрогнулъ ея большой, неправильный ротъ, съ легка вывороченными наружу губами. Она взяла дочь подъ руку и наклонилась къ ней, тревожно вглядываясь въ ея лицо.

— Благодарю васъ, мы зайдемъ на четверть часа. Въ Шарнэ можно достать экипажъ?

— Да, я думаю. Вы посидите немножко на нашемъ балконѣ; я пошлю узнать.

Они пошли вмѣстѣ къ Шарнэ. Леди Бланшъ упорно говорила о погодѣ, которая дѣйствительно была ужасна, и такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ мало знакомыми людьми. Ни слова объ отцѣ; ни слова даже о письмѣ брата и о родствѣ Жюли съ ней самой. Жюли отно-

силась къ этому совершенно спокойно и разговоръ кое-какъ поддерживался все время, пока онѣ не дошли до маленькой гостинницы въ Шарнэ.

Жюли повела своихъ спутницъ по темному корридору на террасу, гдѣ было нѣсколько стульевъ и, между прочимъ, мягкое кресло-качалка.

— Пожалуйста,--сказала Жюли, усаживая дѣвушку и поправляя подушки. Эйлинъ улыбалась и не противилась. Жюли принесла шаль и закутала ее, такъ какъ въ воздухѣ чувствовалась сырость. Эйлинъ, благодаря ее, слегка коснулась ея руки. Между ними уже установилась тайная симпатія.

Леди Бланшъ чопорно сидѣла возлѣ дочери, все время наблюдая за выраженіемъ ея лица. Она была суха и, видимо, чувствовала себя не въ своей тарелкѣ, что еще больше бросалось въ глаза рядомъ съ милой привѣтливостью ея дочери. Но Жюли какъ будто не замѣчала этого. Она приказала подать чай и уже ни словомъ больше не напоминала о существующемъ между ними родствѣ. Онѣ съ леди Бланшъ разговаривали между собой совершенно, какъ постороннія.

Жюли понимала, въ чемъ дѣло. Она вспомнила вечеръ въ домѣ герцогини, старую дѣву, пріятельницу Моффатъ, свой собственный разговоръ съ Эвелиной. Очевидно, до леди Бланшъ дошли какіе-нибудь сплетни о ней и Уорквортѣ. Оба они тогда были слишкомъ заняты собой и несчастны, чтобы думать о томъ, «что скажутъ». И, очевидно, слухи дошли до ея тетки. Леди Бланшъ, по всей вѣроятности, ненавидитъ ее, хотя и обязана быть съ ней вѣжлива изъ-за Делафильда. Но въ обращеніи ея дочери не было и тѣни непріязни. Очевидно, мать, щадя ее, скрыла отъ нея непріятные слухи.

Жюли вдругъ стало необыкновенно легко на душѣ. Она украдкой смотрѣла на Эйлинъ, сравнивая дѣйствительность съ тѣмъ безобразнымъ представленіемъ о соперницѣ, которое сложилось въ ея ревнивой душѣ—какъ о глупенькомъ, нагломъ созданіи, завладѣвшемъ всѣмъ, чего добиваются лучшія, чѣмъ она, благодаря только грубой силѣ — преимуществамъ богатства и рожденія. А она все время была такая— нѣжная, трогательная, воздушная—дитя, о которомъ говорилъ Уорквортъ—невинное, не знающее свѣта дитя, принесенное въ жертву ихъ страсти. Она, какъ сейчасъ, видѣла передъ собой карточку, словно съ мольбой смотрѣвшую на нее изъ рукъ Уорквортa. Потомъ взглянула на оригиналъ—взглянула робко, съ нарождающейся любовью, и сердце ея безумно забилось—не то раскаяніемъ, не то воскресшей ревностью. Вотъ и сейчасъ подъ этой маской свѣтскаго разговора, быть можетъ, онѣ обѣ втайнѣ думаютъ о немъ. Мысли дѣвушки всегда витаютъ около ея возлюбленнаго...

И все это время Жюли была какъ-то странно озабочена—ее преслѣдовала мысль объ Уорквортѣ.

Постепенно съ высокихъ горъ надъ озеромъ сползли послѣднія гряды облаковъ и на вершинахъ показались сосновые лѣса, осыпанные снѣгомъ. Слабо бѣлѣли бѣлыя стѣны Гліона; какой-то жемчужно-золотистый свѣтъ разлился надъ горами и озеромъ. Но солнце хмурилось и въ воздухѣ не было ласки. Эйлинъ и въ теплой шали дрожала отъ холода. Когда Жюли заговорила объ Италіи, дѣвушка вся встрепенулась и съ такимъ энтузіазмомъ откликнулась на ея рѣчи, что онѣ обѣ почувствовали, какъ незамѣтно сблизились еще больше.

Внизу послышались шаги.

— Мой мужъ,—сказала Жюли, вставъ, и, подойдя къ баллюстрадѣ, махнула платкомъ Делафильду, который шелъ изъ Монтрё по крутой тропинкѣ, извивавшейся межъ виноградниковъ.

— Я скажу ему, что вы здѣсь,—прибавила она какимъ-то особеннымъ тономъ, который можно было принять за застѣнчивость новобрачной.

Она сбѣжала по ступенькамъ съ террасы въ нижній садъ. Эйлинъ посмотрѣла на мать и шепнула:

— Какая она чудная! Я глазъ отъ нея не могу отвести. Я не видала женщины граціознѣе. Мама, она похожа на тетю Розу?

Леди Бланшъ покачала головой.

— Ни капельки! Мнѣ она кажется слишкомъ манерной.

— О, мама! — И дѣвушка съ ласковымъ упрекомъ поймала руку матери, какъ бы говоря: «Милая мамочка, ты должна полюбить ее, потому что я ее люблю, а о тетѣ Розѣ и обо всѣхъ этихъ ужасныхъ вещахъ не надо думать,—надо только жалѣть.

— Тссъ!—сказала леди Бланшъ, улыбаясь ей немного тревожно.— Тише, они идутъ.

На площадкѣ лѣстницы показались Делафильдъ и Жюли, оба высокіе, изящные; это была прекрасно подобранная пара. Леди Бланшъ посмотрѣла на нихъ и презрительно надула нижнюю губу, что придавало ея лицу непріятное выраженіе. Но съ Делафильдомъ она была немного знакома раньше и сейчасъ же замѣтила, съ какой милой заботливой нѣжностью онъ поздоровался съ ея дочерью.

— Жюли сказала мнѣ, что миссъ Моффатъ далеко еще не окрѣпла послѣ болѣзни,—обратился онъ къ леди Бланшъ. Та только вздохнула въ отвѣтъ. Онъ придвинулъ къ ней стулъ и между ними сразу завязался обычный разговоръ свѣтскихъ людей, принадлежащихъ къ одному и тому же кругу и путешествующихъ въ одной и той же странѣ. А Жюли опять сѣла возлѣ Эйлинъ.

Немного было сказано между ними, но каждая чувствовала, что другая интересуется ею, и Жюли время отъ времени заботли-

вой рукой поправляла шаль, окутывавшую хрупкую фигурку дѣвушки.

Легкія угрызенія совѣсти, которыя испытывала Жюли, только дѣлали ее еще болѣе чуткой. Она мысленно говорила себѣ, что сумѣетъ все загладить. Только бы леди Бланшъ захотѣла!

Но она должна захотѣть! Жюли почувствовала приступъ былой самоувѣренностью, вѣры въ себя и свою власть надъ людьми, которая, въ сущности почти никогда не измѣняла ей. Въ ней опять зашевелились инстинкты хитрости, интриги, какъ въ то время, когда она была компаньонкой лэди Генри.

Во время разговора Эйлинъ замѣтила лежавшую на столѣ англійскую газету, принесенную Делафильдомъ изъ Монтрё и еще не распечатанную.

— Пожалуйста, дайте мнѣ ее,—сказала дѣвушка, быстро протягивая руку.—Навѣрно уже есть извѣстія о свадьбѣ Тины, мамочка. Это моя кузина, — пояснила она Жюли, вставшей, чтобы подать ей газету.—Самая любимая кузина. О, благодарю васъ!

Она развернула газету. Жюли отошла, чтобы взять чашку у леди Бланшъ.

Вдругъ раздался крикъ—крикъ смертельной муки.

— Эйлинъ,—вскрикнула леди Бланшъ, кидаясь къ ней,—что, что съ тобой?!

Газета упала на полъ, но дѣвушка, задыхаясь, указывала на нее.

— Мама! мама!..

Жюли поблѣднѣла, какъ смерть, охваченная предчувствіемъ. Леди Бланшъ суетилась около дочери.

— Эйлинъ, милочка, что случилось?

Дѣвушка въ мучительной тоскѣ охватила руками станъ матери, вся дрожа, поднялась на ноги и провела рукой по глазамъ.

— Онъ умеръ, мама! онъ умеръ! онъ—*умеръ!*

Послѣднее слово вырвалось со стономъ, еще болѣе страшнымъ, чѣмъ ея первый крикъ ужаса. Дѣвушка пошатнулась, вырвалась изъ рукъ матери и упала бы, если бы ее не поддержала Жюли.

Ее бережно уложили снова на кресло. Она была похожа на сломанный цвѣтокъ, въ которомъ внезапно изсякли всѣ источники жизни. Леди Бланшъ нагнулась къ ней, оттолкнувъ Жюли, и безумно сжимала въ своихъ объятіяхъ безчувственную дочь. Делафильдъ побѣжалъ за водой и коньякомъ. Жюли подняла газету и взглянула на телеграммы. Въ первомъ же столбцѣ она нашла то, чего искала:

«Каиръ, 12-го іюня. Неожиданная вѣсть о трагической кончинѣ майора Уоркворта вызвала здѣсь искреннее огорченіе. Онъ погибъ отъ лихорадки, около 25-го мая, въ мѣстечкѣ, находящемся въ трехъ недѣляхъ пути отъ берега. Письма отъ офицера, принявшаго вмѣсто

него начальство надъ миссіей, только теперь пришли въ Денгу. Уже черезъ 2 недѣли послѣ того, какъ миссія, покинувъ берегъ, стала углубляться внутрь страны, майоръ Уоркворть почувствовалъ приступы лихорадки. Онъ мужественно боролся съ болѣзнью, но недугъ былъ смертельный и свалилъ его меньше, чѣмъ въ недѣлю. Гонецъ привезъ также документы и письма умершаго, которые отправлены его роднымъ въ Англію. Майоръ Уоркворть былъ очень способный офицеръ, подававшій большія надежды, и смерть его тяжелая утрата для нашей арміи».

Жюли упала на колѣни возлѣ своей безчувственной кузины. Лэди Бланшъ тѣмъ временемъ разстегивала платье дочери, грѣла своимъ дыханіемъ ея холодныя руки и въ безумномъ страхѣ причитала надъ ней:

— Родная моя! голубушка! Господи, за что же это такое! И зачѣмъ только я позволила имъ сблизиться? Это все я виновата, все я. Не переживетъ она этого!

И, цѣпляясь за безчувственныя руки дочери, она вся корчилась отъ рыданій, въ которыхъ не было ни тѣни горя, или сожалѣнія о комъ бы то ни было, кромѣ ея дочери, ея плоти и крови, лежавшей тутъ безъ сознанія, пораженнной тяжкимъ ударомъ.

Но Жюли уже не сознавала происходившей передъ нею трагедіи. Вся ея способность воспріятія снова поглощена была обманомъ чувствъ, захватившимъ ее цѣликомъ. Передъ ея широко раскрытыми, полными ужаса глазами встало то самое видѣніе, которое мучило ее въ критическій періодъ ея любви къ Уоркворту. Надъ вѣчными снѣгами, окаймлявшими озеро, поднялся призракъ—исхудалый, съ пылающими щеками, съ прилипшими къ вискамъ волосами, а глаза—о, какъ ужасны были эти глаза!—въ нихъ читалась нѣмая ярость человѣка, еще молодого, мучительно разстающагося съ жизнью въ послѣдней агоніи одинокаго, никѣмъ не облегченнаго страданія.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

БІОЛОГИЧЕСКІЕ И СОЦІАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ.

*(Окончаніе *).*

IV.

Подробный разборъ ученія итальянской школы криминологіи заставилъ насъ сдѣлать, между прочимъ, рядъ экскурсій въ области криминальной антропологіи, психологіи и психіатріи, и хотя данныя, добытыя нами изъ этихъ экскурсій, носятъ почти исключительно отрицательный характеръ, они, тѣмъ не менѣе, не лишены значенія, такъ какъ, свидѣтельствуя о томъ, что итальянская школа избрала ложный путь для рѣшенія вопроса о причинахъ преступности, эти данныя тѣмъ самымъ все-таки приближаютъ насъ къ истинѣ. Я нахожу поэтому небезполезнымъ, прежде чѣмъ перейти къ соціальнымъ факторамъ преступности, отмѣтить въ нѣсколькихъ словахъ тѣ главные выводы, которые мы въ правѣ сдѣлать изъ разобранныхъ нами до сихъ поръ многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ фактовъ.

Мы видѣли, что въ теченіе долгихъ вѣковъ преступленіе считалось просто проявленіемъ злой воли и, какъ таковое, не подлежало научному изслѣдованію. Труды Ломброзо явились первой крупной попыткой подвести явленія преступности подъ законъ причинности: исходя изъ своихъ изслѣдованій, въ самомъ методѣ которыхъ было много ошибочнаго, Ломброзо пришелъ къ заключенію о существованіи особаго преступнаго типа, понимаемаго не въ профессіональномъ смыслѣ, какъ принимается, напримѣръ, существованіе типа крестьянина, рабочаго, военнаго и т. п., а какъ особая разновидность рода человѣческаго, противопоставляемая всему остальному человѣчеству и характеризуемая прирожденными недочетами и изъянами. Существованіе такого особаго вида преступныхъ людей и постоянное его пополненіе новыми особями объясняется атавизмомъ, возвращеніемъ къ типу дикаря, для котораго преступность была не исключеніемъ, а правиломъ.

Такова была первоначальная антропологическая теорія преступности, впослѣдствіи видоизмѣненная въ *антрополого-психіатрическую* по которой преступникъ совмѣщаетъ въ себѣ черты, общія первобытному дикарю и скрытому эпилептику.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 4, апрѣль, 1903 г.

*

Мы видѣли, насколько мало обосновано ученіе о преступномъ типѣ съ анатомо-антропологической точки зрѣнія; затѣмъ мы особенно подробно останавливались на роли, которую Ломброзо приписываетъ въ дѣлѣ преступности скрытой эпилепсіи; останавливались потому, что въ этой части ученія Ломброзо есть нѣкоторая, правда, очень небольшая доля истины, ибо преступныя дѣйствія психопатовъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно, носятъ неизбѣжный характеръ автоматически совершающихся актовъ, но мы могли также убѣдиться, что именно наличность этого психическаго автоматизма и заставляетъ выдѣлить эти преступные акты въ особую категорію, совершенно отличную отъ настоящихъ преступленій. Иными словами, мы убѣдились въ полной несостоятельности попытки поставить преступность въ непосредственную зависимость отъ такихъ біологическихъ факторовъ, какъ особенности анатомической или психической организаціи преступнаго субъекта.

Съ другой стороны, мы видѣли, что и помимо сомнительности всѣхъ данныхъ, на которыхъ построено ученіе о преступномъ типѣ, отожествленіе преступника съ первобытнымъ дикаремъ не выдерживаетъ критики еще и потому, что, во-первыхъ, мы далеко не въ правѣ считать жестокость непремѣнной характерной чертой всѣхъ дикарей, а во-вторыхъ, смягченіе нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи идетъ, такъ сказать, въ видѣ постоянно расширяющихся концентрическихъ круговъ, которые достаточно убѣдительно говорятъ объ относительности этическихъ формулъ и въ особенности объ относительности юридическихъ нормъ.

Обязательнымъ достоинствомъ всякой научной теоріи должна быть ея примѣнимость къ извѣстнымъ явленіямъ, гдѣ и когда бы эти явленія ни наблюдались. Такъ, теорія естественнаго подбора и борьбы за существованіе одинаково вѣрна для нашего времени, какъ она вѣрна по отношенію къ органическому міру вторичной или третичной эры; одинаково примѣнима къ животному и растительному міру тропическаго пояса и къ фаунѣ и флорѣ полярныхъ странъ. Или, если мы обратимся къ области общественныхъ наукъ, то увидимъ, напримѣръ, что въ политической экономіи законъ Грешана о вытѣсненіи денежныхъ знаковъ лучшаго качества монетой худшаго достоинства (при одинаковой ихъ платежной способности) одинаково осуществляется и въ Англіи XVI-го вѣка, и во Франціи временъ второй имперіи, и въ современной Россіи.

Посмотримъ, примѣнимъ ли тотъ же критерій по отношенію къ теоріи, которая ставитъ преступность въ зависимость отъ атавизма. Дѣйствительно ли явленія преступности настолько объединены, на протяженіи хотя бы всей исторической жизни человѣчества, чтобы въ нихъ можно было усмотрѣть своего рода переживанія доисторическаго періода.

Въ древней Іудеѣ побивали камнями за такія преступленія, какъ идолопоклонство, колдовство и т. п. преступныя дѣйствія, на которыя

мы не находимъ ни малѣйшаго намека въ современныхъ западно-европейскихъ законодательствахъ. Римъ отдавалъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ первыхъ христіанъ, какъ вѣроотступниковъ. Правда, отъ всего этого насъ отдѣляютъ почти тысячелѣтія, но давно ли въ той же западной Европѣ пылали костры инквизиціи, на которыхъ тысячами и сотнями тысячъ сжигались самые ужасные для того времени преступники—еретики и колдуны? не далѣе, какъ въ XVI-мъ и въ XVII-мъ вѣкахъ. Мало того, судебные процессы колдуній разбирались еще въ XVIII-мъ вѣкѣ: въ Австріи они были отмѣнены не далѣе, какъ въ 1766 году, и даже во Франціи—въ странѣ Вольтера и великой революціи—парламентъ города Бордо еще въ 1718 году, менѣе чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ, произнесъ смертный приговоръ по обвиненію въ колдовствѣ, т.-е. въ занятіи, надъ которымъ въ наше время могли бы только посмѣяться. Въ наше время... но и въ наше время юридическія нормы не опираются на однѣ и тѣ же общія основы. Эти нормы, оказывается, подвержены огромнымъ колебаніямъ не только въ силу того, что «tempora mutantur», но еще и потому, что—какъ говоритъ Паскаль—истина по сю сторону Пиренеевъ становится ложью по ту сторону. Если это изреченіе Паскаля въ настоящее время едва ли вполнѣ вѣрно, что касается собственно Пиренеевъ, то оно, увы, остается еще во всей своей силѣ по отношенію къ другимъ государственнымъ границамъ..

Спрашивается, какъ же быть съ упорными «вѣроотступниками», каковыми въ свое время считались первые христіане, еретики и кое-гдѣ еще и теперь считаются сектанты? Зачислить ихъ въ категорію прирожденныхъ преступниковъ? Но въ настоящее время и тѣ, и другіе, и третьи, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, вовсе не считались бы преступниками: ихъ дѣянія не подходили бы ни подъ какую статью уголовнаго кодекса. А если такъ, если школа, кладущая въ основу преступности атавизмъ, считается только съ преступниками, наблюдаемыми въ наше время, да и то только въ опредѣленныхъ странахъ, и тѣмъ самымъ какъ бы провозглашаетъ незыблемость и абсолютную высшую цѣнность современнаго законодательства этихъ странъ, то не становится ли она жертвою того же оптическаго обмана, который заставляетъ антропологовъ гордо провозглашать примордіальное превосходство своей бѣлой расы надъ ея низшими сестрами?

Но тутъ передъ нами является уже знакомый намъ итальянскій криминалистъ, баронъ Гарофало, который пытается разсѣять наше недоумѣніе, указывая на то, что существуютъ преступленія *естественныя*. Этотъ не совсѣмъ удачно выбранный терминъ слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, въ какомъ Дюркгеймъ признаетъ, какъ мы видѣли, преступника правильнымъ агентомъ общественной жизни: нѣтъ, естественными преступленіями Гарофало называетъ такія преступныя дѣйствія, которыя нарушаютъ одно изъ двухъ присущихъ нормальному человѣку коренныхъ альтруистическихъ чувствъ, а именно, чувство жа

лости или человѣчности и элементарное чувство честности. Изъ области преступности пришлось бы, слѣдовательно, исключить не только политическія преступленія и преступленія противъ религіи, но и всю обширную категорію преступленій и проступковъ, признаваемыхъ въ частности тѣмъ или инымъ законодательствомъ, ибо подъ рубрику естественныхъ преступленій подходятъ только такія дѣйствія, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ считались бы преступленіями—таковыми будутъ, напримѣръ, кража и всякое насиліе надъ личностью.

Съ отвлеченной точки зрѣнія, это ученіе объ естественныхъ преступленіяхъ можетъ, пожалуй, казаться логически выдержаннымъ и стройнымъ цѣлымъ, но вопросъ о преступности есть, прежде всего, жгучій вопросъ дѣйствительности, и однихъ умозрительныхъ построеній недостаточно для его разрѣшенія. Если же обратиться къ дѣйствительности, то придется убѣдиться, что она мало соотвѣтствуетъ основамъ ученія Гарофало. Мало соотвѣтствуетъ потому, что *неизмѣнныя* коренныя альтруистическія чувства, чувство жалости и элементарное чувство честности, можно приписывать только абстрактному человѣку; въ дѣйствительности же, чувства эти постоянно мѣнялись и мѣняются подъ вліяніемъ вѣрованій, общественныхъ отношеній, историческихъ условій: то, что намъ кажется элементарной честностью, могло совершенно не укладываться въ нравственный міръ не только доисторическаго дикаря, но и представителя первобытныхъ цивилизацій; тамъ, гдѣ мы видимъ мотивъ для состраданія, религіозныя вѣрованія далекаго прошлаго могли заставлять видѣть только радостное событіе и т. д. Вотъ почему, въ дѣйствительности, нѣтъ такой категоріи преступленій, которая всегда и вездѣ была бы заклеймена этимъ именемъ. Возьмемъ даже убійство. Не говоря уже о томъ, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, имѣло значеніе упомянутое уже нами дѣленіе на *своихъ* и *чужихъ* и что убійство очень долгое время считалось преступленіемъ только въ томъ случаѣ, когда оно было совершено надъ членомъ соціальной группы, къ которой принадлежалъ убійца; не говоря уже объ этомъ, убійство даже въ предѣлахъ одного и того же общественнаго цѣлаго далеко не всегда считалось преступленіемъ: достаточно вспомнить столь распространенный въ древности обычай человѣческихъ жертвоприношеній и исторію Агамемнона, жертвующаго жизнью своей дочери Ифигеніи; достаточно вспомнить, что въ Спартѣ, напримѣръ, дѣтоубійство не считалось преступленіемъ, какъ не считалось и не считается преступленіемъ и теперь среди многихъ дикарей убійство стариковъ и т. п. Наконецъ, и въ наше время убійство допускается и санкціонируется закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ: во-первыхъ, въ видѣ войны; во-вторыхъ, въ случаяхъ такъ называемой личной обороны; въ третьихъ, въ видѣ смертной казни, а также «при исполненіи карантинною, таможенною, лѣсною или иною стражей своихъ обязанностей».

Если говорить объ естественныхъ преступленіяхъ, какъ наруше-

ніяхъ тѣхъ элементарныхъ требованій нравственности, того минимума морали, который считается обязательнымъ въ наше время, то не значитъ ли это допустить опять ту же прискорбную ошибку самомнѣнія, то же отсутствіе перспективы. Вѣдь то средневѣковое общество, представитель котораго отправляли еретиковъ на костры, съ такимъ же правомъ могло считать и считало свое правосудіе наиболѣе удовлетворяющимъ требованіямъ нравственности, какъ и современная французская литература, отправляющая убійцу на эшафотъ и придерживающаяся мздовоздающей формулы «око за око, зубъ за зубъ». Смертная казнь, оправдываемая извѣстными юридическими нормами, не именуется убійствомъ, какъ въ свое время не именовались убійствами и человѣческія жертвоприношенія, но не трудно предвидѣть такой моментъ, когда смертная казнь будетъ отмѣнена, и тогда, можетъ быть, какой-нибудь Ломброзо XXX-го вѣка не прочь будетъ, основываясь на ея существованіи въ наше время, думать, что жестокость и кровожадные инстинкты были обычнымъ для насъ явленіемъ, въ особенности, когда онъ узнаетъ, что французскій литераторъ Альфонсъ Карръ при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ смертной казни съ цинизмомъ воскликнулъ: «Que messieurs les assassins commencent!» *).

Къ тому же, основная идея ученія объ естественныхъ преступленіяхъ не нова. Уже давно юристы, считая опаснымъ понятіе объ относительности законодательныхъ нормъ, старались найти надежную опору для положительнаго законодательства въ такъ называемомъ *отвлеченномъ* уголовномъ правѣ. Такъ, одинъ изъ французскихъ профессоровъ уголовнаго права говоритъ: «Отрицать существованіе абстрактнаго уголовнаго права значитъ смотрѣть на карательные законы, какъ на совершенно своевольныя, иногда даже случайныя постановленія законодателя, у насъ (во Франціи), какъ на давленіе большинства. А въ такомъ случаѣ то, что создано однимъ большинствомъ, другимъ большинствомъ можетъ быть разрушено, независимо отъ какихъ-либо требованій справедливости и разума. Съ другой стороны, если отнять у уголовныхъ законовъ ихъ философское основаніе, то требуемыя ими стѣсненія свободы личности будутъ казаться невыносимыми; возмущеніе противъ этихъ постановленій будетъ казаться законнымъ; общественное мнѣніе станетъ оправдывать тѣхъ, кого правосудіе нашло бы нужнымъ порицать. Этотъ антагонизмъ между закономъ и общественнымъ мнѣніемъ породитъ смуты».

Тѣмъ не менѣе, по признанію того же профессора, идея о независимости законодательныхъ нормъ отъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ началъ находитъ сторонниковъ и среди юристовъ. Факты говорятъ сами за себя, и какъ мы сейчасъ видѣли, Гарофало пришлось исключить изъ области естественныхъ преступленій весьма многія дѣя-

*) Пусть господа убійцы покажутъ примѣръ (т. е. перестанутъ убивать).

нія, которыя положительный законъ квалифицируетъ, однако, какъ преступленія. Пришлось, между прочимъ, исключить отсюда и политическія преступленія, хотя Ломброзо пытался было прослѣдить и здѣсь роль біологическихъ факторовъ преступности въ своемъ обширномъ трудѣ «Le crime politique et les révolutions par rapport au droit, à l'anthropologie criminelle et à la science du gouvernement».

Намъ было бы не совсѣмъ удобно останавливаться, на матеріалѣ, которымъ пользовался итальянскій профессоръ для этого труда—скажемъ только, что изученіе индивидуальныхъ факторовъ преступности дало здѣсь еще болѣе сбивчивые и противорѣчивые результаты, чѣмъ въ области общей преступности, и перейдемъ къ не менѣе поучительнымъ фактамъ иного рода.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи вспыхнула своего рода эпидемія преступности, выразившаяся въ такъ называемой «пропагандѣ дѣломъ». Печальные подвиги анархистовъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, ихъ какъ бы соединяло одно общее стремленіе, подтачивавшее самыя основы общественности. Тѣмъ не менѣе, несмотря на общность характера этихъ преступныхъ дѣяній, герои ихъ дѣйствовали въ большинствѣ случаевъ совершенно изолировано: ихъ не соединяла никакая организація, у нихъ не было какихъ-нибудь опредѣленныхъ общихъ плановъ дѣйствій; каждый изъ нихъ задумывалъ и приводилъ въ исполненіе свое дѣло исключительно на свой рискъ и страхъ. Вальянъ, Эмиль Анри, Казеріо дѣйствовали каждый въ одиночку. «Всѣ эти преступленія,—писалъ одинъ изъ видныхъ представителей французской магистратуры, Ал. Бераръ *),—совершаются индивидуально, каждый анархистъ дѣйствуетъ какъ ему угодно, внѣ всякаго плана общихъ дѣйствій... Это возстаніе изолированныхъ индивидовъ безъ предводителя, безъ организаціи, безъ дисциплины... Никогда не было, нѣтъ и не будетъ анархистской арміи».

Могло бы, слѣдовательно, казаться, что тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо должны были играть первостепенную роль индивидуальные, органическіе факторы преступности: могло казаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло прежде всего съ умственными и нравственными аномаліями, съ продуктами наслѣдственнаго вырожденія. Но отъ этого вопросъ не теряетъ своей важности: общество не можетъ оставаться беззащитнымъ передъ такого рода эпидеміей. Тѣмъ интереснѣе, тѣмъ важнѣе ознакомиться съ ней ближе, выяснить ея характеръ, опредѣлить ея факторы. Успѣхъ и цѣлесообразность борьбы со зломъ всецѣло зависитъ отъ разумнаго и справедливаго отношенія къ нему: внѣ такого отношенія трудно найти вполнѣ дѣйствительныя и надежныя средства борьбы, еще труднѣе тогда разсчитывать на дѣйствительность какихъ-нибудь мѣръ предупрежденія. Все это такъ. Отъ общества, переживающаго смутную

---

*) Alexandre Bérard, „Les hommes et les théories de l'anarchie". (*Archives d'anthropologie criminelle*, 1892, стр. 625 и 630).

эпоху взрывовъ и покушеній, трудно, однако, требовать сознательно-разумнаго и справедливаго отношенія къ виновникамъ этихъ смутъ; совершенно сбитое съ толку безсмысленной жестокостью этихъ преступленій, оно не въ силахъ разобраться во всѣхъ этихъ ужасахъ; оглушенное грохотомъ взрывовъ, опьяненное видомъ проливаемой крови, оно само становится послушной жертвой одного изъ тѣхъ сложныхъ стихійныхъ движеній, гдѣ разнуздываются самые грубые инстинкты.

Но тамъ, гдѣ масса теряетъ голову и всецѣло отдается первому инстинктивному движенію гнѣва, негодованія или отчаянія, представители науки, посвятившіе себя внимательному и спокойному изученію всякихъ жгучихъ вопросовъ общественности, ищущіе факторовъ преступности въ роковомъ сцѣпленіи причинъ и слѣдствій, должны явиться во всеоружіи своихъ знаній и попытаться помочь разобраться въ этомъ непонятномъ на первый взглядъ хаосѣ ужасовъ, ознакомить, по возможности общество, съ истинными причинами зла и тѣмъ самымъ указать мѣры для предупрежденія ужасныхъ преступленій.

Именно по поводу этихъ преступленій Тардъ писалъ: «Какъ бы ни былъ чудовищенъ этотъ взрывъ утонченной дикости *(sauvagerie savante)*, не слѣдуетъ ни удивляться ему, ни пугаться его; нужно бороться съ нимъ и, прежде всего, *понять его*» *). Понять этотъ «взрывъ дикости» пытался, между прочимъ, самъ Тардъ, пытался и Ломброзо. О попыткѣ перваго изъ этихъ криминологовъ, весьма неудачной и свидѣтельствующей о томъ, что французскій соціологъ въ данномъ случаѣ не оказался на высотѣ своего призванія, намъ придется сказать нѣсколько словъ впослѣдствіи, а теперь остановимся, прежде всего, на объясненіяхъ Ломброзо. Они для насъ тѣмъ интереснѣе, что, повидимому, дѣло идетъ здѣсь о субъектахъ умственно и нравственно извращенныхъ—тутъ, значитъ, итальянскому профессору и книги въ руки.

Возьмемъ для примѣра одно изъ наиболѣе жестокихъ и безсмысленныхъ преступленій такого рода—убійство австрійской императрицы Елизаветы. Ломброзо посвятилъ ему цѣлую статью **) и мы можемъ, слѣдовательно, ознакомиться обстоятельно съ его взглядами. Сообразно съ принципами антрополого-психіатрической школы, Ломброзо, разумѣется, прежде всего, обращается къ изученію личности преступника. Это изученіе онъ начинаетъ, однако, не съ особенностей физической организаціи Луккени, а съ его біографіи, особенно останавливаясь при этомъ на тяжелыхъ условіяхъ, среди которыхъ протекло дѣтство преступника. Обстоятельство это въ высшей степени интересно, если вспомнить, что было время, когда для Ломброзо тѣ или иныя житейскія условія являлись вопросомъ второстепеннымъ: будучи поставленъ

*) Gabriel Tarde. „Les crimes de haine“ (*Archives d'anthropologie criminelle*, 15-го мая 1894 г.).

**) Cesar Lombroso, „Le crime de Luccheni“ (*Revue des Revues*, 1-го ноября 1898 г.). Русскій переводъ этой статьи былъ напечатанъ въ „Журналѣ журналовъ“.

лицомъ къ лицу съ преступникомъ, онъ, прежде всего, торопился осмотрѣть, ощупать, измѣрить этотъ интересный «экземпляръ» рода человѣческаго... убѣдиться, все ли у него въ порядкѣ, на мѣстѣ ли сидитъ носъ, правильно ли сложена ушная раковина и т. п.

Какъ и въ большинствѣ случаевъ такого рода, Ломброзо приходитъ къ тому заключенію, что Луккени представляетъ много характерныхъ чертъ вырожденія, общихъ эпилептикамъ и типу преступника. Мы не станемъ разбирать здѣсь доводы, на которые опирается это заключеніе: въ нихъ нѣтъ ничего новаго и, какъ во всѣхъ подобнаго изслѣдованіяхъ Ломброзо, мы встрѣчаемъ здѣсь, наряду съ фактами весьма убѣдительными, нисколько недоказательныя мелочи и малообоснованныя заявленія, въ родѣ слѣдующаго: «Il parait qu'à cette époque il eut une attaque d'epilepsie» *).

Гораздо важнѣе и интереснѣе отмѣтить здѣсь то, что и самого автора не совсѣмъ удовлетворяетъ все это «антрополого-психіатрическое» изслѣдованіе, ибо, закончивъ его, онъ не считаетъ еще выполненною поставленную себѣ задачу и прибавляетъ: «если таковы индивидуальныя, органическія причины преступленія Луккени, то несравненно важнѣе причины, стоящія въ зависимости отъ общихъ и экономическихъ условій, отъ собственнаго злосчастья и нищеты этого субъекта и отъ бѣдствій, переживаемыхъ въ послѣднее время его родиною». Незаконнорожденный, Луккени росъ безъ всякаго присмотра, окруженный пьянствомъ, нуждою и развратомъ; съ малолѣтства ему пришлось скитаться въ поискахъ работы и переносить послѣдствія распространившейся по всей Италіи нищеты. А такихъ неуравновѣшенныхъ субъектовъ, какъ Луккени, нищета, по мнѣнію Ломброзо, толкаетъ на самоубійство или на преступленіе не только въ силу переживаемыхъ ими лично страданій, но и потому, что эти болѣзненно впечатлительныя натуры крайне чувствительны ко всему окружающему. Ломброзо приводитъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что многіе анархисты стали таковыми именно въ силу сейчасъ указанныхъ причинъ. «Я сталъ анархистомъ,—повѣствуетъ одинъ изъ нихъ,—при видѣ своихъ товарищей, вымаливавшихъ со слезами на глазахъ работу и чувствовавшихъ себя какими-то паріями». Даже Казеріо (убійца Карно) плакалъ при мысли о судьбѣ своихъ злополучныхъ соотечественниковъ. Источникомъ проявляемой этими субъектами маніи убійства приходится, по мнѣнію Ломброзо, признать любовь къ человѣчеству. Недаромъ же, замѣчаетъ авторъ, преступники этой категоріи особенно многочисленны въ Испаніи и Италіи, гдѣ нищета поистинѣ ужасна. «На нужды образованія»—говоритъ Ломброзо,—Италія расходуетъ въ годъ 1 фр. 90 сант. на человѣка, тогда какъ Пруссія тратитъ на это 9 фр. 60 сант., а Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 11 фр. 60 сант. Въ Италіи среднее богатство не

*) Кажется, въ это время съ нимъ случился припадокъ эпилепсіи.

превышаетъ 800 франковъ, тогда какъ въ Голландіи, напримѣръ, оно достигаетъ 8.000 франковъ. Итальянецъ платитъ за соль въ 400 разъ больше ея дѣйствительной стоимости, и вслѣдствіе такой дороговизны потребленіе предметовъ первой необходимости съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращается, такъ что въ настоящее время оно не превышаетъ 275 франковъ въ годъ, тогда какъ въ Англіи тратится, въ среднемъ, на тѣ же предметы 600 франковъ въ годъ». Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, Ломброзо склоняется къ тому мнѣнію, что истинная причина анархизма кроется въ томъ, что «по меньшей мѣрѣ пятая часть населенія Италіи находится какъ бы еще въ дикомъ состояніи, живетъ въ лачугахъ, которыхъ гнушался бы папуассъ, довольствуется пищей, отъ которой отказались бы бушмены, имѣетъ о мірѣ представленіе, стоящее едва ли выше того, которое сложилось у какихъ-нибудь кафровъ, и какъ будто только для того и существуетъ, чтобы стремиться къ рабству».

Если совокупность причинъ преступленія Луккени принять за единицу, то на долю особенностей организаціи преступника придется, по мнѣнію Ломброзо, не больше одной трети: среда, въ которой онъ родился и жилъ, оказала на него несравненно болѣе значительное вліяніе. Пусть Луккени эпилептикъ, но вѣдь эпилептиковъ, говоритъ Ломброзо, значительно удаляясь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ,— эпилептиковъ повсюду масса, есть они въ Норвегіи и Швеціи, гдѣ они, однако, не превращаются въ анархистовъ, не наблюдается такое превращеніе и въ Швейцаріи или въ Англіи, дающей, между тѣмъ, пріютъ множеству анархистовъ, которые по отношенію къ окружающей ихъ тамъ жизни являются, однако, своего рода живымъ противорѣчіемъ, чѣмъ-то въ родѣ «болида, упавшаго изъ небесныхъ пространствъ на землю».

Какъ видите, Ломброзо, не отказываясь вполнѣ отъ первоначально высказывавшихся имъ взглядовъ на преступленіе и на преступниковъ, пополняетъ, однако, эти взгляды такими элементами, которые только лишній разъ подчеркиваютъ несостоятельность антропологической или даже антрополого - психіатрической теоріи преступности. Въ самомъ дѣлѣ, разъ даже по отношенію къ такому безсмысленно жестокому злодѣянію, какъ убійство австрійской императрицы Елизаветы приходится признать, что индивидуальныя особенности физической и духовной организаціи преступника играли незначительную роль въ сравненіи съ соціальными условіями среды, то необходимо допустить, что, родись Луккени хотя бы отъ тѣхъ же родителей алгоголиковъ и съ той же, слѣдовательно, отягощенной наслѣдственностью, но будь онъ съ дѣтства поставленъ въ иныя условія, и его «эпилептическій темпераментъ» все-таки не довелъ бы его до преступленія. Иными словами, Ломброзо приходитъ къ тому заключенію, что не въ атавизмѣ все дѣло, или, вѣрнѣе, что помимо этого біологическаго атавизма приходится еще считаться съ атавизмомъ иного рода, ибо въ одной изъ

первоклассныхъ европейскихъ державъ пятая часть населенія живетъ въ условіяхъ, которымъ едва ли позавидовали бы бушмены и папуассы..

V.

Итакъ, даже по мнѣнію главы антропологической школы криминологіи и даже по отношенію къ преступленіямъ, совершаемымъ субъектами съ отягощенной наслѣдственностью, соціальныя условія играютъ огромную, подавляющую роль, передъ которой совершенно стушевываются не только біологическіе факторы собственно говоря, т.-е. особенности организаціи преступника, но и такъ называемые физическіе или космическіе факторы, т.-е. условія *естественной* среды, въ противоположность условіямъ искусственной или общественной среды. Таково, напримѣръ, вліяніе температуры: статистика доказываетъ, что въ лѣтніе мѣсяцы преступленій противъ личности больше, чѣмъ зимою, тогда какъ максимумъ преступленій противъ собственности падаетъ на зимніе мѣсяцы. Ясное дѣло, что сами по себѣ космическіе факторы играютъ тутъ весьма незначительную роль и, если лѣтомъ совершается больше насилій, чѣмъ зимою, то это потому, что лѣтомъ люди живутъ менѣе замкнуто, чаще сталкиваются между собою, точно такъ же какъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, дающій себя гораздо сильнѣе чувствовать зимою, вызываетъ большее число кражъ зимою. Вообще когда говорятъ объ этихъ пресловутыхъ космическихъ факторахъ, которымъ одно время склонны были приписывать черезчуръ важное значеніе въ общественной жизни, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они весьма рѣдко дѣйствуютъ сами по себѣ; нужно помнить нелишенный интереса фактъ, на который ссылается Тардъ: по статистикѣ оказывается, что число женщинъ, убитыхъ молніей, въ два раза меньше числа мужчинъ — очевидно, однако, что въ этой привилегіи женщинъ физическія условія не играютъ никакой роли.

Выразить зависимость преступности отъ общественныхъ условій въ одной или въ нѣсколькихъ общихъ формулахъ, какъ пыталась это сдѣлать антропологическая школа по отношенію къ біологическимъ факторамъ, пока невозможно, потому что такъ называемая моральная статистика—встрѣчающая, между прочимъ, серьезныя затрудненія въ постоянныхъ измѣненіяхъ уголовнаго законодательства во времени и въ пространствѣ—не дала еще для этого достаточныхъ фактовъ. Что же касается теоретическихъ обобщеній, то изъ нихъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе теорія Тарда, по которой распространеніе преступности ставится въ зависимость отъ присущей человѣку склонности къ *подражанію*.

Извѣстно, что французскій соціологъ придаетъ огромное значеніе въ соціальной жизни вообще *законамъ подражанія*, которое выражается то въ формѣ *обычая* (imitation-coutume), то въ видѣ *моды* (imitation-

mode), т.-е. подражанія новому. Примѣняя эти общія положенія къ преступности, Тардъ обращаетъ прежде всего вниманіе на то, что преступность распространяется, какъ это ни кажется парадоксальнымъ на первый взглядъ, сверху внизъ, изъ высшихъ общественныхъ классовъ въ низшіе. Хищеніе, убійство, грабежъ и даже бродяжничество были привилегіей сильныхъ міра прежде, чѣмъ стать достояніемъ подонковъ общества. Съ другой стороны городская преступность обособлялась отъ сельской: въ этой послѣдней господствовали *подражаніе-обычай* и сравнительно грубыя формы преступности, тогда какъ на городской преступности — и въ особенности на преступности большихъ городовъ съ ихъ лихорадочно ускореннымъ темпомъ жизни— отзывалось и продолжаетъ отзываться *подражаніе-мода*, стремленіе къ новизнѣ, утонченная испорченность. И Тардъ приводитъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ примѣровъ заразительности въ дѣлѣ преступности: въ 1875 году парижанка Гра брызнула измѣнившему ей любовнику сѣрной кислотой въ лицо, и съ тѣхъ поръ этотъ способъ женской мести сталъ практиковаться на каждомъ шагу; то же по отношенію къ пріемамъ убійства съ разсѣченіемъ трупа на части и т. п. Словомъ, какъ выразился д-ръ Корръ, «эпидеміи заразныхъ болѣзней распространяются съ быстротою пара и вѣтра, эпидеміи преступности — съ быстротою телеграфа».

Но, нисколько не отрицая этихъ фактовъ, мы и въ соціологіи вообще, и въ криминологіи въ частности все-таки не можемъ признать за законами подражанія того значенія, какое придаетъ имъ Тардъ. Начать съ того, что подражаніе - мода предполагаетъ и изобрѣтательность, въ возникновеніи которой теорія Тарда не даетъ отчета. Во-вторыхъ, весьма многочисленные факты свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ параллелизмѣ въ развитіи политическихъ учрежденій, экономическаго и общественнаго строя у племенъ и народовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такими географическими или хронологическими разстояніями, что ни о какомъ заимствованіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Какъ мы уже сказали, данныя моральной статистики не позволяютъ пока свести явленія преступности къ одной общей формулѣ, но среди собранныхъ матеріаловъ уже и сейчасъ можно отмѣтить не мало интересныхъ фактовъ, на каждомъ шагу подтверждающихъ взглядъ профессора Листа *) на преступленіе, какъ на явленіе «соціально-патологическаго» порядка, стоящее въ тѣсной зависимости отъ экономическаго положенія общества. Такъ, по изслѣдованію брюссельскаго профессора Гектора Дени (Denis), изложенному на 3-емъ конгрессѣ криминальной антропологіи въ 1892 году, преступность въ Бельгіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ была обратно пропорціональна экономиче-

*) Franz von Liszt. *Das Verbrechen als sozial-pathologische Erscheinung*. Дрезденъ, 1899.

скому благосостоянію страны, выражаемому въ цѣнахъ на продукты потребленія. Годы экономическихъ кризисовъ регулярно давали соотвѣтствующее повышеніе преступности. Съ другой стороны, французская статистика насчитываетъ на 100.000 жителей, принадлежащихъ къ классу прислуги, т.-е. къ одному изъ самыхъ бѣдныхъ, 20 обвиняемыхъ, тогда какъ на 100.000 человѣкъ либеральныхъ профессій, *куда включаются и собственники-рантье*, имѣется только 12 обвиняемыхъ и, наконецъ на то же число бродягъ и лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, насчитывается *139 обвиняемыхъ*! Эти данныя достаточно краснорѣчиво говорятъ о зависимости преступности отъ экономическихъ условій, и если та же статистика свидѣтельствуетъ о значительномъ числѣ подсудимыхъ и среди купцовъ, т.-е. среди зажиточнаго класса, то не слѣдуетъ забывать, что это сословіе является носителемъ идеаловъ буржуазіи par excellence. Болѣе чѣмъ какое-либо сословіе, купечество отозвалось на знаменитый кличъ «enrichissez-vous!» (наживайтесь). Что этотъ кличъ дѣйствительно сталъ во Франціи девизомъ господствующихъ классовъ, объ этомъ говорятъ хотя бы слѣдующіе факты, заимствуемые нами изъ замѣчательной работы Ивернеса, обнимающей криминальную статистику Франціи за цѣлое пятидесятилѣтіе: жадность, которая въ періодъ времени отъ 1826 до 1830 года была въ 13-ти случаяхъ мотивомъ такихъ преступленій, какъ убійство, насилія или поджоги, теперь является такимъ мотивомъ въ 22 случаяхъ изъ 100; съ другой стороны, за тѣ же 50 лѣтъ преступленія противъ личности постоянно уменьшались, тогда какъ число преступленій противъ собственности такъ же правильно увеличивалось.

Разсмотрѣнные нами факты позволяютъ намъ не очень пугаться того Дамоклова меча, который собирались повѣсить надъ человѣчествомъ итальянскіе криминалисты во имя наслѣдственности или Дюркгеймъ во имя якобы оздоравливающей функціи наказанія, призваннаго поддерживать живучесть коллективныхъ чувствъ, оскорбляемыхъ преступленіямъ. Перефразируя знаменитое изреченіе одного изъ предвѣстниковъ французской революціи, мы въ правѣ сказать: «Les sociétés ont les criminels qu' ils méritent» (общества имѣютъ преступниковъ, которыхъ они заслуживаютъ).

Въ настоящее время дѣлается очень много для улучшенія тюремъ, и реформаторы пенитенціарной части съ гордостью указываютъ на то, что въ образцовыхъ тюрьмахъ камера преступника обходится чуть ли не въ 6000 франковъ. Но корень вопроса не въ томъ, чтобы улучшить тюрьмы, а чтобы сдѣлать ихъ совершенно ненужными.

Д-ръ **Левъ Шейнисъ.**

ВЪ КОНСУЛЬТАЦІИ.

(Очеркъ).

— Григорій Аѳанасьевичъ Зарубинъ дома?

— Дома, пожалуйте.

— Онъ у себя въ кабинетѣ?

— Въ кабинетѣ, сударь... Только у нихъ сейчасъ пріемъ, кліенты дожидаются.

— Ахъ, какая досада! Ну, вы все таки скажите ему, что пришелъ, молъ, Алексѣй Платоновичъ Яворовскій... будете помнить?. На минутку, молъ, проситъ...

— Слушаю.

Горничная ушла въ кабинетъ, а назвавшій себя Яворовскимъ, молодой, высокій мужчина, въ формѣ инженеръ-технолога, вошелъ въ маленькую невзрачную пріемную, гдѣ въ скромной позѣ сидѣли у стѣны три кліента — старикъ-рабочій въ рваной, лоснящейся кацавейкѣ, съ рукой, забинтованной въ марлю и висящей на перевязи, еще одинъ старикъ въ формѣ желѣзнодорожнаго кондуктора и молодая, миловидная женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Всѣ три кліента сидѣли молча, въ какихъ-то угнетенныхъ скорбныхъ позахъ, а женщина даже украдкой утирала слезы, не переставая въ тоже время укачивать ребенка и тихонько постукивать его по спинкѣ.

«Не весело видно судиться вашему брату», — сочувственно глядя на эту печальную группу, подумалъ было молодой инженеръ, но, заслышавъ приближающіеся изъ кабинета шаги, всталъ на встрѣчу выходившему адвокату.

— Алексѣй Платоновичъ, голубчикъ! какимъ тебя вѣтромъ занесло?—привѣтствовалъ адвокатъ гостя, и все его интеллигентное, тонкое лицо, какъ рамкой окруженное длинными русыми кудрями, освѣтилось радостной, свѣтлой улыбкой.

— По дѣлу, братъ, по юридическому дѣлу... Опять у насъ, на дорогѣ, «ѳемидкинъ сынъ» подлость сдѣлалъ, и никому другому, какъ тебѣ же, придется поправлять бѣду.

— Это желѣзнодорожный юрисконсультъ вашъ? — съ улыбкой спросилъ адвокатъ.

— Онъ самый... Мы всѣ его «ѳемидкинымъ сыномъ» зовемъ.

Адвокатъ опять улыбнулся

— Ну, ладно, ладно, повоюемъ еще разъ съ вашимъ «ѳемидкинымъ сыномъ»... Только теперь ты, братъ, извини меня, я пріемъ прервалъ... Черезъ десять минутъ я къ твоимъ услугамъ... А пока пройди, голубчикъ, въ столовую — Аннушка тебѣ чаю дастъ...—И крикнувъ прислугѣ, чтобы подали гостю чаю, адвокатъ, молодой, легкой походкой, снова направился въ свой кабинетъ.

Въ столовой, куда вошелъ Яворовскій, было почти такъ же бѣдно и невзрачно, какъ и въ пріемной, съ той только разницей, что всѣ деревянныя части находившейся здѣсь мебели какъ-то удивительно ярко блестѣли: блестѣлъ буфетъ, какъ новенькій, сіялъ самоварный столикъ, горѣли блескомъ старые, сильно подержаные стулья и даже ножки обѣденнаго стола глядѣли какими-то именинницами. Но, въ общемъ, этотъ парадный блескъ оставлялъ довольно комическое впечатлѣніе, такъ какъ совершенно не шелъ къ старой, дрянной мебели.

«Однако. Зарубинъ начинаетъ, какъ видно, насчетъ обстановки заботиться!»—съ добродушной усмѣшкой подумалъ Яворовскій, но, поднявъ голову, онъ тутъ же увидѣлъ и причину этого всеобщаго блеска: за буфетомъ, вставъ на табуретку, какой-то дюжій парень, съ шапкой черныхъ кудрей на головѣ, ожесточенно шмыгалъ суконкой по стѣнкамъ буфета, наводя всюду лоскъ и глянецъ.

Замѣтивъ вошедшаго барина, парень соскочилъ было съ табуретки и, подбирая свои суконки, приготовился, какъ видно, ретироваться, но Яворовскій остановилъ его.

— Вы мнѣ не мѣшаете, продолжайте, пожалуйста, ваше дѣло,— сказалъ онъ парню и, взглянувъ снова на лоснящійся сіяющій буфетъ, улыбнулся во второй разъ.

«Нѣтъ, каковъ Зарубинъ-то! Считается безсребренникомъ, адвокатомъ для рабочихъ и въ то же время политуру на свой колченогій буфетъ наводитъ!.. Этакое чучело!..»

А парень, между тѣмъ, снова разложилъ свои суконки, взобрался на табуретъ и съ такимъ ожесточеніемъ принялся за стѣнки буфета, что тамъ даже зазвенѣла и задребезжала посуда.

Отъ нечего дѣлать Яворовскій досталъ изъ книжнаго шкафа первую попавшуюся книгу, оказавшуюся изслѣдованіемъ какого-то юриста о клеветѣ, и сталъ читать, прихлебывая поданный горничной чай. Но прождать ему пришлось довольно долго.

Хотя Зарубинъ и обѣщалъ покончить со своими кліентами че-

резъ десять минутъ, но провозился онъ съ ними больше часа, такъ что Яворовскій успѣлъ отмахать страницъ сорокъ клеветы, прежде чѣмъ въ столовую не пришелъ, наконецъ, хозяинъ.

— Ну что, заждался, братъ? Извини, голубчикъ: сегодня кліентовъ навалило какъ-то особенно много! Пойдемъ въ кабинетъ!

И обхвативъ пріятеля за талію, адвокатъ увлекъ его къ себѣ, засыпая по дорогѣ вопросами.

— Ну, разсказывай про вашего «ѳемидкина сына», что́ онъ натворилъ еще?

— Нѣтъ, ты разскажи лучше, что это съ тобой случилось, что ты задумалъ реставрировать свою мебель? Была мебель просто дрянная, а теперь дрянь, но въ стилѣ модернъ?

Адвокатъ расхохотался.—Это все онъ, парень этотъ старается... Это мой бывшій кліентъ...

— Такъ это онъ въ видѣ гонорара мебель тебѣ обезобразилъ?

— Вотъ именно. Благодарность его обуяла: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ окружного суда оправданнымъ, не можетъ этого забыть.

— Защищалъ его ты?

— Я. И представь,—со смѣхомъ прибавилъ Зарубинъ,—съ тѣхъ поръ какъ Сенька явился въ деревню, по его выраженію, «въ оправдательномъ видѣ»—родители его положительно заболѣли какой-то безконечной благодарностью къ твоему покорному слугѣ. Именно, заболѣли,—я не подберу другого выраженія. Вотъ ужъ полгода, какъ на меня, словно изъ рога изобилія, сыплются цыплята, грибы, масло, моченыя яблоки, бараньи ноги, огурцы, капуста... Однимъ, словомъ, всѣ произведенія садовъ, полей и огородовъ... А Сенька, съ своей стороны, тоже заразился этой благодарностью и по праздникамъ, разъ въ мѣсяцъ, обязательно является ко мнѣ и производитъ безпорядокъ въ квартирѣ: стучитъ молотками, починяетъ что-то, прибиваетъ гвозди, но главнымъ образомъ—полируетъ. Полируетъ все, что на глаза попадается, такъ что у меня только и остался одинъ кабинетъ, куда я спасаюсь отъ его политуры.. Но, впрочемъ,—съ улыбкой добавилъ Зарубинъ,—Сенька теперь и къ кабинету уже подбирается и, вѣроятно, придется ему уступить, потому что надо же дать какой-нибудь выходъ этой черноземной благодарности...—Ну, а теперь разсказывай, братъ, про «ѳемидкина сына», потому что мнѣ скоро въ консультацію надо... Но Яворовскій какъ будто не слышалъ приглашенія пріятеля, онъ подперъ рукой свою лохматую голову и задумчиво глядѣлъ передъ собой.

— А вѣдь это страшно трогательно.. такая благодарность...

— Да, братъ, въ рабочей средѣ умѣютъ быть благодарными,—серьезными, вдумчивыми глазами взглянувъ на пріятеля, промол-

вилъ Зарубинъ.—Въ этой средѣ человѣкъ, кажется, до гробовой доски способенъ помнить самую пустячную услугу...—Но ты однако, еще ни слова не сказалъ мнѣ о твоемъ дѣлѣ...

Однако, и на этоъ разъ Яворовскому не удалось приступить къ дѣлу, потому что вошла горничная и снова принесла чаю. И только, когда она ушла со своимъ подносомъ, Яворовскій всталъ, досталъ изъ кармана какія-то бумаги и началъ.

— Дѣло самое обыкновенное. У насъ на дорогѣ есть увѣчный кочегаръ Маркеловъ, грамотный парень, но плохо знаетъ ариѳметику... И вотъ за незнаніе ариѳметики «ѳемидкинъ сынъ» наложилъ на него штрафъ въ 2.000 рублей...

— Что та-ко-е?

— А вотъ самъ читай, вотъ тебѣ документы, вотъ прошеніе Маркелова—читай!.. Читай вслухъ!

Зарубинъ взялъ изъ рукъ пріятеля замасленную бумагу, исписанную крупнымъ крестьянскимъ почеркомъ и сталъ читать:

«Его превосходительству
Господину начальнику дороги
Прошеніе.

Будучи штатнымъ кочегаромъ и какъ я нынѣшнею осенью два раза участвовалъ въ крушеніяхъ: первый разъ въ августѣ мѣсяцѣ съ раздробленіемъ стопы и съ пропажею пальта, а черезъ два мѣсяца опять очутился подъ обломками катастрофы, хотя и съ признаками жизни, но съ окончательной потерей всего организма. Такъ что въ нынѣшнее время я остаюсь съ семействомъ безъ послѣдствій и проѣдаю одежу, а потому всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить вниманіе на мои слезы, чтобы сдѣлать мнѣ съ семействомъ резолюцію и выслать результатъ на мое имя, но не меньше, какъ 1.000 рублей за здоровье и 17 рублей за пальто, потому что я и на службѣ довольно терпѣлъ отъ своего начальства, и ни мнѣ, ни товарищамъ моимъ поверстныхъ денегъ не давали, а экономическія за топливо всегда жулили и смазчиковъ насчетъ казенныхъ полушубковъ тоже обижали.

А также страдаютъ и другія категоріи.

Бывшій кочегаръ, покорный проситель,
Петръ Маркеловъ».

— Чортъ побери, какой, однако, кочегарскій стиль!—со смѣхомъ промолвилъ Зарубинъ, окончивъ чтеніе.—Но сколько же ему назначили за «окончательную потерю всего организма»?

— Вотъ тутъ-то и заковыка. Пальто своему онъ зналъ цѣну, а организма оцѣнить не съумѣлъ.

— Да сколько онъ получаетъ въ годъ?

— 300 рублей.

— Ну, значитъ, по десятилѣтней сложности—3.000 рублей.

— Вотъ то-то и есть. А проситъ онъ, по ошибкѣ, только 1.000 р. «за здоровье», и «ѳемидкинъ сынъ», разумѣется, не преминулъ воспользоваться ошибкой. Вотъ слушай, какой докладъ написалъ «ѳемидкинъ сынъ» въ совѣтъ управленія дороги... И раскрывъ печатный журналъ совѣта, Яворовскій прочиталъ:

«Хотя, на основаніи ст. 683 т. X., ч. I, кочегару Маркелову и причиталось бы 3.017 рублей, какъ утратившему полную трудоспособность, но въ виду того, что проситель ходатайствуетъ лишь о 1.017 рубляхъ, я полагалъ бы выдать 1.017 руб.» Противъ этого доклада,—пояснялъ далѣе Яворовскій,—имѣется коротенькая резолюція желѣзнодорожнаго ареопага: «выдать, въ полное удовлетвореніе кочегара Маркелова, 1.017 руб.».

— Од-нако! — широко разведя руками и даже привставъ съ мѣста, воскликнулъ Зарубинъ и на его выразительномъ молодомъ лицѣ загорѣлось негодованіе. — Это, дѣйствительно, «ѳемидкинъ сынъ»!..

— И знаешь, — горячо поддержалъ товарища Яворовскій, — этотъ желѣзнодорожный подъячій говоритъ, что въ данномъ случаѣ онъ только защищалъ казенный интересъ!.. Какъ тебѣ нравится этотъ безкорыстный грабежъ? И потомъ чего стоитъ этотъ просвѣщенный взглядъ на казну!.. По мнѣнію «ѳемидкина сына», выходитъ, что казна—это какой-то ростовщикъ, какой-то жуликъ... я не знаю... лавочникъ какой-то, который обрадовался, что ему, вмѣсто пятіалтыннаго, по ошибкѣ полуимперіалъ дали!..

— Дѣйствительно, ком-панія!—покачивая головой, возмущался Зарубинъ. — Но что же, однако, ты думаешь дѣлать съ Маркеловымъ?

— А я ужъ почти все сдѣлалъ: призвалъ его къ себѣ, объяснилъ все, что надо, не совѣтывалъ получать назначенныхъ денегъ и велѣлъ сегодня же придти къ тебѣ въ консультацію. Да еще, на всякій случай, велѣлъ нашему канцелярскому сторожу его подбадривать...

— Отлично! Это все, что надо! А тамъ мы закатимъ искъ и вырвемъ всю сумму сполна! Это дѣло битое!.. Ну, а теперь ѣдемъ, братъ, со мной въ консультацію... Мнѣ давно пора!..

Но это неожиданное приглашеніе застало Яворовскаго врасплохъ.

— Я?.. Да зачѣмъ же я тебѣ?..

— Да такъ просто, поѣдемъ и все тутъ... Посмотришь, какъ мы работаемъ, а потомъ, чортъ возьми, поѣдемъ куда-нибудь ужинать!..—И хлопнувъ пріятеля по плечу, Зарубинъ энергично потащилъ его въ прихожую одѣваться...

Консультація помѣщалась на окраинѣ города, въ рабочемъ

кварталѣ, и занимала маленькую квартирку, состоящую всего изъ двухъ комнатенокъ съ кухней. Въ одной комнатѣ было разбросано по стѣнамъ нѣсколько конторскихъ столовъ, съ тяжелыми, толстыми книгами на нихъ, а въ другой стояли длинныя сосновыя скамейки для посѣтителей. Вообще, обстановка была, можетъ быть, даже слишкомъ демократична: голыя стѣны, запотѣвшія окна и душный, какъ въ извозчичьей избѣ, воздухъ съ запахомъ сапогъ, полушубковъ и человѣческаго пота. Но въ этой мѣстности, гдѣ ютилась бѣднота, и гдѣ почти не было настоящихъ городскихъ построекъ, а виднѣлся лишь длинный рядъ деревянныхъ лачужекъ, сиротливо лѣпившихся другъ къ другу, и невозможно было найти сколько-нибудь сносное помѣщеніе. Къ тому же консультація, созданная и поддерживаемая бѣднѣйшей частью молодой адвокатуры, располагала лишь очень мизерными средствами, такъ какъ кліенты платили пятаки и гривенники, а многіе не могли предложить даже и этого.

Когда Зарубинъ съ Яворовскимъ вошли въ консультацію, тамъ ужъ дожидались посѣтители, и помощникъ Зарубина, молодой адвокатъ изъ евреевъ, Абрамъ Марковичъ Шаргородскій, вписывалъ ихъ имена и адреса въ толстую книгу.

— Ну-что, много сегодня народу? — поздоровавшись съ помощникомъ и познакомивъ съ нимъ Яворовскаго, спросилъ Зарубинъ.

— Человѣкъ десять есть, да, вѣроятно, еще подойдутъ.

Зарубинъ быстро, со свойственной ему порывистостью движеній, проглядѣлъ книгу записей, положилъ себѣ на столъ мировой уставъ и десятый томъ Свода законовъ, усадилъ подлѣ этого же стола Яворовскаго и затѣмъ, открывъ дверь въ комнату посѣтителей, началъ пріемъ:

— Пожалуйте, господа!..

Изъ комнаты кліентовъ первой довольно смѣло вышла дѣвочка, лѣтъ 11—12. На ней было форменное платье съ пелеринкой и фартучкомъ, а каштановые, пышные волосы ея были убраны въ черную сѣтку. Однако, при видѣ незнакомыхъ мужчинъ, дѣвочка слегка оробѣла и, остановившись у порога, нѣсколько испуганнымъ, но звонкимъ и чистымъ дѣтскимъ голоскомъ спросила:

— Здѣсь адвокаты принимаютъ?

— Здѣсь, здѣсь, барышня!— не безъ удивленія оглядывая столь юную кліентку, промолвилъ Зарубинъ.—Пожалуйте-ка сюда, поближе къ столу, садитесь... вотъ сюда, пожалуйста...

Дѣвочка подошла, по-дѣтски взобралась на стулъ и сѣла, причемъ ноги ея значительно не достигали до полу.

— Вы что же, по дѣлу къ намъ, барышня?

— По дѣлу...

— Ну, разскажите же намъ, въ чемъ ваше дѣло?—съ ласко-

вой улыбкой предложилъ Зарубинъ и тихонько погладилъ маленькую посѣтительницу по ея густымъ, вьющимся волосамъ. Эта ласка, повидимому, помогла юной кліенткѣ побороть свою робость: дѣвочка довѣрчиво взглянула въ лицо Зарубину своими ясными, сѣрыми глазами и потомъ, какъ-то однимъ духомъ, произнесла:

— Я учусь въ училищѣ и теперь меня выгоняютъ, потому что мой папа очень крѣпко бѣдный, и у насъ нѣту денегъ, чтобъ за меня платить... Такъ напишите мнѣ такое прошеніе, чтобъ меня не выгоняли...

Зарубинъ ласково, съ нѣжной улыбкой поглядѣлъ на дѣвочку и перевелъ взглядъ на Яворовскаго. Тотъ тоже растроганными, умиленными глазами смотрѣлъ на маленькую посѣтительницу и, казалось, готовъ былъ подойти къ ней и расцѣловать.

— Хорошо, барышня, я вамъ напишу, только не прошеніе, а письмо къ одной богатой дамѣ. Вы сами отнесите къ ней письмо и она, по всей вѣроятности, за васъ заплатитъ... А если не заплатитъ, такъ вы еще разъ сюда придите, и мы тогда что-нибудь придумаемъ, чтобъ вамъ можно было учиться.

Дѣвочка, какъ большая, закивала головой, въ знакъ своего согласія, а Зарубинъ досталъ бумаги и быстро, разгонистымъ, крупнымъ почеркомъ написалъ письмо къ извѣстной въ городѣ благотворительницѣ, съ которой былъ знакомъ лично.

— Вотъ вамъ, барышня, письмо, отнесите его, и все, дастъ Богъ, устроится благополучно.

Дѣвочка соскочила со стула, взяла письмо, и въ рукахъ у нея блеснула мелкая серебряная монета.

— Вы что жъ это, заплатить намъ хотите?—съ добродушной улыбкой спросилъ Зарубинъ.

— Да.

— У насъ это необязательно: кто можетъ—платитъ, а кто не можетъ, тому и такъ сдѣлаемъ, что надо.

— Нѣтъ, я хочу...

— Ну, если хотите,—смѣясь промолвилъ Зарубинъ,— такъ опустите вонъ въ ту кружку, что виситъ на стѣнѣ.

Дѣвочка, держа въ вытянутой рукѣ свою монету, черезъ всю комнату пошла къ кружкѣ, но, увидѣвъ, что кружка виситъ слишкомъ высоко и что ей не достать, безпомощно оглянулась назадъ. На помощь къ ней тотчасъ же подоспѣлъ Яворовскій. Онъ поднялъ дѣвочку, помогъ ей бросить монету и, опуская потомъ маленькую кліентку на полъ, не удержался и звонко поцѣловалъ ее. А дѣвочка, ободренная и повеселѣвшая, спрятала письмо, поклонилась Зарубину и уже въ дверяхъ звонкимъ голоскомъ произнесла.

— До свиданія! Спасибо!

Вслѣдъ за дѣвочкой къ столу Зарубина подошла вторая кліентка,

маленькая, высохшая старушка съ морщинистымъ и сильно заплаканнымъ лицомъ.

— Въ чемъ дѣло, старушка, о чемъ плачешь?—ласково обратился къ ней Зарубинъ. Но старушка только рукой махнула и заплакала еще сильнѣе.

— Дѣло-о!—вологодскимъ говоромъ, сильно ударяя на о, протянула она и опустилась на придвинутый ей стулъ.—Тутъ, батюшка, тако дѣло, что въ острогъ на старости лѣтъ хотятъ меня, старуху, всадить—вотъ како тутъ дѣло!.. И все занапрасно, все занапрасно... Господь одинъ видитъ, а я... неужто бы я... мнѣ о гробѣ думать надо, а не то, чтобы чужое красть...

— Да ты, бабушка, разскажи все сначала, по порядку, какъ дѣло-то было?

— А такъ было дѣло, кормилецъ, что шаль пропала, вотъ какъ было дѣло...

— У кого же шаль-то пропала?

— У кухарки, у Агафьи... На одной лѣстницѣ мы съ ней жили: я у купца въ нянькахъ жила, а она у офицера въ кухаркахъ. Ну, шаль-то и пропала...

— И кухарка заявила на тебя въ полицію?

— Зачѣмъ въ полицію? Ко мнѣ прибѣжала: плачетъ, жалуется—шаль унесли.—«Не видала-ль, говоритъ, бабушка, кто унесъ-то? Ты, говоритъ, сейчасъ у меня въ кухнѣ была».—«Нѣтъ, говорю, ничего не видала. А коли ты, говорю, на меня, можетъ, подумала, такъ, сдѣлай милость—обыщи!»—«Нѣтъ, говоритъ, зачѣмъ я стану тебя обыскивать: чай, я тебя знаю». А я ей наоборотъ говорю: «Нѣтъ, Агафья, обыщи, сдѣлай милость, чтобы потомъ грѣха не вышло...» Ну, стала она искать: сундукъ мой кованый перерыла, постель встряхнула, еще сундучекъ былъ маленькій, и тотъ перетрясла—нѣту шали! Ну, заявили мы дворнику, я же и заявила-то, а теперь вотъ повѣстка и пришла, на судъ требуютъ... А купецъ-то, хозяинъ мой, какъ узналъ, что повѣстка—сейчасъ меня, рабу Божію, съ мѣста долой, сію минуту согналъ. «Не надѣялся, говоритъ, я на тебя, старушка, что ты такая вредная женщина будешь».—«Нѣтъ, говорю, господинъ купецъ, я своей душѣ не лиходѣйка, я два раза въ годъ говѣю, и неужто бы я... на этако дѣло... пошла?..»—При этихъ словахъ старушка еще сильнѣе заплакала и долго сморкалась въ концы своего теплаго, чернаго платка.

— Ну, что же дальше-то?—спросилъ Зарубинъ, чтобы не давать ей окончательно расплакаться.

— Дальше-то?—сквозь слезы продолжала старуха.—А дальше я отъ купца ушла, да вотъ и плачу цѣльную недѣлю, суда жду... И Агафья тоже плачетъ—боится, какъ бы и ее на судъ не вытребовали... Да и меня, старуху, ей жалко: «и зачѣмъ ты, говоритъ, бабушка, дворнику сказывала?» А я нешто знала?..

— А Агафья получила повѣстку?

— Нѣту-ти.

— Не получала?

— Нѣтъ, мнѣ одной прислана...

— Да быть не можетъ? А ну-ка, покажи сюда повѣстку-то!

Старуха порылась въ карманѣ и вынула скомканную сѣрую повѣстку мирового судьи.

Зарубинъ взялъ повѣстку, поглядѣлъ въ нее, вскинулъ плечами, потомъ еще разъ посмотрѣлъ на старуху и, наконецъ, громко, неудержимо расхохотался.

— Ахъ, ты, бѣдная ты, моя старушка! Да, вѣдь, это тебя привлекаютъ по ст. 61! Это насчетъ просроченнаго паспорта! У тебя просроченный паспортъ?

— Паспортъ?

— Да!

— Просроченный, былъ просроченный...

— Такъ вотъ за это тебя и вызываютъ. Только за это, и никакой кражи тутъ нѣтъ! Ахъ ты, бѣдная головушка, какую тревогу-то забила! Ничего тебѣ не будетъ, не бойся, ступай къ мировому судьѣ, заплатишь ему рубль штрафу—и шабашъ! Никто тебя въ кражѣ не винитъ.

Но старуха глядѣла на Зарубина широко открытыми, мигающими глазами и, повидимому, ровно ничего не понимала.

— А шаль-то?

— Что шаль?

— Да укралъ-то кто?

— А ужъ этого я тебѣ, старушка, не скажу—не знаю,—съ добродушной улыбкой промолвилъ Зарубинъ, но потомъ, мѣняя тонъ на серьезный, онъ долго, вразумительно и методично сталъ объяснять старухѣ ея дѣло, пока та, наконецъ, не поняла. Но зато, какъ только старуха сообразила, что ее въ острогъ не посадятъ, и что никакой опасности ей не угрожаетъ, она опять начала плакать и креститься отъ радости.

— Дай же тебѣ, Царица небесная, что ты меня, старую, вызволилъ!—трогательно благодарила она Зарубина.

Когда старуха ушла, пришелъ какой-то не то конторщикъ, не то приказчикъ, въ пиджакѣ, въ крахмальномъ воротникѣ, съ хитрой, остренькой физіономіей и съ бѣгающими плутоватыми глазками.

— Въ чемъ ваше дѣло?—указывая рукой на стулъ, спросилъ Зарубинъ.

— А изволите ли видѣть,—усаживаясь и сразу переходя въ конфиденціальный тонъ, началъ кліентъ,—должокъ у меня одинъ имѣется: бралъ я у одного субъекта деньжонокъ подъ вексель и теперича векселю срокъ вышелъ-съ...

— Ну-съ?

— Ну, такъ я вотъ и пришелъ къ вашей милости: нельзя ли, напримѣръ, мнѣ какъ-нибудь интригу этому самому субъекту сдѣлать?..

— Что сдѣлать?

— Интригу съ... Мнѣ, извольте видѣть, самому до зарѣзу деньги нужны, а субъектъ-то онъ изъ купцовъ, богатый человѣкъ, у него однѣхъ лавокъ штукъ восемь, да мельница есть, да трактиръ онъ содержитъ...

— Но я все-таки не пойму, чего же вы хотите отъ вашего субъекта: хотите ли вы добиться отсрочки платежа, или желаете совсѣмъ не платить по векселю?

— Да ужъ если милость ваша,—просительно склоняя на бокъ голову, промолвилъ кліентъ,—такъ наставьте, чтобы совсѣмъ, тоись, чтобы полную интригу ему сдѣлать: что ему, онъ человѣкъ богатый, трактиръ, мельница...

— Такъ вы, значитъ, хотите,—спокойно спросилъ Зарубинъ,—чтобы я научилъ васъ, какъ смошенничать?

Плутоватый кліентъ опѣшилъ, заерзалъ на стулѣ и растерянно забормоталъ.

— Помилуйте, что вы-съ?.. Упаси Боже, зачѣмъ же-съ?..

— Такъ вы къ мошенникамъ и обращайтесь,—не слушая возраженій, продолжалъ Зарубинъ,—а сюда вы напрасно пришли. Ступайте съ Богомъ!..

Несчастный кліентъ заерзалъ еще больше на своемъ стулѣ, окончательно опѣшилъ и, ретируясь затѣмъ къ выходу, какъ-то смущенно мялъ свой картузъ и все повторялъ:

— Зачѣмъ же-съ?.. Упаси Боже... какъ можно?..

— Ступайте, ступайте!—напутствовалъ его Зарубинъ и, подойдя къ двери, пригласилъ очереднаго кліента:—Слѣдующій!

Въ комнату степенно, не торопясь, вошелъ приземистый, бородатый крестьянинъ, медленно оглядѣлъ углы, отыскивая образъ, но, не найдя ничего подходящаго, тихонько крякнулъ, перекрестился и отвѣсилъ поклонъ.

— Миръ вамъ.

— Здравствуйте и вы,—съ едва уловимой улыбкой отвѣтилъ ему Зарубинъ.—Садитесь, землячокъ, что скажете?

Крестьянинъ, все такъ же не торопясь, сѣлъ на стулъ, оправилъ полы армяка и спокойно проговорилъ:

— Я къ вашей милости изъ деревни, отъ обчества, чтобы вы намъ какое ни на есть усмотрѣніе сдѣлали...

— Что-жъ, это можно. Насчетъ земли, что ли, хлопочете?

— Такъ точно, господинъ, насчетъ земли: лужокъ у насъ сосѣдъ-купецъ оттягалъ и рощу нашу продалъ на срубъ—вотъ мы и судимся съ нимъ, который годъ судимся...

— Это можно будетъ ваше дѣло разсмотрѣть, только, земля-

чокъ, я по такимъ дѣламъ на дому принимаю. Вы приходите ко мнѣ на домъ, вотъ вамъ адресъ, тамъ и потолкуемъ. Завтра вечеромъ и приходите.

— Хорошо, господинъ повѣренный, слушаю,—приподнимаясь и принимая визитную карточку съ адресомъ, проговорилъ крестьянинъ.— И еще, господинъ, просьбишка у насъ къ вамъ имѣется...

— Тоже насчетъ земли?

— Никакъ нѣтъ, это особая статья...

— Ну, если особая, такъ разскажите... Да вы садитесь, садитесь...

Крестьянинъ опять опустился на стулъ и медленно почесалъ затылокъ, видимо затрудняясь, какъ приступить къ изложенію своего дѣла и не подыскивая сразу подходящихъ словъ.

— Такъ въ чемъ ваше дѣло-то?—поощрилъ его Зарубинъ.

— Да видишь ли, ваше благородіе, дѣло тутъ такое, что и надо бы хуже да некуда... Извѣстно, они канителили, канителили и доканителились до того, что теперь никакихъ способовъ не стало. Прямо, хучь все бросай и бѣги... Сами извольте разсудить, сколько времени бьемся и хучь бы тебѣ что, хучь бы тебѣ какой ни на есть толкъ...

Изъ этого приступа Зарубинъ, разумѣется, не понялъ ни полъслова, но, какъ человѣкъ опытный, не потерялся и сталъ «разбирать» слова крестьянина такъ, какъ разбираютъ школьники предложеніе, т.-е. отыскивать подлежащее, сказуемое, дополненіе и пр.

— Кто «они»?—спросилъ онъ у кліента.

— Да мужики наши. Мужики и пѣвчій Павлушка—вотъ что на клиросѣ замѣсто баса поетъ...

Подлежащее было, такимъ образомъ, найдено. Оставалось раскрыть подлинный смыслъ сказуемаго.

— Какимъ же родомъ они «канителили»?

— А такимъ родомъ, что лупили этого самого Павлушку, какъ сидорову козу: гдѣ встрѣнутъ—сейчасъ ему лупка, сейчасъ по чемъ ни попадя...

И сказуемое, такимъ образомъ, было возстановлено.

— За что же били-то?

— А ужъ извѣстно, не даромъ. Даромъ бить не будутъ. Ну, одначе, и подражать ему тоже не согласны. Нѣ-ѣтъ, на это согласія нашего не будетъ: коли ты, шельма, на клиросѣ участвуешь, такъ долженъ же ты законъ помнить? Такъ ли я говорю?

— Вещь понятная...

— Вотъ то-то и есть,—постепенно разгорячаясь, промолвилъ кліентъ.—А это что же такое: хоровое, напримѣръ, пѣніе и въ то же время двѣ дѣвки «чижолыя» ходятъ—хорошъ порядокъ? Да и дѣвки-то не рядовыя, а то же всѣ на клиросѣ участвуютъ.

— Такъ Павлушка, стало быть, обидѣлъ этихъ дѣвушекъ, такъ, что ли?

— А ужъ извѣстно, что не молебны служилъ съ ними.

— Такъ что же теперь дѣлать-то?

— Вотъ за этимъ мы, стало быть, и пришли къ вамъ, чтобы вы намъ усмотрѣніе сдѣлали... А съ такимъ хоромъ намъ нельзя, намъ такой хоръ безъ пользы. Сами теперича извольте разсудить: ежели мы съ эстимъ хоромъ, гдѣ нечистота завелась, пойдемъ, къ примѣру, молебствовать, али тамъ съ водосвятіемъ—много мы намолебствуемъ, много мы намолимъ у Бога? Да Господь и окомъ своимъ праведнымъ на насъ, на подлецовъ, не поглядитъ: «очиститеся, сказано, отъ скверны»,—а мы какъ очистились? Ну, разумѣется, и дохнетъ скотина...

Двѣ дѣвки, Павлушка, хоровое пѣніе, молебствіе и скотина окончательно сбили Зарубина съ толку. Теперь ужъ онъ почти ничего не понималъ, а главное не могъ взять въ толкъ, причемъ здѣсь онъ и консультація, въ какомъ отношеніи могла быть консультація къ амурамъ какого-то Павлушки и какъ могла она эти амуры предотвратить. Однако, чтобы не обезкураживать крестьянина, пріѣхавшаго изъ далекой деревни, Зарубинъ попробовалъ задать нѣсколько наводящихъ вопросовъ.

— И давно этотъ пѣвчій Павлушка такими дѣлами занимается?

— Какъ вамъ сказать, господинъ повѣренный?.. Прежде на него никто не жаловался, а началось это съ нимъ послѣ баса: какъ стали его господа за басъ хвалить, да какъ стали его баловать, угощать водкой и все такое—онъ и распустился: сталъ пьянствовать, куражиться, началъ бабъ обижать... А теперь вотъ до того, шельма, дошелъ, что пѣвчихъ дѣвокъ трогаетъ, которыя на клиросѣ участвуютъ.

— А вы батюшкѣ своему не жаловались?

— Какъ не жаловались — всѣмъ обществомъ просили: убери, молъ, батя, нечистоту-то изъ хора!..

— Ну, что-жъ батюшка?

— Попъ-то? А попъ, извѣстно, передъ господами интересуется. Мы ему дѣло говоримъ, а онъ намъ: «кабы вы, знали, говоритъ, ребята, какой въ ёмъ, въ подлецѣ, басъ замѣчательный!» Ну, видимъ мы, что съ попа взятки гладки, задумали сами Павлушку проучить. Окружили его наши парни какъ-то, кричатъ: «вышибай изъ него, ребята, басъ!» Ну, и дѣйствительно, наклали и здорово наклали... Только послѣ того, что же вы думаете? Онъ, басъ-то этотъ самый, возьми да и подай земскому начальнику прошеніе, а земскій всѣхъ на семь дней и посади... Вотъ какая исторія!.. Человѣкъ двадцать народу, въ самую рабочую пору, изъ-за Павлушки на семь сутокъ. Ну, разумѣется, мужикамъ это обидно

показалось, и въ скорости, дѣйствительно, у господина земскаго жеребецъ трехлѣтній пропалъ...

— Украли?

— Нѣтъ, зачѣмъ украли? А такъ что въ полѣ его ночью мужички поймали и тамъ изувѣчили...

— Тоже здорово! Ну, а дальше?

— А дальше, извѣстно, пріѣзжалъ становой, допросъ сымалъ и теперь опять три человѣка на мѣсяцъ посажены.

— Нѣтъ, землячокъ, хоть убей, я васъ не понимаю. Не понимаю, чего же хочетъ общество, причемъ здѣсь Павлушка?

— А Павлушка, ваше благородіе, выздоровѣлъ. Отходили его господа-то и опять онъ, анаѳемская душа, на клиросъ вылѣзъ и опять у насъ склока: мы, мужики, говоримъ: «не желаемъ его», а господа говорятъ: «а мы желаемъ».

— Такъ, значитъ, вы только и хотите, чтобы Павлушку за развратъ убрали съ клироса?

— Вотъ, вотъ, это самое, господинъ повѣренный.

— Такъ такъ бы и давно сказали. А насчетъ Павлушки можно будетъ архіерею просьбу написать... Завтра, какъ насчетъ земли говорить придете, заодно ужъ и архіерею напишемъ...

Поднявшись со своего мѣста, крестьянинъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ только что жернова ворочалъ: рукавомъ армяка онъ вытиралъ обильно выступившій на его лицѣ потъ. Утеръ потъ и Зарубинъ, и только Яворовскій, отвернувшись лицомъ къ окошку, напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не разсмѣяться вслухъ.

— Слѣдующій!—пригласилъ дальше Зарубинъ.

На этотъ разъ въ комнату вошла молодая, миловидная, но очень бѣдно одѣтая женщина и, какъ только сѣла, начала горько, неудержимо плакать.

— Вы успокойтесь, успокойтесь, голубушка, — ласково, какъ врачъ съ больной паціенткой говорилъ Зарубинъ, и въ голосѣ его зазвучала такая теплота и задушевность, что Яворовскій невольно залюбовался своимъ пріятелемъ.

— Можетъ быть, вамъ воды дать? — все такъ же участливо спрашивалъ Зарубинъ женщину.

— Нѣтъ... благодарствуйте... я такъ... сейчасъ пройдетъ... извините... Я пришла... хотѣла просить...

— Да вы успокойтесь, милая, а потомъ и разскажете намъ ваше горе... Можетъ быть, и плакать-то нечего, можетъ быть, и помочь вамъ не трудно. И Зарубинъ налилъ изъ графина стаканъ воды и подалъ кліенткѣ.

Но это вниманіе, повидимому, сконфузило ее: она смутилась, взяла стаканъ, но не стала пить, а поставила его на столъ и тотчасъ же стала излагать свое дѣло, вытирая глаза кончиками головного платка.

— Мужъ у меня, господинъ адвокатъ... куска хлѣба меня лишилъ, бродягой меня сдѣлалъ...

— Какимъ же образомъ?

— А такимъ образомъ, что паспорта не выдаетъ: «не выдамъ, говоритъ, и шабашъ».

— Да онъ кто такой, чѣмъ занимается?

Женщина потупилась, нахмурила свои черныя, красивыя брови и съ видимымъ усиліемъ произнесла:

— Онъ, господинъ адвокатъ, нехорошимъ, худымъ дѣломъ занимается... онъ—воръ, форточникъ...

— Вотъ какъ!.. А живетъ-то онъ гдѣ, мѣстожительство его?

Женщина опять нахмурила свои брови.

— Какое у него, подлеца, жительство—въ острогѣ онъ, второй мѣсяцъ сидитъ... А я изъ-за него, негодяя, скитаюсь по людямъ: ни на мѣсто поступить не могу, ни квартиры снять не могу—одно слово бродяга!.. И женщина опять горько заплакала.—Недѣли двѣ у тетки все ночевала, а теперь старшій дворникъ гонитъ, говоритъ: «какъ можно безъ паспорта ночевать?» Напужалъ тетку такъ, что она и днемъ-то меня не пускаетъ, боится...

— А скажите, вашъ мужъ гдѣ судился, у мирового или въ окружномъ судѣ?

— У мирового.

— И раньше никогда не судился?

— Никогда.

— А какого онъ званія?

— Званія? Да какое же у него, господинъ адвокатъ, званіе—одно слово, воръ!..

— Нѣтъ, я не про то, вы скажите, кто онъ: крестьянинъ, мѣщанинъ, изъ духовныхъ? Паспортъ откуда онъ получалъ всегда?

— Изъ волости.

— Ну, значитъ, крестьянинъ... Это хорошо, вамъ можно будетъ выхлопотать отдѣльный видъ на жительство.

— Явите Божескую милость, господинъ адвокатъ... А то вѣдь куды я дѣнусь безъ паспорта: ни я работать, ни я на мѣсто...

— А скажите, что за причина, что мужъ вашъ не выдалъ вамъ вида?

— А такая причина, господинъ адвокатъ, что подлецъ онъ и больше ничего!.. Все норовитъ на зло: живи, молъ, какъ знаешь: ни въ острогъ тебѣ нельзя, ни на волѣ тебѣ нельзя, хоть скрозь землю провались.. Онъ, господинъ адвокатъ, боится, что я его брошу... А только я и таиться не желаю: непремѣнно брошу! какъ мнѣ съ этакимъ идоломъ жить? Не говоря ужъ, что онъ острожный человѣкъ, а только онъ и работать не хочетъ: ни мѣста у него, ни квартиры, ни одежи, ни хозяйства... Судите сами, господинъ адвокатъ, около чего же жить-то, когда я пятый годъ за-

мужемъ, а не видѣла у себя на квартирѣ ни самовара своего, ни кострюли, ни посуды... какъ есть «ни ложки, ни плошки» — около чего же мнѣ жить-то?..

— Ну, это ваше дѣло: можетъ быть, помиритесь, а можетъ быть и разойдетесь,—вамъ виднѣе будетъ... А паспортъ мы вамъ добудемъ...

— Будьте настолько добры, господинъ повѣренный... А скоро это будетъ?

— Что, паспортъ-то? Ну, это не такъ ужъ скоро...

Лицо женщины опять омрачилось, а въ красивыхъ карихъ глазахъ загорѣлась тревога.

— А какъ же мнѣ это время жить-то? Вѣдь мнѣ ночевать негдѣ, меня, какъ чумы, всѣ боятся безъ паспорта. Я и то ужъ разъ на улицѣ ночевала...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы не безпокойтесь, это устроится, мы въ полицію напишемъ и вамъ временное свидѣльство выдадутъ.— И обращаясь затѣмъ къ своему помощнику, Зарубинъ прибавилъ:— Абрамъ Марковичъ! Напишите, голубчикъ!

Абрамъ Марковичъ подозвалъ къ себѣ женщину, усадилъ ее и, приготовляясь писать прошеніе земскому начальнику и въ полицію, сталъ подробно разспрашивать кліентку, откуда мужъ ея родомъ, какой волости и пр.

А Зарубинъ, между тѣмъ, продолжалъ пріемъ. На этотъ разъ у его стола стоялъ широкоплечій гигантъ-ломовой извозчикъ. Повидимому, ломовой пришелъ прямо съ работы, потому что на его бородатомъ, скуластомъ лицѣ, на чудовищныхъ рукахъ и на изодранной въ лохмотья рабочей кацавейкѣ были видны слѣды муки, которую, надо думать, онъ еще сегодня возилъ.

— Что скажешь, молодецъ?—обратился къ нему Зарубинъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, на судъ требованотъ... Тамъ и дѣло-то такое, что добраго слова не стоитъ — совсѣмъ плевое глупое, дѣло— а между прочимъ, повѣстку прислали, явиться сказано...

— А въ чемъ дѣло-то?

— Да такъ, больше ничего, какъ озорство одно... съ пьяныхъ глазъ, конечно... а ежели разобрать, такъ одна глупость...

— Но все-таки, въ чемъ же дѣло?

— Да такъ надо говорить, что у одной посадской дѣвки (такъ, непутящая, дрянь дѣвка-то) мы съ товарищемъ сороковку отняли. Ну, и выпили, конечно... Только и дѣла всего...

— Отняли?—съ живостью спросилъ Зарубинъ и лицо его сразу сдѣлалось серьезнымъ, даже встревоженнымъ.

— Такъ точно... съ пьяныхъ глазъ, разумѣется. Видимъ, идетъ дѣвка по полю, несетъ сороковку въ рукахъ. Ну, мы къ ней: «поднеси, молъ, красавица, по стаканчику!» А она: «убирайтесь,

говоритъ, къ чорту желтоглазые»... Это мы, то-ись, желтоглазые... Ну, мы за ней: «давай сюда, такая-сякая, сороковку!» Она, извѣстно кричать!.. Ну, мы все-таки настигли ее, свалили, сороковку-то и отняли.

— И били при этомъ дѣвку?..

Извозчикъ съ какимъ-то недоумѣніемъ растопырилъ свои громадныя, бѣлыя отъ муки руки.—Да ужъ не безъ того, конечно... маненечко помяли, потому что, по правдѣ вамъ сказать, господинъ повѣренный, мы-таки здорово дерябнувши были.

— Плохо, братъ, твое дѣло, — тревожно покачивая головой, проволвилъ Зарубинъ.—Очень плохо...

— О-о?—вопросительно и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ протянулъ извозчикъ.

— Совсѣмъ плохо.—А бумаги тебѣ изъ суда прислали? Копію обвинительнаго акта получилъ?

— Присылали чтой-то, да я неграмотный: мнѣ все одно, хоть присылай, хоть не присылай.

— А гдѣ же эта бумага?

Извозчикъ съ виноватымъ видомъ почесалъ затылокъ.—Запамятовалъ, ваше благородіе, извините, на квартерѣ бумага-то, а я съ работы прямо.

— А повѣстка въ судъ?

— Повѣстка здѣся...—И запустивъ свою чудовищную руку въ такой же чудовищный карманъ, извочикъ извлекъ оттуда цѣлую горсть всякой дряни, начиная отъ трубки, мѣдныхъ монетъ и кисета и кончая перочинымъ ножомъ, пуговицами и какими-то растерзанными, запачканными въ деготь бумажками, и сталъ въ этой горсти разбираться.

— Но когда же вызываютъ, по крайней мѣрѣ?

— На завтрашній день велѣно.

— На завтра?

— Такъ точно, къ 12 часамъ... А вотъ и повѣстка, ваша честь...

Зарубинъ развернулъ грязный скомканный клочокъ бумаги, расправилъ его пальцами и потомъ упавшимъ голосомъ сказалъ.

— Ну, такъ и есть... По 1642 статьѣ—грабежъ съ насиліемъ.

И обращаясь затѣмъ къ извозчику, Зарубинъ съ несвойственной ему строгостью и досадой въ голосѣ спросилъ:

— А раньше-то ты гдѣ былъ? раньше почему не пришелъ сюда?

— А раньше, ваше благородіе, я на работѣ былъ, — съ младенческой невозмутимостью отвѣчалъ извозчикъ.

— Знаю, что на работѣ, да сюда-то ты зачѣмъ въ послѣдній день пришелъ? Вѣдь у тебя серьезное дѣло, тебя будутъ судить за грабежъ съ насиліемъ, а это знаешь чѣмъ пахнетъ?—арестант

скія роты, а то и каторга!...—При упоминаніи о каторгѣ извозчикъ даже назадъ попятился. Но потомъ широкое, запудренное мукой, лицо его вдругъ расплылось въ добродушную улыбку.

— Что ты, баринъ? Это за сороковку-то — и въ каторжныя работы идти? Что ты, милый, Христосъ съ тобой?..

— Вотъ и изволь ему втолковать теорію грабежа и ученіе о насиліи!—разводя руками, къ Яворовскому обратился Зарубинъ. Но затѣмъ, повернувшись снова къ извозчику, онъ все-таки сдѣлалъ попытку подойти къ вопросу съ другой стороны и разъяснить ломовому, по крайней мѣрѣ, серьезность и опасность его положенія.

— Послушай, тебя къ слѣдователю вызывали?

— Какъ же, два раза требовали...

— А ты знаешь, что къ слѣдователю по пустякамъ не зовутъ?..

— Да оно и такъ какъ будто, а между прочимъ, вотъ же насчетъ сороковки вызывали?..

Зарубинъ переглянулся съ Яворовскимъ, но потомъ опять продолжалъ.

— Да оставь ты, ради Христа, свою сороковку! Не то важно, что ты *сороковку* отнялъ, а то важно, что ты ее *отнялъ*, понимаешь, *отнялъ насильно* и *билъ* при этомъ дѣвушку! Вотъ это самое законъ и называетъ гра-бе-жомъ съ насиліемъ.

— Грабежомъ? Такъ, вѣдь, ты пойми, баринъ, что я отнялъ-то? Вѣдь пустякъ отнялъ—сороковку... двадцать копеекъ...

Зарубинъ безпомощно поглядѣлъ на Яворовскаго и только плечами пожалъ.

— Изволь-ка съ такимъ Еруслановъ вести юридическій диспутъ о теоріи права!..—И вынувъ платокъ, Зарубинъ утеръ потъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. — А главное, — шопотомъ прибавилъ онъ пріятелю, —что это стоеросовое дитя удивительно крѣпко держится на своей позиціи здраваго смысла. Не только ты его не собьешь, но онъ тебя сшибетъ съ высотъ твоей юридической теоріи, потому что въ здоровую, не развращенную юриспруденціей голову наша теорія никогда не влѣзетъ. Но надо все-таки продолжать этотъ диспутъ, чтобы разъяснить ему серьезность положенія, потому что завтра, въ судѣ, его словно обухомъ по лбу треснутъ.

— Ну, оставимъ это пока,—опять къ извозчику обратился Зарубинъ.—Ты не понимаешь, что совершилъ грабежъ, но пойми хоть то, что дѣло твое очень плохо. Судить тебя будутъ не у мирового, а въ окружномъ судѣ, гдѣ будетъ 12 судей присяжныхъ да прокуроръ, да судьи коронные — и всѣ тебя будутъ судить.

— О-о?—съ искреннимъ изумленіемъ протянулъ извозчикъ.— Скаж-жи, пожалуйста... И съ чего такое—за сороковку столько

народу?..—И вздернувъ своими гигантскими плечами, извозчикъ присовокупилъ.—А по мнѣ бы, баринъ, надо такъ разсудить: отнялъ я у дѣвки, скажемъ, сороковку, ну, и меня заставь купить ей сороковку, ну двѣ, ну четверть, что ли. А что я далъ дѣвкѣ раза два по шеѣ, такъ пущай законъ и мнѣ дастъ, пущай меня на Казачій тамъ, подъ арестъ, али какъ...

Какъ ни былъ серьезно настроенъ Зарубинъ, но, слушая эту теорію уголовнаго права, отъ которой вѣяло наивной чистотой мысли и доисторической правдой, не могъ не улыбнуться.

— Ну, вотъ что, милый человѣкъ, мы съ тобой только зря время теряемъ. А ты сдѣлай вотъ какъ: сбѣгай-ка ты, живымъ манеромъ, къ себѣ на квартиру, возьми бумагу, которую тебѣ изъ суда прислали и сейчасъ же, сегодня же приходи ко мнѣ, но не сюда, а тоже на квартиру ко мнѣ—вотъ тебѣ адресъ. А дома мы еще потолкуемъ, и завтра я приду въ судъ—защищать тебя буду. Понялъ?

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокородіе...

— Ну, такъ бѣги, да смотри у меня—живо, не копайся!

Извозчикъ повернулся и грузно зашагалъ своими исполинскими, пудовыми сапогами къ выходу.

— Послушай! неужели его могутъ закатать въ каторжныя работы?—накинулся на пріятеля Яворовскій, какъ только извозчикъ скрылся за дверью.—Вѣдь, это было бы чортъ знаетъ, что такое! Вѣдь, отъ такой судебной правды дыбомъ волосы встать могутъ?

— Въ каторгу, не въ каторгу, а въ арестанскія роты съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ закатать могутъ.

— Но неужели же присяжные не поймутъ—вѣдь, не ослы же они и не звѣри?..

— Вотъ я на это и надѣюсь,—съ какой-то грустной задумчивостью промолвилъ Зарубинъ.—А замѣтилъ ты, что онъ, извозчикъ этотъ, какъ пришелъ со своимъ недоумѣніемъ, такъ и ушелъ, не понимая, чего отъ него хотятъ, что случилось, за что его преслѣдуютъ.. И изъ суда такъ же уйдетъ... Это постоянно, на каждомъ шагу я наблюдаю...—Зарубинъ еще что-то хотѣлъ сказать на эту тему, но какъ разъ въ эту минуту изъ пріемной показалась фигура новой кліентки, какой-то старушки въ черномъ салопѣ.

— Погодите немножко, матушка, я васъ позову,—обратился къ ней Зарубинъ.—Мы на пять минутъ перерывъ сдѣлаемъ, вздохнуть надо...

Старушка исчезла опять въ пріемную, а Зарубинъ сѣлъ бокомъ на столъ подлѣ Яворовскаго, закурилъ папироску, протяжно и шумно вздохнулъ и въ прежнемъ задумчивомъ, грустномъ тонѣ

продолжалъ свою недосказанную мысль.—Да... по моему, самая трагическая роль въ нашемъ процессѣ—это роль невѣжественнаго, темнаго подсудимаго... Приведутъ его въ судъ, посадятъ на скамью, солдатиковъ около него съ саблями поставятъ, а онъ глядитъ и ровнехонько ничего не смыслитъ. Понимаешь, по лицу видно, что человѣкъ, какъ въ туманѣ, что мысли его разбѣжались, разсыпались, что онъ уже не владѣетъ своей головой, а только озирается, дико, испуганно, какъ волкъ, котораго уже поймали, скрутили и котораго остается только добить...—И помолчавъ немного, Зарубинъ нѣсколько разъ, порывисто затянулся дымомъ и потомъ прибавилъ:—Да, братъ, ужасное это зрѣлище—вотъ такой темный человѣкъ на судѣ. Столько тутъ нѣмого драматизма, столько безпомощности... Ты когда-нибудь видѣлъ быка на бойняхъ?—неожиданно предложилъ онъ вопросъ.—Такъ вотъ то же самое и нашъ простолюдинъ передъ лицомъ суда. Онъ, какъ быкъ, ничего не понимаетъ, ничего не соображаетъ, онъ только *чуетъ* опасность, хотя и не знаетъ, откуда она придетъ и съ которой стороны блеснетъ надъ нимъ обухъ... А о томъ же, что вокругъ него происходитъ, что дѣлаютъ въ судѣ, онъ часто даже отдаленнаго представленія себѣ не создаетъ... Да и откуда ему создать? Онъ видитъ только, что его привели въ большую, красивую залу, самую красивую изъ всѣхъ, какія онъ видѣлъ въ своей жизни, и что въ залѣ кругомъ господа сидятъ: господа на скамейкахъ, господа за большимъ столомъ и господа за маленькими столами... Всѣ эти господа что-то дѣлаютъ, что-то пишутъ, говорятъ. Сначала поговоритъ одинъ господинъ, въ мундирѣ и съ позументами на обшлагахъ, потомъ поговоритъ другой господинъ, въ манишкѣ и во фракѣ, потомъ немножко поговоритъ еще одинъ господинъ въ мундирѣ, а затѣмъ всѣ господа, которые сидятъ на скамейкахъ, куда-то уйдутъ, гдѣ-то побудутъ, потомъ выйдутъ и одинъ прочитаетъ что-то... И какъ только прочитаетъ, всѣ господа зашевелятся, заговорятъ, начнутъ расходиться и какъ-то быстро растаютъ, словно ихъ и не было здѣсь... И останется во всей залѣ только онъ одинъ. Одинъ съ солдатомъ. А потомъ и они уйдутъ: солдату прикажутъ сдать его подъ росписку, и поведетъ его солдатъ черезъ весь городъ и будутъ на нихъ показывать пальцами мальчишки, будутъ останавливаться, оглядываться прохожіе. А онъ, осужденный, все будетъ шагать, шагать до самой тюрьмы и все будетъ спрашивать себя: да что же такое случилось? что съ нимъ сдѣлали тѣ господа, которые сидѣли въ богатой залѣ? И опомнится только тогда, когда на ногахъ зазвенятъ цѣпи, а по головѣ загуляетъ тупая бритва арестантскаго цирюльника...

Назначенныя пять минутъ для перерыва еще далеко не прошли,

а нетерпѣливая старушка въ черномъ салопѣ уже опять стала какъ-то осторожно и робко высовывать голову изъ пріемной.

— Что, матушка, нетерпѣніе васъ разбираетъ?—съ улыбкой обратился къ ней Зарубинъ. — Ну, что съ вами дѣлать, пожалуйте!

Старушка какъ-то удивительно быстро засеменила ножками, подбѣжала къ столу, усѣлась и, не дожидая дальнѣйшихъ приглашеній, начала длиннѣйшее повѣствованіе о томъ, что у нея былъ зять, что у зятя былъ трактиръ, а въ трактирѣ машина, но что теперь машина испортилась и не играетъ, а зять померъ. Яворовскій слушалъ, слушалъ и никакъ не могъ понять, чего собственно старушка хочетъ и о чемъ она такъ пространно и монотонно толкуетъ: выходило какъ-то такъ, что чѣмъ больше говорила старушка о зятѣ, тѣмъ яснѣе становилось, что и зять, и трактиръ, и машина совсѣмъ не относятся къ дѣлу, а что старушку просто-на-просто выселяютъ изъ квартиры за неплатежъ денегъ. Но до этого вывода Яворовскій дошелъ не скоро, такъ какъ старушка каждую минуту отъѣзжала въ сторону, а дряхлѣющая мысль ея то и дѣло хваталась за зятя. Въ концѣ же концовъ, эта старческая болтовня притупляла вниманіе и дѣйствовала на нервы, и, чтобы не слушать старуху, Яворовскій сталъ перелистывать толстую конторскую книгу, въ которую Зарубинъ записывалъ имена кліентовъ консультаціи и въ которой противъ каждаго имени коротенько, въ нѣсколькихъ словахъ, была изложена суть каждаго дѣла. Книга, сверхъ ожиданія оказалась много интереснѣе старухиныхъ разговоровъ, и, начавъ ее перелистывать отъ скуки, Яворовскій скоро увлекся и сталъ читать съ интересомъ, присматриваясь къ этой безконечно-разнообразной вереницѣ то простенькихъ, то трагическихъ дѣлъ рабочаго люда. Всѣ дѣла были записаны Зарубинымъ какъ-то необыкновенно коротко, точно онъ выдавилъ, выжалъ изъ нихъ весь смыслъ и воплотилъ его въ двухъ словахъ: дочь изнасиловали, самоваръ украли, съ фабрики «безъ пути» выгнали, разсчета не дали, хозяинъ «расшибъ», священникъ вѣнчать не хочетъ, баринъ на содержаніе ребенка не даетъ, полиція столицы лишила, разсчетную книжку незаконно отобрали, дворники въ подворотнѣ ключицу сломали, еще баринъ на содержаніе ребенка не даетъ, въ богадѣльню не принимаютъ, инженеръ «зубы выбилъ», купецъ «надругался»... Но особенно много было дѣлъ паспортныхъ—ими положительно пестрѣла вся книга: отецъ не даетъ паспорта, свекоръ не даетъ паспорта, общество не даетъ паспорта, управа не даетъ паспорта, хозяинъ задержалъ паспортъ, господа не отдаютъ паспорта, подрядчикъ потерялъ паспортъ...

Долго читалъ Яворовскій эту книгу, и вся правовая страда рабочаго люда обрисовывалась передъ нимъ, какъ на ладони: изъ-

за этихъ маленькихъ, всего въ нѣсколькихъ словъ, записей, словно выглядывали коротенькія, человѣческія драмы и чувствовалось дыханіе огромной, но сѣренькой, убогой жизни, омытой безпомощными слезами и покрытой пятнами человѣческой крови...

Отъ книги Яворовскаго оторвалъ Зарубинъ.

— А Маркелова твоего, братъ, все нѣту... Я ужъ и старуху отпустилъ, и кліентовъ больше нѣтъ—какъ же быть-то?

— Да неужто же не придетъ?—захлопнувъ книгу и приподымаясь съ мѣста, съ недоумѣніемъ проговорилъ Яворовскій.— Вѣдь, самъ сказалъ, что непремѣнно будетъ, да я и сторожу велѣлъ подбадривать его.

— Ужъ и не знаю...

— Неужто же раздумалъ?—съ досадой и даже съ какимъ-то смущеніемъ въ голосѣ промолвилъ Яворовскій.—А впрочемъ, не ждать же его тебѣ...

— Да, братъ, вѣдь меня ломовой съ обвинительнымъ актомъ дожидается...

— Такъ ѣдемъ по домамъ. А я тебѣ лучше въ другой разъ пришлю его.

Пріятели совсѣмъ уже было собрались уходить и даже одѣлись, какъ въ пріемной неожиданно показалась фигура запыхавшагося желѣзнодорожнаго сторожа—того самаго, попеченію котораго поручилъ Яворовскій Маркелова.

— Ну что? что Маркеловъ?—съ живостью набросился на него Яворовскій.

— Такъ что, Алексѣй Платоновичъ, онъ не придетъ...

— Не придетъ? почему? что же случилось?

— Да онъ, Алексѣй Платоновичъ, помирился, получилъ ужъ деньги-то...

— Да не можетъ быть?

— Такъ точно, Алексѣй Платоновичъ... И даже пьянствуетъ уже... Я ему говорю: «что же ты, подлецъ этакой, тебѣ Алексѣй Платоновичъ добра желаютъ, а ты...»

— Но что же онъ говоритъ, по крайней мѣрѣ?

— А сказываетъ: «не дожидаться же мнѣ, молъ, еще годъ али полгода. Я и то, говоритъ, съ семействомъ околѣлъ совсѣмъ... А такъ, по крайности, голодомъ не помру».

— И росписку выдалъ, что не имѣетъ претензій?

— А какъ же, у нотаріуса, говоритъ, былъ... Главная причина. Алексѣй Платоновичъ, что бѣдность у него, куска хлѣба въ домѣ нѣтъ... Ну, и дѣтишки, семейство большое...

Яворовскій только переглянулся съ Зарубинымъ и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, вертя въ рукахъ свою форменную фуражку.

А. Яблоновскій.

НОКТЮРНЪ.

(Изъ Ришпена).

Ужъ день потухъ,
И рокотъ нѣжный
Волны прибрежной
Чуть ловитъ слухъ.
Мракъ ночи глухъ...
Подъ ритмъ небрежный
Спитъ безнадежный
Мой скорбный духъ.

И въ монотонныхъ
Напѣвахъ сонныхъ
Прибоя вновь
Я будто чую
Пережитую
Свою любовь.

Ев. Дегенъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Студенты въ Москвѣ“ г. П. Иванова.—Интересныя данныя о матеріальномъ положеніи студенчества.—Долгъ общества по отношенію къ молодежи.—„Интеллигенція и народъ“ г. Смирягина.—Пессимизмъ г. Смирягина и безсилье реакціонной мысли.—„Думы журналиста“ г. Лемке.—Его проектъ договорныхъ отношеній редакціи и издателей.

Есть книги, значеніе которыхъ вообще отрицательное. Къ ихъ числу, безспорно, принадлежитъ и трудъ г. П. Иванова «Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы». И не потому это такъ, что все въ ней невѣрно или выдумано, или превратно истолковано. Какъ увидимъ ниже, есть въ фактахъ г. Иванова и кое-что несомнѣнно цѣнное. Но вся книга проникнута особымъ духомъ. Пословица говоритъ, что для лакея великаго человѣка нѣтъ великихъ людей, потому что у лакея на все лакейская точка зрѣнія. Именно таково пониманіе авторомъ того міра, который онъ взялся описывать. Очевидно, г. Ивановъ не мало вращался среди студенчества въ Москвѣ, даже добросовѣстно изучилъ разныя условія внѣшней жизни студенчества, и описаніе этихъ условій и есть то цѣнное, что даетъ его книга. Но за этой внѣшностью онъ ничего больше не увидѣлъ, а то, что видѣлъ, представилъ по-лакейски. Что ни «типъ», выводимый имъ, то либо пошлякъ, либо прямо мерзавецъ, либо жалкій выродокъ. Такой сплошной подборъ «типовъ» достаточно говоритъ самъ за себя, чтобы стоило препираться съ авторомъ и указывать его односторонность, предвзятость и нарочитое сгущеніе красокъ. Мы напередъ готовы признать, что среди тысячъ московскихъ студентовъ найдется достаточно и пошляковъ, и негодяевъ, и неврастениковъ, и вырождающихся. Но обобщать каждаго изъ нихъ въ *типъ* студента и изъ-за такого типа не видѣть ничего болѣе, значитъ взяться не за свое дѣло, не понимать того, о чемъ пишешь, и сознательно или безсознательно извращать истину.

Этими бѣглыми замѣчаніями мы и ограничимся относительно «студенчества» г. Иванова, въ книгѣ котораго болѣе для насъ интересны данныя о матеріальныхъ условіяхъ быта студентовъ въ Москвѣ. Эти данныя заслуживаютъ вниманія хотя бы потому, что никогда не мѣшаетъ повторять старую истину, насколько русское студенчество въ массѣ не обезпечено и при какихъ трудныхъ условіяхъ приходится нашему студенту добиваться знаній, что и налагаетъ такой особый отпечатокъ на русское студенчество въ отличіе отъ

его западно-европейскаго товарища. Въ то время, какъ послѣдній въ массѣ не только живетъ обезпеченно, но даже жуируетъ, проводя, по крайней мѣрѣ, первые годы больше въ погонѣ за радостями жизни, чѣмъ въ усердномъ штудированіи науки,—средній бюджетъ, по цифрамъ г. Иванова, заслуживающимъ полнаго довѣрія, русскаго студента не превышаетъ 25 р. въ мѣсяцъ. Такова обычная субсидія, получаемая изъ дому, таковъ же обычный размѣръ стипендій. Сумма болѣе, чѣмъ невелика, и чтобы жить на нее, надо урѣзывать себя во всемъ, иначе и самое необходимое, т.-е. квартира, столъ, книги, не уложится въ предѣлѣ этихъ двадцати пяти рублей.

Уклоненія отъ этой средней вверхъ такъ рѣдки, что ихъ не приходится принимать въ разсчетъ. Зато уклоненія внизъ не знаютъ предѣла, и тутъ уже мы встрѣчаемъ почти нищету, на помощь которой и являются благотворительныя общества, съ ихъ уплатой за слушаніе лекцій, столовыми и общежитіями. Особенно, оказывается, важную роль играютъ въ жизни студенчества столовыя. Вопросъ питанія, пожалуй, еще важнѣе квартирнаго. Здоровый, молодой организмъ кое-какъ примѣняется къ самой тѣсной, неуютной квартирѣ, но тотъ же молодой организмъ, да еще въ періодъ незаконченнаго роста, когда питаніе должно быть усиленное, чтобы ростъ не останавливался, требуетъ во что бы то ни стало обильной пищи. И въ этомъ отношеніи положеніе огромнаго большинства студенчества было бы безвыходнымъ, если бы не столовыя «общества для пособія нуждающимся студентамъ». За послѣдній отчетный годъ (1902) общество выдало студентамъ въ двухъ своихъ столовыхъ, большой и малой, 94.149 *безплатныхъ* обѣдовъ, а за 10 лѣтъ дѣятельности малой и 9 большой выдано такихъ обѣдовъ 1.051.862. Приблизительно 11% всего московскаго студенчества пользуется безплатными обѣдами.

Но, кромѣ того, тѣ же столовыя за минимальную плату даютъ возможность бѣднѣйшей части студенчества, избѣгающей благотворительности, питаться сносно. Особенно ярко значеніе этой стороны дѣятельности столовыхъ въ Петербургѣ, гдѣ и безплатные, и платные обѣды, такъ сказать, дополняютъ другъ друга. Прежде всего, вотъ цѣны блюдъ въ петербургской столовой, которыя такъ интересны, что для читателя любопытно познакомиться съ ними. Въ петербургской столовой «система выдачи обѣдовъ удивительное своеобразна. Цѣны назначаются не на обѣды, а на отдѣльныя порціи. Въ столовой есть касса, гдѣ студенты, выбравъ себѣ порціи, покупаютъ марки на соотвѣтствующую сумму. Вотъ нѣкоторыя блюда изъ меню: борщъ малороссійскій—6 к., 1/2 порціи (1 тарелка)—3 к.; супъ перловый—5 к., 1/2 порціи—3 к.; вареное мясо—3 коп., антрекотъ—22 к., лангетъ—22 к. (1/2 порціи—11 к.), паштетъ—11 1/2 к. (1/2 порціи 6 к.); котлеты 2 штуки—12 к. (1—6 к.). Замѣтимъ, что котлеты расходятся въ громадномъ количествѣ. Гречневая каша безъ масла—1 к., съ масломъ—4 к., горошекъ—3 к., картофель—1 1/2 к. Такимъ образомъ, имѣя въ карманѣ всего даже 3 к., студентъ можетъ съѣсть тарелку горячаго съ хлѣбомъ (хлѣбъ въ неограниченномъ количествѣ). Десятикопѣечный бюджетъ даетъ уже возможность пообѣдать какъ слѣдуетъ. На первое, предположимъ, тарелку борща—3 к., на второе котлету—6 коп., и къ ней

каша—1 к.». Можно себѣ представить поэтому, какое огромное значеніе играла петербургская столовая въ жизни студентовъ. Больше трети студентовъ пользовались ею. Въ 1899 г. за 6 мѣсяцевъ въ ней перебывало 112.550 обѣдающихъ, изъ нихъ около трети безплатно. Эти числа еще увеличились за послѣдніе годы. Благотворное вліяніе этой прекрасно поставленной столовой, между прочимъ, выразилось въ томъ, что число больныхъ катарральными разстройствами желудка, по свѣдѣніямъ университетскаго врача, уменьшилось вдвое.

Но не только на «физику» студенчества и матеріальный бытъ вліяла столовая. Цѣль ея была, по словамъ отчета, «не только доставить студентамъ здоровую пищу, но и дать имъ возможность провести хоть часъ въ день въ уютной комнатѣ, пользуясь достаточнымъ свѣтомъ и воздухомъ». Это и было достигнуто съ устройствомъ своего прекраснаго помѣщенія, гдѣ, кромѣ здоровой пищи, была и читальня съ 36 газетами, дешевый буфетъ, гдѣ продавались чай, кофе, шоколадъ, пиво... «Не удивительно,—говоритъ авторъ,—что столовая играла у студентовъ роль маленькаго клуба», а необходимость такого *своего* товарищескаго собранія, быть можетъ, нигдѣ такъ сильно не ощущается, какъ въ жизни студенчества. И въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо отмѣчаетъ авторъ, одиночество одно изъ главныхъ золъ студенческой жизни. Только что покинувъ родную семью, затерянный въ огромномъ городѣ, юноша испытываетъ прямо-таки до болѣзненности потребность въ обществѣ, которое хоть сколько-нибудь замѣняло бы ему родную атмосферу. Одиночество на ряду съ матеріальными лишеніями въ первые годы студенческой жизни подрываютъ не одно юное существованіе, и бороться съ нимъ—одна изъ благороднѣйшихъ задачъ столовыхъ. На Западѣ ее выполняютъ корпораціи, студенческіе союзы, общества спорта и т. п. У насъ до нѣкоторой степени могла бы взять ее на себя столовая, что и дѣлала петербургская. Естественное, непреоборимое влеченіе къ обществу, къ единенію съ товарищами не можетъ быть подавлено никакими мѣрами, и лучше поэтому дать ему правильный исходъ, нормальное развитіе въ условіяхъ открытыхъ, не стѣсняемыхъ суровыми рамками предписаній, такъ сказать, на виду у всѣхъ, въ томъ числѣ и начальства. Подавленная потребность не значитъ убитая, она проложитъ свою дорогу и пролагаетъ, въ видѣ сборищъ пьянственнаго характера въ излюбленныхъ трактирахъ и пивныхъ, ютящихся въ центрахъ, обитаемыхъ студенчествомъ, въ родѣ описываемаго г. П. Ивановымъ «Седана», гдѣ не одинъ десятокъ молодежи спиваются до полной потери облика человѣческаго.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ автора, къ сожалѣнію, мы не находимъ данныхъ о внутренней жизни студенчества, которая, какъ это ни странно, до сихъ поръ остается мало затронутой въ литературѣ. А между тѣмъ, безъ такого серьезнаго изученія этой стороны нашей учащейся молодежи едва ли возможна правильная постановка и самой университетской реформы. Литература по разнымъ причинамъ обходила этотъ вопросъ, пожалуй, одинъ изъ самыхъ живыхъ и интересныхъ. Правда, разные гг. Сигмы нѣтъ-нѣтъ да и выступятъ съ напыщенно-широковѣщательнымъ словомъ по адресу молодежи. «Берегитесь,—поучаетъ сей достопочтенный мужъ,—молодость очень коротка, и кто не

работалъ надъ собой въ молодости, ничего не достигнетъ подъ старость». Святая истина, можно замѣтить, но отъ нея никому ни тепло, ни холодно. Было бы лучше поосновательнѣе выяснить условія, мѣшающія работать, чѣмъ бросать свои упреки на вѣтеръ. Думаемъ, что и сама моледежь не хуже г. Сигмы понимаетъ свои задачи и смыслъ своего пребыванія въ университеты. И когда читаешь хотя бы даже въ такомъ несовершенномъ изложеніи, какъ трудъ г. Иванова, про бытъ и матеріальныя условія студенческой жизни, многое представляется въ иномъ освѣщеніи. Поражающая бѣдность и неустанная борьба за существованіе огромной части студенчества не можетъ не оказывать вліянія и на ученіе, не говоря уже обо всемъ прочемъ. «По крайней мѣрѣ, 50% учащихся въ московскомъ университетѣ,—говоритъ нашъ авторъ,—нуждается въ помощи. А, быть можетъ, ни для кого такъ не тяжела бѣдность, какъ для студента. Вѣдь для умственной жизни, для успѣшнаго занятія наукой необходимо, прежде всего, спокойствіе духа. Матеріальная необезпеченность создаетъ атмосферу, почти невозможную для человѣка, посвятившаго себя служенію чистой наукѣ. Мелочи жизни отвлекаютъ вниманіе, разсѣиваютъ всякую сосредоточенность. Вѣчная пѣсня о голодѣ, о холодѣ, о завтрашнемъ днѣ капля за каплей вливаютъ ядъ въ жизнь человѣка. Борьба за существованіе играетъ огромную роль въ жизни студента. А что можетъ быть общаго между борьбой за существованіе и занятіемъ чистой наукой? Поневолѣ наука часто отходитъ на задній планъ...»

И приходится не тому удивляться, что молодежь мало учится, но что она все же учится и, какъ бы то ни было, выдвигаетъ изъ своей среды новыя и новыя почтенныя силы на разныхъ поприщахъ жизни. За двадцать лѣтъ эта жизнь въ большихъ городахъ страшно вздорожала, а заработки учащейся молодежи сократились. Общественная благотворительность не поспѣваетъ за ростомъ нужды, которая въ средѣ учащихся прогрессируетъ изъ года въ годъ Вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ учащейся молодежи растетъ и ея бѣдность, какъ результатъ общаго обѣднѣнія Россіи. По нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, лѣтъ двадцать тому назадъ въ одномъ изъ крупныхъ университетскихъ центровъ не было 50% нуждающейся молодежи, и въ то же время легче было доставать всякія подсобныя занятія. Не было такой отчаянной конкуренціи, сбивающей цѣны до смѣшного (въ родѣ 3 р. за урокъ въ мѣсяцъ). Понятно, и самое ученіе шло много лучше, что и подтверждаютъ жалобы старыхъ профессоровъ, что прежде студенты являлись на экзаменъ съ лучшей подготовкой. И это несомнѣнно такъ, если обратить вниманіе на всевозможные виды труда, не дающіе возможности заниматься самому. «Сфера приложенія студенческаго труда чрезвычайно разнообразна. И хотя мы еще до Америки не дошли,—обыкновенный физическій трудъ не принятъ среди студентовъ,—но уже «интеллигентность» ихъ труда нужно понимать въ очень широкомъ смыслѣ. Подсчетъ избирательныхъ шаровъ въ какомъ-нибудь кредитномъ обществѣ, чѣмъ особеннымъ это «интеллигентное» занятіе отличается отъ занятія простого рабочаго? Тоже самое можно сказать о лидерахъ, т.-е. ѣздящихъ на рекламныхъ велосипедахъ какой-нибудь фабрики». «Вообще, характеръ

заработка студентовъ рѣдко соотвѣтствуетъ ихъ призванію. Многіе, напр., служатъ пѣвчими въ различныхъ церквахъ, другіе играютъ въ оркестрѣ, даже увеселительнаго заведенія Омона». «Отъ хорошей жизни не полетишь», говоритъ мастеровой у Горбунова. То же приходится сказать и объ этомъ участіи въ оркестрѣ Омона.

И ни общества благотворительныя, ни разныя бюро для пріисканія занятій не могутъ, не въ силахъ помочь этой вопіющей нуждѣ, которая коренится въ самыхъ условіяхъ русской жизни, страстно жаждущей просвѣщенія и изъ глубины своей выдвигающей все новые и новые кадры юношей, которые, не смотря ни на что, устремляются въ университетъ и высшія учебныя заведенія. Демократическій характеръ массы учащихся объясняется средой, откуда они выходятъ, и это составляетъ и счастье нашей жизни, и ея горе, такъ какъ этимъ же объясняется и бѣдность учащейся молодежи, такъ рѣзко отличающая ее отъ западно-европейской. Преобладающій буржуазный характеръ послѣдней отразилъ въ себѣ общій буржуазный типъ общества, изъ среды котораго выходитъ большинство студенчества на Западѣ. Большая обезпеченность. привычки извѣстнаго культурнаго режима, вмѣстѣ съ общими условіями окружающей жизни, придаютъ нѣмецкому или французскому студенчеству много чертъ, дѣлающихъ его такъ мало похожимъ на наше. Главное, что отличаетъ нашего студента, это идеальное отношеніе къ жизни, презрѣніе къ матеріальной сторонѣ, почти дѣтское равнодушіе къ вопросамъ о хлѣбѣ насущномъ' что и даетъ ему силу выдержать гнетъ нужды во времена студенчества. Но намъ, обществу, никогда не слѣдуетъ забывать объ этомъ гнетѣ, и всякое содѣйствіе къ его облегченію уже есть заслуга предъ русскимъ просвѣщеніемъ, Все возрастающія нужды студенчества налагаютъ обязанность усилить ту помощь, которую общество оказываетъ учащейся молодежи. Тѣмъ болѣе, что размѣры ея пока весьма невелики, какъ показываетъ нашъ авторъ. По его даннымъ, напр., московское «общество для пособія недостаточнымъ студентамъ» израсходовало около 60.000 р. въ 1902 г. на помощь. Такимъ образомъ, ея не хватаетъ и на половину нуждающихся, а большинство получающихъ должны довольствоваться крохами. И за эти крохи большое спасибо, конечно, скажетъ ему студенчество, но какъ мало это въ сравненіи съ огромностью вопіющихъ нуждъ.

Послѣ студенческихъ нелегкихъ годовъ, послѣ борьбы съ этимъ гнетомъ нужды, все же въ массѣ своей наша интеллигенція не выходитъ такой черствой, эгоистической и жадной, какъ ее рисуетъ нѣкто г. Смирягинъ, выступившій съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ нея, подъ заглавіемъ «Интеллигенція и народъ».

Въ немъ авторъ обвиняетъ всю интеллигенцію огуломъ въ развращеніи народа. Казалось-бы, именно теперь запоздало такое обвиненіе. Теперь-то между народамъ и интеллигенціей достаточно поставлено разныхъ перегородокъ, отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга, и г. Смирягинъ могъ бы быть доволенъ...

Въ чемъ же, однако, повинна бѣдная интеллигенція? Онъ начинаетъ съ

«твердо установленнаго» факта, что «въ послѣднія десятилѣтія нравственность народная падаетъ съ невѣроятной быстротой. Народъ нашъ, еще недавно бывшій наивно-патріархальнымъ, добродушнымъ, религіознымъ, теперь въ массѣ своей огрубѣлъ, озвѣрѣлъ, развратился». Въ доказательство приводятся понадерганныя отовсюду сообщенія, въ которыхъ на ряду съ пѣніемъ пѣсенъ на улицахъ ставятся извѣстія о томъ, какъ «крестьянинъ Лукіанъ обругалъ и побилъ сотскаго» или какъ другой крестьянинъ, укравъ овцу, «спряталъ ее за божницей». Есть и ссылки на художественную литературу, на «Власть тьмы» и даже «Мужиковъ» Чехова. Авторъ, что называется, бралъ свое добро всюду, гдѣ находилъ, и, сваливъ безъ разбора, въ одну кучу, пришелъ къ своему пессимистическому выводу. Но послѣдній нуженъ ему, какъ и слѣдовало ожидать, не самъ по себѣ, а для доказательства мысли, что во всемъ виновата интеллигенція.

Прежде всего она съумѣла всѣхъ убѣдить, что нужно просвѣщеніе. И вотъ, «мы обыкновенно радуемся размноженію въ народѣ книгъ, увеличенію числа школъ, народныхъ чайныхъ, театровъ», а, между тѣмъ, «99% теперешнихъ народныхъ просвѣтителей не слѣдуетъ подпускать и близко къ народу», потому что «образованіе народа должно быть ввѣрено только тѣмъ интеллигентамъ, которые сами искренно держатся православной вѣры». Это неожиданное заключеніе особенно поразительно теперь, когда, насколько всѣмъ извѣстно, инославныхъ и иновѣрныхъ просвѣтителей и нѣтъ въ деревенскихъ школахъ, какъ, впрочемъ, не было ихъ и прежде. На этомъ обвиненіи авторъ особенно настаиваетъ, и въ заключеніе говоритъ: «Теперешнія народныя школы отучаютъ дѣтей отъ серьезной самостоятельной работы, выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ непріученныхъ къ дисциплинѣ полузнаекъ, а способныхъ даровитыхъ, лучшихъ учениковъ приносятъ въ жертву безцвѣтной, безформенной массѣ, забывая, что для родной страны и для всего человѣчества одинъ талантъ дороже тысячи посредственностей». Авторъ, должно быть, незнаетъ, что именно «интеллигенція», которую онъ обвиняетъ въ устройствѣ такой школы, постоянно твердила и твердитъ о необходимости полной передѣлки программъ школы, расширенія ея и бо̀льшаго простора для «самостоятельной работы». Въ апрѣльской книгѣ нашего журнала приведены пожеланія новгородскаго губернскаго комитета, въ которыхъ мѣстная интеллигенція какъ разъ указываетъ на эти недостатки школы. Меньше всего повинна интеллигенція въ школьномъ неустройствѣ, которое давно составляетъ одну изъ главныхъ темъ ея работы въ вопросахъ о народной жизни.

Конечно, ея взгляды на эти неустройства не совпадаютъ съ желаніями г. Смирягина, который такъ, напр., рѣшаетъ вопросъ о школьномъ воспитаніи: «Что же касается тѣлесныхъ наказаній въ школѣ, то при практическомъ рѣшеніи этого щекотливаго вопроса слѣдовало бы руководствоваться не кабинетными теоріями и не газетными статьями, а указаніями родителей учениковъ». Самъ авторъ глубоко убѣжденъ, что родители желаютъ введенія тѣлесныхъ наказаній, но и тутъ мы можемъ сослаться на многочисленныя и единодуш-

ныя пожеланія комитетовъ по улучшенію сельской промышленности объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній вообще...

Г. Смирягинъ не прочь поучить интеллигенцію, которая и пьетъ больше, чѣмъ народъ, и обираетъ его, и ничему научить его не можетъ. Но самъ не указываетъ положительныхъ воздѣйствій на народъ, настаивая только на одномъ,—на возможномъ удаленіи интеллигенціи отъ ея зловредной дѣятельности для народа. Это отсутствіе своей, *положительной* программы у автора высокохарактерная черта всей книги, вышедшей, очевидно, изъ среды вполнѣ опредѣленной. Мы уже столько слышали подобныхъ реакціонныхъ голосовъ, что лишній разъ книга г. Смирягина уже и не заслуживала бы вниманія. Но эту черту ея намъ и хотѣлось подчеркнуть, какъ не личную, присущую автору только, а всему направленію, выразителемъ котораго онъ выступаетъ Все скверно и все надо уничтожить, это очень легко сказать, но чѣмъ же замѣнить уничтожаемое? Надо для этого имѣть хоть маленькую, но положительную программу, въ которой были бы намѣчены общія основы благоустройства, какъ оно мерещится возбужденной фантазіи реакціонно настроеннаго критика. Школа плоха, ея программа узка, мертвенна и не отвѣчаетъ ни одному живому запросу, какой жизнь ставитъ на каждомъ шагу крестьянину. Интеллигенція давно указала на этотъ коренной недостатокъ школы и тутъ же предлагаетъ рядъ коренныхъ реформъ. Реакціонеръ начинаетъ съ отрицанія послѣднихъ, но ничего не предлагаетъ взамѣнъ, не отстаивая, какъ г. Смирягинъ, даже своей церковно-приходской. Крестьянское хозяйство падаетъ, условія деревенской жизни стали невозможны, и это интеллигенція давно отмѣтила, съ цифрами въ рукахъ доказала упадокъ, въ прекрасныхъ художественныхъ произведеніяхъ обрисовала всю неприглядность современной деревни. И сейчасъ же намѣтила рядъ реформъ для подъема послѣдней, а сельскохозяйственные комитеты почти въ одинъ голосъ подтвердили необходимость именно намѣченныхъ интеллигенціей мѣръ, какъ показываетъ хотя бы указанная нами программа новгородскаго комитета, взятая нами, какъ очень умѣренная, представляющая какъ бы среднюю ариѳметическую изъ ряда подобныхъ же программъ. Реакціонная критика, идущая еще дальше въ осужденіи деревни («народъ озвѣрѣлъ, огрубѣлъ, развратился» — уже чего хуже), съ пѣною у рта возстаетъ противъ такихъ программъ, но взамѣнъ ничего не предлагаетъ. Тотъ же г. Смирягинъ, по наивной откровенности, очень характерный представитель реакціонной мысли, хотя бы однимъ словомъ обмолвился о желательной въ его смыслѣ программѣ реформъ. Одно только мы нашли въ его филиппикѣ—это указаніе на недостаточную твердость въ православіи, отмѣчаемую имъ, какъ главную причину всѣхъ золъ, съ требованіемъ непремѣнной искренности въ православной вѣрѣ отъ всѣхъ, кто такъ или иначе имѣетъ соприкосновеніе съ народомъ. Но мы уже указали выше, что, насколько намъ извѣстно, ни иновѣрцевъ, ни инославныхъ нѣтъ ни среди народныхъ учителей, ни среди многочисленныхъ представителей деревенской власти. Г. Смирягинъ очень настаиваетъ на «искренности», но не даетъ никакихъ указаній, почему всѣхъ «народныхъ просвѣтителей», какъ онъ огуломъ называетъ всю

сельскую интеллигенцію, онъ считаетъ неискренно православными. Слѣдовало бы перечислить отличительные признаки искренности. Правда, онъ заявляетъ, что эти «интеллигенты» недостаточно строго соблюдаютъ посты и другія правила, установленныя православной церковью, и самъ же въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что «видимое порою благочестіе—нерѣдко напускное фарисейство» (стр. 79).

Такая слабость реакціонной мысли, неспособной дать какую бы то ни было положительную программу, говоритъ сама за себя и ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается. Г. Смирягинъ потому и интересенъ, что онъ проще, наивнѣе и смиреннѣе, если можно такъ характеризовать его по сравненію съ другими, его единомышленниками, которые выступаютъ съ пышными и громкими увѣреніями, что всѣ вопросы текущей жизни ими давно рѣшены и только внѣшнія обстоятельства имъ мѣшаютъ проявить себя во всей красотѣ творчества. А въ концѣ концовъ, какъ и г. Смирягинъ, сводятъ все къ сплошному отрицанію, до чего никогда не доходила столь ненавистная имъ интеллигенція, которая многое отрицаетъ, но на мѣсто отрицаемаго знаетъ, что утвердить, черпая матеріалъ не «отъ ума», а изъ жизни...

Обвинять интеллигенцію нѣтъ ничего легче, почему и находится такая тьма охотниковъ. Не въ такихъ условіяхъ стоитъ противная сторона, которая можетъ возражать лишь намеками, а подчасъ и полнымъ молчаніемъ. Господа Смирягины отлично знаютъ это, но дѣлаютъ видъ и другихъ стараются убѣдить, что это молчаніе — знакъ безсилія, какъ это дѣлаетъ, напр., г. Н. Энгельгардтъ, постоянно налетающій на «толстые ежемѣсячники», которые хранятъ «величавое безмолвіе» по поводу массы «назрѣвшихъ вопросовъ общественности». И не безъ результата проходятъ эти обвиненія... Вотъ потому-то мы и обращаемъ вниманіе читателей на «Думы журналиста» г. Лемке. Въ этой книгѣ читатели найдутъ нѣкоторыя не безполезныя указанія на тѣ условія, при которыхъ идетъ работа журналиста, преслѣдующаго высшія цѣли.

Г. Лемке затронулъ въ своей книгѣ рядъ интересныхъ и жгучихъ вопросовъ журналистики, но мы желали бы остановить вниманіе читателя лишь на нѣкоторыхъ болѣе для него интересныхъ. Читатель до сихъ поръ, къ сожалѣнію, далеко не такъ освѣдомленъ объ условіяхъ работы журналиста, какъ того можно бы желать. Онъ часто удивляется умолчанію о многихъ, повидимому, такихъ интересныхъ явленіяхъ жизни, готовъ винить журналиста въ небрежности, тогда какъ все это невольныя прегрѣшенія. Авторъ, г. Лемке, самъ поработавшій не мало въ провинціальной печати, и начинаетъ съ главнаго— тѣхъ печальныхъ условій, въ которыхъ изо дня въ день идетъ работа печати. Съ одной стороны—это «независящія обстоятельства», а съ другой — зависимость провинціальнаго работника печати отъ капитала. Много въ «думахъ» г. Лемке вѣрнаго, недурно схваченнаго и достойнаго вниманія Особенно живо представлены внѣшнія условія, тѣ «независящія обстоятельства», въ которыхъ такъ много случайнаго, непредвидѣннаго, что и самому опытному журналисту нельзя знать, съ какой стороны грянетъ громъ.

Для примѣра двѣ-три сценки, столь хорошо знакомыя всякому, кто рабо-

талъ въ провинціи. Пріѣзжаетъ пріятель автора, повѣствующій ему свою редакціонную эпопею, въ городъ, гдѣ основывается новая газета, и встрѣчаетъ благосклонный пріемъ и со стороны губернатора, и со стороны цензора, чиновника, редактирующаго мѣстныя «Губернскія Вѣдомости». Цензоръ оказывается и «самъ въ душѣ литераторъ», а у губернатора взглядъ на задачи мѣстной печати очень широкъ. «Мнѣ, главное нравится,—говоритъ губернаторъ нашему редактору при представленіи, — что вы затрогиваете очень важные вопросы, коренные, такъ сказать, вопросы нашей жизни вообще, краевой въ особенности и, по моему, это ваша громадная заслуга... Правда, есть въ газетѣ теперь такой тонъ, который не слѣдовало бы вводить. Ну, напримѣръ, зачѣмъ сегодня такъ высмѣянъ предсѣдатель губернской управы?.. Впрочемъ, это разумѣется, ваши убѣжденія, и я совершенно не имѣю права въ нихъ вмѣшиваться. И притомъ все это не особенно важно... Одно только, пожалуйста, помните, что я другъ печати. Этимъ все сказано». Кажется, какія милыя отношенія, и нельзя не порадоваться, что печать имѣетъ въ провинціи такихъ друзей. Но умудренный опытомъ редакторъ думаетъ иначе. «Другъ печати... думалось мнѣ.—Если даже онъ не врагъ ея, то и то хорошо», — и дѣйсгвительность скоро подтвердила его опасенія. Появилась въ газетѣ обличительная статья по адресу предсѣдателя одного изъ просвѣтительныхъ обществъ за его боязнь гласности, выразившуюся въ рядѣ самыхъ некультурныхъ поступковъ. Статья произвела должное впечатлѣніе, но оказалось, въ лицѣ предсѣдателя былъ задѣтъ одинъ изъ пріятелей губернатора, и «другъ печати» немедля дѣлаетъ внушеніе цензору. Послѣдній, «самъ въ душѣ литераторъ», принялъ мѣры и пересталъ пропускать все, что касалось городского хозяйства и думы, въ которой онъ занималъ должность члена городской управы. И, въ концѣ концовъ, газета обвинялась въ томъ, что «настойчиво сравниваетъ Россію съ Западомъ и притомъ всегда не въ пользу первой», что «подрываетъ религіозно-нравственныя основы православнаго населенія» и «освѣщаетъ отрицательныя стороны дѣятельности мѣстной администраціи».

А далѣе исторія обычная, и авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе: «этого, полагаю, достаточно, чтобы получить нѣкоторое впечатлѣніе о главномъ бытовомъ условіи жизни провинціальной печати». Эти условія дѣлаютъ жизнь послѣдней крайне неустойчивой, неуравновѣшенной и неувѣренной въ завтрашнемъ днѣ, не позволяя спокойно заниматься дѣломъ, и безъ того требующимъ крайняго напряженія силъ. Случайность и беззащитность—вотъ что убиваетъ энергію, истощаетъ и въ конецъ измочаливаетъ нервы журналиста. Самый суровый законъ, но *законъ* предпочтительнѣе усмотрѣнія «друзей печати», вродѣ этого милаго администратора и не менѣе милаго цензора, «литератора въ душѣ».

На этой сторонѣ дѣятельности журналиста авторъ долго не останавливается, справедливо замѣчая, что тутъ журналистъ, какъ таковой, ничего не подѣлаетъ. Его увлекаетъ другой вопросъ—отношенія журналиста къ издателю, т.-е. къ капиталу, который, по мѣрѣ роста газетнаго дѣла въ провинціи, сталъ все больше интересоваться провинціальной печатью, какъ дѣломъ прибыльнымъ. «Самъ по себѣ приливъ капитала въ дѣло, по существу очень въ

НОКТЮРНЪ.

(Изъ Ришпена).

Ужъ день потухъ,
И рокотъ нѣжный
Волны прибрежной
Чуть ловитъ слухъ.
Мракъ ночи глухъ...
Подъ ритмъ небрежный
Спитъ безнадежный
Мой скорбный духъ.

И въ монотонныхъ
Напѣвахъ сонныхъ
Прибоя вновь
Я будто чую
Пережитую
Свою любовь.

Ев. Дегенъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Студенты въ Москвѣ“ г. П. Иванова.—Интересныя данныя о матеріальномъ положеніи студенчества.—Долгъ общества по отношенію къ молодежи.—„Интеллигенція и народъ“ г. Смирягина.—Пессимизмъ г. Смирягина и безсилье реакціонной мысли.—„Думы журналиста“ г. Лемке.—Его проектъ договорныхъ отношеній редакціи и издателей.

Есть книги, значеніе которыхъ вообще отрицательное. Къ ихъ числу, безспорно, принадлежитъ и трудъ г. П. Иванова «Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы». И не потому это такъ, что все въ ней невѣрно или выдумано, или превратно истолковано. Какъ увидимъ ниже, есть въ фактахъ г. Иванова и кое-что несомнѣнно цѣнное. Но вся книга проникнута особымъ духомъ. Пословица говоритъ, что для лакея великаго человѣка нѣтъ великихъ людей, потому что у лакея на все лакейская точка зрѣнія. Именно таково пониманіе авторомъ того міра, который онъ взялся описывать. Очевидно, г. Ивановъ не мало вращался среди студенчества въ Москвѣ, даже добросовѣстно изучилъ разныя условія внѣшней жизни студенчества, и описаніе этихъ условій и есть то цѣнное, что даетъ его книга. Но за этой внѣшностью онъ ничего больше не увидѣлъ, а то, что видѣлъ, представилъ по-лакейски. Что ни «типъ», выводимый имъ, то либо пошлякъ, либо прямо мерзавецъ, либо жалкій выродокъ. Такой сплошной подборъ «типовъ» достаточно говоритъ самъ за себя, чтобы стоило препираться съ авторомъ и указывать его односторонность, предвзятость и нарочитое сгущеніе красокъ. Мы напередъ готовы признать, что среди тысячъ московскихъ студентовъ найдется достаточно и пошляковъ, и негодяевъ, и неврастениковъ, и вырождающихся. Но обобщать каждаго изъ нихъ въ *типъ* студента и изъ-за такого типа не видѣть ничего болѣе, значитъ взяться не за свое дѣло, не понимать того, о чемъ пишешь, и сознательно или безсознательно извращать истину.

Этими бѣглыми замѣчаніями мы и ограничимся относительно «студенчества» г. Иванова, въ книгѣ котораго болѣе для насъ интересны данныя о матеріальныхъ условіяхъ быта студентовъ въ Москвѣ. Эти данныя заслуживаютъ вниманія хотя бы потому, что никогда не мѣшаетъ повторять старую истину, насколько русское студенчество въ массѣ не обезпечено и при какихъ трудныхъ условіяхъ приходится нашему студенту добиваться знаній, что и налагаетъ такой особый отпечатокъ на русское студенчество въ отличіе отъ

немъ нуждающееся, конечно, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій», замѣчаетъ г. Лемке. Но дурно то, что вмѣстѣ съ капиталомъ вступаетъ въ печать торгашъ, тотъ Иванъ Непомнящій, котораго еще Салтыковъ обрисовалъ такъ мѣтко. «Спросите Непомнящаго, что онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета?—и ежели въ немъ еще сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: «хочу подписчика». Подъ фирмой газеты Непомнящій пріобрѣлъ себѣ сокровище. Понятно онъ бережетъ ее какъ зеницу ока отъ всякихъ случайностей. Въ виду упроченія ея будущности, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ, ни о чемъ, кромѣ наивѣрнѣйшихъ способовъ удержать за собой сокровище. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды; справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдованій... Безъ идеи, безъ убѣжденій, безъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ, Непомнящій стоитъ на стражѣ руководительства, не вѣря ни во что, кромѣ тѣхъ пятнадцати рублей, которые приноситъ подписчикъ, и тѣхъ грошей, которые вытаскиваетъ изъ кошеля кухарка».

Сначала этотъ Непомнящій составлялъ особенность исключительно столичной печати, но въ послѣдніе годы онъ вошелъ и въ провинціальную, когда послѣдняя стала рости не по днямъ, а по часамъ, какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ. «По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», къ концу 1900 г. изъ 97 числившихся въ провинціи газетъ, только двѣ основаны до 1861 г., 23—въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, 72—въ 80-хъ и 90-хъ, причемъ 55 изъ нихъ послѣ 1895 г.».

Подвигамъ Непомнящаго посвящено много вниманія г. Лемке, но на нихъ не станемъ останавливаться. Гораздо существеннѣе вопросъ о томъ, какъ же думаетъ авторъ обуздать торгаша? Лучше всего, конечно, не связываться съ нимъ совсѣмъ, съ чѣмъ согласенъ и авторъ. И если бы журналисты строго держались этого правила, Непомнящій, не имѣя работника, не могъ бы и издавать газеты. Но безъ капитала и газетъ нельзя издавать. Поэтому г. Лемке предлагаетъ другой выходъ—договоръ между редакціей и издателемъ, которому предоставляется прибыль предпріятія на условіяхъ невмѣшательства въ «нутро дѣла». И г. Лемке даже выработалъ проектъ такого договора, въ которомъ очень подробно перечислены взаимныя права и обязанности обѣихъ сторонъ, причемъ, надо замѣтить, на издателя возложено больше обязанностей, чѣмъ предоставлено ему правъ.

Разбирать самый проектъ не представляется намъ особенно интереснымъ и нужнымъ. Существенна только идея договора. Насколько подобные договоры могутъ вообще содѣйствовать развитію провинціальной печати? И мыслимы ли они сами по себѣ? Увы! при всемъ сочувствіи къ положенію провинціальныхъ работниковъ пера, мы сильно сомнѣваемся, чтобы нашлись издатели, которые согласились бы подписать такой договоръ. Кажется, все въ немъ просто—издателю прибыль, «намъ нутро дѣла». Но въ томъ и дѣло, что и то и другое такъ тѣсно соединено, что ихъ нельзя раздѣлить. И ни одинъ издатель не согласится только давать деньги, въ чаяніи будущей проблематической при-

были, которая всецѣло зависитъ отъ способа веденія дѣла, отъ «нутра дѣла». Если же найдется издатель, не дорожащій прибылью, то это уже не будетъ Иванъ Непомнящій, а скорѣе меценатъ, котораго интересуетъ именно сущность дѣла, и потому его уже ни устранять не надо, ни связывать по рукамъ и ногамъ договорами не приходится. Но всякое дѣло, основанное на меценатствѣ, крайне непрочно, и не о томъ, конечно, мечтаетъ г. Лемке. Съ другой стороны, Иванъ Непомнящій, пожалуй, готовъ подписать любой договоръ, зная хорошо, что ничего не стоитъ его нарушить. Въ самомъ дѣлѣ, въ его рукахъ всегда окажутся «независящія обстоятельства», одной ссылки на которыя достаточно, чтобы всѣ договоры разсыпались прахомъ.

Не такимъ путемъ, поэтому, можно надѣяться удержать печать отъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя внесъ съ собой Иванъ Непомнящій. Только въ себѣ самихъ найдутъ журналисты силы, которыя могутъ имъ дать торжество надъ торгашомъ. Разъ послѣдній знаетъ, что журналисты не пойдутъ на сдѣлки съ совѣстью, не допустятъ себя до униженій подкупа, не продадутъ свое первородство за чечевичную похлебку, то и безъ договора торгашъ не рискнетъ честью газеты, рискуя остаться безъ главнаго орудія — работника пера. Скорѣе въ этомъ дѣлѣ могутъ поддержать журналистовъ профессіональные союзы, которые придадутъ имъ сплоченность и бо̀льшую устойчивость въ отстаиваніи своихъ интересовъ и достоинства печати. Но... тутъ мы опять выходимъ за предѣлы, доступные журналистамъ, такъ какъ учрежденіе такихъ союзовъ не отъ насъ зависитъ. И пока все сводится къ личной устойчивости отъ всякаго соблазна, къ личной охранѣ своей чести писателя и достоинства работника пера. И надо признать, къ чести провинціальной журналистики, что этотъ личный устой въ ней много крѣпче, чѣмъ въ столичной. Сплошь и рядомъ приходится читать и слышать объ уходѣ изъ той или иной газеты порядочныхъ работниковъ изъ-за вопросовъ чести и достоинства, нарушенныхъ издателемъ, и какъ-то мало такихъ же примѣровъ въ столичной печати, гдѣ самодовольные гг. Энгельгардты чувствуютъ себя недурно...

Свою книгу г. Лемке заканчиваетъ обращеніемъ къ читателю, призывая его къ болѣе тѣсному единенію съ писателемъ. «Пусть писатель поставитъ своимъ девизомъ твердое, независимое слово, пусть читатель приметъ за правило не пропускать случая указать намъ на наши ошибки и заблужденія... Среди громадной многомилліонной массы читателей есть уже довольно значительный элементъ, который не только можетъ, но обязанъ поддерживать словомъ своихъ пишущихъ товарищей,—товарищей по одной общей культурной работѣ, цѣль которой, независимо отъ рода дѣятельности, всегда была и будетъ одна и та же—совершенствованіе общества и человѣка». Это доброе пожеланіе готовы были бы раздѣлить и мы, но не видимъ, въ какой формѣ оно могло бы осуществиться. Если въ видѣ «писемъ въ редакцію», то не дай Богъ! Думаемъ, что и самъ г. Лемке не о такой формѣ единенія мечтаетъ, но пока наша жизнь другой формы еще не выработала...

А. Б.

ОТМѢНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ.

Періодъ напряженнаго оживленія, въ который, послѣ продолжительнаго затишья, вступаетъ наше крестьянское законодательство, открылся мѣрою выдающейся важности: 12-го марта 1903 года отмѣнена круговая порука, въ теченіе долгихъ вѣковъ связывавшая сельскихъ обывателей. Эта мѣра не является неожиданностью. Государство издавна стремилось къ тому, чтобы устранить посредничество общины въ раскладкѣ и взиманіи налоговъ и стать въ непосредственныя отношенія къ каждому плательщику *); съ шестидесятыхъ же годовъ прошлаго столѣтія вопросъ о болѣе нормальной постановкѣ фиска пріобрѣлъ особенную важность и почти не сходилъ съ очереди. Тѣмъ не менѣе, реформа 12-го марта подвергалась опасности замедлиться. Круговая порука была такъ прочно связана съ своеобразными чертами экономическаго быта русскаго крестьянства и примитивной организаціей податного дѣла, что ея уничтоженіе потребовало значительнаго времени и усилій. Подготовительныя работы, направленныя къ отмѣнѣ круговой поруки, начались еще въ 1894 году. «Нынѣ, обладая болѣе близкими къ населенію органами,—говорилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1895 г.,—финансовое вѣдомство приступило къ подготовкѣ преобразованія способовъ взиманія крестьянскихъ платежей въ видахъ устраненія тѣхъ обремененій, которыя налагаются на крестьянское населеніе не столько самими платежами, сколько несовершенными способами и пріемами ихъ взысканія». Но эта попытка не привела къ ожидаемымъ результатамъ. «Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ», утвержденное 23-го іюня 1899 года освободило отъ дѣйствія круговой поруки только подворныхъ владѣльцевъ и тѣ сельскія общества, въ которыхъ числилось менѣе 60 ревизскихъ душъ, для остальной же массы крестьянскаго населенія принципъ круговой отвѣтственности былъ сохраненъ въ полной неприкосновенности. Невыплаченныя къ 1-му января части платежей должны были разверстываться между всѣми домохозяевами. Недоборъ, оставшійся, послѣ этого, къ 1-му февраля, могъ быть пополненъ изъ мірскихъ суммъ или снова раскладывался между членами общества и взыскивался полицейскими мѣрами. Какъ средства понужденія «упорныхъ» неплательщиковъ, были установлены: а) обращеніе взысканія на арендную плату за сданныя неисправнымъ хозяиномъ строенія или землю; б) наложеніе ареста на заработную плату; в) опредѣленіе къ неплательщику опекуна; г) продажа движимаго имущества. Въ случаѣ дальнѣйшаго «упорства» у неисправнаго хозяина отбиралась полевая земля и сдавалась въ аренду на сроки не болѣе трехъ лѣтъ, а затѣмъ, продавались строенія, не составляющія необходимости въ хозяйствѣ. Безуспѣшность всѣхъ этихъ мѣръ, однако, не служила доказательствомъ явной неплатежеспособности крестьянскаго общества. Только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ казенная

*) П. Н. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. I, стр. 141.

палата имѣла право сложить недоимку со счетовъ; обыкновенно же, неуплаченныя суммы просто присоединялись къ окладу слѣдующаго года. Очевидно порядокъ, введенный правилами 1899 года, нисколько не ослаблялъ вреднаго вліянія круговой поруки. Какъ и раньше, сельское общество отвѣчало за всѣхъ своихъ членовъ; какъ и раньше, подати пріурочивались не только къ объекту обложенія, но и къ личности плательщика. Закрѣпощеніе крестьянства оставалось въ полной силѣ. Измѣненія были настолько незначительны, что г. Шванебахъ, разбирая въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи законъ 23 іюня 1899 года, затрудняется ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось существенное практическое различіе между старою и новою процедурою взысканія *). Г. же Тернеръ, бывшій однимъ изъ составителей закона, опредѣленно признаетъ, что «Положеніе» даже распространило дѣйствіе круговой поруки и придало ея примѣненію организованныя и устойчивыя формы. Всякія случайности были исключены. Разъ только накоплялась недоимка, она неминуемо влекла за собою круговую отвѣтственность **). Такимъ образомъ, всего четыре года назадъ начало огульной отвѣтственности крестьянства восторжествовало надъ индивидуалистическими тенденціями финансоваго вѣдомства. Но это была послѣдняя побѣда. Реформа 12-го марта 1903 г. окончательно признаетъ низшей податною единицею каждаго отдѣльнаго домохозяина какъ въ селеніяхъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ владѣніемъ. По новымъ правиламъ, распоряженіе взысканіемъ недоимокъ передается податнымъ инспекторамъ при участіи должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Если недоимка превышаетъ 20 проц. оклада и не можетъ быть покрыта продажею движимаго имущества, то, по предложенію земскаго начальника, примѣняются: а) отобраніе селеніемъ и сдача въ аренду съ торговъ полевой земли неисправнаго плательщика и б) продажа принадлежащихъ недоимщику строеній, не составляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ. Отобраніе полевой земли производится селеніемъ, къ которому принадлежитъ неисправный крестьянинъ, на срокъ по усмотрѣнію схода, не свыше, однако, шести лѣтъ съ обязательствомъ уплатить единовременно всю числящуюся недоимку. Отобранная земля передается сходомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ или распредѣляется между всѣми ними или оставляется въ нераздѣльномъ пользованіи всего селенія. Въ случаѣ отказа селенія отобрать полевую землю, уѣздный съѣздъ, по представленію податного инспектора, дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ земли въ аренду съ торговъ. Срокъ аренды не можетъ превышать шести лѣтъ. Къ участію въ торгахъ допускаются одни только члены того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ недоимщикъ. Если же первые торги не состоятся, то на вторыхъ могутъ участвовать и постороннія лица. При сдачѣ земли съ торговъ обязательство единовременной уплаты недоимки устраняется. Въ случаѣ безуспѣшности отобранія земли податной инспекторъ назначаетъ продажу строеній,

*) П. Х. Шванебахъ. „Наше податное дѣло“, стр. 138.

**) Ѳ. Тернеръ. „Государство и землевладѣніе.“ ч. II, стр. 385.

не составляющихъ необходимости въ хозяйствѣ. При подворномъ владѣніи мѣры понужденія заканчиваются продажею земельнаго участка.

Переходной характеръ новыхъ правилъ очевиденъ.

Податная система настолько тѣсно связана со всѣмъ строемъ крестьянской жизни, что окончательное торжество культурнаго фискальнаго порядка находится въ зависимости отъ тѣхъ коренныхъ реформъ крестьянскаго быта, которыя поставлены теперь на очередь. Но, при всѣхъ недостаткахъ и пробѣлахъ, при всей неопредѣленности реформы 12-го марта, ея огромное значеніе несомнѣнно. По разсчетамъ «Правительств. Вѣстника», круговая порука могла до настоящаго времени имѣть примѣненіе слишкомъ къ 62.000 селеній въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи. Ею обезпечивалось поступленіе около 63 проц. оклада казенныхъ и земскихъ сборовъ. Что же касается до мірскихъ сборовъ, которыхъ законъ 23-го іюня 1899 года совсѣмъ не коснулся, то они могли быть взыскиваемы по круговой порукѣ повсемѣстно. Такимъ образомъ, государство, наконецъ, приблизилось къ огромной массѣ плательщиковъ. Сельскія общества потеряли иниціативу и наблюденіе въ дѣлѣ взиманія налоговъ и превратились въ простыхъ исполнителей распоряженій земскаго начальника и податного инспектора. Смиренный сельскій обыватель попалъ въ сферу непосредственнаго дѣйствія грандіозной государственной машины. Значеніе этого факта далеко выходитъ за границы спеціальной области фиска; ему предстоитъ серьезная роль въ эволюціи соціально-экономическихъ отношеній русскаго крестьянства, и опредѣленіе этой роли представляетъ наиболѣе важную задачу при разсмотрѣніи реформы 12-го марта.

II.

Недоимочность крестьянскаго населенія, съ которой такъ тщетно боролась круговая порука, составляетъ старое зло нашего финансоваго хозяйства и объясняется различнымъ образомъ. Приведенная выше цитата изъ всеподданнѣйшаго доклада о росписи на 1895 г. показываетъ, что финансовое вѣдомство видитъ причины недоимочности въ несовершенствѣ способовъ взысканія. По другому взгляду, способы взысканія имѣютъ второстепенное значеніе, и накопленіе недоимокъ происходитъ вслѣдствіе непосильной тяжести самыхъ платежей. Истинный характеръ крестьянской недоимочности играетъ такую рѣшающую роль въ оцѣнкѣ новыхъ правилъ, что на его выясненіи придется остановиться съ нѣкоторою подробностью.

Не такъ давно статистическое бюро псковскаго губернскаго земства издало работу, посвященную вопросу о недоимкахъ въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія *). Это изданіе представляетъ опытъ разработки матеріаловъ подворной переписи по Изборской волости, Псковскаго уѣзда, но

*) Къ вопросу о недоимкахъ въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія (опытъ разработки статистическихъ матеріаловъ по Изборской волости Псковскаго уѣзда).

заключающіяся въ немъ цифровыя данныя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ и на общія причины крестьянской недоимочности. Изборская волость къ 1-му января 1901 года имѣла въ недоимкѣ по всякаго рода платежамъ 86.730 р., что равняется 132 проц. нормальнаго годоваго оклада. Изъ 2.337 дворовъ лишь 199 или 12,8% не имѣютъ недоимки; остальные же 2038 или 87,2% обременены долгомъ, въ среднемъ, по 37,1 р. на дворъ. При болѣе детальной группировкѣ дворовъ мы получаемъ слѣдующую картину недоимочности.

Группы	Число дворовъ въ	%%	Недоимки на 1 дворъ	на 1 раб. м. п.
0. Безъ недоимки	299	12,8	—	—
1. Съ недоимкою до 30 руб. .	968	41,5	15,0 р.	9,6 р.
2. Свыше 30 руб.	1.070	45,7	66,0 »	42,4 »

т.-е. почти половина всѣхъ дворовъ обременена недоимкою, достигающею 66 р. на дворъ или 42 р. на одного работника мужского пола. Группировка дворовъ по главнѣйшимъ экономическимъ признакамъ крестьянскаго хозяйства открываетъ причины такой сильной задолженности. По семейному составу и рабочей силѣ дворы различной задолженности мало отличаются одинъ отъ другого.

Группы.	Ѣдоковъ на 1 дв.	Работн. об. пол. на 1 дв.	Ѣдоковъ на 1 раб.
0	6,5	3,1	2,0
1	6,6	3,1	2,1
2	6,8	3,3	2,0

Число членовъ семьи нѣсколько повышается вмѣстѣ съ возрастаніемъ недоимочности, но число ѣдоковъ на 1 рабоника, которое и опредѣляетъ выгодность или невыгодность семейнаго состава въ хозяйственномъ отношеніи, остается одинаковымъ для всѣхъ слоевъ Изборской деревни. Такое же незначительное вліяніе на степень недоимочности оказываетъ и количество обрабатываемой земли.

Группы	Процентъ дворовъ, сдающихъ;	арендующія надѣлы.	Среднее число надѣловъ въ фактическ. пользованіи двора.	Проц. дворовъ, имѣющ. купчую землю.
0	12,3	20,2	1,9	19,6
1	32,2	45,5	1,9	49,9
2	55,5	34,3	2,1	30,9

Число дворовъ, сдающихъ надѣлы въ аренду, правильно и сильно растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ недоимочности, но среди фактическихъ земледѣльцевъ разницы не замѣчается. Наоборотъ, наиболѣе задолженная группа оказывается даже въ лучшихъ земельныхъ условіяхъ, сравнительно съ незадолженными дворами. Даже фактъ владѣнія купчею землею не избавляетъ крестьянина отъ недоимки и почти треть изборскихъ собственниковъ принадлежитъ къ самой обремененной долгомъ части населенія. Очевидно, ни семейный составъ, ни рабочая сила двора, ни степень земельной обезпеченности не объясняютъ факта накопленія недоимки и распредѣленія ея между отдѣльными слоями деревенской массы. По крайней мѣрѣ, цифры псковскихъ статистиковъ совершенно

отрицаютъ непосредственную связь между этими экономическими факторами и недоимочностью. Иной результатъ даетъ сопоставленіе задолженности съ количествомъ скота и размѣрами льноводства въ различныхъ группахъ. Необходимо замѣтить, что скотовладѣніе и льноводство играютъ въ Псковской губерніи чрезвычайно важную роль. Ленъ представляетъ главный, а во многихъ хозяйствахъ, вѣроятно, и единственный, источникъ денежныхъ доходовъ крестьянскаго населенія. Количество же скота довольно точно опредѣляетъ степень доходности хозяйства, такъ какъ на псковской почвѣ урожай всецѣло зависитъ отъ удобренія.

Группы.	Средн. посѣвъ льна.	Получено льна.	Средній валовой доходъ отъ продан. льна на 1 дворъ	на 1 раб.
0	8,3 мѣръ	24,7 пудовъ	124 р.	88 руб.
1	7,4 »	21,6 »	108 »	67 »
2	5,6 »	16,8 »	84 »	49 »

	0 гр.	1 гр.	2 гр.
Всего скота на 1 дворъ въ переводѣ на крупный	4,1 головъ	3,4 гол.	2,9 гол.

Эти двѣ таблицы съ полною ясностью обрисовываютъ экономическое положеніе недоимочныхъ дворовъ. И количество скота, и размѣры льняныхъ посѣвовъ правильно понижаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ недоимки. Кромѣ того, совершенно правильно понижаются и производительность, и доходность хозяйствъ, причемъ разница между крайними группами выражается весьма крупными цифрами. Въ то время, какъ одинъ дворъ безнедоимочной группы получаетъ отъ продажи льна 124 р. валового дохода, 1 дворъ наиболѣе задолженной группы довольствуется всего лишь 84 руб. Такія же рѣзкія различія между отдѣльными недоимочными группами обнаруживаютъ и данныя о промысловой дѣятельности изборскаго крестьянства.

Группы.	Проц. дворовъ съ промыслами.	Въ томъ числѣ мѣстными—	отхожими.
0	73,3	75,8	24,2
1	78,3	73,6	26,4
2	81,5	64,9	35,1

Несмотря на чисто земледѣльческій характеръ Изборской волости, процентъ дворовъ, вынужденныхъ прибѣгать къ промысловому заработку, очень значителенъ. Но незадолженные дворы «подрабатываютъ», главнымъ образомъ, въ своемъ районѣ, не отрываясь отъ собственнаго хозяйства. Дворы же недоимочныхъ группъ даютъ большій процентъ отхожихъ промышленниковъ, связь которыхъ съ землею уже слабѣе, какъ видно изъ распредѣленія занятыхъ промыслами крестьянъ по различнымъ отраслямъ труда.

	% лицъ, занятыхъ тѣмъ или инымъ промысломъ въ группахъ.		
Занятія	0	1	2
Разный извозъ.	63,1	55,7	49,9
Ломка алебастра и сельскохозяйств. работы	7,5	14,9	18,3

Фабрично-заводскіе и желѣзнодорожн. рабочіе, служба и услуженіе	9,7	14,6	19,0
Ремесленники и кустари	13,6	11,4	10,7
Торговля	6,1	3,4	2,1

Всѣ занятія, въ которыхъ преобладаютъ дворы высшихъ экономическихъ группъ, требуютъ и болѣе высокаго экономическаго уровня. Разный извозъ, составляющій главный промыселъ изборскаго крестьянства, возможенъ, конечно, только при извѣстномъ количествѣ лошадей и свободнаго времени, очень часто не имѣющихся у экономически слабыхъ дворовъ.

Зато тѣ отрасли труда, гдѣ нужны только свободныя руки, привлекаютъ наиболѣе бѣдныя хозяйства.

Такимъ образомъ, цифры псковскихъ статистиковъ показываютъ, что накопленіе недоимки не находится въ зависимости отъ внѣшнихъ экономическихъ признаковъ, какъ земельная обезпеченность и рабочая сила крестьянскаго двора; она опредѣляется внутреннимъ строемъ крестьянскаго хозяйства, его соціально-экономическимъ типомъ. Хозяйства, въ большей или меньшей степени предпринимательскія, обладающія возможностью технически усовершенствованнаго веденія дѣла (при большемъ количествѣ скота), способныя удовлетворить требованіямъ мірового рынка (увеличеніе посѣвовъ льна) и, кромѣ того, занимающія наиболѣе выгодное и доходное положеніе въ промыслахъ, являются наименѣе недоимочными.

Слабыя же, полупролетарскія хозяйства, вынужденныя конкурировать съ своими лучше вооруженными собратьями, естественно, не справляются съ требованіями современнаго экономическаго момента и постепенно приходятъ въ упадокъ. Но, вслѣдствіе неотчуждаемости крестьянской земли, недоимка является единственнымъ русломъ, куда направляется хроническій дефицитъ большей части крестьянскихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, недоимочность деревни обусловливается не тѣми или иными недостатками податного механизма; она представляетъ явленіе соціально-экономическаго характера. Уже одинъ ростъ недоимокъ, несмотря на всѣ усилія фиска, подтверждаетъ эту мысль. По свѣдѣніямъ, собраннымъ особымъ совѣщаніемъ для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности, въ губерніяхъ сѣверныхъ, прибалтійскихъ, промышленныхъ, центрально-черноземныхъ, восточныхъ и малороссійскихъ недоимки по однимъ казеннымъ окладнымъ сборамъ превышаютъ 20% годового оклада, достигая по отдѣльнымъ губерніямъ поразительно высокаго процента: въ Симбирской—277%, въ Тульской—244%, Казанской—418%, Оренбургской—277%, Самарской—363%, Уфимской—397% и т. д. *). Эти невѣроятныя цифры слишкомъ категорически говорятъ объ общихъ причинахъ недоимочности, чтобы можно было возлагать надежды на какіе-либо усовершенствованные пріемы и способы взысканія. Задолженность крестьянства, лишь одинъ изъ частныхъ результатовъ «эволюціи, проявляющейся въ сельской жизни,

*) „Промышлен. Міръ“ 1903, № 13. Л. Бухъ. „Круговая порука“.

когда въ натуральное ея хозяйство внѣдряются денежные обороты и денежныя требованія, когда крестьянинъ, прежде зависѣвшій только отъ стихійныхъ силъ, подпадаетъ еще подъ несравненно болѣе тяжкую зависимость отъ рыночныхъ цѣнъ и міровыхъ конъюнктуръ, и, подъ гнетомъ непонятныхъ ему силъ, изъ самодовлѣющаго мужика превращается въ землепашца, работающаго въ голодающей русской деревнѣ на міровой рынокъ» **).

III.

Общія и глубокія причины недоимочности русской деревни заставляютъ думать, что реформа 12-го марта не будетъ имѣть особаго вліянія на болѣе успѣшное поступленіе окладныхъ сборовъ. По мнѣнію г. Буха, даже введеніе новыхъ правилъ возможно только при полномъ сложеніи накопленныхъ крестьянами недоимокъ, такъ, въ противномъ случаѣ, придется немедленно, разверставъ недоимку по отдѣльнымъ домохозяевамъ, отобрать землю въ большинствѣ губерній. Но даже при сложеніи недоимокъ «не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при существующей финансово-экономической системѣ, направленной къ искусственному развитію у насъ крупной фабрично-заводской промышленности, обусловливающей собою непомѣрное развитіе косвеннаго обложенія и дороговизну предметовъ первой необходимости, крестьяне окажутся очень скоро опять въ положеніи недоимщиковъ» **). Мы не раздѣляемъ увѣренности г. Буха въ логической неизбѣжности сложенія существующихъ недоимокъ при переходѣ къ новой системѣ взысканія. Напомнимъ, что при отмѣнѣ подушной подати, по предположеніямъ Бунге, недоимки должны были бы также подлежать отмѣнѣ. Но Вышнеградскій держался иного взгляда. «Въ 1887 г. недоимокъ взыскали около 7, а въ 1888 г. $9^1/_4$ мил. и во всеподданнѣйшемъ докладѣ по росписи на 1889 г. министръ могъ объяснить, что «за небывалымъ погашеніемъ недоимокъ» этотъ источникъ казеннаго дохода исчерпанъ» ***). Такимъ образомъ, новыя правила могутъ быть введены, и часть недоимокъ можетъ быть взыскана. Но мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Буха, что крестьяне снова должны дѣлаться недоимщиками. Отмѣна круговой поруки не повыситъ платежеспособности крастьянства, и, съ этой точки зрѣнія, реформа едва ли оправдаетъ ожиданія фиска. Но соціально-экономическое значеніе ея не уменьшается. Личная отвѣтственность крестьянства, несомнѣнно, ускоритъ эволюцію крестьянскаго хозяйства въ сторону болѣе современныхъ формъ. Характеристика недоимочныхъ группъ показала намъ, что наиболѣе задолженные дворы наиболѣе приближаются къ той чертѣ, которая отдѣляетъ крестьянина отъ пролетарія. Въ высшей по недоимочности группѣ крестьянъ Изборской волости 55,5% дворовъ сдаютъ свои надѣлы. Связь съ землею у этой части населенія, очевидно, настолько слаба, что можетъ пор-

*) Шванебахъ. „Наше податное дѣло", стр. 170.
**) Л. Бухъ. „Круговая порука". „Промышленный Міръ" 1903 г., № 13.
***) Шванебахъ. „Наше податное дѣло", стр. 13.

ваться при самомъ незначительномъ внѣшнемъ давленіи. Но круговая порука отсрочивала послѣдній шагъ; она служила нѣкотораго рода спасительнымъ щитомъ для слабѣющихъ хозяйствъ. Распространенное мнѣніе, будто круговая отвѣтственность въ смыслѣ уплаты однимъ домохозяиномъ податей за другого на практикѣ никогда не встрѣчается, едва ли вполнѣ справедливо. «Въ дѣйствительности, —говорилъ г. Ермоловъ въ извѣстной книгѣ «Неурожай и народное бѣдствіе»,—такой оптимистическій взглядъ на круговую поруку едва ли имѣетъ за собою практическое основаніе. Напротивъ того, можно было бы привести цѣлый рядъ случаевъ, когда взысканія въ силу круговой поруки производятся съ лицъ, за которыми не имѣется недоимокъ, и притомъ не только на пополненіе недоимокъ, но даже на пополненіе учиненныхъ сельскими властями растратъ уже однажды уплоченныхъ суммъ». Правда, значенія этого щита не слѣдуетъ преувеличивать. «Круговая порука обрушивается всей своею тяжестью и на несостоятельныхъ домохозяевъ, потому что болѣе состоятельные крестьяне, такъ называемые богачи или богатыри, уплачивая окладъ за недоимщиковъ, вознаграждаютъ себя отобраніемъ отъ нихъ части земли или покосовъ, стоимостью обыкновенно превосходящихъ размѣръ уплоченной за нихъ податной недоимки» *). Однако, круговая порука угрожала иногда и деревенскимъ богачамъ. Не говоря уже о томъ, что при существованіи общей отвѣтственности ни одинъ крестьянинъ не могъ опредѣлить съ точностью размѣра своихъ платежей, администрація производила нерѣдко распродажу всего движимаго имущества недоимочнаго селенія за долги отдѣльныхъ домохозяевъ. При этомъ состоятельное крестьянство являлось главнымъ отвѣтчикомъ, такъ какъ бѣднота, обыкновенно, всегда оказывалась на томъ минимальномъ имущественномъ уровнѣ, который устранялъ возможность что-нибудь продать. Домохозяинъ установленнаго закономъ типа минимальной обезпеченности не представлялъ для фиска никакой цѣнности. Насколько же число такихъ крестьянъ значительно, видно изъ того, что, по мнѣнію «Вѣстника Финансовъ» (1900 г., № 50), равнодушное отношеніе къ недоимкамъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, вызванное крайнею ихъ задолженностью, было одною изъ причинъ практическаго неуспѣха закона 13-го мая 1896 г. о пересрочкѣ выкупного долга на льготныхъ условіяхъ. Уклоненіе однихъ домохозяевъ влекло за собою и другихъ. «Состоятельные домохозяева, зная, что имъ придется отвѣчать, безъ всякаго ограниченія, за неисправныхъ, можетъ быть, по нерадѣнію, сочленовъ, въ свою очередь, нерѣдко уклоняются отъ платежа повинностей, выжидая моментъ, когда нагрянетъ понудительное взысканіе и одинаково пострадаетъ правый и неправый» **). Но понудительное взысканіе, нестрашное для бѣдноты, далеко не благопріятствовало развитію состоятельнаго хозяйства. Съ усиленіемъ обезпеченной группы населенія противоположность ея интересовъ съ остальными должна была опредѣлиться и въ ея средѣ должно было возникнуть стремленіе отдѣлить свою судьбу отъ судьбы сельскаго об-

*) Ѳ. Тернеръ. „Государство и землевладѣніе", ч. II, стр. 371.
**) Ѳ. Тернеръ. „Госуд. и землевлад.", ч. II, стр. 373.

щества. Съ этой точки зрѣнія отмѣна круговой поруки объясняется не только узко фискальными соображеніями, но и назрѣвшими потребностями опредѣленной группы крестьянства, наличность которой признана правящими сферами. «Въ прежнее время, — говоритъ «Прав. Вѣстн.», разъясняя значеніе реформы 12-го марта,—тягость и несправедливость круговой поруки еще значительно смягчались однообразіемъ интересовъ и приблизительною равномѣрностью достатка большинства членовъ каждой общины. Но нынѣ не существуетъ и этихъ условій: строй нашей деревни рѣзко измѣнился, отдѣльныя группы крестьянъ и отдѣльныя личности обособились отъ большинства какъ по своимъ занятіямъ, такъ и по достатку; община неявляется нынѣ уже тѣмъ, чѣмъ она была нѣкогда: совокупностью лицъ, связанныхъ между собою всѣми интересами жизни и притомъ равныхъ другъ другу по достатку, предпріимчивости и даже степени развитія; очевидно, что при такихъ условіяхъ зависимость отъ большинства дѣлалась все болѣе и болѣе тяжелою... Хотя фактически круговая порука, при новой системѣ взысканія сборовъ, примѣнялась сравнительно рѣдко, но самая возможность ея примѣненія, возникавшая во всѣхъ случаяхъ наличности недоимки, оказывала пагубное вліяніе на благосостояніе крестьянъ, препятствуя развитію въ ихъ средѣ предпріимчивости и иниціативы: одна вѣроятность отвѣтственности за неисправность своихъ односельцевъ вносила полную неопредѣленность въ хозяйственные разсчеты...»

Отмѣна круговой поруки явилась юридическимъ выраженіемъ экономическаго обособленія крестьянскихъ хозяйствъ отъ общей массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она вызываетъ и улучшеніе фискальнаго аппарата. Инертная община уступила свое мѣсто дѣятельному и сильному государству, руководимому одной цѣлью наибольшаго поступленія налоговъ. Дѣйствіе новаго податного механизма очевидно. Отдѣльные домохозяева въ самомъ скоромъ времени испытаютъ вліяніе усовершенствованныхъ пріемовъ взысканія. Не трудно предвидѣть, какъ отзовется перемѣна на различныхъ экономическихъ группахъ крестьянства. Въ слѣдующей таблицѣ заключаются данныя, которыя помогутъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

	Въ группахъ.					
	Безлошадной.	съ 1 л.	съ 2 л.	съ 3 л.	съ 4 л.	съ 5 и больш. л.
Процентъ податей и повинностей къ общему расходу 1 хозяйства *) . . .	14,2	10,2	8,4	7,8	7,2	5,4

Наиболѣе тяжелый податной гнетъ лежитъ, такимъ образомъ, на наименѣе обезпеченныхъ хозяйствахъ. Естественно, что эти хозяйства, при усиленіи фискальныхъ требованій, должны будутъ прекратить существованіе. Правила объ отобраніи полевой земли у неисправныхъ плательщиковъ намѣчаютъ путь, которымъ крестьянская бѣднота потеряетъ хозяйственную самостоятельность.

*) Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по 4 у.у. Воронежской губ. см. Ильинъ. „Развитіе капитализма", стр. 96.

Аренда и покупка земли, несомнѣнно, сосредоточатся въ рукахъ самостоятельнаго слоя деревенскаго населенія. При этомъ государство, въ стремленіи создать прочные кадры платежеспособныхъ земледѣльцевъ, допускаетъ къ торгамъ на надѣльную землю даже лицъ постороннихъ сельскимъ обществамъ. Первенствующее право сельскихъ обществъ на землю своихъ неисправныхъ сочленовъ едва ли будетъ осуществляемо, такъ какъ единовременная уплата недоимки въ размѣрѣ 418% оклада (Казанская губ.) представляетъ слишкомъ большую трудность для задолженнаго крестьянства. Надѣльная земля бѣдныхъ хозяйствъ пойдетъ съ публичнаго торга въ аренду болѣе обезпеченныхъ и приспособленныхъ къ современнымъ экономическимъ условіямъ владѣльцевъ. Форма временного лишенія права пользоваться землею мало измѣняетъ существо дѣла, такъ какъ послѣ шести лѣтъ безземельнаго существованія немногіе хозяева будутъ въ состояніи снова возвратиться къ земледѣльческому труду. Можно даже думать, что реформа 12-го марта установила аренду земли только какъ переходную мѣру къ допущенію свободной мобилизаціи крестьянской собственности. Если мы сопоставимъ отмѣну круговой поруки съ принципіально рѣшенной уже свободой выхода изъ общины, то направленіе дальнѣйшаго крестьянскаго законодательства выясняется съ достаточною ясностью. Цѣлый рядъ вѣковыхъ институтовъ долженъ или пасть, или подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ, и среди нихъ на первой очереди стоитъ община. То теченіе, передовой волной котораго является отмѣна круговой поруки, вѣроятно, вскорѣ смоетъ и эту возбуждавшую столько споровъ, «особенность русской жизни». Аграрный романтизмъ, очевидно, не входитъ въ программу дѣйствующихъ историческихъ силъ. Отмѣна всѣхъ стѣсненій крестьянства въ свободномъ распоряженіи землей, право отказа отъ надѣла, право на выходъ изъ общины,—вотъ тѣ преобразованія, которыя уже намѣчаются въ дымкѣ близкаго будущаго. Мы не отвергаемъ ихъ прогрессивнаго значенія. Но въ настоящее время нельзя ограничиться только уничтоженіемъ отжившихъ формъ. Милліоны крестьянства, въ критическій моментъ его развитія, требуютъ усиленной положительной работы Тяжелый процессъ перехода въ новую экономическую стадію можетъ пройти безболѣзненно только въ благопріятныхъ общихъ условіяхъ, на созданіе которыхъ и должны быть обращены энергичныя усилія общественной мысли.

Ник. Іорданскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Антиеврейскіе безпорядки въ Кишиневѣ. На первый и второй день Пасхи въ Кишиневѣ произошли сильные антиеврейскіе безпорядки, удручающія подробности которыхъ выясняются изъ сообщеній «С.-Петерб. Вѣд.». «Бессарабца», «Восхода», «Новаго Времени» и друг., въ слѣдующемъ безотрадномъ видѣ.

Въ полдень перваго дня Пасхи толпа, вначалѣ изъ подростковъ и уличныхъ мальчишекъ, къ которымъ постепенно стали присоединяться и взрослые, начала накидываться на евреевъ. Началось съ такъ называемаго «Новаго Базара». Разбивали рундуки, лавчонки, били окна. Часамъ къ 10-ти вечера толпа нѣсколько успокоилась, но на другой день, 7-го апрѣля, погромъ опять начался съ утра большимъ количествомъ отдѣльныхъ бандъ, которыя, такъ сказать, подѣлили между собою городъ. До вечера успѣли разгромить всю еврейскую бѣдноту, какъ лавки, такъ и квартиры. Въ верхнихъ же болѣе богатыхъ квартирахъ, гдѣ живутъ богатые христіане и лишь отчасти евреи, побили окна (у евреевъ) и разгромили попадающіяся здѣсь мелкія лавочки (почти всѣ еврейскія).

7-го апрѣля, вечеромъ, городъ представлялъ полную картину разрушенія: разбитыя двери и окна, опустошенныя помѣщенія, разбитая мебель въ помѣщеніяхъ и на улицахъ, и все это покрыто пеленою пуха и перьевъ отъ еврейскихъ перинъ и подушекъ. Евреи мѣстами защищались.

Въ настоящее время число раненыхъ, лежащихъ въ больницѣ (а многіе находятся по домамъ), превосходитъ 300; изъ нихъ уже умерло около 40 человѣкъ. Изъ всего количества раненыхъ приблизительно 100 тяжело. Погромъ, нечего и говорить, обрушился всею своею тяжестью на бѣднѣйшую часть населенія, и вотъ послѣдняя, лишившаяся крова, разоренная до тла, изувѣченная стала наполнять больницу, въ которой нѣкоторая часть нашла себѣ пріютъ. А какія сцены разыгрывались въ «мертвецкой», куда родственники приходили разыскивать своихъ родныхъ. Обезображенные и изуродованные трупы лежали другъ около друга; многіе были покрыты перьями и казались бѣлыми. Среди труповъ лежали: ребенокъ, убитый на груди у старика; какой-то реалистъ 17—18 лѣтъ, задушенный въ клозетѣ, въ который несчастный

укрылся, ища спасенія. Жестокость толпы не знала предѣловъ. Нападали вооруженные желѣзными ломами и топорами. Одна дѣвушка, увидѣвъ, что посреди улицы лежитъ распростертымъ знакомый тяжело раненый старикъ-еврей, бросилась къ нему на помощь и обратилась къ стоявшей вокругъ многочисленной толпѣ съ мольбой помочь ей поднять старика и отвезти въ больницу. Изъ толпы, въ которой находились и учащіеся, не вышелъ ни одинъ человѣкъ, и дѣвушкѣ съ трудомъ удалось уложить старика. Погромъ былъ направленъ исключительно противъ евреевъ, и толпа принималась за нападеніе, лишь тщательно удостовѣрившись предварительно, кому принадлежитъ домъ. Немедленно во всѣхъ русскихъ окнахъ появились иконы, пасхи и т. д., къ тому же средству прибѣгали иные евреи. Еврейское населеніе пряталось на чердакахъ, въ подвалахъ; туда же сносилась большая часть имущества. Прятались даже въ бочкахъ, а нѣкоторые находили убѣжище у сердобольныхъ русскихъ.

Что касается громилъ, то они дѣйствовали небольшими кучками, въ 20—25 человѣкъ, систематически уничтожавшихъ имущество и избивавшихъ евреевъ. По сообщенію «С.-Петерб. Вѣд.», интеллигентная публика-христіане вела себя крайне равнодушно: она спокойно гуляла и наблюдала за ужасной работой.

Такъ шло до вечера понедѣльника, когда все начало успокоиваться, а къ ночи все стало тихо, такъ что казалось, будто весь городъ вымеръ.

По сообщенію «Бессарабца», въ среду, 9-го апрѣля, судебные слѣдователи 1-го и 3-го участковъ гор. Кишинева производили судебно-медицинскій осмотръ труповъ евреевъ, убитыхъ во время погрома. Всего убито и умерло отъ ранъ 47 и собраны они частью на еврейскомъ кладбищѣ, частью въ еврейской больницѣ. Причины смерти устанавливать было легко, такъ какъ всѣ раны наносились исключительно въ голову, тяжелымъ, тупымъ орудіемъ—обломками мебели, полѣньями и палками. Поэтому судебно-медицинскихъ вскрытій не производилось, а они были замѣнены простыми осмотрами. Личность нѣкоторыхъ труповъ до сихъ поръ не установлена. Въ земской больницѣ двое убитыхъ христіанъ.

Обвиняемыхъ по дѣлу о безпорядкахъ около 500 человѣкъ. Они содержатся частью въ тюрьмѣ, частью по полицейскимъ участкамъ и въ одной отведенной для нихъ артиллерійской казармѣ на Боюканахъ.

Въ томъ же «Бессарабцѣ» напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

М. г. г. редакторъ!

«На второй день св. Пасхи злонамѣренные люди, чтобы взволновать христіанское населеніе и привлечь его къ участію въ безпорядкахъ, чинимыхъ къ крайнему прискорбію въ гор. Кишиневѣ, распространяли по городу ложный слухъ, будто старый Михайлоархангельскій соборъ оскверненъ евреями и окна въ немъ побиты. Теперь тотъ же вымыселъ эти люди стали распространять по селамъ и деревнямъ Бессарабіи съ прибавленіемъ еще и той выдумки, будто при этомъ нападеніи евреями на православный храмъ убито два православныхъ священника.

«По порученію преосвященнаго Іакова, епископа кишиневскаго, объявляется,

что ничего подобнаго въ гор. Кишиневѣ не было, что все это — измышленіе людей злонамѣренныхъ, повторяемое за ними и другими лицами по легковѣрію.

Секретарь при преосвященномъ *Е. Козакевичъ*».

Въ дополненіе приводимъ изъ «Новостей» показаніе очевидца-русскаго, по недоразумѣнію едва не сдѣлавшагося жертвой погрома.

«Уже за двѣ недѣли до Пасхи,—пишетъ г. Андрей Назаровъ,—въ городѣ упорно говорили, что на Пасху будутъ бить евреевъ. Слухи эти оправдались въ первый же день. Грабители, количествомъ не превышая 200 чел., разбились на маленькія группы по 8—10 чел., спокойно нападали на еврейскіе дома и лавки, грабили ихъ, а самихъ хозяевъ избивали или убивали. При нападеніи на дома, гдѣ находились однѣ лишь женщины, грабители дѣйствовали въ количествѣ лишь двухъ-трехъ человѣкъ.

«Въ большинствѣ случаевъ грабители совершали свое гнусное дѣло на глазахъ большой праздничной спокойной толпы.

«7-го апрѣля я отправился въ самый центръ разгрома и просилъ зрителей заступиться за обижаемыхъ евреевъ. Отчасти мнѣ это удавалось. Но когда я увидѣлъ, какъ колотятъ одного старика-еврея, я бросился выручать его. Въ это время страшный ударъ прикладомъ въ лицо едва не свалилъ меня съ ногъ. Ударъ пришелся поперегъ щеки отъ уха до глаза и повредилъ мнѣ глазъ. Я зашатался, точно пьяный, а на меня посыпались со всѣхъ сторонъ удары. Вѣроятно, меня тамъ и убили бы, если бы нѣкоторыя, знавшія меня, лица не стали кричать: «Да, вѣдь, вы убиваете православнаго». Лишь тогда побои прекратились. Теперь я залечиваю свою рану. Обо всемъ этомъ я подробно изложилъ прокурору одесской судебной палаты».

Въ Кишиневъ выѣзжалъ директоръ департамента полиціи Лопухинъ.

Крючники и рабочіе на р. Волгѣ. На волжскихъ пристаняхъ закипѣла обычная навигаціонная жизнь. Для всѣхъ волжскихъ работниковъ наступила обычная страда, отличающаяся отъ деревенской еще большею напряженностью и продолжительностью. Особенно тяжело приходится крючникамъ. «Сарат. Дневникъ» въ передовой статьѣ обращаетъ вниманіе на условія ихъ труда, которыя, дѣйствительно, крайне тягостны. Крючникамъ приходится переносить заразъ на спинѣ огромныя тяжести: 10—12 пудовъ въ «мѣстѣ» товара—вѣсъ обыкновенный. Встрѣчаются мѣста въ 20—22 пуда вѣсомъ, и находятся крючники, которые поднимаютъ такой грузъ, непосильный для иной лошади. Вслѣдствіе непосильной работы, крючники постоянно страдаютъ разстройствами пищеварительнаго аппарата, нерѣдко кровавымъ поносомъ, постоянно нуждаются для поддержанія бодрости при спѣшной до лихорадочности разгрузкѣ пассажирскихъ пароходовъ въ изрядныхъ порціяхъ водки. Случаи увѣчья крючниковъ на волжскихъ пристаняхъ и на товарныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ очень часты. Въ больницы приволжскихъ городовъ то и дѣло доставляются крючники съ заворотомъ кишекъ—это на языкѣ крючниковъ называется «надорвать животъ», или съ растяженіемъ спинныхъ мышцъ—съ «сорванной спиной». Эти увѣчья—излечимы. Но бываютъ случаи непоправи-

мые. Въ отчетѣ о врачебно-санитарныхъ пунктахъ въ Симбирской губерніи описывается калѣка, бывшій крючникъ, лѣтъ 40, который ходилъ на четвереньках, опираясь на руки и колѣна. Крючничалъ онъ 15 лѣтъ, пока не былъ раздавленъ свалившимъ его грузомъ. Продолжительность срока службы этого крючника можетъ показаться удивительной при тяжелыхъ условіяхъ работы. Но дѣло въ томъ, что въ этой профессіи происходитъ извѣстнаго рода подборъ. Становится на работы 18-ти лѣтъ, и въ первые два года крючникъ долженъ «выломаться». Только желѣзныя организаціи выдерживаютъ эти два года испытанія. Всѣ слабые или уходятъ, избирая другіе виды труда, или навсегда калѣчатъ себя. Зато тѣ, кто «выломались», при благопріятныхъ условіяхъ работаютъ на пристаняхъ десятками лѣтъ.

Несчастные случаи съ крючниками обратили, по словамъ «Сар. Дневн.», вниманіе санитарнаго надзора, и при управленіи округа путей сообщенія недавно состоялось по этому вопросу совѣщаніе. Управленіе округа предполагало установить правило, чтобы крючниковъ не принуждали поднимать и переносить непосильныя тяжести. Съ этою цѣлью правленіе и пригласило пароходныхъ агентовъ и представителей казанской биржи для обсужденія вопроса, какая тяжесть можетъ быть допускаема на спину крючника безъ вреда для его здоровья и жизни. Санитарный врачъ высказался за предѣльную тяжесть въ 10 пудовъ. Но агенты, судовладѣльцы и пароходчики высказались противъ такого ограниченія въ сферѣ чернаго труда вообще и противъ предложенной врачомъ нормы—въ частности. «Крючники встрѣчаются и носильнѣе лошадей. Между ними попадаются силачи, которые переносятъ на спинѣ рояли»—говорили нѣкоторые. Въ виду такого отношенія судовладѣльцевъ и пароходчиковъ къ данному вопросу, пишетъ «Казанскій Телеграфъ», въ министерствѣ путей сообщенія проектируется принудительнымъ способомъ ввести на волжскихъ, камскихъ и другихъ пристаняхъ нормальный вѣсъ груза для переноски однимъ человѣкомъ. Установленіе этой нормы для крючниковъ очень желательно, но если даже она и будетъ строго соблюдаться, что при отсутствіи спеціальной инспекціи сомнительно, то все таки это слишкомъ мало для облегченія труда крючниковъ. Непосильныя тяжести, поднимаемыя крючниками есть только одно изъ проявленій эксплуатаціи труда крючниковъ. Корень зла въ трудѣ крючниковъ—подрядчикъ. Между рабочими и пароходною компаніею стоитъ этотъ вездѣсущій паукъ, къ рукамъ котораго пристаетъ порядочная часть заработка. Надъ подрядчиками нѣтъ контроля.

— У нихъ,—говорятъ крючники,—тысяча-то пудовъ, какъ саратовская верста: перетаскаешь 10 тысячъ, а подрядчикъ пишетъ восемь—кто его учтетъ?

Особенно беззастѣнчиво практикуется эксплуатація персидскихъ «амбаловъ» на нижневолжскихъ пристаняхъ и на астраханскомъ рейдѣ.

На рейдѣ въ Астрахани можно встрѣтить людей, которые за одномѣсячную и притомъ почти 20-ти-часовую каторжную работу, получаютъ отъ своего подрядчика по два рубля, да еще зачтенные по 4 руб. на каждаго человѣка за съѣденные чуреки, изготовляемые пекаремъ подрядчика. Притомъ этотъ разжирѣвшій подрядчикъ получаетъ впередъ ежемѣсячно изъ заработка львиную

долю: одну четвертую часть общаго заработка. За что несчастные труженики теряютъ такую уйму денегъ?

Культурный уровень русскихъ крючниковъ выше, чѣмъ этихъ бѣдныхъ илотовъ, которыхъ вывозятъ изъ Персіи, какъ рабочій скотъ, безпомощныхъ, «безъ языка», въ чужую страну. Поэтому эксплуатація русскихъ крючниковъ не достигаетъ такихъ размѣровъ. Но соображеніе, что посредничество подрядчиковъ должно быть устранено, одинаково примѣнимо и къ русскимъ «амбаламъ».

Волга имѣетъ также огромную армію судорабочихъ, число которыхъ достигаетъ minimum 150 тыс. человѣкъ. Въ «Русск. Вѣд.» находимъ слѣдующія данныя о положеніи труда этой судовой арміи, основное ядро которой составляютъ матросы. Трудъ ихъ лучше всего обставленъ на пассажирскихъ пароходахъ, хуже на буксирныхъ и на баржахъ. Матросъ живетъ на суднѣ въ теченіе семи навигаціонныхъ мѣсяцевъ, работая изо дня въ день сплошь всю недѣлю, не имѣя ни праздниковъ, ни опредѣленно установленнаго отдыха; продолжительность рабочаго дня ни на паровыхъ, ни на непаровыхъ судахъ не ограничена никакими нормами; болѣе или менѣе точнаго перечня обязанностей матроса нѣтъ. Главная обязанность матроса состоитъ въ «несеніи вахты». На пассажирскихъ пароходахъ вахта эта менѣе продолжительна, нежели на буксирныхъ или непаровыхъ судахъ, однако, и въ первомъ случаѣ она продолжается minimum 12 часовъ въ сутки, причемъ матросы вахтятъ и по два раза (по 6-ти часовъ каждая вахта) и по три раза въ сутки (по 4 часа), раскалывая такимъ образомъ и день, и ночь и не имѣя возможности въ теченіе болѣе чѣмъ полугода пользоваться правильнымъ и регулярнымъ сномъ. Фактически у матроса далеко не свободны отъ работы и остающіеся отъ вахты часы: по условіямъ, заключаемымъ съ судовладѣльцами, матросы обязаны исполнять «не только всѣ по должности присвоенныя работы, но и всѣ другія, вызываемыя дѣломъ, и не только на пароходахъ, но и на пароходныхъ пристаняхъ, а также другихъ судахъ», принадлежащихъ данному хозяину или пароходному обществу. Подъ этимъ неопредѣленнымъ названіемъ «всѣ другія, вызываемыя дѣломъ работы», скрывается цѣлый рядъ весьма сложныхъ и тяжелыхъ обязанностей, какъ-то: нагрузка, выгрузка и паузка товаровъ, нагрузка дровъ, откачиваніе изъ трюма воды, приборка и чистка судна, переноска пассажирскаго багажа, стаскиваніе судна съ мели, наблюденіе за цѣлостью груза и пароходнаго имущества.

На непаровыхъ судахъ трудъ матроса усложняется продолжительнымъ откачиваніемъ воды изъ трюма и управленіемъ огромнымъ рулемъ, что требуетъ, по свидѣтельству санитарнаго врача казанскаго округа путей сообщенія А. В. Чирикова, громадной затраты мышечныхъ силъ, особенно напряженнаго вниманія за движеніемъ буксирнаго парохода и продолжительнаго однообразно-вертикальнаго положенія тѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ совокупность этихъ обязанностей часто лишаетъ баржеваго рабочаго необходимаго для каждаго организма отдыха извѣстной продолжительности.

Огромное большинство судорабочихъ (матросы, кочегары, масленщики, штур-

вальные, а иногда даже лоцманы) помѣщаются въ невозможныхъ условіяхъ— въ пароходномъ или баржевомъ трюмѣ. Трюмныя помѣщенія признаются представителями правительственныхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находится Волга, невозможными. «Трюмныя помѣщенія абсолютно вредны для здоровья»,— говоритъ врачъ санитарнаго надзора казанскаго округа путей сообщенія А. В. Чириковъ. «Перевозка людей въ товарномъ трюмѣ и устройство въ немъ каютъ для команды безусловно недопустимы въ санитарномъ отношеніи»,—говоритъ и другой изслѣдователь, врачъ санитарнаго надзора казанскаго округа путей сообщенія А. Ф. Никитинъ. Существованіе такихъ помѣщеній санитарные врачи министерства путей сообщенія объясняютъ лишь «непростительнымъ отношеніемъ судовладѣльцевъ къ интересамъ охраненія здоровья и жизни своихъ рабочихъ».

Никакихъ приспособленій, которыя дѣлали бы трюмныя помѣщенія сколько-нибудь удобными для жилья, вы не встрѣтите ни на баржахъ, ни на пароходахъ. Въ трюмныхъ каютахъ нѣтъ даже самыхъ необходимыхъ предметовъ обстановки, которые можно найти даже въ худшихъ казармахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, напримѣръ, стола, шкафа, табуретки или стула. Вся меблировка ихъ заключается въ койкахъ или нарахъ. На пассажирскихъ пароходахъ трюмное помѣщеніе заполнено расположенными въ два-три яруса койками; проходъ въ большинствѣ случаевъ загроможденъ армяками, овчинными тулупами и полушубками; грязная одежда, за недостаткомъ соотвѣтствующихъ мѣстъ, хранится на нарахъ или койкахъ. Въ довершеніе всего, число коекъ въ трюмномъ помѣщеніи пароходовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ значительно меньше числа судорабочихъ, пользующихся ими, такъ какъ судопромышленники находятъ вполнѣ удобнымъ для судовой команды посмѣнное пользованіе и жилымъ помѣщеніемъ, и койками: одна часть команды вахтитъ, другая отдыхаетъ на койкахъ, затѣмъ отдохнувшіе идутъ на вахту, а окончившіе вахту занимаютъ ихъ помѣщенія. Въ помѣщеніяхъ судорабочихъ на баржахъ койки замѣняются нарами; нары представляютъ общее для всѣхъ обитателей помѣщенія ложе, которымъ судовая команда точно также пользуется посмѣнно. Нары даже въ огромныхъ баржахъ сбиты изъ необтесанныхъ досокъ. О непростительно небрежномъ отношеніи судовладѣльцевъ къ жизни и безопасности судовой команды точно также свидѣтельствуетъ и существующая нынѣ система спуска въ трюмныя жилыя помѣщенія: въ трюмъ команда можетъ пробраться черезъ «люкъ»,—квадратную дыру, прорѣзанную въ палубѣ; размѣръ этой дыры не превышаетъ 10—11-ти кв. вершк.; лѣстницы круты, не имѣютъ перилъ, часто безъ достаточнаго числа ступенекъ; уставшій рабочій, спускаясь, всегда рискуетъ сорваться и упасть въ трюмъ; при внезапномъ несчастномъ случаѣ съ судномъ отдыхающимъ въ трюмномъ помѣщеніи рабочимъ не легко будетъ выбраться черезъ узкую щель.

«Поистинѣ изумительно, какъ въ такомъ герметически закрытомъ помѣщеніи не задыхается пять-восемь человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ»,—таково заключеніе правительственнаго санитарнаго надзора относительно трюмныхъ жилищъ на волжскихъ пароходахъ. «Отсутствіе чистаго воз-

духа, свѣта и необходимаго для организма тепла, т.-е. отсутствіе трехъ гигіеническихъ факторовъ, безъ которыхъ немыслимо ни одно жилое помѣщеніе, является отличительной чертой командныхъ помѣщеній», таково заключеніе того же надзора относительно трюмныхъ помѣщеній на волжскихъ баржахъ.

Чтенія для заключенныхъ. Сотрудникъ «Влад. Газеты» сообщаетъ о тюремныхъ чтеніяхъ въ одномъ уѣздномъ городѣ и въ орловской губернской тюрьмѣ, въ которыхъ онъ принималъ активное участіе.

Орловская тюрьма, пишетъ онъ, огромное зданіе, очень похожее на средневѣковый замокъ, съ мрачными башнями по угламъ, и почти всегда переполнена заключенными. Иногда въ ней даже не хватало мѣстъ для арестантовъ.

Чтенія устраивались въ спеціально отведенной для этого камерѣ, которая по нѣкоторымъ причинамъ стояла свободной. Въ ней мы устроили экранъ для волшебнаго фонаря и мѣста для слушателей.

Въ день чтенія арестанты обыкновенно извѣщались черезъ надзирателей, причемъ на чтеніяхъ бывали только «желающіе»: арестантовъ не неволили, «не сгоняли» на чтенія, какъ это, къ сожалѣнію, иногда дѣлается въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Кто хотѣлъ—шелъ, не хотѣлъ—не нужно. Это было однимъ изъ условій устройства чтеній.

Я не помню, чтобы кто-нибудь отказывался. Напротивъ,—некуда было размѣстить желающихъ и приходилось соблюдать очередь.

Странное впечатлѣніе производила эта тюремная публика—слушатели и слушательницы въ арестантскихъ халатахъ (на чтеніяхъ бывали и арестантки). Суровыя лица, блѣдныя, изнуренныя тюрьмой и болѣзнями,—они, казалось, никогда не могли улыбнуться... Многіе изъ нихъ были въ цѣпяхъ, кандалахъ, многіе были приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ и уже не надѣялись ни на что...

Въ камерѣ во время чтеній царствовала тишина, которая иногда прерывалась дружнымъ смѣхомъ когда слушателямъ что нибудь казалось смѣшнымъ, или возгласомъ какого-нибудь впечатлительнаго слушателя. Повѣсти Гоголя, разсказы Гаршина («Сигналъ»), «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», «Чѣмъ люди живы», разсказы Тургенева («Муму»), Короленко («Лѣсъ шумитъ» и др.), «Миссъ Мардсенъ», историческіе разсказы, чтенія по географіи—все это заинтересовывало слушателей, заставляло ихъ не пропускать ни одного чтенія... Съ какими радостными воплями встрѣчалась, напримѣръ, картина, когда кузнецъ Вакула прощается съ чортомъ, держа его за хвостъ и наказывая розгой. А купецъ Калашниковъ съ его удалью, съ его побѣдой надъ опричникомъ!

Арестанты забывали тутъ начальство, которое обязано было присутствовать на чтеніяхъ, забывали надзирателей, стоявшихъ у дверей и укорявшихъ ихъ за шумъ, забывали тюрьму...

Камера оживлялась и здоровый смѣхъ звучалъ въ ней. Сильное впечатлѣніе производили и такіе разсказы, какъ напр., «Чѣмъ люди живы» Л. Н. Толстого; очень интересовали тюремную публику и «Бояринъ Орша», и

«Капитанская дочка», и «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный», и многіе другіе разсказы, прочитанные въ тюрьмѣ.

Арестанты сами помогали въ устройствѣ чтеній: управляли волшебнымъ фонаремъ, завѣшивали окна, слѣдили за картинами и т. д. Цѣлый рядъ маленькихъ услугъ исполнялся ими съ видимымъ удовольствіемъ.

И когда чтенія заканчивались, много благодарныхъ голосовъ раздавалось въ толпѣ:

— Спасибо! Приходите въ воскресенье. Очень понравилось...

— Много довольны...

И гремѣли цѣпями...

Къ сожалѣнію, въ тюрьмахъ нельзя устраивать систематическихъ чтеній: слушатели перемѣняются: выходятъ изъ тюрьмы, переводятся въ другіе замки, ссылаются въ мѣста отдаленныя и «не столь отдаленныя»... Но и чтенія по литературѣ, исторіи и т. д. имѣютъ большое значеніе для арестованныхъ. Уже одно то, что хоть разъ въ недѣлю, въ праздничный день, арестантъ почувствуетъ себя человѣкомъ,—уже это одно много значитъ.

Если тюрьма должна служить не только для наказанія виновныхъ, но и для исправленія ихъ, то чтенія и тюремныя школы должны быть устроены во всѣхъ тюрьмахъ. Они много помогутъ въ дѣлѣ исправленія. И программа чтеній должна быть расширена. Во многихъ тюрьмахъ чтенія ведутся слишкомъ односторонне: напр., арестантамъ читаютъ исключительно книги духовно-нравственнаго содержанія, житія святыхъ и т. д.

Необходимо также, чтобы и тюремные комитеты, имѣющіе средства, помогли въ выпискѣ волшебныхъ фонарей, книгъ и т. д.

Своеобразные просвѣтители. Въ Перми уже нѣсколько лѣтъ существуетъ библіотечное общество имени одного изъ мѣстныхъ дѣятелей Д. Д. Смышляева. Это общество основало библіотеку въ самой Перми и подгородномъ мотовилихинскомъ казенномъ пушечномъ заводѣ. Библіотеки общества, открывшія возможность широкимъ кругамъ населенія читать книги за ничтожную плату (5 к. въ мѣсяцъ), сразу завоевали симпатіи населенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, началась, по словамъ «Пермскаго Края», работа разныхъ «темныхъ силъ» провинціи противъ просвѣтительныхъ начинаній.

Въ январѣ 1902 года на общемъ собраніи членовъ библіотечнаго общества докторъ мотовилихинской заводской больницы г. Соловьевъ (онъ же и членъ мотовилихинскаго комитета библіотеки) заявилъ, что въ члены общества желаютъ вступить 13 инженеровъ пушечнаго завода, которые и обязуются платить 3-хъ-рублевый членскій взносъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы изъ нихъ шестеро были выбраны въ члены библіотечнаго комитета.

Общество поняло, что гг. инженеры, враждебно относившіеся къ библіотекѣ, хотятъ за 13 членскихъ взносовъ купить право распоряжаться библіотекой. Инженеры при баллотировкѣ въ члены комитета были единодушно провалены, и докторъ Соловьевъ тотчасъ же заявилъ о своемъ отказѣ быть членомъ комитета.

14-го марта 1902 года на общее собраніе явились всѣ инженеры мотовилихинскаго завода, но при выборахъ въ члены комитета отъ баллотировки демонстративно отказались, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ въ прошлый разъ «провалили» и о провалѣ «пропечатали» въ газетахъ. За отказомъ инженеровъ въ члены комитета былъ выбранъ мелкій заводскій служащій Новиковъ (браковщикъ снарядовъ).

Съ этого времени инженеры начали вымещать на подчиненномъ имъ Новиковѣ всю непріязнь къ смышляевской библіотекѣ. До 21-го іюня его всячески третировали, ему запрещено было ходить по заводу, такъ какъ начальство подозрѣвало, что онъ разсказываетъ интеллигентнымъ членамъ комитета о заводскихъ порядкахъ, а тѣ помѣщаютъ объ этомъ замѣтки въ мѣстной газетѣ. 11-го января 1903 года инженеръ Строльманъ заподозрилъ Новикова въ томъ, что онъ вынесъ соръ, въ изобиліи накопившійся въ собраніи членовъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ пермскихъ пушечныхъ заводовъ, и, забывъ все свое начальническое величіе, явился въ пріемную и заявилъ Новикову: «Я часто тебя видалъ—ты по заводу шляешься. Если еще увижу, что ты ходишь по заводу, тотчасъ же уволю!» Черезъ нѣсколько минутъ въ пріемную прибѣжалъ инженеръ Назаровъ и началъ кричать: «Новиковъ, если ты еще будешь шляться по фабрикѣ, въ ту же минуту прогоню съ завода». Новиковъ хотѣлъ было возражать, но инженеръ Назаровъ нѣсколько разъ поднесъ ему кулакъ къ носу и прокричалъ: «Молчать! молчать!».

Въ концѣ концовъ, Новиковъ не вынесъ всей этой травли и въ послѣднемъ общемъ собраніи членовъ библіотечнаго общества, происходившемъ въ минувшемъ февралѣ, было прочтено его заявленіе такого содержанія:

«Со времени выбора меня въ члены комитета я впалъ въ немилость заводскаго начальства, которое приняло противъ меня цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Такъ съ 1-го іюля меня перевели на другую работу, сбавивъ на 10 р. получаемое мною жалованіе (20 р.—вмѣсто 30 р. въ мѣсяцъ); неоднократно совсѣмъ угрожали уволить меня со службы, предлагая на выборъ: «или служить, или заниматься дѣлами смышляевской библіотеки» и пр. Въ особенности неутомимо преслѣдуетъ меня инженеръ Назаровъ, въ вѣдѣніи котораго я состою и который требовалъ, чтобы я занимался заводскимъ дѣломъ, а не библіотеками. Въ виду этого, несмотря на свое искреннее желаніе продолжать работу въ библіотечномъ комитетѣ смышляевскаго общества, я, къ величайшему моему сожалѣнію, вынужденъ выйти изъ его состава, даже не дожидаясь новыхъ выборовъ, о чемъ прошу довести до свѣдѣнія общаго собранія».

На общемъ собраніи, по прочтеніи этого заявленія, Новиковъ заявилъ, что онъ беретъ свой отказъ обратно, такъ какъ вскорѣ послѣ подачи имъ только что прочтеннаго заявленія его съ завода уволили и теперь ничто не препятствуетъ ему работать въ комитетѣ.

Исторія одной газеты. Недурную иллюстрацію къ характеристикѣ нашихъ желѣзнодорожниковъ представляетъ исторія «Желѣзнодорожной Недѣли»,

изложенная въ письмѣ издателя, напечатанномъ почти во всѣхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

«Въ теченіе долгихъ лѣтъ назрѣвала потребность среди желѣзнодорожныхъ тружениковъ имѣть свой органъ, въ которомъ они могли бы изъяснить предъ власть имущими свои нужды, свои запросы и обиды. Съ возникновеніемъ «Желѣзнодорожной Недѣли», появившейся исключительно съ цѣлью служенія нуждамъ желѣзнодорожнаго работника, казалось, потребность въ такомъ органѣ удовлетворена, и тѣмъ, кто близко стоитъ къ желѣзнодорожному дѣлу, оставалось только содѣйствовать этой цѣли, тѣмъ болѣе, что журналъ не могъ выходить изъ границъ, опредѣленныхъ программой, за исполненіемъ которой слѣдитъ правительственный органъ, спеціально для этого поставленный,—цензурный комитетъ. Въ началѣ такъ и было. Даже больше. Въ концѣ прошлаго года журналъ удостоился получить отличіе со стороны центральнаго управленія желѣзныхъ дорогъ: по приказанію г. министра путей сообщенія, журналъ былъ рекомендованъ для выписки мѣстными управленіями во всѣ дежурныя комнаты, читальни и библіотеки на линіяхъ. Это обстоятельство съ одной стороны, вызвало неблагопріятное впечатлѣніе въ средѣ тѣхъ желѣзнодорожниковъ, которые желали видѣть свой органъ совершенно свободнымъ отъ оффиціальнаго покровительства и думали, что отличіе журналу будетъ во вредъ въ смыслѣ его направленія и содержанія, съ другой стороны—переполохъ среди тѣхъ, которымъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ мракъ милѣе свѣта. Началось противодѣйствіе распространенію изданія въ тѣхъ именно сферахъ, для которыхъ оно предназначалось. Журналъ выписывался только на тѣхъ линіяхъ, гдѣ исполненіе предписаній центральнаго управленія считалось обязательнымъ, на многихъ линіяхъ вовсе не выписывали его, какъ принципіально вредный безотносительно къ тому, что въ немъ содержится. Доказательствомъ этого служитъ то, что въ годъ наиболѣе усерднаго исполненія предписанія о выпискѣ журнала для желѣзнодорожныхъ учрежденій —1900—всего было выписано около 600 экземпляровъ.

«Затѣмъ пошли инсинуаціи и доносы по поводу дѣятельности журнала, которая въ рапортахъ нѣкоторыхъ усердныхъ охранителей желѣзнодорожной невинности выставлялась чуть-чуть что не антиправительственною. Когда это не повело къ цѣли—дискредитированію журнала въ глазахъ центральнаго управленія, предпринята была попытка подвергнуть журналъ остракизму ради личныхъ интересовъ тѣхъ, кого въ своемъ откровенномъ словѣ обижалъ журналъ.

«Попытка удалась, цѣль была достигнута приватно, безъ огласки и безъ отмѣны первоначально рекомендующаго распоряженія г. министра путей сообщенія. Здѣсь возникаетъ вопросъ о правильности отмѣны распоряженія высшей власти низшею, хотя бы и въ формѣ конфиденціальной, но этотъ вопросъ насъ нисколько не интересуетъ, представляя только аномалію вообще желѣзнодорожной жизни.

«Я коснулся исторіи «одобренія» «Желѣзнодорожной Недѣли» только потому, что она выясняетъ послѣдующее.

«Вслѣдъ за отмѣной одобренія (въ январѣ 1902 г.) началась травля журнала всѣми законными путями.

«Заправилы, имѣвшіе возможность воздѣйствовать на желѣзнодорожныхъ служащихъ, пользовались этимъ, чтобы противодѣйствовать распространенію журнала среди нихъ, и такимъ образомъ содѣйствовать кончинѣ ненавистнаго новорожденнаго въ семьѣ желѣзнодорожной. Запугиванье и угрозы по адресу увлекающихся журналомъ въ результатѣ сдѣлали во многихъ углахъ желѣзныхъ дорогъ то, что журналъ, будучи подцензурнымъ изданіемъ, оффиціально одобреннымъ, оказался въ положеніи нелегальнаго изданія. Журналъ подвергался изъятію изъ обращенія въ читальняхъ и библіотекахъ, уничтожался нѣкоторыми усердными начальниками, будучи частною собственностью лицъ, выписывающихъ его, не доставлялся по адресу, благодаря зависимости почтовой доставки на станціяхъ отъ тѣхъ, кому онъ казался вреднымъ и т. п. Одновременно, и даже раньше, проявилась усердная ловля желѣзнодорожныхъ корреспондентовъ, сообщавшихъ редакціи «Желѣзнодорожной Недѣли» факты и событія линейной и управленской жизни, въ которыхъ ярко обрисовывалась ея неприглядность, ея мракъ, способствующій темнымъ дѣлишкамъ людей, любящихъ ловить въ мутной водѣ рыбку и наслаждаться произволомъ.

«Все вышеизложенное, мнѣ кажется, достаточно уясняетъ, насколько тяжело вести изданіе журнала въ смыслѣ нравственномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, является понятнымъ, что, при этихъ условіяхъ, матеріальное положеніе изданія также неблагопріятно.

«Лично я въ настоящее время не могу продолжать изданія, помимо матеріальнаго недостатка, благодаря полному упадку физическихъ силъ, не позволяющему вовсе работать такъ напряженно, какъ этого требуетъ журналъ».

Въ результатѣ почтенное и полезное для общества изданіе пришлось пріостановить.

Владимірскіе офени. «Влад. Газета» приводитъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности офеней, которые въ настоящее время являются главными распространителями книжки въ народѣ.

Крупный офеня закупаетъ и продаетъ книгъ на 300—500 руб., средній на 200—300 руб., а мелкій на 25—75 руб., между тѣмъ какъ обороты съ иконами достигаютъ большихъ размѣровъ: у крупнаго офени—на 1.000—5.000 р., средняго 500—1.000 р. и мелкаго 50—500 р. Такимъ образомъ организація кредита офенямъ не требуетъ огромныхъ средствъ; онъ измѣряется, въ большинствѣ случаевъ, единицами и десятками рублей. Но, принимая во вниманіе дешевизну народныхъ книгъ и возрастающую быстроту ихъ распродажи, нельзя не признать, что и этотъ небольшой кредитъ дѣлаетъ большое дѣло и сотни тысячъ книгъ идутъ въ читательскую среду нашей деревни и число офень, торгующихъ книгами, увеличивается.

Процентъ, который получаютъ офени отъ продажи книгъ, огромный. Онъ равенъ 100—500 проц. Такъ, книга, стоющая имъ самимъ 0,65, продается часто за 5 коп. Чтобы увеличить этотъ процентъ, выработаны нѣкоторые

пріемы. Издатели, напримѣръ, намѣренно не обозначаютъ на книгѣ ея продажной цѣны или, наоборотъ, печатаютъ на обложкѣ ея: цѣна 40 к., а продаютъ офенямъ за 8—10 к. Но при всемъ этомъ, общій доходъ отъ книгъ невеликъ. Это оттого, что, несмотря на всю ловкость, унаслѣдованную отъ отцовъ и пріобрѣтенную самимъ, офеня продаетъ не такъ много книгъ. Крупный офеня продаетъ въ теченіе года до 600 экземпляровъ книгъ, средній до 400, а бѣдный до 200. И только. Центральное же мѣсто въ коробѣ офени и до сихъ поръ еще принадлежитъ иконамъ, скобянымъ и мануфактурнымъ товарамъ. Такимъ образомъ, прокормиться одною продажею книгъ офеня не можетъ. Такъ что мечтать въ настоящее время о самостоятельной, держащейся на собственныхъ ногахъ, безъ поддержки ея другой торговлей, офенской книжной торговлѣ нельзя. Придетъ время, и оно уже не далеко, и для самостоятельной торговли, но теперь широкая организація книжнаго распространенія должна быть устроена при другихъ торговляхъ. Нужно класть возможно болѣе хорошихъ книгъ въ коробъ офени, вмѣстѣ со скобяными и иными товарами и это принесетъ много пользы. При другой торговлѣ книга никогда не принесетъ убытка, а непремѣнно дастъ хорошій барышъ.

Интересны нѣкоторыя черты процесса офенской торговли.

Въ выборѣ мѣста торговли офени руководятся урожаемъ хлѣбовъ. Гдѣ хорошій урожай и дешевыя цѣны на хлѣбъ, туда больше идутъ торговать. «Когда у мужика есть дурныя деньги и хлѣбъ, говоритъ офеня, тутъ офеня и живетъ. А если нѣтъ, то изъ этой мѣстности офеня бѣжитъ, не оглядываясь». Забравшись въ какую-либо мѣстность, офеня не любитъ возвращаться въ тѣ самыя деревни, гдѣ онъ уже побывалъ въ прошломъ году. На это есть причины этическаго характера. Дѣло въ томъ, что нравственный уровень офень не высокъ, и въ ихъ офенскомъ промыслѣ плутни и обманы занимаютъ довольно выдающееся мѣсто. Населеніе называетъ ихъ «владимірскими обманщиками» и «дуросвѣтами». Дружелюбно принимаютъ офеней только въ темныхъ, непросвѣщенныхъ углахъ. Поэтому офеня и разыскиваетъ для своей торговли такіе углы. Продавъ въ селеніи много товара, онъ обыкновенно спѣшитъ поскорѣе отсюда убраться, чтобы качество его товара не было скоро узнано и ему не досталось отъ покупателей.

Нѣкоторые офени ведутъ торговлю отъ себя. Большинство же держатъ работниковъ («приказчиковъ»). Притомъ такъ, что или работникъ торгуетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, или же пускается имъ въ отдѣльную торговлю. Жалованье приказчика обусловливается опытностью его. Въ мѣсяцъ онъ получаетъ 6—9 рублей, причемъ хозяинъ еще съ осени закрѣпощаетъ его задаткомъ. Такіе работники, конечно, ненадежны и хозяева жалуются: «нельзя стало работниковъ однихъ пускать—все пропьютъ».

Торговля ведется и въ разносъ, и въ развозъ. Пріѣхавъ въ деревню, хозяинъ съ работниками идутъ по обѣимъ сторонамъ улицы, предлагая свои товары, а лошадь, нагруженная товаромъ, идетъ посреди улицы. Это своего рода вооруженное нападеніе, организованное такимъ образомъ, чтобы, по воз-

можности, ни одинъ деревенскій житель не прошелъ бы мимо офенскаго короба, не заглянувъ на товары.

Странствуя такимъ образомъ, офени доходятъ изъ Владимірской губерніи до китайской границы и Адріатическаго моря, розыскивая глухіе уголки. Въ нихъ онъ несомнѣнно нужный человѣкъ, удовлетворяющій извѣстнымъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ въ сѣрой, «доисторической» жизни этихъ уголковъ.

Одна изъ особенностей офенской торговли — мѣновая торговля. Офени попадаютъ иногда въ такіе глухіе уголки, гдѣ хозяйство натуральное далеко еще не вытѣснено денежнымъ, гдѣ деньги являются довольно большею рѣдкостью и припасаются только на уплату податей. Тамъ офеня мѣняетъ товаръ на товаръ, что даетъ ему большій % выгоды. Ленъ, пшеницу, скотъ, дрова и т. п. беретъ офеня за свой товаръ и перепродаетъ очень выгодно. Встрѣчаются между офенями и такіе, которые разживаются на счетъ голоднаго населенія, удачно производя операціи по скупкѣ и продажѣ хлѣба и скота.

Странствованіе офеней богато приключеніями, имѣющими для нихъ часто роковой исходъ. Населеніе, возмущенное ихъ недобросовѣстностью, иногда бьетъ ихъ. Отсиживаютъ офени цѣлыми днями и въ холодной. Особенно много притѣсненій терпитъ офеня отъ сельскихъ властей. Впрочемъ, за торговлю лубочными изданіями они переносятъ менѣе гоненій, чѣмъ за хорошую книгу.

Большимъ препятствіемъ въ офенской торговлѣ является бѣдность крестьянскаго населенія. Ни въ одной европейской странѣ грамотный человѣкъ не расходуетъ такъ мало на покупку книгъ, какъ у насъ въ Россіи. Статистикъ Ф. А. Щербина говоритъ, что десятки грамотныхъ семей не имѣютъ никакой возможности расходовать на книги даже копѣйки. Есть семейства, покупающія въ теченіе года 3 книги по 2 коп. Очень многіе тратятъ на это дѣло пятачекъ.

Помимо этого препятствія, приходится бороться съ конкуренціей книгопродавческихъ пунктовъ,—конкуренціей, опасной не по количеству и качеству имѣющагося въ нихъ товара, а потому, что при мизерности бюджета, покупательская емкость крестьянина чрезвычайно быстро исчерпывается, — если онъ покупаетъ книги у мелочного лавочника, въ школѣ, въ земскомъ складѣ, то у него не остается денегъ на покупку книгъ у офень.

Но при всемъ этомъ офенская торговля книгами развивается. Объ этомъ говорятъ многіе офени. Падаетъ торговля иконами и другими товарами, но «торговля книгами развивается, такъ какъ грамотность распространяется годъ отъ году постепенно». Эта сторона офенскаго промысла, несомнѣнно, имѣетъ будущее, такъ какъ число школъ и число грамотныхъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія и самыя двусмысленныя отношенія къ нуждамъ образованія, не могутъ не увеличиваться. Вымретъ типъ современнаго офени, какъ порожденіе отодвинувшагося далеко назадъ прошлаго, но онъ оставитъ по себѣ наслѣдство—типъ книгоноши. И по проторенной дорожкѣ офень неудержимо потекутъ въ народную среду сотни тысячъ, если не милліоны книгъ, дѣйствительно хорошихъ.

За мѣсяцъ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Нашему финляндскому генералъ-губернатору.

Въ заботахъ о тѣснѣйшемъ государственномъ сплоченіи Державы Нашей Мы предначертали мѣропріятія по объединенію Великаго Княжества Финляндскаго съ коренными частями Имперіи, но исполненіе этихъ мѣръ встрѣтило въ части населенія Финляндіи дерзновенное противодѣйствіе. Злонамѣренные люди, съ цѣлью увлечь на путь сопротивленія правительству мирное населеніе, не склонное слѣдовать ихъ наущеніямъ, дозволили себѣ дѣйствія, нарушившія спокойное теченіе жизни, и даже не остановились передъ открытымъ насиліемъ въ отношеніи лицъ, вѣрныхъ своему долгу. При обычныхъ условіяхъ, поколебленный подобными дѣйствіями порядокъ могъ бы быть возстановленъ привлеченіемъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности и другими, указанными въ общихъ законахъ, способами. Нынѣ однако сіи способы являются непримѣнимыми, такъ какъ нѣкоторыя должностныя лица, а въ особенности судебныя установленія, не только не содѣйствуютъ охраненію общественнаго порядка, но нерѣдко сами подаютъ пагубный примѣръ неповиновенія закону. Желая возстановить порядокъ въ Финляндіи и оградить законопослушный народъ отъ вліянія крамолы, Мы признали за благо временно, на три года, предоставить высшимъ правительственнымъ властямъ Великаго Княжества Финляндскаго особыя полномочія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Полномочія эти перечислены въ Постановленіи, Нами 20-го марта (2-го апрѣля) сего года утвержденномъ.

Препровождая къ вамъ сіе Постановленіе для надлежащаго исполненія, вмѣняемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ непремѣнный долгъ Нашему Финляндскому Сенату скорѣйшее завершеніе пересмотра узаконеній по судоустройству и судопроизводству.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано

«Николай».

Въ Царскомъ Селѣ.
27-го марта (9-го апрѣля) 1903 г.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОСТАНОВЛЕНІЕ

о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ Селѣ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 года Высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее временное постановленіе о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

1. Генералъ-губернатору предоставляется:

а) дѣлать распоряженіе о закрытіи на срокъ гостинницъ, книжныхъ складовъ, магазиновъ и вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній;

б) воспрещать всякія общественныя и частныя собранія;

*

в) закрывать частныя общества и ихъ отдѣленія;

г) воспрещать пребываніе въ Финляндіи лицамъ, признаннымъ имъ вредными для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія; мѣра сія, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, принимается генералъ-губернаторомъ не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія и можетъ сопровождаться водвореніемъ таковыхъ лицъ въ опредѣленной мѣстности Имперіи.

2. Лица, предназначенныя къ водворенію въ Имперіи, передаются въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ подчинить ихъ гласному надзору полиціи на основаніи дѣйствующихъ въ Имперіи узаконеній. По письменному предложенію генералъ-губернатора или губернатора, лица сіи могутъ быть задерживаемы чинами общей полиціи или отдѣльнаго корпуса жандармовъ и содержаться подъ стражею до отправленія въ мѣсто назначенія. Тѣ же мѣры примѣняются къ лицамъ, которыя не были непосредственно предназначены къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, но, послѣ воспрещенія имъ пребыванія въ Финляндіи, не выбыли въ назначенный срокъ изъ края или самовольно возвратились въ оный.

3. Указанныя въ статьяхъ 1 и 2 настоящаго постановленія лица, вмѣстѣ съ удаленіемъ ихъ изъ предѣловъ Финляндіи, могутъ быть лишаемы производящихся имъ изъ казенныхъ суммъ пенсій, не иначе однако, какъ съ испрошеніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшаго на сіе соизволенія.

4. Губернаторамъ финляндскихъ губерній предоставляется разрѣшать въ административномъ порядкѣ какъ дѣла о нарушеніи Высочайшаго постановленія о публичныхъ собраніяхъ отъ 2-го іюля 1900 г., такъ и дѣла о нарушеніи изданныхъ ими единолично или по соглашенію съ городскимъ управленіемъ обязательныхъ постановленій или полицейскихъ правилъ, объ изъятіи коихъ изъ вѣдомства суда ими объявленно во всеобщее свѣдѣніе. Виновные въ сихъ нарушеніяхъ присуждаются губернаторомъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ, опредѣленномъ подлежащими правилами, но не свыше 400 марокъ, каковой штрафъ, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, замѣняется тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы II уголовнаго уложенія. Жалобы на постановленныя губернаторомъ опредѣленія могутъ быть приносимы осужденными генералъ-губернатору въ двухнедѣльный со дня объявленія опредѣленія срокъ, только въ случаѣ нарушенія губернаторомъ предѣловъ власти или неправильнаго примѣненія закона; рѣшенія генералъ-губернатора считаются окончательными и дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.

5. Городскіе магистраты, а также городское и сельское общинныя управленія, подчиняются высшему надзору генералъ-губернатора и ближайшему губернаторовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) О лицахъ, избранныхъ въ бургомистры, ратманы, предсѣдатели и вице-предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также въ другія должности по городскому или сельскому общиннымъ управленіямъ, доносится мѣстному губернатору, отъ котораго зависитъ утвердить представленнаго кандидата въ должности. Въ случаѣ двукратнаго отказа въ утвержденіи избраннаго лица,

должность замѣщается хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ.

б) Бургомистры и ратманы магистратовъ, предсѣдатели и вице-предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также другія лица, состоящія на службѣ по городскому или сельскому общиннымъ управленіямъ, могутъ быть административнымъ порядкомъ удаляемы отъ службы хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, съ соблюденіемъ правилъ Высочайшаго постановленія отъ 1-го (14-го) августа 1902 года.

в) Губернаторамъ предоставляется пріостанавливать исполненіе постановленныхъ подвѣдомственными имъ общинными властями рѣшеній, не соотвѣтствующихъ общимъ государственнымъ интересамъ или нуждамъ мѣстнаго населенія, либо нарушающихъ требованія закона. О таковыхъ рѣшеніяхъ губернаторъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору, который въ случаѣ признанія ихъ подлежащими отмѣнѣ, предлагаетъ о томъ хозяйственному департаменту сената.

6. Настоящее постановленіе остается въ силѣ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня обнародованія его въ сборникѣ постановленій великаго княжества Финляндскаго.

— Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано: «Въ с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ уже въ концѣ февраля текущаго года обнаружилось нѣкоторое возбужденіе среди слушательницъ, вызванное объявленіемъ проекта правилъ, устанавливавшихъ порядокъ переводныхъ испытаній въ институтѣ. Возбужденіе это, все усиливаясь, привело 10-го марта къ тому, что въ 5 часовъ пополудни образовалось въ анатомической аудиторіи незаконное собраніе около шестисотъ слушательницъ. Увѣщанія директора института, а потомъ и попечителя учебнаго округа, не имѣли успѣха, и сходка продолжалась въ теченіи трехъ часовъ. Въ виду упорства значительнаго числа слушательницъ, собравшихся съ цѣлью протеста противъ примѣненія правилъ, выработанныхъ совѣтомъ института и утвержденныхъ еще 8-го марта министерствомъ народнаго просвѣщенія, всѣ ученыя и учебныя занятія въ институтѣ были съ 11-го марта пріостановлены впредь до особаго распоряженія. Замѣченныя участницы сходки были преданы профессорскому дисциплинарному суду. По разсмотрѣніи дѣла, судъ наложилъ взысканія на 345 слушательницъ, изъ коихъ 28 были приговорены къ различнымъ наказаніямъ, превышающимъ замѣчаніе, но не достигающимъ той степени, которая выражается увольненіемъ изъ института, остальныя же 317—къ замѣчанію. Признанныя наиболѣе виновными 28 слушательницъ были затѣмъ вызваны директоромъ въ институтъ для выслушанія приговоровъ профессорскаго суда; однако, 27 лицъ означенной категоріи предложенію директора не подчинились. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ въ такомъ образѣ дѣйствій слушательницъ не только новое, притомъ умышленное, нарушеніе дисциплины, но еще демонстративное заявленіе неуваженія къ профессорскому суду, а также нежеланія подчиняться и впредь законному порядку, призналъ нужнымъ удалить изъ института, частью уволить изъ него вышеуказанныхъ 27 слушательницъ. 27-го марта занятія въ институтѣ были возобновлены.

«Въ с.-петербургскомъ университетѣ порядокъ былъ нарушенъ 18-го марта, хотя занятія въ этотъ день вообще шли безпрепятственно. Означеннаго числа группа студентовъ въ количествѣ до 500 человѣкъ (общее число студентовъ петербургскаго университета около 4.000), сплотившаяся, очевидно, заранѣе, вошла около 12 часовъ дня черезъ главный подъѣздъ и, быстро заполнивъ площадку лѣстницы противъ актоваго зала, образовала незаконное сборище, которое требованіямъ чиновъ инспекціи разойтись не подчинилось. Прибывшіе затѣмъ ректоръ университета и попечитель учебнаго округа тщетно пытались возстановить порядокъ, вразумленія ихъ были встрѣчены крайне грубыми и неприличными протестами. Предметами разсужденій участниковъ продолжавшейся два часа сходки служили безпорядки, происходившія за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, а также вопросы, совершенно чуждые академической жизни. Вслѣдствіе сего о 68 лицахъ, относительно присутствія которыхъ на сходкѣ имѣлись указанія, въ профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ было возбуждено надлежащее производство; для обезпеченія же правильнаго теченія судебнаго разсмотрѣнія дѣла, равно какъ для огражденія не участвовавшихъ 18-го марта въ безпорядкахъ студентовъ отъ воздѣйствія агитаторовъ, которые въ послѣдующіе дни употребили бы всѣ старанія для образованія новыхъ незаконныхъ сходокъ, занятія въ университетѣ были временно пріостановлены, подобно тому, какъ это было сдѣлано и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ послѣ сборища 10-го марта. Дисциплинарный профессорскій судъ с.-петербургскаго университета, разсмотрѣвъ въ цѣломъ рядѣ засѣданій дѣла объ упомянутыхъ 68 студентахъ и выслушавъ показанія свидѣтелей, а также объясненія тѣхъ обвиняемыхъ, которые явились въ судъ, постановилъ: относительно 4 лицъ дѣло пріостановить въ виду болѣзни или несвоевременнаго врученія повѣстокъ о вызовѣ въ судъ; 4 студентовъ признать по обвиненію въ участіи въ сходкѣ оправданными, остальныхъ 60 чел. признать виновными въ этомъ проступкѣ. Изъ числа послѣднихъ, въ зависимости отъ степени ихъ вины, правдивости ихъ объясненій на судѣ, а также другихъ соображеній, судъ приговорилъ 14 лицъ къ удаленію изъ с.-петербургскаго университета навсегда, но безъ лишенія ихъ права поступать въ другія высшія учебныя заведенія согласно п. 7-му правилъ о взысканіяхъ, 21 лицо къ увольненію изъ сего университета, а именно 7 человѣкъ до 12-го августа 1904 года и 14 человѣкъ до 15-го августа 1903 года, 7 лицъ къ нравственному порицанію и переводу въ разрядъ вольнослушателей, 4 лица къ переводу въ разрядъ вольнослушателей, 12 лицъ къ выговору и 2 лица къ замѣчанію. Приговоръ этотъ, по надлежащемъ, въ чемъ слѣдуетъ, утвержденіи попечителемъ учебнаго округа, приведенъ въ исполненіе, и съ 28-го марта открыты снова библіотека университета, канцелярія и нѣкоторыя лабораторіи, а также помѣщенія для ученыхъ обществъ. Въ виду близости пасхальныхъ вакацій, начинающихся въ этомъ году 3-го марта, чтеніе лекцій не возобновляется послѣ означеннаго перерыва занятій, но экзамены будутъ производиться согласно утвержденному и своевременно объявленному росписанію

«Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда нормальный ходъ университетской жизни подвергался неоднократнымъ нарушеніямъ, учебнымъ начальствомъ и административными властями было обращено вниманіе на то, что состоящая въ завѣдываніи общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета студенческая столовая является мѣстомъ, гдѣ наиболѣе безпокойныя лица изъ учащейся молодежи собираются для обсужденія вопросовъ объ организаціи, такъ называемыхъ, студенческихъ забастовокъ, обструкцій и т. п., вслѣдствіе чего столовая эта подвергалась закрытію. Въ настоящее время имѣющимся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями вполнѣ точно установлено, что какъ въ 1899, 1900 и 1901 гг., такъ и въ 1902 и 1903 гг. въ означенной столовой, помимо нарушенія порядка въ видѣ пѣнія хоромъ запрещенныхъ пѣсенъ, происходили сходки отдѣльныхъ кружковъ молодежи для обсужденія вопросовъ не только объ организаціи безпорядковъ въ стѣнахъ университета, но и объ устройствѣ уличныхъ демонстрацій и т. п. Въ столовой этой, несмотря на то, что дѣйствующими о ней правилами запрещается посѣщеніе ея лицами, не принадлежащими къ составу студентовъ с.-петербургскаго университета, безпрепятственно появлялись люди, студенческой средѣ посторонніе. Въ ней также между лицами неблагонадежными происходили свиданія по предметамъ ихъ преступной дѣятельности. Она, наконецъ, служила мѣстомъ, гдѣ почти открыто распространялись и даже читались вслухъ подпольныя изданія. Состоявшаяся 18-го сего марта въ университетѣ сходка, какъ выяснено при разсмотрѣніи дѣла, была организована заранѣе и большинство ея участниковъ явилось на сходку непосредственно изъ студенческой столовой. Такимъ образомъ и устройству означенной сходки было рѣшено на предшествовавшемъ сборищѣ въ столовой. На основаніи сказаннаго, а также въ виду того, что вышеописанными нежелательными явленіями, происходившими ранѣе въ студенческой столовой, достаточно доказывается полное безсиліе общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета обезпечить порядокъ въ завѣдываемой обществомъ студенческой столовой, послѣдняя, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, закрыта».

— Съ 6-го по 8-е сего марта въ гор. Батумѣ выѣздной сессіей кутаисскаго окружного суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣно дѣло по обвиненію Гогиберидзе и другихъ рабочихъ (въ числѣ 21 человѣка, по преимуществу грузинъ) керосино-нефтяного завода Ротшильда въ Батумѣ (каспійско-черноморское нефтепромышленное общество) въ возстаніи противъ правительства, имѣвшемъ мѣсто 9-го марта прошлаго 1902 года, и въ принужденіи властей къ освобожденію арестованныхъ наканунѣ рабочихъ, товарищей обвиняемыхъ, причемъ безпорядки эти сопровождались столкновеніемъ съ ротой солдатъ 7-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, вызванной для усмиренія рабочихъ. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель кутаисскаго окружного суда С. А. Богородскій при членахъ гг. Шухѣ и Левитскомъ. Обвинялъ прокуроръ кутаисскаго суда Н. М. Бѣлявскій. Защищали подсудимыхъ: пом. прис. пов. Л. Н.

Андронниковъ, прис. пов. Н. К. Муравьевъ и А. Ф. Стааль, пом. прис. пов. А. А. Бѣлоруссовъ, прис. пов. А. А. Іогансенъ, прис. пов. В. Ф. Макѣевъ, пом. прис. пов. М. П. Іолшинъ, прис. пов. Л. А. Хоментовскій, пом. прис. пов. Н. З. Эліава и прис. пов. Гелазаровъ. 8-го марта, въ 9 часовъ вечера, при открытыхъ дверяхъ была объявлена резолюція суда. Судъ отвергъ обвиненіе въ возстаніи противъ правительства (ст. ст. 263—266 улож. о наказ.) и, оправдавъ 13 обвиняемыхъ, изъ остальныхъ 8 приговорилъ: двухъ за невооруженное сопротивленіе властямъ (ст. 271 улож. о нак.) къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 и 3 мѣсяца, а остальныхъ 6 за ослушаніе, по предварительному соглашенію, распоряженій власти (273 ст. улож. о нак.)—пятерыхъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждаго и одного (несовершеннолѣтняго) къ аресту при полиціи на 3 недѣли. По объявленіи резолюціи защитники заявили ходатайство объ измѣненіи принятой по отношенію къ подсудимымъ мѣры пресѣченія, и судъ, согласно съ заключеніемъ прокурора, опредѣлилъ освободить осужденныхъ изъ-подъ стражи по представленіи каждымъ изъ нихъ поручительства въ размѣрѣ 100 р., причемъ судъ принялъ солидарное поручительство защитниковъ, и всѣ обвиняемые были освобождены въ тотъ же день.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Уралецъ» на три мѣсяца.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. 4-го апрѣля 1903 г. На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе «Самарской Газеты» на три мѣсяца.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русское Богатство"—мартъ; „Русская Мысль"—мартъ. „Русская Старина"—апрѣль).

Юридическая безпомощность массы русскаго народа—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей жизни. Явленіе это, употребляя математическіе термины, разумѣется, не «первообразное», а «производное», ибо вытекаетъ въ качествѣ прямого слѣдствія изъ другихъ, болѣе глубокихъ, условій, среди которыхъ протекаетъ народная жизнь, но и, разсматриваемое само по себѣ, оно не можетъ не привлекать къ себѣ самаго серьезнаго вниманія каждаго, неотносящагося индифферентно къ благу родины, человѣка. На эту сторону русской жизни уже давнымъ-давно обратила вниманіе наша литература, пытались придти на помощь бѣдѣ и нѣкоторыя изъ нашихъ земствъ, но литература не въ состояніи, конечно, сдѣлать многаго въ смыслѣ практическаго разрѣшенія даннаго вопроса, а что касается земствъ, то, какъ разъяснилъ недавно правительствующій сенатъ, организація юридической помощи населенію лежитъ внѣ предѣловъ компетенціи земскихъ учрежденій. Было бы, конечно, очень желательно, чтобы при имѣющемъ въ скоромъ времени обсуждаться въ губерн-

скихъ совѣщаніяхъ проектѣ реформы быта «сельскаго состоянія» вопросъ о юридической безпомощности этого «состоянія» и о средствахъ уврачеванія такого тяжкаго недуга его жизни былъ бы поставленъ на подобающую ему высоту. Но пока что, а мѣры помощи требуются немедленныя. Одною изъ такихъ, крайне несовершенныхъ, но все же направленныхъ къ разсѣянію окружающаго массы населенія юридическаго мрака, является организація русскими присяжными повѣренными и ихъ помощниками въ нѣсколькихъ городахъ особыхъ юридическихъ консультацій. Описанію этихъ-то учрежденій и сравненію ихъ съ нѣкоторыми, направленными къ той же цѣли, учрежденіями германскими и посвящена напечатанная въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства», весьма интересная статья г. Михаила Беренштама, называющаяся «Юридическія консультаціи въ Россіи и рабочіе секретаріаты въ Германіи».

Въ качествѣ явленія единичнаго, юридическія консультаціи возникли въ Россіи уже довольно давно, но главная масса ихъ начинаетъ возникать только со второй половины девяностыхъ годовъ, причемъ значительная часть и этой «массы» возникла лишь за послѣдніе два-три года. Въ газетѣ «Право» отмѣчены данныя о возникновеніи или дѣятельности 45 консультацій, но г. Беренштамъ полагаетъ, что въ дѣйствительности ихъ значительно больше, а могло бы быть и еще больше. «Необходимо еще принять во вниманіе,—говоритъ онъ,—что въ нѣкоторыхъ городахъ желаніе присяжныхъ повѣренныхъ организовать консультаціи встрѣчало внѣшнія затрудненія: въ Уфѣ, напр., гдѣ числится 9 присяжныхъ повѣренныхъ и 2 помощника присяжныхъ повѣренныхъ, предсѣдатель окружного суда увѣдомилъ иниціаторовъ, что «общее собраніе окружного суда не можетъ разрѣшить консультацію какъ по малочисленности въ Уфѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, такъ и по отсутствію помѣщенія въ зданіи суда». Въ Минскѣ комитетъ попечительства о народной трезвости отклонилъ предложеніе мѣстныхъ повѣренныхъ объ учрежденіи при немъ бюро для безплатной юридической помощи, хотя въ Вильнѣ, Севастополѣ и другихъ городахъ такія бюро существуютъ; наконецъ, и въ Саратовѣ, единственномъ городѣ съ судебной палатой, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ консультаціи, группа адвокатовъ рѣшила устроить таковую, но «возбужденное по этому предмету ходатайство не получило, однако, удовлетворенія». По многимъ причинамъ, о которыхъ придется говорить еще ниже, и существующія консультаціи, въ общемъ, далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ консультацій уже успѣлъ проявиться бюрократическій духъ и то стремленіе разить врага (въ данномъ случаѣ подпольную адвокатуру) не при помощи собственной широко раскинутой дѣятельности, долженствующей самымъ фактомъ своего существованія подрывать работу подпольной адвокатуры, а путемъ обращенія къ начальству (наше исконное, истинно русское средство заставить замолчать!) за принятіемъ репрессивныхъ мѣръ. Такъ, по цитируемымъ г. Беренштамомъ словамъ «Права», въ Одессѣ «совѣтъ (консультаціоннаго) бюро обращается къ съѣзду съ просьбой объ удаленіи «этихъ паразитовъ» (подпольныхъ адвокатовъ) изъ зданія съѣзда и выражаетъ увѣренность, что съѣздъ не оставитъ этой просьбы безъ вниманія».

Чего ужъ лучше, чѣмъ такое развитіе «правосознанія»! Одесскимъ адвокатамъ оставалось бы, послѣ ихъ просьбы къ съѣзду *выгнать* конкуррентовъ, еще *согнать* къ нимъ кліентовъ, и тогда правосознаніе въ Одессѣ пошло бы навѣрное еще болѣе быстрыми шагами. Дѣло развитія правосознанія находится также подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ начальства и въ Кутаисѣ. Тамъ «военный губернаторъ циркуляромъ по полиціи предписалъ немедленно предложить содержателямъ конторъ и кабинетовъ для составленія дѣловыхъ бумагъ закрыть ихъ и впредь учрежденія таковыхъ не допускать... Вмѣстѣ съ тѣмъ оповѣстить населеніе объ учрежденіи консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ при окружномъ судѣ, гдѣ желающіе могутъ получить указанія и совѣты по дѣламъ судебнымъ». Г. Беренштамъ говоритъ по этому поводу, что «предписаніе кутаисскаго губернатора почти не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣйствовалъ или по просьбѣ консультаціи, или, во всякомъ случаѣ, съ вѣдома ея». До такой степени, очевидно, слабо еще у насъ понятіе о томъ, что можно и чего нельзя дѣлать, даже въ средѣ лицъ, избравшихъ «право» предметомъ спеціальнаго изученія!.. Конечно, нѣтъ ничего болѣе легкаго, но нѣтъ въ то же самое время и ничего болѣе понижающаго уровень правосознанія, гражданственности, культуры, какъ разрѣшеніе сложныхъ вопросовъ общественной жизни при помощи правилъ знаменитаго Мымрецова «тащыть» и «не пущать». Одесскіе насадители правосознанія просятъ кого слѣдуетъ «не пущать» подпольныхъ адвокатовъ и полагаютъ, что они разрѣшили вопросъ чрезвычайно глубоко и остроумно; въ Кутаисѣ рѣшили «ташыть» въ участокъ содержателей конторъ и кабинетовъ для составленія дѣлолвыхъ бумагъ, а въ Волынской губерніи и въ городѣ Елисаветградѣ такъ тамъ поступаютъ еще патріархальнѣе: тамъ просто высылаютъ подпольныхъ адвокатовъ изъ мѣстъ ихъ жительства административнымъ порядкомъ. Г. Беренштамъ по этому поводу говоритъ: «Прежде всего такія высылки, какъ идущія въ разрѣзъ съ основными требованіями законности, какъ совершающіяся негласно, безъ спроса провинившихся, безъ всякихъ процессуальныхъ гарантій, иногда по просьбѣ и указанію непосредственно заинтересованныхъ въ высылкѣ лицъ (земскихъ начальниковъ, чиновъ низшей полиціи, землевладѣльцевъ и т. п.) не могутъ, конечно, внушить крестьянину того чувства законности, объ отсутствіи котораго такъ много говорится въ послѣднее время. Но еще важнѣе, что такія мѣры не приведутъ къ желаемой цѣли». Тутъ мы съ г. Беренштамомъ рѣшительно несогласны: почему второй мотивъ «еще важнѣе»? А что, если бы административными высылками и т. п. мѣрами подпольная адвокатура была вполнѣ убита, т.-е. «мѣры эти привели къ желаемой цѣли»,—были ли бы онѣ въ такомъ случаѣ допустимы или нѣтъ? Очевидно, нѣтъ, ибо этими самыми мѣрами, столь же очевидно, было бы убито и всякое, самое элементарное чувство законности среди гражданъ Россіи. Сегодня административныя мѣры разсматривались бы, какъ наиболѣе цѣлесообразныя, для борьбы съ подпольною адвокатурою, завтра съ знахарями, послѣзавтра съ ростовщиками, но тогда отчего не идти и дальше, почему не примѣнить ихъ къ ворамъ, убійцамъ и т. д., почему не упразднить совсѣмъ суды и не замѣ-

нить ихъ административнымъ усмотрѣніемъ? Вотъ почему говорить въ данномъ случаѣ о соображеніяхъ цѣлесообразности, какъ о такихъ, которыя «еще важнѣе», намъ представляется глубоко неправильнымъ. Нецѣлесообразность такихъ мѣръ

Беренштамъ мотивируетъ тѣмъ, что «жизнь требуетъ еще подпольныхъ ходатаевъ и не замедлитъ на смѣну высылаемыхъ выставить другихъ, которые постараются и, вѣроятно, съумѣютъ обставить свою дѣятельность еще большей таинственностью. Нѣтъ, такими мѣрами можно только окончательно запугать «поселянина», заставить его видѣть въ подпольномъ адвокатѣ своего истиннаго друга, пріучить его считать свою попытку возстановить нарушенныя права чѣмъ-то запретнымъ, опаснымъ, противозаконнымъ». Чѣмъ же объясняется малый успѣхъ юридическихъ консультацій въ ихъ борьбѣ съ «подпольной адвокатурой»? Минуя общія условія жизни, тормозящія у насъ вообще всякія проявленія частной иниціативы въ общественныхъ дѣлахъ, слѣдуетъ указать въ качествѣ отвѣта на поставленный вопросъ прежде всего на то обстоятельство, что многія консультаціи носятъ все-таки *барскій* характеръ: будучи основаны на чувствѣ «жалѣнія» къ «меньшому брату», консультаціи эти раздѣляютъ судьбу многихъ и многихъ другихъ запечатлѣнныхъ идеею филантропіи учрежденій. «Подпольный адвокатъ» существо близкое къ народной массѣ, «свой человѣкъ», тогда какъ дипломированный членъ юридической консультаціи—человѣкъ, какъ бы то ни было, но прежде всего баринъ, а потому чужой. Обстановка, въ которой помѣщаются консультаціи (преимущественно въ зданіяхъ окружныхъ судовъ), отдаленность ихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ютится по большей части нуждающаяся въ юридической помощи бѣднота, и многія другія обстоятельства составляютъ крупныя препятствія къ тому, чтобы дѣятельность консультаціи приносила надлежащіе плоды. Организація правильной подачи населенію юридической помощи земскими учрежденіями, безъ сомнѣнія значительно подвинула бы это дѣло впередъ, но кореннымъ образомъ и это средство, конечно, вопроса бы не разрѣшило. Для этого необходимы измѣненія многихъ другихъ условій жизни. «Пока принципъ свободной иниціативы и широкой самодѣятельности всѣхъ слоевъ общества не завоюетъ себѣ правъ гражданства, — справедливо говоритъ г. Беренштамъ, — всѣ начинанія въ области юридической помощи населенію будутъ всегда хоть немного отзываться благотворительность, успѣхъ и судьба ихъ будутъ всегда зависѣть отъ энергіи отдѣльныхъ лицъ, а не отъ такого могучаго рычага, какъ сознаніе своихъ собственныхъ «пользъ и нуждъ».

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ построено это же дѣло въ Германіи. Тамъ данный вопросъ получилъ прочное разрѣшеніе путемъ организаціи такъ называемыхъ «рабочихъ секретаріатовъ». Описанію этихъ-то учрежденій и посвящена вторая часть интересной статьи г. Беренштама. Рабочіе секретаріаты — явленіе очень новое и въ самой Германіи. Первый изъ нихъ возникъ въ Нюрнбергѣ въ 1894, а второй (въ Мюнхенѣ) только въ 1898 году. Нюрнбергскій секретаріатъ возникъ по иниціативѣ самихъ рабочихъ. Въ 1894 году рабочіе избрали тамъ особую коммиссію, на которую была возложена обязанность доводить до свѣдѣнія фабричной инспекціи о всѣхъ ставшихъ извѣстными ей

жалобахъ рабочихъ. Такая постановка дѣла оказалась неудовлетворительной, такъ какъ членамъ коммиссіи, людямъ, снискивающимъ себѣ, конечно, пропитаніе лишь собственнымъ тяжелымъ трудомъ, было крайне затруднительно выполнять возложенныя на нихъ обязанности безъ большого ущерба своимъ дѣламъ и матеріальнымъ условіямъ своего существованія. Ихъ заработокъ долженъ былъ сильно сокращаться, такъ какъ приходилось постоянно пропускать рабочіе часы и даже цѣлые дни. Но дѣло было, тѣмъ не менѣе, начато. Редакція соціалъ-демократической газеты «Мюнхенская Почта», въ цѣляхъ поддержанія начавшагося движенія, устроила у себя спеціальныя «юридическія бесѣды», но и это средство не могло привести къ желательнымъ результатамъ. Отсюда вытекли сами собою два главныхъ начала, на которыхъ должно зиждиться дѣло организованной юридической помощи пролетаріату: 1) необходимость возложить юрисконсульскія обязанности на отдѣльное лицо и 2) необходимость оплачивать его трудъ особымъ вознагражденіемъ. Эти-то начала и легли въ основу возникшаго нюрнбергскаго секретаріата.

«Въ самомъ началѣ 1895 года,—пишетъ г. Бернштамъ,—докторъ Кваркъ сдѣлалъ сообщеніе о нюрнбергскомъ секретаріатѣ въ ферейнѣ франкфуртскихъ сапожниковъ. Но къ этому времени нюрнбергскій секретаріатъ успѣлъ развить еще сравнительно очень незначительную дѣятельность и не могъ привлечь къ подобнымъ учрежденіямъ особое довѣріе рабочей массы. Неутомимая энергія д-ра Кварка поборола, однако, это недовѣріе: спустя всего полгода, собраніе представителей рабочихъ организацій постановило возбудить въ своихъ ферейнахъ вопросъ объ открытіи въ Франкфуртѣ секретаріата.

«Подбодренный этимъ успѣхомъ, д-ръ Кваркъ въ сентябрѣ того же года выступилъ на одномъ изъ собраній съ уже болѣе детально разработаннымъ проектомъ организаціи секретаріата. Особое вниманіе удѣлилъ онъ финансовой сторонѣ вопроса; по его вычисленіямъ, оказалось, что рабочіе для покрытія расходовъ по секретаріату, при даровой помощи всѣмъ обращающимся въ него, должны будутъ сдѣлать къ своимъ обычнымъ отчисленіямъ въ кассы организаціи незначительную прибавку въ два пфенига. Большинство ораторовъ собранія высказались за безплатную помощь секретаріата, и собраніе приняло резолюцію, коей рабочіе кассы «приглашались высказаться, согласны ли они дѣлать на секретаріатъ взносы по 2 пфенига съ члена въ недѣлю». И вотъ во всѣхъ организаціяхъ возгорѣлась горячая борьба мнѣній. За открытіе секретаріата сразу же высказались литографы, булочники и рабочіе по металлу и дереву. Собраніе рабочихъ въ Оберрадѣ (предмѣстье Франкфурта) выразило будущему учрежденію самыя горячія симпатіи. Многія другія собранія высказались въ принципѣ за секретаріатъ и только сомнѣвались, найдутся ли достаточныя средства для того, чтобы секретаріатъ могъ хорошо функціонировать. Каменьщики, соглашаясь на открытіе секретаріата, требовали, чтобы съ неорганизованныхъ рабочихъ, прибѣгающихъ къ помощи секретаріата, взималось хоть незначительное вознагражденіе. Скульпторы тоже не могли примириться съ мыслью, что организованные рабочіе будутъ нести расходы на «индифферентныхъ». Въ общемъ же, идея устроить секретаріатъ встрѣтила въ

союзахъ весьма теплыя симпатіи; на собраніи уполномоченныхъ выяснилось, что къ концу октября двадцать союзовъ высказались за и только шесть противъ секретаріата. Этотъ результатъ далъ возможность собранію уполномоченныхъ принять резолюцію о желательности открытія секретаріата. Въ состоявшемся вскорѣ собраніи д-ръ Кваркъ нарисовалъ слушателямъ полную картину многосторонней дѣятельности будущаго секретаріата.

«Собраніе избрало коммиссію изъ пяти членовъ и возложило на нее обязанность озаботиться подготовительными работами для открытія секретаріата. Эта коммиссія выработала проектъ статута секретаріата и правилъ внутренняго распорядка его. На публичномъ собраніи 27-го февраля 1896 г. этотъ проектъ былъ утвержденъ; рѣшено было открыть секретаріатъ 1-го іюля 1896 г. Кромѣ того, было постановлено устроить среди рабочихъ сборъ денегъ: секретаріатъ могъ быть открытъ лишь при наличности 4 тысячъ марокъ. Сборъ пошелъ довольно туго и за полъ-года далъ только 1.100 марокъ: выборы въ рейхстагъ и крупныя субсидіи гамбургскимъ портовымъ стачечникамъ совершенно истощили финансовыя силы рабочихъ. Только черезъ два года была собрана нужная сумма и состоявшееся 20-го октября 1898 года громадное собраніе могло сдѣлать окончательное постановленіе объ открытіи секретаріата 1-го января 1899 года». Такъ возникъ этотъ секретаріатъ. Возникъ онъ, какъ видѣлъ читатель,—мы нарочно привели длинныя выдержки (хотя и съ значительными сокращеніями) изъ описанія первыхъ моментовъ его зарожденія г. Беренштамомъ,—съ большими трудностями, но зато и результатъ такого, возникшаго всецѣло на основѣ самодѣятельности рабочаго класса, учрежденія оказался вполнѣ плодотворнымъ. Мы не имѣемъ возможности останавливаться на цифровыхъ данныхъ, доказывающихъ послѣднее, отсылая интересующихся къ статьѣ г. Беренштама, и приведемъ въ заключеніе лишь нѣкоторые параграфы устава и правилъ внутренняго распорядка, которыми регулируется дѣятельность франкфуртскаго секретаріата. Эти параграфы устава гласятъ: «1) Рабочій секретаріатъ устроенъ по иниціативѣ франкфуртскихъ рабочихъ, стоящихъ на почвѣ современнаго рабочаго движенія; онъ долженъ быть учрежденіемъ независимымъ во всѣхъ отношеніяхъ и служить лишь интересамъ народа. 2) Секретаріатъ имѣетъ два отдѣленія: а) первое безплатно даетъ всѣмъ лицамъ, независимо отъ ихъ пола, общественнаго положенія, мѣстожительства, возраста и отношенія къ партіи, юридическіе совѣты и, поскольку это возможно, юридическую защиту, а также изготовляетъ дѣловыя бумаги по всѣмъ отраслямъ законодательства; б) второе отдѣленіе имѣетъ цѣлью помогать и давать совѣты всѣмъ профессіонально организованнымъ рабочимъ по вопросамъ организаціи, заработной платы и пр. 3) Сношенія съ публикою производятся исключительно рабочими секретарями. 4) Финансовое и другое управленіе секретаріатовъ, въ особенности же приглашеніе и разсчеты съ должностными лицами, распредѣленіе занятій, а также контроль надъ дѣятельностью чиновниковъ секретаріата, возлагается на особую коммиссію надзора (Aufsichtskommission), состоящую изъ семи членовъ, въ которой правомъ голоса пользуются и рабочіе секретари. Коммиссія надзора должна собираться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ

для обсужденія текущихъ дѣлъ. 5) Коммиссія обязана ежегодно дѣлать въ публичномъ народномъ собраніи докладъ о своей дѣятельности. 6) Жалобы на секретарей приносятся коммиссіи надзора, которая разрѣшаетъ ихъ окончательно. 7) Расходы секретаріата покрываются добровольными взносами, съ этой цѣлью выставлены для продажи особыя марки. 8) Рабочіе секретари (каждый по своему отдѣленію) обязаны ежегодно представлять коммиссіи надзора отчеты о своей дѣятельности; кромѣ того, для опубликованія вмѣстѣ съ отчетами они должны представить политико-экономическую работу на тему, избранную ими по соглашенію съ коммиссіей. Отчеты секретарей, ихъ сочиненіе и отчетъ кассира печатаются, а затѣмъ продаются профессіональнымъ союзамъ по той цѣнѣ, въ которую обошлись секретаріату. Внутренній порядокъ секретаріата опредѣляется такими правилами: 1) Секретари обязаны присутствовать въ секретаріатѣ въ назначенные коммиссіей надзора и опубликованные во всеобщее свѣдѣніе часы. 2) Помощь оказывается секретарями совершенно безплатно; отъ предлагаемыхъ подарковъ они должны отказываться; пожертвованія должны совершаться путемъ покупки особыхъ марокъ. 3) Книги о своей дѣятельности секретари обязаны вести согласно указаніямъ коммиссіи. Секретарь перваго отдѣленія долженъ еженедѣльно опубликовывать въ органѣ секретаріата («Франкфуртскій голосъ народа») краткій отчетъ о своей дѣятельности. 4) Всѣ служащіе въ секретаріатѣ, а также члены коммиссіи надзора обязаны сохранять въ строжайшей тайнѣ тѣ личныя отношенія, которыя стали имъ извѣстны вслѣдствіе служебной дѣятельности въ секретаріатѣ». Нужно ли говорить, что необходимой предпосылкой такой истинно здравой и истинно отвѣчающей намѣченнымъ цѣлямъ постановки даннаго дѣла является возможность самой широкой самодѣятельности самихъ массъ населенія.

Устройство такихъ же точно секретаріатовъ, но находящихся подъ чуждою имъ опекою, разумѣется, можетъ нести съ собою лишь одинъ вредъ и ничего болѣе

Оставляя, однако, въ сторонѣ это основное условіе для возникновенія и правильнаго функціонированія рабочихъ секретаріатовъ, остановимся на вопросѣ, назрѣваютъ ли, напр., у насъ въ Россіи остальныя данныя для существованія такихъ же учрежденій? До извѣстной степени на этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ начавшая печататься въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли» интересная статья г. Николая Рубакина, называющаяся «Книжный потокъ» (факты и цифры изъ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи за послѣднія 15 лѣтъ). Въ статьѣ этой авторъ прослѣдилъ, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, за количествомъ выходящихъ въ Россіи, начиная съ 1887 года, всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, и вотъ къ какимъ пришелъ онъ выводамъ. Въ 1887 году въ Россіи было напечатано *не менѣе* 18.540.390 экз. книгъ и брошюръ. «Чтобы представить себѣ съ достаточною ясностью все ничтожество книжнаго потока въ 1887 году, представьте себѣ,—говоритъ г. Рубакинъ,—что всѣ эти 18½ милл. книгъ будутъ разложены по лицу русской земли на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; тогда каждую книжку, напечатанную

въ этомъ году, придется положить на разстояніи версты одну отъ другой,— одна книжка приходится на одну квадратную версту; чтобы дойти отъ книжки къ книжкѣ, нужно совершить довольно обстоятельную прогулку. Даже сопоставляя эти 18½ милл. книгъ съ числомъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, и то находимъ прибавку эту крайне ничтожной,—по 2½ книжки на каждую деревню или городъ въ мѣсяцъ». Въ 1888 г. число экземпляровъ вышедшихъ въ Россіи книгъ даже упало, но въ 1890 году подъемъ начался снова и шелъ уже безостановочно. Въ 1893 году книгъ было напечатано уже 27.224.903, а черезъ два года эта цифра возвысилась уже до 35.412.814. Очевидно, появился, на свѣтъ новый читатель, какой-то невѣдомый до того времени «таинственный незнакомецъ». И этотъ незнакомецъ сталъ съ того времени изъ году въ годъ заявлять о своемъ существованіи все громче и громче. «Лѣто 1896 года,—продолжаетъ авторъ цитируемой статьи,—останется памятнымъ въ исторіи русской общественной жизни вообще и русской книги въ частности. Съ этого времени русское общество узнало кое-что о таинственномъ незнакомцѣ; правда, свѣдѣнія о немъ были еще далеко не полны, тѣмъ не менѣе, всѣмъ стало ясно, что читатель проявился en masse и заговорилъ. Съ 1896 г. спросъ на книжный товаръ идетъ въ гору crescendo. Въ 1898 г. было напечатано въ Россіи на русскомъ языкѣ 44.221.864 экз. книгъ и брошюръ, то-есть почти на 10 милліоновъ больше, чѣмъ въ 1895 году. Еще черезъ три года, въ 1901 году было напечатано 58.529.480 экземпляровъ, т.-е слишкомъ на 14 милліоновъ больше. Такимъ образемъ, съ 1887 по 1901 годъ т.-е. за пятнадцать лѣтъ, производство «книжнаго товара» (на одномъ только русскомъ языкѣ языкѣ) увеличилось въ Россіи *слишкомъ въ три раза*, т.-е. болѣе, чѣмъ *на двѣсти процентовъ*. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ крупный фактъ, что книга захватила за послѣдніе годы новые и къ тому же очень широкіе круги и что круги эти стали потребителями книжнаго содержанія, тогда какъ до этого времени питались, такъ сказать, одною устной народной словесностью». «По многимъ признакамъ,—говоритъ г. Рубакинъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—есть основаніе думать, что оживленію книжнаго рынка, прежде всего, дало наростаніе читателей именно въ слояхъ фабричнаго люда». Эту же мысль г. Рубакинъ доказывалъ и въ своей извѣстной книгѣ «Этюды о русской читающей публикѣ», къ этому же заключенію пришли и многіе другіе наблюдатели даннаго явленія.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена очень интересная статья г. Дубровина, называющаяся «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ». Переписка между этими лицами является любопытнымъ матеріаломъ для сужденія о какой-то необыкновенной сложности и, если можно такъ выразиться, путанности характера такого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго дѣятеля русскаго просвѣщенія, какимъ былъ несомнѣнно Каразинъ. Извѣстно, что въ первые годы царствованія Александра I-го Каразинъ появился на исторической сценѣ въ качествѣ лица очень близкаго къ императору, принимавшаго дѣятельное участіе въ составленіи самыхъ разнообразныхъ проектовъ реформъ

и иниціатора мысли объ основаніи харьковскаго университета. Но затѣмъ звѣзда его быстро начинаетъ меркнуть. Окрыленный успѣхомъ своей поѣздки въ 1802 году въ Харьковъ, гдѣ, благодаря своему энергическому образу дѣйствій, Каразинъ убѣдилъ дворянство Слободско-Украинской губерніи внести на содержаніе будущаго университета 400.000 рублей, Каразинъ прилетѣлъ въ радужномъ настроеніи въ Петербургъ, но императоръ Александръ уже его не принялъ и отдалъ ему заочное приказаніе всѣ дѣла по харьковскому университету передать въ только что учрежденное тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія. Каразинъ повиновался и дѣло пошло въ министерствѣ съ обычною бюрократическою медленностью. Пылкій Каразинъ написалъ объ этомъ письмо государю, которое, конечно, не осталось тайною для его враговъ; начались противъ него интриги, и въ результатѣ Каразинъ въ 1804 году былъ уже совсѣмъ отставленъ отъ службы «съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника». Удалившись въ свое имѣніе Кручикъ, Каразинъ и тамъ продолжалъ составлять проекты реформъ, которыя и отсылалъ въ Петербургъ, часто на имя самого государя. Эти записки вызвали указъ, данный слободско-украинскому губернатору, которымъ было повелѣно: «Статскаго совѣтника Каразина за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его, подъ карауломъ посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отваживался болѣе безпокоить его величество». Несмотря на этотъ указъ, Каразинъ по прежнему продолжалъ писать проекты и отсылать ихъ въ Петербургъ. Во время извѣстной исторіи Семеновскаго полка въ 1820 году въ казармы Преображенскаго полка была подброшена прокламація. Авторъ ея, по словамъ такого знатока александровской эпохи, какимъ былъ покойный Шильдеръ, не былъ открытъ и неизвѣстенъ до настоящаго времени, но почему-то въ этомъ заподозрили Каразина, вслѣдствіе чего, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургъ. Освобожденный изъ Шлиссельбурга послѣ шестимѣсячнаго заключенія, Каразинъ былъ послѣ этого отправленъ снова въ его деревню съ запрещеніемъ выѣзжать оттуда и отдачею его переписки подъ контроль мѣстнаго губернатора. Восшествіе на престолъ императора Николая I-го застало Каразина въ этомъ положеніи. Воспользовавшись этимъ, разбитый нравственно и физически, Каразинъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему свободнаго проживанія во всей имперіи, на что и было получено позволеніе, «съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него непринадлежащаго». Въ 1829 году слободо-украинское дворянство, «руководствуясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимою дѣятельностью», избрало его въ предсѣдатели уголовной палаты. Каразинъ снова воспрянулъ духомъ, но не надолго, ибо въ утвержденіи его въ должности предсѣдателя изъ Петербурга пришелъ отказъ. Вотъ тутъ-то и начинаютъ проявляться въ характерѣ Каразина какія-то новыя черточки. Въ 1837 году пріѣхалъ онъ въ Москву для опредѣленія, съ согласія графа Нессельроде, своего сына въ министерство иностранныхъ дѣлъ и тутъ написалъ Бенкендорфу та-

—

кое письмо: «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога всемогущаго, не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде), и если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно уже, довольно! пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ». Получивъ это письмо, Бенкендорфъ отвѣтилъ, что «вредить ближнему есть дѣло чуждое его образу мыслей», и на конвертѣ написалъ такъ: «Господину Каразину. Москва. На Воздвиженкѣ; домъ Кокошкина». То обстоятельство, что на адресѣ не стояло обычнаго «его высокородію», въ высшей степени возмутило Каразина и онъ отослалъ письмо Бенкендорфа назадъ нераспечатаннымъ при запискѣ, въ которой напоминалъ, что онъ дворянинъ, что въ свое время онъ получилъ отъ государя шесть рескриптовъ и т. подобныя, казалось бы, совершенно несвойственныя Каразину, вещи.

Тутъ обидился въ свою очередь за такое непочтеніе къ своей особѣ Бенкендорфъ: онъ призвалъ московскаго оберъ-полицеймейстера Муханова и приказалъ ему, пригласивши къ себѣ Каразина, вручить ему лично пакетъ. Мухановъ такъ и поступилъ: онъ призвалъ Каразина, передалъ ему пакетъ и настаивалъ, чтобы пакетъ этотъ былъ при немъ же, Мухановѣ, вскрытъ и прочитанъ. Каразинъ сначала отказался исполнить это, а когда Мухановъ продолжалъ настаивать, то взялъ пакетъ, изорвалъ его, не вскрывая, на мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Мухановъ потребовалъ, чтобы Каразинъ тутъ же удостовѣрилъ письменно о томъ, какъ поступилъ онъ съ пакетомъ и затѣмъ изложилъ мотивы своего поступка. Каразинъ это исполнилъ и Бенкендорфъ обо всемъ происшедшемъ доложилъ государю. На это послѣдовала резолюція: «выслать съ жандармскимъ офицеромъ на обыкновенное мѣсто жительства». Сверхъ того надъ нимъ назначенъ былъ полицейскій надзоръ. Тогда Каразинъ обратился къ императору Николаю съ такимъ письмомъ: «Государь всемилостивѣйшій! Прошеніе мое, принесенное черезъ посредство московскаго генералъ-губернатора, вѣроятно, уже рѣшено. (О какомъ именно прошеніи здѣсь идетъ рѣчь, неизвѣстно). Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдовать съ моимъ самодержцемъ. Я употреблю для сего языкъ простосердечія, слѣдовательно, и правды; такой языкъ любилъ безсмертный твой прадѣдъ Петръ Великій. Приключеніе, за которое я передъ публикою древней русской столицы такъ уничижительно пострадалъ, состояло вотъ въ чемъ (удостой читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя, наконецъ, инымъ образомъ не могли бы быть обнаружены). Нечаянно случилось по поводу избранія меня Слободско-Украинскою губерніею въ кандидата предсѣдателя уголовной палаты, что дѣйствія тайной экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнародованы самымъ громкимъ образомъ: именно провозглашены въ Харьковской каѳедральной церкви, во время съѣзда дворянства для выборовъ и къ ярмаркѣ, предъ многолюдствомъ всякаго званія, пола и возраста. (О какомъ «провозглашеніи» говоритъ здѣсь Каразинъ, неизвѣстно, но, судя по дальнѣйшему, надо думать, что съ церковной кафедры оглашенъ былъ фактъ заключенія его

въ Шлиссельбургскую крѣпость по подозрѣнію въ составленіи прокламаціи и подбрасыванія ея въ казармы Преображенскаго полка). Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни, смѣю сказать, значеніе въ обществѣ, ни званіе отца дочери-невѣсты и шестерыхъ сыновей, одинъ за другимъ вступающихъ въ службу. Всякій бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалась въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть зятемъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ житья не было, и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Само правительство было интересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ его дѣйствія внѣ законовъ не имѣютъ никакого плебисцита. Отнять ее, мы въ Азіи!—Всѣ министры издревле, всѣ государи отъ Алексѣя Михаиловича, учредителя тайной канцеляріи, до вашего императорскаго величества сіе чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать, комнатныя, не имѣли на службу ни малѣйшаго вліянія. Мой бывшій Орестъ, Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Само собою слѣдуетъ, такъ сказать математически, что если бы когда-нибудь наказаніе по тайной (потайное?) было когда-нибудь обнародовано въ дѣйствительный укоръ чести наказаннаго, что случилось первый разъ можетъ быть въ теченіе двухъ столѣтій, то оно должно быть вознаграждено какою-либо высочайшею милостью, которая бы водворяла его въ первобытное состояніе. Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ) понимаетъ иначе сію важную истину». Описавши затѣмъ подробно инцидентъ съ бенкендорфовскимъ пакетомъ въ Москвѣ, Каразинъ продолжалъ: «пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздастся въ Россіи, ибо, что ни говори эти господа, имя мое въ ней извѣстнѣе есть и будетъ ихъ именъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній. Съ какого повода они выставляютъ меня, подобно какъ Фамусовъ Чацкаго, карбонаріемъ? Пусть въ доказательство сошлются хоть на одного свидѣтеля, хоть на одну страну моей руки... Не я ли, скрывъ имя, говорилъ о васъ достойнымъ образомъ и теперь въ Москвѣ? Не я ли обращалъ вниманіе на то, что портреты ваши, какъ бы умышленно представляющіе васъ иностранцемъ и суровымъ, ничуть на васъ не похожи? Значительное лицо ваше привлекаетъ, между тѣмъ какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ физіономій Маріи и Александра, незабвенныхъ для любви и художествъ» и т. д., въ томъ же родѣ. Отвѣта на это письмо Каразинъ не получилъ. Все это, конечно, весьма характерно для того времени, въ которое жилъ Каразинъ и для его собственной личности. Слѣдя за его письмами, нельзя не видѣть, какъ постепенно мельчала эта во всякомъ случаѣ крупная личность нашего общества, какъ обстоятельства постепенно надламывали ея недюжинныя силы. При другихъ условіяхъ изъ Каразина вышелъ бы, навѣрно, весьма замѣтный общественный дѣятель, который оставилъ бы послѣ себя на нивѣ народнаго просвѣщенія гораздо болѣе яркій слѣдъ, но судьба судила иначе. 14-го ноября 1842 года Каразинъ скончался.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Негры въ Соединенныхъ Штатахъ. — Будущее американской расы. Бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ Гроверъ Кливилэндъ произнесъ въ Нью-Іоркѣ рѣчь по поводу негритянскаго вопроса, надѣлавшую много шума по всей территоріи великой сѣверной республики. Интересъ, вызванный этою рѣчью въ американскомъ обществѣ и печати, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что негритянскій вопросъ въ послѣднее время очень обострился вслѣдствіе рѣшительнаго образа дѣйствій теперешняго президента Рузвельта, не принадлежащаго къ числу людей, останавливающихся на полпути.

Рузвельтъ задался цѣлью уничтожить расовый предразсудокъ, господствующій въ Соединенныхъ Штатахъ. Само собою разумѣется, что борьба, которую онъ предпринялъ, можетъ имѣть для него очень важныя политическія послѣдствія, особенно если принять во вниманіе близость президентскихъ выборовъ во время которыхъ негритянскій вопросъ, конечно, будетъ играть очень важную роль. Первымъ актомъ президента Рузвельта въ этомъ направленіи было приглашеніе Букера Вашингтона въ Бѣлый Домъ, вторымъ—назначеніе другого негра, доктора Крума, сборщикомъ въ Чарльстонъ въ Южной Каролинѣ. Весь югъ всполошился вслѣдствіе этого назначенія, хотя большинство населенія этого округа составляютъ негры. Въ Вашингтонъ отправлены были делегаціи которыя протестовали въ конгрессѣ и сенатѣ. Сенаторъ Моней, демократъ изъ округа Миссисипи, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и сказалъ громоносную рѣчь противъ Рузвельта. Сенатъ отказался утвердить назначеніе, но ничто не помогло и Рузвельтъ настоялъ на своемъ. Въ Чарльстонѣ противники Крума хотятъ помѣшать ему вступить въ исполненіе своихъ обязанностей и кто побѣдитъ—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что конфликтъ принимаетъ теперь острый характеръ и весь вопросъ заключается въ томъ, на чьей сторонѣ окажется большинство націи. Разумѣется, культурные классы поддержатъ Рузвельта, но не они составляютъ большинство. Рѣшающимъ факторомъ можетъ быть только рабочее населеніе, которое составляетъ главную силу на выборахъ. Соединенные Штаты представляютъ единственную страну въ мірѣ, гдѣ свободный трудъ бѣлыхъ и чернокожихъ, существующій уже въ теченіе двухъ поколѣній, не отдѣляется непроходимою пропастью, какъ въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Австраліи, въ Капѣ и т. д., гдѣ бѣлый рабочій низачто не согласится работать рядомъ съ негромъ, и если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, это сотрудничество бѣлой и черной расы бываетъ вынужденною необходимостью, то бѣлый все-таки будетъ держать своего чернокожаго товарища на извѣстномъ разстояніи и низачто не допуститъ никакого равенства между нимъ и собою. Такъ было прежде и въ Соединенныхъ Штатахъ. «Рыцари труда» («Knights of Labour»),—самая значительная рабочая организація въ Америкѣ до 1886 года, признавали въ своихъ статутахъ равенство расъ, но никогда не могли принудить мѣстные синдикаты выбирать членами негровъ и такъ какъ, по уставу, довольно было трехъ голосовъ противъ одного, то

негры нигдѣ не могли быть выбраны. Когда «Knights of Labour» были замѣнены «американскою федераціею труда», то президентъ этой ассоціаціи Самюэль Гомперсъ подтвердилъ въ своей декларацiи принципъ равенства расъ, но, тѣмъ не менѣе, на югѣ синдикаты бѣлыхъ отказываются принимать негровъ, которые и образуютъ отдѣльныя ассоціаціи, хотя и преслѣдующія одинаковыя цѣли, но не имѣющія между собою никакихъ сношеній. Однако, такое отдѣленіе негровъ отъ бѣлыхъ примѣняется со строгостью лишь въ области высшихъ ремеслъ, требующихъ сложной и продолжительной подготовки. Механики, граверы, художественные рабочіе и спеціалисты всякаго рода не принимаютъ въ свои синдикаты негровъ, тогда какъ простыя ремесла, каменьщики, землекопы, портовые рабочіе и т. д., не дѣлаютъ такого различія, что, впрочемъ, понятно, потому что, въ противномъ случаѣ, они очутились бы въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, и въ южныхъ штатахъ идея равенства черныхъ и бѣлыхъ рабочихъ сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи и это заставляетъ Рузвельта надѣяться на справедливое разрѣшеніе негритянскаго вопроса въ ближайшемъ будущемъ.

Кливилэндъ становится, однако, на совершенно противоположную точку зрѣнія. Онъ находитъ, что «ни декретъ, освободившій ихъ, ни законъ, даровавшій имъ политическія права, не избавилъ негровъ отъ несовершенствъ и недостатковъ, составляющихъ принадлежность ихъ расы и результатъ ихъ долговременнаго рабства». Нежеланіе политическихъ дѣятелей южныхъ штатовъ признать соціальное равенство негровъ Кливилэндъ объясняетъ «расовымъ инстинктомъ», болѣе глубокимъ нежели предразсудокъ или ненависть одной расы къ другой. По его мнѣнію, такъ какъ негритянскій вопросъ больше всего интересуетъ южные штаты, гдѣ большинство населенія составляювъ негры, то и надо предоставить этимъ штатамъ самимъ рѣшить его. Вообще же американскій союзъ долженъ позаботиться объ интеллектуальномъ и нравственномъ развитіи негровъ, потому что это составляетъ непремѣнное условіе для повышенія ихъ соціальнаго и политическаго положенія. Кливилэндъ высказалъ мнѣніе, что избирательное право должно обусловливаться воспитаніемъ, и вполнѣ ясно далъ понять, что онъ находится на сторонѣ партіи, желающей преобладанія бѣлыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Само собою разумѣется, что его рѣчь чрезвычайно понравилась южнымъ штатамъ, и мѣстная печать восхваляетъ его. Но даже въ сѣверныхъ штатахъ къ рѣчи Кливилэнда отнеслись очень сочувственно и похвалили ее, что косвеннымъ образомъ указываетъ на недовольство негрофильской политикой Рузвельта.

При такихъ условіяхъ поведеніе Рузвельта, конечно, вызываетъ ожесточенный протестъ и негодованіе въ южныхъ штатахъ. Но президентъ не изъ такихъ людей, которые отступаютъ передъ угрозами. Онъ объявилъ, что заставитъ штаты признать равенство негровъ на дѣлѣ, а не только на бумагѣ. Онъ назначилъ, напримѣръ, въ одно мѣстечко почтмейстеромъ одну образованную негритянку. Населеніе взбунтовалось и тогда Рузвельтъ, въ наказаніе совсѣмъ упразднилъ въ этомъ мѣстечкѣ почтовую контору. Затѣмъ онъ назначилъ на довольно видный постъ въ Бостонѣ негра. Это была съ его стороны очень злая

шутка въ политическомъ отношеніи. Бостонъ, называющій себя «Американскимъ Аѳинами», былъ родиною аболиціонистскаго движенія и всегда проповѣдывалъ равенство негровъ... но только для южныхъ штатовъ! У себя бостонцы вовсе не желали допускать такого равенства и вотъ теперь Рузвельтъ преподносъ имъ пилюлю, которую они должны были проглотить.

Рузвельтъ выдвинулъ на сцену еще другой жгучій вопросъ о будущности американской расы. Нѣсколько времени тому назадъ Рузвельтъ адресовалъ двумъ американскимъ писательницамъ, написавшимъ книгу о женскомъ трудѣ, открытое письмо надѣлавшее очень много шума въ американской печати. Въ этомъ письмѣ Рузвельтъ, самъ имѣющій шестерыхъ дѣтей, высказывается рѣшительнымъ сторонникомъ библейскаго правила: «Плодитесь и множитесь», и говоритъ, что тѣ, кто ради удобства, стремленія къ независимости и по др. соображеніямъ, не желаютъ имѣть дѣтей, совершаютъ преступленіе противъ своей расы. Рузвельтъ горячо нападаетъ на американскихъ женщинъ, которыя не хотятъ видѣть въ бракѣ и материнствѣ своего призванія, и обращаетъ вниманіе американскаго общества на опасность, которая грозитъ ему, такъ какъ семьи все уменьшаются и приростъ населенія падаетъ.

Вслѣдствіе этого письма президента, нѣкоторыя газеты занялись разслѣдованіемъ вопроса и, дѣйствительно, пришли къ заключенію, что американскія семьи болѣе не увеличиваются и избытокъ рожденій наблюдается только въ семьяхъ эмигрантовъ. Но послѣдней переписи оказалось, что число родившихся заграницей и потомковъ эмигрантовъ, переселявшихся въ Америку съ 1832 года, превышаетъ число коренныхъ американцевъ. Въ Чикаго установлено уже, что браки между коренными американскими семьями, почти всегда бываютъ бездѣтны. То же самое оказывается и въ Бостонѣ. Профессоръ Элліотъ, въ гарвардскомъ унисерситетѣ, въ своей публичной лекціи высказалъ сожалѣніе по поводу того, что браки между академически-образованными людьми становятся все болѣе рѣдкимъ, всѣ боятся обузы, которую представляетъ семья! Эти факты, обнародованные газетами, производятъ волненіе и уже въ нѣкоторыхъ штатахъ проектируются законы, для поощренія многодѣтныхъ семействъ. Какъ всегда въ Америкѣ, частныя лица стали во главѣ движенія и нѣкоторые богачи уже назначили преміи семьямъ съ большимъ количествомъ дѣтей.

Въ Англіи.—Коммиссія Мозелли. Вернувшійся изъ своего путешествія въ Южную Африку, Чэмберленъ долженъ былъ найти Англію нѣсколько измѣнившейся. Частичные выборы, происходившіе въ его отсутствіе, ясно указываютъ, что начался «отливъ имперіализма». Вездѣ либеральные кандидаты одержали побѣду и положеніе кабинета Бальфура становится все болѣе и болѣе критическимъ. Англійскій народъ сильно разочарованъ результатами южно-африканской войны. Послѣ столькихъ жертвъ и столькихъ усилій англичане надѣялись сдѣлаться безспорными властителями южно-африканскаго континента и повелѣвать расами и партіями. Но теперь пришлось разочароваться. Побѣжденный африкандерскій элементъ тѣмъ не менѣе остается всемогущимъ въ Южной Африкѣ, между тѣмъ какъ англосаксонскіе элементы въ

побѣжденной странѣ своими чрезмѣрными претензіями и эгоизмомъ создаютъ только затрудненія англійскому правительству.

Чэмберленъ во время своего путешествія, которое, быть можетъ, могло бы предупредить войну, если бы онъ совершилъ его раньше, вынужденъ былъ не только идти на уступки, но даже умножать обѣщанія, охлаждать рвеніе черезчуръ ретивыхъ насадителей британской культуры и стараться ослабить и успокоить враждебныя чувства. Онъ долженъ былъ также отклонить требованіе отмѣны конституціи, предъявленное ему лордомъ Мильнеромъ и англосаксонцами въ Капѣ.

Но больше всего содѣйствовали наступленію реакціи противъ имперіализма финансовыя затрудненія, отягощеніе новыми налогами и т. п., такъ какъ министру финансовъ приходится теперь постоянно ломать голову надъ придумываніемъ новыхъ источниковъ доходовъ. Нѣкоторые серьезные органы печати жалуются на то, что англійская публика, нѣсколько деморализованная войной и политикою приключеній, находится теперь въ очень нервномъ состояніи. Наиболѣе энергичные и молодые члены консервативной и уніонистской партіи демонстративно отдѣляются отъ кабинета и на каждомъ шагу даютъ понять Бальфуру, что онъ не пользуется болѣе ихъ довѣріемъ. Но Бальфуръ съ удивительнымъ пренебреженіемъ и равнодушіемъ относится къ этому факту. Онъ или не хочетъ замѣчать, или не надѣется спасти министерство и только порою, посредствомъ ловкаго парламентскаго маневра, старается помочь которому-нибудь изъ своихъ коллегъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. По общему мнѣнію консервативное министерство держится до сихъ поръ только потому, что въ либеральной партіи существуетъ расколъ и обнаруживается большой недостатокъ въ людяхъ и принципахъ.

Недавно вернулась въ Англію коммиссія Мозелли, посланная въ Соединенные Штаты для изученія условій промышленнаго труда. Исторія этой коммиссіи довольно любопытна: одинъ очень богатый и интеллигентный англичанинъ, мастеръ Мозелли, обезпокоенный промышленными успѣхами Новаго Свѣта, рѣшилъ отправить туда на свой счетъ наиболѣе интеллигентныхъ и представительныхъ рабочихъ и поручить этимъ делегатамъ британскаго труда изучить условія американскаго труда. Были выбраны двадцать три человѣка, члены тредъ-юніоновъ, большинство которыхъ были секретарями синдикатовъ и вмѣстѣ съ мистеромъ Мозелли, главою и организаторомъ миссіи, они отправились въ Соединенные Штаты, гдѣ въ теченіе цѣлаго года они изучали условія труда на различныхъ американскихъ фабрикахъ и жизнь въ фабричныхъ селеніяхъ. Отчеты о дѣятельности этой коммиссіи опубликованы теперь и они указываютъ на необыкновенно тщательное и подробное разслѣдованіе, которое производилось коммиссіей самымъ систематическимъ образомъ. Мнѣнія коммиссаровъ расходятся только относительно нѣкоторыхъ пунктовъ второстепеннаго характера, но въ главномъ сходятся совершенно.

Прежде всего они дѣлаютъ заключеніе, что экономическое превосходство Соединенныхъ Штатовъ зависитъ вовсе не отъ какихъ-либо особенно выдающихся качествъ рабочихъ или ихъ патроновъ, не отъ матеріальныхъ

условій, благопріятствующихъ развитію промышленности, а отъ чисто нравственныхъ причинъ, большинство которыхъ находится всецѣло въ зависимости отъ демократической организаціи страны. По словамъ членовъ коммиссіи Мозелли, американскій рабочій, не взирая на стачки, находится все-таки въ лучшихъ отношеніяхъ со своимъ патрономъ, нежели европейскій рабочій; онъ отдаетъ ему больше своего времени и труда и получаетъ отъ него болѣе возвышенную плату, даже принимая въ разсчетъ дороговизну американской жизни. Несомнѣнно также, что американскій рабочій менѣе опасается введенія машинъ и даже, наоборотъ, самъ придумываетъ и отыскиваетъ новыя, механическія усовершенствованія. Вообще, американскій рабочій обнаруживаетъ болѣе живой умъ и большее стремленіе усовершенствовать способы производства.

Всѣ эти качества американскаго рабочаго зависятъ, по мнѣнію коммиссаровъ, прежде всего, отъ превосходства американскаго воспитанія. Въ сѣверныхъ штатахъ въ особенности это замѣтно, такъ какъ тамъ образованіе распространено повсемѣстно и притомъ съ соблюденіемъ полнаго равенства. Никакихъ различій въ этомъ отношеніи не существуетъ и въ городахъ и деревняхъ сѣверныхъ штатовъ однѣ и тѣ же школы посѣщаютъ одновременно и будущіе рабочіе, и будущіе патроны и будущіе чиновники. Спеціализація ученія начинается позднѣе, въ области высшаго образованія, но всѣ въ Америкѣ получаютъ солидное образованіе въ самомъ началѣ. Мозелли утверждаетъ, что именно это равенство и солидность образованія служатъ главнымъ орудіемъ національнаго преуспѣянія. Делегатъ синдиката англійскихъ металлургическихъ рабочихъ Уоллсъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что въ сѣверныхъ штатахъ не дозволяется выходить изъ школы раньше 14—15 лѣтъ. Въ одномъ маленькомъ городкѣ, населенномъ исключительно только рабочими, 50% дѣтей остаются въ школѣ до 15 лѣтъ, а 25% до 16.

Въ общемъ, большинство рабочихъ въ Америкѣ получили такое же образованіе, какъ и ихъ патроны, посѣщавшіе такія же школы. Это обстоятельство способствуетъ укрѣпленію равенства, и если все-таки оно не препятствуетъ возникновенію порой столкновеній на почвѣ заработной платы, то во всякомъ случаѣ оно поощряетъ также и кооперацію на почвѣ труда, совершенно неизвѣстную въ Старомъ Свѣтѣ.

Но и на фабрикѣ точно также не замѣчается никакого различія общественныхъ классовъ, какъ и въ школѣ. Почти вездѣ рабочій имѣетъ право говорить съ патрономъ ежедневно, если захочетъ; съ своей же стороны патронъ всячески старается поощрять частную иниціативу и профессіональную изобрѣтательность своихъ рабочихъ. Парализующее вліяніе классовъ, такимъ образомъ, совершенно уничтожено въ Америкѣ и трудъ и капиталъ становятся союзниками и сотрудниками.

Лучше образованный, лучше обученный, поставленный въ лучшія условія американскій рабочій, не только становится болѣе быстрымъ въ работѣ, но также и болѣе искуснымъ, и лучшимъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ умѣетъ разсчитывать и экономничать. Онъ пьетъ и играетъ меньше, чѣмъ англійскій рабочій и вообще рѣдко случается, чтобы у него не было собственнаго малень-

каго домика и ему пришлось бы нанимать уголъ. Коммиссары всѣ единогласно признаютъ, что демократическая цивилизація снабдила американскаго рабочаго такими качествами, благодаря которымъ американская промышленность можетъ торжествовать побѣду надъ промышленностью Стараго Свѣта.

Отчетъ и заключенія коммиссіи, напечатанныя въ газетахъ, вызвали въ Англіи много разговоровъ. Коммиссія, безъ сомнѣнія, достигла своей цѣли, заставивъ обратить вниманіе на ту роль, которую играютъ условія труда въ общемъ прогрессѣ страны.

Албанцы и ихъ литература. Послѣднія событія на Балканахъ и убійство русскаго консула въ Митровицахъ обратили вниманіе европейской печати на одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Европы — албанцевъ, которымъ до сихъ поръ интересовались только немногіе ученые этнографы и филологи, искавшіе какихъ-либо слѣдовъ литературы у этого народа. Вообще объ албанской литературѣ врядъ ли кто-нибудь слышалъ въ Европѣ. Ученые находили только слѣды новогреческой литературы да занесенные изъ Южной Италіи переводы, заимствованные у калибрійскихъ, апулійскихъ и сициліанскихъ албанцевъ, и разныя церковныя писанія. У этого племени, несмотря на всю его жизнеспособность, не существовало общаго понятнаго шрифта, на которомъ бы онъ могъ выражать свои мысли; да впрочемъ этотъ воинственный народъ, державшійся въ своихъ горахъ въ теченіе тысячелѣтій и свято хранившій древніе завѣты и въ особенности законъ кровавого возмездія, не особенно нуждался въ литературѣ. Тѣмъ не менѣе, все-таки греческая и римская культура коснулись береговыхъ поселеній Албаніи и ея главныхъ караванныхъ путей. Въ Дураццо правили французскія и неаполитанскія династіи князей и одинъ изъ нихъ, Карлъ Дураццо былъ даже призванъ на королевскій престолъ въ Венгріи, но затѣмъ былъ убитъ. На албанское населеніе, спокойно принявшее христіанство, эти политическія событія почти не оказали никакого вліянія. Населеніе, несмотря на христіанскую вѣру, все-таки оставалось вѣрнымъ своимъ стариннымъ обычаямъ и только нашествіе турокъ заставило албанцевъ вступить въ политическую жизнь. Имъ не трудно было принять исламъ, который болѣе подходилъ къ ихъ воинственному характеру и отказаться отъ христіанской вѣры, не успѣвшей пустить глубокихъ корней. Но уже послѣ того какъ албанское населеніе подчинилось турецкому господству, въ Албаніи возникло движеніе, которое не только пробудило политическое сознаніе въ народѣ, но и создало ему литературу и, вѣроятно, въ будущемъ позволитъ ему достигнуть національной самостоятельности. Движеніе независимости началось въ 1878 году основаніемъ албанской лиги «Kongrà» и еще болѣе усилилось подъ вліяніемъ пограничныхъ столкновеній съ черногорцами изъ-за разграниченія территоріи на основаніи берлинскаго трактата. Затѣмъ это движеніе привело къ кровавымъ стычкамъ съ турецкими войсками и въ настоящее время горные албанцы свободны и независимы, несмотря на номинальную власть надъ ними разныхъ турецкихъ вали, мутесарифовъ и каймакамовъ.

Македонское движеніе довольно явственно подтверждаетъ это и сербы и болгары вынуждены отступить передъ албанцами.

Политика и литература у албанцевъ, конечно, тѣсно связаны между собой. Если бы 25 лѣтъ тому назадъ не началось политическое движеніе, то албанцы не имѣли бы той литературы, которую они имѣютъ теперь. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что албанскія газеты издаются только за границей; — въ турецкихъ вилайетахъ Албаніи, конечно, онѣ не могли бы существовать. Но зато въ Тріестѣ, Бухарестѣ, Генуѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ и Катанцаро (Южная Италія) имѣется уже цѣлая албанская литература. Впрочемъ, это исключичительно политическая литература, къ тому же носящая на себѣ очень яркій восточный отпечатокъ. Шрифтъ употребляется латинскій и греческій съ разными особенными значками и вставками. Одинъ изъ знатоковъ албанскаго языка, д-ръ Сиро Трухелка, смотритель національнаго музея въ Сараевѣ, говоритъ, что албанскій языкъ—самый мелодическій изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, но онъ слишкомъ богатъ звуками и отчасти это богатство было причиною, что у албанцевъ такъ долго не было литературы. Латинскихъ буквъ не хватало для выраженія всѣхъ звуковъ, имѣющихся въ албанскомъ языкѣ и албанскіе писатели придумывали разные способы и комбинаціи, чтобы помочь дѣлу. Вначалѣ каждый писалъ по своему, но теперь уже всѣми принятъ способъ писанія, который можетъ удовлетворить болѣе или менѣе требованіямъ албанскаго языка и имѣетъ то преимущество, что не вводитъ никакихъ новыхъ знаковъ въ латинскую азбуку.

До послѣднихъ лѣтъ единственными книгами, напечатанными на албанскомъ языкѣ, были изданныя въ Римѣ церковныя писанія, катехизисы и трактаты, напечатанные въ іезуитскихъ типографіяхъ. Но эти книги не могли быть доступны народу, такъ какъ ни языкъ, ни выраженія не были чисто албанскими. Только постепенно, съ усиленіемъ политическаго движенія, народилась и настоящая албанская литература. Основаніе нѣсколькихъ албанскихъ газетъ за границей вызвало къ жизни много поэтическихъ талантовъ среди албанцевъ, большею частью, впрочемъ, проживающихъ за границей. Одинъ изъ лучшихъ лирическихъ поэтовъ Албаніи, Гегъ Постриппа, живетъ въ Египтѣ. Въ албанской газетѣ, въ Бухарестѣ, «Vll i Sgiperije» (Звѣзда Албаніи), а также въ «La Nazione Albanese», издающейся въ Катанцаро, печатаются произведенія албанскихъ беллетристовъ изъ Буэносъ-Айреса и Санъ-Франциско. Очень много содѣйствовалъ развитію національной албанской литературы ежемѣсячный журналъ «Albania», издававшійся нѣсколько лѣтъ въ Брюсселѣ и затѣмъ, съ 1902 года, въ Лондонѣ. Журналъ этотъ издается въ современномъ духѣ и, наряду съ политическими статьями, печатаетъ стихи, популярныя статьи и повѣсти, касающіяся Албаніи и албанцевъ.

Народная поэзія существуетъ тамъ давно и по словамъ д-ра Трухелка, «въ Албаніи каждый—поэтъ». При всякихъ болѣе или менѣе торжественныхъ обстоятельствахъ, являются на сцену импровизаторы и ихъ импровизаціи передаются изъ устъ въ уста, пока не будутъ преданы забвенію, уступая мѣсто новымъ произведеніямъ поэзіи. Нѣкоторыя изъ этихъ импровизацій, впрочемъ,

сохраняются и становятся достояніемъ народной поэзіи. Албанская поэзія преимущественно носитъ воинственный характеръ, — это пѣсни войны и кровавой мести. Но рядомъ съ этою поэзіей распространена еще другая—нѣжная, лирическая поэзія, образцы которой («Соловей», «Плѣнные» и др.) приведены въ нѣмецкомъ переводѣ франкфуртской газетой. Эти стихотворенія дѣйствительно очень поэтичны, а по словамъ переводчика въ оригиналѣ они очень мелодичны.

Германскія женщины и выборы въ рейхстагъ. Въ Берлинѣ состоялось довольно многолюдное собраніе мужчинъ и женщинъ, съ цѣлью обсужденія вопроса объ участіи женщинъ въ предстоящихъ выборахъ въ рейхстагъ. Такъ какъ согласно 21-й статьѣ закона о ферейнахъ, ограниченія параграфа 8-го не касаются избирательныхъ ферейновъ, то однимъ изъ депутатовъ рейхстага было предложено, чтобы женщины воспользовались этимъ обстоятельствомъ и основали, въ виду предстоящихъ выборовъ, свой собственный избирательный ферейнъ. 21-я статья, дающая такія преимущества избирательнымъ ферейнамъ, имѣла въ виду только ферейны «спеціальнаго характера», покровительствующіе извѣстнымъ кандидатамъ, но это не можетъ служить препятствіемъ для болѣе широкаго пользованія этими правами,—замѣтилъ депутатъ въ своей рѣчи собранію. Обрисовавъ яркими штрихами политическое положеніе, онъ указалъ на то, что женщины въ семьѣ и промышленности сильнѣе другихъ ощущаютъ на себѣ зло капитализма и политики интересовъ господствующихъ классовъ, и это вынуждаетъ ихъ вступить на поприще общественной жизни и требовать для себя такихъ же правъ, какими пользуются мужчины. Но пока женщины могутъ лишь косвеннымъ образомъ вліять на выборы, могутъ только агитировать и такимъ путемъ заявлять обществу и рейхстагу о своихъ желаніяхъ и о томъ, чего онѣ ждутъ отъ того и другого. Собраніе вотировало резолюцію, выражающую желаніе, чтобы женщины, воспользовавшись параграфомъ 21-мъ, основали свой избирательный ферейнъ. Тотчасъ же послѣ этой резолюціи былъ разсмотрѣнъ уставъ такого ферейна, устраиваемаго для Берлина и окрестностей. Каждая взрослая женщина можетъ сдѣлаться членомъ этого ферейна, внося ежемѣсячно 20 пфенниговъ. Собраніе предложило нѣкоторыя перемѣны устава и затѣмъ произошли выборы комитета ферейна, состоящаго изъ трехъ человѣкъ. Избранными оказались г-жи Вейгельсъ, Баадеръ и Баашке.

Извѣстная общественная дѣятельница Клара Цеткинъ, появленіе которой въ собраніи вызвало шумныя оваціи, обратилась ко всѣмъ присутствовавшимъ женщинамъ съ горячимъ призывомъ воспользоваться своимъ кратковременнымъ правомъ и основать политическій ферейнъ. Если онѣ упустятъ это, то принесутъ большой вредъ себѣ и обществу. Только посредствомъ труда, посредствомъ практики достигается политическая опытность. Постоянно приходится слышать: «Вы, женщины, не нуждаетесь въ политическихъ правахъ; вы политически незрѣлы». Поэтому-то женщины и должны теперь какъ можно шире воспользоваться этими крошечными минутными политическими правами,

чтобы доказать противное. Женщины не должны оставаться послѣдними въ борьбѣ за право и справедливость.

Однако новооснованные женскіе избирательные ферейны съ первыхъ же шаговъ натолкнулись на препятствія со стороны прусскихъ властей. Представительница ферейна въ Темпельгофѣ г-жа Тиль представила, согласно закону, уставъ ферейна для засвидѣтельствованія мѣстному начальнику, но напрасно ждала она возвращенія устава, которое по закону, должно было послѣдовать немедленно. Когда она лично явилась въ канцелярію, то ей отвѣтили, что «г. начальникъ занятъ въ настоящее время приготовленіями къ одному патріотическому празднеству и поэтому не имѣлъ до сихъ поръ времени засвидѣтельствовать уставъ новаго ферейна».

Между тѣмъ предсѣдательница, не ожидая такого замедленія, назначила уже общее собраніе членовъ ферейна и объявила программу засѣданія. Но не успѣли собраться члены въ назначенный часъ, какъ уже явился полицейскій съ письменнымъ приказомъ начальника, воспрещающимъ собраніе. Очевидно начальникъ, не имѣвшій времени засвидѣтельствовать уставъ новаго ферейна, всетаки улучилъ свободную минутку, чтобы написать приказъ!

Въ печати по этому поводу возникла полемика. «Frankfurter Zeitung» и нѣкоторыя другія газеты замѣчаютъ, что г. мѣстный начальникъ не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній для такого поступка и прусскій законъ о ферейнахъ не даетъ ему на это никакого права. Г-жа Тиль, конечно, представила законнымъ порядкомъ жалобу на такой образъ дѣйствій мѣстнаго начальства, но «справедливо можно опасаться—замѣчаетъ франкфуртская газета—что пока эта жалоба пройдетъ всѣ инстанціи и будетъ полученъ на нее отвѣтъ, минуетъ періодъ выборовъ въ рейхстагъ и такимъ образомъ на практикѣ женщины въ Пруссіи не въ состояніи будутъ воспользоваться правами, которыя доставляетъ имъ статья 21-я закона объ асоціаціяхъ».

Возмущеніе, вызванное такими уловками прусской полицейской власти, сдѣлало то, что число женскихъ избирательныхъ ферейновъ возрастало не по днямъ, а по часамъ и при этомъ газеты заявляютъ, что эти ферейны не будутъ преходящимъ явленіемъ. Конечно, они не могутъ существовать оффиціально, но тѣмъ не менѣе, при всякихъ выборахъ, они будутъ заявлять о себѣ и прусскому начальнику придется снова прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобы на законномъ основаніи, бороться съ ними.

Броженіе въ южно-американскихъ республикахъ. Маленькія республики средней и Южной Америки находятся, если можно такъ выразиться, въ состояніи «хронической революціи». Тамъ никогда не бываетъ спокойно, но въ послѣднее время это состояніе броженія какъ будто еще больше усилилось. Зато и въ нѣкоторыхъ отеляхъ въ Нью-Іоркѣ замѣчается большое оживленіе. По словамъ нью-іоркскихъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, между этимъ оживленіемъ и смутами въ южно-американскихъ латинскихъ республикахъ существуетъ тѣсная связь. Никакіе перевороты не происходятъ въ этихъ государствахъ безъ участія Нью-Іорка. Оттуда разные искатели приключеній от-

правлются въ путь, надѣясь тамъ, въ Южной Америкѣ, стяжать лавры и пріобрѣсти, кромѣ того, болѣе реальныя вещи. Изъ Нью-Іорка посылается оружіе для предстоящихъ болѣе или менѣе кровавыхъ битвъ, свергнутые же государственные дѣятели этихъ республикъ также направляютъ свои стопы въ Нью-Іоркъ, если только они не успѣли собрать столько денегъ, чтобы ѣхать въ Парижъ и тамъ на парижскихъ бульварахъ прожигать жизнь.

Два отеля въ Нью-Іоркѣ, отель «Муро» и отель «Америка», населены такими дѣятелями, ожидающими только случая, чтобы примѣнить свои способности къ дѣлу. Пока не представится такой случай, эти люди занимаются только тѣмъ, что разсказываютъ другъ другу свои геройскіе подвиги и обсуждаютъ лучшіе способы, посредствомъ которыхъ скорѣе и легче можно ниспровергнуть президента или диктатора гдѣ-нибудь на ихъ отдаленной родинѣ. Разговоры эти, впрочемъ, ведутся вполголоса, такъ какъ каждому президенту или диктатору южно-американской республики извѣстна репутація упомянутыхъ отелей и они содержатъ тамъ своихъ шпіоновъ.

Обыкновенно революціи въ латинскихъ республикахъ подготовляются слѣдующимъ образомъ: въ Нью-Іоркѣ существуютъ двѣ или три крупныя торговыя фирмы, которыя держатъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю въ Южной Америкѣ. Деньги этихъ фирмъ являются главною двигательною силой всѣхъ революцій. Стоитъ, напримѣръ, какому-нибудь президенту обложить высокою вывозною пошлиной какой-нибудь продуктъ страны и такъ какъ эту пошлину приходится уплачивать экспортной фирмѣ, потому что туземецъ получаетъ обыкновенно такъ мало за свои продукты, что съ него больше ничего не возьмешь, то разумѣется президентъ, который ввелъ такую пошлину, теряетъ расположеніе и дружбу крупной фирмы и если не произойдетъ соглашенія и не будетъ найденъ какой-нибудь другой способъ уладить дѣло, то фирма устраиваетъ революцію. Президентъ и остальные дѣятели отправляются въ изгнаніе. Въ двухъ названныхъ отеляхъ идетъ дѣятельная работа. Они всегда бываютъ переполнены изгнанниками южно-американскихъ государствъ, министрами, генералами и разными другими вождями, имена которыхъ пользуются громкою извѣстностью на родинѣ. Надъ многими изъ этихъ дѣятелей тяготѣетъ даже смертный приговоръ, но это ихъ нисколько не смущаетъ, такъ какъ они твердо увѣрены, что новое положеніе вещей недолговременно и снова произойдетъ переворотъ, который выдвинетъ ихъ на сцену политической жизни и позволитъ имъ вернуться —большею частью также временно—къ тѣмъ должностямъ, которыя они занимали раньше. Первымъ признакомъ подготовляющагося новаго переворота являются объявленія, красующіяся на первыхъ страницахъ большихъ американскихъ газетъ: «Приглашаются сильные и здоровые люди на службу въ Южную Америку». Затѣмъ туда же отправляются суда съ оружіемъ и военными припасами подъ видомъ земледѣльческихъ орудій, сала, строительныхъ матеріаловъ и т. д. Вскорѣ послѣ этого изъ Сальвадора, Никарагуа, Парагвая или какого-нибудь другого маленькаго государства получается телеграмма: «Вспыхнула революція!»

Въ американской газетѣ «Sun» разсказывается, какимъ образомъ была

устроена революція въ С.-Доминго, гдѣ въ настоящее время происходятъ большіе безпорядки. «Въ курительной комнатѣ отеля Мура въ Нью-Іоркѣ появился недавно генералъ Евгеній Дешанъ и тотчасъ же всѣмъ стало ясно, что онъ явился для того, чтобы вызвать къ жизни революцію противъ Веласкеца, президента С.-Доминго. Одна очень извѣстная американская фирма предъявила искъ на эту республику въ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Надѣяться на то, что администрація Веласкеца признаетъ этотъ искъ, было нельзя, между тѣмъ фирма получила завѣренія, что если сдѣлается президентомъ генералъ Хуанъ-Исидоръ Хименецъ, то онъ удовлетворитъ предъявленныя претензіи. Въ подвалахъ обоихъ отелей были спрятаны 6.000 старыхъ ружей, которые затѣмъ, подъ видомъ сельскохозяйственныхъ орудій, бочекъ съ гвоздями и т. п., отправили въ разныя гавани по сосѣдству съ С.-Доминго. Тотчасъ же послѣ этого была издана прокламація, приглашающая народъ въ С.-Доминго «свергнуть иго тирановъ и собраться подъ знаменемъ Хименеца, который обѣщаетъ дать странѣ хорошее управленіе». Документъ этотъ былъ подписанъ пятью генералами—повидимому ни одинъ изъ революціонеровъ С.-Доминго, обитающихъ въ нью-іоркскихъ отеляхъ, не имѣетъ меньшаго титула! Все было подготовлено, но одинъ изъ этихъ генераловъ сдѣлалъ неосторожность и написалъ одному изъ своихъ друзей въ С.-Доминго о подготовленіи переворота. Письмо было перехвачено, попало въ руки президента Веласкеца и въ результатѣ грузъ оружія былъ конфискованъ. Тѣмъ не менѣе это не остановило революціоннаго движенія и, какъ извѣстно, мятежники обложили и взяли столицу».

Рѣдкое явленіе. Недавно въ Стокгольмѣ общество было очень заинтересовано публичными лекціями молодой турецкой принцессы, Гаиріе Бенъ-Аидъ, жены бывшаго турецкаго генеральнаго консула Али-Нури-бея. Уже самый фактъ появленія турецкой женщины въ качествѣ лектора долженъ былъ возбудить всеобщее вниманіе, какъ совершенно необычное явленіе. Молодая турецкая принцесса пожелала ознакомить, главнымъ образомъ, европейскихъ женщинъ съ печальнымъ положеніемъ ихъ восточныхъ сестеръ, съ этою цѣлью она совершаетъ теперь круговую поѣздку по Европѣ. Сначала она посѣтила Копенгагенъ, а затѣмъ отправилась въ Стокгольмъ и вездѣ своимъ появленіемъ возбуждала всеобщее вниманіе. Но, выступая въ качествѣ адвоката турецкой женщины, принцесса должна была обратиться къ помощи другого лица, такъ какъ сама она не говоритъ ни на какомъ другомъ европейскомъ языкѣ, кромѣ своего родного. Поэтому ее сопровождаетъ всюду армянскій журналистъ Анмегіанъ, бывшій редакторъ газеты «Stamboul», который прочитываетъ ея докладъ, переведенный на французскій языкъ. Принцесса входитъ, привѣтствуетъ публику по турецкому обычаю прикладываніемъ руки ко лбу, затѣмъ произноситъ краткое вступленіе на турецкомъ языкѣ и послѣ того предоставляетъ говорить Анмегіану, который стоитъ возлѣ нея. Анмегіанъ читаетъ ея докладъ, описывающій жизнь и воспитаніе турецкой женщины. Обыкновенно все образованіе турчанокъ ограничивается лишь чтеніемъ Корана и во всей Турціи едва най-

дется сотня женщинъ, которыя обучены иностранными гувернантками и поэтому получили все таки нѣкоторое образованіе. Яркими штрихами рисуетъ лекторша порабощенное положеніе турецкой женщины въ гаремѣ. Дѣвушка— это товаръ, о которомъ ведется торгъ. Она не видала своего будущаго мужа и повелителя и о ея вкусахъ не справляется никто. Ее вынуждаютъ къ повиновенію, иногда насильственными мѣрами и обращаются съ нею порой хуже чѣмъ съ рабыней. Рабство воспрещено оффиціально, но торговля дѣвушками процвѣтаетъ. Даже жены султана, за однимъ только исключеніемъ, ничто иное, какъ рабыни. Но несмотря на всѣ препятствія и загражденія въ Турцію все таки проникаютъ идеи прогресса и свободы. Самосознаніе начинаетъ просыпаться и у турецкихъ женщинъ и доказательствомъ можетъ служить, что появились уже турецкія писательницы, которыя стараются вызвать интересъ къ судьбѣ турецкихъ женщинъ и помочь имъ выбраться изъ своего униженнаго и порабощеннаго положенія.

Само собою разумѣется, что въ докладѣ турецкой принцессы говорится не только о положеніи турецкихъ женщинъ, но и о положеніи Турціи вообще, причемъ, конечно, достается и султану. Принцессу сопровождаетъ и ея супругъ, Али-Нури-бей, приговоренный турецкими судебными властями, въ общемъ, къ 101 году тюремнаго заключенія. Понятно Али-Нури-бей предпочелъ скрыться и жить на свободѣ за границей. Какъ оказывается, онъ вовсе не турокъ, а шведъ, уроженецъ Малмё, но турецкій подданный. Онъ поступилъ на службу въ турецкую дипломатію и былъ генеральнымъ консуломъ, между прочимъ въ Роттердамѣ и Амстердамѣ. Его обвинили въ принадлежности къ младотурецкой партіи и судили, но друзья помогли ему бѣжать. Али-Нури-бей недавно только получилъ судебный приговоръ, мотивировка котораго указываетъ между прочимъ, на основательность географическихъ познаній турецкихъ судей. Тамъ, между прочимъ, Али-Нури-бею ставится въ вину, что онъ, будучи генеральнымъ консуломъ въ Роттердамѣ, безъ разрѣшенія султана «выѣхалъ изъ Роттердама въ Голландію»!

Супруга Али-Нури-бея, принцесса Гаиріе, дочь умершаго турецкаго паши Бенъ-Аида, который былъ нѣкогда министромъ финансовъ въ Тунисѣ и посланникомъ при дворѣ Наполеона III. Онъ былъ страшно богатъ и ему принадлежала седьмая часть Туниса, но и ему, въ концѣ концовъ, пришлось спасаться бѣгствомъ изъ Туниса въ Мальту. Въ настоящее время его оба сына ведутъ процессъ съ французскимъ правительствомъ насчетъ возвращенія наслѣдства послѣ ихъ отца. Въ случаѣ выигрыша принцесса Гаиріе должна будетъ получить около десяти милліоновъ. Выйдя замужъ за европейски образованнаго человѣка, принцесса Гаиріе, получившая только обычное турецкое воспитаніе, подъ вліяніемъ мужа, усвоила себѣ болѣе широкій образъ мыслей. Съ его помощью она старалась пополнить пробѣлы своего воспитанія. Все больше и больше разгоралось въ ней возмущеніе противъ приниженнаго положенія женщинъ въ Турціи. Она рѣшилась даже идти прямо къ султану и говорить ему объ этомъ, и ей удалось, къ великому ужасу придворныхъ слугъ, проникнуть въ покои главнаго евнуха, которому она и высказала, въ пламенныхъ выра-

женіяхъ, свое негодованіе на такое отношеніе къ женщинѣ, какое существуетъ въ Турціи. Ошеломленный этимъ внезапнымъ появленіемъ и краснорѣчіемъ турчанки, главный евнухъ, къ удивленію всѣхъ, далъ ей свободу высказаться, между тѣмъ какъ султанъ невидимо присутствовалъ при этой сценѣ, за шелковою занавѣской. Смѣлый поступокъ принцессы не имѣлъ однако, для нея никакихъ непосредственныхъ дурныхъ послѣдствій; ее даже накормили завтракомъ въ Ильдызъ кіоскѣ и затѣмъ въ сопровожденіи четырехъ адъютантовъ препроводили домой, но, тѣмъ не менѣе, друзья посовѣтовали ей поскорѣе и тайно убраться изъ Константинополя, гдѣ она не могла быть въ безопасности. Она такъ и сдѣлала. За границей къ ней присоединился ея мужъ, также бѣжавшій изъ турецкой столицы и пріятель обоихъ, журналистъ Анмегіанъ, тоже приговоренный турецкимъ судомъ къ пожизненному заключенію за то, что свободно высказывалъ свои мысли о положеніи дѣлъ въ Турціи въ одной изъ турецкихъ газетъ, издающихся заграницей, вслѣдствіе невозможности издаваться въ Турціи при существующихъ условіяхъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Душа хирурга.—Реакція противъ имперіализма въ Англіи.—Взаимныя отношенія балканскихъ народностей.

Профессоръ медицинскаго факультета д-ръ Форъ печатаетъ въ журналѣ «Revue» интересную статью, въ которой анализируетъ душевное состояніе хирурга. «Въ нашъ вѣкъ, говоритъ онъ, столько сдѣлано поразительныхъ открытій, что уже ничто не представляется намъ невозможнымъ и мы равнодушно читаемъ объ открытіяхъ, которыя сто лѣтъ тому назадъ взволновали бы весь міръ. За послѣдніе годы, пожалуй, только одно открытіе Рёнтгена заставило насъ встрепенуться. Этотъ удивительный, таинственный свѣтъ, невидимый для глазъ и дѣлающій доступными нашему зрѣнію непроницаемыя тѣла, вызвалъ у насъ чувство смущенія, но не потому, чтобы онъ открывалъ намъ невидимый міръ. Это открытіе поразило насъ оттого, что мы не ожидали его и что оно было долею отъ всего того, что мы привыкли рисовать себѣ въ нашемъ воображеніи. Но существуетъ наука—хирургія которая, среди всеобщаго равнодушія пользуется все-таки привилегіей возбуждать всеобщее вниманіе своими успѣхами и всѣхъ одинаково интересуетъ. Сообщеніе о какой-нибудь необыкновенной операціи всегда вызываетъ нѣкоторое волненіе. Хирургія близко затрогиваетъ всѣхъ и поэтому о ней никто не можетъ говорить равнодушно.

«Благодаря пастёровскимъ доктринамъ, хирургія въ теченіе двадцати лѣтъ, сдѣлала такіе успѣхи, какихъ она не могла достигнуть въ прежнія времена, несмотря на всѣ свои смѣлыя и честолюбивыя стремленія. Теперь совершаются операціи, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ нельзя было бы и помышлять и поэтому мы невольно восхищаемся и преклоняемся передъ торжествомъ этой науки. Но если теперь уже никто не оспариваетъ могущества хирургіи, то все же душа хирурга остается сокрытой для постороннихъ очей, такъ какъ

есть чувства, которыя можетъ знать только тотъ, кто ихъ испыталъ. Душа хирурга неизвѣстна никому и глубокія эмоціи, наполняющія и волнующія ее, могутъ быть анализированы только тѣмъ, кто самъ испыталъ ихъ. Художники и писатели любятъ изощрять свой талантъ насчетъ хирургіи и тѣхъ, кто ей служитъ. Очень часто хирурговъ представляютъ грубыми, нечувствительными и жестокими существами; во всякомъ случаѣ имъ приписывается извѣстная черствость сердца. Нѣтъ сомнѣнія, что прежніе хирурги должны были обладать исключительною энергіей, для того, чтобы ежедневно возобновлять ту жестокую борьбу съ окровавленнымъ и измученнымъ больнымъ, которая въ тѣ времена называлась операціей. Очень возможно, что постоянное возобновленіе кровавыхъ сценъ сдѣлало прежнихъ хирурговъ «по наружности» нечувствительными къ страданіямъ своихъ больныхъ. Но это только по наружности. Многіе подъ маскою непоколебимой энергіи, навѣрное, скрывали глубокое и болѣзненное ощущеніе, которое они, силою воли, заставляли прятаться въ тайникахъ своей души. Теперь времена измѣнились. Конечно, хирургъ долженъ обладать извѣстною долею индиферентизма къ виду крови, но преувеличивать этотъ индиферентизмъ не слѣдуетъ. Нынѣшнія операціи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаютъ картины прошлаго. Анестезія, устранивъ боль, сознаніе и испугъ, отняли у оперативнаго акта то, что придавало ему въ прежнія времена характеръ ужаса. Зрѣлище страданія, даже крики паціента, стонущаго подъ ножомъ или пилой, перепиливающей ему кости, почти неизвѣстны современнымъ хирургамъ, которые лишь въ очень опасныхъ случаяхъ рѣшаются отказаться отъ всемогущей и благодѣтельной помощи хлороформа».

Тѣ, кто въ наружномъ хладнокровіи хирурга видятъ презрѣніе къ человѣческой жизни и думаютъ, что хирургическая практика убиваетъ въ душѣ хирурга всякую чувствительность и мягкость, плохо понимаютъ эту душу. Напротивъ, ничто такъ не развиваетъ эти благородныя качества души, ничто не способствуетъ такъ развитію чувства состраданія, какъ именно ежедневное зрѣлище страданій, которыя требуютъ вмѣшательства хирурга. Ему вовсе не нужно питать «любовь къ крови», какъ это думаютъ многіе, а надо только не бояться крови. «Я думаю, прибавляетъ профессоръ, — что, пожалуй, нѣтъ въ мірѣ положенія, болѣе требующаго отъ человѣка сострадательности и мягкости по отношенію къ тѣмъ, кто страдаетъ, какъ положеніе хирурга. Хирургъ долженъ быть ласковымъ и убѣдительнымъ и особенно терпѣливымъ съ тѣми, кто страдаетъ и пугается операціи. Мягкость вѣдь не исключаетъ энергіи, непоколебимой твердости и авторитета. Но это правда, что хирургъ долженъ обладать несомнѣнною нравственною силой. Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы, подобно хирургу, такъ часто подвергался сильнымъ эмоціямъ, иногда нѣжнымъ, но часто трагическимъ и мучительнымъ и притомъ безконечно разнообразнымъ, такъ что, быть можетъ только это разнообразіе дозволяетъ имъ стойко выдерживать постоянныя повторенія такихъ эмоцій. Ежедневно ставится на карту человѣческая жизнь, и хирургъ попеременно испытываетъ то чувство удовлетворенія послѣ побѣды надъ трудностями, то страхъ при видѣ неизбѣжной опасности. Внезапно и безъ

всякаго приготовленія онъ переходитъ отъ душевнаго спокойствія послѣ правильной операціи къ сильной тревогѣ, которую порождаетъ въ немъ какое-нибудь неожиданное осложненіе. Душа быстро закаляется въ этой непрестанной борьбѣ и смѣнѣ душевныхъ эмоцій. Нѣтъ ни одного акта въ профессіональной жизни хирурга, который бы не налагалъ на него серьезной отвѣтственности. Каждое его рѣшеніе, мысль и каждое дѣйствіе и порою даже движеніе можетъ вести за собою серьезныя, иногда благодѣтельныя, а иногда и очень трагическія, роковыя послѣдствія. Трудная и важная обязанность возлагается на человѣка, который во всякое время держитъ въ своихъ рукахъ жизнь и смерть, и въ роли хирурга заключается иногда много величія! Отвѣтственность его начинается, однако, не съ того момента, когда онъ приступаетъ къ операціи, а тогда, когда онъ принимаетъ какое-нибудь рѣшеніе. Безъ сомнѣнія, бываютъ многочисленные случаи, серьезныя положенія, во время которыхъ никакія колебанія не могутъ быть допущены. Малѣйшее промедленіе можетъ стоить жизни и поэтому хирургъ долженъ дѣйствовать рѣшительно и часто на свой страхъ. Но бываютъ не столь ясно выраженные случаи и тогда-то хирургъ оказывается въ очень трудномъ положеніи. Не было непосредственной опасности для жизни, но эта опасность могла наступить каждую минуту и повлечь за собою быструю смерть и вотъ это заставило хирурга рѣшиться на операцію, чтобы обезпечить больного отъ роковой случайности. Но операція, какъ бы она ни была легка, можетъ все-таки окончиться смертью и въ такомъ случаѣ хирургъ, желая спасти больного, въ дѣйствительности произнесъ ему смертный приговоръ, кромѣ того есть и такіе больные, которые расплачиваются своею жизнью за то, за что другіе потомъ будутъ спасены! Только такими жертвами достигается прогрессъ. Понятно, поэтому, что хирургъ, рѣшаясь на операцію, долженъ испытывать сильное волненіе, сознавая отвѣтственность, которую онъ беретъ на себя, но хирургъ, достойный этого имени, не долженъ бояться этой отвѣтственности. Фатальный исходъ операцій часто находится въ зависимости отъ минутной разсѣянности или слишкомъ сосредоточеннаго односторонняго вниманія, отъ слишкомъ медленнаго или слишкомъ быстраго движенія, вообще отъ массы мелочей, которыя недоступны для обыкновеннаго наблюдателя. И часто бываетъ, что хирургъ, хотя съ виду и сохраняющій полнѣйшее хладнокровіе и твердость руки, тѣмъ не менѣе чувствуетъ въ своей душѣ смертельную тревогу, замѣтивъ неуловимые признаки, что жизнь больного подвергается смертельной опасности, и чувствуя, что на немъ лежитъ отвѣтственность. Жизнь хирурга полна этихъ глубокихъ волненій и никогда онъ не испытываетъ минуты абсолютнаго нравственнаго покоя. Но зато онъ переживаетъ великія и трагическія минуты, минуты торжества и участія и минуты отчаянія и горькихъ сожалѣній. Его жизнь полна высокихъ ощущеній и, умирая, онъ можетъ сказать себѣ, что его окровавленныя руки облегчили гораздо болѣе страданій, нежели причинили ихъ!

Въ англійскомъ журналѣ «International Quaterly» напечатана статья Мэссингема, въ которой авторъ жалуется на то, что парламентъ въ настоящее

время не имѣетъ ни достаточно авторитета, ни вліянія на внѣшнюю политику страны; финансовый контроль палаты общинъ также ослабѣлъ, могущество же палаты лордовъ постоянно усиливается и новыя парламентскія правила, создающія такое положеніе, заставляютъ палату общинъ кое-какъ и невнимательно выполнять свои обязанности. Спикеръ облеченъ теперь новыми правами и все болѣе и болѣе обнаруживаетъ стремленіе пользоваться своею дискреціонною властью въ ущербъ лидеру палаты, однако въ этой мрачной картинѣ современнаго политическаго положенія въ Англіи, авторъ видитъ все-таки свѣтлыя стороны, заключающіяся въ томъ уваженіи къ парламентскимъ учрежденіямъ, которое показываютъ въ настоящее время независимыя консервативные члены. Благопріятнымъ симптомомъ авторъ считаетъ также образованіе могущественной радикальной группы, достаточно сильной въ интеллектуальномъ и діалектическомъ отношеніи, чтобы удерживать въ границахъ честолюбіе Чемберлена и недовѣрчивое отношеніе Бальфура къ свободному парламентскому правительству. Но пока эти силы, въ которыхъ лежитъ залогъ будущаго страны, достаточно разовьются, палата общинъ, сохраняя свой величественный, церемоніальный видъ, все-таки будетъ терять свое значеніе, какъ центральная сила британской конституціи, однако въ британскомъ народѣ слишкомъ много жизненной силы, слишкомъ онъ любитъ свои свободныя учрежденія, чтобы допустить ихъ упадокъ. Временное ослѣпленіе призракомъ славы и цѣлями имперіализма пройдетъ, какъ проходитъ опьяненіе, и здравый смыслъ и чувство народа возьмутъ верхъ надъ этими случайными уклоненіями.

Въ «Edinburgh Review» также напечатана статья, въ которой говорится о несовмѣстимости двухъ идеаловъ: демократіи, съ ея внутреннею работою надъ созданіемъ свободнаго, активнаго и благоденствующаго народа, который долженъ мирнымъ образомъ распространить по всему міру цивилизацію и торговлю путемъ свободной эмиграціи избытка населенія, и имперіи, стремящейся завладѣть міромъ силою оружія, за счетъ обремененнаго и обезсиленнаго народа и въ интересахъ лишь небольшого класса спекуляторовъ и капиталистовъ. Ни одна нація не станетъ закрывать свои двери сильному своимъ трудомъ эмигранту, который приноситъ съ собою свои собственные идеалы, свои собственные семейные и соціальные типы. Но призрачное движеніе впередъ, движеніе солдатъ и флага, за которымъ не слѣдуетъ торговля, всюду встрѣчаетъ сопротивленіе и вызываетъ всеобщее раздраженіе. Дѣйствительная колонизація такихъ людей, которые желаютъ быть колонистами и сдѣлать карьеру, находитъ вездѣ хорошій пріемъ, тогда какъ захватъ страны только ради выгоды и эксплуатаціи ея праздными людьми, космополитами пауками, старающимися опутать весь земной шаръ своими сѣтями, всегда нуждается въ поддержкѣ оружія.

Македонскій вопросъ, выдвинутый на сцену политической жизни Европы послѣдними событіями, служитъ, конечно, темою многочисленныхъ статей въ иностранныхъ журналахъ. Особенно англійская журналистика интересуется

этимъ вопросомъ. «Contemporary Review», напр., разбирая отношенія, существующія между различными народностями на Балканахъ, говоритъ, что греки, въ сущности, симпатизируютъ туркамъ. «Странно и даже нѣсколько непріятно видѣть, — говоритъ авторъ статьи, — что въ Аѳинахъ въ настоящее время не турокъ, а болгаръ считаютъ худшими врагами національныхъ стремленій въ Македоніи. Но тотъ, кто изучалъ восточный вопросъ, не будетъ удивленъ такою внезапною и калейдоскопическою перемѣной со времени войны 1897 года, и только тѣ филантропы, которые надѣются наперекоръ всему и готовы вѣрить наперекоръ исторіи, что всѣ христіанскія расы востока могутъ соединиться вмѣстѣ для крестоваго похода противъ турокъ, врядъ ли согласятся повѣрить, что это надо отнести въ область фантазіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, даже прежде чѣмъ македонскій вопросъ принялъ острый характеръ, греческая печать постоянно убѣждала султана послать войска въ Македонію и еще недавно, въ одной изъ главныхъ аѳинскихъ газетъ совершенно отрицались факты, приведенные въ «Daily News» о поведеніи турецкихъ войскъ и заявлялось, что «многія другія націи поступили бы точно также при подобныхъ обстоятельствахъ!»

Что касается албанцевъ, то, по словамъ покойнаго профессора Вирхова, они обладаютъ «самыми интеллектуальными черепами въ Европѣ». Но, по словамъ д-ра Диллона, изучившаго ихъ нравы, они, кромѣ того, обладаютъ и наибольшею долею жестокости и своею кровожадностью и отвращеніемъ къ спокойной, трудовой жизни напоминаютъ курдовъ и также какъ они считаютъ, что имѣютъ право эксплуатировать другія, болѣе слабыя, расы. Главные ихъ племенные обычаи, это обычай кровавой мести и гостепріимства, которые свято соблюдаются. Было вычислено, что около 25% населенія умираютъ насильственною смертью, но албанецъ не боится смерти и у него существуетъ поговорка: «Умереть это несчастье, но жить — это также половина несчастья». Любовь къ свободѣ и независимости, нежеланіе подчиняться какимъ-либо правиламъ современной государственной жизни, импульсивность и дикость составляютъ главныя черты характера албанцевъ и тѣми мѣрами, которыя думаютъ примѣнить къ нимъ теперь, трудно будетъ покорить этотъ независимый горный народъ, такъ мало придающій цѣны какъ чужой, такъ и своей собственной жизни.

Вообще въ сужденіяхъ и статьяхъ англійскихъ журналовъ звучитъ пессимистическая нота. Съ албанцами совладать будетъ трудно и развѣ только временно удастся возстановить временное спокойствіе. Проектируемыя реформы не могутъ быть панацеей, тѣмъ болѣе, что между христіанскими народностями существуетъ такая же племенная вражда, какъ между турками и христіанами въ Турціи. Нужны рѣшительныя средства, чтобы уничтожить источникъ постоянныхъ смутъ и безпорядковъ на Балканскомъ полуостровѣ, но Европа не можетъ прибѣгнуть къ нимъ, такъ какъ тутъ сталкиваются интересы различныхъ европейскихъ странъ, и изъ мелкой смуты и вспышекъ на Балканскомъ полуостровѣ легко можетъ возникнуть большая европейская война.

---

*

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ.

(Письмо первое.).

Возвратясь въ Пекинъ послѣ двухлѣтняго отсутствія, я нашелъ въ немъ много перемѣнъ: на обращенныхъ въ развалины боксерскимъ движеніемъ 1900 года, китайскихъ пепилищахъ выросъ новый европейскій благоустроенный городъ, а старый отодвинулся далеко въ сторону. Но странное дѣло: тишина на улицахъ европейскаго Пекина, размѣренность и однообразіе европейской жизни, ничтожное уличное движеніе, стоящіе по угламъ улицъ полицейскіе изъ солдатъ международныхъ отрядовъ, ходящіе съ ружьями часовые у воротъ посольскихъ зданій—вся эта новая, понятная европейскому уму жизнь, водворившаяся на развалинахъ прежней свободной китайской народной жизни, скучна и сѣра своимъ однообразіемъ, надоѣдлива своими казарменными порядками. Время отъ времени является потребность уйти изъ-подъ надзора европейской улицы въ прежнюю шумящую и кипучую народную жизнь, увидать непринужденно веселыя или свободно гнѣвныя, непритворно ласковыя или откровенно грубыя лица, услыхать простую, но содержательную и образную народную рѣчь.

Вся вмѣстѣ взятая народная суета во всей своей непритязательной правдѣ, открытой и никѣмъ не стѣсняемой, освѣжаетъ и ободряетъ, отгоняя прочь подступающую скуку и апатію. Пробывъ въ народной толпѣ, возвращаешься обратно въ европейскую приглаженную улицу свободнымъ отъ усталости и скуки. Народная уличная жизнь начинается въ Пекинѣ очень рано. Въ этой жизни для европейца все ново, все занимательно, все особенное, свое, или привлекательное, или отталкивающіе.

Только на улицахъ китайскаго города можетъ европеецъ увидѣть всю повседневную трудовую жизнь населенія. Сюда цивилизація еще не проникла; народъ не знаетъ никакихъ облегчающихъ трудъ техническихъ приспособленій, онъ все дѣлаетъ при посредствѣ собственной мускульной силы рукъ, ногъ и спины, присоединяя силу своихъ домашнихъ помощниковъ животныхъ.

Съ восходомъ солнца на улицахъ Пекина прежде другихъ тружениковъ появляются водовозы, развозящіе воду въ деревянныхъ чанахъ или, если близко, разносящіе ее въ большихъ деревянныхъ ведрахъ на коромыслѣ. Деревянные чаны развозятся на ручной телѣжкѣ, одноколесной, скрипучей и визгливой, а большіе чаны при посредствѣ лошади. Старый Пекинъ не имѣетъ водопровода и жители воду получаютъ изъ колодцевъ, очень многочисленныхъ, находящихся по нѣскольку на каждой улицѣ и составляющихъ общественную собственность.

Изъ такихъ колодцевъ при помощи блоковъ, если вода глубоко, или при помощи только одной веревки, вытягивается плетеными изъ ивовыхъ прутьевъ ведерками вода и наливается или въ четыре небольшіе чана, поставленные по два на каждой сторонѣ ручной телѣжки, или по жолобу вливается въ одинъ большой чанъ. Наполнивъ чаны водой, китаецъ-водоносъ набрасываетъ себѣ на плечи лямку изъ широкой полосы холста, прикрѣпленной къ рукояткамъ телѣжки, и, ставъ въ эти оглобельки, сильными, мускулистыми руками везетъ свою тяжелую ношу.

Райком ВКП(б), Исполком Райсовета и Горсовета приглашают Вас НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ДНЮ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ И 10-ЛЕТИЮ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
Заседание состоится 5 декабря 1944 года с

Издали слышится скрипуче-визгливый ходъ деревяннаго колеса деревянной довозки, и вотъ передъ глазами проходитъ, нагнувшись впередъ и тяжело упая, полуголый водовозъ, съ катящимся ручьемъ потомъ по его загорѣлой чти до чернаго цвѣта груди и спинѣ.

Яркое и жгучее солнце востока положило особую лоснящуюся политуру на о кожу. Голова водовоза защищена отъ солнечныхъ лучей широкой соломенй шляпой, ноги—башмаками изъ толстаго синяго холста, черезъ плечо перенуто толстое полотенце, которымъ онъ отираетъ катящіеся по груди и спинѣ чьи трудоваго пота.

Приближаясь къ моднымъ Цянь-Мыньскимъ воротамъ, начинаемъ встрѣть все больше и больше жизни. Вотъ и площадь. Китайскія телѣги и группы ликовъ съ ихъ погонщиками ожидаютъ нанимателей. Китайская телѣга представляетъ собою экипажъ весьма оргинальный, но крайне неудобный для европейца: это кибиточка на двухъ колесахъ, въ которую нужно забраться и дѣть или съ вытянутыми ногами, или поджавъ ноги, такъ какъ дно ой телѣги представляетъ собою ровную плоскость. Лѣтомъ во время жаровъ и во время дождей для закрытія животнаго и возницы протягивается надъ ми синій холщевый пологъ, укрѣпленный одной стороной на верху кибитки, другими концами прикрѣпленный къ оглоблямъ надъ головой лошади.

Ослики въ Пекинѣ крайне разнообразны по росту: есть совсѣмъ маленькіе, ть средніе, есть высокіе. Какъ серьезно стоятъ они въ группѣ, пошевеливая ими длинными ушами. Какое умное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное выраженіе ихъ глазахъ. Всѣ ослики осѣдланы широкими мягкими плоскими сѣдлами, а на шеѣ у каждаго надѣты мелкіе бубенчики, мягко позвякивающіе, когда осликъ бѣжитъ своей мелкой торопливой трусцой.

Погонщики осликовъ страшно всѣ выносливы, они цѣльными днями на ногахъ и безъ устали бѣгутъ слѣдомъ за осликомъ, покрикивая на него и погоняя тонкой палочкой, замѣняющей хлыстъ. Среди взрослыхъ погонщиковъ часто встрѣчаются подростки, которые дружно зарабатываютъ себѣ съ осликами кусокъ хлѣба.

Въ настоящее время сообщеніе по улицамъ Пекина стало значительно удобнѣе и скорѣе, нежели прежде. Въ настоящее время нѣтъ необходимости ѣздить по улицамъ Пекина въ телѣгѣ, испытывая толчки, когда этотъ громоздкій, нерессорный экипажъ прыгалъ по выбоинамъ въ каменной мостовой или по колеямъ немощеныхъ улицъ. Всю душу бывало выматывало, когда приходилось испытывать это путешествіе. Отъ стука и треска разбаливалась голова, а отъ толчковъ о стѣнки кибитки, очень чувствительныхъ, нерѣдко у неопытнаго еще сѣдока появлялись на головѣ шишки. Въ настоящее время количество телѣгъ значительно сократилось, такъ какъ послѣ боксерскаго 1900 года вошли въ общее почти употребленіе рикши, вытѣснившіе неудобовыносимыхъ телѣжниковъ.

Рикша это общее названіе человѣка и колясочки, которую онъ везетъ. Колясочка эта двуколесная, очень легонькая, съ мѣстомъ только для одного пассажира. По мощенымъ и шоссированнымъ улицамъ такую колясочку везетъ одинъ человѣкъ или двое, и если путь далекій и трудный, то трое.

Способъ передвиженія такой: одинъ бѣжитъ впереди въ оглобелькахъ, а одинъ или двое бѣгутъ сзади, подталкивая колясочу за спинку.

Рикша есть изобрѣтеніе чужеземное и родиной ея надо считать городъ Іокогаму въ Японіи, гдѣ изобрѣтателемъ этого способа передвиженія явился англичанинъ, придумавшій для себя колясочку, которую возилъ одинъ японецъ. Это было въ 1868 году.

Изъ Іокогамы рикши, какъ чрезвычайно удобныя для передвиженія, распространились по всей Японіи, затѣмъ перешли въ портовые города Китая, вытѣснивъ повсюду ѣзду въ экипажахъ, а въ настоящее время они распространились и на сѣверѣ Китая, въ Портъ-Артурѣ и Нючжуанѣ.

Пройдя чрезъ Цянь-мынь'скія ворота съ разрушенною надъ ними послѣ пожара 1900 года башней, а нынѣ совершенно разобранной, мы вступаемъ въ китайскій городъ и выходимъ на главную Императорскую улицу, по которой Императоръ слѣдуетъ для поклоненія и приношенія жертвъ въ храмъ неба.

Эта улица составляетъ сердце китайскаго Пекина: по ней расположены всѣ магазины, лавки, банкирскія конторы, мастерскія, базары; по ней самое людное движеніе, самое большое оживленіе; въ прилегающихъ къ ней уличкахъ и переулочкахъ совмѣщается вся дѣловая, торговая, промышленная жизнь. Въ нихъ театръ и мѣста удовольствій и развлеченій.

Съ первыхъ же шаговъ по этой улицѣ охватываетъ всей полнотой китайская жизнь и первое впечатлѣніе производитъ тяжелое. Тотчасъ же въ началѣ этой улицы находится мостъ, хотя съ перилами изъ бѣлаго мрамора, но крайне загрязненный. Мостъ этотъ перекинутъ черезъ небольшую рѣчушку, лѣтомъ пересыхающую, и служитъ постояннымъ пребываніемъ многочисленныхъ нищихъ, ужасныхъ пекинскихъ нищихъ въ рубищахъ и язвахъ, протягивающихъ свои изможденныя руки и неотвязно преслѣдующихъ проходящаго европейца жалобными криками: «господинъ, нечего ѣсть, дай нѣсколько денегъ». На большомъ разстояніи преслѣдуютъ эти жалобные крики и забѣгающіе впередъ нищіе, часто женщины съ дѣтьми, становятся въ ожиданіи на колѣни. Многіе нищіе лежатъ на землѣ въ язвахъ, не имѣя силы подняться и даже говорить, эти несчастные только жалобно воспаленными глазами смотрятъ на проходящаго. На улицѣ посреди грязи, отбросовъ, пыли живутъ эти несчастные полуголые, часто голые, иногда прикрывающіе свою ужасную наготу рогожкой или какимъ-нибудь рваньемъ, здѣсь они жмутся другъ къ другу, когда холодно, здѣсь они спятъ и часто здѣсь же умираютъ.

Среди нищихъ, поражающихъ ужасомъ мученій и страданій, изрѣдка встрѣчаются и благообразные нищіе, протягивающіе молча для подаянія корзиночку. Но такихъ нищихъ можно встрѣтить очень рѣдко. У китайцевъ очень сильно и прочно развито и держится родовое начало; всѣ родственники поддерживаютъ обѣднѣвшихъ сородичей и помогаютъ имъ пережить трудное время. Истинными нищими являются только или бездомныя дѣти улицы и нищеты, или одинокіе калѣки.

Здѣсь же на мосту по одной его сторонѣ пріютились уличныя харчевни, въ которыхъ на открытомъ воздухѣ рабочій людъ имѣетъ свой невзыскательный горячій завтракъ и обѣдъ.

Перейдя мостъ нищихъ, мы вступаемъ въ самую сутолоку. Пѣшіе, конные, верховые на лошадяхъ, мулахъ, осликахъ, телѣги, рикши, продавцы всевозможныхъ вещей, все это, словно муравьи въ громадной муравьиной кучѣ, копошатся, стремясь по всѣмъ направленіямъ и сохраняя въ то же время поразительный порядокъ, наполняя воздухъ хаосомъ всевозможныхъ звуковъ, начиная отъ выкрикиваній погонщиковъ ословъ, скрипа ручныхъ телѣжекъ, стука и звона по дереву и металлу продавцовъ различныхъ издѣлій и кончая пронзительнымъ ревомъ животныхъ.

Начинаютъ встрѣчаться богатые магазины, что можно узнать по обилію рѣзныхъ украшеній по дереву, по золоченымъ, вертикально спускающимся вывѣскамъ.

Толпы народа окружаютъ европейца, но вѣжливость, тактичность китайцевъ поразительны. Они молча разсматриваютъ чужеземца, перекидываются другъ съ другомъ замѣчаніями и только нѣкоторые предложатъ вопросъ: «Гуй-чу ши шема ди-фанъ?» «Какой страны житель», и затѣмъ обязательно вопросъ: «Нин-на гуй синъ», т. е. «Ваше почтенное имя». Китайцы вѣжливы, общительны, тактичны и никогда не позволятъ себѣ сдѣлать непріятность европейцу, если онъ самъ не вызоветъ на это своимъ поведеніемъ. Бывали случаи, что любознательные европейцы, попавъ въ уличную толпу, начинали разгонять её отъ себя толчками и хлыстами, бывшими въ рукахъ, и въ отвѣтъ на это получали отъ толпы комья грязи, уличные отбросы и камни, но должно-ли винить въ этомъ китайцевъ.

При ласковомъ обращеніи съ толпой она отвѣчаетъ всегда изысканной вѣжливостью и безусловно дорожитъ вниманіемъ чужестранца. Но быть долго въ китайской толпѣ невыносимо для европейца, вслѣдствіе природнаго запаха чесночной травы-черемши, которую китайскій народъ поѣдаетъ въ громадномъ количествѣ, пропитывая воздухъ этимъ ужаснымъ запахомъ.

Единственнымъ средствомъ избавиться отъ толпы можетъ служить только входъ въ первый магазинъ. Китайская толпа столь же быстро расходится, какъ быстро и плотно собирается.

Китайскіе магазины и лавки узнаются, главнымъ образомъ, по особымъ вывѣскамъ, на которыхъ не пишется названіе торговли или производства, а дѣлается указаніе на спеціальность той или другой лавки. Всѣ магазины и лавки въ Китаѣ занимаются торговлей по спеціальностямъ, и въ магазинѣ, гдѣ торгуютъ шелковыми матеріями, ничего, кромѣ шелку, купить нельзя. Спеціалисты-врачи имѣютъ также свои вывѣски; у спеціалиста по глазнымъ болѣзнямъ надъ дверью спускаются на длинныхъ четкообразныхъ веревкахъ два бѣлыхъ круга, въ серединѣ которыхъ нарисованъ глазъ. У воротъ постоялаго двора находится большой шестъ съ прикрѣпленными къ нему изображеніями мѣдныхъ денегъ, и проч.

Семейная жизнь въ Китаѣ не развита, и женщина-китаянка находится въ приниженномъ, подчиненномъ положеніи у мужчины, который все свое свободное время проводитъ или на улицѣ, или въ компаніи въ ресторанахъ, замѣняющихъ наши клубы, или въ общедоступныхъ увеселительныхъ чайныхъ домахъ.

Для бѣднаго рабочаго населенія на всѣхъ модныхъ улицахъ много харчевенъ, много лавочекъ съ прохладительными напитками въ видѣ фруктовыхъ квасовъ. Обстановка этихъ уличныхъ ресторановъ непритязательна, но дешева. Тутъ же на самодѣльномъ переносномъ очагѣ варится супъ, жарятся лепешки, готовятся соусы, овощи, рисъ. Изъ большихъ блюдъ отдѣльныя части пищи соединяются, смотря по вкусу и желаніямъ, въ маленькія чашечки, и густая пища поѣдается посредствомъ палочекъ, замѣняющихъ наши вилки, ножи и ложки, а жидкое выпивается черезъ край.

Несущаяся съ улицы тучами пыль, насѣдающая на ѣду, не смущаетъ аппетита потребителей. Кромѣ харчевенъ, многочисленные разносчики на лоткахъ предлагаютъ вкусныя печенья.

Какъ не притязательна жизнь китайскаго народа, не знающаго европейскаго комфорта, такъ же просты его потребности и ихъ удовлетвореніе. Не зная удобствъ въ передвиженіяхъ на большія разстоянія, какія имѣетъ европеецъ въ экипажахъ, общественныхъ каретахъ, трамваяхъ съ электрической тягой, желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, китаецъ и до сего дня еще пользуется своими первобытными омнибусами, гдѣ за дешевую плату совершаетъ переѣзды въ ужасной тѣснотѣ, но не въ обидѣ.

На улицѣ проходитъ вся жизнь: здѣсь китаецъ на виду всѣхъ совершаетъ свой туалетъ, уличный цирульникъ брѣетъ ему голову, моетъ и расчесываетъ волосы, на улицѣ башмачникъ чинитъ обувь, улица для китайца полна удовольствій и развлеченій своими фокусниками, разсказчиками уличныхъ сценъ, продавцами ученыхъ птичекъ, которыхъ онъ носитъ на палочкѣ, профессіональными игроками въ кости, домино, уличными врачами, гадальщиками и предсказателями судьбы.

Въ китайскомъ городѣ повсюду на улицахъ массы народа, но никогда нельзя увидѣть драки, никогда нельзя услышать ругани, никогда нельзя встрѣтить валяющагося мертвецки пьянаго. Какъ бы ни было велико скопленіе народа на базарахъ и ярмаркахъ, тѣмъ не менѣе повсюду поддерживается образцовый порядокъ не при помощи полиціи и кулаковъ, а вѣковой воспитанностью и культурностью народа, выше всего ставящей въ обращеніи вѣжливость и учтивость.

Всѣ тѣ китайскія церемоніи, которыя часто смѣшны для европейцевъ, составляютъ для китайцевъ основу ихъ общежитія; передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ обязательные къ исполненію завѣты предковъ, эти церемоніи воспитали весь китайскій народъ отъ крестьянина до вельможи въ правилахъ почета и уваженія старшихъ и учтиваго обращенія между собою. Эта учтивость въ обращеніи составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ китайскаго характера.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ 15 февр. 1903 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Пыльный дождь 21—22-го февраля (нов. ст.); роль пыли въ жизни земли и человѣка.

Въ ночь съ 21-го на 22-ое февраля (нов. стиля) почти во всей центральной Европѣ и въ Англіи шелъ *пыльный «дождь»*. Образцы пыли были собраны въ Гаврѣ, Брестѣ, Брюсселѣ и во многихъ мѣстахъ Швейцаріи. Вотъ какъ описываютъ это явленіе очевидцы. Передъ выпаденіемъ пыльнаго «дождя» появился сухой туманъ и горячій вѣтеръ, туманъ былъ желтовато-краснаго цвѣта и захватывалъ дыханіе. Затѣмъ, на иглы сосенъ, на траву, на снѣгъ начала осѣдать пыль. *Форель* изслѣдовалъ нѣсколько образцовъ этой пыли, собранныхъ въ Швейцаріи. Пыль оказалась желтоваторозоваго цвѣта и по минералогическому составу совершенно похожей на ту, которая въ мартѣ 1901 года покрыла всю центральную Европу (вплоть до Даніи). Похожа эта пыль и на ту, что выпадаетъ часто въ Сициліи, а также и на ту, что была собрана въ Альпахъ Валисскаго кантона 2-го августа 1902 г. Такъ какъ перечисленные нами пыльные дожди идутъ, по мнѣнію Фореля и большинства ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, изъ Сахары и несутъ къ намъ песчаную пыль этой пустыни, то и родиной пыльнаго дождя 21—22-го февраля текущаго года Форель считаетъ ту же Сахару.

Другой ученый, бельгійскій профессоръ *Принцъ*, подвергъ микроскопическому анализу образцы этого пыльнаго дождя, собранные въ Бельгіи (въ замкѣ Амеруа и въ Гентѣ).

Результаты этого анализа нѣсколько иные, чѣмъ Фореля, но окончательные выводы ихъ все же близки другъ къ другу. Нѣкотораго различія въ составѣ образцовъ пыли Фореля (собранныхъ въ Швейцаріи) и Принца (собранныхъ въ Бельгіи) и нужно было ожидать, такъ какъ по мѣрѣ движенія этотъ пыльный дождь, какого бы происхожденія онъ ни былъ, освобождался отъ болѣе тяжелыхъ частицъ, а кромѣ того при собираніи пыли въ образцы, конечно, попадали и частицы почвы, на которой она осѣла. Цвѣтъ образцовъ пыли проф. Принца былъ уже иной—свѣтлокоричневый (цвѣта кофе съ молокомъ); пыль представляла собою тонкую мучнистую массу, склеивающуюся даже въ сухомъ видѣ; смоченная водой, она образовала коричневатое тѣсто, имѣющее характеръ глины и рѣзкій запахъ земли.

Подъ микроскопомъ видно, что эта пыль состоитъ изъ коричневатожелтыхъ глинистыхъ или известковыхъ комочковъ, съ примѣсью главконита, изъ различныхъ растительныхъ остатковъ, споръ, небольшого числа діатомовыхъ водорослей, затѣмъ осколковъ минераловъ—кварца, ортоклаза, циркона, слюды, рутила, турмалина, граната, однимъ словомъ минераловъ, входящихъ и въ составъ мѣстныхъ (Арденны) горныхъ породъ. Кромѣ того, въ большомъ количествѣ присутствуютъ желтовато-бѣлые обломки известковаго шпата (углекислой извести) и еще большее количество непрозрачныхъ зеренъ и шариковъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ содержатъ желѣзо, другіе являются углистыми частицами, наконецъ, третьи—частицами стекла, зеленоватаго, рѣже бѣлаго цвѣта, или даже совершенно непрозрачными. Эти стекловатыя частицы очень похожи на стекло, встрѣчающееся въ вулканическихъ породахъ и пеплѣ вулканическихъ изверженій, но, съ другой стороны, такія же образованія встрѣчаются и въ золѣ большихъ заводскихъ трубъ и даже болѣе походятъ на послѣднія. Поэтому проф. Принцъ и приходитъ къ слѣдующему выводу. Наиболѣе крупныя зерна образцовъ пыльнаго дождя 21—22-го февраля, собранныхъ въ Бельгіи, принадлежатъ къ мѣстнымъ породамъ, стекловатыя частицы составляютъ незначительную примѣсь и происхожденіе ихъ случайное; главной составной частью пыли является тонко-мучнистая глинистая и известково-гипсовая масса, съ частицами главконита и слюды, похожая по составу на тонкую пыль ландъ и пустынь.

Такимъ образомъ и проф. Принцъ отвергаетъ гипотезу о связи этого пыльнаго дождя съ вулканическими изверженіями Мартиники. Между тѣмъ, вначалѣ большинство предполагало, что эта связь несомнѣнна и что въ данномъ случаѣ повторяются явленія, происходившія послѣ знаменитаго изверженія Кракатау въ 1883 г., когда мелкій вулканическій пепелъ, унесенный отъ мѣста изверженія верхними воздушными теченіями, окуталъ постепенно весь земной шаръ и вызвалъ особыя сумеречныя явленія, когда въ низкихъ широтахъ солнце и луна окрашивались въ синій и зеленый цвѣтъ, а въ болѣе высокихъ появилась красная заря; только въ 1886 г. атмосфера освободилась отъ этого пепла Кракатау.

Итакъ, пепельный дождь 21—22-го февраля не вулканическій; микроскопическій анализъ привелъ насъ къ этому отрицательному результату, но что же даетъ намъ право дѣлать положительный выводъ о происхожденіи этого «дождя» изъ песковъ Сахары? Метеорологическія наблюденія.

Прежде всего отмѣтили, что пыльный дождь 21—22-го февраля охватилъ не только центральную Европу. По собраннымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ оказалось, что онъ выпалъ, кромѣ упомянутыхъ уже нами мѣстъ, на Канарскихъ островахъ, на о-вѣ Мадерѣ, въ Бристолѣ, въ Лондонѣ, въ Амстердамѣ, въ Дортмундѣ (Вестфалія), въ Бюкебургѣ (Липпе-Шауенбургъ), въ Гермсдорфѣ (Силезія), въ Станиславѣ (Галиція), въ Ишлѣ и Боклабрюкѣ (Верхняя Австрія), въ Галейнѣ (Зальцбургъ), въ Ливинеталѣ (Тессинскій кантонъ) и въ части Средиземнаго моря между Испаніей и Марокко.

Эта полоса, приблизительно въ 500 тысячъ квадратныхъ километровъ, въ нижней своей части вытянута въ с. з.—ю.-в. направленіи, верхняя уже ея

часть направлена на востокъ и юго-востокъ внутрь европейскаго материка. Оказывается, что въ этомъ же направленіи дули въ данное время вѣтры и были расположены изобары, а именно: полоса высокаго (выше 770 милим.) атмосфернаго давленія тянулась въ это время съ юго-востока Соединенныхъ Штатовъ до Россіи и имѣла въ Атлантическомъ океанѣ ширину приблизительно въ 10 градусовъ широты, къ югу она достигала до 40-ой параллели. Въ Старомъ Свѣтѣ полоса эта шла отъ сѣвера Франціи и Германіи до Сѣверной Африки; на востокѣ доходила до Чернаго моря. Барометрическій максимумъ (выше 780-ти метр.) былъ на югѣ Франціи и Испаніи. Въ Сѣверной Европѣ въ это время было низкое давленіе, центръ его (ниже 735 милим.) находился около полярнаго круга.

Вслѣдствіе такого распредѣленія изобаръ въ интересующей насъ области наблюдались слѣдующіе вѣтры: 21-го февраля въ Западной Европѣ однообразный вѣтеръ съ ю. на ю.-з.; на слѣдующій день тоже, кромѣ Германіи, гдѣ воздушное теченіе повернуло на западъ. Въ Атлантическомъ океанѣ, вдоль береговъ южной Европы до 25-го западной долготы (по Гринвичскому меридіану), а также и на Азорскихъ о-вахъ господствовалъ ю.-з. вѣтеръ. По мѣрѣ приближенія къ Америкѣ направленія вѣтра становились непостоянными, но все же съ значительнымъ преобладаніемъ с.-з. Въ сѣверной Европѣ, подъ вліяніемъ низкаго давленія на сѣверѣ, были сильные вѣтры между з. и ю.-з., тогда какъ на югѣ материка, также какъ въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, дулъ слабый вѣтеръ съ измѣнчивымъ направленіемъ.

Такое совпаденіе между полосой пыльнаго дождя 21—22-го февраля и полосой распредѣленія вѣтровъ приводитъ бельгійскаго ученаго *Вандеръ Линдена* къ выводу, что облака пыли переносились въ данномъ случаѣ нижними вѣтрами. Это же подтверждается и многочисленными наблюденіями, сдѣланными въ морѣ, изъ которыхъ видно, что, дѣйствительно, эти пыльныя облака шли относительно низко и походили на желтый туманъ; они двигались съ юго-запада, такъ какъ были сначала замѣчены вдоль береговъ Сѣверной Африки, что видно изъ многочисленныхъ корабельныхъ записей. Многія судна линіи Гамбургъ-Америка встрѣтили эти облака у западнаго берега Африки. Такъ, капитанъ парохода «Westphalia» заявилъ, что, идя изъ Монтевидео, онъ бросилъ якорь у Мадеры 24-го февраля; послѣдніе дни погода была скверная благодаря вѣтру съ в. и воздухъ былъ наполненъ пылью. Въ журналѣ парохода «Ville-de-San-Nicolas» записано: «втеченіе 22-го и 23-гофевраля (11°—12° сѣв. шир. и 27°—26° восточ. долг.) воздухъ былъ насыщенъ тонкой красноватой пылью, которая образовала какъ бы плотную пелену. Мы принуждены были пользоваться звуковыми сигналами... Это было почти въ 300 миляхъ отъ острововъ Зеленаго Мыса и приблизительно въ 500 миляхъ отъ африканскаго берега».

На сѣверо-западъ отъ этого мѣста, между островами Зеленаго Мыса и Дакаръ, въ корабельномъ журналѣ судна «Cordillère» подъ 21-мъ февраля записано: «съ часу вечера небо совершенно заволокло; туманъ все уплотняется и къ заходу солнца становится непроницаемымъ. Палубу покрываетъ мучнистая желтая пыль (это пыль пустыни...)». Наконецъ, въ широтахъ еще болѣе высокихъ,

около Тенерифа, подобное же явленіе было записано въ журналѣ судна «Cagavellas» подъ 19-мъ февраля: «Съ 3-хъ часовъ утра красная пыль падаетъ на палубу и вокругъ корабля (тонкій красный песокъ); не видимъ горизонта уже въ теченіе 2-хъ дней».

Маскаръ получилъ письмо отъ директора метеорологическаго бюро на Азорскихъ о-вахъ, описывающее тѣ же явленія.

20-го февраля въ 10 часовъ утра на Пунтѣ-Дельгьда опустился густой туманъ, совершенно закрывшій солнце. Затѣмъ выпало громадное количество пыли, окрасившей въ желтый цвѣтъ горы Пико (2.274 метра), стѣны города, деревья, траву пастбищъ и стада. То же наблюдалось и въ Хортѣ и на другихъ Азорскихъ островахъ центральной группы. Населеніе было сильно испугано. Изъ этихъ описаній ясно, что вдоль береговъ Африки 19-го—22-го февраля громадныя массы пыли наполняли нижніе слои атмосферы. То же было и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ появлялся этотъ пыльный дождь: всюду онъ стѣснялъ дыханіе и все заволакивалъ какъ бы туманомъ.

Какъ же была поднята и перенесена изъ Сахары эта масса пыли? Мы уже знаемъ, что въ эти дни Сахара была занята южной частью антициклона *), гдѣ дуетъ вѣтеръ съ востока.

Извѣстно, что чѣмъ больше пространство охватываетъ антициклонъ, тѣмъ глубже окружающія его депрессіи, иначе говоря, тѣмъ ниже вокругъ его барометрическое давленіе. Антициклонъ конца февраля текущаго года, какъ мы видѣли, дѣйствительно, былъ окруженъ такими депрессіями: мы видѣли сильное паденіе атмосфернаго давленія на сѣверѣ Европы, а также и въ Атлантическомъ океанѣ, сѣвернѣе антициклональной области съ большимъ давленіемъ. Весьма вѣроятно, что такое же барометрическое паденіе было въ это время и на югѣ антициклона въ Сахарѣ. Господствующіе тамъ восточные вѣтры должны были при этихъ условіяхъ дуть съ особенною силою и на громадномъ протяженіи и дѣйствительно мы видимъ, что капитанъ «Вестфаліи» чувствуетъ еще этотъ вѣтеръ у западныхъ береговъ Африки. Эти вѣтры, если они не сопровождаются дождемъ, вздымаютъ съ почвы пустыни громадныя количества песка и уносятъ ихъ далеко.

Эти соображенія позволяютъ Вандеръ-Линдену утверждать, что пыльный дождь февраля 1903 г. образованъ пескомъ Сахары, унесеннымъ на западъ восточными вѣтрами пустыни. Достигнувъ океана этотъ песокъ былъ оттолкнутъ на сѣверо-востокъ, а затѣмъ юго-западнымъ вѣтромъ до юга Англіи и Голландіи, здѣсь эти массы пыли встрѣтили вѣтеръ съ запада, который направилъ ихъ въ Германію, а съ востока ея они были отброшены на юго-востокъ. Весь

---

*) Если изобары (линіи, соединяющія пункты съ одинаковымъ атмосфернымъ давленіемъ) являются концентрическими кривыми, окружающими область съ меньшимъ давленіемъ, то образуется вихрь; дующій къ центру и вращающійся въ сторону, противоположную движенію часовой стрѣлки, это—*циклонъ*; если же изобары окружаютъ областъ съ наибольшимъ давленіемъ, то рождается вихрь, распространяющійся отъ центра и вращающійся согласно движенію часовой стрѣлки, это—*антициклонъ*.

этотъ круговоротъ былъ обусловленъ единственно направленіемъ вѣтровъ, дувшихъ вокругъ одной части антициклона, и направленіе его можетъ быть выражено вращеніемъ часовой стрѣлки.

Вообще пыльные дожди довольно часты вдоль западныхъ береговъ Африки, но обыкновенно они локализированы на относительно небольшомъ пространствѣ. Особенно часто они происходятъ около Канарскихъ островов; наиболѣе сильный и продолжительный пыльный дождь наблюдался здѣсь между островами Зеленаго Мыса и Тенерифомъ отъ 11-го до 17-го февраля 1898 г. Можно отмѣтить еще пыльный дождь на Канарскихъ островахъ 21-го—22-го февраля 1883 г. Атмосферныя условія этихъ двухъ дождей были тѣ же, что и дождя 1903 г.

Конечно, переносы пыли на такія громадныя разстоянія, какъ то констатировано для пыльнаго дождя въ февралѣ текущаго года,—явленія относительно рѣдкія и врядъ ли они играли большую роль въ исторіи земной коры. Гораздо значительнѣе съ этой точки зрѣнія болѣе скромные переносы пыли съ одного мѣста на другое. Такіе переносы происходятъ, конечно, и въ Сахарѣ, происходятъ и въ другихъ пустыняхъ и образуютъ тамъ цѣлые ряды песчаныхъ дюнъ. Но кромѣ дюнъ возможны и другія образованія на повериности земли, создаваемыя отложеніемъ атмосферной пыли. Тамъ, гдѣ климатъ сухъ, растительность слабо развита, а почва сложена изъ мучнистыхъ породъ, воздухъ непрозраченъ даже и въ тихую погоду, такъ какъ въ немъ носятся милліарды взвѣшенныхъ частицъ мелкой пыли. Вычислено, что даже относительно крупныя частицы пыли, діаметромъ въ $^1/_{40}$ миллиметра падаютъ на землю со скоростью въ 2 сантиметра въ секунду, скорость же паденія частицъ съ діаметромъ въ 10 разъ меньшимъ уже всего 0,02 сантиметра въ секунду. Между тѣмъ даже въ воздухѣ, совершенно спокойномъ на первый взглядъ, все же существуютъ восходящіе токи воздуха, скорость которыхъ больше 2-хъ сантиметровъ въ секунду.

Вѣтеръ же, скорость котораго обыкновенно въ нѣсколько сотъ разъ больше, конечно, увлекаетъ съ собою частицы пыли діаметра гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ $^1/_{40}$ милиметра,—и потому во время бурь въ такихъ сухихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, въ нагоріяхъ Азіи, въ сѣверо-западномъ Китаѣ, воздухъ такъ наполненъ пылью, что даже днемъ воцаряется иногда полный мракъ. По мнѣнію бар. Рихтгофена, мощныя, въ нѣсколько сотъ футовъ, толщи лёсса *) въ сѣверномъ Китаѣ произошли именно такимъ образомъ, это—переработанная вѣтромъ пыль. Врядъ ли возможно объяснять такимъ образомъ происхожденіе лёсса во всѣхъ мѣстахъ земного шара, напр., у насъ въ Россіи, но по отношенію къ Китаю большинство геологовъ присоединяется къ мнѣнію Рихтгофена.

---

*) Лессомъ называютъ свѣтло-желтый мучнистый суглинокъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ (0,03—0,04 милим.), угловатыхъ или слегка округленныхъ зеренъ кварца, глины (7—10%) и углекислой извести. На югѣ Россіи лёссъ зовется „бѣлоглазкой“.

Часто и самъ человѣкъ способствуетъ образованію въ воздухѣ громадныхъ количествъ пыли, напр., при вырубкѣ и корчевкѣ лѣсовъ и подготовкѣ ихъ подъ пахоту. Такія поляны часто лежатъ обнаженныя и лишенныя всякой растительности; поверхность, измельченная предварительной обработкой, высыхаетъ и даетъ обильную пищу вѣтру, который и разноситъ пыль на громадныя пространства. Особенно способствуетъ образованію пыли наша первобытная система земледѣлія, когда подъ такъ называемымъ «чернымъ паромъ» стоятъ на югѣ Россіи милліоны десятинъ, лишенныя всякой растительности. Труды метеорологической сѣти юго-западной Россіи съ ясностью показали, что пыльныя бури, столь частыя и сильныя на сѣверномъ берегу Азовскаго моря, обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, обширнымъ пространствамъ земли, стоящимъ здѣсь подъ чернымъ паромъ.

Также громаднымъ количествомъ мелкой пыли въ воздухѣ объясняется и получившій столь печальную извѣстность у насъ въ Россіи «сухой туманъ», называемый въ степной полосѣ «помохой», когда воздухъ становится молочнымъ и настолько непрозрачнымъ, что въ 30—40 саженяхъ трудно уже различать предметы. Явленія эти еще недостаточно изучены, но ясно одно, что они всегда связаны съ нахожденіемъ въ воздухѣ громаднаго количества твердыхъ частицъ, будь то минеральная пыль почвы или споры растеній и бактерій, или, наконецъ, дымъ, состоящій изъ продуктовъ неполнаго сгоранія лѣсовъ или торфа во время частыхъ у насъ лѣсныхъ и торфяныхъ пожаровъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ, конечно, преобладаетъ какая-нибудь одна изъ этихъ причинъ, но, вѣроятно, могутъ быть случаи, когда дѣйствуетъ совокупность двухъ и даже трехъ изъ нихъ. Помоха наблюдается, главнымъ образомъ, лѣтомъ, при восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтрахъ, и если вѣтеръ не силенъ, то держится иногда нѣсколько дней, но послѣ небольшого даже дождя помоха пропадаетъ; иногда помоха движется тучей и движеніе ея вполнѣ опредѣлено господствующимъ въ данное время вѣтромъ. Помоха оказываетъ губительное дѣйствіе на растительность, какъ луговую, такъ и древесную: травы рѣдѣютъ и погибаютъ, многіе хлѣба также погибаютъ окончательно, другіе даютъ мелкое и тощее зерно, лѣсъ иногда втеченіе нѣсколькихъ часовъ пріобрѣтаетъ осенній видъ, листья липы и осины бурѣютъ и покрываются темными пятнами. Мѣстные жители во время продолжительной помохи жалуются на общую слабость и даже зудъ въ тѣлѣ; есть нѣкоторыя указанія, что въ это время усиливаются и эпидемическія болѣзни (холера).

Помоха охватываетъ иногда громадныя пространства. Такъ, мгла 1896 г. въ 6 дней, отъ 13 до 18 іюня, заняла площадь отъ Акмолинской области до западной окраины Европейской Россіи, при чемъ сильнѣе всего была на востокѣ.

Явленія, подобныя нашей помохѣ, встрѣчаются въ сухихъ равнинахъ Испаніи и въ странахъ Верхняго Нила и также вызваны обогащеніемъ атмосферы пылью, которая поднимается восходящими токами воздуха, образовавшимися благодаря сильному нагрѣванію сухой, лишенной растительности почвы.

Но даже и подобныя перемѣщенія массъ пыли, хотя и имѣющія громад-

ное значеніе не только въ жизни людей, но, какъ мы видимъ, и въ измѣненіи «лика земли», все же—явленія періодическія, а не постоянныя: они не мыслимы безъ сильнаго вѣтра, только сильный вѣтеръ можетъ поднять и переносить такую громадную массу твердыхъ частицъ. Роль пыли не ограничивается этими грандіозными періодическими явленіями, она гораздо шире, значительнѣе и постояннѣе. Мелкая пыль находится въ взвѣшенномъ состояніи въ нашей атмосферѣ всегда и вездѣ, но не въ одинаковыхъ количествахъ. Такъ, по опредѣленіямъ Эткена (Aitken) число пылинокъ въ 1 куб. сантим. воздуха колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ:

Вершина Бенъ-Невиса (Шотландія)	отъ	335	до	473
» Риги (Швейцарія).....	»	210	»	2.000
Каннъ и его окрестности.....	»	1.550	»	150.000
Белладжіо (оз. Комо).....	»	3.000	»	10.000
Парижъ.....	»	16.000	»	210.000

Изъ этой таблички видно, что меньше всего постоянной пыли на высокихъ горахъ, затѣмъ на берегу моря и озеръ, въ относительно малонаселенныхъ пунктахъ, а всего болѣе—въ большихъ городахъ. Слѣдовательно, наибольшее количество постоянной пыли нужно приписать дѣятельности человѣка, главнымъ образомъ дыму и копоти, выбрасываемой дымовыми трубами нашихъ домовъ, фабрикъ и заводовъ.

Но откуда же берется пыль въ воздухѣ высокихъ горъ? Во-первыхъ, она можетъ быть мѣстнаго происхожденія тамъ, гдѣ имѣются обнаженныя скалы, во-вторыхъ—восходящія воздушныя теченія могутъ принести ее изъ другихъ мѣстъ и наиболѣе мелкая пыль можетъ оставаться здѣсь въ взвѣшенномъ состояніи втеченіи продолжительнаго времени, въ третьихъ—большое, но еще не учтенное, участіе въ образованіи этой постоянной пыли имѣетъ и такъ называемая «метеорная пыль». Норденшильдъ, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и теоритическихъ изысканій, вычисляетъ, что на землю падаетъ въ годъ до 10.000.000 тоннъ метеорной пыли. Если даже признать вычисленія знаменитаго шведскаго ученаго сильно преувеличенными, все же присутствіе метеорной пыли въ нашей атмосферѣ несомнѣнно: она была находима во многихъ мѣстахъ. Такъ напр., въ Швеціи на снѣгу была найдена черная пыль, оказавшаяся желѣзомъ метеорнаго происхожденія. Понятно, что только при значительномъ одновременномъ выпаденіи такой пыли и притомъ именно на снѣгъ она можетъ быть замѣчена; такіе же случаи, конечно, исключительные. Поэтому нужно признать, что громадныя массы метеорной пыли достигаютъ земной поверхности и, постепенно вывѣтриваясь, ускользаютъ отъ нашего вниманія. Недавно метеорную пыль нашли въ красномъ илѣ Тихаго океана и другихъ морей; и здѣсь она состояла изъ шариковъ желѣза съ примѣсью кобальта и никеля, шарики эти достигали величины 0,2 милиметра, но, конечно, и здѣсь преобладающая масса метеорныхъ пылинокъ имѣла гораздо меньшіе размѣры и подверглась разложенію. Вообще, врядъ ли обычнымъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ подобнаго ила можно выяснить количествен-

ное значеніе метеорной пыли въ образованіи земного шара; здѣсь необходимы другіе методы учета, которыхъ наука пока еще не выработала. Но намъ кажется, что анализы большихъ количествъ постоянной пыли, собранныхъ изъ чистаго воздуха горныхъ высотъ могли бы много поспособствовать выясненію вопроса о томъ, правъ ли Норденшильдъ, отводя метеорной пыли центральную роль въ процессѣ образованія земного шара и другихъ міровыхъ тѣлъ.

Хотя мы не можемъ точно учесть различные моменты происхожденія постоянной пыли, но громадное значеніе ея въ жизни земли намъ совершенно ясно: она является однимъ изъ главныхъ факторовъ въ процессѣ образованія дождя и тумана.

Еще лѣтъ 20 тому назадъ извѣстный англійскій физикъ Джонъ Эткенъ, котораго мы уже цитировали выше, демонстрировалъ слѣдующій опытъ.

«Вотъ, говоритъ онъ, два большихъ пріемника, соединенныхъ трубками съ сосудомъ съ кипящей водой. Направимъ паръ въ одинъ изъ пріемниковъ: вы видите паръ тотчасъ же, лишь только онъ туда входитъ. Вотъ поднимается густой туманъ и вы видите, что весь пріемникъ наполняется густымъ паромъ, образующимъ прекрасное бѣлое облако, настолько плотное, что черезъ него ничего не видно. Пустимъ паръ въ другой пріемникъ. Какъ пристально ни вглядывайтесь, вы не замѣтите пара, когда онъ туда входитъ; онъ входитъ туда въ теченіе долгаго времени, но вы его не видите. Никакого намека на облако въ этомъ пріемникѣ, хотя онъ также полонъ парами воды, какъ и первый, въ которомъ все время вы видите туманъ. Чему приписать такое различіе въ этихъ двухъ случаяхъ? Только слѣдующему: въ первомъ пріемникѣ, наполненномъ теперь туманомъ, до опыта находился комнатный воздухъ, тогда какъ во второмъ былъ этотъ же воздухъ, но пропущенный предварительно черезъ ватный фильтръ и слѣдовательно свободный отъ какой бы то ни было пыли. Воздухъ, заключающій пыль, образуетъ густое облако паровъ воды; въ воздухѣ, свободномъ отъ пыли, такого облака не появляется».

Чему же приписать такую конденсирующую способность пыли?

По мнѣнію проф. Менсбругге, это объясняется тѣмъ (законность, установленная лордомъ Кельвиномъ), что шероховатыя, исчерченныя поверхности сгущаютъ паръ воды сильнѣе, чѣмъ совершенно гладкія, при этомъ чѣмъ уже данное углубленіе, тѣмъ скорѣе и легче происходитъ это сгущеніе. Частицы пыли покрыты, конечно, массой узкихъ микроскопическихъ трещинъ и углубленій, въ нихъ то и происходитъ осажденіе и сгущеніе паровъ воды *).

Поэтому большіе, особенно фабричные, города почти всегда окутаны слабымъ туманомъ, который прекрасно видѣнъ, если смотрѣть на городъ издали, съ какого-нибудь возвышенія. При нѣкоторыхъ, благопріятныхъ условіяхъ—усиленіи количества водяныхъ паровъ въ воздухѣ и пониженіи температуры—въ такихъ городахъ появляются туманы, видимые и ощущаемые уже самими

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. нашу „Научную хронику“ въ мартовской книжкѣ 1902 г.: „О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ“.

жителями. Какъ всѣмъ извѣстно, особенно славится своими туманами Лондонъ: здѣсь все благопріятствуетъ образованію тумана—и влажный климатъ, и обиліе въ воздухѣ угольной копоти; послѣдней Лондонъ обязанъ появленіемъ иногда чернаго тумана, затрудняющаго дыханіе; во время этого тумана въ Лондонѣ прекращается всякое движеніе. По мѣрѣ роста фабричной дѣятельности увеличивается въ Лондонъ и число туманныхъ дней. Такъ, въ пятилѣтіе отъ 1871—1875 гг. здѣсь было въ среднемъ за годъ 50,8 дней съ туманомъ, въ пятилѣтіе отъ 1876—1880 гг. 58,4 дней, отъ 1881—1885 гг. 62,2 дня, 1886—1890 гг. 74,2 дня. Слѣдовательно, число тумановъ въ Лондонѣ за 20 лѣтъ выросло въ $1^1/_2$ раза, при чемъ наиболѣе сильно это возрастаніе сказывалось зимой и осенью, когда помимо фабричныхъ происходитъ топка и домовыхъ печей. Парижъ въ былое время, когда топливомъ въ немъ были дрова, не зналъ густыхъ тумановъ, теперь же, съ переходомъ къ каменному углю, и въ Парижѣ часто наблюдаются густые желтые туманы.

Проливные дожди слѣдующіе за вулканическими изверженіями и образующіе изъ вулканическаго пепла потоки грязи, залившіе, напр., Помпею, эти дожди вызываются не только изверженіемъ громадной массы водяныхъ паровъ, но и твердыхъ частицъ, которыя немедленно сгущаютъ эти пары въ воду. Многіе склоняются къ тому мнѣнію, что, напр., дождливое лѣто прошлаго года было обязано, между прочимъ, и громаднымъ количествамъ вулканической пыли, обогатившей нашу атмосферу во время изверженій на Антильскихъ островахъ. Вообще, можно утверждать, что круговоротъ воды на земномъ шарѣ былъ бы гораздо медленнѣе, если бы воздухъ былъ свободенъ отъ пыли; тогда водяные пары въ тихую погоду могли бы скопляться въ атмосферѣ въ громадныхъ количествахъ, она была бы пересыщена парами, такъ какъ сгущеніе шло бы гораздо медленнѣе.

Наша характеристика значенія пыли въ жизни земли была бы не полна, если бы мы не сказали нѣсколькихъ словъ объ органическихъ частяхъ пыли.

Было уже упомянуто, что даже въ пыли помохи находится большое количество микроорганизмовъ, большею частью принадлежащихъ къ отряду грибовъ, упомянуто также и о томъ, что въ образцахъ пыльнаго дождя въ февралѣ текущаго года были найдены различные растительные остатки. Вообще, можно сказать, что во всякой пыли находится масса микроорганизмовъ, а также иногда сѣмена и споры высшихъ растеній. Вполнѣ основательно бактеріи и ихъ споры, носящіяся въ воздухѣ считаются одной изъ главныхъ причинъ многихъ болѣзней; поэтому за послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ ученые начали усердно заниматься изученіемъ бактерій, извлекаемыхъ изъ атмосферной пыли. Опредѣляются не только виды, но количества ихъ въ кубической единицѣ воздуха. Особенно систематично ведутся подобныя изслѣдованія въ парижской городской лабораторіи Монсури докторомъ Микелемъ. Между прочимъ, изъ его изслѣдованій видно, что въ кубическомъ метрѣ воздуха находится на высокихъ горахъ 1 бактерія, на Атлантическомъ океанѣ 0,6, на вершинѣ Парижскаго пантеона—200, въ паркѣ Монсури—490, а въ воздухѣ нѣкоторыхъ улицъ Парижа отъ 30 до 36 тысячъ бактерій, въ воздухѣ же, взятомъ изъ госпи-

таля Питье въ одномъ кубическомъ метрѣ воздуха находится 79 тысячъ бактерій. Но нужно замѣтить, что количество бактерій въ воздухѣ колеблется въ зависимости отъ времени года и погоды: лѣтомъ, особенно въ влажную и теплую погоду находится въ воздухѣ наибольшее количество бактерій, послѣ же дождя количество ихъ уменьшается.

До сихъ поръ мы говорили о пыли открытаго воздуха; въ воздухѣ, находящемся внутри домовъ, пыли гораздо больше. Такъ, тотъ же англійскій ученый Эткенъ, на котораго мы уже ссылались, нашелъ въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ воздуха въ залѣ засѣданія королевскаго общества въ Эдинбургѣ:

У пола	до засѣданія	275.000	пылинокъ
У потолка		3.000.000	»
У пола	послѣ засѣданія	400.000	»
У потолка		3.500.000	»

Сильно увеличивается количество пыли въ комнатахъ послѣ продолжительнаго горѣнія свѣчей, лампъ и газа. Такъ, послѣ горѣнія четырехъ газовыхъ горѣлокъ въ теченіе двухъ часовъ количество пыли въ комнатѣ увеличилось слишкомъ въ сто разъ.

Какъ всякое физическое явленіе, атмосферная пыль является то благодѣтельною, то враждебною человѣку. Мы видѣли, что она ускоряетъ круговоротъ воды и тѣмъ, конечно, повышаетъ интенсивность жизни на земной поверхности, но, съ другой стороны, большія количества ея являются причиной сухихъ тумановъ, помохи, безспорно наносящихъ страшный вредъ человѣку. И самъ человѣкъ нераціональнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства, гигантскимъ развитіемъ городовъ и концентраціей въ послѣднихъ фабричнаго и заводскаго производства способствуетъ увеличенію въ атмосферѣ количества пыли и вслѣдствіе этого ухудшаетъ климатъ. Но благодаря научнымъ изслѣдованіямъ стали ясны причины этого ухудшенія и средства борьбы съ ними. Научная постановка земледѣлія, охранительные лѣсные законы, искусственныя лѣсонасажденія, регулированіе рѣкъ и искусственное орошеніе безводныхъ сухихъ равнинъ помогутъ человѣку бороться съ пыльными бурями, помохой и засухами, а уничтоженіе, при помощи особыхъ приборовъ, угольнаго дыма и копоти въ самый моментъ ихъ образованія позволятъ большимъ фабричнымъ центрамъ избавиться отъ вредныхъ и во всѣхъ смыслахъ невыгодныхъ искусственныхъ тумановъ. Подобнаго рода мѣропріятія начинаютъ практиковаться уже въ широкихъ размѣрахъ въ культурныхъ странахъ—въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Россія и здѣсь идетъ въ самомъ хвостѣ: она слишкомъ невѣжественна, чтобы понять необходимость такой борьбы, и слишкомъ бѣдна, чтобы осуществить ее; наша борьба съ засухами, неурожаями, пыльными бурями и проч. носитъ какой-то игрушечный, канцелярскій характеръ; да, впрочемъ, иного она и носить не можетъ. До фабричнаго же «тумана» мы не доросли.

Пыль, конечно, приноситъ самой разнообразный вредъ здоровью человѣка, въ особенности же пыль жилыхъ помѣщеній и фабрикъ; такая пыль содержитъ въ себѣ не только зародыши заразныхъ болѣзней, но и острые кусочки камня, которые разъѣдаютъ слизистую оболочку и способствуютъ проникнове-

венію въ ткани бактерій; иногда такая пыль, содержитъ и спеціальныя ядовитыя вещества: мышьякъ, свинецъ, сѣру и проч. Кому неизвѣстно распространеніе чахотки у каменьщиковъ, мельниковъ, граверовъ по стеклу, отравленіе сѣрой и фосфоромъ рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ, свинцомъ—наборщиковъ и т. п.?! Борьба началась и въ этой области, но относительно недавно; окончательная побѣда возможна здѣсь только при высокой культурѣ, когда общественная солидарность будетъ шире пониматься и глубже чувствоваться.

Но все же благодаря пропагандѣ гигіенистовъ въ нѣкоторыхъ странахъ сдѣланы уже первые шаги въ борьбѣ съ вреднымъ вліяніемъ пыли на организмъ человѣка. Такъ, все большее и большее распространеніе получаютъ: распрыскиваніе на пыльныхъ дорогахъ керосина или смолы, запрещеніе плевать на землю, выколачивать ковры на улицахъ и лѣстницахъ, употребленіе мокрыхъ опилокъ при метеніи и тому подобныя «мелочи», имѣющія громадное общественно-гигіеническое значеніе. Съ одной изъ такихъ мелочей гигіенистамъ до сихъ поръ не удавалось справиться, это съ пылью, находящейся въ мягкой мебели, коврахъ, въ занавѣсяхъ и т. п. Вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе не только для богатой буржуазной семьи, имѣющей эти прекрасныя вещи въ своей квартирѣ, но и для всего общества, такъ какъ подобной мебелью и декоративными украшеніями полны наши театры, концертныя залы и многія другія общественныя учрежденія. Между тѣмъ, обыкновенное выбиваніе пыли изъ мебели, помимо общественной опасности, не достигаетъ и прямой своей цѣли, такъ какъ большая часть пыли остается въ мебели и только перемѣщается изъ одного мѣста въ другое.

Въ виду этого, нельзя не считать большимъ прогресомъ въ области общественной гигіены изобрѣтеніе особаго аппарата, при помощи котораго пыль изъ мягкой мебели удаляется совершенно и собирается при этомъ въ особый замкнутый пріемникъ. Аппаратъ этотъ выпущенъ англійской фирмой «Vacuum Cleaner». Онъ состоитъ изъ выкачивающаго насоса, который приводится въ движеніе моторомъ, дѣлающимъ 250 оборотовъ въ минуту. Насосъ соединенъ при помощи гибкихъ трубокъ съ плоскимъ металлическимъ конусомъ, нижняя часть котораго оправлена въ каучукъ. Между этимъ конусомъ и насосомъ находится герметически закрытый ящикъ для собиранія пыли; входящій въ него воздухъ ударяется объ особую металлическую пластинку и оставляетъ здѣсь наиболѣе крупныя частицы пыли, затѣмъ воздухъ фильтруется черезъ двойной мѣшокъ изъ плотнаго полотна и выходитъ наружу почти совершенно свободнымъ отъ пыли. На днѣ ящика устроена особая дверца, черезъ которую можно время отъ времени собирать накопившуюся въ немъ пыль и сжигать ее.

При помощи этого аппарата пыль совершенно извлекается изъ всякихъ матерій, ковровъ, обоевъ и т. п.; воздухъ при этомъ проходитъ черезъ нихъ со скоростью 50 метровъ въ секунду и извлекаетъ пыль не только изъ тканей, но изъ-подъ нея.

Этотъ приборъ приспособленъ для удаленія пыли не только изъ матерій или вообще изъ предметовъ, проницаемыхъ для воздуха, но со стѣнъ, потолковъ, и половъ, не покрытыхъ тканями; въ этомъ случаѣ пускается въ ходъ малень-

кая щетка, приводимая во вращеніе электричествомъ и расположенная у входного отверстія высасывающаго конуса; и въ этомъ случаѣ вся пыль всасывается въ ящикъ.

Упомянутая выше англійская компанія уже произвела предварительные опыты въ нѣсколькихъ театрахъ, въ спальныхъ вагонахъ и даже примѣнило его къ чисткѣ домашнихъ животныхъ, которые подчинялись этой операціи съ большимъ удовольствіемъ. Крайне поразительно количество пыли, собранное при помощи такихъ приборовъ изъ мебели одного театра: 240 килограммъ, т.-е. 15 пудовъ! Эти пуды пыли накопились здѣсь въ теченіе 50 лѣтъ, несмотря на часто производившіяся выкалачиванія мебели. Пыль эта подвергнута микроскопическому изслѣдованію и оказалась состоящей изъ минеральныхъ частицъ, волоконъ шерсти и самыхъ разнообразныхъ микробовъ.

II.

О размѣрахъ микробовъ, о размноженіи *низшихъ организмовъ* и о дѣйствіи на нихъ жидкаго воздуха.

Намъ не разъ уже приходилось говорить о тѣхъ предѣлахъ микроскопическаго изслѣдованія, которые обусловливаются самымъ устройствомъ нашихъ микроскоповъ и несовершенствомъ ихъ стеколъ. Предѣлъ этотъ—0,1 микрона, т.-е. 0,0001 милиметра; частицы меньшего діаметра уже неразличимы подъ микроскопомъ.

Тотъ методъ іенскихъ физиковъ, о которомъ мы говорили въ мартовскомъ «Научномъ фельетонѣ» и который сильно увеличиваетъ разлагающую силу микроскопа, врядъ-ли сможетъ, безъ дальнѣйшихъ усовершенствованій, быть примѣненъ къ изученію обычныхъ микроскопическихъ препаратовъ.

Интересно, что многіе микробы приближаются уже къ этой предѣльной величинѣ: такъ, одинъ патогенный микробъ, найденный въ организмѣ кролика и изученный Кохомъ *(Micrococus progrediens)*, имѣетъ въ діаметрѣ всего только 0,15 микрона, такую же приблизительно величину имѣетъ бактерія, открытая Вогесомъ въ водѣ *(Pseudomonas indigofera)*. Но мы знаемъ, что существуютъ микроорганизмы еще меньшей величины, уже неразличимые нашими микроскопами и обнаруживаемые только тѣми болѣзнетворными процессами, которые они производятъ, а также и слабой опалесценціей тѣхъ жидкостей, въ которыхъ они находятся.

Является вопросъ, во много-ли разъ меньше эти невидимые микробы тѣхъ, которые мы еще различаемъ подъ микроскопомъ, можетъ-ли существовать между ними такое же громадное различіе въ величинѣ, какое существуетъ, напр., между организмомъ человѣка и микробомъ съ діаметромъ въ 0,1 микрона?

Бельгійскій профессоръ *Герера*, исходя изъ вычисленій Максвеля, Лошмидта, Гофмейстера и Ненцкаго, приходитъ къ выводу, что въ микрококкѣ такого объема (діам. 0,1 микрона) *(Micrococus progrediens)* содержится не болѣе 10.000 молекулъ бѣлковаго вещества и 3.000 молекулъ сѣры, а отсюда слѣдуетъ заключить, что тотъ микроорганизмъ, діаметръ котораго былъ бы 0,01 микрона, заключалъ бы не болѣе дюжины молекулъ бѣлковаго вещества и трехъ молекулъ сѣры.

На основаніи этихъ вычисленій Герера заключаетъ, что невозможно предположить существованіе микроорганизмовъ, которые были бы въ нѣсколько сотъ разъ меньше, чѣмъ извѣстные намъ микробы, различимые подъ микроскопомъ. Дѣйствительно, подобнаго рода соображенія указываютъ на опредѣленный предѣлъ мелкости организмовъ, но выводъ этотъ обязателенъ только для тѣхъ, кто молекулярное строеніе вещества считаетъ реальностью.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о предѣлѣ мелкости микроорганизмовъ находится и вопросъ о предѣлѣ размноженія ихъ путемъ дѣленія.

По теоріи Вейсмана, одноклѣточные организмы дѣленіемъ на двѣ части могутъ размножаться безконечно, причемъ каждая дочерняя клѣтка является частью материнской, такъ что можно сказать, что жизнь послѣдней продолжается непосредственно.

Многочисленные же опыты Бючли, Мопа и Энгельманна показываютъ, что послѣ цѣлаго ряда дѣленій и для микроба наступаетъ, наконецъ, старость, истощеніе клѣтки, которое можетъ побороть только коньюгація, т.-е. соединеніе двухъ индивидумовъ различныхъ поколѣній въ одинъ; послѣ коньюгаціи клѣтка можетъ снова размножаться дѣленіемъ.

Недавно опубликована работа англійскаго ученаго Н. Кэлькинса (Calkins), которая дастъ этому вопросу иное освѣщеніе.

Для своихъ опытовъ Кэлькинсъ взялъ очень распространенную инфузорію-парамецію (*Paramecium caudatum*). 1-го февраля 1901 г. онъ изолировалъ 2 клѣтки отъ разныхъ индивидуумовъ и въ дальнѣйшихъ опытахъ исходилъ изъ 8 индивидуумовъ, происшедшихъ отъ дѣленія на двѣ части этихъ 2-хъ клѣтокъ.

Къ 1-му мая 1902 г. одна изъ этихъ клѣтокъ дала 553, другая 505 поколѣній. За весь этотъ періодъ размноженія коньюгація мѣста не имѣла, но въ отдѣльные промежутки времени жизненная энергія колоній ослабѣвала, причемъ этого факта нельзя было привести въ связь съ колебаніями температуры. Приблизительно каждые 3 мѣсяца наступалъ періодъ, когда клѣтки дѣлались вялыми и слабыми, переставали регулярно дѣлиться, давали индивидуумовъ неправильной формы и, наконецъ, умирали, если въ жизнь колоній не вмѣшивался такъ или иначе экспериментаторъ. Періоды ослабленія колоній могли быть прекращены механическимъ раздраженіемъ, напр., перевозкой ихъ по желѣзной дорогѣ, или же химическимъ, напр., измѣненіемъ пищи (мясной экстрактъ вмѣсто настойки сѣна), или же, наконецъ, повышеніемъ температуры. Благодаря вышеупомянутымъ раздражителямъ, колонія оправлялась очень быстро и снова начинала дѣлиться съ прежнимъ успѣхомъ.

Результаты этихъ опытовъ наводятъ автора на слѣдующія соображенія.

Коньюгацію можно сравнивать съ оплодотвореніемъ яйца у высшихъ организмовъ; оплодотвореніе и коньюгація физіологически тожественны, такъ что инфузорія, нуждающаяся для дальнѣйшаго размноженія, въ коньюгаціи, подобна зрѣлому яйцу, нуждающемуся въ оплодотвореніи. Но въ послѣднее время стало извѣстно *), что, напр., яйца иглокожихъ способны размножаться и безъ

---

*) См. „Научный обзоръ“ за ноябрь 1902 г. „Оплодотвореніе въ животномъ царствѣ“. П. Ю. Шмидта.

оплодотворенія, благодаря чисто механическимъ или химическимъ раздражителямъ, дѣйствующимъ на яйцо. Такимъ образомъ былъ обнаруженъ своего рода искусственный партеногенезисъ (безполое размноженіе). У инфузорій мы видимъ то же самое и потому можно также говорить объ искусственномъ партеногенезисѣ инфузорій. Очень возможно, что и въ природѣ подобные раздражители могутъ дѣйствовать на инфузорій, для которыхъ поэтому возможно безконечное дѣленіе въ вейсмановскомъ смыслѣ (безъ коньюгаціи). Но и коньюгація сама по себѣ, по наблюденіямъ того же Кэлькинса, не всегда ведетъ къ обновленію клѣтки, такъ что для обновленія клѣтки необходима не столько сама коньюгація, сколько совокупность извѣстныхъ условій, обыкновенно осуществляемыхъ при ней. Если результаты работы Кэлькинса подтвердятся и другими изслѣдователями, то мы пріобрѣтемъ обобщеніе громадной важности для всей біологіи.

За послѣдніе два года намъ не разъ приходилось говорить о работахъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ вліяніе на организмы различныхъ температуръ. Здѣсь мы остановимся на опытахъ Эллена Мэкфедіена (Allan Mackfadyen) о вліяніи низкихъ температуръ на микроорганизмы. Благодаря этимъ опытамъ, еще въ 1900 г. стало извѣстно, что температура жидкаго воздуха (—190° С), дѣйствующая на микробовъ въ теченіе 7 дней, не оказываетъ вреднаго вліянія на жизнеспособность ихъ, а температура жидкаго водорода (—252°) не убиваетъ ихъ даже въ теченіе 10 часовъ.

Теперь тотъ же ученый поставилъ опыты, при которыхъ жидкій воздухъ дѣйствовалъ на бактеріи впродолженіи полугода. Для опытовъ были взяты микробы, не производящіе споръ, именно: тифозная бацилла, бацилла coli communis и одинъ стафилококъ (Staphylococcus pyogenes aureus), а также дрожжи (Sacharomyces). Бактеріи помѣщались въ жидкомъ воздухѣ или на кусочкахъ ваты, вложенныхъ въ металлическія продыравленныя трубочки, или прямо на ушкѣ изъ платиновой проволоки. Дрожжи же раньше помѣщенія въ жидкій воздухъ мылись, прессовались и завертывались въ рисовую бумагу.

Пребываніе микробовъ въ теченіе полугода въ жидкомъ воздухѣ не оказало никакого вліянія на ихъ жизнеспособность. Они росли нормально и отправленія ихъ остались неизмѣнными.

Мэкфедіенъ нашелъ также, что свѣтящіяся бактеріи не теряютъ этой способности послѣ дѣйствія на нихъ температуры жидкаго воздуха. Но затѣмъ онъ занялся вопросомъ, будутъ ли онѣ свѣтиться послѣ того, какъ ихъ растереть при температурѣ жидкаго воздуха. Надо замѣтить, что при такой температурѣ, когда всякіе химическіе процессы прекращаются, даже и растираніе не можетъ нарушить химическаго строенія протоплазмы, она только разрушаетъ клѣтки. Опытъ показалъ, что послѣ растиранія способность свѣченія бактеріи пропадаетъ. Отсюда авторъ вполнѣ правильно дѣлаетъ выводъ, что свѣченіе бактерій есть функція живой цѣлой клѣтки, а не химическаго вещества протоплазмы свѣтящихся бактерій.

В. Агафоновъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Май **1903 г.**

Содержаніе: Беллетристика.—Публицистика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.— Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Луговой. „Грани жизни“.—*В. Вересаевъ.* „Разсказы“. Т. III.—*Лонгфелло.* „Пѣснь о Гайаватѣ“.—*Луве де-Куврэ.* „Любовныя похожденія кавалера Фоблаза“.—*Шницлеръ.* „Часы жизни“.

А. Луговой. «Грани жизни». Романъ въ пяти частяхъ. Два тома. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Чтобы понять красивое, хотя нѣсколько вычурное заглавіе г. Лугового, надо привести небольшую выдержку изъ второй части, гдѣ разсказывается, какъ героиня романа Нерамова вмѣстѣ съ героемъ Сарматовымъ посѣщаютъ фабрику хрустальныхъ издѣлій въ Богеміи и любуются искусствомъ стараго опытнаго гравера, гранящаго чашу. «Звенитъ тонкая чаша, а на поверхности хрусталя появляются новыя и новыя грани и новые узоры и прихотливые арабески... Такъ жизнь человѣка въ рукахъ Сатурна, какъ эта чаша въ рукахъ гравера, задумчиво полушопотомъ, начинаетъ фантазировать Сарматовъ.—И въ нашемъ сердцѣ время проводитъ грани за гранями, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ онѣ тоньше, тѣмъ драгоцѣннѣе чаша жизни. Но грани—предѣлы. Немножко въ сторону, немножко за грань, и красота нарушена; немножко глубже, чѣмъ слѣдуетъ, и, вмѣсто грани, трещина. Перекрещиваются между собой тысячи граней, и звонкая чаша горитъ алмазами; нѣсколько трещинъ на ней—и она разбита». Таковъ смыслъ заглавія романа, въ которомъ повѣствуется, какъ жизнь налагала грани въ сердцѣ героини, которая стремится самостоятельно завоевать себѣ мѣсто въ жизни. Какъ женщинѣ, ей приходится съ большими препятствіями отвоевывать себѣ это мѣсто, и около вопроса о женской самостоятельности, о правѣ женщины на «самочинное» существованіе сосредоточивается главный интересъ повѣствованія. Разговоры о женскомъ трудѣ, женской самостоятельности и проч. составляютъ добрую половину содержанія, что дѣлаетъ романъ нѣсколько монотоннымъ, растянутымъ и, правда сказать, скучноватымъ. Личность героини, въ общемъ, очерчена живо и нешаблонно, но все остальное мало оригинально и нехудожественно, а безконечные разговоры на вышеупомянутую тему еще усугубляютъ впечатлѣніе нехудожественности. Авторъ покидаетъ свою героиню въ апогеѣ жизни, когда она завоевала свое мѣсто въ жизни, и обрываетъ внезапно романъ неожиданной смертью мужа ея, что не производитъ, однако, впечатлѣнія незаконченности, такъ какъ авторъ могъ бы еще и еще тянуть процессъ «огранки» своей героини до безконечности, и романъ не сталъ бы отъ этого ни интереснѣе, ни содержательнѣе. Происходитъ это отъ того, что въ самой конструкціи романа есть крупный дефектъ,—нѣтъ развитія характе-

ровъ, художественнаго процесса въ ихъ обрисовкѣ, который такъ или иначе завершился бы въ цѣльный и яркій образъ, вполнѣ законченный и опредѣленный. И героиня, и ея герои не встаютъ предъ нами, какъ живые люди. Это— обычныя схемы, которыми авторъ искусно оперируетъ, поскольку это нужно для его темы, но сами-то они мало интересны, не сверкаютъ «гранями» и не вызываютъ особыхъ отраженій въ сердцѣ читателя, остающагося довольно равнодушнымъ къ ихъ судьбѣ и къ «шлифовкѣ» ихъ авторомъ.

Оригинальную черту романа составляетъ дѣятельность героини, избравшей своей цѣлью устройство образцовой мастерской изящныхъ дамскихъ нарядовъ. Цѣли этой она добивается и очень успѣшно конкурируетъ съ разными французскими магазинами. Но какъ самая цѣль, такъ и способы ея осуществленія врядъ ли кого могутъ увлечь и заинтересовать, какъ отрасль промышленности слишкомъ исключительная и весьма ограниченнаго общественнаго значенія. Тѣмъ болѣе, что все это сводится къ личному благополучію, хотя героиня порой и пробалтывается о иныхъ началахъ, болѣе высокаго пошиба, чѣмъ сколачиваніе копѣйки за чужой счетъ. Но дальше разговора дѣло не идетъ, и героиня благоразумно удерживается отъ осуществленія артельной мастерской.

Въ концѣ концовъ, всѣ «грани» въ сердцѣ героини сводятся къ одному— благополучному и обезпеченному существованію чисто мѣщанскаго свойства, что убиваетъ и тотъ малый интересъ, какой вызываетъ вначалѣ ея борьба за жизнь.

Впрочемъ, второе изданіе показываетъ, что читателей привлекаетъ кое-что къ этому объемистому творенію. Мы думаемъ, что это «кое-что» заключается отчасти въ женскомъ вопросѣ, составляющемъ центръ романа, отчасти въ попыткѣ дать нѣкоторое новое практическое его разрѣшеніе. И то, и другое, вѣроятно, и привлекаетъ преимущественно читательницъ. *А. Б.*

В. Вересаевъ. Разсказы. Т. III. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Въ третій томъ разсказовъ г. Вересаева вошли пять небольшихъ очерковъ и повѣсть «На поворотѣ», составляющая главное содержаніе этого тома. Повѣсть эта, какъ часто бываетъ въ текущей критикѣ, не была вполнѣ оцѣнена по достоинству. Герой ея Токаревъ какъ-то былъ просмотрѣнъ критикой, больше занявшейся типами молодежи, выведенными въ повѣсти, а неудачная, растянутая и нѣсколько грубая сцена купанія въ началѣ повѣсти слишкомъ привлекла вниманіе критиковъ, изъ-за нея не увидѣвшихъ сущности вопроса, составляющаго центръ повѣсти. Между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ не временное, преходящее значеніе, это дѣйствительно «проклятый» для многихъ и многихъ вопросъ объ «убыли души», когда «на поворотѣ» отъ молодости къ годамъ угасанія измѣняютъ человѣку слабѣющія силы, и онъ начинаетъ съ жгучею болью испытывать все наростающій разладъ между прежними идеальными порывами и своимъ дряхлѣющимъ «я». Въ такомъ настроеніи разлада находятся Токаревъ, человѣкъ въ свое время, и очень сравнительно недавнее, горѣвшій огнемъ идеализма, самоотверженія и страстной жажды борьбы, и любимая имъ дѣвушка, фельдшерица Варвара Васильевна, тоже принесшая не одну жертву и посвятившая всю себя страждущимъ. Оба дошли до поворотнаго пункта жизни, когда приходится настойчиво рѣшить вопросъ, что дѣлать, такъ какъ прежнее изжито, а новое или смутно и неясно, или уже не возбуждаетъ души, усталой и истрепанной жизнью. Настроеніе окружающей молодежи, съ ея жизнерадостностью и бодростью, трогаетъ ихъ, но не заражаетъ. Даже напротивъ, молодой задоръ подчасъ больно ранитъ утомленную душу, бередитъ не зажившія воспоминанія о старомъ, когда и оба они также горѣли, также были полны вѣры въ себя и надежды на лучшее. Варвара Васильевна—прекрасная фельдшерица, вызывающая у всѣхъ трогательное обожаніе своей самоотверженностью при исполне-

ніи долга, доходящей до героизма, но она—не только исполнительница велѣній долга, она прежде всего человѣкъ, желающій жить всѣми человѣческими стремленіями, жаждущая высшей цѣли, которая вѣчно влекла бы ее впередъ и впередъ. Долгъ, одинъ долгъ не можетъ наполнить всего человѣка, захватить его всецѣло. Онъ подавляетъ, а не развиваетъ всѣхъ силъ, заложенныхъ въ насъ, и съ невыносимою болью испытываетъ она это чувство подавленности при встрѣчѣ съ непримиримой жаждой дѣла, огромнаго, захватывающаго, всеобщаго, въ юной дѣвушкѣ Танѣ, которая сама—жизнь и неудержимое стремленіе къ дѣлу, не знающее ни колебаній, ни уступокъ. Ее убиваетъ сознаніе, что въ ней нѣтъ больше этой свободной жажды дѣла, страстнаго влеченія къ полнотѣ жизни, что прежніе порывы ослабли, и даже старое личное чувство, любовь къ Токареву, на мигъ ожившая въ ея сердцѣ, уже не вдохновляетъ, а скорѣе еще рѣзче подчеркиваетъ ея душовную усталость. И она умираетъ, сознательно заразившись при уходѣ за больнымъ сапомъ, чтобы покончить съ невыносимымъ для ея прямой и искренней натуры настроеніемъ вѣчнаго разлада и неувѣренности въ себѣ, въ людяхъ, въ своемъ дѣлѣ. Токаревъ переживаетъ то же самое, но по природѣ болѣе мягкій и нерѣшительный, онъ неспособенъ на такой рѣшительный шагъ и можно предвидѣть, что поворотъ для него завершится менѣе трагически. Онъ уже наполовину примирился съ своей «убылью души», когда пытается оправдаться предъ юношей, братомъ Варвары Васильевны, въ своей уступчивости и слабости. Его полукомическая попытка покончить съ собою—это окончательная сдача, отказъ отъ борьбы за высшія цѣли жизни и полное примиреніе съ жизнью. И у читателя не является ни малѣйшаго желанія упрекнуть его за это примиреніе: тяжелое чувство жалости, какъ при видѣ безнадежно больного, охватываетъ насъ, когда послѣ неудачнаго порыва покончить съ собою Токаревъ, разбитый и приниженный, бредетъ «въ темнотѣ, не зная, куда». Онъ страдалъ и боролся, и не вышелъ побѣдителемъ,—пусть такъ! Но только ограниченность и самодовольное тупоуміе можетъ отвернуться отъ него презрительно: кто понялъ настроеніе Токарева, тотъ признаетъ, какъ многое въ немъ не чуждо всякому, кто не примирился еще съ жизнью и борется съ нею... *А. Б.*

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно иллюстрированное изданіе. 399 рисунковъ. Переводъ И, А. Бунина. Изданіе т ва «Знаніе». 1903 г. Первое изданіе этого отличнаго перевода прекрасной поэмы было нами въ свое время разсмотрѣно («Библіогр. отдѣлъ» 1899 г., май), поэтому мы можемъ здѣсь ограничиться простымъ указаніемъ на настоящее новое изданіе, которое отличается отъ перваго значительно повышенною цѣною (2 р. вмѣсто 1 р. 25 к.) и увеличеніемъ числа рисунковъ. Правда, большинство этихъ рисунковъ, несмотря на свою миніатюрность, представляютъ несомнѣнный интересъ, даже независимо отъ текста: они, повидимому, срисованы съ подлинныхъ экспонатовъ какого-нибудь этнографическаго музея и даютъ наглядное понятіе о разнообразнѣйшихъ предметахъ обихода американскихъ краснокожихъ. Что касается текста самого перевода, то, насколько можно судить безъ построчнаго сравненія, онъ не подвергся въ новомъ изданіи никакимъ измѣненіямъ, хотя нѣкоторыя, впрочемъ немногочисленныя, шероховатости, нужно и можно было бы исправить. Укажемъ, напр., тяжелые обороты: «вы, кто любите», «вы, кто помните» (стр. 4), или безусловно неправильное мѣсто: «сотни *солнцевъ*» (стр. 57), или провинціализмы въ удареніяхъ, какъ «дѣва прерій» (стр. 23 и въ другихъ мѣстахъ), «жестокò» (стр. 167) или, наконецъ, неудачные неологизмы вродѣ «стрѣлодѣлатель» (стр. 99 и дальше). Устранить эти недочеты было тѣмъ легче, что ихъ немного. Однако, повторяемъ, въ общемъ переводъ г. Бунина читается пріятно и легко, а это большая рѣдкость среди нашихъ стихотворныхъ переводовъ. *Е. Дегенъ.*

Луве де-Куврэ. Любовныя похожденія кавалера Фоблаза. Съ портретомъ автора, иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и предисловіемъ. Спб. 1903 г. Этотъ романъ далеко не шедевръ, но любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Своею необыкновенною въ былые дни популярностью онъ обязанъ, конечно, игривости своего содержанія и искусству автора сплетать и расплетать въ безконечныхъ комбинаціяхъ самыя невѣроятныя положенія. Это типичный романъ XVIII вѣка, когда читатели искали въ подобнаго рода произведеніяхъ не опредѣленно очерченныхъ живыхъ типовъ, не вѣрной картины, а только увлекательно разсказанныхъ событій. Автору охотно прощались натяжки, несуразности, непослѣдовательности и противорѣчія, лишь бы онъ умѣлъ поддержать интересъ къ непрерывно развивающейся фабулѣ. И въ этомъ отношеніи «Фоблазъ» можетъ удовлетворить самые требовательные вкусы: несмотря на свою полную обветшалость, онъ и теперь не вызываетъ скуки: такъ умѣло ведется интрига, такъ ловко держитъ авторъ читателя въ ожиданіи все ускользающей развязки. Но въ этомъ произведеніи есть и другого рода черты, которыя, вѣроятно, проходили незамѣченными для большинства читателей, составившихъ его славу, но интересны съ точки зрѣнія историка литературы. Здѣсь можно найти слѣды вліянія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и литературныхъ теченій. Книга эта писалась въ знаменательный періодъ 1787—1789 года и содержитъ не мало замѣчаній или разсужденій, которыя, правда, совсѣмъ не вяжутся съ сутью разсказа, но должны показать, что авторъ стоитъ на высотѣ современности и дорожитъ званіемъ «добраго гражданина». Болѣе органическое вліяніе оказали на автора идеи Руссо объ отношеніи половъ и о правахъ чувства. Подъ этимъ вліяніемъ сложился несомнѣнно самый удачный съ современной точки зрѣнія женскій характеръ романа—пылкая графиня де-Линіоль. Всѣ прочія дамы ведутъ обычныя любовныя интриги, какъ это водилось въ XVIII вѣкѣ, сохраняя лишь необходимые конвенансы въ глазахъ свѣта, она же требуетъ правъ своей страстной любви. «Что за важность,—разсуждаетъ она,—что Фоблазъ повѣнчанъ съ другой! Я его люблю, и онъ меня любитъ, (онъ впрочемъ, любитъ всѣхъ женщинъ), а поэтому я его жена, а онъ мой мужъ». Эту мысль она краснорѣчиво и увлекательно развиваетъ и своей теткѣ, и отцу Фоблаза, съ полною примитивною убѣжденностью въ своей правотѣ. Эти страницы могъ бы не стыдясь подписать авторъ «Новой Элоизы». Наконецъ, въ романѣ есть еще любопытная особенность: одно изъ дѣйствующихъ лицъ, польскій графъ, продолжительно разсказываетъ исторію избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, Барскую конфедерацію, попытку конфедератовъ выкрасть короля изъ Варшавы и т. д. Несмотря на фантастическія подробности, видно, что авторъ былъ хорошо освѣдомленъ съ главными фактами. Противъ обыкновенія французскихъ авторовъ, даже гораздо болѣе поздняго времени, топографія передается здѣсь болѣе или менѣе вѣрно, даже географическія имена не перевраны, и ужъ вина русскаго переводчика, что онъ упоминающуюся тамъ рѣку Сулу переименовываетъ въ Сулъ.

Имя героя романа и воспоминаніе объ его баснословныхъ похожденіяхъ надолго пережило имя самого автора романа, также какъ весьма многіе никогда не слыхали имя испанскаго автора, пустившаго въ обращеніе по всей Европѣ типъ Донъ-Жуана. Отголосокъ популярности Фоблаза мы находимъ еще у Пушкина: талантъ Евгенія Онѣгина побѣждать женскія сердца весьма напоминаетъ французскаго героя.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,

Ловить минуту умиленья,
Невиныхъ лѣтъ предубѣжденья,
Умомъ и страстью побѣждать
И т. д.

Французскій прообразъ далъ образцы примѣненія каждаго изъ этихъ пріемовъ и тѣхъ, которые перечисляются далѣе въ такомъ изобиліи. И тутъ же у Пушкина слѣдуетъ упоминаніе самого источника:

Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фоблаза давній ученикъ
И т. д.

Этотъ «супругъ лукавый» даже не вполнѣ понятенъ, если не имѣть въ виду друга Фоблаза, графа Розамбера, который очень зло смѣялся надъ околпаченными мужьями, пока, женившись, самъ не попалъ въ смѣшное положеніе благодаря побѣднымъ талантамъ Фоблаза. Напомнить русской публикѣ эту книгу было бы небезполезно, но, къ сожалѣнію, небрежный языкъ перевода, ничего не говорящее предисловіе, слѣпой шрифтъ и дрянная бумага настоящаго изданія показываютъ, что оно расчитано не на тѣхъ читателей, которые отнеслись бы къ нему съ серьезными требованіями, а исключительно на тѣхъ, которые будутъ искать въ немъ легкаго и пикантнаго чтенія. Для послѣднихъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что нѣкоторые эпизоды въ русскомъ переводѣ сокращены. *Ев. Дегенъ.*

Артуръ Шнитцлеръ. Часы жизни. Четыре одноактныхъ пьесы. Переводъ съ нѣмецкаго О. Н. Поповой. Издательство О. Н. Поповой. С. Петербургъ. 1902 г. Жена мудреца. Маленькія новеллы. Переводъ съ нѣмецкаго. О Н. Поповой sfc. Шнитцлеръ принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ и переводимыхъ въ послѣднее время писателей. Нѣкоторыя его вещи выходятъ одновременно въ нѣсколькихъ переводахъ. И, нужно сказать, онъ по многимъ качествамъ своего таланта заслуживаетъ той популярности, которой пользуется.

О Шнитцлерѣ, какъ и о многихъ писателяхъ нашихъ дней, можно сказать, что онъ гораздо больше ставитъ вопросовъ, чѣмъ разрѣшаетъ. Въ этомъ смыслѣ онъ идетъ рядомъ съ жизнью, которая въ его изображеніи освѣщается своеобразно и вдумчиво. Хотя часто онъ далеко не ясно формулируетъ поднимаемые вопросы, но всегда заставляетъ задуматься, тѣмъ болѣе, что это по большей части—вопросы общечеловѣческіе: вопросы міросозерцанія, морали, эстетики. Ихъ развиваетъ онъ — наиболѣе удачно, и въ своихъ небольшихъ новеллахъ, и въ одноактныхъ драмахъ. Изъ такихъ отдѣльныхъ драмъ, объединенныхъ только общимъ центральнымъ вопросомъ, состоитъ извѣстная «Трилогія» Шнитцлера («Der grüne Kakadu»).

И въ разсматриваемомъ нами томикѣ четыре пьесы такъ или иначе затрогиваютъ одинъ общій и насущный вопросъ объ отношеніяхъ жизни и творчества. Гейнрихъ («Часы жизни»), служитель «свободнаго искусства», разрѣшаетъ его въ пользу послѣдняго. Онъ узнаетъ, что его больная мать рѣшилась умереть раньше времени ради него, «*изнемогившаго подъ гнетомъ ея болѣзни*», чтобы спасти его талантъ—дать ему возможность слѣдовать своему призванію; онъ знаетъ это—и, послѣ взрыва отчаянія, какъ будто ставъ выше своего человѣческаго горя, говоритъ о тѣхъ «*часахъ жизни*», которыми мать пожертвовала для него: «Часы жизни? Они исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣми, которые о нихъ помнятъ. Я не считаю позорнымъ создать такіе часы, которые сохранятся дольше того предѣла, который имъ положенъ». Для него вопросъ рѣшенъ. Но весь уголокъ сложной и напряженной жизни, раскрытый въ пьесѣ,

показываетъ, насколько ясно для другихъ людей тотъ же вопросъ всей ихъ изстрадавшейся душой разрѣшенъ въ обратную сторону.

Одна изъ вѣчныхъ трагедій жизни.

Другой конфликтъ жизни и искусства—въ душѣ неудачника-актера, сводящаго счеты съ несчастнымъ прошлымъ («Послѣднія маски»). «Что такое самый пылкій любовный восторгъ въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ ждешь того, кого ненавидишь?»—говоритъ онъ, и страстно ждетъ предмета своей ненависти—бездарнаго, безполезнаго человѣка, которому жизнь дала все, отнятое у него. Поддавшись силѣ воображенія, онъ играетъ, изливая все то, что хотѣлъ бы сказать своему врагу, поднимается до высокаго трагическаго паѳоса; но врагъ приходитъ—и недавній герой теряется: порывъ прошелъ, его побѣждаетъ самоувѣренность ограниченной посредственности, за которую стоитъ жизнь.

Новое выраженіе мотивъ, объединяющій всѣ пьесы тетралогіи (которая, впрочемъ, не носитъ у Шнитцлера этого названія), получаетъ въ пьесѣ «Женщина съ кинжаломъ». Передъ нами художникъ, для котораго искусство—все. Въ кровавой развязкѣ своей драмы онъ видитъ только фигуру жены съ кинжаломъ въ рукѣ, со взглядомъ, устремленнымъ на трупъ—ту позу, которая ему давно нужна для картины—и счастливъ: «*Ужель услышана моя молитва, Боже? Такъ вотъ отвѣтъ, какъ долженъ кончить я картину—Божественной покорный волѣ, я завершу начатое творенье*». Но это не основной выводъ пьесы. Вся она цѣликомъ выражаетъ мысль, что, можетъ быть, жизнь сильнѣе искусства. Эта мысль—вѣрнѣе, вопросъ—получаетъ необыкновенно оригинальное выраженіе въ обработкѣ Шнитцлера, хотя самая концепція уже не нова: человѣкъ чувствуетъ свою связь съ старинной картиной; она напоминаетъ ему о прошлой, таинственной, какъ бы забытой имъ жизни его вѣчнаго «я».

Что дѣйствительно существуетъ и что только кажется существующимъ? Гдѣ граница между жизнью и грёзой, между переживаемой правдой и воображаемымъ призракомъ? Вотъ вопросы, вызываемые пьесой. Они уже были затронуты Шнитцлеромъ въ его «Трилогіи».

«Быть... представлять (sein... spielen)—знаете ли вы точно различіе между тѣмъ и другимъ?» говоритъ поэтъ Роллэнъ («Der grüne Kakadu»). Эти слова можно было бы поставить эпиграфомъ къ пьесѣ «Женщина съ кинжаломъ». Если нѣкоторый символизмъ и реальность изображенія кажутся органически слитыми въ этой романтической пьесѣ, то съ другой стороны—пьеса «Литература» походила бы на чисто—реальную комедію, если бы комическій сюжетъ не былъ окрашенъ серьезностью затрагиваемаго отвлеченнаго вопроса—объ отношеніяхъ жизни и искусства.

Переходя къ формѣ разбираемыхъ пьесъ—мастерскихъ въ отношеніи архитектоники—надо оттѣнить, что фабула ихъ почти всегда намѣчена опредѣленными, но (за исключеніемъ «Литературы») самыми общими чертами: сила сосредоточена на анализѣ характеровъ, или на выясненіи отвлеченной идеи—вопроса. Внѣшняя жизнь является только рамой, иногда—символомъ. Обстановка рисуется какъ бы въ туманѣ. То, что называется интригой, большею частью только угадывается по отдѣльнымъ намекамъ. Это—и сильная, и слабая сторона манеры Шнитцлера: сильная потому, что все вниманіе сосредоточивается на развитіи внутренней драмы—психологической и философской стороны пьесы; слабая—потому, что иногда изъ-за этого страдаетъ внѣшняя реальность и жизненность драмы. Лучшимъ примѣромъ того и другого является первая драма книги.

Не развивая въ пьесѣ «интриги», Шнитцлеръ, однако, иногда увлекается красивой и эффектной фабулой. Выбравъ ее для воплощенія своей идеи, онъ

какъ будто любуется блескомъ созданной комбинаціи. Впрочемъ, изъ числа разбираемыхъ пьесъ такова только «Женщина съ кинжаломъ»; таковъ отчасти «Зеленый попугай» (главная пьеса цитованной Трилогіи),—но онѣ только свидѣтельствуютъ о силѣ таланта.

Еще болѣе убѣждаешься въ его силѣ и разнообразіи при чтеніи новеллъ Шнитцлера. Объ этихъ небольшихъ разсказахъ можно сказать, что здѣсь столько же истиннаго реализма въ выполненіи, сколько правдивости въ замыслѣ. Художественное чувство мѣры — ихъ главное внѣшнее достоинство. Только обладая имъ въ высшей степени, авторъ могъ разработать сюжетъ разсказа «Почетный день», не рискуя своей оригинальностью. Въ заключительной сценѣ заурядный писатель не воздержался бы отъ мелодраматическихъ эффектовъ; у Шнитцлера она полна простоты и—высокаго трагизма.

По содержанію эта пьеса стоитъ отдѣльно отъ другихъ, или соприкасается съ ними только косвенно. Остальныя новеллы группируются въ одной области. Въ каждой изъ нихъ обрабатывается одинъ эпизодъ—но положеніе всегда характерно и ему дается глубокое освѣщеніе, ставящее его на общечеловѣческую почву. Такова, напр., новелла «Жена мудреца», гдѣ встрѣчаются два міросозерцанія, совершенно чуждыя одно другому: обыкновенный «средній человѣкъ» «*содрагается отъ того величественнаго всепрощенія*», которое отнимаетъ всякую силу у его привычнаго эгоизма и заставляетъ преклониться передъ собой.

Въ простомъ и тепло написанномъ разсказѣ «Цвѣты» авторъ останавливается на думахъ о смерти, побѣждаемыхъ жизнью. Мертвый въ гробѣ мирно спи — и сквозь бодрый тонъ съ грустью чувствуется вѣчная смѣна горя и счастья въ жизни.

Новелла «Прощаніе», полная психологическаго интереса по своему сюжету, примыкаетъ по основному вопросу къ первой новеллѣ, давшей заглавіе книгѣ. Съ другой стороны, «Прощаніе» можно сблизить съ заключительной вещью сборника—«Мертвые молчатъ», хотя здѣсь совершенно иначе поставленъ и освѣщенъ тотъ же вопросъ, о правѣ на существованіе двухъ взаимно исключающихъ другъ друга основъ жизни. Послѣдняя вещь, полная реализма, написана съ потрясающимъ искусствомъ.

Вообще всѣ разсказы этого сборника очень рельефно — даже по сравненію съ драмами Шнитцлера—выражаютъ гуманное настроеніе автора. Это послѣднее усугубляетъ цѣнность созданій мастера-реалиста.

Въ числѣ чисто-внѣшнихъ достоинствъ мы не отмѣтили еще чрезвычайной сжатости изложенія и силы языка Шнитцлера. Подводя итоги, мы можемъ сказать, что эти два качества, въ соединеніи со всѣми выше отмѣченными, дѣлаютъ очень и очень серьезной задачу переводчика. Г-жа Попова выполнила ее безусловно удачно. Ея переводъ мѣстами суховатъ, но вездѣ видны опытная рука и литературный вкусъ.

Мы не боимся умалить его достоинства, коснувшись въ переводѣ «Женщины съ кинжаломъ» одной стороны, которая — на нашъ взглядъ, выиграла бы во впечатлѣніи при иной передачѣ. Мы имѣемъ въ виду стихотворную часть драмы.

Г-жа Попова передаетъ правильные пятистопные ямбы оригинала нѣсколько свободно, чередуя правильные стихи съ ритмическою прозой, какъ, напр., вначалѣ:

Паола. Вы здѣсь еще! Вы не оставили нашъ домъ?
Ліонардо, Нѣтъ! Уйти я былъ не въ силахъ.
Паола Теперь спѣшите!
Леонардо. Но поцѣлуевъ ароматъ
Еще въ моихъ кудряхъ, и несогласенъ я,
Чтобы во тьмѣ ночной его развѣялъ вѣтеръ

Паола. Какъ неразумно это. Уже свѣтаетъ.
Слуга, проснувшись, замѣтить можетъ насъ.

Намъ кажется, что удачнѣе было бы передать всю эту часть прозой, или сохранить правильный размѣръ подлинника.

Останавливаясь на мелочахъ, мы и здѣсь можемъ отмѣтить только одно мѣсто въ новеллѣ «Почетный день»: «Du bist doch mein süsses und gescheites Afferl»—эти чисто нѣмецкія ласковыя слова переданы черезъ: «Ты моя *сладкая* и умная обезьянка»—и звучатъ по-русски нѣсколько странно.

Отмѣченныя частности перевода г-жи Поповой не мѣшаютъ намъ въ цѣломъ высоко оцѣнить его, какъ умѣлую и продуманную передачу крупнаго и интереснаго автора. *Ю. Верховскій.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Гиляровъ-Платоновъ. „Университетскій вопросъ".

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Университетскій вопросъ («Современныя Извѣстія» 1868—1884 гг.). Изд. К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1903 г. Только что вышедшій въ изданіи К. П. Побѣдоносцева сборникъ статей когда-то извѣстнаго и теперь уже прочно забытаго Н. П. Гилярова-Платонова явится, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ документовъ, иллюстрирующихъ извѣстное направленіе русской мысли конца прошлаго вѣка. Вопросы, затрогиваемые публицистомъ «Современныхъ Извѣстій» не утратили еще своей остроты и непосредственной связи съ жизнью; способы ихъ рѣшенія мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ, которые настойчиво рекомендуются и теперь; наконецъ, тѣ общія причины, которыя вызвали самую постановку этихъ вопросовъ, сохраняютъ и до настоящаго времени свою силу и значеніе. Все это вмѣстѣ взятое сообщаетъ упомянутому сборнику двойной интересъ,—интересъ историческаго документа и, параллельно съ этимъ,—свода злободневныхъ передовыхъ статей по университетскому вопросу.

«Чѣмъ оживить университетъ?—писалъ Гиляровъ-Платоновъ въ 1873 г.—Чѣмъ достигнуть, чтобы наука университетская не была безжизненна, чтобы воспитаніе университетское было вполнѣ плодовито, чтобы молодые люди поглощались ученіемъ, чтобы профессора на каѳедрахъ не спали и студенты на скамьяхъ не скучали?» Чѣмъ остановить развитіе и ростъ «нездоровыхъ элементовъ» и какъ устранить изъ стѣнъ университета «пеструю безцвѣтную толпу дѣтей чиновниковъ и духовенства», толпу, изъ которой выходятъ «старые, обстрѣленные воробьи въ родѣ Стефановича или Дейча», и которая парализуетъ всѣ попытки оживленія и обновленія? «Вопросъ соціальный, отвѣчаетъ Гиляровъ-Платоновъ, есть не что иное, какъ видоизмѣненный педагогическій вопросъ»; стоитъ рѣшить первый, и самъ собою рѣшится второй, и наоборотъ; съ рѣшеніемъ же обоихъ потеряютъ свое вліяніе «нездоровые элементы», ибо «пестрой безцвѣтной толпы» уже не будетъ, она фактически перестанетъ существовать, для нея, — «для всѣхъ этихъ недовольныхъ и безпокойныхъ», къ счастью, есть «благодѣтельная для общества реторта», реторта эта—«спеціальныя ремесленныя школы, основанныя и содержимыя правительствомъ и земствами». «Пусть откроются,—пишетъ Гиляровъ-Платоновъ, — ремесленныя школы: башмачныя, сапожныя, портняжныя, столярныя слесарныя и т. д... въ эти школы потекутъ молодые люди, не воспитавшіе пока еще своего неудовольствія на директора или инспектора до степени всероссійскаго и даже всемірнаго озлобленія». Что же касается университета, то доступъ въ него долженъ быть открытъ лишь для обезпеченныхъ, не нуждающихся и не знающихъ нищеты молодыхъ людей, ибо послѣдніе «сколько извѣстно изъ судеб-

ныхъ дѣлъ составляютъ самое незначительное меньшинство въ числѣ нашей недовольной и протестующей молодежи».

Такими «разумными мѣропріятіями» будетъ не только рѣшенъ вопросъ объ оживленіи университета:—эти мѣры сгладятъ и устранятъ цѣлый рядъ соціальныхъ противорѣчій и увеличатъ общее благосостояніе государства, ибо «незамѣтно будетъ поднятъ уровень всего мастерового сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень всякаго мастерства»; болѣе того—«классъ людей недоучившихся и черезъ то недовольныхъ» уменьшится количественно и ослабѣетъ качественно, «лишніе люди» станутъ дѣйствительно лишними и имъ не будетъ мѣста въ обществѣ, какъ не будетъ мѣста и въ университетѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1881 г., Гиляровъ-Платоновъ пошелъ еще дальше по пути «разумныхъ мѣропріятій». Непрекращавшіяся студенческія волненія убѣдили его, что обыкновенныхъ средствъ для лѣченія застарѣлой университетской болѣзни, недостаточно, что необходимы временныя, исключительныя мѣры и что палліативы, даже въ видѣ нормальныхъ ремесленныхъ школъ, не въ состояніи даже замедлять роста «нездоровыхъ элементовъ», уже не говоря о полномъ уничтоженіи ихъ. Какъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, Гиляровъ-Платоновъ предложилъ новое средство—круговую поруку доноса или, какъ онъ выражается, «нравственное круговое ручательство». «Оставимъ,—пишетъ онъ,—препирательство о словѣ доносъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ есть прямо священная обязанность. Офицеры объявляютъ своему товарищу, что они служить съ нимъ не могутъ, что онъ мараетъ ихъ мундиръ. Это не есть доносъ... Это есть судъ чести своего рода, и мы не сомнѣваемся, что большинству студентовъ именно присуще то чувство чести, которому мерзитъ считать своимъ товарищемъ человѣка, способнаго сочувствовать анархическимъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе участвовать въ нихъ. Остальные предстанутъ предъ начальство съ круговою порукою: мы всѣ чисты, никто изъ насъ не загаженъ; мы ручаемся одинъ за всѣхъ и всѣ за одного». Проектъ этотъ Гиляровъ-Платоновъ считалъ настолько удачнымъ, что не остановился передъ проповѣдью не только студенческой, но и всеобщей, всѣхъ обывателей «нравственной круговой поруки». «Два года назадъ,—пишетъ онъ,—бродили слухи, что по поводу взрыва во дворцѣ кто-то предлагалъ обыскать весь городъ. Мѣра эта кромѣ безпокойства всѣмъ, и обыскиваемымъ и обыскивающимъ, ничего бы не доставила. Да она и невозможна, ибо для одновременнаго всѣхъ обыска не достанетъ агентовъ, а только одновременный обыскъ можетъ привести къ цѣли. Не обыскъ, а простой надзоръ, возложенный на самихъ домовладѣльцевъ, съ матеріальною отвѣтственностью, будетъ подѣйствительнѣе полицейскаго обыска, нравственная же порука, какъ дополнительная мѣра, отчасти облегчитъ и самихъ домовладѣльцевъ, а вмѣстѣ предупредитъ и всѣ злоупотребленія, столь теперь обыкновенныя, устарѣлою паспортною системою».

Проектъ Гилярова-Платонова не осуществился, «простой надзоръ», по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онъ его предлагалъ, примѣненъ не былъ, студенческія же безпорядки, несмотря на цѣлый рядъ исключительныхъ мѣръ и университетскій уставъ 1884 г. не прекращались. Послѣднее заставило Гилярова-Платонова предложить еще одно «разумное мѣропріятіе». «Въ николаевское время,—пишетъ онъ,—военная служба бывала отличною исправительною школою для шалуновъ. И почему не такъ?..» «Не умѣвшій соблюсти сравнительно легкую учебную дисциплину пусть пройдетъ курсъ дисциплины болѣе строгой, и смотря потому, сколь успѣшно выдержитъ онъ предстоящій ему искусъ, могутъ быть отворены ему снова двери храма наукъ или заперты навсегда».

И эта мѣра, какъ извѣстно, оказалась на практикѣ нецѣлесообразной.

Б. Савинковъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Чайковскій. „Жизнь Петра Ильича Чайковскаго". Т. III.—*П. Картавовъ.* „Литературный архивъ".

Модестъ Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III-й (вып. XVII—XXV). Цѣна всѣхъ трехъ трехъ томовъ 9 рублей. Двадцать пятымъ выпускомъ закончено чрезвычайно объемистое (1.920 стр.) изданіе біографіи П. И. Чайковскаго, такъ что теперь является возможность сдѣлать общую оцѣнку литературнаго значенія труда Модеста Чайковскаго. Онъ далъ обильные матеріалы для біографіи Чайковскаго, но и только. Матеріалами послужили главнымъ образомъ письма самого П. И. Чайковскаго и его дневники. Это очень драгоцѣнные матеріалы вслѣдствіе ихъ достовѣрности, но образъ человѣка они могутъ создать только при художественномъ пользованіи ими, а этого какъ разъ у Модеста Чайковскаго мы и не видимъ.

Перепечатка писемъ композитора, хотя бы и очень многочисленныхъ, въ хронологическомъ порядкѣ еще недостаточна для возсозданія его личности. Иногда обиліе писемъ даже мѣшаетъ этому.

Возьмемъ, напримѣръ, важнѣйшую черту душевной жизни Петра Ильича въ послѣдніе годы: тоска, доходившая иной разъ до безумной степени, тоска, на которую П. И. жалуется чуть ли не въ каждомъ письмѣ. Не странно ли: человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ, окруженный извнѣ всѣми благами жизни, художественнымъ успѣхомъ, матеріальною обезпеченностью,—непрерывно страдаетъ отъ какой-то бѣшеной тоски. Письма П. И. никакихъ объясненій этой тоскѣ не даютъ. Если тутъ не было какой-нибудь причины въ обстановкѣ П. И., о которой мы ничего не знаемъ, то такая тоска могла быть только признакомъ или слѣдствіемъ душевнаго состоянія близкаго къ болѣзни. А между тѣмъ авторъ біографіи не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки къ объясненію этой тоски путемъ опроса близкихъ къ П. И. людей.

Съ другой стороны чрезвычайное обиліе писемъ, такъ увеличившее объемъ изданія, могло быть оправдано особымъ ихъ интересомъ. Но, именно, въ III-мъ томѣ они становятся гораздо менѣе интересными. Намъ интересны письма П. И., въ которыхъ онъ касается важныхъ вопросовъ жизни, религіи, искусства, или въ которыхъ выясняются его отношенія къ Л. Толстому, къ Рубинштейну и другимъ выдающимся лидамъ,—таковы большинство его писемъ во II-мъ томѣ, Но весьма мало интересны тѣ письма, въ которыхъ излагаются его родственныя чувства къ братьямъ, къ племяннику В. Давыдову и др., а такихъ писемъ, къ сожалѣнію, очень много.

Затѣмъ, нельзя не указать на неосторожное обращеніе издателя съ матеріаломъ, имѣвшимся у него въ рукахъ, еще въ одномъ отношеніи. Уже не говоря о томъ, что нѣкоторые крайне рѣзкіе отзывы о живыхъ еще людяхъ, и притомъ извѣстныхъ, просто неумѣстны и совершенно не отвѣчаютъ тому, какъ держалъ себя по отношенію къ людямъ самъ П. И.,—сопоставленіе безъ комментарій различныхъ отзывовъ даетъ невѣрное освѣщеніе взглядамъ П. И. Вы читаете, напр., крайне рѣзкій отзывъ объ одномъ композиторѣ и черезъ страницу наилучшій отзывъ о другомъ композиторѣ. Это сопоставленіе значительно потеряетъ въ своей рѣзкости, если принять во вниманіе, что первый отзывъ записанъ въ дневникѣ, можетъ быть, въ минуту раздраженія, а второй отзывъ помѣщенъ въ письмѣ къ композитору, съ которымъ П. И. былъ связанъ узами дружбы, и сочиненіе котораго П. И. въ этомъ письмѣ разсматриваетъ.

Наконецъ, очень непріятное впечатлѣніе произвело на меня самое оконча-

ніе книги: на семи страницахъ подробнѣйшимъ образомъ описывается умираніе П. И. отъ холеры. Для чего и для кого это нужно? Вѣдь самъ же издатель приводитъ слова умиравшаго къ своему племяннику: «Я боюсь, что ты потеряешь ко мнѣ всякое уваженіе послѣ всѣхъ этихъ пакостей». Послѣднимъ сочиненіемъ П. И. была 6-я симфонія, въ которой онъ самъ, можно думать, видѣлъ олицетвореніе своей жизни *). Послѣдняя часть этой симфоніи полна потрясающей скорби, но отнюдь не вызываетъ въ насъ непріятнаго чувства. И мнѣ кажется, если бы издатель взглянулъ на свою задачу съ болѣе художественной точки зрѣнія, то онъ закончилъ бы біографію П. И. не описаніемъ припадковъ холеры, а описаніемъ величественныхъ похоронъ П. И., въ которыхъ выразилась благодарность русскаго общества за все то, что оно получило отъ П. И.

Такъ какъ въ октябрѣ этого года я предполагаю дать на страницахъ «Міра Божьяго» обстоятельный очеркъ жизни П. И. Чайковскаго, то я не буду останавливаться на содержаніи III-го тома. Укажу только, что и въ немъ есть очень важные отзывы П. И. о Л. Толстомъ, о Глинкѣ и многихъ композиторахъ. Важнѣйшіе факты изъ жизни П. И. за періодъ 1885—1893 гг.—это распространеніе его извѣстности за границей, гдѣ онъ достигъ популярности, до него не достигнутой никѣмъ изъ русскихъ композиторовъ.

Изъ личной жизни П. И. укажу еще на банальный, увы, конецъ его платоническаго и столь поэтическаго вначалѣ романа съ Н. Ф. фонъ-Меккъ (см. «Міръ Божій» 1902 г. № 8-й, августъ Библ. отд.). Съ 1877 года Н. Ф. фонъ-Меккъ выдавала П. И. по 6.000 рублей въ годъ, чтобы онъ могъ всецѣло посвятить себя исключительно творчеству. Условіемъ этой субсидіи было: никогда лично не встрѣчаться. Результатомъ этого условія была глубокая дружба этихъ двухъ людей, продолжавшаяся до 1890 г., когда Н. Ф., указывая на разстройство своего состоянія, отказала П. И. въ дальнѣйшей субсидіи. Письмо Н. Ф. съ этимъ отказомъ (13-го сентября 1890 г.) заключало въ себѣ слова, оскорбившія П. И. до глубины сердца и оставившія въ немъ рану, заставлявшую его упрекать своего друга даже въ бреду на смертномъ одрѣ. Эти слова были: «не забывайте и вспоминайте иногда».

Послѣ этого письма П. И. не получилъ отъ Н. Ф. уже болѣе ни слова, несмотря на живѣйшее желаніе и письменныя просьбы его сохранить прежнія дружескія отношенія.

Издатель объясняетъ такое отношеніе Н. Ф. ея сильной нервной болѣзнью; П. И. сталъ видѣть въ своихъ отношеніяхъ къ Н. Ф. «какую-то банальную, глупую шутку», и «вся это идеальная возвышенная дружба представлялась ему преходящимъ капризомъ богатой женщины». Мнѣ кажется, что въ такой развязкѣ отчасти виноватъ и самъ П. И. Дѣло въ томъ, что субсидія ему была предложена, когда онъ не имѣлъ средствъ, а въ 1890 г. П. И. получалъ уже въ годъ не менѣе 8.000 рублей (3.000 рублей изъ кабинета Государя съ 1888 года, отъ 5.000 до 6.000 гонорара за оперы (стр. 372) и гонораръ отъ Юргенсона). Такимъ образомъ, уже при первомъ намекѣ со стороны Н. Ф. на свои денежныя стѣсненія (уже въ ноябрѣ 1889 г.) П. И. слѣдовало отказаться отъ этой субсудіи. Почему онъ этого не сдѣлалъ, остается невыясненнымъ издателемъ.

Такая развязка единственнаго въ своемъ родѣ романа производитъ очень грустное впечатлѣніе.

Въ общемъ, несмотря на указанные выше литературные недостатки, изданіе

---

*) „Я страдаю отъ тоски, не поддающейся выраженію словомъ (въ моей симфоніи есть одно мѣсто, которое, кажется, хорошо ее выражаетъ...“) стр. 618.

Модеста Чайковскаго является драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію русской музыки. Пользованіе книгою особенно облегчается обстоятельными указателями въ концѣ III-го тома. *Викторъ Вальтеръ.*

Литературный архивъ издаваемый П. А. Картавовымъ. Спб. Октябрь. 1902 г. Эпиграфомъ къ первой книжкѣ своего изданія г. Картавовъ взялъ извѣстную цитату изъ сочиненій Бѣлинскаго: «Когда дѣло идетъ о такихъ поэтахъ и писателяхъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, и въ особенности Пушкинъ и Лермонтовъ, то каждая строка написанная ихъ рукой принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него».

Къ сожалѣнію, эти слова великаго критика до сихъ поръ еще не получили полнаго признанія. А между тѣмъ, съ этой точки зрѣнія, каждое произведеніе, посвященное вопросамъ библіографіи, печати или исторіи литературы уже самымъ фактомъ своего появленія заслуживаетъ полнаго вниманія и глубокаго сочувствія. Тѣмъ болѣе естественно такое сочувствіе у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало подобнаго рода изданій, гдѣ исторія печати только недавно стала на научную почву и гдѣ библіографія находится почти въ младенческомъ состояніи.

«Литературный архивъ» ставитъ своей задачей «сохраненіе и соединеніе всѣхъ донынѣ неизданныхъ произведеніи русскихъ авторовъ и переводчиковъ, матеріаловъ для исторіи русской литературы, журналистики, цензуры, иллюстраціи и книжной торговли», и обѣщаетъ давать четыре новыхъ отдѣла: «Литературный мѣсяцесловъ», «Неизданныя произведенія», «Литературная лѣтопись», «Рѣдкости русской печати». По этому же плану составлена и первая книжка новаго изданія, и содержаніе ея въ общемъ интересно и разнообразно. Особенное вниманіе обращаетъ на себя юбилейная замѣтка о забытыхъ произведеніяхъ Некрасова, съ перечнемъ стихотвореній и разсказовъ поэта, какъ помѣщенныхъ въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони, такъ и проданныхъ извѣстному въ свое время издателю и книгопродавцу В. П. Полякову. Здѣсь же по корректурнымъ листамъ самого Некрасова, принадлежащимъ г. Картавову, напечатана чрезвычайно рѣдкая и почти затерянная драматическая фантазія поэта «Юность Ломоносова».

Большой интересъ также представляютъ выдержки изъ богатаго литературными воспоминаніями, альбома недавно умершей вдовы Н. В. Шелгунова Л. П. Шелгуновой, часть которыхъ была ею уже напечатана въ ея извѣстныхъ мемуарахъ «Изъ далекаго прошлаго» («Женское дѣло» 1901 г. и отдѣльно). Здѣсь мы находимъ нѣсколько новыхъ стихотвореній А. Майкова. Мих. Л. Михаилова, Полонскаго, Некрасова, Огарева, Плещеева, Курочкина, Мея и другихъ, — тѣхъ, каждая строчка которыхъ «принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него».

Не лишена нѣкоторой цѣнности и историческая справка, сдѣланная г. Картавовымъ о забытомъ портретѣ Герцена, помѣщенномъ, въ самый разгаръ славы «Колокола» въ возобновленномъ Минаевымъ «Гудкѣ». («Гудокъ» Блока и Розенгейма прекратился въ 1859 г. «по недостатку подписчиковъ и неспособности сотрудниковъ»). На виньеткѣ вокругъ слова «Гудокъ» былъ изображенъ въ числѣ другихъ лицъ Герценъ со знаменемъ въ рукѣ, на которомъ была сдѣлана надпись: «Уничтоженіе крѣпостнаго права». Виньетка эта сохранилась лишь въ первыхъ 4 №№ «Гудка». Въ пятомъ № ея уже нѣтъ—Рядомъ съ этой замѣткой помѣщены «Матеріалы для библіографіи сочиненіи А. И. Герцена, напечатанныхъ въ Россіи» — довольно полный, хотя и не лишенный пропусковъ (напр.: «Прерванные разсказы» изд. 2-ое 1857 г. «Кто виноватъ» изд. 1863 г. и др.) списокъ сочиненій Герцена, изданныхъ въ Россіи.

Въ остальномъ сборникъ даетъ мало новаго и цѣннаго: перепечатано «По-

сланіе къ Привѣтѣ» Палицина; объявленіе объ изданіи и закрытіи безвременно погибшаго славянофильскаго «Паруса» и передовыя статьи его единственныхъ двухъ №№, хорошо извѣстныя широкому кругу читателей по частичнымъ перепечаткамъ въ «Очеркахъ по исторіи рус. ценз.» А. М. Скабичевскаго (Спб. 1892 г.); сдѣлана библіографическая справка о стихотвореніяхъ гр. Е. Ростопчиной, помѣщенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1846 г.; помѣщено зачѣмъ-то всѣмъ еще памятное открытое письмо къ кн. Мещерскому, тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства В. Петрово-Соловово и добавленіе къ этому письму семи другихъ предводителей дворянства, по случаю 30-ти лѣтняго юбилея «Гражданина»; собщены примѣчанія И. А. Олениной къ баснямъ Крылова и, наконецъ, данъ обѣщанный «Мѣсяцесловъ» (Январь-мартъ), отнюдь не составляющій украшенія сборника г. Картавова. Не говоря уже о грубой опечаткѣ (sic) въ датѣ смерти Глѣба Успенскаго, нельзя не отмѣтить такихъ хронологическихъ промаховъ, какъ неточность въ годѣ и днѣ смерти И. Ѳ. Богдановича (умеръ 2-го апрѣля 1831 г., а не 6-го января, какъ сообщаетъ составитель); повтореніе дважды даты смерти Д. В. Веневитинова, причемъ одинъ разъ съ ошибкой на три дня; пропуски датъ Н. С. Саханской, С. В. Ковалевской, А. Ѳ. Писемскаго и др.

Сборникъ снабженъ виньетками въ стилѣ 1-ой половины столѣтія и снимками съ заглавныхъ листовъ наиболѣе интересныхъ перепечатокъ. (Обложка «Юности Ломоносова», «Парусъ» № 1, «Посланіе къ Привѣтѣ»).

Б. Савинковъ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

П. Боборыкинъ. „Вѣчный городъ". — *В. Семевскій.* „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.—*Д. Бантышъ-Каменскій.* „Исторія Малой Россіи".

П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ (Итоги пережитаго). Москва 1903 г. Книга эта съ интересомъ прочтется и тѣми, кто знаетъ Италію и Римъ, такъ сказать, по личному опыту, и тѣми, кто просто интересуется этими очагами европейской культуры. Прочтется, несмотря на то, что г. Боборыкинъ пустилъ-таки въ ходъ достаточно умѣнья, чтобы она не прочлась. Начнемъ съ мелкихъ, но досадныхъ недостатковъ, портящихъ эту хорошую книгу, а потомъ укажемъ на ея достоинства.

Во-первыхъ, г. Боборыкинъ. по обыкновенію, не могъ воздержаться отъ тѣхъ вычурныхъ, ненужныхъ и злящихъ читателя словечекъ, которыми онъ съ такимъ успѣхомъ портитъ и свои беллетристическія произведенія. Ну, для какой надобности (отъ своего-ли, отъ чужого-ли имени) вставлены всѣ эти «буршикозная среда» (стр. 7), «шкандалы» (тамъ же), «вицы» (тамъ же), «прошлись по писательству» (стр. 14), «это меня заохотило пролетѣть туда» (25), «собирательная психія» (30), «красивость» (стр. 68 и въ двадцати пяти другихъ мѣстахъ, вмѣсто слова красота), («вы желали бы меньшаго натиска обобщеній и выводовъ, «разводовъ» стр. 80), «заостренное чувство «божественной» красоты» (89), «родится и множится, маклачитъ и работаетъ всякое дрянцо» (95), «слишкомъ «барочный» стиль» (119), «контенансъ» (145), «римскій мондъ» (256), «отвѣчаютъ вамъ «въ контру» (272), «праховый товаръ» (тамъ же), «итальяшки» (290), «продѣлываетъ всѣ виды международнаго фешена» (295) и т. д. Къ чему это въ книгѣ о Римѣ, въ общемъ, такъ продуманно и интересно написанной? Право, точно врагъ г. Боборыкина взялъ корректуру книги да тайкомъ, «въ контру» автору (употребляемъ выраженіе изъ вышеотмѣченной коллекціи), и вставилъ

*

въ текстъ всѣхъ этихъ «итальяшекъ», «тузистыхъ растакуэровъ», всѣ эти «красивости» и т. п. А жаль, если это досадное обстоятельство отвадитъ читателей отъ книги. Умный наблюдатель, образованный и внимательный человѣкъ, много на своемъ вѣку перевидавшій и передумавшій, чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. Много вѣрныхъ замѣчаній о мертвенности политической жизни современной Италіи, объ отношеніяхъ квиринала къ Ватикану, много интересныхъ соображеній о нынѣшнемъ направленіи папской политики; немножко по-диллетантски только трактуется вопросъ о соединеніи церквей. Г. Боборыкинъ какъ-то совсѣмъ оставляетъ въ тѣни *корень* этого вопроса въ современномъ его положеніи: право, вѣротерпимость тутъ не при чемъ, и ни на одну іоту ея упроченіе къ соединенію церквей отношенія не имѣетъ и отъ него не зависитъ. Вообще, причемъ тутъ соединеніе церквей (или причемъ въ дѣлѣ соединенія церквей г. Боборыкинъ), для читателя остается нѣсколько неясно; все кажется, что этотъ вопросъ былъ взятъ нашимъ маститымъ беллетристомъ больше всего «для контенансу», говоря его словами,— для того, чтобы, такъ сказать, не угрызаться совѣстью, безпокоя своими визитами Ледоховскаго, Рамполлу, Льва XIII. Впрочемъ, это неважно.

Памятники древняго Рима г. Боборыкинъ и понимаетъ глубоко, и *чувствуетъ* ихъ сильно; то же самое нужно сказать и о произведеніяхъ скульптуры и живописи временъ ренессанса и послѣдующей эпохи. Рядъ, дѣйствительно, превосходныхъ страницъ посвященъ прогулкамъ по Риму и его окрестностямъ, передачѣ тѣхъ глубокихъ и яркихъ впечатлѣній, которыя положили римскія руины на душу широко образованнаго, одареннаго эстетическимъ чувствомъ человѣка. И не только Римъ, — Флоренцію также правдиво оцѣнилъ нашъ писатель: «... и площадь, и палаццо сразу захватывали васъ и давали вамъ ноту итальянскаго средневѣковья, какъ, быть можетъ, никакой другой пунктъ старыхъ городовъ Италіи». Эта рецензія пишется въ двухъ шагахъ отъ палаццо Веккіо и площади Синьоріи, и пишущій не станетъ ни въ какомъ случаѣ спорить съ П. Д. Боборыкинымъ, такъ вѣрно отмѣтившимъ самое типичное, самое ярко-характерное мѣсто Флоренціи...

Можемъ только порекомендовать эту книгу всѣмъ интересующимся Римомъ съ художественной и археологической стороны, а также не вполнѣ безучастно относящимся къ вопросамъ политической современности въ Италіи. Работа г. Боборыкина и тѣмъ, и другимъ читателямъ дастъ не мало поучительнаго.

X. Y. Z.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ 1-й. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1903. in 8-vo. Стр. XL+644. Ц. 3 р. 50 к. Первый томъ названнаго сочиненія г. Семевскаго въ *первомъ* изданіи вышелъ въ свѣтъ 22 года тому назадъ: то была его диссертація на степень магистра русской исторіи. Только въ прошломъ году появился второй томъ того же сочиненія, о которомъ мы имѣли случай говорить въ апрѣльской книжкѣ «Міра Божьяго» 1902 г. (стр. 99—102). Необходимость переизданія перваго тома чувствовалась уже давно: его стало трудно доставать и во многихъ случаяхъ онъ требовалъ исправленій и дополненій соотвѣтственно новымъ литературнымъ и архивнымъ даннымъ... За 22 года, прошедшихъ со времени перваго изданія, измѣнилось весьма многое, видоизмѣнились методы изслѣдованія и совсѣмъ переустановились цѣли изученія крѣпостной поры. При переработкѣ своего труда нашъ авторъ не могъ, конечно, видоизмѣнить научную его физіономію и долженъ былъ остаться въ рамкахъ давно намѣченныхъ, тѣмъ не менѣе новое появленіе стараго тома и въ наши дни представляетъ широкій интересъ, заставляетъ критику приковать къ послѣднему вниманіе и просто образованныхъ, и ученыхъ слоевъ современнаго русскаго общества. Дѣло въ томъ, что книга г. Семевскаго является одинаково дружественной и читателю изъ большой публики, и ученому спеціалисту. Когда

насъ спрашиваютъ, что прочитать на тему—каково было крестьянское житье при крѣпостномъ правѣ—мы немедленно отсылаемъ спрашивающихъ къ работѣ В. И. Семевскаго; когда мы сами приступаемъ къ изученію крестьянскаго вопроса или продолжаемъ и углубляемъ послѣднее, то, независимо отъ нашихъ основныхъ тенденцій, не разстаемся съ тою же работой; мы либо опираемся на нее, либо наводимъ въ ней справки, либо болѣе или менѣе желчно полемизируемъ... Будемъ утверждать, что въ наши дни интересъ къ книгѣ г. Семевскаго удвоился. Когда исторія крестьянъ въ царствованіе Екатерины II задумывалась нашимъ авторомъ, тогда, прежде всего, любопытствовали выяснить, какъ тяжела и печальна была участь кормильца и поильца русскаго государства, крѣпостного крестьянина; тогда мало спрашивали, почему такъ было и могло-ли бы все обстоять иначе, а хотѣли закрѣпить возможно скорѣе темноту былого, показать всю ея мерзость въ назиданіе потомству; тогда и сама историческая наука не чуждалась либо раздавать прошлымъ моментамъ русской (какъ и всякой) исторической дѣйствительности или отдѣльнымъ лицамъ лавровые вѣнки, либо клеймить нелестными эпитетами. Теперь не для хвалы и порицанія мы изучаемъ прошлое, въ прошломъ для насъ не можетъ быть уже ничего хорошаго или дурного, свѣтлаго или темнаго, мы не видимъ въ этомъ прошломъ ничего, кромѣ закономѣрной, послѣдовательной смѣны явленій и формъ при полномъ отсутствіи какой бы то ни было сверхъестественности или чудесности; насъ интересуетъ теперь вопросъ, почему такъ было и къ какимъ результатамъ то или другое явленіе вело. Интересъ къ изученію реальныхъ условій, среди какихъ *жило русское крестьянство въ крѣпостную эпоху*, въ наше время не ослабѣлъ, но видоизмѣнился и сталъ болѣе сложнымъ. Мы каждое мгновеніе заняты вопросомъ, какъ *живетъ современное намъ крестьянство*, мы хорошо знаемъ, что существуемъ въ преддверіи новыхъ крупныхъ реформъ, долженствующихъ завершить собою циклъ освободительныхъ теченій половины XIX столѣтія... Неразрывными нитями наша современность должна быть связана съ предшествующей эпохой въ единый стройный процессъ развитія: мы призваны показать не темноту или прелесть прошлаго въ крестьянскомъ вопросѣ, а его связь съ настоящимъ, выяснить историческую эволюцію русскаго крестьянства. Современная программа внутренней политики можетъ быть только сознательной, менѣе всего богатой элементами стихійнаго порядка. Каждый мелкій фактъ, не говоря уже о болѣе или менѣе крупныхъ явленіяхъ, долженъ быть выразительно связанъ съ прошлымъ и поставленъ по своему значенію на принадлежащее ему въ ряду другихъ мѣсто. Для истинно живого человѣка текущей дѣйствительности сливаются въ одно могучее цѣлое вопросы, какъ жило, какъ живетъ крестьянство и въ какомъ направленіи надлежитъ толкать жизнь крестьянской массы... И при такомъ расширенномъ пониманіи крестьянскаго вопроса книга г. Семевскаго съумѣла сохранить интересъ и значеніе. Первый томъ представляется наиболѣе важнымъ, такъ какъ посвященъ характеристикѣ положенія помѣщичьихъ (крѣпостныхъ) крестьянъ (стр. 1—456) и крестьянъ поссессіонныхъ (стр. 457—576). Обстоятельная характеристика г. Семевскаго сопровождается мелкими дополнительными изслѣдованіями и библіографическими указаніями (на стр. 577—638) и введеніемъ, резюмирующимъ все содержаніе книги (стр. I—XXXVII). Всего менѣе въ первомъ томѣ «Крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» мы удовлетворены главою «Поземельная община у крѣпостныхъ крестьянъ» (стр. 101—138): вопросъ о происхожденіи поземельной общины у крѣпостныхъ крестьянъ оставленъ въ сторонѣ, а самая характеристика общины въ XVIII-мъ вѣкѣ не отличается достаточною ясностью и строгостью формулировки, какъ будто бы теоретическая сторона дѣла у нашего автора не приведена въ надлежащую систему. Сильное впечатлѣніе производитъ VII-я глава (стр. 178—237), въ которой г. Семевскій излагаетъ уголовную юрисдикцію помѣщиковъ надъ крестьянами или,

точнѣе говоря, печальную повѣсть помѣщичьихъ звѣрствъ. Въ свое время эта глава имѣла специфическій интересъ, теперь она представляется культурно-бытовой картиной изъ исторіи русскаго общества XVIII столѣтія, отражающей лишь одну сторону стараго русскаго міровоззрѣнія въ его практическомъ воплощеніи. Это одна изъ драгоцѣннѣйшихъ главъ въ сочиненіи В. Семевскаго: ее можно рекомендовать для внимательнаго изученія всякій разъ, когда берутся непристойно идеализировать старыя бытовыя формы или начинаютъ въ прошломъ искать идеаловъ для современной дѣйствительности; ея содержаніе по существу гораздо шире передачи тѣхъ грубыхъ подробностей крѣпостной жизни, которыя мы въ ней читаемъ. Мало-мальски думающаго читателя глава эта приведетъ невольно къ нѣкоторымъ поучительнымъ выводамъ, заставитъ сдѣлать рядъ удивительныхъ аналогій и помечтать на тему о красотѣ законнаго порядка вещей. Не можемъ затѣмъ не выдѣлить особо XII-й (стр. 394—418) и XIII-й (стр. 419—456) главъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о побѣгахъ и волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ XVIII столѣтіи. Очень жаль, что эти главы какъ бы теряются въ громадномъ сочиненіи почтеннаго автора. Указанную тему слѣдовало бы подвергнуть болѣе детальной обработкѣ и болѣе глубокому анализу, не стѣсняясь приложеніемъ подлинныхъ документовъ. Мы положительно совѣтовали бы г. Семевскому превратить эти главы въ особую монографію и выпустить въ свѣтъ отдѣльною книжкой. Авторъ ничего не говоритъ здѣсь объ участіи помѣщичьихъ крестьянъ въ пугачевскомъ движеніи. «Пугачовщина,—пишетъ В. Семевскій (стр. 443),—явленіе въ высшей степени сложное; въ этомъ народномъ движеніи, кромѣ казаковъ и инородцевъ, принимали участіе не одни крѣпостные крестьяне, а также приписанные къ горнымъ заводамъ, экономическіе, дворцовые и др. крестьяне, и потому намъ придется вернуться къ вопросу о томъ, какое участіе въ немъ принимали каждый изъ этихъ разрядовъ крестьянъ; тогда мы разсмотримъ и отношеніе крестьянъ къ пугачовщинѣ». Этими словами г. Семевскій намекаетъ на то, что онъ намѣренъ подарить нашу литературу *третьимъ* томомъ своего сочиненія. Общее экономическое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, ихъ домашній и духовный бытъ, самоуправленіе и приходская жизнь, пугачовщина — вотъ предполагаемое содержаніе этого тома, поскольку его можно уяснить по словамъ введенія къ лежащему передъ нами первому тому (на стр. XXXIV—XXXV). Едва-ли надо говорить о томъ нетерпѣніи, съ какимъ наша литература будетъ ждать выхода въ свѣтъ этой книги, долженствующей завершить собой многолѣтнюю работу нашего автора надъ избранной имъ драгоцѣнной въ научномъ отношеніи темой. Г. Семевскому придется въ этомъ третьемъ томѣ вновь говорить о поземельной общинѣ, затронуть вопросы объ условіяхъ сельскаго хозяйства и промышленности, словомъ, говорить о такихъ предметахъ, которые требуютъ громадной теоретической выправки и совершенно новыхъ точекъ зрѣнія, не тѣхъ, что господствовали въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда почтенный историкъ русскаго крестьянства только задумывалъ свой трудъ... Передъ нашимъ авторомъ открываются такимъ образомъ не только очень широкіе горизонты, но и довольно тяжкая отвѣтственность... Мы убѣждены, что переизданіе въ переработанномъ видѣ перваго тома «Крестьянъ въ царствованіе императрицы Екатерины II» встрѣтитъ самый радушный пріемъ въ читающей публикѣ и не сомнѣваемся, что послѣдняя горячо вмѣстѣ съ нами пожелаетъ почтенному автору съ успѣхомъ и въ скоромъ времени окончить работу надъ *третьимъ* томомъ. *Василій Сторожевъ.*

Д. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Въ 3-хъ частяхъ. Изданіе четвертое. Кіевъ. 1903 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Стр. 609. Авторъ «Исторіи Малой Россіи» умеръ свыше 50 лѣтъ тому назадъ; его книга была издана впервые въ 1822 году, второе изданіе ея появилось черезъ восемь лѣтъ послѣ

перваго, третье—въ 1842 году, настоящее четвертое изданіе «печатано съ третьяго изданія безъ измѣненія». Эти хронологическія даты съ достаточной точностью опредѣляютъ современную цѣнность и научное значеніе «Исторіи Малой Россіи», составленной Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ. О Карамзинѣ говорили, что его предпріятіе писать «Исторію государства Россійскаго» было чрезвычайно рискованнымъ при тогдашнемъ состояніи исторической науки въ Россіи; то же можно сказать и о предпріятіи Бантышъ-Каменскаго, который въ своей «Исторіи Малой Россіи» рѣшительно подражаетъ своему старшему современнику, «россійскому исторіографу». Отсутствіе критическаго метода, хаотическое изложеніе фактовъ, неумѣніе разбираться въ источникахъ, устарѣлый языкъ и манера выражаться, попытки навязать прошлому и историческимъ дѣятелямъ современные Бантышъ-Каменскому оффиціальные взгляды, все эта дѣлаетъ чтеніе «Исторіи Малой Россіи» подвигомъ для нынѣшняго читателя-неспеціалиста.

Для интересующихся приводимъ отрывки. Разсуждая о началѣ казачества и Запорожской Сѣчи, Бантышъ-Каменскій пишетъ: «Предлагаю мое мнѣніе: запорожцы, должно думать, переселились за Днѣпръ съ Кавказа, гдѣ нынѣ обитаютъ черкесы, народъ воинственный, упражняющійся въ разбояхъ». Догадка эта вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что московскіе люди называли въ свое время малорусскихъ казаковъ чаркасами, вѣроятно, производя это названіе отъ города Черкассъ. Свои филологическія, этнографическія и литературныя свѣдѣнія Бантышъ-Каменскій проявляетъ слѣдующимъ образомъ: «Несправедливо думаютъ, что нарѣчіе, коимъ говорятъ теперь малороссіяне, обязано своимъ происхожденіемъ единственно вліянію языка польскаго... Свѣдующіе люди находятъ нынѣшнее малороссійское нарѣчіе сходнымъ съ тѣмъ, коимъ говорятъ венгерскіе россіяне, извѣстные подъ именемъ карпатороссовъ... Г. Котляревскій, въ новѣйшее время, въ переложенной на малороссійское нарѣчіе «Энеидѣ» показалъ съ отличнымъ искусствомъ, до какой степени умъ гибкій и оборотливый можетъ управлять гармоническими звуками». Такимъ образомъ историкъ Малоросіи въ знаменитой «Энеидѣ» Котляревскаго видѣлъ лишь своего рода фокусъ. Образцомъ оффиціальныхъ характеристикъ историческихъ дѣятелей можетъ служить характеристика личности гетмана Мазепы, сдѣланная Бантышъ-Каменскимъ. «Одаренный отъ природы умомъ необыкновеннымъ, получивъ у іезуитовъ отличное образованіе, Мазепа, кромѣ малороссійскаго языка, зналъ латинскій, нѣмецкій и польскій; имѣлъ даръ слова, искусство убѣждать; но съ хитростью, осторожностью Виговскаго соединялъ въ себѣ злобу, мстительность, любостяжаніе Брюховецкаго; превосходилъ Дорошенка въ славолюбіи, всѣхъ въ неблагодарности».

Несмотря, однако, на всѣ свои недостатки, «Исторія Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго имѣетъ крупное значеніе въ разработкѣ данныхъ, относящихъ къ малорусской исторіи. Это была первая попытка дать полную исторію края, основанную на первоисточникахъ; попытка эта осталась единственной и до сихъ поръ. «Исторія Малой Россіи» дала могучій толочкъ къ развитію малорусскоъ исторіографіи. Въ ученыхъ трудахъ Максимовича, Костомарова, Антоновича и многихъ другихъ современныхъ намъ историковъ разработка малорусской исторіи, конечно, приняла иную форму, форму научныхъ изслѣдованій, а не повѣствовательнаго разсказа, но полной исторіи Малороссіи, объединенной въ одномъ научномъ трудѣ, мы до сихъ поръ не имѣемъ; блестящія монографіи названныхъ ученыхъ не запомнили этого пробѣла. Въ заключеніе своей «Исторіи Малой Россіи» Бантышъ-Каменскій пишетъ: «Другой съ лучшимъ искусствомъ, краснорѣчивѣе опишетъ дѣла украинцева. Слава не мой удѣлъ. Доволенъ и тѣмъ, что исхитилъ изъ рукъ всеразрушающаго времени нѣсколько хартій, доселѣ неизвѣстныхъ, составилъ цѣлое изъ отрывковъ разбросанныхъ». Этотъ «другой» не пришелъ еще на смѣну Бантышъ-Каменскому. Правда, извѣстный

львовскій профессоръ исторіи М. С. Грушевскій, ученикъ В. Б. Антоновича, занятъ сейчасъ изданіемъ своей «Исторіи Украіни-Руси», но многотомность этого сочиненія (вышло до сихъ поръ 4 громадныхъ тома, предполагается всѣхъ 8), безъ сомнѣнія, послужитъ преградой къ широкому его распространенію; кромѣ того, написанная на малорусскомъ языкѣ «Исторія» львовскаго ученаго врядъ ли получитъ широкій доступъ въ предѣлы Россійской имперіи.

Издана «Исторія Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго весьма прилично. Если бы не нѣкоторая небрежность корректуры, его можно было бы считать точнымъ снимкомъ съ послѣдняго изданія «Исторіи» въ 1842 г.; мѣшаетъ этой точности также и ненужное, неоговоренное примѣчаніе издателя на III стр. предисловія, помѣщенное среди примѣчаній автора. Недурно сдѣланы почти всѣ приложенія, состоящія изъ портретовъ гетмановъ и др. историческихъ дѣятелей, различныхъ рисунковъ, автографовъ, боплановской карты и пр.; особенно хороши вышли «двадцать шесть роскошныхъ изображеній малороссіянъ въ странныхъ одеждахъ», «почерпнутыхъ изъ рукописи г. Ригельмана», какъ поясняетъ Бантышъ-Каменскій. *М. Славинскій.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Коншинъ. „Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность".— *Ганзель.* „Новый видъ мѣстныхъ налоговъ".

Земледѣліе, фабрично заводская и кустарная промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. № XLIV. М. 1903 г. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к. Не названный переводчикомъ авторъ («старый географъ» какъ онъ самъ про себя говоритъ на стр. 168) доказываетъ, что уже теперь люди могутъ устроиться такъ, чтобы жить богатой и культурной жизнью и въ то же время обезпечить себѣ полную независимость, т.-е. не жить чужимъ трудомъ и не позволять другимъ себя эксплуатировать. Подобнаго рода утвержденіе, поскольку оно можетъ быть доказано, имѣетъ большую важность. Въ настоящее время много интеллигентныхъ людей готовы были бы отказаться отъ значительной части своихъ удобствъ и удовольствій, только бы не чувствовать себя соучастниками великой исторической неправды, тяготѣющей какъ фатумъ даже надъ честными людьми. Но насъ постоянно убѣждаютъ, что мы не можемъ сами себя ни кормить, ни одѣвать, ни согрѣвать, ни снабжать достаточнымъ запасомъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, и потому должны принимать и пищу и одежду и наслажденія на тѣхъ условіяхъ, на какихъ даетъ ихъ намъ современная промышленная организація, основанная на всемогуществѣ капитала и одушевленная стремленіемъ къ наживѣ. Противъ этого-то пониманія дѣйствительности и возстаетъ нашъ авторъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что всюду въ Европѣ и въ частности въ Англіи земля можетъ давать, при разумномъ къ ней отношеніи, гораздо больше средствъ пропитанія, чѣмъ она даетъ въ настоящее время, и для этого вовсе не нужно вкладывать въ нее особенно много труда: нужно только примѣнить всѣ данныя, добытыя агрономіей, и работать не въ одиночку, а соединенными усиліями многихъ семействъ, не ссорясь другъ съ другомъ, а заботясь лишь объ общемъ благѣ. По вычисленіямъ автора, 200 семей (въ 1.000 душъ) на площади въ 1.000 акровъ (средняго плодородія) могли бы собственнымъ трудомъ доставлять себѣ все нужное для прокормленія и имѣть достаточно досуга для всевозможныхъ неземледѣльческихъ занятій и удовольствій и достаточно мѣста на своей землѣ для частныхъ и общественныхъ садовъ, для площадей, общественныхъ зданій, фабрикъ и проч. Обезпечивъ же себѣ пропитаніе и досугъ, эти люди могли бы, опять-

таки собственнымъ трудомъ, не изнуряя себя и не насилуя своихъ вкусовъ, снабжать себя въ умѣренномъ количествѣ всѣми предметами удобства и роскоши, которые теперь приходится получать путемъ компромиссовъ и униженій передъ капиталистами. Въ этой идеальной общинѣ не будетъ уже раздѣленія между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, между трудомъ и орудіями производства, между трудомъ умственнымъ и трудомъ физическимъ: каждый будетъ участвовать личнымъ трудомъ и въ добываніи пищи, и въ обезпеченіи всевозможныхъ удобствъ, и въ развитіи наукъ, и въ наслажденіи искусствомъ.

Эти предположенія нельзя считать несбыточными мечтами. Но къ сожалѣнію, самъ авторъ слишкомъ заботится о томъ, чтобы во что бы то ни стало убѣдить читателей и увеличить число сторонниковъ своихъ идей. Отъ этого страдаютъ сами идеи. Нужно имѣть смѣлость защищать свой идеалъ такимъ, каковъ онъ есть—со всѣми затрудненіями, которыя онъ вызываетъ, со всѣми врагами, которыхъ онъ противъ себя имѣетъ. Поэтому автора разбираемой книги, какъ и большинство реформаторовъ, слѣдуетъ упрекать не въ излишней смѣлости, а въ излишней робости. Если бы всѣ реформаторы смѣло настаивали на своихъ требованіяхъ, они можетъ быть сдѣлали бы меньше, чѣмъ имъ хотѣлось бы, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ они дѣлаютъ теперь. Если народныя массы еще не созрѣли для реформы, то для подготовленія, для воспитанія ихъ больше всего сдѣлаютъ не тѣ, кто будутъ скрывать отъ народа противорѣчіе между реформою и дѣйствительною жизнью, а тѣ, кто осуществятъ реформу въ чистомъ видѣ хотя бы для небольшой группы людей и на примѣрѣ такой обновленной чистой жизни покажутъ народу всѣ преимущества реформы. Между тѣмъ реформаторы обыкновенно стараются умалить въ глазахъ общества трудность реформы, представить ихъ болѣе легкими, а окружающую жизнь—болѣе близкою къ ихъ идеаламъ. Они дѣлаютъ видъ, точно ихъ предложеніе не коренная реформа жизни, а простое разъясненіе того, что всѣми давнымъ давно признается.

Авторъ разбираемой книжки во многомъ сходится съ нашими народниками и повторяетъ ихъ ошибки. Какъ и народники, онъ предостерегаетъ противъ вредныхъ сторонъ фабрично-заводской промышленности и указываетъ на преимущества земледѣльческой жизни и самостоятельной свободной работы каждаго труженика у себя дома или въ небольшихъ матерскихъ. И подобно народникамъ, онъ склоненъ смѣшивать защиту своего идеальнаго земледѣлія и идеальной промышленной организаціи съ защитой всякаго земледѣлія и всякой мелкой и домашней промышленности. Когда онъ говоритъ объ осуществленіи своего идеала въ будущемъ, онъ ясно сознаетъ, что первымъ условіемъ такого осуществленія является сознательный отказъ отъ эгоизма, отъ грабительскихъ наклонностей, отъ алчности. «Никакая подобная перемѣна,—говоритъ онъ (т.-е. соединеніе земледѣлія съ обрабатывающей промышленностью и вообще «интеграція» труда вмѣсто современнаго «раздѣленія труда»)—не можетъ произойти до тѣхъ поръ, пока общество сохранитъ свое устройство, которое позволяетъ собственникамъ земли и капитала подъ покровительствомъ государства и историческихъ правъ присваивать себѣ ежегодный избытокъ производства» (стр. 6—7). Но когда авторъ отъ будущаго обращается къ прошлому и настоящему и отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности зачатки будущаго строя, онъ уже забываетъ, что эти зачатки нужно искать въ общественной психологіи, а не во внѣшнихъ формахъ промышленной организаціи. Если алчность и эгоизмъ составляютъ главное препятствіе къ образованію идеальныхъ общинъ съ преобладаніемъ земледѣльческаго труда, то современные зачатки идеальныхъ общинъ нужно искать тамъ, гдѣ всего успѣшнѣе и сознательнѣе ведется борьба съ алчностью и эгоизмомъ. Поэтому наилучшія друзья у нашего автора могутъ оказаться въ центрахъ фабрично-заводской промышленности, а злѣйшіе враги—

среди сплошного земледѣльческаго населенія. Наиболѣе подготовленными для реформъ, предлагаемыхъ авторомъ, быть можетъ являются жители ненавистныхъ ему городовъ, а наименѣе подготовленными—тѣ земледѣльцы и кустари, которыхъ онъ беретъ подъ свою защиту. Онъ же, подобно нашимъ народникамъ, считаетъ современныхъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и кустарей—живымъ доказательствомъ своихъ идей, готовой опорой своихъ идеаловъ, а крупную промышленность безъ всякой критики признаетъ тормазомъ, который всегда и всюду только вредитъ. Преимущество автора передъ нашими народниками заключается въ томъ, что онъ сильно выдвигаетъ одно требованіе, которое сразу уясняетъ истинный смыслъ его реформы, обнаруживая всю ея трудность и смѣлость: онъ настаиваетъ на обязательности для всѣхъ простого физическаго труда. Онъ справедливо полагаетъ, что перенести обрабатывающую промышленность въ деревни и достигнуть наибольшей выгоды и наивысшаго счастья для тружениковъ-земледѣльцевъ можно будетъ только при томъ условіи, если интеллигентные люди откажутся отъ пренебреженія къ физическому труду и научатся работать руками такъ же хорошо, какъ и головою (стр. 161).

Но предъявляя современному обществу столь повышенныя требованія, авторъ мало занимается вопросомъ, гдѣ же найти средства для выполненія подобныхъ требованій, гдѣ найти людей, которые могли бы служить примѣромъ. Вмѣсто того, чтобы смѣло ставить вопросъ объ осуществимости своихъ надеждъ, онъ большею частью предпочитаетъ заниматься болѣе легкимъ дѣломъ—опроверженіемъ чужихъ надеждъ, тѣхъ, которыя возлагаются на крупную обрабатывающую промышленность, на фабрики и заводы. Но недостатки извѣстныхъ плановъ и надеждъ еще не служатъ доказательствомъ, что нужно отдаться другимъ надеждамъ и строить другіе планы. Наши народники доказывали, что русскій капитализмъ не имѣетъ твердой почвы, ибо не можетъ надѣяться на завоеваніе внѣшнихъ рынковъ. Авторъ разбираемой книги доказываетъ, что капитализмъ въ Англіи теряетъ почву, ибо Англія потеряетъ внѣшніе рынки. Но и онъ, какъ наши народники, забываетъ, что даже самый слабый и мизерный капитализмъ можно считать все-таки наилучшимъ воспитательнымъ средствомъ для подготовленія лучшаго будущаго. Чтобы опровергнуть такое мнѣніе, нужно показать, что существуютъ другіе болѣе вѣрные пути. Нужно сравнивать крупную и мелкую промышленности, городскую культуру и земледѣльческій трудъ не по степени ихъ устойчивости, а по пригодности ихъ для тѣхъ идей, которымъ мы сочувствуемъ. Нашъ авторъ радуется каждому торжеству земледѣлія и мелкой промышленности, хотя передъ читателемъ постоянно возникаетъ вопросъ, не куплено ли это торжество цѣною столь же безпощадной эгоистической борьбы и столь же жестокой эксплуатаціи человѣческаго труда, какъ и на фабрикахъ и заводахъ. Англійскіе трэдъ-юніоны враждебно относятся къ мелкой промышленности, потому что у мелкихъ хозяевъ положеніе рабочихъ хуже и борьба съ ними труднѣе для рабочихъ. Сельское населеніе Англіи бѣжитъ въ города, потому что въ деревнѣ жизнь слишкомъ неприглядна и слишкомъ тяжело давитъ сверху деспотическая власть землевладѣльцевъ (см. интересное письмо г. Діонео о новомъ капитальномъ изслѣдованіи сельскаго хозяйства въ Англіи, Райдера Хаггарда, «Русское Богатство», № 1). Авторъ хочетъ, чтобы Англія брала примѣръ съ другихъ странъ, въ которыхъ земледѣліе и домашняя промышленность развиты сильнѣе. Но самъ же онъ долженъ постоянно признаваться, что и въ другихъ странахъ жизнь тружениковъ вовсе не такъ разумна и не такъ счастлива, чтобы ей можно было завидовать. Французскіе огородники, успѣхи которыхъ приводятъ нашего автора въ восторгъ, трудятся какъ рабы (стр. 58) и притомъ трудятся не на себя, а на тѣхъ же ненасытныхъ обитателей Лондона, которые такъ позорно равнодушны къ родному земледѣлію (стр. 55) Знакомъ нашъ авторъ и съ тяжелыми условіями земледѣльческаго труда въ Россіи (стр. 62). Поэтому особенно странно для

—

русскаго читателя звучатъ его рѣчи о преимуществахъ Россіи передъ Англіею. Конечно, у насъ есть свои преимущества, а у Англіи есть недостатки, которыхъ у насъ нѣтъ. Но еще больше у Англіи такихъ недостатковъ, которые намъ отлично знакомы. Вотъ, напр., авторъ утверждаетъ, что Англія—рай посредниковъ и останется таковымъ «до тѣхъ поръ, пока она будетъ существовать ввозимыми пищевыми продуктами» (стр. 19). «Въ странѣ, которая ввозитъ свои пищевые продукты, не можетъ быть иначе: люди, выращивающіе сами продукты, исчезаютъ съ рынка, и вмѣсто нихъ появляются посредники» (стр. 63). Въ Россіи, т.-е. въ странѣ, которая *вывозитъ* пищевые продукты, именно этотъ вывозъ и создаетъ свой особый рай для посредниковъ. При этомъ нужно замѣтить, что посредники посредникамъ рознь. Наши посредники по хлѣбной торговлѣ не умѣютъ согласовать своихъ интересовъ съ интересами земледѣлія. А въ Соединенныхъ Штатахъ высокая техника хлѣбной торговли приноситъ фермерамъ огромныя выгоды, дѣлая ихъ господами положенія на международномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Болѣе заслуженными являются похвалы автора по адресу «русской системы» обученія ручному труду. Но и тутъ не обошлось безъ преувеличеній. Къ сожалѣнію, «русская система» извѣстна въ Россіи очень мало и примѣняется лишь въ немногихъ техническихъ заведеніяхъ. Гораздо болѣе широкое и плодотворное примѣненіе она получила въ общеобразовательныхъ школахъ Америки и Франціи *). И потому слишкомъ преждевременно говорить о русскомъ «трудолюбивомъ юношествѣ, стремящемся соединить ручной трудъ съ наукою» (стр. 16).

Переводчика можно упрекнуть за недостаточно внимательное отношеніе къ терминологіи. Про русскихъ кустарей, напр., говорится, что $7^1/_2$ милліоновъ человѣкъ «совмѣщаютъ *фабричный* трудъ съ земледѣліемъ» (стр. 16).

А. Рыкачевъ.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ: обложеніе «незаслуженнаго» прироста цѣнностей при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ и другихъ странахъ. (Съ приложеніемъ библіографическаго указателя). С.п.б. 1902. Стр. II+193, Ц. 1 р. 25 к. Интересъ къ городскому хозяйству сильно возросъ за послѣднее время, въ особенности послѣ того, какъ во многихъ городахъ Запада руководящей идеей городского хозяйства сдѣлалась общественная реформа, т.-е. коренное улучшеніе жизни трудящихся классовъ. Съ этимъ замѣчательнымъ явленіемъ русскіе читатели могли познакомиться, въ легкомъ, общедоступномъ изложеніи, по книгѣ К. Гуго: «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи». (Перев. съ нѣм. С.п.б. 1898 г.). Между прочимъ, Гуго разсказываетъ вкратцѣ объ упорной борьбѣ, которую пришлось вести совѣту лондонскаго графства, чтобы добиться права на примѣненіе особаго, новаго налога, betterment tax. Этому-то новому налогу, «спеціальному обложенію», и посвящена книга г. Гензеля. Въ городскихъ финансахъ Англіи «спеціальное обложеніе» играетъ пока очень скромную роль. Но то, что городскія управленія Лондона и Манчестера добились отъ парламента права на «спеціальное обложеніе», было большей побѣдой демократической программы, ибо борьба велась на принципіальной почвѣ: споръ шелъ о разномъ пониманіи налоговой справедливости. Дѣло въ томъ, что «спеціальное обложеніе», дѣйствительно, выходитъ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ состоятельные классы привыкли умѣщать свое понятіе о дозволенныхъ, справедливыхъ налогахъ. «Спеціальное обложеніе» есть налогъ на тѣ спеціальныя выгоды, которыя достаются отдѣльной небольшой группѣ городскихъ собственниковъ отъ

*) См. статью *Н. Рудольфа*: „Краткая характеристика ручныхъ занятій въ въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ". „Техническое образованіе", 1902 г. № 7.

мѣропріятія, предпринятаго городомъ въ общественныхъ интересахъ. Напр., городъ, въ общественныхъ интересахъ, проводитъ новую улицу. Цѣны на участки, прилегающіе къ новой улицѣ, конечно возрастаютъ и собственники ихъ обогащаются безъ какихъ бы то ни было усилій и заслугъ съ своей стороны. И вотъ городское управленіе находитъ справедливымъ покрывать свои расходы на проведеніе новой улицы, частью или цѣликомъ, изъ «незаслуженнаго» прироста цѣнности счастливыхъ участковъ, а не изъ общихъ налоговъ, собираемыхъ, по той или иной системѣ, со всего городского населенія. Такимъ образомъ, «спеціальное обложеніе» является новымъ ограниченіемъ принципа частной собственности, въ числѣ многихъ другихъ, внесенныхъ въ современную жизнь финансовыми реформами послѣдняго времени. Вызванное жизненными потребностями городского хозяйства, «спеціальное обложеніе» должно было вступить въ борьбу со старыми привычными понятіями, которыя упорно отстаивались землевладѣльцами и домовладѣльцами. Въ концѣ концовъ, собственники должны были уступить и въ настоящее время принципъ «спеціальнаго обложенія» завоевалъ себѣ прочное положеніе въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Г. Гензель, давая подробную исторію спеціальнаго обложенія въ названныхъ 3 странахъ, ставитъ себѣ цѣлью выяснить общія причины, доставившія побѣду новому виду мѣстныхъ налоговъ; исторія изучаемаго имъ налога излагается въ постоянной связи съ исторіей мѣстнаго управленія и мѣстныхъ финансовъ вообще. Это дѣлаетъ «спеціальную» тему г. Гензеля интересной не для однихъ только спеціалистовъ. Достоинствомъ книги является то, что, оставаясь на почвѣ строгой, объективной науки, г. Гензель въ то же время выдвигаетъ на первый планъ не цифры, не голые факты и тексты законовъ, а борьбу живыхъ идей и интересовъ: борющіяся стороны вырисовываются передъ читателемъ со всѣми своими специфическими чертами, свойственными данному времени и данному мѣсту, и это разнообразіе специфическихъ чертъ еще болѣе подчеркиваетъ неизбѣжность и общность одного и того же историческаго процесса въ разныхъ странахъ. Интересно слѣдить, какъ одна и та же идея идетъ къ побѣдѣ разными путями въ зависимости отъ національныхъ различій: въ Англіи мы видимъ упорную идейную борьбу, на почвѣ правовыхъ понятій, съ упрямымъ консерватизмомъ лордовъ, въ Америкѣ —быстрое практическое примѣненіе, давшее грандіозные хозяйственные результаты, но въ то же время и грандіозныя злоупотребленія, въ Германіи, и въ особенности въ Пруссіи,—руководящую роль и просвѣщенное попечительство государственной власти.

Впрочемъ и достигнутые результаты пока еще весьма различны въ разныхъ странахъ. Въ Англіи городскія управленія Манчестера и Лондона только въ 1894 и 1895 гг. добились отъ парламента права установить спеціальное обложеніе (съ очень стѣснительными ограниченіями) для нѣкоторыхъ предпринятыхъ ими мѣропріятій. Торжество тутъ заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что лорды уступили въ принципѣ: ихъ коммиссія подъ предсѣдательствомъ лорда Сольсбюри объявила, что «принципъ betterment'а самъ по себѣ не является не справедливымъ». Между тѣмъ всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ палата лордовъ вполнѣ соглашалась съ тѣми своими членами, которые называли проектъ betterment'а «свирѣпымъ въ своей ненависти къ несчастнымъ собственникамъ» (лордъ Онсло), «самымъ несправедливымъ предложеніемъ, какое когда-либо было сдѣлано» (лордъ Сольсбюри).

Въ Соединенныхъ Штатахъ «спеціальное обложеніе» получило весьма широкое примѣненіе уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія; впрочемъ, судьба его была различна въ разныхъ штатахъ. Въ настоящее же время «едва ли найдется въ Соединенныхъ Штатахъ такой городъ, который не пользовался бы спеціальнымъ обложеніемъ» (45). Благодаря этому сбору въ городскія кассы стекаются огромныя средства. Въ 1891 г. 24 города съ населеніемъ свыше 100.000 собрали путемъ «спеціальнаго обложенія» около 20 милліоновъ дол-

ларовъ, или немногимъ менѣе 7% всей суммы доходовъ. Въ Чикаго «спеціальное обложеніе» составляло въ томъ же году около $^1/_5$ всей суммы доходовъ, а именно $6^1/_2$ милл. долларовъ, или болѣе $^4/_5$ всѣхъ доходовъ всѣхъ 700 русскихъ городовъ (59).

Больше всего мѣста г. Гензель удѣляетъ исторіи «спеціальнаго обложенія» въ Германіи (стр. 72—160) и въ особенности въ Пруссіи. Уже въ 1875 г. прусскимъ городамъ было разрѣшено устанавливать «спеціальное обложеніе» (Beitrage) при проведеніи новыхъ улицъ. Но особенно широкое развитіе идея «спеціальнаго обложенія» получила въ новомъ законѣ о коммунальныхъ налогахъ 14-го іюля 1893 г., законѣ, который составилъ эпоху въ исторіи прусскихъ финансовъ. Смыслъ реформы состоялъ въ томъ, что государство отказывалось въ пользу общинъ отъ реальныхъ налоговъ, но зато сильно ограничивало право общинъ на взиманіе подоходнаго налога. Реформа была непріятна городскимъ собственникамъ, которые во многихъ городахъ свалили всю тяжесть городского бюджета на плательщиковъ подоходнаго налога, а теперь, послѣ реформы, должны были повысить обложеніе земель, домовъ и промысловъ. Чтобы облегчить собственникамъ этотъ тяжелый переходъ, правительство и обратилось къ «спеціальному обложенію», поставивъ этотъ налогъ, вмѣстѣ съ пошлинами на первое мѣсто въ ряду различныхъ источниковъ коммунальнаго дохода. Такимъ образомъ, въ Пруссіи «спеціальное обложеніе» само по себѣ не вызвало оппозиціи и недовольства городскихъ домовладѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, общая сумма, получаемая путемъ этого налога, до сихъ поръ не достигла значительныхъ размѣровъ: она составила немногимъ болѣе 2% общей суммы всѣхъ налоговъ, взимаемыхъ прусскими городами.

Франціи и Бельгіи посвящено только 8 страницъ, а Россіи — 3. Нашему законодательству и нашей городской практикѣ «спеціальное обложеніе» неизвѣстно. Авторъ «не ожидаетъ прогресса въ этомъ отношеніи, разъ наше городское самоуправленіе будетъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, что и нынѣ» (183). Но на основаніи опыта Западной Европы, г. Гензель предсказываетъ «спеціальному обложенію» большую будущность, какъ на Западѣ, такъ и у насъ и притомъ не только для городского, но и для земскаго хозяйства.

Очеркъ «теоріи» спеціальнаго обложенія (168—182) изложенъ очень кратко и, какъ намъ кажется, не вполнѣ удачно. Впрочемъ, авторъ оговаривается, что «въ финансовой литературѣ это все еще terra incognita». *А. Рыкачевъ.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

I. Розенталь. „Общая физіологія".—*I. Гинтервальдеръ.*—„Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій".—*Ф. Конъ.* „Растеніе".—*Гантшъ.* „Краткое руководство къ стереохиміи".—*А. Реформатскій.* „Неорганическая химія".

Д-ръ I. Розенталь, профессоръ физіологіи въ университетѣ въ Эрлангенѣ. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естествознанія и медицины. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей С. С. Салазкина, профессора женскаго медицинскаго института въ С.-Петербургѣ. Съ приложеніемъ статей Ненцкаго, Спенсера, Бунге и Бючли. Со 137 рисунками въ текстѣ. Библіотека естествознанія, подъ редакціей проф. П. И. Броунова и В. А. Фаусека. Изданіе акц.-общ. Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ. 1902 г. 377+XX текста. Авторъ книги прежде всего касается вопроса о томъ, чѣмъ занимается физіологія, какія цѣли она преслѣдуетъ и въ какой связи стоитъ съ другими, какъ часто біологическими, такъ и физическими естественными науками. Затѣмъ онъ указываетъ на значеніе индукцій и дедукцій въ естествознаніи и опредѣляетъ разницу между такъ называемыми индуктивными-естественными и дедуктивными-математическими науками. Переходя послѣ этого

къ изложенію важнѣйшихъ методовъ изслѣдованія въ естествознаніи вообще и въ физіологіи въ частности, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на то, какъ важно въ дѣлѣ изученія явленій умѣло примѣнить тотъ или иной методъ. Отъ выбора подходящаго метода въ большинствѣ случаевъ зависитъ удача изслѣдователя, а равно и большій или меньшій прогрессъ въ извѣстной отрасли знанія. Что касается физіологіи въ частности, то авторъ указываетъ, что изученіе жизненныхъ явленій немыслимо безъ наблюденій и опытовъ надъ живыми животными, т.-е безъ вивисекцій, а это возможно лишь при помощи разнообразныхъ, нерѣдко очень сложныхъ, вспомогательныхъ средствъ. Затрогивая вопросъ о вивисекціяхъ, авторъ пользуется случаемъ указать читателю, что часто дѣлаемыя профанами нападки на вивисекціи ни на чемъ не основаны, такъ какъ имъ «человѣчество обязано своимъ огромнымъ тріумфомъ въ дѣлѣ борьбы съ болѣзнями и искусствомъ леченія ихъ». Далѣе, семь главъ книги (начиная съ IV и кончая X) посвящаются изложенію главнѣйшихъ законовъ физики и химіи, предварительное знакомство съ которыми необходимо для пониманія явленій жизни. Послѣ этого, такъ сказать, введенія въ общую физіологію, авторъ переходитъ къ описанію самыхъ жизненныхъ явленій, при чемъ сначала знакомитъ читателя съ этими явленіями у высшихъ позвоночныхъ, а потомъ уже останавливается на описаніи организаціи и жизни у простѣйшихъ живыхъ существъ. Съ этою цѣлью, выбравъ представителемъ млекопитающихъ кролика, какъ болѣе доступный для изслѣдованія объектъ, онъ излагаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ анатомическое строеніе означеннаго животнаго и главнѣйшіе физіологическіе процессы питаніе, кровообращеніе, обмѣнъ веществъ, дыханіе и пр. Вслѣдъ за этимъ авторъ говоритъ о строеніи и жизненныхъ свойствахъ одноклѣточныхъ организмовъ, т.-е. объ ихъ способности къ движенію, о питаніи, размноженіи, раздражимости и смерти; въ связи съ этимъ онъ описываетъ клѣтки, какъ элементы, входящіе въ составъ сложныхъ организмовъ; между прочимъ тутъ же онъ указываетъ на значеніе ядра и протоплазмы, на дифференцировку клѣтокъ и вкратцѣ касается строенія простыхъ тканей. Давъ, такимъ образомъ, краткій очеркъ главнѣйшихъ физіологическихъ процессовъ, совершающихся въ организмѣ высшихъ позвоночныхъ и простѣйшихъ организмовъ, авторъ переходитъ къ подробному изложенію обмѣна веществъ (процессовъ дыханія, кровообращенія, выдѣленія и замѣщенія веществъ), при чемъ въ этотъ отдѣлъ общей физіологіи включаетъ какъ растительный, такъ и животный міръ. Растительному міру тутъ отводится довольно много мѣста и подробно говорится о питаніи растеній, новообразованіи у нихъ неорганическихъ соединеній, выдѣленіи кислорода, возникновеніи и исчезаніи хлорофилла, передвиженіи газовъ и воды въ растеніяхъ и пр. Далѣе читатель знакомится съ сущностью кругооборота матеріи и превращеніемъ энергіи въ организмахъ и, наконецъ, съ различными отправленіями послѣднихъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ касается цѣлаго ряда весьма интересныхъ біологическихъ вопросовъ, какъ, напр., вопросовъ о продукціи и регулированіи тепла, о различныхъ формахъ движенія, продукціи электричества, раздраженіи и раздражимости, ростѣ и размноженіи организмовъ и пр. Въ главѣ о раздражимости мы находимъ довольно подробное описаніе той роли, какую играютъ центральная и периферическая нервная система и органы чувствъ въ воспринятіи и проведеніи извѣстныхъ импульсовъ, а также въ дѣлѣ возникновенія разнообразнаго рода ощущеній. Что касается главы о ростѣ и размноженіи, то въ ней авторъ вкратцѣ указываетъ на ростъ животныхъ клѣтокъ, процессъ регенераціи, различныя формы дѣленія, а затѣмъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, касается теорій эволюцій, эпигенеза и наслѣдственности. Наконецъ, въ послѣдней главѣ книги, посвященной вопросу о возникновеніи жизни, сначала приводится рядъ данныхъ, доказывающихъ невозможность произвольнаго зарожденія организмовъ, а потомъ затрогивается вопросъ объ измѣнчивости живыхъ

существъ, происхожденіи новыхъ видовъ, борьбѣ за существованіе, филогенезѣ, цѣлесообразности, господствующей въ органической природѣ и приспособляемости организмовъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книги І. Розенталя «Общая физіологія». Книга, какъ видно изъ ея содержанія, представляетъ извѣстный интересъ для всякаго біолога, но тѣмъ не менѣе въ ней имѣются и нѣкоторые недостатки. Прежде всего, въ распредѣленіи научнаго матеріала замѣчается значительная неравномѣрность: семь главъ книги посвящаются исключительно описанію основныхъ законовъ физики и химіи и, собственно, лишь въ одиннадцати главахъ трактуется о жизненныхъ явленіяхъ. Конечно, предварительное знакомство съ физическими и химическими законами необходимо для уразумѣнія основъ общей физіологіи, но ихъ легко можно было бы изложить въ болѣе сжатой формѣ и удѣлить больше мѣста для общей физіологіи. Въ главѣ XV, «Обмѣнъ веществъ у организмовъ», по моему мнѣнію, слишкомъ пространно для краткаго курса общей физіологіи говорится о процессахъ обмѣна веществъ у растеній и пр. Далѣе, въ изложеніи научныхъ фактовъ нѣтъ достаточной послѣдовательности и стройности, которыя, какъ извѣстно, въ такой значительной степени облегчаютъ читателю-неспеціалисту оріентированіе въ массѣ матеріала и составленіе себѣ яснаго представленія о предметѣ. Въ этомъ отношеніи книга І. Розенталя, мнѣ кажется, далеко уступаетъ всѣмъ извѣстной книжкѣ Клодъ-Бернара «Курсъ общей физіологіи», которая теперь читается съ такимъ же интересомъ, съ какимъ она читалась и 25 лѣтъ тому назадъ. Съ этой точки зрѣнія она уступаетъ такъ же и книжкѣ М. Ферворна «Общая физіологія», вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ уже въ третьемъ изданіи. Кромѣ того, автору можно поставить въ упрекъ, что онъ, постоянно касаясь различныхъ сторонъ жизни клѣтки, въ то же время даетъ слишкомъ краткое описаніе строенія послѣдней, вслѣдствіе чего, напр., процессы непрямого дѣленія клѣтокъ и оплодотвореніе, для читателя, незнакомаго предварительно съ анатоміей клѣтки, едва ли будутъ вполнѣ понятны. Къ этому нужно еще прибавить, что о такихъ интересныхъ біологическихъ вопросахъ, какъ, напр., вопросы о происхожденіи жизни, эволюціи и эпигенезѣ, наслѣдственности и др., въ книгѣ говорится какъ бы вскользь, отводится очень мало мѣста.

Несмотря на указанные и другіе недостатки, книга І. Розенталя весьма интересна и ее прочтетъ съ удовольствіемъ всякій, кто интересуется біологіей, хотя нельзя не замѣтить, что она доступна не столько для широкой публики, сколько для лицъ, уже нѣсколько знакомыхъ съ основами біологіи. Книга переведена и издана вполнѣ прилично, причемъ редакторами приложены къ ней еще статьи Ненцкаго, Спенсера, Бунге и Бючли, имена которыхъ достаточно говорятъ за интересъ этихъ приложеній. *А. Догель.*

Іог. М. Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Переводъ подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи проф. Э. Ю. Петри: Антропологическія коллекціи и наблюденія. Спб. 1903 года. Цѣна 2 р. Въ популярно-научной нѣмецкой литературѣ книга Гинтервальднера «Wegfesser für Naturaliensammler, Wien 1889» является однимъ изъ наиболѣе полныхъ и толково составленныхъ руководствъ. Что же касается до перевода этой книги на русскій языкъ, то, на нашъ взглядъ, въ этомъ не представлялось особой надобности. Дѣло въ томъ, что на русскомъ языкѣ существуютъ уже превосходныя «Программы и наставленія» для собиранія коллекцій по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, издаваемыя с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей, существуютъ и руководства по отдѣльнымъ отраслямъ—по собиранію растеній, животныхъ. Пользуемся случаемъ, чтобы отмѣтить здѣсь прекрасное «Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собиранію зоологическихъ коллекцій», изданное недавно въ Москвѣ подъ редакціей Г. А. Кожевникова.

Такимъ образомъ, необходимости въ появленіи книги Гинтервальднера на русскомъ языкѣ не было. Съ другой стороны, переводъ сдѣланъ настолько плохо и редакція этого перевода настолько небрежна, что часто положительно становишься втупикъ, что собственно должно означать то или другое выраженіе. Эти недоумѣнія начинаются уже съ первой страницы текста, гдѣ рекомендуется предпринимать экскурсіи «въ разные часы дня и *времена года* (?)».

О временахъ года говорится и дальше, въ главѣ о собираніи растеній, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ выраженіемъ: «Зимою немного явнобрачныхъ въ цвѣту». (стр. 156). Полагаю, нѣтъ надобности пояснять, что на обязанности редактора лежало бы указать, какія явнобрачныя цвѣтутъ у насъ зимой... на снѣгу!

Нѣсколько дальше встрѣчаемъ мы весьма неуклюжую фразу: «Вниманія заслуживаютъ и тѣ особенности, по которымъ для однодомныхъ, двудомныхъ и полигамическихъ растеній опредѣляется мѣсто въ системѣ Линнея».

То, что говорится далѣе о сушкѣ растеній, слишкомъ подробно и въ то же время недостаточно выдѣляются основные, наиболѣе простые способы сушки. О наклейкѣ растеній говорится прямо нѣчто несообразное: «Наклейка производится такимъ образомъ, что растеніе кладутъ по серединѣ листа, а затѣмъ прикрѣпляютъ его, наклеивая на извѣстныя части стебля, вѣтвей и т. п. намазанныя гумми полоски бумаги шириной 1,5—3 m.

Къ книгѣ приложено нѣсколько дополненій, между прочимъ, статья о ядовитыхъ змѣяхъ, водящихся въ Россіи. Страннымъ образомъ здѣсь рекомендуется для изученія змѣй читателю нѣмецкая книга Lachmann'a и не упоминается о прекрасномъ трудѣ А. М. Никольскаго о русскихъ пресмыкающихся и земноводныхъ.

Мы обратили такимъ образомъ вниманіе на нѣсколько слабыхъ сторонъ перевода. Укажемъ еще какъ курьезъ на одно изъ немногочисленныхъ примѣчаній редактора (на стр. 9), гдѣ онъ рекомендуетъ путешественнику держаться извѣстнаго режима, не ѣсть фруктовъ, не пить лимонадовъ (?!), употреблять пищу простую и здоровую. «Въ общемъ путешественники ѣдятъ въ пути немного». Могу увѣрить редактора, что это не совсѣмъ такъ! Что же касается того, какая должна быть пища, то конечно, это опредѣляется тѣмъ, что можно достать и чего нельзя. Въ частности, прибавимъ, бываютъ случаи, когда путешественники по недѣлямъ ничего не ѣдятъ и даже умираютъ съ голода!

Къ числу достоинствъ книги надо отнести интересную главу о содержаніи животныхъ въ неволѣ. *Б. А. Федченко.*

Ф. Конъ. Растеніе. Популярныя лекціи изъ области ботаники. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей академика С. И. Коржинскаго и Р. И. Танфильева. Въ двухъ томахъ. Цѣна 7 р. 50 к. Съ 415 политипажами въ текстѣ. Для того, чтобы переводная популярно-научная книга имѣла успѣхъ у русской читающей публики, требуется не мало: прежде всего, книга должна быть хорошо и интересно написана; затѣмъ, книга должна быть хорошо переведена, правильнымъ, литературнымъ языкомъ; далѣе, книга должна быть проредактирована лицомъ достаточно компетентнымъ; наконецъ, переводное изданіе можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь тогда, когда въ нашей оригинальной литературѣ имѣется соотвѣтственный пробѣлъ.

Всѣ вышеозначенныя условія имѣются налицо въ данномъ случаѣ, и мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ послѣдняго выпуска «Растенія», съ большимъ изяществомъ изданнаго Девріеномъ.

«Растеніе»—это рядъ (17) отдѣльныхъ публичныхъ лекцій по различнымъ вопросамъ ботаники, которыя читались Ф. Кономъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи въ теченіе почти полустолѣтія.

Для изданія въ одной книгѣ, разумѣется, онѣ были пересмотрѣны вновь и снабжены примѣчаніями. Главная цѣль этихъ лекцій и цѣль всей книги—

«служитъ руководствомъ тѣмъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ вѣяніи жизни, проникающей ботанику нашего вѣка», пополнить недостаточность естественно-историческаго образованія у самаго широкаго круга интеллигентной публики. Сообразно съ этимъ отдѣльныя лекціи трактуютъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ ботаники, начиная съ самыхъ общихъ—«Задачи ботаники», «Вопросъ жизни», и переходя далѣе къ болѣе спеціальнымъ, напр., «Орхидеи». Но даже и въ такихъ лекціяхъ, напр., «Гёте, какъ ботаникъ», которыя, казалось бы, могутъ представить лишь болѣе частный интересъ, авторъ умѣлъ затрогивать самые общіе вопросы. Вслѣдствіе этого, основная черта всей книги это чрезвычайный интересъ, съ которымъ книга эта читается. Даже если большинство фактовъ вамъ знакомо, даже если въ томъ или другомъ отдѣлѣ ботаники вы являетесь и спеціалистомъ, все-таки трудно оторваться отъ чтенія этой превосходной книги, въ которой отдѣльныя части ботаники такъ ярко освѣщаются съ общей точки зрѣнія. Прибавимъ еще, что Конъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся ботаниковъ нашего времени и потому фактическая сторона не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ.

Что касается перевода, то надо признать его очень хорошимъ: языкъ перевода вполнѣ литературный, и это объясняется, конечно, тѣмъ, что книга переведена одной изъ лучшихъ переводчицъ. Внимательно прочитавъ большую часть «лекцій», мы почти не замѣтили какихъ-либо недосмотровъ по части перевода. Позволимъ себѣ только указать на то, что въ статьѣ «Ж.-Ж. Руссо, какъ ботаникъ» напрасно называть г-жу Варренсъ съ прибавкой частицы *фонъ*, такъ какъ Руссо («Confession») она именуется M-me *de*-Warrens. Такъ ее и по русски слѣдуетъ называть.

Проредактирована книга вполнѣ основательно; впрочемъ, какихъ-нибудь измѣненій въ русскомъ изданіи дѣлать не пришлось и книга издана возможно близко къ оргиналу.

Мы видимъ, что въ нашей бѣдной ботанической литературѣ книга Кона займетъ весьма почетное мѣсто. Пожелаемъ по этому «Растенію» возможно широкаго распространенія.

Книга издана весьма изящно, и потому цѣну нельзя назвать высокой.

Б. Федченко.

Гантшъ, профессоръ химіи въ Вюрцбургѣ. Краткое руководство къ стереохиміи съ дополнительною статьею А. Вернера, профессора цюрихскаго университета. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора М. И. Коновалова. Москва. 1903. XX+V+246. Цѣна 1 р. Стереохимія *) возникла изъ попытокъ найти объясненіе для тѣхъ случаевъ изомеріи органическихъ соединеній, которые съ точки зрѣнія такъ называемыхъ структурныхъ формулъ оставались непонятными. Идеи относительно зависимости этого рода изомеріи отъ молекулярной структуры соединеній впервые были высказаны еще Пастеромъ (въ 1861 г.) въ его классической работѣ: «О молекулярной диссиметріи органическихъ соединеній, встрѣчающихся въ природѣ», тѣмъ не менѣе основаніе современной стереохиміи было положено лишь въ серединѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія работами голландскаго химика Вантъ-Гоффа и французскаго—Ле-Беля, появившимися почти одновременно. Съ тѣхъ поръ развитіе стереохиміи шло чрезвычайно быстро. Разработкой основныхъ гипотезъ Ле-Беля и Вантъ-Гоффа занялись видные представители науки. Появилось много цѣнныхъ тоoретическихъ и экспериментальныхъ работъ, составляющихъ предметъ обширной спеціальной литературы. Въ настоящее время стереохимія, въ качествѣ самостоятельнаго отдѣла химическихъ знаній введена въ академическое

*) Stéréochimie—собственно химія въ пространствѣ, ученіе о пространственномъ распредѣленіи атомовъ въ химической молекулѣ.

преподаваніе въ большинствѣ западно-европейскихъ университетовъ. Въ русскихъ университетахъ вопросы стереохимической изомеріи излагаются пока лишь въ связи съ общимъ курсомъ органической химіи. Этимъ, можетъ быть, отчасти объясняется и бѣдность нашей учебно-химической литературы сочиненіями по стереохиміи. За исключеніемъ компиляціи г. Безрѣдка, изданной болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, и работъ, касающихся частныхъ вопросовъ стереохиміи, на русскомъ языкѣ по этому предмету ничего не имѣется. Мысль пополнить этотъ пробѣлъ переводомъ именно учебника проф. Гантша слѣдуетъ признать особенно удачною, такъ какъ эта книга, благодаря своимъ дидактическимъ достоинствамъ (критическому выбору матеріала, ясности и систематичности изложенія), является едва ли не лучшимъ руководствомъ для приступающихъ къ изученію стереохиміи. Несмотря на то, что учебникъ Гантша названъ краткимъ, въ немъ довольно подробно разсматриваются всѣ наиболѣе важныя теоріи и гипотезы, какъ относительно оптической, такъ и геометрической изомеріи углерода и азота, даются краткіе историческіе очерки по развитію и указывается весьма подробно литература предмета. Кромѣ того, къ французскому переводу книги, съ котораго сдѣланъ, между прочимъ, и русскій, прибавлена глава о стереохимической изомеріи неорганическихъ соединеній, написанная цюрихскимъ профессоромъ А. Вернеромъ. Русскій переводъ, какъ мы только что упомянули, сдѣланъ съ французскаго, изданнаго въ 1896 г.

О наиболѣе интересныхъ работахъ, появившихся съ того времени, редакціей русскаго перевода сдѣланы краткія указанія въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ текста. Переведена книга хорошо. Можно бы пожелать большей послѣдовательности въ передачѣ терминовъ и собственныхъ именъ. Переводчица въ одномъ случаѣ, напр., пишетъ *дву*гидрофталевая кислота, въ другомъ—*ди*бромянтарная, или: *дву*бромтоланъ и *ди*хлоркоричная кислота. Та и другая форма, положимъ, одинаково употребительны, но, для избѣжанія непріятной пестроты, лучше придерживаться какой-нибудь одной. Имя автора на заглавной страницѣ пишется—Ганчъ, а въ алфавитномъ указателѣ—Гантшъ и послѣднее написаніе намъ кажется болѣе правильнымъ. Затѣмъ, переводчица не могла, конечно, не знать, что буква М, поставленная передъ фамиліями во французскомъ языкѣ означаетъ «господинъ», и все-таки оставила ее безъ измѣненія и въ русскомъ текстѣ. Получился курьезъ. Все, это конечно, мелочи, которыя не умаляютъ достоинства перевода, сдѣланнаго вполнѣ толково и добросовѣстно.

Издана книга, какъ и всѣ изданія московской коммиссіи, прекрасно, и цѣна ея, принимая во вниманіе объемъ и внѣшность, можетъ быть названа даже дешевой. *Г. Б.*

Неорганическая химія (начальный курсъ). А. Реформатскаго, приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета. Москва. 1903 г. Цѣна 2 р. Настоящій учебникъ, какъ это видно изъ предисловія его автора, составленъ изъ лекцій, читанныхъ «въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы», и, повидимому, предназначается, главнымъ образомъ, для слушателей этихъ заведеній. И по расположенію учебнаго матеріала, и по нѣкоторымъ особенностямъ его изложенія, курсъ г. Реформатскаго значительно отличается отъ большинства руководствъ по неорганической химіи. Прежде всего, вся теоретическая часть курса вмѣстѣ съ періодической системой излагается во введеніи. Такое отступленіе отъ обычнаго порядка изложенія авторъ оправдываетъ педагогическимъ значеніемъ періодической системы. «Намъ всегда казалось,—говоритъ онъ въ предисловіи,—что признавая за періодической системой высокія научныя заслуги, различные авторы руководствъ по неорганической химіи, мало цѣнили ея педагогическое значеніе въ дѣлѣ болѣе связнаго и легкаго усвоенія химическаго матеріала». Мы не знаемъ, съ какой подготовкой слушателей автору приходится приходится имѣть дѣло при

изложеніи курса неорганической химіи, но въ виду того, что, напр., въ нашихъ гимназіяхъ химія не проходится, позволительно допустить, что и среди нихъ могутъ находиться лица, не имѣющія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній химіи. И можно сомнѣваться, чтобы для нихъ было облегченіемъ начинать изученіе химіи съ такихъ теоретическихъ обобщеній, сознательное усвоеніе которыхъ немыслимо безъ предварительной подготовки. Педагогическое значеніе періодической системы не подлежитъ сомнѣнію и, вопреки утвержденію автора, давно уже получило признаніе въ учебно-химической литературѣ. Покойный проф. Рихтеръ, напр., положилъ періодическую систему въ основу своего образцоваго учебника, но это нисколько не помѣшало ему сохранить строго индуктивный характеръ курса. Самый періодическій законъ излагается имъ лишь тогда, когда предполагается, что изучающимъ уже пріобрѣтенъ достаточный запасъ теоретическихъ и фактическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для его точнаго пониманія. И намъ кажется, что только при этомъ условіи, т.-е. при условіи точнаго и сознательнаго пониманія періодической системы отъ нея можно ожидать тѣхъ благотворныхъ въ педагогическомъ отношеніи результатовъ, о которыхъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ курса г. Реформатскаго слѣдуетъ отнести сжатость въ обработкѣ его описательной (спеціальной) части при ясности и научности ея изложенія. Авторъ устранилъ изъ нея весь, ненужный для начинающаго, баластъ фактическихъ подробностей, справедливо находя, что обогатиться ими всякій можетъ впослѣдствіи. Фактическій матеріалъ сгруппированъ такимъ образомъ, чтобы направить вниманіе изучающаго на уясненіе общихъ законностей, наблюдаемыхъ въ ряду сходственныхъ элементовъ. Экспериментальная иллюстрація излагаемаго очень удачна. Среди опытовъ и приборовъ, описываемыхъ въ курсѣ, есть много новыхъ и такихъ, которые, несмотря на представляемый ими интересъ и поучительность, въ большинствѣ учебниковъ обыкновенно не фигурируютъ. Таковы, напр. опыты и приборы для полученія фтора, брома, аргона, приборы для демонстраціи объемнаго состава амміака, для сожиганія фосфора въ кислородѣ подъ водой, описаніе и схематическій рисунокъ машины Линде, приборъ Анделя для открытія рудничнаго газа и др. Не лишены интереса и практическаго значенія для изучающаго также и приложенія, которыми снабжена книга.

Кромѣ таблицъ справочнаго характера, здѣсь помѣщены списки аппаратовъ и реактивовъ, необходимыхъ для начальныхъ занятій въ лабораторіи, а также указатель книгъ по теоретической и неорганической химіи на русскомъ языкѣ. Въ послѣднемъ есть кой-какіе недочеты. Такъ, совсѣмъ не указаны почему то книги по аналитической химіи, въ спискѣ «самыхъ краткихъ курсовъ по химіи въ элементарномъ изложеніи» не указанъ едва ли не лучшій изъ оригинальныхъ курсъ Григорьева, въ спискѣ книгъ полезныхъ при практическихъ занятіяхъ не упомянуто очень хорошее руководство Эрдмана; съ другой стороны въ перечнѣ книгъ изъ которыхъ «можно получить болѣе подробное ознакомленіе съ химіей» фигурируетъ почему-то натуръ-философія Оствальда, имѣющая лишь весьма отдаленное отношеніе къ химіи. Съ внѣшней стороны книга издана хорошо. Кромѣ 97 хорошо исполненныхъ рисунковъ въ текстѣ, къ ней приложены 7 портретовъ наиболѣе выдающихся химиковъ и снимокъ съ недавно воздвигнутаго въ Парижѣ памятника Лавуазье.

Резюмируя вышеизложенное, мы должны сказать, что «неорганическая химія» Реформатскаго можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ лишь для лицъ, уже обладающихъ элементарными свѣдѣніями по этой наукѣ; съ этой оговоркой она можетъ быть рекомендована и для цѣлей серьезнаго самообразованія.

Г. Б.

---

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го марта до 15-го апрѣля.

Г. Зудерманъ. Собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. Скирмунта. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Грантъ-Алленъ. Женщина, которая осмѣлилась. Изд. Вербицкой. Мск. Ц. 50 к.

С. Елпатьевскій. Въ кухнѣ. Изд. губ. земства. Вятка. 1901 г. Ц. 5 к.

Максимъ Горькій и всѣ «нынѣшніе». Сонъ скромнаго читателя. Поэма. Изд. «Знанія». Одесса. Ц. 20 к.

А. А. Апраксинъ. Большіе корабли. Ром. изъ петерб. высш. сферъ. Спб. Изд. Осипова. Ц. 1 р.

Ф. Боденштедтъ. Пѣсни Мирзы-Шаффи. Юрьевъ. Ц. 40 к.

П. А. Россіевъ. Безъ героевъ. Разсказы. Мск. Ц. 70 к.

Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Мск. Ц. 1 р. 80 к.

Семенъ Подъячевъ. Мытарства. Очерки моск. раб. дома. Изд. Раппъ и Потарова. Харьковъ. Ц. 25 к.

Н. А. Рубакинъ. Кораллы и люди. Харьковъ. Изд. то же. Ц. 10 к.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія и письма. Т. I. Изд. «Просвѣщенія». Спб. 1903 г.

К. Ломакинъ. Разсказы. Мск. 1903 г. Ц. 80 к.

Антеръ Павелъ Скуратовъ. Сказки, былины, легенды. Съ рис. худ. М. Ярового, П. Левченко и др.

А. М. Ѳедоровъ. Разсказы. Кн. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. И. Немировичъ-Данченко. Годъ войны. 3 тома. Изд. Сойкина. Ц. 4 р. 50 к.

Его же. У океана. 2 тома. Изд. Сойкина. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русскіе писатели въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Галлерея XIX вѣка. Ред. К. Л. Оленина. Изд. Г. Н. Каранта. Одесса. 1903 г. Ц. 6 р.

А. Столповская. «Проявленія упадка во Франціи. (По націон. источн.). Мск. Ц. 1 р. 1903 г.

Пр. Р. Випперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р. 35 к.

D-r E. Jaumann. Общепонятныя чтенія объ электричествѣ и свѣтѣ. Перев. А. А. Вохновичъ. Брянскъ. 1903 г. Ц. 3 р.

Проф. Г. Потонье. Палеонтологія растеній или палеофитологія. Екатеринославль. 1903 г. Ц. 1 р.

А. Коллонтай. Жизнь финляндскихъ рабочихъ. 1903 г. Спб. Ц. 2 р. 35 к.

Ф. Шершеневичъ. Учебникъ торговаг права. Изд. Башмакова. Казань. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Б. Механическая теорія стоимости и цѣнности. I. Трудъ. Харьковъ. 1903 г. Ц. 25 к.

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависсъ. Всеобщая исторія. Перев. Канчаловской. Мск. 1903 г. Ц. 35 к.

Н. П. Кильдюшевскій. Прямолинейная тригонометрія. Казань. Изд. Башмакова. 1903 г. Ц. 75 к.

Драго Войновичъ. Исторія сербскаго народа. Одесса. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Черкассовъ. Мозгъ и его дѣятельность. Мск. 1903 г. Ц. 30 к.

Ю. Н. Лавриновичъ. Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Максъ Нордау. Новая біологическая теорія преступленія. Перев. Малинина. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Густавъ Шмоллеръ. Происхожденіе, сущность и значеніе современной благотворительности. Перев. Малинина. Мск. Ц. 20 к.

М. Мельгунова. Страна пирамидъ. Мск. Изд. «Труда». 1903 г. Ц. 10 к.

Ея же. Въ римскомъ циркѣ. Мск. Изд. «Труда». 1903 г. Ц. 8 к.

Г. Ф. Липпсъ. Основы психофизики. Перев. Котляра. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Сигизмундъ Либровичъ. Неполомицкій царевичъ. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Германъ Зибенъ. Прогрессъ, какъ нравственная задача. Перев. съ нѣм. подъ ред. Булгакова. Изд. Таценко. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к. 1903 г.

Пр. В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ. 1903 г. Ц. 3 р.

П. Д. Первовъ. Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. Мск. 1903 г. Ц. 35 к.

В. Львовъ. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для воскр. и нач. школъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Гордѣевъ. Въ глуши родныхъ степей. 250 верстъ по Донской области. Спб. 1903 г.

М. Поляковъ. Сіонизмъ и евреи. Спб. 1903 г. Ц. 30 к.

П. И. Георгіевскій. Краткій учебникъ политической экономіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолусскій. Приход.

скія училища. Ц. 25 к. Министерскія училища. Ц. 25 к. Народныя училища. Ц. 75 к. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

В. Львовъ. Самоѣды. Мск. 1903 г Изд. «Труда». Ц. 15 к.

П. Лебедевъ. Будда, его жизнь и ученіе. Мск. Изд. «Труда». Ц. 10 к.

М. де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ человѣкъ и писатель. Перев. Михайлова. Одесса. Изд. Каранта. Ц. 30 к.

А. И. Введенскій. Литературныя характеристики. Спб. Изд. Мельникова. 1903 г. Ц. 2 р.

Ѳ. Батюшковъ. Разборъ книги. О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія. Спб. 1903 г.

Бороздинъ. Литературныя характеристики. Спб. Изд. Пирожникова. Ц. 1 р. 75 к.

Пр. Овсянико-Куликовскій. Н. В. Гоголь. Мск. 1903 г. Мск. 1903 г. Изд. «Вѣстн. Восп.». Ц. 1 р.

Эмиль Зола. Моя ненависть и др. публицист. очерки. Спб. Изд. ред. «Образованія». Ц. 1 р. 50 к.

Ст. Сухановъ. Символизмъ и Леонидъ Андреевъ, какъ его представитель. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

А. А. Малининъ. Въ защиту книги Vera «Одна за многихъ». Мск. 1903 Ц. 15 к.

П. С. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе. Вильна. 1903 г. Ц. 35 к.

Карменъ. Отвѣтъ Вѣрѣ. Одна изъ многихъ. Съ предисл. Altalena. Одесса. 1903 г. Ц. 15 к.

Бѣлиловскій и Гамалея. Чума въ Одессѣ. Одесса. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лемке. Думы журналиста. Спб. Изд. Пирожкова. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маркъ Твэнъ. Кружокъ смерти. Б—ка нашихъ дѣтей. Изд. Лавровой и Попова. Мск. Ц. 40 к.

Эрнстъ Сетонъ-Томпсонъ. Хромуша-медвѣжонокъ. Путешествіе дикой утки съ утятами по сухому пути. Мск. Б—ка для юношества и дѣтей подъ ред. Горбунова-Посадова. Ц. 25 к.

Его же. Лабо, король Коромпо. Ист. одного волка. Мск. Изд. то же. Ц. 15 к.

С. П. Порѣцкій. Давайте работать. Практ. руководство ко всевозможн. работамъ изъ бумаги, дерева, металла и проч. Мск. Изд. то же. Ц. 80 к.

Матеріалы къ вопросу о нуждахъ сельскохозяйств. промышленности въ Саратовской губ. Ц. 1 р.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Изд. А. И. Чукмалдиной. Моск. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стенографическій отчетъ засѣданій очередн. тверского губ. земск. собранія и сессіи 1901 года 1902 г.

Отчетъ тверской губ. земской управы за 1901 г.

Московскія городскія начальн. училища. Мск. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности орловскаго ссудосберег. т-ва за 1902 г. Вятка.

М. И. Козинцовъ. Князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ. Матер. для біографіи. 1903 г.

И. С. Вольманъ. Опека и попечительство. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

А. Ф. Никитинъ. Питаніе матросовъ пассажирскихъ пароходовъ рѣки Волги. Спб. 1903 г.

Отчетъ библіотеки о-ва взаимн. вспомоществов. приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. 1903 г.

Сельско-хоз. обзоръ Вятской губ. за 1902 г.

Отчетъ о-ва для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышл. и состоящ. при немъ моск. прядильн. ткацк. училища за 1902 годъ.

Столѣтіе юрьевскаго бывш. дерптскаго у-та. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1903 г.

Отчетъ м-ву земледѣлія и госуд. имуществъ. А. Н. Балакшина. Спб. 1903 г.

Педагогическіе курсы нижегородскаго губ. з-ва съ 4-го по 25-е іюня 1902 г.

Д. Языковъ. Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Его же. Граф. Параск. Ивановна Шереметева. Мск. 1903 г. Ц. 20 к.

Д-ръ Ганзеръ. Пьянство излѣчимая болѣзнь. Пер. врача Коровина. Мск. Ц. 20 к.

Б. А. Бродскій. Вліяніе одиннадцати-часового рабочаго дня на организмъ и на самочувствіе человѣка. Спб. Ц. 25 к.

Проф. Г. В. Хлопинъ. Гигіена городовъ. Юрьевъ. 1903 г. Ц. 50 к.

П. Г. Мижуевъ. Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Его же. Средняя школа въ Германіи. Изд. «Русской Школы». Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903 г.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Городскія, уѣздныя и маріинскія училища. Ц. 1 р. Испытанія на званія учителей. Ц. 1 р. Испытанія на званіе начальнаго учителя. Ц. 25 к. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1903 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Studies in Contemporary Biography» by James Bryce (Macmillan). 10 T. (Современные біографическіе очерки). Въ книгѣ заключается двадцать очерковъ, представляющихъ вполнѣ законченные портреты политическихъ дѣятелей, крупныхъ представителей духовенства, адвокатовъ, выдающихся писателей и др., съ которыми автору пришлось дѣйствовать совмѣстно на политическомъ поприщѣ или противъ которыхъ онъ сражался. Книга представляетъ интересный вкладъ въ біографическую литературу и читается съ интересомъ; она представляетъ очень яркое и образное изображеніе англійской политической жизни.

(Times).

«The Development of Modern Philosophy» by Robert Adamson. Two volumes; 18 s. (Blackwood). (Развитіе современной философіи). Въ первомъ томѣ этого изданія собраны лекціи покойнаго профессора, въ которыхъ можно прослѣдить его переходъ отъ неогегеліанизма къ эмпиризму или натурализму; во второмъ — двѣ лекціи о принципахъ психологіи и случайныя публичныя лекціи, читанныя авторомъ на философскія темы.

(Times).

«The Human Machine» by T. F. Nirbet (Grant Richards). 3 s. 6 d. (Человѣческая машина). Авторъ говоритъ, что человѣкъ представляетъ изъ себя весьма сложный механизмъ и всякая форма умственной, эмоціональной или чувственной дѣятельности человѣка сопровождается всегда извѣстною дѣятельною работой нервныхъ клѣтокъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ всѣ проявленія человѣческой дѣятельности и при этомъ старается объяснить заблужденія и ошибки человѣческаго ума и человѣческихъ учрежденій тѣмъ, что человѣкъ всегда можетъ дѣйствовать только въ одномъ направленіи, аргументы никогда не вліяютъ на его дѣйствія, и обращеніе къ разуму массъ совершенно безполезно, такъ какъ извѣстное предрасположеніе дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ. Вообще авторъ обнаруживаетъ слишкомъ большую склонность къ пессимистической философіи и хотя многіе его взгляды должны вызвать серьезныя возраженія, тѣмъ не менѣе его соціальная философія, которую онъ строитъ на своей матеріалистической точкѣ зрѣнія, не можетъ не возбудить вниманія образованныхъ читателей, интересующихся философскими вопросами.

(Times).

«Vorträge über Descendenz-theorie» gehalten an der Universität Freiburg von August Weismann (Gustav Fischer) Jena (Лекціи о теоріи происхожденія). Августъ Вейсманъ, на склонѣ дней своихъ излагаетъ въ этой книгѣ результаты своихъ работъ и своихъ изслѣдованій въ такой популярной формѣ, которая дѣлаетъ ее доступной широкому кругу читателей. Въ первомъ томѣ Вейсманъ знакомитъ читателей съ основными пунктами своего ученія, своими взглядами на приспособленіе и на принципъ подбора. Во второмъ томѣ онъ разсматриваетъ теорію наслѣдственности съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

(Berliner Tageblatt).

«Nerves in Disorder» by Alfred T. Schofield (Hodder and Stoughton). 3 s. 6 d (Нервы не въ порядкѣ). Очень полезная книга, выставляющая на видъ разницу между воображаемыми болѣзнями и болѣзнями, всецѣло зависящими отъ воображенія. Авторъ указываетъ, какимъ образомъ разстройство нервъ можетъ быть вылѣчено самовнушеніемъ и созданіемъ привычекъ, которыя могутъ направить безсознательную дѣятельность мозга на правильный путь.

(Daily News).

«Parliament: Postand Present» A popular and pictures Account of a Thousand Years in the Palace of Westminster» by Arnold Wright and Philip Smith. 7 s. 6 d. (Hutchinson and C°). (Парламентъ въ прошломъ и настоящемъ). Эта прекрасно написанная популярная исторія англійскаго парламента снабжена хорошими портретами парламентскихъ дѣятелей, прошлыхъ и настоящихъ и содержитъ въ себѣ описаніе различныхъ инресесныхъ фактовъ и подробностей парламентской процедуры.

(Daily News).

«Geschichte der Philosophie» in übersichtlicher Darstellung. Von prof. D-r Adolf Mannheimer. 1. Theil zweite umgearbeitete und erheblich vermehrte Auflage.

(*Neuer Frankfurter Verlag*). (*Исторія философіи въ краткомъ изложеніи*). Авторъ этой книги нѣсколько времени тому назадъ читалъ народныя лекціи о нѣкоторыхъ главахъ исторіи философіи и затѣмъ издалъ ихъ въ видѣ маленькой брошюрки, но второе изданіе уже разрослось въ большую книгу, такъ какъ авторъ прибавилъ довольно большое введеніе о сущности и задачахъ философіи и главу о философскомъ міровоззрѣніи индусовъ. Лекцію о греческой философіи онъ также расширилъ. Свою книгу авторъ предназначаетъ не для тѣхъ, кто спеціально занимается философіей, не для ученыхъ, а для большой публики, которую онъ старается познакомить съ исторіей развитія философіи и заинтересовать.

(Frankfurter Zeitung).

«*Books Fatal to their Authors*» *by P. H. Ditchfield* (*Elliott Stock*). (*Книги фатальныя для своихъ авторовъ*). Эта книга представляетъ какъ бы каталогъ преслѣдованій. Въ одной главѣ за другой авторъ методически разбираетъ тѣхъ, кто пострадалъ за свои произведенія, касающіяся богословія, свободомыслія, магіи, науки, политики и т. д. Онъ приводитъ также сатиры, драмы и поэтическія произведенія, авторы которыхъ подвергались преслѣдованію. Поэтъ, ученый и богословъ сталкиваются вмѣстѣ, какъ представители и защитники взглядовъ, навлекшихъ на нихъ преслѣдованіе. Но они стремились распространить эти взгляды среди своихъ современниковъ и, издавая книги, создавали себѣ враговъ въ лицѣ власть имущихъ людей, находившихъ эти взгляды несовмѣстимыми съ извѣстными условіями жизни. Само собою разумѣется, что больше всего возбуждали преслѣдованія разныя богословскія сочиненія и авторы ихъ часто подвергались обвиненію въ ереси. Такого рода книги, конечно, оказывались «фатальными» для своихъ авторовъ, которымъ даже иногда приходилось платить жизнью за чересчуръ большую смѣлость своихъ воззрѣній.

(Daily News).

«*Thoughts on some Social Questions*» *by Louisa Twining* (*Elliot Stock*). *1 s. 6 d.* (*Мысли о нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросахъ*). Авторъ говоритъ о прежней борьбѣ за реформу въ Англіи и тѣхъ временахъ, когда крайняя сантиментальность соединялась съ удивительною черствостью чувствъ и когда въ особенности ярко выразились характерныя черты націи. Эти воспоминанія автора, лично пережившаго многія стадіи борьбы, представляютъ не малый историческій и общественный интересъ.

(Daily News).

«*Ein Frauenproblem*» *von Georg Groddeck* (*G. G. Naumann*). *Leipzig* (*Проблема женщинъ*). Авторъ высказываетъ убѣжденіе, что мы идемъ на встрѣчу такому времени, когда женщина окончательно вытѣснитъ мужчину изъ занимаемаго имъ положенія носителя культуры. Условія современной жизни способствуютъ уничтоженію индивидуальности и мужественности европейцевъ; въ женщинѣ же дремлютъ непочатыя силы. Авторъ основываетъ свои утвержденія на ходѣ всемірной исторіи, съ одной стороны, а съ другой — на извѣстныхъ измѣненіяхъ человѣческаго рода, подъ вліяніемъ которыхъ женскій способъ мышленія, мягкость, сострадательность и чувствительность все рѣшительнѣе выступаютъ на мѣсто мужской рѣзкости и безвластѣнчивости. Чрезвычайно любопытны примѣры, которыми авторъ подкрѣпляетъ свои воззрѣнія, а также историческая часть его книги, указывающая на большую эрудицію автора.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Erde und das Leben*». *Eine vergleichende Erdkunde von prof. D-r Friedrich Ratzel. Leipzig* (*Bibliographisches Institut*). (*Земля и жизнь*). Этотъ новый трудъ извѣстнаго ученаго въ дѣйствительности представляетъ главное произведеніе новой географической литературы, такъ какъ авторъ воспользовался для своего труда всѣми новѣйшими изслѣдованіями и создалъ цѣлое, не оставляющее желать лучшаго относительно полноты матеріала и группировки добытыхъ научныхъ фактовъ.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Die Grenzen der Aesthetik*» *von Gerhard v. Keussler* (*Hermann Seemann*). *Leipzig* (*Границы эстетики*). Книга эта даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ не только поставилъ себѣ задачей опредѣлить границы эстетики, отдѣляющія ее отъ сосѣднихъ съ нею наукъ, но изучаетъ также ихъ взаимныя отношенія и устанавливаетъ положеніе эстетики въ системѣ наукъ. Книга написана такъ ясно и понятно, какъ немногія изъ научныхъ трудовъ и въ то же время представляетъ совершенно оригинальное изслѣдованіе. Она раздѣляется на три главныя части: первая болѣе относится къ наукамъ, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ эстетикѣ, нежели къ самой эстетикѣ. Въ этой части авторъ обнаруживаетъ громадныя познанія въ литературѣ предмета и критическій взглядъ на нее. Вторая часть изслѣдуетъ предметъ эстетики, а третья ея законы.

(Berliner Tageblatt.).

«*La vie privée d'autrefois*». *La vie de Paris sous Louis XVI, début du règne. Par Alfred Franklin. 3 fr. 50.* (*Частная жизнь въ прежнія времена*). Нравы, обычаи и моды парижанъ съ XV-го по XVIII-ый вѣкъ возникаютъ передъ глазами читателя въ живописной формѣ, въ этомъ сборникѣ, заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, ме-

муары одного молодого англичанина, пріѣхавшаго въ Парижъ въ эпоху первыхъ годовъ царствованія Людовика XVI.

(Journal des Débats).

«*The Poetry of Plants*» *by Hugh Macmillan (Isbister). 6 s.* (*Поэзія растеній*). Популярно написанныя ботаническія бесѣды о самыхъ распространенныхъ цвѣтахъ, богатыя содержаніемъ и оригинальными мыслями. Авторъ имѣетъ въ виду широкій кругъ читателей, въ которомъ онъ желаетъ пробудить любовь и интересъ къ природѣ..

(Daily News).

«*Volcanic Studies in Many Land*» *by Tempest Anderson. London* (*John Murray*). (*Вулканическія изслѣдованія въ разныхъ странахъ*). Авторъ этой интересной книги посвящаетъ свое вниманіе вулканическимъ явленіямъ, которыя за послѣднія двѣнадцать мѣсяцевъ особенно участились и указываютъ на необычайное усиленіе вулканической дѣятельности. Авторъ посѣтилъ, одну за другой, всѣ типичныя вулканическія области земного шара, подробно изслѣдовалъ ихъ, описалъ и фотографировалъ. Южно-итальянскій округъ, разумѣется, занимаетъ выдающееся мѣсто въ его описаніяхъ, а также Липарскіе острова, Этна, Исландія, Колорадо и гейзеры Іеллостонскаго парка. Трагическимъ событіямъ въ Вестъ-Индіи авторъ удѣляетъ, однако, не такъ много вниманія, но это потому, что книга его была уже готова, когда послѣдовало изверженіе на Мартиникѣ. Авторъ задержалъ ея выходъ и въ іюнѣ посѣтилъ оба острова, причемъ ему удалось даже снять фотографію съ Лысой горы во время изверженія.

(Bookseller).

«*Thirty Years in Australia*» *by M-rs Cross* (*Ada Cambridge*). *7 s. 6 d.* (*Methuen*). (*Тридцать лѣтъ въ Австраліи*). Въ высшей степени интересное описаніе жизни цѣлаго поколѣнія въ Австраліи. Авторъ разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться поселенцамъ въ Австраліи, описываетъ жизнь въ городахъ и жизнь на фермахъ и сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ, бросающихъ свѣтъ на развитіе и ростъ австралійскихъ колоній.

(Athaeneum).

«*25 Years in 17 prisons*» *by* «*№ 7*» (*Robinson and C°*). (*25 лѣтъ въ 17 тюрьмахъ*). Въ книгѣ заключается исторія жизни одного бывшаго каторжника, которая можетъ служить хорошею иллюстраціей тюремной системы и англійскихъ законовъ. «№ 7-й» написалъ очень интересную книгу, затрогивающую одну изъ самыхъ трудныхъ соціальныхъ проблемъ.

(Athaeneum).

«*Litterature and Life Studies*» *by W. D. Howells (Harper and Brothers).* (*Литература и жизнь*). Извѣстный американскій писатель рисуетъ въ этихъ живо написанныхъ и занимательныхъ очеркахъ отношеніе литературы къ жизни. Онъ говоритъ о тѣсной связи существующей между тою и другой, о литераторѣ, какъ о дѣловомъ человѣкѣ, объ издателяхъ и ихъ отношеніи къ молодымъ сотрудникамъ и вообще о всѣхъ вопросахъ, касающихся литературной профессіи.

(Athaeneum).

«*Christianity and Modern Civilization*» *by William Samuel Lilly. London* (*Chapman and Hall*). Авторъ обсуждаетъ вліяніе христіанства на современную цивилизацію съ безпристрастіемъ историка, ищущаго въ прошломъ данныхъ для разрѣшенія проблемъ настоящаго.

(Daily News).

«*Tuskegee: its Story and Work*» *by Max Beunett Thrasher. Witti an introduction by Bocker Washington* (*Small, Magnard and C°*). (*Тускеги: его исторія и дѣятельность*). Въ этой книгѣ описывается нормальная школа для негровъ, директоромъ которой состоитъ Букеръ Вашингтонъ. Сотни мужчинъ и женщинъ выходятъ ежегодно изъ этого учебнаго заведенія и способствуютъ распространенію свѣта и знанія среди своихъ соплеменниковъ негровъ. Обученіе въ Тускеги носитъ, главнымъ образомъ, практическій характеръ, причемъ, однако, обращается огромное вниманіе на нравственное воспитаніе. Авторъ упомянутой книги знакомитъ читателей съ дѣятельностью этого, въ своемъ родѣ замѣчательнаго, воспитательнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью поднять нравственный и умственный уровень чернокожихъ гражданъ великой сѣверной республики.

(Daily News).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.12
no. 5
May 1903

AP 50 Mir Bozhii
.M67
v.12
no. 5
May 1903
THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY